

АКАДЕМИЯ НАУК СССР • ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДИСЦИПЛИНЫ**

**СБОРНИК
СТАТЕЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1987 • ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Декабрь 1936 г.

Непременный секретарь академик *Н. Горбунов*

Редактор издания академик А. С. Орлов

Технический редактор Л. А. Федоров. — Ученый корректор В. А. Заветновский

Сдано в набор 23 ноября 1935 г. — Подписано к печати 15 декабря 1936 г.

4 нен. + 436 стр. + 14 табл.

Формат бум. 72×110 см. — 29 $\frac{6}{8}$ печ. л. — 44180 тип. зн. в печ. л. — 30.37 уч.-авт. л.

Тираж 1175

Ленгорлит № 27613. — АНИ № 952. — Заказ № 3048

Типография Академии Наук СССР, Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

О Т Р Е Д А К Ц И И

Вспомогательные исторические дисциплины — палеография, дипломатика, сфрагистика, нумизматика и т. д., то есть те «малые» науки, задачей которых считается изучение некоторых специфических групп исторических источников, исследование памятников с материально-технической стороны и, в результате, обогащение историографического синтеза дополнительными фактами, эти науки представляют доныне один из отсталых участков исторического фронта. По ним и в прошлом мало работ, да и современные не освободились еще от старых традиций.

Между тем именно сейчас, когда и решением ЦК ВКП(б) и замечаниями тт. Сталина, Жданова и Кирова — перед историками нашей страны поставлена задача изучения фактов, а не схем или общих суждений, отходящих от полноты исторических фактов, вспомогательные исторические дисциплины приобретают должную значимость. Зависимости от устарелых историографических схем и концепций наши историки не могут избежать, не обращаясь непосредственно к первоисточнику, а это иногда невозможно и никогда полностью не достижимо без использования особых технических методов и специфических данных, какими обладают вспомогательные исторические дисциплины.

С этой точки зрения представляется вполне своевременным и небесполезным поднять интерес к этим дисциплинам, в чем и заключается цель настоящего сборника.

Вошедшие в него статьи еще не достигают высокого научного уровня в смысле проникновения марксистской методологией, но по значимости их фактического материала и по педагогическому значению его специальной обработки сборник не лишен ценности и может быть полезен.

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ВАВИЛОНСКОГО ЧАСТНО-ПРАВОВОГО АКТА

А. П. РИФТИН

Классовое общество возникло в Месопотамии в эпохи, предшествующие третьему тысячелетию до н. э. и к началу указанного тысячелетия достигло относительно высокой ступени развития. Оно вызвало к жизни систему частно-правовых отношений и обусловило также быстрое развитие письма.

На основании анализа юридических терминов, дошедших до нас из третьего тысячелетия, как, напр., шум. «máš» 'козленок' → 'процент', «ib-ta-è-a» 'он вывел' → 'арендовал (землю)' и ряда других, мы можем предположить, что первоначально объектом частно-правовых отношений в те отдаленные от нас эпохи было лишь движимое имущество, а следовательно недвижимое имущество вошло в оборот позднее, как результат дальнейшего развития экономики на более высокой ступени развития общества. И не подлежит никакому сомнению, что все эти частно-правовые сделки совершались устно перед свидетелями, как это имело место еще в третьем тысячелетии, а для купли-продажи движимого имущества, кроме рабов, было общим правилом и для последующих столетий.

Однако, развитие экономики и права, в частности — в связи с вхождением в оборот недвижимого имущества, повидимому еще до начала третьего тысячелетия обусловили потребность и обычай фиксировать письменно заключение правовой сделки.¹

Древнейшие из известных мне документов — купчие² — восходят к первой четверти третьего тысячелетия и были найдены в Лагаше и Шуруппаке.³

¹ San Nicolò, Beiträge, стр. 4.

² До начала первой вавилонской династии мне доступны лишь документы шумерийского юга Вавилонии, который имел ведущее значение в жизни Месопотамии третьего тысячелетия и ранее и под влиянием которого находился семитический север.

³ Для Лагаша см., напр., VS XIV №№ 141 и 144; RTC № 16—18; для Шуруппака RTC, № 13—15 и Deimel Wirtschaftstexte aus Fara, №№ 30—42.

Вот, например, купчая из Лагаша, изданная в VS XIV № 144.¹

Лиц. I	1	1. igi-nu-du ₃	Одного «igi-nudu»
	2	nigìn-mud	у Niginmud,
	3	nu-sar-šè	садовника,
	4	bár-nam-tar-ra	Barnamtarra
	5	e-šè-šám	купила
II	1	nig-šám-ma-ni	Его (продавца) цену,
	kù	15 gín-kam	15 сиклей серебра
	2	nigìn-mud	Niginmud' y,
	3	nu-sar-ra	садовнику,
	4	bár-nam-ta[r-r]a	Barnamtarra
	5	e-na-lá	отвесила

Об. III₁ — IV₂ — перечень 5 лиц с обозначением их должностей

3 lú-ki-inim-ma-bi-me Это — свидетели.

6 (год Lugalanda)

В других купчих бывает иная схема, а именно: на первом месте стоит цена объекта² или покупатель,³ свидетели в середине, а покупатель в конце акта.²

В доступной мне литературе я не встретил указаний относительно происхождения формуляра этих древнейших документов. Я считаю, однако, что происхождение это может быть выяснено, если мы обратимся к документам храмовой и дворцовой отчетности. Последние нам хорошо известны не только из эпохи современной древнейшим купчим, но из еще более ранних эпох, входящих уже в четвертое тысячелетие до н. э.⁴ Обследование их форм, современных нашим купчим, показывает, что из лагашских документов, касающихся расхода, — а эти есть ведущая разновидность форм отчетности,⁵ — можно установить схему, которая лежит в основе всех расходных форм отчетности, подчеркивающих ответственность производящего расход.

¹ См. ZA XXXI, стр. 163 и сл.

² См., напр., указанные купчие из Шуруппака.

³ См. RTC № 17.

⁴ См. ОЕСТ VII.

⁵ О том любопытном факте, что отчетность во всем третьем тысячелетии и далее в эпоху первой вавилонской династии есть по преимуществу отчетность расхода, см. мою печатающуюся работу о старовавилонских документах. Здесь я не вхожу в подробности рассмотрения вариантов, которые приводятся ниже, так как считаю, что для моей задачи это не имеет значения.

В качестве образца я беру лучше изученные документы из Лагаша, современные кунчим, простейшего типа, фиксирующие выдачу чего-либо одному лицу. На основании таких документов составлялись уже сводные, охватывавшие расход больших количеств одного или различных объектов за различные промежутки времени и с перечнем многих лиц. Но и в этих документах схема по существу та же самая, что и в простейших, равно как та же схема лежит в основе документов, фиксирующих выдачу содержания из храма и дворца многим лицам. Отмечу, что документы отчетности из Шуруппака дают более примитивную схему, чем документы из Лагаша, а поэтому, несомненно, древнее эпохи Лугаланды-Урукагины.

Вот перевод и транскрипция VS XIV № 4:

Л. I 1 21 še gur sag-gál	21 гур sag-gál ячменя
— še numun še	семена (и) ячмень
— anšu kú-dè	для прокорма ослов
II 1 á-ni-kur-ra	Anikurr'e
2 sag-apin-ra	пахарю
3 itu gud-du-ne-sar-a	в месяц Guddunesar
О. I 1 en-ig-gal	Eniggal
2 nu-banda	управляющий
3 ganun-bíl-ta	из нового амбара
4 e-na-ta-gar	выдал ему.

В этом документе — а таких десятки — на первом месте, естественно, стоит объект расхода и его определения. На втором — лицо, получающее объект, на третьем — лицо, производящее расход, и на четвертом — обозначение самого акта выдачи. Вариантом столь же частым, как и первая форма, является следующий текст, в котором переставлены второй и третий пункты схемы: сначала стоит производящий расход, а после него получающий. Беру в качестве образца VS XIV № 27:

Л. I ₁ — II ₁ перечень объектов выдачи	
2 En-ig-gal	Eniggal
3 nu-banda	управляющий
4 Lugal-gab	Lugal-gab'y
5 guda ^a ba-ba ₆	жрецу для помазании ^a Baba
О. I ₁ e-na-sum	отдал ему.

Нетрудно убедиться, что следующая запись есть лишь разновидность предыдущей. Она опубликована только в транскрипции с примечаниями у Deimel ŠGr., стр. 173 (VAT 4434). Ср. также Никольский, Древности, III, 2, № 293.

Л. I 1 10 gín kù-luh-ha	10 сиклей чистого серебра
2 I gán še-sar-a	1 ikù поля, засеянного ячменем,
3 — II ₄ — перечень различных продуктов	
5 níg-šam	цена
III 1 lugal-níg-ga-ni(?)	Lugalniggani ?
2 gala-kam	храмового певца,
3 bár-nam-tar-ra	Barnamtarra
O. IV 1 dam-lugal-an-da	жена Lugalanda
2 ensi lagaš ^{ki} -ka-gé	правителя Lagaš'a
V 1 ne-sag	Nesag'y
2 ab-ba-ni	его отцу
3 é-gal-ta	из дворца
4 e-na-sum	отдала ему

6 (год Lugalanda).

И в этом крайне важном для нас документе на первом месте стоит объект расхода с его определением (цена Л.), далее лицо, производящее расход, затем получатель и, наконец, название акта выдачи. Из самого существа дела, постановки отчетности в большом учреждении, каким являются храм и дворец, оперировавшие большими массами различных объектов и большим количеством людей в своей хозяйственной деятельности при постоянстве статей расхода, вытекают основные черты схемы документа. Так как центр тяжести лежал на объекте, то он стоит в начале документа. В силу того, что производящий расход несет ответственность, он подчеркнут в акте выдачи, он является главным действующим лицом. Из того, что ведение отчетности было сосредоточено в руках писцов, было оторвано от лиц, производящих расход, вытекает и объективная стилизация документа: он написан от третьего лица, объективно.

Если сопоставить указанные выше формы расходной отчетности с приведенной ранее купчей и подобными ей по схеме, то, мне кажется, не остается сомнений в том, что исходным моментом для построения формуляра купчих послужили именно эти формы отчетности. Но и те купчие, которые имеют в начале цену объекта, а не обозначение самого объекта, восходят, как это показывает запись купчей сделки VAT 4434, по существу к той же схеме.¹

Являясь лишь исходным моментом, при оформлении купчей сделки схема меняется, приобретает клаузуальный состав, характерный для этой

¹ В купчих из Шуруппака, недостаточно еще изученных, только № 31 издания Deimel'я приближается несколько по схеме к купчим из Лагаша, так как в этом документе

категории сделок. Естественно, что существует сразу же несколько вариантов, — в начале объект, цена или покупатель, — указывающих на приспособление, на жизнь в новой функции. Естественно также, что эти варианты существуют долгое время не только между различными городами, но и в пределах одного и того же Лагаша, например, и касаются, понятно, и всех остальных клаузул купчих. Единообразие наступает только во время третьей династии Ура, и купчие этой эпохи, несмотря на наличие новых клаузул, возникших в результате развития права и экономики, объективно стилизованы, имеют объект на первом месте, подчеркивают роль покупателя, точно также как и в эпоху первой вавилонской династии.¹

Одновременно я считаю, что документы отчетности, фиксирующие выдачу, за которую несет ответственность берущий, стали исходным моментом для построения заемных. Простейшую форму таких документов отчетности мы находим, например, в VSXIV 83, Никольский, Древности, III, 2, № 127 и *passim*. Схема этих документов такова: 1) название объекта, 2) имя берущего, 3) обозначение действия (взял). Она, несомненно, лежит в основе заемных, например, третьей династии Ура² и более поздних эпох, где объект стоит на первом месте, должник выступает как действующее лицо, а обозначение действия на последнем месте.

По существу мы имеем дело с теми же чертами отчетного документа, который лег в основу формуляра купчих. Необходимо прибавить, что с течением времени эта схема, повидимому, из купчих и заемных была распространена на все категории частно-правовых документов, которые и сохранили ее вплоть до нововавилонского времени.

Для того чтобы правовой документ, сохраняя объективность стилизации и будучи составлен с точки зрения приобретателя прав или вещи, в то же время мог стать документом, удостоверяющим обязательство другой стороны, в состав акта прежде всего включается указание на свидетелей сделки.

на первом месте стоит цена объекта, далее следуют продавец и покупатель, а на последнем месте стоят свидетели. Все же остальные документы, как правило, построены так: на первом месте цена объекта, далее продавец и его родичи, получающие вознаграждение, затем свидетели, после которых стоит иногда писец, получающий некоторую плату, и, наконец, покупатель. После имени покупателя в некоторых купчих стоит пометка: «bal NN», которую я, следуя Thureau-Dangin RTC, стр. 11, понимаю как 'время правления NN' и вижу в ней дату. Интерпретация «bal», предложенная Deimel в LAK, стр. 3, мне кажется мало вероятной. Исключительная законичность купчих из Шураппака стоит в тесной связи с неразвитой еще формой отчетности из этого же города. Я считаю, однако, что как и в Лагаше, схема отчетности и здесь лежит в основе купчих, ибо объясняет постановку цены объекта на первом месте и объективный характер документа и т. д.

¹ См. San Nicolò, SAKT, стр. 34 и сл.

² См., напр., Huber Hilp. An. Vol., стр. 199 и сл.

Если вспомнить, что дата имелась уже в документах отчетности, то, собственно, присоединение свидетелей и дает нам основную схему акта.¹ Частно-правовой документ, с чертами, о которых мы говорили выше, может быть охарактеризован как объективно стилизованный реферат о сделке перед свидетелями.²

Следует указать, однако, что в эпоху третьей династии Ура письменное фиксирование сделки еще не было обязательным и не было еще выработано специальных форм документа, кроме, пожалуй, купчих и заемных. Если возникала потребность, в силу тех или иных причин, подтвердить и удостоверить сделку, заключенную устно перед свидетелями, то это происходило перед судьями и фиксировалось в форме документа, носившего название «*di-tilla*» 'решенное правовое дело'.³

Десятки таких «*di-tilla*» дошли до нас от этой эпохи. Повидимому, дифференциация отдельных типов документа, выработка терминологии⁴ происходит в эпоху династии Иссины и Ларсы, и в начале первой вавилонской династии перед нами встает совершенно законченная и выработанная система договора. Отдельные категории договоров четко отграничены друга от друга по правовым признакам. Эти документы свидетельствуют об очень развитой системе права, о высоко стоящей юридической технике, о специальных юридических познаниях юристов.⁵ Все это вместе взятое — результат широ-

¹ Приложение печати не было обязательным ни в эту эпоху, ни позднее

² San Nicolò, Beiträge, стр. 151.

³ См. Koschaker, RSGH, стр. 154, прим. 14.

⁴ Терминология договоров, происходящих из юга Вавилонии в эпоху первой династии, отличается в некоторых случаях от терминологии северновавилонских. Ср. «*kipitum*» — 'беспроцентный заем' — на юге, «*hubutatum*» в том же значении — главным образом на севере, далее «*tappilatum*» 'доплата (при мене)' — на юге, «*nipilatum*» 'доплата' — на севере. Кроме того, терминология К. Ц. не всегда совпадает с терминологией документов или иногда совпадает с северными, а иногда с южными. Публикуемые мною теперь документы этой эпохи приносят кое-что новое в этом отношении. Я имею в виду термин «*zibullû*» 'свадебный подарок' (отцу невесты со стороны жениха), который впервые встретился в документах первой династии К. Ц.; в этом же значении употребляет термин «*biblum*», см. стр. 11 настоящего издания. Далее «*ina kâti šabâtû*» 'схватить в руке (кого-либо краденое)' встречалось только в К. Ц., документы же давали «*ina kâti kašâdu*». Изданный мною документ из Ларсы времени Rim-Sin'a (см. Сборник в честь акад. С. Ф. Ольденбурга, стр. 437 и сл.), т. е. до составления К. Ц., употребляет тот же термин, что и К. Ц. Последний, как это доказал Koschaker в RSGH, объединил две системы права — южную шумерийскую и северную — семитическую, поэтому терминология и того и другого права оказалась собранной в кодекс. См. теперь также интересную работу Oppenheim'a в WZKM, XL, стр. 181 и сл.

⁵ San Nicolò, Beiträge, стр. 176. Повидимому, в эту эпоху была создана и юридическая серия «*ana ittišu*» (Landsberger y Eilers в OLZ, 1931, Sp. 925 и Anm. 3.), содержавшая правовые обороты и клаузулы договоров в помощь писцам, правовые познания которых, повидимому, не отличались особенной глубиной. Как показывает, однако, законодательная деятельность царей, в особенности же составление К. Ц., в окружении царя находились специалисты-юристы. См. San Nicolò, цит. соч., стр. 111 и сл.

кого и оживленного обмена между отдельными городами и частями государства, возникновение многочисленных кредитных операций, развития ростовщичества, широкого отчуждения недвижимого имущества и. т. д. в рамках классового общества этой эпохи, великолепным памятником которого является кодекс законов, составленный при Хаммураби.²

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Deimel. Šum. Gr. — Deimel Šumerische Grammatik. Roma, 1924.

Deimel. Wirtschaftstexte aus Fara. Leipzig, 1924 (45. Wissenschaftliche Veröffentlichung d. Deutschen Orient-Gesellschaft).

Huber, Hilpr. An. Vol. — Huber, Die altbabylonischen Darlehnstexte aus der Nippur-Sammlung usw. (Hilprecht Anniversary Volume. Leipzig, 1909).

К. Н. — Кодекс Хаммураби (Hammurapi).

Koschaker RSGH — Koschaker, Rechtsvergleichende Studien zur Gesetzgebung Hammurapi, 1917.

Никольский, Древности — Никольский. Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи (Древности Восточные, т. 3, вып. 2. Петербург, 1908).

OECT — Langdon, Pictographic Inscriptions from Jemdet Nasr (Oxford editions of Cuneiform Texts, VII, 1928).

OLZ — Orientalische Literaturzeitung.

RTC — Thureau-Dangin, Recueil de Tablettes Chaldéennes. Paris, 1903.

VS — Vorderasiatische Schriftdenkmäler.

WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.

ZA — Zeitschrift für Assyriologie.

A. RIFTIN. THE ORIGIN OF THE BABYLONIAN PRIVATE OWNERSHIP DOCUMENTS

SUMMARY

The rise of the class society in Mesopotamia called into existence a thorough system of private ownership relations, and caused a rapid development of writing. Originally, contracts were concluded orally, before witnesses, later on, along with the further development of economy and right, and particularly with the coming into currency of immovable property, it became necessary, and customary, to fix the conclusion of a law-contract in writing.

The most ancient documents — title-deeds — go back to the first quarter of the third millenium; they were found at Shuruppek and at Lagash. The schemes of these documents vary, and their origin has not yet been set clear.

² Данные для социально-экономической характеристики этой и предшествующих эпох см. в работах Струве (в Изв. ГАИМК, вып. 77 и 97, Лгр., 1934, в Сборник в честь акад. С. Ф. Ольденбурга, стр. 495 и сл.), где привлечены обширные материалы и литература. Я считаю, что автору удалось поколебать теорию феодализма на почве древнего Востока и привести данные, говорящие о большем значении рабства, чем это предполагалось раньше.

In the present paper, an attempt is made to make out the origin of these schemes, basing on the analysis of schemes of account documents of temple and palace. Out of the account documents of Lagash, a group could possibly be distinguished, that would state the expense in anything, and would lay stress on the responsibility of the person who made expense. All these documentes were shaped according to such a kind of scheme: 1. Object of expense. 2. Designation of recipient. 3. Designation of the giver. 4. Denomination of the act of giving. Another variant would place item 2,3 in a reverse manner. The main features of the scheme of document had their source in the very essence of the business accounting in a large establishments, of the kind of temple and palace. As the main weight was given to object, it was placed in the beginning of a document. So far as, the person who made expense bore responsibility for it, he was underlined in the act of giving as being the main actor. The accounting was concentrated in hands of scribes, and was, thus, put away from persons who made expenses; herefrom we have the objectivity of the document style: it is written in the 3^d person.

The comparison of the features of account documents, and title-deeds, above mentioned, doesn't leave any doubt in the fact that the formation of title-deeds had its origin namely in those forms of accountings. Serving as a starting point for the formation of the title-deeds, the scheme was changed, acquiring the structure, characteristic for this category of contracts. Naturally there existed several variants at once, and this points to a certain adaption of schemes, and the life in new function. The uniformity came only towards the time of the third dynasty of Ur. Apparently, loan-documents assend to that scheme of account documents in which the responsibility of the recipient is underlined. If we should bear in mind that the date was already present in the account documents, then, the addition of witnesses would give us the proper scheme of a private document which, according to San Nicolò, could be characterized as an objectively styled review of a deed before witnesses.

Evidently in the course of time, the scheme was spread from title- and loan-deeds, upon all the categories of private ownership documents. The process of differentiation of the distinct types of documents took place in the time of Isin and Larsa dynasties, and towards the beginning of the first Babylonian dynasty, we have a perfectly completed and elaborate system of contract.

ПРОЦЕСС О СВАДЕБНОМ ПОДАРКЕ ВРЕМЕНИ
SAMSUILUNA ИЗ SIPPAR'A

А. П. РИФТИН

Параграф 160 кодекса Хаммурапи гласит:

šum-ma a-we-lum	если кто-либо
a-na bit e-mi-im	в дом (будущего) тестя
bi-ib-lam	'biblum'
ú-ša-bi-il	прислал
tir-ḥa-tam	'tirhâtum'
id-di-in-ma	отдал, и затем
a-bi mâr-tim	отец дочери:
mârti ú-ul a-na-ad-di-ik-kum	'мою дочь я не отдам тебе',
ik-ta-bi	скажет,
mi-im-ma ma-la	то все, что
ib-ba-ab-lu-šum	принесено ему,
uš-ta-ša-an-na-ma	он удвоит и
ú-ta-ar	возвратит.

Обстоятельные исследования Р. Koschaker¹а, посвященные старовавилонскому брачному праву,¹ выяснили, что 'biblum' в К. Н. обозначает 'Brautwerbungsgeschenk', а 'tirhâtum' — 'Brautpreis'. Из §§ 159—161, в которых встречаются 'biblum' и 'tirhâtum' следует, что бракосочетанию предшествовал акт, который заключался в передаче женихом отцу невесты подарка за невесту и цены за нее. Этот акт является помолвкой, как совершенно правильно указал упомянутый мною исследователь. Вместе с тем документы этой же эпохи показывают, что 'tirhâtum' могло быть передано и непосредственно при бракосочетании. И в том и в другом случаях перед нами характерные черты брака купли-продажи. После передачи 'tirhâtum'

¹ Paul Koschaker. Rechtsvergleichende Studien zur Gesetzgebung Hammurapis. Leipzig, 1917, S. 130 ff.

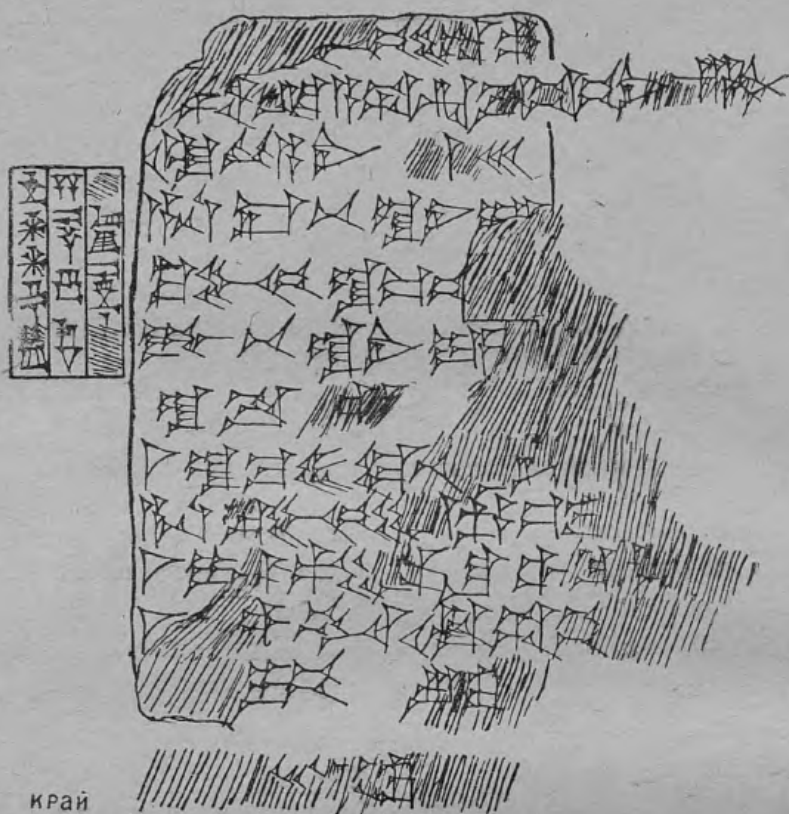

Рис. 1. Лицевая сторона.

невеста называлась 'aššatum' 'жена', жених 'bēl aššatim' 'господин жены', отец невесты 'emum' 'тесть', хотя бракосочетания могло еще и не быть. В противоположность 'tirhātum', встречающегося нам не только в К.Н., но и в документах,¹ термин 'biblum' до сих пор в документах, насколько они мне доступны, не встречается. Выражение 'biblam šūbulu' 'заставит принести' 'прислать подарок' показывает, что подарок за невесту мог, по-видимому, состоять и из различных вещей, а не только денег, в то время как 'tirhātum' давалось в деньгах.² Из текста §§ 159—161 следует также, что 'biblum' давалось только до бракосочетания. Как мы увидим ниже, при помолвке составлялся документ, в котором контрагентами выступали жених и отец невесты. Этот документ фиксировал передачу подарка и цены

¹ Для эпохи I вав. династии см., например: Meissner BAP, № 88 = VS, VIII, 92, 8; № 90, 8; № 109, 10; CT, IV, 18^b, 13; VIII, 2^a, RS, 1; 7^b, 9; XXXIII, 34, 9; VS, VIII, № 4—5, 11; IX, № 192, 9; BE, VI₁ № 84, 40; № 101, 20, AJSL, XXIX, 196 obv. 2; XXX, 63, obv. 7.

² См. указанные выше цитаты.

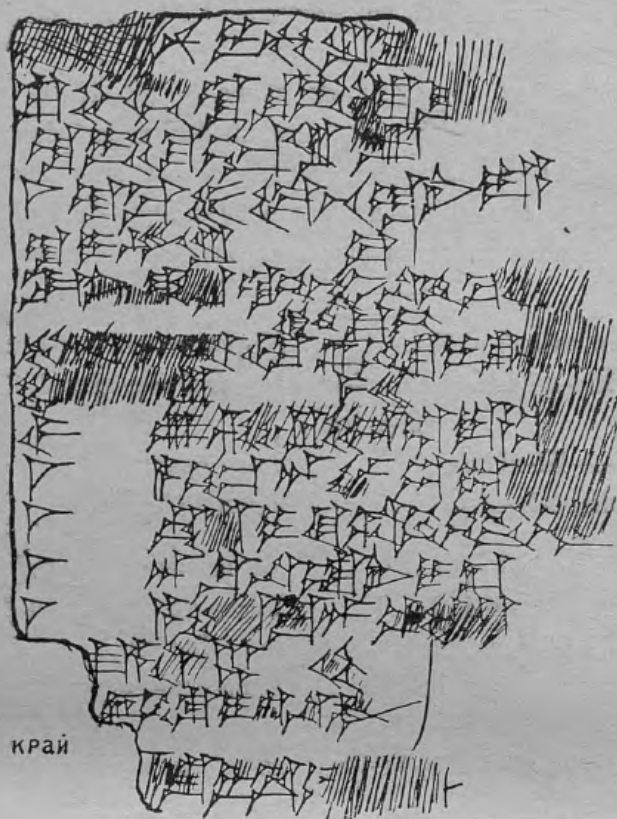

Рис. 2. Обратная сторона.

невесты со стороны жениха и обязательство отца невесты выдать последнюю. Как указал Koschaker, помолвка представляет собою своеобразную кредитную сделку, в которой кредитором выступает жених.¹ Согласно §§ 159—161 оба контрагента могли расторгнуть помолвку. В этом случае жених терял 'biblum' и 'tirhâtum', если он отказывался от заключения брака, а отец невесты должен был в удвоенном размере возратить полученное, если он отказывался выдать свою дочь жениху.

Необходимо указать, что термин 'biblum' встречается также в так называемых ассирийских законах в § 30 параллельно с термином 'zubullû',² который далее употребляется уже самостоятельно с тем же значением, что и 'biblum', т. е. 'подарок отцу за невесту'. Koschaker³ пришел к выводу,

¹ См. Koschaker, цит. соч., стр. 138 сл.

² См. Schroeder KAV, № 1, VS IV, 21 bi-ib-la it-ta-bal (zubullû) iz-zi-bi-el. Дополнить zubullû по Ehelolf, Ein altassyrisches Rechtsbuch, стр. 31, § 30.

³ MVAG, 1921, 3, стр. 42 сл.

что 'biblum' является глоссой под влиянием К. Н., а 'zubullû' — ассирийским термином.

Иллюстрацией к приведенному выше § 160 К. Н. является один неопубликованный еще документ, хранящийся в собрании клинописных памятников Института книги, документа, письма Академии Наук СССР.¹ Он датирован 10 г. Samsuiluna и происходит из Sippar'a. Привожу его автографию (см. рисунок), транскрипцию и перевод с примечаниями:

- Л. 1) [aš-šum zu-bu]-ul-li-e [Относительно дара за] невесту,
[š]a ^dsin-a-ša-ri-id ša-pí-ir который Sin-ašarid, šāpir mātīm,
ma-a-tīm
ù ŠES-A-NI-MEŠ и его братья
a-na bīt be-la-ni-ja в дом Bêlânija
- 5) zu-bu-ul-la iz-bi-[lu...] дар за невесту прин[ес(ли)]
mârtam be-la-ni-ja [...] После того как дочь Bêlânija [...]]
la id-d[i-i]š-[šum-ma] не отд[ал ему],
¹la-ma-sum aššat be-[l]a- Lâmassum, жену Bê[l]ân[i]ja,
[ni-ja]
a-na zu-bu-ul-li-e iṣ-ba-[tu] из-за дара за невесту он(и) схва-
[ти(ли)].
- 10) ¹i-na-pa-li-šu mu'irrum Ina-palêšu, mu'irrum,
¹[a]-wi-il-ištar ša-pí-[rum] Awêl-Ištar, šāpirum,
[¹]i-bi-^dsin Ibi-Sin
- к. [ù.....] [и.....]
- О. [a-wa-ti-šu]-nu i-mu-ru-ma [дело и]х рассмотрели и затем
- 15) zu-bu-ul-la-šu i-p[u]-lu-šu его дар за невесту возместили ем[у].
[-um]
la i-tu-ur-ru-ú В том, что (по этому делу) они не
возвратятся,
¹la-ma-sum aššat be-la-ni-ja против Lâmassum, жены Bêlânija,
la i-gi-ru-ma не будут вести процесса —
ka-ni-ik-šu la-bi-rum in-na- (буде) его старший документ объ-
am-ma-a[r] лвится,

¹ Вместе с другими документами первой вавилонской династии, хранящимися в собрании указанного института, Эрмитажа и Московского Музея изобразительных искусств, входит в состав публикации, которая в ближайшем будущем выйдет в издании Института.

20) iḥ-ḥi-i-p-pí	(то) он должен быть разбит —
MU ^a šamaš ^a marduk ù sa-am-	Šamaš'om, Marduk'om и царем Sam-
su-i-lu-[na šarri]	suiluna
IN - [P]À(D) - MEŠ	они поклялись.
maḥar ú-zi-el-li-um mâr a[...]	Перед Uzi-ellum, сыном А [...]
I a-pil- ^a adad dupsar	I Apil-Adad, писцом,
I ^a sin-i-ḳí-ša-am...	I Sin-iḳišam...
I ilu-šu-na-ši-ir mâr bîtim	I Ilušu-nâsir, mâr bîtim
I a-b[u]-ki-ma-ilum...	I Abu-kîma-ilum...
[warah] šabâtîm ûm 5 kam	[Месяц] Šabât, день 5.
[MU] sa-am-su-i-lu-na LUGAL	[год] царь Samsuiluna
[UGN]IM i-da-m[a-ra-a]z	[войс]ко Idamaraz.

Печать

- ¹ [^a]sin-a-ša-r[i-id] Sin-ašarid,
² mâr a-bu-um-ra-bi сын Abum-rabi,
³ warad ¹¹il-amurrim служитель Il-Amurrim.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термин 'zubullû' восстанавливается в этой строке на основании стр. 5, 9, 15 нашего документа. Помимо этого текста, встречается, насколько мне известно, только в KAV, № 1, Vs. IV, (21), 29, 33, 40, в значении 'дара за невесту' и glossирован термином 'biblu'.

2. 'Šāpir mâtîm' обычно переводят Landrat, Landesgebieter. Так как край таблетки сбит, то можно колебаться в восстановлении синтаксической конструкции подлинника, однако варианты конструкции не меняют основного смысла предложенного мною перевода.

4—5. Выражение 'zubullâ zabâlu' и 'ana bîtim emim zubullâ zabâlu' 'приносить дар за невесту', 'в дом тестя приносить дар за невесту' известны из KAV № 1, IV 33—34; 40 сл. Ср. 'ana bîtim emim biblam šûbulu' в К. II, § 159—161.

9. 'Šabātu' — 'схватить' в смысле 'вызвать на суд'. См. Lautner, Die richterliche Entscheidung, стр. 12 сл. и указанную там литературу. Lâmassum, жена Bêlânija, была вызвана в суд, вследствие смерти Bêlânija.

10. К 'muirrum' в функции судьи, см. Walther, Das altbabylonische Gerichtswesen, S. 148 ff.

11. К 'šâpiru' см. там же, стр. 135.
14. К 'awâtam amâru' см. Lautner, цит. соч., стр. 31 сл.
16. К 'târu' см. San Nicolò, Die Schlussklauseln der altbabylonischen Kauf und Tauschverträge, S. 48 ff.
18. К 'gâru' см. San Nicolò, цит. соч., стр. 52²⁸, и Lautner, цит. соч., 24⁷⁰. К указанной там литературе теперь еще Jean, Contrats de Larsa, № 149, 12; RA XXII, p. 144, 17.
26. К mâr bitim см. Walther, ZDMG, 69, 421.
29. Дата 10-го года царя Samsuiluna.

*

Обратимся к содержанию этого документа. Sin-ašarid вместе со своими братьями¹ принес в дом Bêlânija подарок за невесту (zubullû). Иначе говоря, состоялась помолвка: Sin-ašarid принес Bêlânija дар за невесту, а Bêlânija обязался выдать дочь замуж. Однако, Bêlânija не дал ему свою дочь. Тогда Sin-ašarid вызвал на суд Lâmassum, жену Bêlânija, ибо в это время Bêlânija уже умер. Судьи рассмотрели их дело и приговорили Lâmassum возместить Sin-ašarid'у его подарок. Sin-ašarid и его братья приносят клятву, что они не возвратятся по этому делу и не будут вести процесса против Lâmassum.²

Документ имеет печать Sin-ašarid'a как носителя обязательства. Одновременно текст заключает в себе клаузулу, что «(если) старый его (т. е. Sin-ašarida) документ объявится, (то) он должен быть разбит».

Что же нового приносит этот документ в интересующую нас область?

Из нашего документа следует, что термин 'zubullû' не является специфически ассирийским термином, как это можно было предполагать ранее, а был известен уже в эпоху I вав. династии на севере Вавилонии. То обстоятельство, что К. Н. употребляет 'biblum', а документ 'zubullû', еще лишний раз подтверждает известный отрыв кодекса от живой юридической практики, который нам был известен давно.³

Далее, клаузула об уничтожении старого документа Sin-ašarid'a, если он появится, с непреложностью свидетельствует о том, что при помолвке составлялся документ, в котором фиксировались передача подарка и цены

¹ Повидимому, Sin-ašarid является главой семьи — он носит высокий чин šâpir mâtim — и хотел устроить бракосочетание одного из своих братьев.

² Это место документа свидетельствует, что Bêlânija уже не было в живых.

³ Отсутствие упоминания о tirhâtum в нашем документе может быть объяснено таким образом, что оно должно было быть дано при заключении брака, как об этом говорилось уже выше.

за невесту и обязательство родных невесты выдать ее замуж. Ибо только документ с таким содержанием должен быть погашен в результате приговора суда. Согласно характеру помолвки, как кредитной сделки, документ должен был находиться на руках у жениха-кредитора, в нашем случае у Sin-ašarid'a. Он не мог быть погашен, так как, вероятно, был утерян.¹ Это обстоятельство и вызвало появление клаузулы в документе. На суде Sin-ašarid, вероятно, обосновал свой иск, ссылаясь на свидетелей помолвки, и клятвой.

И, наконец, приговор суда вернуть подарок жениху находится в согласии § 160 К. Н., хотя, к сожалению, неясно из термина «возместить», в каком же именно размере был возмещен подарок, в двукратном или однократном.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AJSL — The American Journal of Semitic Languages.

BEVI₁ — H. Ranke. Babylonian Legal and Business Documents... from Sippar (The Babylonian Expeditions of the University of Pennsylvania. Series A).

CT — Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum.

KAV — Schroeder, Keilschrifttexte aus Assur verschiedenen Inhalts.

К. Н. — Кодекс Hammurapi.

Meissner, BAP — Meissner. Beiträge zum alt-babylonischen Privatrecht. Leipzig, 1898.

MVAG — Mitteilungen d. vorderasiatischen-ägyptischen Gesellschaft.

RA — Revue d'Assyriologie.

Rs — Rückseite.

VS — Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königl. Museen zu Berlin.

Vs — Vorderseite.

ZDMG — Zeitschrift d. Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

2403
A. RIFTIN. WEDDING GIFT LAWSUIT OF THE TIME OF SAMSUILUNA FROM SIPPAR

SUMMARY

The published document is the only illustration to § 160 of the laws of Hammurabi. Its tenor is as follows. S. with his brothers had brought 'zubullû' to the house of B. but B. did not give him his daughter. Accordingly S. took the law on L. B.'s wife, B. himself being dead by that time, as it appears. The judges having examined the case passed a sentence

¹ До нас не дошли специальные документы, фиксирующие акт помолвки и обязательства, с ней связанные. Поэтому я склонен предположить, что уже при помолвке составлялся брачный договор, который фиксировал обязательства сторон. Повидимому, брачный договор и должен был быть погашен в нашем случае.

ordering L. to pay up to the brothers the 'zubullû' S. and his brothers took an oath that they would not have a lawsuit with L. any more. The text has a note that in case of the old document being found it should be broken.

The document has S.'s seal. It is possible to conclude from the analysis of this text that the term 'zubullû' was known in Sippar already at the time of the first Babylonian dynasty and was not a specifically Assyrian term as it might be thought before. Then the text shows quite clearly that a document was always written at the betrothal. It seems that it was a wedding contract and it remained in the bridegroom's hands. Finally it follows from the text that this sentence of the court was passed in accordance with § 160 of the laws of Hammurabi though it is not clear whether the price of the gift was paid twofold or onefold.

ХРОНОЛОГИЯ МАНЕФОНА И ПЕРИОДЫ СОТИСА

В. В. СТРУВЕ

Для окончательного суждения об исторической ценности царских списков Манефона мы должны решить вопрос о соответствии его хронологических данных — исторической действительности и традиции доэллинистического Египта. Соответствие традиции нам важно во всех тех случаях, когда мы имеем дело с данными Манефона, относящимися к эпохам, от которых до нас дошло мало памятников. Во всех этих случаях мы не должны исходить из априорного суждения о возможности или невозможности того или другого числа лет, указанного Манефоном, а должны решить вопрос о том, соответствует ли данное число тому числу, которое знала традиция до-Птолемеевского Египта. В качестве примера, иллюстрирующего значение соответствия Манефона древнеегипетской традиции, я могу указать на свидетельство Манефона о длительности царствования Пиопи II, одного из царей VI дин., не имеющей аналогии во всемирной истории. В эксперите Африкана мы читаем следующую приписку рядом с названным царским именем: «ἐξαέτης ἀρχάμενος βασιλεύειν διεγένετο μέχρις ἐτῶν ρ». Африкан сам понял эти слова Манефона в том смысле, что Пиопи II царил целых 100 лет,¹ и в качестве одного из слагаемых общей суммы лет правления VI дин. ввел 100 лет царствования Пиопи II. Исходя из этого же понимания текста Манефона, Евсевий изменил несколько слов в своем эксперите: «Ὁ δὲ Φίωψ ἐξαέτης ἀρχάμενος ἐβασίλευσε μέχρις ἐτῶν ἑκατόν». 100 лет царствования настолько длительный срок, что он кажется невозможным.² Поэтому Gutschmid решил, что эти 100 лет царствования

¹ В так наз. списке Эратосфена это понимание еще более подчеркнуто и прибавлено к Ἀπόλλους — Пиопи II следующая приписка: «οὗτος ὡς φασι παρὰ ὧραν μίαν ἐβασίλευσεν ἐτη ἑκατόν».

² Можно было бы теперь указать на 100-летнее царствование царицы из династии Киш, Азаг-Бау, или Ку-Бау, которая была до восшествия на престол «трактирщицей». Мы

Пиопи II являются одним из заведомо абсурдных моментов повествований Манефона.¹ Но почти столь же большое число засвидетельствовано в Туринском папирусе как количество лет правления Пиопи II — «90 — х». Вглядываясь в вышецитированный текст эксцерпта Африкана, мы должны признать, что текст был Африканом не совсем правильно понят. Смысл данного Манефоновского текста сводился к тому, что Пиопи II вступил на престол 6-ти лет и царствовал до 100-летнего года своей жизни.² В таком случае Пиопи II, согласно свидетельству египетского историка, царствовал 94 года, а это число, очевидно, тождественно с тем, которое мы находим в Туринском папирусе.

Для царей перехода от II к III дин. мы и имеем следующее соответствие между Туринским папирусом и Манефоном (эксцерпт Африкана):³

Царь Bbtj	27 лет 2 мес. 1 день	Xaverḥs	30
» Nb-kḥ	19 » — —	Neferḥsḥs (Neferḥsḥs)	28
» Ḍsry	19 » — —	Tḥsḥsḥs (Tḥsḥsḥs)	29

Вероятно несоответствие на одну десятку между годами царей «Nb-kḥ» и «Ḍsry» в Туринском папирусе и у Манефона восходит к описке Манефона или его первоисточника. Дело в том, что в некоторых рукописях Нов. ц. 10 и 20 не слишком сильно отличались друг от друга. См., напр., (10) и (20).⁴ Возможно, что и «19» лет царя Джосера в Туринском папирусе надо исправить в «29», ибо папирус над первым знаком названного числа несколько испорчен.⁵ Еще большее соответствие между данными Манефона и между данными папируса и памятниками мы находим в списке VI дин., который уже нами упоминался в связи с фантастическим числом годов правления Пиопи II.

получили сведения об ней из вновь найденных царских списков Вавилонии эпохи Исины. Ср. Б. А. Тураев. Классич. Восток, I, стр. 146 сл. В 1923 г. был издан прекрасно сохранившийся экземпляр этого списка. С ним я познакомился по переводу Ungnad'a в Z.D.M.G., 1923. Но возвращаясь к Азаг-Бау, или Ку-Бау, надо сказать, что эпоха ее очень мало известна и не исключена возможность, что эта цифра в 100 лет не является исторической.

¹ Kleine Schriften, I, стр. 253.

² Ed. Meyer. Chronol., стр. 167, который был первым исследователем, сделавшим это интересное наблюдение. Этот пример неправильной интерпретации Манефона его эксцерпторами является весьма поучительным.

³ Евсевий не отмечает ни у одного из этих царей число их лет правления.

⁴ См. Möller. Hier Pal., II, № 623 и 624. Примеры из папируса Rollin.

⁵ См. издание Wilkinson и Ed. Meyer. Chronol., табл. IV, стр. 4.

	Манефон ¹	Туринск. папирус	Памятники
1. 'Οθόρηθς ('Οθόρης) . . .	30 г.	α лет 6 мес 21 дн.	— ²
2. [ΓΟθόρης]	— ³	— ⁴	
3. Φίδς	53 »	20	минимум 50 лет ⁵
4. Με[γ]θεσοφης I . . .	7 »	4	
5. Φεωφ	94 »	90 + α	
6. Μεγθεσοφης II . . .	1 »	1 г. 1 мес.	

Мы видим, таким образом, что даже данные Манефона о числе лет правления Пиопи I более точны, чем данные Туринского папируса. Столь же точными являлись данные Манефона и о числе лет правления царей XII дин. К сожалению, только середина Манефоновского списка названной династии пострадала в руках экскерптаторов. Зато хронология первых и последних царствований списка XII дин. Манефона подтверждается Туринским папирусом и памятниками.

	Манефон ⁶	Туринск. папирус	Памятники Высшая дата
1. Сесострис I ⁷	46	45	44
2. Аменемхет II	38	—	35
6. Аменемхет IV	8 ⁸	9 л. 3 мес. 27 дн.	10 ⁹
7. Скенофрис	4	3 г. 10 мес. 24 дн.	3

Подтверждаются памятниками и хронологические данные Манефона о царствовании первых 3 царей XXII дин.¹⁰ Подтверждаются также и 6 лет царствования Бокхориса, единственного представителя XXIV дин.¹¹ Даже

¹ Евсевием дана общая сумма V, resp. VI, дин. (см. выше).

² Мы не имеем к сожалению датированных надписей о его царствовании.

³ Наверное не были обозначены годы этого царя и в тексте Манефона, и таким образом пропуск переписчиками данного имени становился еще возможным.

⁴ Место для указания числа лет осталось незаполненным.

⁵ См. Sethe. Beitr. z. ältest. Gesch. Aegypt., стр. 84—85. С ним согласен и Fl. Petrie. Hist. of Eg., 110, стр. 102, судя по тому, что он также определяет правление Пиопи I—53 годами. Аргументация Ed. Meyer'a против положения Sethe неубедительна.

⁶ Годы первых 2-х царей совпадают и у Африкана и у Евсевия. Годы 2-х последних царей сохранились лишь у Африкана. Евсевий объединил в общей сумме, не совпадающей с суммой Африкана, годы правления последних царей династии.

⁷ Отец его, Аменемхет I, причислен был Манефоном, как мы выше видели, к XI дин. Царил он 20 лет единолично, согласно памятникам. Если же у Манефона он царил «16» лет, то это, конечно, описка переписчика, обусловленная числом «16» царей XI дин.

⁸ Небольшое расхождение между Туринским папирусом и Манефоном объясняется, конечно, тем, что первые 2 года Аменемхета IV были годами соправления с предшественником его Аменемхетом III.

⁹ Этот высший год царствования Аменемхета IV, а также 3 год Скенмофрис сохранился в Кахунских папирусах находки Fl. Petrie, см. Griffith. Kahun Papyri, стр. 43 и 86, но Griffith сам сомневается в достоверности толкования данных дат.

¹⁰ См. мою статью, печатающуюся в VI Сборнике Института языка и мышления.

¹¹ Fl. Petrie. Hist. of Eg., III, стр. 316—317.

в заведомо плохо сохранившемся списке XIX дин.¹ мы находим хронологические данные, совпадающие с данными памятников — 1 год 4 мес. Рамсеса I² и 66 лет Рамсеса II.³ Но что всего удивительнее это то, что в безнадежно испорченном списке XVIII дин.⁴ мы находим вполне достоверные хронологические данные, которые нам доказывают поразительную осведомленность Манефона или, вернее, его источника — аннал в прошлом своей страны. Относятся же эти данные к царствованию царицы Хатшепсут, ее соправителя и преемника Тутмеса III и его преемников Аменхотпе II и Тутмеса IV.

1. Ἀδελφὴ Ἀμεσσής — 5 — Хатшепсут ⁶	21 г. 9 мес. ⁷
2. Μήφρης ⁸ — Тутмес III	12 » 9 » ⁹
3. Μηφραμώδωσις ¹⁰ — Тутмес III (и Аменхотпе II)	25 » 10 » ¹¹
4. Τούμωσις — Тутмес IV	9 » 8 » ¹²

Если мы теперь сравним эти хронологические данные Манефона со свидетельствами памятников, то окажется, что число лет правления первого из перечисленных царей — Хатшепсут и последнего — Тутмеса IV подтверждается памятниками.¹³ Что же касается числа лет правления Тутмеса III и Аменхотпе II, то здесь дело обстоит сложнее. Памятники нам свидетельствуют, что Тутмес III умер в 54 году своего царствования.¹⁴ Мысляя же дата царствования Аменхотпе II, не внушающая никакого сомнения, соответствует 5 году.¹⁵ Если мы теперь вычтем из 54 лет царствования Тутмеса III 22 года царствования Хатшепсут, то получим 32 года, и если к этим 32 годам прибавим 5 — 6 лет царствования Амен-

¹ См. восстановление списка XIX дин. в статье, печатающейся в Сборнике [Ист. фак-та ЛГУ]. См. также мою статью в ÄZ, 63.

² У Иосифа Флавия, у Африкана 1 год. У Евсевия он отсутствует.

³ У Иосифа Флавия 66 л. 2 м., а 66 лет у Африкана и Евсевия.

⁴ Посильную реконструкцию списка относительно порядка следования, см. указанную статью в Сборнике Ист. фак-та Лен. гос. университета.

⁵ В данном списке я следую данным Иосифа Флавия. У Африкана мы имеем вариант Ἀμενσίς, а у Евсевия это имя пропущено.

⁶ Отождествление Хатшепсут с данным именем, сохраненным экскерпторами Манефона, я пытаюсь доказать в статье Сборника [Ист. фак-та ЛГУ].

⁷ У Африкана «21 г.», а у Евсевия «22 г.»

⁸ У Африкана Μίσφρης, а у Евсевия Μίφρης.

⁹ У Африкана «18 л.», у Евсевия «12 л.»

¹⁰ Африкан и Евсевий Μισφραμώδωσις.

¹¹ Афр. и Евс. «26 л.»

¹² Афр. и Евс. «9 л.»

¹³ К году смерти Хатшепсут см. Fl. Petrie. Hist. of Eg., II, стр. 101. Самая высшая дата из правления Тутмеса IV является 8 г.

¹⁴ См. Fl. Petrie, ук. соч., стр. 103.

¹⁵ См. Gauthier. L. d. R., II, стр. 277—278.

хотпе II, то данная сумма в 38 лет будет тождественна сумме лет правления «Μήφρη» и «Μήφραμοῦθωσις» Манефоновских эксцерпторов. Следовательно на основании этого сопоставления можно, казалось бы, умозаключить, что Тутмес III, процарствовав после смерти своей тетки¹ единолично 12 лет, на 13-м году сделался соправителем сына своего Аменхотпе II. Столь долгое соправительство Аменхотпе II с отцом своим Тутмесом III подтверждается, я думаю, свидетельством не одного Манефона, но еще и других памятников. Первым из таких памятников является винный кувшин, найденный в Фивах, на котором рядом с картушем Аменхотпе II имеется дата 26 года.² Правда, историческая ценность этого свидетельства была поставлена под знаком вопроса. Указывали на то, что данная надпись находится в противоречии с прочими памятниками этого царя, которые, как я уже указывал, относятся к первым 5 годам его правления. Поэтому дата 26 года и картуш Аменхотпе II на винном кувшине пытались объяснить тем обстоятельством, что картуш указывал на принадлежность виноградника заупокойному храму Аменхотпе II, а год относился к царствованию Аменхотпе III.³ Но это противоречие даты 26 года со свидетельством прочих надписей Аменхотпе II легко устраняется при предположении, что в число 26 лет Аменхотпе II входят наряду с годами единоличного правления и годы совместного царствования с Тутмесом III. Факт же долгого совместного царствования этих 2 царей доказывается с несомненностью свидетельством памятника, на который, к сожалению, до сих пор в связи с разбираемым вопросом не обратили еще должного внимания. Я имею в виду свидетельство текста на verso или, вернее, на recto⁴ нашего эрмитажного папируса № 1116 А.⁵ Здесь упоминается (стр. 51) чиновник, в состав имени которого входил тронный картуш Аменхотпе II.⁶ Вместе

¹ Обо всем, касающемся отношений между Хатшепсут и Тутмесом III, см. пока мою статью «К вопросу о Тутмосидах» в сборнике в честь Н. И. Кареева «Из далекого прошлого», 1923, стр. 19 сл. В связи с большим исследованием К. Sethe в 1932 г. я вскоре вернусь к этому вопросу.

² Fl. Petrie. Six temples, табл. V, и его же. Hist. of Eg., стр. 154.

³ Griffith в своей остроумной статье «The length of the reign of Amenhotep II» (P. S. B. A., 31, 1909, стр. 42—43).

⁴ Этот текст делового характера, являвшийся приходо-расходной книгой одного из государственных учреждений. Он написан на стороне с горизонтальными полосами, которая считается recto (см. выше то, что было сказано о Туринском папирусе). На verso написан литературный текст, знаменитое поучение Гераклеополитанского царя сыну своему Мерикара.

⁵ См. В. С. Голенищев. Les papyrus hiératiques de l'Ermit. impér., 1913.

⁶ Стр. 56, упоминается баржа с именем, в состав которого входил тронный картуш Аменхотпе II. Очевидно, египетские цари, подобно византийским царям, назначали, ради

с этим в данном тексте Тутмес III называется еще живым. Из того факта, что при жизни Тутмеса III назывался взрослый человек, каковым должен был быть чиновник, именованным из картуша Аменхотпе II, я полагаю, следует, что Аменхотпе II уже *minimum* 2 десятка лет был соправителем своего отца. Поэтому я считаю на основании свидетельства нашего эрмитажного папируса доказанным, что соправительство Аменхотпе II с отцом своим было весьма длительным. Этому факту не противоречит то обстоятельство, что Тутмес III в своем 52 году в Эллесиз¹ изображен один без своего соправителя. Такое отсутствие Аменхотпе на изображениях в храме лишь доказывает, что он, имея право на картуш, не имел права изображаться на стенах храма рядом с отцом и богами. Это право, приравнивающее изображенного к высшим представителям пантеона, являлось исключительной прерогативой старшего царя. Вместе с этим Аменхотпе II не имел права на самостоятельную датировку.² Надписи датировались и после его назначения соправителем по годам правления Тутмеса III. Поэтому он начал свои официальные надписи с момента смерти отца своего датировать во избежание путаницы годами своего единоличного правления без причисления к ним годов соправительства со своим отцом.³ Анналиста же, а также и Манефона, не пугала возможность путаницы в датировке официальных надписей, и он мог поэтому отмечать особо годы единоличного правления Тутмеса III, а затем годы его соправления с Аменхотпе II,⁴ причем анналист прибавил к этим последним еще

избежания смут, своих сыновей еще при жизни соправителями. Поэтому, вероятно, те цари, которых мы иной раз находим на памятниках и которых мы не можем поместить в установленных царских списках (см., напр., Eрман А. З., стр. 142—143), — являются сыновьями-соправителями, умершими до смерти отца своего. См. также Fl. Petrie. *Anc. Eg.*, 1916, стр. 184, в рецензии на статью G. Daressy. *La pierre de Palerme et la chronologie de l'Anc. Emp.* (Bul. Inst. Franç. Arch. Orient., 1916). Мне только кажется, что Daressy немного злоупотребил данной догадкой и слишком многих царей объявил такими преждевременно умершими соправителями.

¹ L. D., III, 45, e. Из этого текста Sethe., *Unters. z. Gesch. Aeg.*, I, стр. 55, делает вывод, что соправление Аменхотпе II со своим отцом Тутмесом III продолжалось самое недолгое время.

² Был случай еще менее привилегированного соправительства. Соправитель назначался лишь наследным принцем без права на картуш.

³ 26 год, который был отмечен на винном кувшине, был проставлен потому, что в данном случае не имелось налицо официальной надписи.

⁴ За то, что 26 лет царствования Аменхотпе II распределяются таким образом, а именно 20 лет на совместное правление с отцом и лишь 5 или 6 лет на единоличное правление, доказывается надписью знаменитого Латеранского обелиска (изд. Marucchi, *Gli obelischî egiziani di Roma*, табл. I, II). На одной из надписей этого памятника царь Тутмес IV отмечает, что в течение 35 лет со времени Тутмеса III он лежал незаконченным. Лишь при нем, Тутмесе IV, этот памятник был закончен. По мнению Griffith'a (P. S. B. A., 31, 1909,

5 — 6 лет единоличного правления Аменхотпе II после смерти Тутмоса III.¹ Таким образом и могло получиться у анналиста и у Манефона такое большое число лет правления Аменхотпе II и такое небольшое число лет его предшественника Тутмоса III. В виду этого я и остановился столь обстоятельно на разборе этого отрывка Манефоновского списка: с помощью его мы узнаем одну из основных причин кажущегося расхождения между числами Манефона и числами памятников. В одном случае памятники объединяли в общей сумме лет правления какого-нибудь царя и годы его единоличного правления и годы его совместного правления со своим преемником, а у Манефона в то же время были объединены в одной сумме годы единоличного правления какого-нибудь царя и годы его совместного правления со своим предшественником;² в другом случае происходило обратное, и памятники объединяли годы единоличного и совместного правления младшего царя, а Манефон объединял в общую сумму годы царствования старшего царя.³

Подводя теперь итог нашему сопоставлению хронологических данных Манефона, относящихся к правлениям отдельных царей, с данными памятников и древнеегипетской традиции, мы приходим к выводу, что Манефон, и в том жалком состоянии, в котором он дошел до нас, является во многих случаях хорошим источником. Поэтому является бесспорно неправильным суждение, высказанное недавно еще Ed. Meyer'ом о том, «что из числа лет правления не является достоверным почти ни одно, кроме числа лет правления Рамсеса II».⁴

Эксерпторы Манефона не смогли, несмотря на всю небрежность и поспешность своей работы, уничтожить целиком все те детальныe познания в хронологии многовековой истории египетского народа, которыми обладал

стр. 42—43), из этой надписи следует, что этот обелиск был заказан еще при Хатшепсут Тутмосис III не был заинтересован в завершении памятника не им задуманного, и через несколько лет после смерти Тутмосиса III работа прекратилась, чтобы возобновиться при Тутмосисе IV. Если Хатшепсут умерла в 22 году царствования своего и Тутмосиса III, и если работа прекратилась примерно в 24 г., то тогда получается примерно 35 лет для пребывания памятника в незаконченном состоянии: 20 лет Тутмоса III и 5-6 лет Аменхотпе II.

¹ Вероятно в первоначальном тексте Манефона было отмечено «Тутмосис и Аменхотпе и Аменхотпе один», но эксерпторы по своей небрежности это не выписали.

² См., напр., годы правления Тахарки на памятниках и у Манефона.

³ См., напр., годы царствования Хармаиса = Харемхеба на памятниках и у Манефона. Ему были присчитаны памятниками годы его еретических предшественников, а Манефон их отсчитал, и потому он полагает столь небольшое число как «5» для всех лет царствования Харемхеба. Может быть здесь Манефон и ошибался, поскольку традиция Тельамарнской хронологии дошла до него чрезвычайно испорченной.

⁴ См. *Ältere Chronologie*, стр. 49.

еще единственный известный нам египетский историк. Правда, многое из драгоценного наследия Манефона эти невежественные люди и погубили. Это и не могло быть иначе, ибо общеизвестно, как легко именно цифры поддаются порче. В особенности сильно искажались цифровые данные Манефона во всех тех случаях, когда происходила путаница в порядке следования имен, как в списке XII дин. и в списках всех последующих династий II томоса. Но мы наблюдаем местами и в других томах некоторую порчу первоначального Манефоновского текста.

Так в списке IV дин. Африкан дает царям Хеопсу — 63, Хефрену — 66, а Микерину — 63 года.¹ Эти числа невозможны в виду того, что данные, которые мы можем почерпнуть из современных памятников, противоречат столь долгому царствованию названных 3 представителей IV дин. Памятники нам свидетельствуют о том, что наложница царя Снофру жила еще при Хефрене, а один царевич по имени Сехемкаре жил при Хефрене, Микерине, Шепсескафе, Усеркафе и Сахуре.² В виду этих свидетельств памятников мы можем предположить, что в первоначальном тексте Манефона стояли еще иные числа для суммы лет царствования Хеопса, Хефрена и Микерина. Действительно, наше предположение подтверждается, кажется, свидетельством так называемого Эратосфеновского списка. Ед. Мейер доказал в свое время, что цифры, которыми определяется в списке Эратосфена число лет правления отдельных царей, интерполированы из эпитоме Манефона.³ И вот оказывается, что числа лет правления царей IV Манефоновской династии не совпадают в эксцерпте Африкана и списке Эратосфена. Последний имеет меньшие и, следовательно, более приемлемые числа. Ради удобства я сопоставлю данные обоих списков.

Эксцерпт Африкана

Σοῦφις	63 г.
Σοῦφις	66 »
Μενχέρης	63 »
Ῥατοῖσης	25 »
Βίχρης	22 »

Эратосфен

Σαωφίς	29 л.
Σαωφίς	27 »
Μοσχερής	31 »
Ῥαῖωσις	13 »
Βιύρης	10 »

Это расхождение в числах в данных 2 текстах, очевидно, придется объяснить тем, что дошедший до Синкелла экземпляр эксцерпта Африкана

¹ У Евсевия сохранилась лишь общая сумма и притом самая нелепая — 448 лет.

² См. Ed. Meyer. Chronol., стр. 148. Ed. Meyer вполне прав, когда он дает суровую отповедь (Ältere Chronol., стр. 51 и пр. I) L. Borchardt'у за то, что последний в своих Annalen, стр. 39, отмахнулся от неудобных ему свидетельств современных памятников.

³ Ed. Meyer. Chronol., стр. 101.

не сохранил тех чисел, которые видел еще интерполятор Эратосфеновского списка в доступной ему эпитоме.¹

Явное противоречие с данными памятников мы находим у Африкана также в списке XXVI дин. Согласно его свидетельству, царь названной династии Нехо II правил всего лишь 6 лет,² в то время как дошедший до нас памятник свидетельствует о 16-летнем его правлении.³ Но даже Геродот, II, 159, знал о том, что Нехо сын Псамметиха царствовал 16 лет, и поэтому я не могу себе представить, что Манефон сам сделал ошибку, сократив правление сына Псамметиха на целых десять лет. Ошибку сделали, конечно, эксерпитаторы Манефона, ибо египетский иероглифист должен был по крайней мере не хуже знать историю своей родной страны, чем греческий турист V в.

Лучшим подтверждением этого моего положения о том, что во всех почти числовых ошибках надо винить не Манефона, а его небрежных эксерпитаторов, может служить уже вышеупомянутый новый фрагмент Манефоновской эпитомы, который был найден и издан Bilabel'ем.⁴ Этот фрагмент, как мы выше видели, содержал список царей XXVII дин. Для более рельефного выявления расхождений копий отдельных эксерпитаторов, я сопоставлю списки фрагмента Bilabel, Африкана и Евсевия.

Фрагм. Bilabel	Африкан	Евсевий
1. [Καμβύση]ς ἐβασίλευσεν ἔτει δ. ἔτη ςι.	1. Καμβύσης ἔτει εἰ τῆς ἑαυ- τοῦ βασιλείας Περσῶν ἐβα- σίλευσεν Αἰγύπτου ἔτη ς.	1. Καμβύσης ἔτει πέμπτῃ τῆς αὐτοῦ βασιλείας ἐβα- σίλευσεν Αἰγύπτου ἔτη γι'.
2. [Οἱ Μά]γοι· ἡς ἐβασίλε[υ]σ- [αν].	2. Δαρεῖος Ὑστάσπου ἔτη λς'.	2. Μάγοι μῆνας ξ'.
3. [Δαρεῖος] Ὑστάσπου ἐβασίλευ- σεν ἔτη λ[ς].	3. Ξέρξης ὁ Μέγας ἔτη κβ'.	3. Δαρεῖος ἔτη λς'.
4. [Ξέρξ]ης ὁ Μέγας ἐβασί[λευσεν] ἔτη[...]	4. Ἀρτάβανος μῆνας ζ'.	4. Ξέρξης ὁ Δαρείου ἔτη κβ'.
5. [Ἀρτά]βανος ἐβασίλε[υσε] ἡ[...]	5. Ἀρταξέρξης ἔτη μβ'.	5. Ἀρταξέρξης ὁ Μακροχειρ ἔτη μ'.
6. [Ἀρτα]ξέρξης υἱὸς Μακρόχιρ ἐβασίλευσεν ἔτη...	6. Ξέρξης μῆνας δύο.	6. Ξέρξης ὁ δεῦτερος μῆνας β'.
7. [Ξέρξ]ης ὁ δεῦτερος ἐβασίλευ [σε...]	7. Σογδιανὸς μῆνας φ'.	7. Σογδιανὸς μῆνας ζ'.
8. [Σογδιαν]ός ἐβασίλευσεν[...]	8. Δαρεῖος Ξέρξου ἔτη ιθ'.	8. Δαρεῖος ὁ Ξέρξου ἔτη ιθ'.
9. [Δαρεῖος] ὁ Νόθος, ἐβασίλευσε...		

¹ Можно предположить, что в первоначальном списке Манефона были отмечены особо годы единоличного правления и годы совместного и единоличного правления. В таком случае эксерпит Африкана сохранил последние, а список Эратосфена первые числа.

² То же число «6» мы находим и у Евсевия в качестве количества лет царствования Нехо II.

³ Rec. de trav., 22, стр. 21.

⁴ Veröffentlichungen a. d. badischen Papyrus-Sammlungen, вып. 4, стр. 37.

Из этого сопоставления мы видим, что список фрагмента Bilabel в порядке следования царей несколько более точен, чем Африкан и Евсевий.¹ Он перечисляет и Магов и не забывает также Артабана. С большей точностью новый текст отмечает и время правления отдельных царей. Им отмечается половина года в числе лет правления Камбиса и даже половина месяца в числе месяцев царствования Магов.² Правда, папирус Bilabel делает вместе с тем и большую ошибку в указании числа лет царствования Камбиса. Он вместе с Африканом рассматривает $6\frac{1}{2}$, resp. 6 (Африкан), год царствования Камбиса — $6\frac{1}{2}$, resp. 6, годом царствования его в Египте. В действительности же он правил в Египте лишь 2-3 года.³ В первоначальном тексте Манефона было, очевидно, указано, что Камбис завоевал Египет в 4, resp. 5, году своего царствования,⁴ и затем царствовал в долине Нила до половины шестого года своего правления. Это числовое указание египетского историка и было понято одним из переписчиков его как указание числа лет властвования Камбиса над Египтом. На основании этого примера небрежности переписчиков в особенности рельефно выявляется методическая недопустимость обвинения Манефона в заведомых нелепостях «его» египетской хронологии. Мы поэтому имеем полное право во всех тех случаях, когда находим в списках эксцерпторов какое-то несуразное противоречие с историческими данными, элиминировать его и восстановить таким образом подлинный Манефоновский текст. Мы это можем сделать с тем большим правом потому, что Манефон пытался следовать историческим данным даже в тех случаях, когда патриотическая гордость и самолюбие могли с легкостью отвести его в сторону от исторической истины. Такая возможность явилась перед ним тогда, когда от подошел к вопросу о хронологии конца XXVII дин. — персидской и начала XXVIII дин. — египетской. Греческие источники нам сообщают о существовании царя Египта, независимого от Персии уже в 412—411 г.⁵ Элефан-

¹ Армянский перевод совпадает с текстом Евсевия у Синкелла.

² Bilabel, у. с., стр. 45.

³ См. Lehmann-Haupt в R. W. s. v. Cambyses. Здесь приведена хронология его царствования. Царем он стал в 5-м году своего (правления), т. е. в 525 г. Bilabel полагает, что 4-й год, засвидетельствованный найденным им фрагментом, относится к началу похода на Египет, и эксцерптор перепутал год завоевания и год похода (ук. соч., стр. 48).

⁴ В данном случае, в хронологии персидских царей, Манефон — историк Египта — мог и ошибиться и в данной ошибке не было бы ничего предосудительного. Для него было важно лишь отметить то число лет, в течение которого Камбис был царем Египта.

⁵ Диодор, XIII, 46, и Фукид. VIII, 35. См. разбор хронологии этой эпохи у Unger, Manetho, стр. 294; Ed. Meyer. Forsch. z. Alt. Gesch., II, стр. 490 сл.; его же Ägyptische Dokumente aus der Perserzeit (Sitzungsber. Kgl. Preuss. Ak. Wiss., 1915, стр. 289 сл.).

танские иудейские папирусы повествуют о восстании египтян здесь на крайнем юге Египта в 410 г. Несмотря на это Манефон начинает эпоху XXVIII дин., сменившей XXVII персидскую, не с 411 г., а лишь с 405 г.¹ Очевидно, царь Египта, упомянутый греческими историками под 411 г., не был царем единого Египта, а лишь царем некоторых частей Дельты, и главные города страны в то время продолжали оставаться в руках персов. Поэтому и Манефон не причислил годы периода от 411—405 г. к годам самостоятельного египетского царства. Такая объективность делает честь столь оклеветанному египетскому историку. Лишь с 405 г., когда почти весь Египет находился в руках Саита Амиртея,² начинается Манефон эпоху XXVIII дин. Эта его датировка подтверждается и свидетельством Элефантинских иудейских папирусов, сохранивших нам документ от 5 года царствования Амиртея, т. е. от 400 года.³ Мы видим таким образом, что повествование Манефона не искажалось столь губительным даже для многих современных историков чувством патриотизма.

Мы видим на основании всего сказанного, что Манефон заслуживает нашего доверия в тех числах лет, которые он дает отдельным царствованиям. В виду этого мы можем предположить, что он заслуживает наше доверие и в тех суммах лет, которые он дает целым династиям. Я имею в виду, конечно, те суммы, которые эксцерпторы Манефона выписали без соответствующих их суммандов, напр., суммы лет правления династий VIII, IX, X, XI и т. д. Одна из этих сумм, а именно сумма лет XI дин. сохранилась в Туринском папирусе. Здесь в первой строке фрагмента 64, которая содержит подытоживание данных списка предшествующей XI дин., было Borchardt'ом правильно вычитано число 242.⁴ Данное число является суммой из каких-то, к сожалению не сохранившихся, слагаемых.⁵ Но как бы то ни было с этими неизвестными нам суммандами — сохранившаяся их сумма «242»

¹ См. восстановленную мной хронологическую таблицу Манефона в статье Сборника Ист. фак-та ЛГУ.

² Те египетские войска, которые сражались в битве при Кунаксе против Кира младшего, были очевидно контингенты, взятые из крайних восточных областей Египта.

³ Тот царь Псамметих, к которому бежал после смерти Кира младшего Тамос, один из сторонников последнего, был, конечно, сыном Амиртея, который был соправителем своего отца и охранял по поручению его береговую полосу его. Об этом сыне Амиртея упоминает демотическая хроника (столб. III, 18), когда заканчивает пророчество о царствовании Амиртея словами: «нету царствования сына его после него».

⁴ *Annalen*, стр. 45. Строго говоря, он вычитал «243», но возможность чтения «3» отрицается Sethe и Schäfer'ом — согласно их наблюдениям, налево от «2» незаполненное место. См. Ed. Meyer. *Ältere Chronol.*, стр. 63—64.

⁵ Чтение Borchardt'a числа «237» перед «сумма 242», вызывает сильнейшие сомнения. См. Ed. Meyer. *Ältere Chronol.*, стр. 64.

относится, наверное, к числу лет¹ XI дин.,² и невольно возникает догадка, что «43» года правления XI дин., которые мы находим у Африкана и у Евсевия, является опиской первоначального «242», resp. «243».³ Вполне решить вопрос о сумме лет правления XI дин. в первоначальном тексте Манефона мы можем лишь впоследствии, когда решим вопрос о хронологии Манефона во всем ее объеме. Дело в том, что затронув вопрос о суммах лет династий, мы тем самым подошли к вопросу о суммах лет томосов труда Манефона и вместе с тем к оценке всего хронологического костяка исторического построения иерограмматизма из Северинского нома. Разбираясь в этой проблеме, мы придем, как увидим ниже, к поразительному результату.

Вопрос о сумме лет томосов ставит на очередь вопрос о том, придерживался ли Манефон в своей хронологии какой-нибудь системы — было ли у него понятие эры или периодизации того громадного количества лет, которое было заполнено историей его родной страны.

Я сознательно отказываюсь разобраться в хронологии «божественных» династий и династий «полубогов», царивших до Менеса. Традиция этой части труда Манефона настолько плохо сохранилась, что мы не имеем, кажется, никакой возможности восстановить ее в первоначальном виде.⁴ Такая попытка является тем более безнадежной, что хронология «божественных» и «полубожественных» династий почти целиком погибла и в туринском папирусе. В конечном итоге хронология этих мифических периодов египетской истории имеет значение лишь для истории религии, но не для исторической оценки труда Манефона. Для решения этой последней задачи имеет значение восстановление хронологического костяка истории Египта после Менеса и установление в пределах данного периода какой-нибудь системы.

¹ Borchardt полагает там же, что эта цифра обозначает число царей, но в поисках за столь большим числом царей среди известных нам по памятникам властелинов Египта он наталкивается на большие затруднения. Ср. Ed. Meyer. *Alt. Chronol.*, стр. 65 сл.

² Ed. Meyer, *у. с.*, стр. 66 сл., полагает, что эта сумма не может относиться к XI дин., так как число царей ее равнялось лишь 6, но как раз 2 из этих царей царили весьма долго: Интеф — 50 + x лет и Небхетре — 46 + x лет. О других царях мы ничего не знаем. Мы можем только предположить, что Ментухотеп Санхкара правил не слишком долго. Высшая дата его царствования относится к 8 году. Во всяком случае 242 года эта династия могла процарствовать. С другой стороны, мало вероятным является предположение Ed. Meyer'a о том, что в этих 242 годах соединены в одно и годы Гераклеополитанских династий и годы XI дин. Для чего же требовалась такая суммирование лет двух враждующих друг с другом династий?

³ «243» создано путем присчитывания к числу лет числа месяцев.

⁴ Gelzer. *Africanus*, I, стр. 193 сл.

В одном из своих трудов Sethe высказывал следующее положение относительно момента возникновения царства Менеса: «Древнейшая дата египетской истории — введение календаря, который восходит довольно точно к году 4240. В то же время, надо полагать, и было обосновано историческое единое египетское государство верхнеегипетским царем Менесом из Тиниса, который является родоначальником I дин. и обозначает начало египетской истории».¹ Догадку о том, что начало календаря и начало династического Египта совпадали, высказывали и Lepsius² и Letronne.³ И вот интересно, что той же точки зрения о совпадении начала календаря и начала династического Египта, которую мы находим в трудах современных ученых, придерживался, кажется, и Манефон, или, вернее, его позднесаисский источник. Для установления этого любопытного и вместе с тем поразительного факта мы должны вернуться к тому, что нами было установлено об эре «ἀπὸ Μενόφθεως». Мы доказали в одном из исследований, что эта эра, соответствующая последнему периоду Сотиса, начавшемуся в 1322 г.,⁴ связана с именем царя Сети I Менофтеса. Тогда же я и высказал догадку, что эта заметка об эре Менофтеса, которую мы находим у Феона, восходит к перу Манефона. Ведь не кто иной из писавших на греческом языке мог знать так хорошо прошлое Египта. Но если правильна догадка о том, что заметка об эре Менофтеса восходит к авторству Манефона, то тем самым мы должны предположить, что и в других частях труда нашего египетского историка имелись следы счета по периодам Сотиса. И мне думается, что мы имеем действительно прямое указание на то, что Манефон пользовался эрой Сотиса. Я имею в виду столь долго непонятую заметку Манефона о том, что при Бокхорисе, единственном представителе XXIV дин. «ἀρρίον ἐφ' ἐγχατο ἔτη εἰς'».⁵ Самым естественным истолкованием этого «загадочного числа» в труде Манефона является предположение, что данные «990 лет» относятся к периоду Сотиса и, конечно, к последнему, т. е. к эре Менофтеса, эре Сети-Мернетаха. Это предположение подтверждается, если мы уясним себе, что по истечении 990 лет

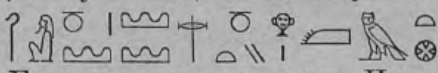
¹ Ägyptologie, Alter Orient, 23 год, вып. I, стр. 10. Ср. его же, Zeitrechnung d. alten Aegypten, стр. 308. В своей работе о древнейшей истории Египта 1928 г. Sethe отказался от этой догадки.

² Lepsius. Chronol., стр. 179.

³ Oeuvres choisies, сер. II, 2, 157. Этот последний труд цитую по Sethe. Zeitrechnung I, стр. 308, пр. 3.

⁴ Я придерживаюсь этого года, как Lepsius и еще Fl. Petrie. См. обо всем этом Записки Коллегии востоковедов, IV, стр. 177 сл.

⁵ Эта заметка о 990 годе, resp. 990 годах, мы находим лишь у Африкана. У Евсевия говорится лишь о пророчестве ягненка, но без этого числа лет.

эры Менофтеса, начавшейся в 1322 г., наступил год, соответствующий 332 году, т. е. году, когда Александр «правитель чужеземных стран, защитник Египта» пришел в долину Нила, чтобы спасти несчастную страну от жестокого персидского ига.¹ Этим пророчеством о 990 годах Манефон примкнул к традициям египетских пророчеств о грядущем царе спасителе, который создает после тягчайших бедствий новую эру благополучия для страны.²

Если это мое предположение правильно и действительно пророчество ягненка при царе Бокхорисе о 990 годе намекает на 332 год и является таким образом одним из годов последнего периода Сотиса, то становится еще более вероятным, что вся вообще хронология Манефона находится в какой-то связи с исчислением по этим периодам. Мне думается, что для хронологии I томоса, охватывающего I—XI дин., это можно с легкостью доказать. Сумма лет I томоса равняется по Африкану 2300 годам и 70 дням, и по Евсевию 2300 годам и 75 дням.³ У Африкана эта сумма оправдывается путем сложения отдельных суммандов — лет правления всех династий, входящих в состав томоса. Я должен остановиться на этом вопросе, так как в литературе этот вопрос не был еще решен окончательно.⁴ Решение же вопроса о сумме I томоса имеет для нас немаловажное значение. Сопоставим поэтому все Африкановские суммы династий от I—XI, за исключением лет правления Аменемхета I, родоначальника XII дин.

I дин.	253 г.
II »	302 »
III »	214 »
IV »	277 »
V »	248 »
VI »	203 »
VII »	— » 70 дней
VIII »	146 »
IX »	409 »
X »	185 »
XI »	43 »

Сумма 2280 л. 70 дней

¹ W. Spiegelberg. Eine neue Spur des Astrologen Petosius, стр. 4.

² Ср. В. Струве. Эрмитажный папирус № 1116, В, recto и пророческая литература Древнего Египта (Зап. Коллегии востоков., I, стр. 226 сл.); его же, Zum Töpferorakel (Raccolta Lumbioso, стр. 293 сл.).

³ Как у Синкелла, так и в армянском переводе, «хотя его суммы династий не слагаются в такое большое число» (Gelzer. Africanus, I, стр. 199), 200 лет Варвара, конечно, описка (Gelzer, там же).

⁴ См. решение у Gelzer'a, Africanus, I, стр. 198 сл. и противоречащее ему решение Ed. Meyer'a, Chronol., табл. к стр. 125 и табл. к стр. 166. Об этих расхождениях их между собой, а также со мной, мне придется детально говорить, когда мы будем проверять каждую из сумм лет династий I тома.

Остается теперь только еще причислить к этой полученной сумме годы правления Аменемхета I, который, как мы выше видели, был причислен Манефоном к первому томосу. Согласно Африкановскому эксерпту названный царь правил 16 лет.¹ Если мы эти 16 лет прибавим к выше полученной сумме в 2280 лет, то получим лишь «2296», а не требуемые «2300». Требуемую сумму мы получили бы, если бы число лет правления Аменемхета I равнялось «20». Согласно же свидетельству памятников Аменемхет I правил действительно 20 лет.² Я поэтому и полагаю, что в первоначальном Манефоновском тексте, а также в тексте его первых переписчиков, стояло число, которое соответствовало «20». Число же «16» в дошедших до нас трудах эксерптаторов Манефона является простой опiskой, вызванной тем, что в предшествующей строке переписчик нашел эту цифру «16» в качестве числа царей XI дин.³

Путем легкой и, смею думать, вполне обоснованной эмендации мы получаем из сложения тех чисел, которые дает Африкан в своем Манефоновском эксерпте, сумму I томоса — 2300 лет. Но, конечно, ни эта сумма томоса в 2300 лет, ни все без исключения суммы лет отдельных династий, входящих в состав I томоса эксерпта Африкана, не восходят к пратексту Манефона. Дело в том, что некоторые суммы лет династий не соответствуют фактическому результату сложения всех отдельных суммандов, т. е. лет правления отдельных представителей династии. Такие противоречия мы находим в суммах лет династий I, IV и V. Кроме этого в сумме лет VI дин. мы имеем случай непонимания текста Манефона со стороны его эксерптатора.

Обратимся теперь к выявлению этих противоречий и недоразумений и начнем по порядку с I дин. Сумма лет правления последней равняется «253», в то время как сложение лет царствования всех представителей династии дает «263». Таким образом перед нами встает вопрос, которое же из данных 2-х чисел, сумму ли лет династии «253» или фактический итог всех отдельных царствований, — приписать перу Манефона.

Исходным пунктом для решения этого вопроса должна служить аксиома о выборе меньшей цифры, ибо увеличение и без того высоких чисел Мане-

¹ Также и у Евсевия.

² Всего он правил 30 лет, но последние 10 лет он правил совместно со своим сыном Сесострисом I. Поэтому лишь 20 лет могут быть приняты во внимание при хронологическом расчете.

³ Эта цифра «16» являлась также в свою очередь опiskой. Переписчик вычитал лишние (10). Всего царей XI дин. было 6. Поэтому возможно, что описка «16» лет Аменемхета I, вместо правильных «20», восходит уже к переписчику Африкана. Африкан, надо полагать, сам проверял суммы, которые он находил в эксерпируемых им источниках.

фона может быть допущено лишь на основании весьма веских данных. Поэтому уже а priori мы должны склониться в пользу «253» лет и отказаться от «263». Этот выбор станет тем более вероятным, что число «253» засвидетельствовано кроме Африкана еще и у Варвара и Евсевия.¹ Это же число лет правления для I дин. устанавливают на основании реконструкции аннал Древнего царства — Sethe² и Borchardt.³ Мы можем таким образом принять сумму лет I дин. — «253» в устанавливаемый нами Манефоновский текст.

Сумма лет IV дин. «277» — также расходится с фактической суммой отдельных царствований, равняющейся «284». Исходя из нашего принципа «сокращения чисел», мы должны выбрать меньшее число «277». Кроме этого оно засвидетельствовано еще и Варваром.⁴ Мы можем поэтому с большой вероятностью предположить, что одним из переписчиков был допущен lapsus calami и вместо « $\alpha\beta'$ » лет первого царя династии Σώρις он написал « $\alpha\theta'$ » или же вместо « β' » лет последнего царя династии Θάμφθις он написал « θ' ».⁵

Сумма лет V дин., засвидетельствованная Африканом, равняется «248», засвидетельствованная Варваром — «258».⁶ Фактическая же сумма лет правления всех 9 царей династии, начиная с Ούσερχερής и кончая Όυνος, соответствует лишь «218». На правильный путь объяснения этого расхождения в 30 лет вступил уже Carolus Müllerus, когда он сумму в 248 лет получает из сложения 218 лет V дин. и 30 лет первого царя VI дин. Όθόης.⁷ Это остроумное предположение можно подкрепить следующими соображениями. Разбираясь в списке VI дин., мы можем предположить, что в дошедшем до нас эксцерпте Африкана исчез один из представителей данной династии в первоначальном тексте Манефона. В труде нашего историка

¹ Евсевий у Синкелла (ed. Dindorf, стр. 103, 9) дает «252». Эту же сумму мы находим и в армянском переводе, ed. Schoene, стр. 137. Правда в армянском переводе, ed. J. Kars, мы находим сумму «270».

² Sethe. Beiträge zur ältesten Geschichte Aegyptens (Unters. z. Geschichte Aegyptens, III, стр. 44 сл.).

³ Annalen u. zeitl. Festlegung d. Alt. Reiches, Berlin, 1917, стр. 30 сл. Согласно реконструкции Borchardt'a, число лет I дин. равнялось от 148—150.

⁴ Евсевий, к сожалению, в данном случае не может быть полезным, ибо здесь в его эксцерпте уже начинается, кажется, та путаница, которая привела к опущению им V дин. См. выше.

⁵ См. Unger. Manetho, стр. 91.

⁶ Евсевий дает династия 100 лет правления. Очевидно он считает только 100 лет Пиопи II. Ed. Meuser в таблице к стр. 166 своей Chronol. несколько сглаживает ту путаницу, которую натворил Евсевий со списками IV—VI дин.

⁷ Fragm. Hist. Graec., II стр. 553.

возглавляли названную династию 2 царя, весьма сходные по имени, один из которых царствовал 30 лет, а другой, будучи его соправителем, царствовал самостоятельно лишь несколько месяцев. Начало манефоновского списка VI дин. имело примерно следующий вид:

$$\begin{array}{l} \text{'Οθώης} - \left(\begin{array}{c} \triangle \\ \square \end{array} \right) \quad \text{Tty} - \text{ἐτηλ'}^1 \\ \text{'Οθός} - \left(\begin{array}{c} \square \triangle \square \square \end{array} \right)^2 \quad \text{Yty} \end{array}$$

Один из переписчиков по недоразумению ввел в оставленную лакуну числа лет правления царя 'Οθός — 30 лет его предшественника. Получился таким образом 2 «'Οθός», греч. «'Οθώης»,³ с одинаковым числом лет. Эти дополнительные 30 лет кроме того были лишними в сумме лет VI дин., и поэтому один из 'Οθός'ов с его 30 годами был изъят из числа представителей VI дин. и оказался находящимся между V и VI дин. В дальнейшем процессе переписывания списков Манефона этот междудинастический 'Οθός был элиминирован, а его 30 лет правления были приписаны к сумме лет правления V дин.

Правильность этого моего объяснения появления лишних 30 лет в сумме V дин. доказывается еще следующим обстоятельством, а именно той странной путаницей, которая царит в эксперите Евсевия в списке V и VI дин. Как известно, Евсевий совсем упускает V дин. Манефона и заменяет ее Манефоновской VI дин., исключив из нее последнюю представительницу Нитокрис, которую он делает единственной представительницей своей VI дин. И вот я думаю, что эта путаница Евсевия была обусловлена той копией списков Манефона, которой он располагал. В ней он находил в соответствующем месте следующий текст: «Πέμπτη δυναστεία βασιλέων ἡ ἐξ' Ἐλεφαντίνης, οἱ ἐβασίλευσαν ἔτη σιή. Μέθ' οὗς Ὀθός ἐτη λ' .⁴ Ἐκτη δυναστεία βασιλέων ἐξ Μεμφιτῶν. Ὀθός ἐτη λ' ὅς ὑπὸ τῶν δορυφόρων ἀνῆρέθη...

¹ К этому царю см. Gauthier. Livre d, rois, I, стр. 145, и Fl. Petrie. Hist. of Egypt I¹⁰, стр. 101—102.

² В пратексте Манефона вероятно были отмечены несколько месяцев его правления, но эти месяцы были наверное опущены уже одним из первых переписчиков труда Манефона.

³ Путаница произошла следующим образом: Οθωνεис <Οθωνεис> Οθωνс.

⁴ Эти 248 лет правления V дин. — царствование Отоэса каким-то образом, очевидно, повлияли на «448 лет» правления IV дин.

⁵ Убит был своими телохранителями из номовой знати; наверное не родоначальник

VI дин. $\left(\begin{array}{c} \triangle \\ \square \end{array} \right)$, правивший 39 лет, а эфемерный $\left(\begin{array}{c} \square \triangle \square \square \end{array} \right)$.

Νίτωκρῖς γεννησιώτατῃ καὶ εὐμορφωτάτῃ τῶν κατ' αὐτὴν γενομένην, ξάνθη τὴν χροιάν, ἢ τὴν τρίτην ἡγεῖρε πυραμίδα». Евсевий в данном тексте отождествил Отоэса V дин. с Отоэсом VI дин. и таким образом смог отождествить Манефоновские V и VI дин. В цифре «30», отмечающей число лет правления Отоэса VI дин., он увидел указание на число царей своей «гибридной» V—VI дин. «'Εξ» «6» же он принял, как предлог «ἐκ» «из». Получившуюся лакуну в числе династий он заполнил тем, что Нитокрис, к каковому имени один из интерполяторов Манефона приписал столь обильный «historicum spatium», он, Евсевий, выделил в самостоятельную династию. Путем подобного «творчества» и интерполяции Евсевий получил текст, действительно ничего общего с первоначальным Манефоновским текстом не имеющий: «Πέμπτῃ δυναστείᾳ βασιλέων τριάκοντα ἐνὸς ἐξ' Ἑλεφαντίνης.¹ ὧν πρῶτος Ὀθόης... κτλ. Ἑκτῇ δυναστείᾳ. Γυνὴ Νίτωκρῖς... κτλ»...

На основании всего сказанного, я полагаю, мы можем с уверенностью признать, что в первоначальном Манефоновском тексте число лет правления V дин. соответствовало 218, а не 248. Выбрав первое, меньшее число, мы тем самым следуем установленному нами принципу сокращения чисел эксцеритаторов Манефона.

Сократить нам придется также и сумму лет VI дин., равняющуюся, согласно Африкану и Варвару, 203,² хотя в данном случае и сумма династии совпадает с фактической суммой отдельных царствований, входящих в состав ее. Но здесь вкралась в число лет одного из царствований ошибка вследствие неправильной интерпретации Африканом или его источником эксцерпируемого Манефоновского текста. Дело в том, что слова Манефона по поводу длительности царствования Пиопи II «ἐξαέτης ἀρχάμενος βασιλεύειν διεγένητο μέχρι ἐτῶν ρ» были поняты в том смысле, что названный царь правил 100 лет. В действительности же Манефон, как мы выше видели, хотел данными словами сказать то, что Пиопи II, вступив на престол 6-ти лет, царствовал вплоть до своего столетнего возраста. Поэтому мы должны будем отнять от 203 лет, засвидетельствованных Африканом, как сумма лет правления VI дин. — 6 лет, и мы получим тогда 197 лет как подлинную сумму лет VI дин. труда Манефона.³

¹ Указание «Μερφιτῶν» он опустил, как несовместимое с элевфантинским происхождением династии.

² Эти же 203 года мы находим и у Евсевия: «οἱ καὶ ἐβασίλευσαν (на краю исправлено «ἢ καὶ ἐβασίλευσαν», так как речь идет лишь о Нитокрис) ἑτὶ τρία, ἐν ἄλλῳ σγ'. В армянском переводе даже говорится лишь об этих 203 годах.

³ См. выше, стр. 234 сл., а также Ed. Meyer. Chronol., стр. 167.

Прочие суммы лет династии не внушают подозрения,¹ в том числе и сумма лет XI дин. Указанная выше (стр. 8) описка «43» вместо «243» восходила, очевидно, к Манефону, или к его источнику. Мы можем поэтому, после предварительного исправления рассмотренных нами сумм, приступить к новому сложению всех слагаемых первого томоса.

I дин.	253 года
II »	302 »
III »	214 »
IV »	277 »
V »	218 »
VI »	197 »
VII »	— » 70 дней
VIII »	146 »
IX »	409 »
X »	185 »
XI »	43 »

Сумма 2244 года 70 дней

Эти 2244 года являются, конечно, египетскими гражданскими годами в 365 дней. Следовательно, они соответствуют $2242\frac{1}{2}$ солнечным годам, или годам юлианского календаря. Таким образом оказывается, что, согласно Манефону, первый год Аменемхета I родоначальника XII дин. отделяют от первого года царя Менеса — $2242\frac{1}{2}$ или круглым счетом 2242 солнечными годами. Но ровно столько же лет отделяют первый год царя Аменемхета I, вступившего на престол в 2000 г. до н. э.,² от года введения египетского календаря, который падал, согласно изысканиям Ed. Meyer'a, на год 4242.³ Надо думать, что совпадение результатов двух вычислений, не имеющих ничего общего между собой, не может быть случайностью.⁴ Очевидно, эти 2 периода в 2242 года, получившиеся в результате и того и другого вычисления, являются по существу тождественными. Следовательно, согласно Манефону, Менес вступил на престол за 2242 года до

¹ Сумма лет VIII дин. определена Африканом в 146, но в следующем подсчете с предшествующими суммами она равняется 142 годам. Надо думать, что эти «142» года являются просто опиской. Ср. Ed. Meyer. Chronol., табл к стр. 166 «nach der Summierung, p. 108, 17 (Синкелл, изд Dindorf) fälschlich 142 J.».

² См. хотя бы Ed. Meyer. Chronol., стр. 51 сл.

³ Там же, стр. 38 сл. Строго говоря, год введения календаря соответствовал 4241 году, но в данном случае была небольшая неточность в древнеегипетских исчислениях, определивших год ἀποκτίστασις эпохи Сети I годом 1322.

⁴ Иной раз бывают, правда, поразительные совпадения чисто случайного характера, ср. хотя бы те 2242 года, которые, согласно Евсевию (Хрон. арм. пер. изд. Karst, стр. 64), отделяли потоп от Адама. Но, конечно, в разобранный нами случае такого случайного совпадения быть не могло, ибо те 2 периода в 2242 года могут быть уже a priori объявлены тождественными, так как конечным годом и того и другого периода является одно и то же событие, а именно вступление на престол Аменемхета I.

Аменемхета I, и первый же год Менеса был вместе с тем и годом введения календаря и, таким образом, начальным годом первой *ἀποκατάστασις*.

Это положение о том, что для Манефона Менес был творцом календаря, находит свое подтверждение и в прочих числах I томоса. Дело в том, что мы имеем указание в I томосе ровно через 1461 год после первого года Менеса на начало второй *ἀποκατάστασις*. Действительно, суммы лет династий I—VI включительно — $253 + 302 + 214 + 277 + 218 + 197$ — составляют 1461 год. На этот 1461 год, последний год первой *ἀποκατάστασις*, падают, согласно Манефону, те загадочные 70 дней, в течение которых правили 70 царей VII дин.¹ Данное сообщение Манефона всегда вызывало недоумение, и многими даже рассматривалось как наиболее яркий пример нелепости исторического повествования иерограммата из Севеннитского нома. Теперь же, когда мы уяснили себе, что последний год VI дин. и 70 дней 70-ти царей VII дин. являются вместе с тем последним годом первой *ἀποκατάστασις*, данное сообщение Манефона теряет свою нелепость и приобретает сугубый интерес. Но для отчетливого уяснения себе всего значения данного замечания Манефона мы должны сказать предварительно несколько слов о тех способах, которые применялись в Египте для исчисления царских годов. Таких способов знали египтяне в различные эпохи два. Один из них применялся ими в течение сравнительно короткого времени — в эпоху после Гиксосского завоевания вплоть до конца Нового царства. Это был способ так называемой последатировки, когда годы правления какого-либо царя начинались с момента его вступления на престол, и таким образом первый год его обнимал 365 дней. Лишь последний год его являлся частью года в 365 дней. Во всех прочих периодах египетской истории и в Древнее и в Среднее царства, а также в позднюю эпоху, применялся иной способ исчисления, так называемой преддатировки. Согласно этому способу, начало царского года совпадало с началом календарного года. Первый же и последний годы какого-нибудь царя являлись лишь частью календарного года. Следовательно его первый год и последний год его предшественника и его последний год и первый год его преемника составляли лишь 2 целые календарных года.²

На основании сказанного вытекает, что в эпоху VI дин. применялся способ преддатировки и первый год какого-либо царствования являлся лишь частью календарного года. В таком случае первый год первого царя VIII дин.,

¹ Эти данные сохранил лишь Африкан. Евсевий сообщает о 5 царях VII дин., которые царили 75 дней. В арм. пер. эти 75 дней превратились в 75 лет.

² По этим вопросам см. Ed. Meyer. Chronol., стр. 55—56; Borchardt. Annalen u. d. zeitl. Festlegung d. A. K., стр. 1 сл., и Sethe. A. Z., 58, стр. 39 сл.

сменившего на престоле Египта последнего царя VII дин., равнялся бы лишь той части календарного года, которая оставалась после дня смерти его предшественника. Следующий же за этим календарный год, 1462 год после первого года Менеса и год великого праздника вечности, начало нового периода Сотиса, являлся уже вторым годом основателя VIII дин. Поэтому весьма понятным было стремление нового царя посвятить великому историческому празднику, справлявшемуся лишь раз в течение 1461 года, свой первый год. Таким образом начало его царствования совпадало бы с началом новой эры. Это свое желание он осуществил весьма искусным образом. Последние 70 дней года, оставшиеся после дня смерти старого царя, были объявлены периодом *interregnum*'а и 70 высших сановников и знатных были выбраны, чтобы быть по очереди в течение этих 70 дней эфемерным (в самом буквальном смысле этого слова) владыкой Египта. Так по крайней мере, судя по Манефону, представляла себе дело последующая египетская традиция. Таким образом конечным итогом нашего исследования, посвященного числам первого томоса Манефона, является вывод, что в этой части своего труда египетский историк повествовал о двух *ἀποκατάστασις* — об одной при Менесе и о другой при основателе VIII дин. Это упоминание Манефоном второй *ἀποκατάστασις* ровно 1461 год после первого года Менеса в сильнейшей степени подкрепляет наше основное предположение о том, что в первом томосе первый год Менеса являлся вместе и первым годом периода Сотиса, начинавшегося в 4242 году.

Правда, нашему положению о начале в Манефоновском труде династического Египта в 4242 году определенно противоречит часть хронологии II томоса, начиная с XIII—XVII дин. Здесь приводятся громадные числа (см. стр. 40).

Эти числа настолько велики, что они не могут быть втиснуты в период между 2000 годом, началом XII дин., и 1557 годом, первым годом царя Аменхотпе I, одного из первых царей XVIII дин. Оба года, и 2000 год и 1557 год, как известно, установлены на основании современных дат Сотиса.¹ Столь большое расхождение между данными эксцерпторов Манефона и данными памятников заставило даже такого осмотрительного ученого, каким является Fl. Petrie, отодвинуть на один лишний период Сотиса начало династического Египта.²

¹ Цифры в тексте даю по Африкану. Если Евсевий с ним совпадает, то я не отмечаю этого в примечании.

² У Евсевия в греческом тексте приводится 2 числа: «ρπδ' ἐν ἄλλῳ ὑπδ' ΙΙ. В арм. перев. приводится лишь последнее число.

60 царей XIII дин. царили	453 года ¹
76 » XIV » »	184 » ²
6 » XV » »	284 » ³
32 » XVI » »	518 » ⁴
43 + 48 » ⁵ XVII » »	151 » ⁶
Итого 1590 лет	

Но я думаю, что мы уже а priori можем ослабить силу свидетельства этих чудовищных чисел II томоса. Дело в том, что в I томосе и, как мы увидим ниже, в III томосе числа Манефона могут быть согласованы более или менее с данными памятников. Поэтому, исходя из установленной нами в самом начале аксиомы о большом контексте, очень невероятным является предположение, что Манефон ошибался, и притом самым нелепым образом лишь в середине своего труда, а в начале же и в конце следовал исторической истине. Более вероятно в таком случае предположение, что ошибки II томоса восходят не к перу самого Манефона, а к перу его переписчиков. Это предположение будет тем более вероятным, что как раз повествование первой половины II томоса должно было заинтересовать иудеев, которые здесь надеялись найти подтверждение для своей библейской традиции. Действительно, это априорное предположение находит свое подтверждение в том факте, что хронология последующих частей II томоса, а также и всего III томоса, которая уже меньше интересовала иудейских писателей, прекрасно согласуется с хронологией, устанавливаемой на основании памятников.

К хронологии этих частей труда Манефона мы теперь и приступим.

Начиная с XVIII дин. экскерпторы Манефона сохранили поименный список царей. Цари XVIII дин. перечислены и у Иосифа Флавия, причем здесь переписчик выписал в отдельных царствованиях не только число лет, но и число месяцев. Экскерпт Африкана и здесь, как во всех прочих дина-

¹ У Евсевия 250 лет. У Иосифа Флавия не дана сумма царствования первых 6 Гиксосов. Фактическая сумма равняется 259 годам 10 месяцам.

² У Евсевия 190 лет. У Иосифа Флавия сумма лет XV и XVI дин. равняется 511.

³ 43 Гиксоса и 43 Фиванца. У Евсевия, как известно, перепутаны данные династий, и его XVII дин. соответствует Африкановской XV дин. Я остановился выше на этом вопросе и здесь его не затрагиваю, так как в данном случае нам интересно установить лишь длительность периода между Средним и Новым царствами, согласно числам, сохранным у экскерпторов. У Иосифа Флавия не названо число царей Гиксосских и Фиванских.

⁴ Согласно Евсевию число лет равняется 103 годам. Иосиф Флавий не определяет число лет, в течение которых продолжалась борьба за независимость, он говорит, что эта война была *μεγάς καὶ πολυχρόνιος*.

⁵ См. Ed. Meyer. Chronol., стр. 45.

⁶ См. его интересную статью «The length of egyptian history (Historical Studies, т. II, стр. 10 сл.). Решающие доводы против такого удлинения истории династического Египта вообще и против удлинения периода между Средним и Новым царствами в частности приведены Ed. Meyer. Chronol., стр. 60 сл.

ствиях, закругляя число лет, опускал месяцы. Кроме этого в его списке и в некоторых других пунктах имеются некоторые неточности по сравнению с данными Иосифа Флавия, но все же в общем эксерпт Африкана оправдывает и в списке XVIII дин. свою славу хорошего источника. Евсевий и здесь много хуже Африкана, но в нескольких деталях он сохранил более тщательно первоначальный Манефоновский текст.¹ Принимая во внимание все эти 3 первоначальных эксерпта, можно восстановить первоначальный текст Манефона. Эта часть царских списков Манефона для нас интересна и тем, что мы можем с большой точностью установить ее абсолютную хронологию благодаря астрономическим датам, которые сохранили нам современные надписи. Первую из этих дат дает нам уже упомянутый нами выше календарь папируса Эберса. Согласно его свидетельству, 9-й год царя Аменхотпе I падал на 1550 год, и следовательно его первый год соответствовал 1558 году.² Казалось бы, что этой даты вполне достаточно для проверки хронологии Манефона, но к сожалению это не так. Дело в том, что данные царских датировок на современных памятниках не всегда совпадают с данными исчисления Манефоном лет правления того или другого царя. Мы ведь видели, что наш историк иной раз присчитывал к годам самостоятельного царствования и годы соправления (Сесострис I, Аменхотпе II). Поэтому вполне возможно, что и в данном случае в число 20 лет 7 месяцев (Иосиф Флавий, 21 год у Африкана³ и Евсевия) Аменхотпе I входили наряду с годами самостоятельного царствования и годы соправления его со своим отцом Амасисом I. Годы же соправления не всегда принимались во внимание царской датировкой, и таким образом 1558 год, год начала царствования Аменхотпе I, согласно календарю папируса Эберса мог не совпадать с первым годом правления названного царя в списке Манефона. Конечно, такая возможность вывода не слишком умаляет ценность свидетельства названного источника. Мы все же на основании его получаем важный *terminus post quem*, а именно указание, что царствование Аменхотпе I кончилось не раньше 1550 г. до н. э.

Другой не менее важный *terminus post quem* дает нам дошедший до нас фрагмент эфеского календаря эпохи Тутмосиса III.⁴ Он сохранил

¹ Я не думаю, что Евсевий исправлял свой список с помощью данных Иосифа Флавия, как это полагает Unger. *Manetho*, стр. 15 и 164. Если бы это было так, то во всех случаях расхождение Евсевия с Африканом мы наблюдали бы совпадения данных Евсевия с данными Иосифа Флавия, но это не совсем так, как это видно из нижеследующего сопоставления. Кроме этого царя он называет не Τεθρυσος, а Ἀρσος.

² См. Ed. Meyer. *Chronol.*, стр. 48.

³ В тексте стоит число «24», но на полях написано «21».

⁴ Brugsch. *Thesaurus*, II, стр. 343; Ed. Meyer, ук. соч., стр. 48.

нам дату восхода Сириуса. К сожалению только, в виду фрагментарности, нельзя установить год Тутмосиса III, которым была датирована надпись. Поэтому мы можем на основании ее лишь сказать, что 1474 год входил в число лет царствования Тутмосиса III, и следовательно оно кончилось не раньше этого года.

От царствования того же Тутмосиса III дошла до нас и надпись, сохранившая ту астрономическую дату, которая вместе с 2 другими, уже разобранными нами датами, устанавливает с точностью время царствования Тутмосиса III, а в связи с этим и хронологию Нового царства. Я имею в виду свидетельство аннал названного царя, согласно которому в 23 году его правления в 21 день девятого месяца египетского гражданского года имело место новолуние.¹ Это свидетельство аннал дает нам возможность установить, что новолуние имело место и в 30 день шестого месяца в 24 год того же царя.² На основании этих дат новолуния мы можем определить время 23 и 24 годов Тутмосиса III. Приступая к этому вычислению, мы должны будем предпослать ему 2 предварительных замечания. Первое — это то, что новолуние можно было в древности установить лишь спустя 2 дня после действительного астрономического новолуния.³ Поэтому мы должны будем к установленной нами дате астрономического новолуния прибавить 2 дня, чтобы получить ту дату, которую имел в виду египетский писец. Второе замечание сводится к тому, что в движении месяца наблюдается 19-годовой период, и мы таким образом можем выбирать между несколькими датами, разделенными друг от друга 19 годами. Но ограничением нашего выбора могут служить те 2 *termini post quem*, которые мы выше установили — 1550 год (*terminus post quem* кончил царствование Аменхотеп I) и 1474 год (*terminus post quem* кончил царствование Тутмосиса III).

Исходя из указанных соображений, мы можем отождествить новолуние 21 дня девятого месяца 23 года Тутмосиса III лишь с тем астрономическим новолунием, которое — согласно таблице новолуний, составленной Mahler'ом в A. Z., 27, стр. 104—105, — имело место 19 мая в 14 часов 8 минут 1503 г. Новый месяц был замечен лишь 2 дня после астрономического новолуния, и следовательно 21 день девятого месяца 23 года Тутмосиса III должен соответствовать 21 мая 1503 г. Такое определение не противоречит тому, что мы знаем об египетском календаре того времени. Действительно, согласно календарю папируса Эберса, начало египетского

¹ Brugsch. Thesaurus, I, стр. 95.

² Brugsch, ук. соч., II, стр. 323.

³ Ed. Meyer, ук. соч., стр. 49—50.

гражданского года, соответствующего 1449 году юлианского календаря, совпадало с 14 сентября 1550 г. Следовательно начало гражданских лет 1505—1502 совпадало с 3 сентября. На 3 же сентября падало и начало того гражданского года, в 21 день девятого месяца которого имело место новолуние. Я сознательно назвал этот год гражданским годом, а не 23 годом Тутмосиса III, ибо как мы выше видели, в эпоху Нового царства царские годы не совпадали с гражданскими. Первые начинались со дня вступления на престол, а не с первого дня первого календарного месяца. Из тех же анналов Тутмосиса III мы узнаем, что названный царь вступил на престол в четвертый день девятого месяца,¹ и следовательно начало 23 года совпадало с 4 мая 1503 г., коль скоро 21 день девятого месяца в названный царский год соответствовал 21 мая 1503 г.

• Теперь нам остается проверить установленный нами результат хронологического определения 23 года Тутмосиса III с 2 вышеуказанными *termini post quem*. Согласно Манефону, Аменхотпе царствовал 20 лет 7 месяцев, Тутмосис I 13 лет и Хатшепсут 21 год 9 месяцев, итого 55 лет 4 месяца. С большой вероятностью мы можем предположить, что годы царствования Хатшепсут и Тутмосиса III совпадали² и поэтому 22-й год, год смерти Хатшепсут, был наверное вместе с тем и 22 годом Тутмосиса III. Согласно Манефону, Хатшепсут умерла на 10-м месяце своего 22 года, следовательно примерно за 3 месяца до начала 23 года Тутмосиса III. Если этот год названного царя начинался 4 мая 1503 г., то в таком случае смерть Хатшепсут последовала в январе 1503 г. Прибавим к этому установленному нами моменту кончины Хатшепсут 55 лет 4 месяца, сумму лет царствования Аменхотпе I, Тутмосиса I и Хатшепсут, и мы получим как начало царствования Аменхотпе I сентября 1559 г. Мы видим таким образом, что первый из вышеуказанных *termini post quem* не противоречит нашему отождествлению новолуния 21 дня девятого месяца в 23 год Тутмосиса III с новолунием 19 мая 1503 г.

Столь же мало противоречит нашему отождествлению и второй *terminus post quem*. Действительно, если 23 год Тутмосиса III начинался 4 мая

¹ Sethe. Urk. d. 18 Dyn., стр. 747.

² В эпоху датировок Хатшепсут упоминается и Тутмосис III. Надо думать, что оба считали началом своего царствования одним из первых дней царствования Тутмосиса II, отца Тутмосиса III и мужа Хатшепсут. Наверное этот царь сделал своими соправителями свою жену и своего малолетнего сына. Из надписи Хатшепсут, повествующей о воздвигении ею Карнакских обелисков, следует, что начало царствования падало на один из дней между первым днем шестого месяца и 30-м днем двенадцатого месяца (см. Breasted. Unders. z. Gesch. Aegyptens, т. II, стр. 25).

1503 г., то и 54 год его царствования соответствовал 1471—1470 году до н. э. Из этого же следует, что 1474 год до н. э., год эфепатинского календаря, входил в число лет правления Тутмосиса III, являясь его 51 годом.

В виду всего этого мы можем считать доказанным, что согласно дате новолуния в анналах 23 год Тутмосиса III соответствовал действительно 1503—1502 году юлианского календаря. Нам остается лишь указать на то новолуние, которое соответствует новолунию 30 дня шестого месяца в 24 году Тутмосиса III, о котором упоминается в одной из его строительных надписей. Согласно таблице новолуний, указанный 30 день шестого месяца в 24 году соответствует астрономическому новолунию, имевшему место 27 февраля 1501 г. в 19 часов 56 минут. Так как этот год был високосным, то это новолуние стало объектом наблюдения 29 февраля. Начало гражданского года, в 30 день шестого месяца которого было новолуние, падало на 2 сентября. 2-го же сентября начинался гражданский год, соответствующий 1502—1501 году юлианского календаря.¹

Результатом нашего исследования, посвященного датам о новолуниях эпохи Тутмосиса III, является положение о том, что начало 23 года Тутмосиса III соответствует 4 мая 1503 г. Посмотрим же, можем ли мы вместить во время, протекшее с мая 1503 г. вплоть до конца 332 года, момента прихода Александра, все те годы, которые Манефон причисляет царствованиям, начиная с самостоятельного правления Тутмосиса III вплоть до конца XXXI дин.

23 год Тутмосиса III, который должен служить нам исходным пунктом для всего нашего последующего вычисления, мы можем с легкостью определить в списке Манефона. Для этого нам надо только отнять от той суммы лет, которую дает Манефон самостоятельному царствованию Тутмосиса III — 3 или 4 месяца, для того, чтобы сделать полным 22-й год Хатшенсут, а следовательно и его, Тутмосиса III. Таким образом мы получаем следующий список второй половины XVIII дин. на основании свидетельства 3 экскерпаторов Манефона.²

¹ В астрономическом отношении наше определение времени указанием новолуний эпохи Тутмосиса III является даже более удобным, чем то определение, которое им дал Ed. Meyer. Chronol., стр. 50. Он отождествляет их с новолуниями, имевшими место в 1478 г. 13 мая в 6 часов и в 1476 г. в 4 часа 48 минут. Но для второго новолуния он должен допустить, что новый месяц стал объектом наблюдения уже на следующий день после действительного астрономического новолуния.

² Числа книги Сотиса я оставляю без внимания. Порча их слишком очевидна. Они восходят; надо думать, к списку, близкому списку Евсевия, ср., напр., сходные формы имен. Но составитель книги Сотиса знал также и Иосифа Флавия.

Годы плавления

	Иосиф Флавий	Африкан	Евсевий (эпитоме)	Евсевий (Series regum и канон)
1. Тутмосис III	12 лет 5 мес.	13 лет (—7 м.)	12 лет (—7 м.)	12 лет (—5 м.)
2. Тутмосис III и Аменхотпе II	25 » 10 »	26 »	26 »	26 »
3. Тутмосис IV	9 » 8 »	9 »	9 »	9 »
4. Аменхотпе III	30 » 10 »	31 »	31 »	31 »
5. Эхнатон	36 » 5 »	37 » ²	36 или 38 ¹	37 »
6. Θουγυτήρ Ἀχεγχέρης	12 » 1 »	32 »	16 »	12 »
7. Ράθωτις ἀδελφός	9 » — »	6 » ³	—	9 » ⁴
8. Ἀχεγχέρης	12 » 5 »	12 »	8 »	8 »
9. Ἀχεγχέρης ἕτερος	12 » 3 »	12 »	15 »	15 »
10. Ἀρμυς	4 » 1 »	5 »	5 »	5 »
Итого 165 лет				

Я даю лишь сумму лет XVIII дин. по Иосифу Флавию, ибо из сопоставления с другими эксцерптами видно, что его числа наиболее близко подходят к первоисточнику. Степень же абсолютной близости будет выявлена после сопоставления с прочими числами II томоса, а также и III томоса.

Вычтем, начиная с мая 1503 г., начала 23 года царствования Тутмосиса III, время, протекшее до конца XVIII дин., т. е. 165 лет, и мы получим май 1338 г. Следовательно до 1322 года, начального года эры Сети I, остаются с конечного года XVIII дин. еще 16 лет и 8 месяцев. Эти 16 лет и 8 мес. падают уже на счет XIX династии.

Для отчетливого уяснения себе дальнейшего летосчисления Манефона мы должны предварительно выявить на основании восстановленного нами выше списка, подлинного Манефоновского списка XIX дин., — хронологию этой династии в ее первоначальном виде. После наших предварительных исследований об эре Менотеса и о списке XIX дин. эта задача очень легкая.

Выше мы видели, что эксцерпторы опустили сына Мернептаха — Сети II, и естественным выводом является предположение, что ими были опущены и годы его царствования. Из остракона, изданного Deressy, который оказывает такие услуги в деле восстановления списка XIX дин., мы узнаем, что царь Сети II умер в 5 месяце своего 6 года.⁵ Поэтому мы можем ввести в список XIX дин. в качестве преемника Мернептаха Сети II Аменофеса с 6 годами. Следующее и последнее затруднение вызы-

¹ У Синкелла (ed. Dindorf, стр. 135, 8)—38. В арм. пер.—28.

² Очевидно описка, вызванная числами, как «37» и «31» предшествующих строк.

³ Принимая во внимание свидетельство Евсевия, мы можем исправить эту «6» в «9».

⁴ Евсевий в Series regum и в каноне вписал еще лишнего царя Chencheres с 15 годами.

⁵ Rec. de trav., 35, стр. 46.

вается нелепым числом 60 лет правления Рамсеса III Сиптаха преемника Сети II. Эта цифра «ξ'» является, конечно, не чем иным как простой опиской первоначального «ζ'» «7». После внесения двух указанных исправлений мы можем надеяться, что первоначальный список Манефоновской XIX дин. нами полностью восстановлен. Числа я беру у Иосифа Флавия и Африкана. Мы получаем таким образом для труда Манефона следующий список XIX дин.

1. Рамсес I	1 год 4 мес.
2. Сети I	19 » 6 »
3. Рамсес II	66 » 2 »
4. Мернептах	20 »
5. Сети II	6 »
6. Рамсес III	7 »
7. Аменмесес	5 »
8. Тусорис	7 »

Итого 131 год 12 мес., т. е. 132 года.

От этих 132 лет мы должны отчислить 16 лет и 8 месяцев, т. е. те годы XIX дин., которые падали на время между концом XVIII дин. (май 1338) и годом ἀποκατάστασις 1322 г. Таким образом после 1322 г. XIX дин. правила еще 115 лет и 4 месяца. Следовательно конец ее падал на май 1206 г. Любопытно здесь отметить, что и другие современные исследователи установили почти тот же самый момент конца XIX дин. — Petrie — 1203 г.,¹ Ed. Meyer — 1200 г.,² а за ним и Breasted.³

Конец XIX дин. был вместе с тем и концом II томоса Манефоновского труда, III томос начинался с XX дин. и заканчивался моментом завоевания Александром Египта в ноябре 332 г. Следовательно на III томос Манефона падало, начиная с мая 1206 г. вплоть до ноября 332 г. включительно, всего 874 года и 9 месяцев.

Посмотрим же, соответствует ли сумма всех чисел, приведенных Манефоном в III томосе, этому числу в 874 года и 6 месяцев.

Мы уже выше указали, что сумма годов III томоса у Африкана дошла до нас в испорченном виде. Число «1050» приходится вместе с Böckh'ом исправить в 850,⁴ но и это число не соответствует действи-

¹ Hist Eg., III, стр. 134.

² Chronol., стр. 68.

³ Gesch. Aeg., стр. 448.

⁴ Manetho, стр. 167. С ним согласился Unger, Manetho, стр. 72. Попытка Gelzer'a спасти число «1050» (Афр. I, стр. 203—204) обречена на неудачу, так как он отделяет от II томоса XIX дин. и причисляет ее к III томосу. Я полагаю, что это невозможно, ибо II томос обнимал собою самый блестящий период египетской истории и поэтому в состав его должна была войти XIX дин., эпоха великого Рамсеса II, Сесостриса поздних легенд см. выше § 6, пункт о XIX дин.).

тельной сумме лет III томоса. По данным Африкана она равняется 867 годам вместе с годами XXXI дин., а без этих 9 лет — 858 годам.¹ Поэтому мы можем спокойно оставить в стороне эту Африкановскую сумму III томоса и приступить к анализу отдельных сумм династий, чтобы после этого установить подлинную Манефоновскую сумму III томоса.

При анализе этих сумм я пользуюсь числами Африкана, но в случаях совпадений можно пользоваться и числами, сохраненными Евсевием.

Африкан для XX дин. не дает отдельных царствований, а лишь общую сумму, равняющуюся 135 годам.² Проверить окончательно это число мы не имеем пока возможности, но и на основании скудных дошедших до нас памятников от этой эпохи мы можем эту сумму лет считать не преувеличенной.³

Сомнение вызывает следующая сумма, сумма лет XXI дин. Здесь Африкан и Евсевий сохранили числа лет отдельных царствований, и в данном случае числа Африкана и Евсевия чрезвычайно близки друг к другу. Сумма лет «130» и тут и там тождественна. Числа лет 5-ти царствований тоже (26, 4, 4, 6, 9) совпадают и расходятся числа лет правления лишь второго и седьмого одноименных представителей династии.

	Африкан	Евсевий
2. Ψουσέννης I	46 лет	41 год
7. Ψουσέννης II	14 »	35 »

Это расхождение приводит к тому, что действительная сумма лет XXI дин., согласно Африкану, равняется не 130, а лишь 114, в то время как у Евсевия сумма лет династии и действительная сумма лет царствований соответствует 130. Надо поэтому думать, что в данном случае Евсевий сохранил правильные числа для лет правления второго и седьмого представителей династии.⁴ Рассмотрения требует и следующая сумма. Дело в том, что у Африкана и сумма лет XXII дин. — 120 лет — не совпадает с действительной суммой лет отдельных правлений, соответ-

¹ Ed. Meyer предполагает получить из этих 858 лет требуемые 850 лет путем введения в качестве суммы XXII дин. вместо 120 лет 116 лет, являющихся действительной суммой лет этой династии, и исправления 124 годов XXVII в 120 лет, соответствующих исторической действительности (Chronol., стр. 210). Но в таком случае надо также исправить ошибку переписчиков и в числе лет царствования Нехо II. Он царил не 6 лет, а 16 лет, и в таком случае повысить сумму лет династии с 150 лет на 160. Тогда сумма III томоса равнялась бы 860.

² Евсевий дает 178, resp. 172 (арм. пер.). Эти цифры слишком велики.

³ Breasted, у. с., стр. 448 считает минимальным временем правления этой династии 110 лет.

⁴ Это допускает и Ed. Meyer, ук. соч., стр. 205.

ствующей 116 годам.¹ Правда, это расхождение столь невелико, что его при тех сотнях лет, которые подлежат суммировке, можно было бы и оставить без внимания. Но, согласно одному из моих исследований, сумма лет династии в 120 лет является более приемлемой, так как памятники, кажется, ее требуют.²

Суммы лет XXIII,³ XXIV⁴ и XXV⁵ дин. у Африкана не вызывают никаких сомнений, так как совпадают с действительными суммами лет правления. Мы увидим в дальнейшем, что они могут быть согласованными с исторической реальной хронологией.

Список XXVI династии у Африкана находится в общем в соответствии с памятниками и с Геродотом. Лишь в двух пунктах имеются расхождения. В одном случае более правильным оказывается число Африкана. Последний определяет продолжительность царствования Априэса в 19 лет, в то время как Геродот свидетельствует о 25-летнем правлении названного царя. Памятники говорят в пользу Африкановского числа, ибо последнее 6 лет своей жизни Априэс провел в качестве соправителя своего преемника Амасиса, который держал своего предшественника пленным в Саисе.⁶ Геродот перепутал годы единоличного правления и годы соправительства Априэса, и таким образом объясняются его расхождения со свидетельством Африкана. Это же последнее, как соответствующее памятникам, мы должны рассматривать, как восходящее непосредственно к самому Манефону. Зато в другом случае мы должны признать ошибку у Африкана. Дело касается числа лет правления Нехо II, сына Псамметиха Великого. Согласно Африкану, названный царь правил лишь 6 лет, а по свидетельству памятников продолжительность его царствования определяется 16 годами. Геродот⁷

¹ У Евсевия сумма лет династии и действительная сумма лет отдельных правлений совпадали, но список этой династии у Евсевия заведомо испорчен. Опущены правления двух групп царствований, объединенных у Африкана под названием «ἄλλοι τρεῖς».

² См. в моей статье «Списки Манефона царей позднего Египта» (в V Сборнике Института яз. и мысл.) хронологию XXII дин. То, что мы в этом случае, а также и в сумме лет XXI дин., выбираем большее, а не меньшее число, то это нас не должно смущать, ведь мы выбираем его лишь на основании некоторых объективных данных. Кроме того в III томсе эксцерпторы Манефона имеют скорее тенденцию уменьшать числа. Ср. ниже сумму лет XXVI дин.

³ У Евсевия мы имеем сокращение первого царствования на 15 лет и опущение последнего царствования, и таким образом сумма династии равняется 44 годам.

⁴ У Евсевия Бокхорис царил 44 года. Ниже я попытаюсь объяснить это число.

⁵ Числа Евсевия лишь немного расходятся от чисел Африкана, и общая сумма равняется 44 годам.

⁶ Fl. Petrie. Hist. of Eg., III, стр. 346. Б. А. Тураев. Ист. Др. Вост., II, стр. 145—246.

⁷ Уже Böckh. Manetho (стр. 348) в 1845 г. определяет с помощью свидетельства египетских памятников продолжительность царствования Нехо II 16 годами.

в противоположность Африкану вполне правильно говорит о 16 годах правления Нехо II, как раз этот факт и заставляет нас признать, как я выше сказал (стр. 27), что 6 лет Нехо II у Африкана не являются ошибкой самого Манефона, а ошибкой его христианского эксцерпатора.¹ Ведь нельзя же предположить, повторяю я, чтобы иерограммат из *Diospolis Inferior* знал бы историю блестящей Саисской династии хуже, чем греческий турист второй половины V века. Такое предположение является абсурдным в особенности, если мы примем во внимание хорошую осведомленность Манефона в более отделенном прошлом своей родной страны. В виду этого мы должны будем к сумме лет XXVI дин. прибавить недостающие 10 лет исторического правления Нехо II.² Другие числа Африкана не вызывают сомнения.³ Следовательно, мы можем на основании сказанного установить в качестве подлинной Манефоновской суммы XXVI дин. — 160 лет и 6 месяцев.

В сумме лет XXVII дин. у Африкана также, как мы выше видели, не все в порядке. Пользуясь данными Евсевия и нового фрагмента *Bilabel*, мы можем исправить 6 лет Камбиса в $3\frac{1}{2}$ года, включая сюда и царствование Магов, опущенное Африканом, и, наконец, мы можем опустить эфемерные царствования Артабана, Ксеркса II и Согдиана. Удаление данных месяцев уравнивается тем, что числа лет правления прочих царей округлены, без указания числа месяцев.⁴ Принимая в расчет указанные исправления, мы получаем для XXVII дин. продолжительность правления в 120 лет и 6 месяцев. Прочие суммы династий XXVIII,⁵ XXIX,⁶

¹ Предположение о том, что эти 6 лет являются ошибкой уже одного из переписчиков Африкана, невозможно, ибо это число входит в хронологическую систему Африкана. См. Böckh. *Manetho*, стр. 332.

² Мы выше видели (см. прим. 80), как легко можно было добавить лишние «10» к числу царей.

³ Числа Евсевия отчасти зависели от Геродота (25 лет Априэса), отчасти представляют собою описки Африкановских чисел (44 года Псамметиха I и 17 лет Псамметиха II).

⁴ Ed. Meyer. *Chronol.*, стр. 207, даже полагает, что эти эфемерные царствования не были отмечены Манефоном. Я их только элиминирую из хронологического расчета. Дело в том, что, принимая в расчет эти эфемерные правления при абсолютном неизменении прочих закругленных чисел XXVII дин., мы отодвинем освобождение Египта от персидского ига при Амиртею к 403 г., а не к 404 (если только завоевание Камбиса не падало на 526 г.), как это установлено на основании свидетельств греческих авторов. Ср. Ed. Meyer. *Aegyptische Dokumente aus der Perserzeit*, стр. 289.

⁵ Евсевий также дает 6 лет Амиртею.

⁶ Μοῦσῆς, которого мы находим у одного Евсевия, был лишь эфемерным царем. См. в моей статье в Сборнике Института яз. и мысл. приведенное свидетельство демотической хроники.

Сб. воспом. дисц.

XXX¹ и XXXI² не вызывают никаких недоумений, и они, очевидно, соответствуют числам Манефона.

Подведем теперь итог суммам династий III томоса.

XX дин.	135 лет
XXI »	130 »
XXII »	120 »
XXIII »	89 »
XXIV »	6 »
XXV »	40 »
XXVI »	160 » 6 мес.
XXVII »	120 » 6 »
XXVIII »	6 » —
XXIX »	20 » 4 »
XXX »	38 »
XXXI »	9 »

Итого . . . 873 года 16 мес., т. е. 874 года 4 мес.

Таким образом хронология III томоса, обнимающего XX—XXXI дин., укладывается как раз в том числе лет, а именно 874 года и 4 месяца, которые, как мы выше видели, отделяли май 1206 года, конец XIX дин., от ноября 332 года, момента прихода Александра.³ Такой результат нашего исследования о хронологии III томоса в свою очередь подтверждает то, что и вся предшествующая хронология II томоса, начиная с 23 года царствования Тутмосиса III, т. е. с мая 1503 г., соответствует исторической действительности.

Этот вывод о ценности хронологии разобранных частей труда Манефона является, мы можем смело сказать, поразительным. Он дает нам возможность утверждать, что хронология египтян позднего времени не основана, как это до сих пор полагали, на полном забвении прошлого своей страны, а покоилась на летописях, обнимающих ряд тысячелетий. Ведь из того, что мы на предшествующих страницах установили о хронологии I, II и части III томосов, следует с бесспорностью, что те нелепые числа, которые мы находим у эксцерпторов Манефона для периода перехода Среднего от Нового царства, восходят не к перу самого Манефона, а являются продуктом творчества переписчиков египетского историка. Действительно, если хронология Манефона династического Египта начиналась

¹ Евсевий дает исторически неверное число в 20 лет.

² И здесь Евсевий по недоразумению определяет длительность правления династии абсурдными 16 годами.

³ Разница в 2 месяца, конечно, не имеет никакого значения. Не имела бы значение и разница в несколько лет в виду закругленности чисел (без указания месяцев) лет, которые сохранили эксцерпторы.

в 4242 г. и если 2242 года после этого, согласно Манефону же, вступил на престол Аменемхотпе I, то следовательно и в труде египетского историка сравнительно очень недолгий период времени отделял эпоху Среднего царства от эпохи Нового царства. Ведь, согласно нашему вычислению, Манефон уже в сентябре 1559 г. возводил на престол Египта Аменхотпе I, второго царя XVIII дин., и поэтому на весь период XII—XVII дин. да еще царствования Амасиса первого царя XVIII дин. оставалось в подлинном труде Манефона всего лишь 441 год. В противоположность этому скромному числу Манефона мы находим у его эксерптаторов, как я уже выше указал, следующие чудовищные цифры.

	Африкан	Варвар ¹	Евсевий	Иосиф Флавий
XII дин.	160 лет	160 лет ²	245 лет	— лет — мес.
XIII »	453 »	153 »	453 »	— » — »
XIV »	184 »	184 »	184 » ³	— » — »
XV »	284 »	224 »	250 »	259 » 10 » ⁴
XVI »	518 »	318 »	190 »	241 » 2 »
XVII »	151 »	221 »	103 »	πολεμος μέγας καὶ πολυχρόνιος
Амасис	[25] ⁵	67 » ⁶	25 »	25 » 4 »
Итого . .	1775 лет	1327 лет	1450 лет	536 лет 4 мес. + x лет

Эти числа эксерптаторов резко противоречат данным восстановленного нами подлинного Манефона, и вместе с тем они противоречат свидетельству памятников.⁷ В самих эксерптах Манефона мы находим ука-

¹ Я следую отождествлению династий Варвара, установленному Gelzer. *Africanus I*, стр. 200.

² В самом тексте стоит «60», и «160» является восстановлением Gelzer'a, ук. соч., там же. Ср. Ed. Meyer. *Chronol.*, стр. 84, пр. 3.

³ В другом экземпляре эпитоме Евсевия, которым располагал Синкелл, стояло «484» Это же число мы имеем и в армянском переводе.

⁴ Как известно, Иосиф Флавий дает лишь общую сумму для первых двух своих Гиксосских династий, но зато он перечисляет полностью отдельные царствования первой династии.

⁵ Я восстанавливаю согласно Евсевию. В экземпляре Африкана, которым располагал Синкелл, как известно, число лет царствования Амасиса не сохранилось. Я полагаю, что те 25 лет, которые дает Евсевий Амасису, взяты им из своей эпитоме, столь близкой Африкану, но не из Иосифа Флавия, как предполагают некоторые из исследователей. В таком случае царь Амасис был бы им назван не «Ἀμωσις», а Τέθρωσις, как у Иосифа Флавия.

⁶ Эти 67 лет Амасиса у Варвара найдены Unger'ом, *Manetho*, стр. 163—164, благодаря остроумнейшей комбинации. Ср. Gelzer. *Africanus I*, стр. 202. Но я полагаю, что эти 67 лет не стояли в подлинном тексте Африкана. Они были внесены интерполятором, когда первоначальное число лет «25» исчезло в некоторых экземплярах Африкановского труда. Поводом к введению данного числа «67» послужило следующее обстоятельство. Африкан называл Амасиса царем исхода (ср. аргументацию Unger'a, ук. соч., стр. 161), и вот один из его читателей ввел 67 лет, т. е. то число лет, которое правил, согласно Африкану, Рамсес II, царь, поставленный библией в связь с пребыванием Израиля и Египте.

⁷ До восстановления подлинного Манефона можно было еще с некоторыми натяжками защищать возможность передвижения начала египетской истории на лишний период

знание на ту основную ошибку, которая главным образом привела составителей их к абсурдной хронологии. Данное указание скрывается в той сумме, которая у Африкана и Евсевия подытоживает число всех царей, перечисленных во II томосе. Эта сумма противоречит действительной сумме царей. В этом можно убедиться из сопоставления всех династий II томоса с числом их царей у Африкана и у Евсевия.

Африкан			Евсевий		
XII днн.	7 царей	160 лет	7 царей	245 лет	
XIII »	60 »	453 »	60 »	453 »	
XIV »	76 »	184 »	76 » ¹	184 »	
XV »	6 »	284 »	— »	250 »	
XVI »	32 » ²	518 »	5 » ³	190 »	
XVII »	86 »	151 »	4 »	103 »	
XVIII »	16 »	263 » ⁴	16 »	348 »	
XIX »	7 » ⁵	209 »	5 »	194 »	
Итого	289 царей	2222 года	Итого	173 царя	1967 лет

Вместо этих, соответствующих фактическому подсчету, сумм мы находим у Африкана в итоге ко II томосу 96 царей и 2121 год, а у Евсевия 92 царя и 1121 год (Синк.), или 2121 (арм. пер.). В особенности бросается в глаза резкое противоречие между числом царей, которое мы находим в итоге ко второму томосу и реальным их числом в названной

Сотиса вперед, т. е. отнесение Менеса не к 4242 г., а к 5702 году. При таком предположении, действительно, время между Средним и Новым царствами соответствует тем колоссальным числам лет, которые мы находим у эксцерпторов. Такой хронологии придерживались долгое время Fl. Petrie и Bissing. Наиболее обстоятельно ее пытался аргументировать Fl. Petrie в своей интересной статье «The length of egyptian history» (II том серии British School of Archaeol. in Egypt, Studien). Но такое предположение встречает почти непреодолимое затруднение в малом количестве памятников, которые дошли до эпохи перехода от Среднего ц. к Новому ц. (Ср. Ed. Meyer. Chronol., стр. 61). Это затруднение можно было только преодолеть ссылкой на авторитет Манефона. Если же последний не разделял указанного взгляда, но также держался «краткой хронологии» для эпохи Гиксосов, то тем самым придется окончательно признать правильность положения Ed. Meyer'a, всегда утверждавшего непродолжительность периода между Средним и Новым царствами. Fl. Petrie оказался безусловно правым, когда он утверждал, что хронология Манефона во многих случаях является надежным руководителем и для современного историка.

¹ Число царей не указано.

² Из слов эпитоме «Ἐπταχίδεκάτῃ δυναστεία ποικίλες ἄλλοι βασιλεῖς μὴ καὶ Θηβαῖοι [ἤ] Διοσπόλῃται μὴ» вытекает, что число царей XVII днн. равнялось 86.

³ Я даю число царей, которое мы находим в Series regum и в каноне. Я тем более в праве это сделать, что в хронике общая сумма лет династии определяется в 348, а фактическая сумма лет всех 14 царствований династии соответствует лишь 317. Зато общая сумма отдельных царствований XVIII днн., согласно канону, соответствует 347, т. е. почти тождественна с суммой династии в хронике.

⁴ Фактическая сумма лет династии по данным Африкана соответствует «262».

⁵ Число царей равняется 6, но в заголовке к династии говорится о 7 царях.

части труда Манефона. На правильный путь объяснения данного затруднения стал уже давно Ed. Meyer.¹ «Как объяснить громадное различие в сумме царей, это пока сказать нельзя. Во всяком случае ясно, что сумма царей и сумма лет должны быть совсем различного происхождения. Не имеем ли мы здесь расчет, который из 289 царей выделил 193-х в качестве эфемерных, или же одновременно царствующих с другими, и таким образом содержал намек на то, что это время в действительности было значительно менее продолжительно, чем это могло бы показаться по спискам (эксерптаторов)».

Ed. Meyer к сожалению сам не пошел тем путем, который он наметил. Это тем более досадно, что можно с легкостью определить, какие династии II томоса в первоначальном тексте входили в цепь династий, следующих друг за другом во времени, и какие из них были одновременны и таким образом не имели значения для исчисления продолжительности истории Египта. Действительно число 96, которое мы находим у Африкана в строке, подытоживающей количество царей II томоса, получается без натяжек из следующих слагаемых:

XII дин.	7 царей
XIII »	60 »
XV »	6 »
XVIII »	16 »
XIX »	7 »
Итого	96 царей

Проверкой результата этого исчисления на основании данных Африкана может служить сложение количества царей тех же династий у Евсевия.

XII дин. ²	7 царей
XIII »	60 »
XVII »	4 »
XVIII »	16 »
XIX »	5 »
Итого	92 царя

Таким образом и у Евсевия число царей XII, XIII, Гиксосской, XVIII и XIX династий соответствует числу царей, данному итогом II томоса.

¹ Chronol., стр. 99.

² У Евсевия XVII дин. соответствует по существу XV дин. Африкана и, прибавим мы, и Манефона.

Я думаю, что при столь поразительном совпадении в данном случае Африкана и Евсевия можно считать доказанным, что в первоначальном тексте Манефона династии XIV, XVI и XVII являлись одновременными XIII и XV Гиксосской династии и поэтому не были приняты во внимание при исчислении продолжительности периода между Средним и Новым царствами. Данному выводу на первый взгляд, правда, противоречит наблюдение Ed. Meyer'a о том, что последние цари XIII дин. были современниками Гиксосского завоевания.¹ Но это затруднение устраняется указанием самого Манефона, которое мы находим в его рассказе о Гиксосском завоевании. Здесь египетский историк, описав все ужасы Гиксосского завоевания, продолжает: «πέρας δέ καὶ βασιλέα ἓνα ἐξ' αὐτῶν ἐποίησαν, ὃ ὄνομα ἦν Σάλιτις».² Следовательно во время периода завоевания Египта Гиксосы не имели царя, и поэтому, очевидно, Манефон считал царями Египта в то время последних представителей XIII дин., которые владели жалкое существование в мрачные дни иноземного вторжения.

Если таким образом в итоге II томоса эксцерптов Африкана и Евсевия отмечены лишь цари основных династий — XII, XIII, XV, XVIII и XIX, то можно было бы предположить, что число лет того же итога относится не ко всем династиям томоса, а также лишь к перечисленным 5-ти основным династиям. Действительно, сумма лет томоса в 2121 не соответствует фактической сумме лет всех его династий, которая равняется 2222. Попытка примирить противоречие между указанными 2 суммами не удалась.³ Поэтому я имею право предложить свою попытку объяснения суммы лет томоса в 2121 год. Эта сумма у Евсевия в труде Синкелла передана в виде 1121 года. В виду того, что в армянском переводе Евсевия встречается сумма в 2121 год, мы должны предположить, что в первоначальном тексте эпитоме Евсевия стояло число «2121». Но описка у Синкелла все же интересна в том отношении, что доказывает возможность графического смешения α' и β' . Можно предположить, что «2121» является опиской первоначального 1121. Эту же сумму в 1121 год мы можем получить из сложения лет правления вышеперечисленных 5 династий — XII, XIII, XV, XVIII и XIX.

¹ Ср. его Nachträge z. aegypt. Chronol., т. III. Ср. также Pieper, A. Z., 51, стр. 99.

² С. Ар. (ed. Niese), § 77. Обстоятельно я коснусь этого текста в другом исследовании.

³ Gelzer. Afr., I, стр. 199 сл., пытается отчислить от II томоса XIX династию, но я указал уже выше (прим. 128) на невероятность такого предположения. См. также Ed. Meyer. Chronol., стр. 99, пр. 2. Но Ed. Meyer в свою очередь, строго говоря, ничего не предлагает взамен этого. Попытку Schnabel'я (Die Tomossummen des Manetho, O. L. Z., 1911, стр. 63 сл.) надо считать неудавшейся, так как она построена на неправильной реконструкции XIX дин. у Манефона.

Приступая к данному вычислению, нам придется посвятить небольшое специальное исследование хронологии XII дин. как в целом, так и в отдельных ее царствованиях. Установление хронологии XII дин. требуется нам не только для данного вычисления, но и для полной реконструкции подлинного царского списка Манефона.

К сожалению хронология XII дин., династии создавшей эпоху, считавшуюся в последующее время золотым веком, до сих пор не является твердо установленной во всех своих деталях. Причиной этого столь досадного пробела в системе наших знаний по истории Египта является фрагментарное состояние той части Туринского папируса, которая трактует о списке царей XII дин. Сохранились здесь следующие числа:

Аменемхет I	x десятков + 9	лет x мес.
Сесострис I	45 ¹	» x »
Аменемхет II	x десятков + x единиц	» x »
Сесострис II	19 ²	» x »
Сесострис III	30 + x единиц	» x »
Аменемхет III	40 + x единиц	» x »
Аменемхет IV	9	» 3 » 27 дней
Собекнофуре	3	» 10 » 24 »

Сумма царей столицы Ittwj 213 лет 1 мес. 17 дней.

Sethe³ и Ed. Meyer⁴ решили на основании 45 лет Сесостриса I, т. е. лет его соправительства и единоличного царствования, что Туринский папирус в данном случае не приводил лишь те числа, которые подлежат хронологическому исчислению, а общее число лет правления каждого отдельного царя. Сохранившаяся же сумма в 213 лет соответствует примерно как раз тем числам лет правления отдельных царей, которые подлежат хронологическому вычислению. В виду этого указанные исследователи и делали вывод, что конечная подытоживающая сумма восходит к иным слагаемым, чем те, которые приведены в папирусе, и что, следовательно, «список папируса является эксерптом из большего труда, который содержал более точные данные и был еще в состоянии произвести правильное исчисление».⁵

¹ Остаток знака указывает на 10, 20 или 30.

² Следы девятки ясны. Что же касается фрагментированного знака для числа десятки, то его можно было бы в крайнем случае прочесть и как 20 и как 30. Но наиболее вероятно чтение «10», тем более что число 19 подтверждается и данными Кахунского архива, ср. Ed. Meyer. Chronol., стр. 55.

³ Sethe, A. Z., 41, стр. 38 сл.

⁴ Ed. Meyer. Chronol., стр. 56.

⁵ Там же.

Я полагаю, что этот вывод неправилен. Мы видели и выше, что в списках Манефона не соблюдалось единообразие, и он приводил в одном случае одни лишь годы единоличного правления (Тутмосис III, Тахарка) или же годы всего правления, единоличного и соправления (Хатшепсут, Аменхотпе II). Несмотря на это все, годы, приводимые Манефоном в списках династий, подлежали хронологическому учету. То же самое имело место и в списке XII дин. Туринского папируса, и здесь были приведены для одного царя одни лишь годы его единоличного правления, а для другого годы всего его правления. При таком предположении мы можем воссоздать те числа лет, которые были приписаны составителем Туринского папируса каждому отдельному представителю династии.

1. Аменемхет I	19 лет	x мес.
2. Сесострис I	45 »	x »
3. Аменемхет II	[2]9 » ¹	x »
4. Сесострис II	19 »	x »
5. Сесострис III	3[8] »	x »
6. Аменемхет III	4[8] »	x »
7. Аменемхет IV	9 »	3 » 27 дней
8. Собекнофуре	3 »	10 » 24 »
Итого . .	211 лет 2 мес. 21 день	+ x месяцев

Небольшая разница между суммой, полученной из восстановленных нами чисел лет отдельных правлений, и той суммой, которую сохранил сам папирус, покрывается месяцами и днями, которые папирус сохранил лишь для двух последних царствований.² Список, который нашел Манефон в своем позднесаисском источнике, отличался в одном пункте от списка Туринского папируса. У Евсевия и Африкана мы находим, что число лет Аменемхета II равняется не 29 годам, а 38. Такое различие в определении длительности правления названного царя объясняется тем обстоятельством, что Туринский папирус перечислил лишь годы единоличного правления Аменемхета II, а Манефон принял в расчет и годы его соправления с Сесострисом II.³ В таком случае мы должны для Манефоновского списка предположить не 19-летнее, а 10-летнее царствование Сесо-

¹ Согласно памятникам, он правил первые 3 года со своим отцом.

² Вторая половина строк конца V столбца (по обычному счету), перечислявшего царей XII дин. до Аменемхета III (включ.), уничтожена.

³ Указание на то, что мы ничего не знаем о стольких (9) годах соправления Аменемхета II и Сесостриса II, не является решающим. Дело в том, что мы имеем ряд примеров среди надписей XII дин., когда назывался лишь один из двух соправителей. См. материал, собранный Gauthier, I. d. R., I, стр. 253 сл.

стриса II, ведь 9 лет соправления с отцом должны быть элиминированы из расчета, так как они уже вошли в состав 38 лет правления его отца. Когда по небрежности эксерпитаторов Манефона Сесострис II был опущен, то его 10 лет были причислены к 38 годам Сесостриса и составили, очевидно, те 48 лет, которые правил Σέσωστρις Африкана и Евсевия. Нам остается теперь лишь определить, сколько лет правил Аменемхет III, согласно подлинному тексту Манефона. На этот вопрос ответить нетрудно. Мы ведь должны предположить, что общая сумма лет XII дин., являвшейся священной для позднейших эпох, была Манефону столь же хорошо известна, как и писцу Нового царства. Если же мы будем для общей суммы лет династий исходить из расчета 213 лет, то мы должны дать Аменемхету III те же 48, или 49¹ лет, что и Туринский папирус. В конечном итоге нашего маленького исследования мы устанавливаем для Манефона следующие числа лет XII дин. во всем ее объеме и в отдельных ее царствованиях.

	Манефон	Африкан	Евсевий
1. Аменемхет I	20 лет	20 лет	20 лет
2. Сесострис I	46 »	46 »	46 »
3. Аменемхет II	38 »	38 »	38 »
4. [Сесострис II]	10 » ²	48 »	48 »
5. Сесострис III	38 »		
6. Аменемхет III	[48] » ³	$\left\{ \begin{array}{l} \Lambda\alpha\chi\acute{\alpha}\rho\eta\varsigma \\ \text{"}\Lambda\mu\epsilon\rho\eta\varsigma \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} \Lambda\alpha\chi\acute{\alpha}\rho\eta\varsigma \\ \text{"}\Lambda\mu\epsilon\rho\eta\varsigma \end{array} \right.$
7. Аменемхет IV	9 »	8 »	42 »
8. Собекнофруре	4 »	4 »	
Итого	213 лет	160 лет	182 года.

Этот восстановленный нами Манефоновский список XII дин. будет иметь для нас большое значение, когда мы приступим к составлению всей хронологической таблицы Манефона. Теперь же для нас важна лишь постулированная нами Манефоновская сумма династии в 213 лет для того, чтобы с некоторой вероятностью выявить те слагаемые, из которых соста-

¹ Мы ведь не знаем, как округлил данное число лет первый переписчик.

² Каким образом получились для раздвоенного эксерпитаторами Аменемхета III — 16 лет (8+8 л.) у Африкана и 8+21 (42—13) у Евсевия, сказать трудно. Расхождение между Африканом и Евсевием указывает на то, что опущение эксерпитаторами Сесостриса II привело к безнадежной путанице середины династии.

³ 8 лет даны Африканом Аменемхету IV, очевидно, вследствие описки, 2 предшествующих восьмерки заставили его руку написать еще третью восьмерку вместо «9».

влялась сумма в 1121 год II томоса. Вместе с данной суммой XII дин. я предлагаю следующие слагаемые указанной суммы II томоса:

XII дин.	193 года ¹
XIII »	153 » ²
XV »	284 »
XVIII »	287 » ³
XIX »	204 » ⁴
Итого . . .	1121 год

Конечно, это мое объяснение суммы лет II томоса может претендовать лишь на условность. Я его привожу только ради полноты моего исследования. По существу уже число царей итогов II томоса у Африкана и Евсевия с несомненностью доказывает, что в первоначальном тексте Манефона лишь династии XII, XIII, XV, XVIII и XIX трактовались в качестве следующих друг за другом во времени. Но здесь я должен оговориться, что ни число царей, ни число лет⁵ итогов II томоса не восходят непосредственно к Манефону, а лишь к одному из его более ранних переписчиков. Дело в том, что число царей XVIII и XIX дин., соответствующее у Африкана — 23 (16 + 7), у подлинного Манефона равнялась лишь 22 — (14 + 8).⁶ Таким образом общее число царей основных династий II томоса определялось Манефоном 95 царями.

Такое же противоречие с подлинным Манефоном мы должны установить в числах лет итогов II томоса. Годы XIII дин. (153) и XV дин. (284) никак не могут уместиться в том отрезке времени, который отделяет конец XII дин. и начало XVIII дин. Безусловно вполне абсурдным является число лет (284) XV дин. У Иосифа Флавия мы находим для XV дин. несколько меньшее число — 259 лет 10 месяцев. Надо думать, что 284 года Африкана являются производными от 259 лет Иосифа Флавия путем прибавления к ним 25 лет Амасиса.⁷ Но и 259 лет 10 месяцев

¹ Т. е. 213 лет с вычетом 20 лет Аменемхета, входящим в число лет I томоса.

² Я беру число, сохранившееся у Варвара. Надо думать, что «453» у Африкана и Евсевия являются опiskой из значительно меньшего числа, вызванной большим количеством царей (60), входящих в состав династии.

³ Я прибавил к сумме лет правления Африкановской XVIII дин. исчезнувшие в его эпитомах годы царствования Амасиса. В качестве суммы я взял фактическую сумму лет династии, соответствующую 262. Ср. Ed. Meyer. Chronol., табл. к стр. 88.

⁴ Взята фактическая сумма лет правления Африкановской XIX дин.

⁵ Даже в исправленном мною виде.

⁶ См. § 6, XVIII и XIX дин.

⁷ Поэтому, вероятно, и число лет правления Амасиса отсутствовало у Африкана. В других эпитомах, как это доказывает эпитоме Евсевия и мое вычисление суммы II томоса (если оно, конечно, правильно), эти 25 лет Амасиса были дублированы и причи-

слишком большой срок для периода Гиксосского владычества. Очевидно, небольшое число лет, предоставленное Манефоном XV династии, было увеличено иудейскими эксцерпторами Манефона. Эти последние, как известно, отождествили свирепых азиатских завоевателей Египта со своими благочестивыми предками, смиренно когда-то пребывавшими в долине Нила.¹ Они должны были приблизить хронологию Манефоновской XV дин. к библейской хронологии пребывания Израиля в Египте. Септуагинта определила время пребывания евреев в Египте 215 годами.² Но в среде иудеев были и другие хронологические теории, которые дошли до нас в Масоретском тексте. Согласно им Израиль оставался в Египте от 400—430 лет. Эта более долгая хронология заставила некоторых из иудейских эксцерпторов Манефона рассматривать XVII дин. не в качестве одновременной XV дин., а следующей за ней во времени. Число лет ее, конечно, было соответствующим образом увеличено. Число 43, которое в тексте Манефона к этой династии наверное обозначало число лет правления ее, благочестивыми иудеями было воспринято, как число царей, а продолжительность правления династии была определена в 151 год. Ведь таким образом период XV и XVII дин. равнялся 410 годам (259 + 151) и почти совпадал с 400—430 годами, которые давали масореты пребыванию Израиля в Египте. Объявив XVII дин. следующей за XV, пришлось впоследствии и XVI дин. объявить самостоятельной и сделать носительницей хронологической нити. В тексте Манефона было указано, что династии XV и XVI царили 259 — *x* лет, затем это число было иудейскими эксцерпторами увеличено до 259 лет. Когда же и XV и XVI дин. были разъединены во времени, то каждой из них было дано по 259 лет.³ Но этим же самым период Гиксосского господства увеличился настолько, что библейская хронология пребывания Израиля в Египте не могла обнять его. Тогда и было создано, очевидно, вычисление, на основании которого Иосиф прибыл в Египет в 17 году Апофиса, являющегося у Африкана последним царем

слагаясь как к XV, так и к XVIII дин. Сумму же итога II томаса взяли Африкан и Евсевий непроверенной из одного из своих источников. Надо думать, что в основном своем источнике они не нашли суммы II томаса в виду той неясности положения династий XIV, XVI и XVII. В другом же источнике они эту сумму итога нашли и ее ввели. Вероятно, в этом источнике указывалось, что сумма итога получилась из сложения данных XII, XIII, XV, XVIII и XIX дин. Этим обстоятельством и объясняется расхождение Африкана и Евсевия в числе царей.

¹ Обо всех этих вопросах я буду обстоятельно трактовать в самостоятельной монографии.

² К различным хронологическим построениям иудеев о пребывании Израиля в Египте см. M. Gemoll. *Israeliten u. Hyksos*, Leipzig, 1913, стр. 1—2.

³ Cp. R. Weil. *La fin du moyen empire*, I, стр. 9—10.

XV дин. При таком предположении получались для пребывания Израиля требуемые 430 лет = 45 лет Апофиса (61—17) + 234 года XVI дин. (518—284) + 151 год XV дин.¹ Дальнейшее увеличение числа лет Гиксосского периода было вызвано тем обстоятельством, что один из позднейших переписчиков осознал число 518, являющееся по мнению более ранних переписчиков Манефона суммой лет правления XV и XVI дин, лишь как сумму лет правления одной XVI дин.² Так возрастало до чудовищных размеров число лет господства Гиксосов над Египтом. Большие числа лет династий XV—XVII повлияли в свою очередь и на увеличение числа лет XIII и XIV дин., которые были также разъединены во времени.³ Такое увеличение числа лет правления названных династий было вызвано отчасти и громадным количеством представителей их — всего 136 человек (60 + 76).

Я полагаю, что после всего сказанного тот путь ошибок и недоразумений, который привел в конечном итоге эксерпторов Манефона к их чудовищным цифрам, ясен и определен. Но пока, к сожалению, мы еще не можем ничего сказать о тех числах лет, которые Манефон сам давал XIII и XV дин. Дело в том, что мы на основании египетских памятников еще не можем точно определить время правления этих династий. К счастью мы имеем в другой части списков Манефона указание, которое нам поможет восстановить время правления XV дин., а следовательно вместе с тем и время правления XIII дин. Это указание мы находим в уже раз цитированной приписке к XXIV дин.: «Βόυχωρις Σαίτης ἔτη ς'. ἐφ' οὗ ἀρτίον ἐφθέρξατο ἔτη ε'ς'». Мы видели, что Манефон истолковал это указание, которое он нашел в своем источнике, как предсказание о 990 годах, по прошествии которых Александр завоевал Египет. Такой смысл в предсказании эпохи Бокхориса, конечно, мог внести лишь Манефон, современник Александра. В его источнике значимость предсказаний должна была быть иной. Эра, на которую намекало пророчество не могла быть эрой Сотиса, год последней ἀποκατάστασις, ибо Бокхорис царь VIII в., и следовательно 990 лет приводят нас к эпохе XVII в.⁴ Поэтому уже давно A. Wiedemann

¹ Эту ошибку мы находим у Африкана.

² Ерман, А. Z., 18, стр. 125—127.

³ О том, что XIII и XIV дин. были одновременны друг другу, см. Fl. Petrie. Hist. of Eg., I, стр. 227 сл.

⁴ Правда, Gelzer. Africanus I, стр. 204—205, пытался объявить пророчество ягненка о 990 годах интерполяцией какого-нибудь иудейского или христианского апологета. Он получает 990 лет из сложения чисел лет правления Амасиса вплоть до XXIII дин.: 67 (Амасис) + 260 (XVIII дин.) + 209 (XIX дин.) + 135 (XX дин.) + 114 (XXI дин.) + 116 (XXII дин.) + 89 лет (XXXIII дин.) = 990 годам. Но этому вычислению противоречит тот факт, что

мог высказать предположение, что эти 990 лет пророчества ягненка стоят в связи с эрой Сета знаменитой, разобранный нами выше, Танисской стэлы 400 года.¹ Я доказал в Записках Коллегии востоковедов, IV, 177 сл., вероятность того, что исходным пунктом этой эры 400 года был 1682 год, год, когда Гиксосы обосновали свое господство и ввели календарь твердого, а не блуждающего года. Посмотрим теперь, к какому времени, согласно Манефону, относится царствование Бокхориса, и можно ли действительно эру пророчества ягненка согласовать с данными эры Сета. Установить же время царствования Бокхориса по Манефону нетрудно. Мы должны лишь присчитать к 332 году, году завоевания Александром Египта, суммы лет правления династий XXV—XXXI. Суммирование же лет названных династий дает следующий результат:

XXV дин.	40 лет
XXVI »	160 » 6 мес.
XXVII »	121 » 8 мес.
XXVIII »	6 »
XXIX »	20 » 4 мес.
XXX »	38 »
XXXI »	9 » ²

Итого . . 394 года 18 мес., т. е. 395 лет 6 месяцев.

Если мы эти 395 лет прибавим к 332 году, то мы получим 727 год в качестве последнего года Бокхориса. Восстановив все хронологическое построение Манефона, мы увидим, что действительно 727 год является предельным годом царствования Бокхориса.

Пророчество ягненка при царе Бокхорисе говорило или о 990 годах, или о 990 годе. И в том и в другом случае начало эры, к которой оно относилось, восходило бы к 1717, resp. 1716 г. Столь ранний год для начала Гиксосского господства является неприемлемым. Тем более, что мы выше определили с большой степенью вероятности 1682 год, как момент начала эры Сета. Поэтому я думаю, что здесь Манефон в своем стремлении найти предсказание о приходе Александра, царе спасителя Египта, не совсем правильно прочитал число, которое он нашел в своем источнике. Там наверное шла речь о 960 годах или 960 годе, но в виду того, что в иера-

67 лет Амасиса являются поздней интерполяцией к некоторым рукописям Африкана, так как они отсутствовали в той рукописи Африкана, которой располагал Синкелл и в которой он нашел указание на пророчество о 990 годах. См. прим. 6 к стр. 51. Кроме этого сумма лет правления XXI дин. соответствует 130 годам, а не 114 (см. выше стр. 47).

¹ См. его интересную статью «Eine altägyptische Aera (A. Z., 17, стр. 138 сл.).

² Я опускаю месяцы, так как 9 год XXXI дин., последний год персидского господства над Египтом, не является полным годом.

тическом письме число 60 — очень походит на 90,¹ то иероглиф из Севернитского нома мог легко вычитаться «90» вместо «60».

Что же касается числа «960» пророчества ягвенка в источнике Манефона, то оно наверное округляло число лет, протекших с начала эры Сета вплоть до года гибели Бокхориса. Этот последний, как известно, был эфиопом Шабаккой предан мученической смерти за то, что он отпал от эфиопов, и за то, что он ввел календарь проклятых Гиксосских завоевателей.²

Если можно согласиться с моим восстановлением источника Манефона, то мы получаем с помощью Манефоновского текста указание на начало Гиксосского господства. Это был 1682 год, год, когда была введена эра Сета. Правда, эра Сета могла быть введена и не в самый первый год воцарения Салитиса первого царя Гиксосов, который, как мы выше видели, реформировал египетский календарь. Но, мне думается, мы можем еще более уточнить этот момент путем сопоставления всех царствований XV дин. у всех дошедших до нас эксерпторов. Мы находим у них следующие числа:

Иосиф Флавий ³	Африкан	Евсевий
1. Σάτις . . . 19 лет	1. Σάτις . . . 19 лет	1. Σάτις . . . 19 лет
2. Βυῶν . . . 44 »	2. Βυῶν . . . 44 »	2. Βυῶν . . . 40 »
3. Ἀπαχύν . . 36 » 4 мес.	3. Παχύν . . . 61 »	—
4. Ἀποφίς . . . 61 »	4. Σταίν . . . 50 »	—
5. Ιωννάς . . . 50 » 1 »	5. Ἀρχλῆς . . . 49 »	3. Ἀρχλῆς . . . 30 » 4
6. Ἀσηθ . . . 49 » 2 »	6. Ἀφοβίς . . . 61 »	4. Ἀφωφίς . . . 14 »

Мы видим из этого сопоставления, что во всех трех эксерптах число лет правления первых двух царей совпадает. Что же касается прочих царствований, то здесь наблюдается чрезвычайная пестрота. Поэтому можно с большой вероятностью предположить, что лишь числа первых двух правлений восходят к подлинному тексту Манефона, все же прочие являются результатом домыслов его иудейских эксерпторов, стремящихся прими-

¹ См. G. Möller. Hieratische Palaeographie, III, № 628 и 631. В особенности легко это смешение могло иметь место, если «60» заканчивалось крючком, напр. 𐀓. В таком случае этот крючек можно легко принять за вторую линию числа «90» — 𐀓.

² См. мою статью в Записках Коллегии востоковедов, IV, стр. 147 сл.

³ Я не привожу данных книги Сотис о XV дин. (Синкелл, ed. Dindorf, стр. 195, 3, 204, 5—10, 232, 13—17), так как они являются лишь ухудшенной редакцией данных Иосифа Флавия. См. Ed. Meyer. Chronol., стр. 86.

⁴ В арм. переводе такой порядок следования. У Синкелла Ἀφωφίς на первом месте. Но я вместе с Ed. Meyer'ом (Chronol., стр. 86) думаю, что арм. перевод передает в данном случае первоначальную редакцию.

рить хронологию египетского историка с хронологией библии. Очень возможно, что Манефон давал для прочих царей лишь общую сумму лет их правления. Египетский историк мог себе позволить по отношению к ненавистой азиатской династии такую неточность тем более, что наверное уже после долголетнего царствования второго гиксосского царя начало поднимать голову освободительное движение на юге. Я уже высказал догадку, что 43 Фиванца и 43 пастуха Африкановской XVII дин. в действительности почти соответствуют 43 годам XVII дин., которая была, как мы знаем, современницей Гиксосских царей Апофиса и Атети.¹ Если мы таким образом примем указанные 43 года за общую сумму последних царствований XV дин., то мы получаем следующее хронологическое вычисление для длительности XV дин.

1. Σχλι(τι);	19 лет
2. Βυβυ	44 »
Прочие цари	43 »

Итого . . 106 лет

Следовательно, мы можем с большой долей вероятности предположить, что, согласно Манефону, царствование первого Гиксосского царя начиналось в 1689 г., и таким образом на XIII дин. оставалось всего лишь 99 лет, от 1777 г. до 1689.

Для полного отчетливого выяснения той части списка Манефона, который касался периода перехода от Среднего к Новому царству, нам остается лишь ответить на вопрос, почему Манефон ввел здесь в свой царский список несколько одновременно существующих династий? Ведь это трактование им одновременно правивших династий и послужило одним из главных источников всех последующих недоразумений.² В других частях его труда мы не наблюдаем, чтобы им принимались в расчет одновременно правящие династии, там им перечисляются лишь те династии, которые по его мнению являются носительницами исторической нити.³ Причину такого

¹ См. хотя бы надпись Камеса, изданную Gardiner'ом в Journ. Eg. Arch., т. III (1916 г.), стр. 95 сл.

² М. Pierer. A. Z., 51, стр. 99, полагает, что сам Манефон смешал династии, правившие одновременно с династиями, правившими последовательно. Он указывает на пример вавилонских летописей, где действительно наблюдаются чудовищные погрешности против исторической истины. Но этот взгляд Pierer'а после восстановления подлинных Манефоновских списков теряет свое право на существование. Манефон знал действительно прошлое своей родной страны.

³ Вся история первого тысячелетия, которая заполнена одновременно правившими династиями, трактуется им, судя по списку, не как эпоха пышного расцвета феодализма, а как эпоха самой строгой централизации, когда Египет был подчинен единому царю.

странного историографического приема Манефона в трактовке хронологии я вижу в той тенденции позднейшей египетской традиции рассматривать эпоху господства Гиксосов, как время, когда в Египте не было общепризнанной законной власти. Эту тенденцию мы находим ясно выраженной в знаменитом папирусе Sallier I, 1 сл., повествующем о борьбе Фиванского князя Секененре с Гиксосом Апопи. Начинается рассказ следующими характерными словами: «Случилось, когда земля египетская была под властью проклятых и не было владыки-царя, но царь Секененре был правителем в граде юга — в Фивах, а проклятые города Азиатов имели князем Апопи в Аварисе».¹ Такая тенденция в египетской историографии нас не может удивить. Слишком уже ненавистными были господствующим слоям долины Нила свирепые египетские завоеватели, и они находил утешение в указании на то, что Гиксосы не были законными и полновластными владыками Египта. Предшествующая Гиксосам эпоха XIII дин., которая являлась преддверием к самому мрачному периоду истории Египта, рассматривалась также как время политического разъединения, время, когда юг и север Египта распались.² Манефон и этот момент распада отметил, указав в своем труде на одновременность конца XIII дин. и XIV дин., царившей на севере.

Этим решением вопроса о том, почему Манефон во II томосе допустил наличие одновременных династий, мы пришли к концу нашего исследования, восстанавливающего подлинную хронологию Манефона и подлинные царские списки, увековеченные письмом греков в дни Александра Македонского перограмматом из Севеннитского нома.

¹ Ради удобства я пользуюсь переводом Б. А. Тураева, Ист. Др. Вост., I, стр. 268, заменив лишь его перевод «'tēdtiw» «прокаженные» словом «проклятые».

² См. Поучение, или пророчество Инувера, текст, который я отношу к эпохе перехода от Среднего к Новому царству. Я неоднократно с 1917 г. работал над этим текстом, но издать мое исследование о нем я до сих пор не смог. Надеюсь в ближайшее время на основании нового материала закончить обстоятельную монографию об этом интереснейшем и важнейшем тексте.

W. STRUWE. DIE CHRONOLOGIE MANETHOS UND DIE SOTHISPERIODEN

ZUSAMMENFASSUNG

In der Einleitung seiner Untersuchung weist der Autor auf eine ganze Reihe von Beispielen einer völligen Übereinstimmung der manethonischen Königsliste mit der Tradition der hieroglyphischen und hieratischen Königslisten und mit den Denkmälern hin. Einen glänzenden Beweis für die Genauigkeit der manethonischen Überlieferung liefert das neue, von Bilabel edierte, Fragment der Epitome Manethos. Es beweist, dass man den Vorwurf für die zahlreichen Fehler in den Jahressummen der einzelnen Königsregierungen nicht Manetho, sondern seinen nachlässigen Ausschreibern machen muss.

In dem Hauptteile seiner Untersuchung versucht der Autor nachzuweisen, dass dem chronologischen System des Geschichtswerkes Manethos die Zählung nach den Sothisperioden zu Grunde gelegt ist. Der Beweis geht von der, jetzt wohl von allen anerkannten, Tatsache aus, dass die Ära des Königs Menophthes, wie es der Autor schon im J. 1927 festzustellen versuchte, einem der Regierungsjahre des Königs Sethi I entsprach. In diesem Jahre, im J. 1322 v. Uns. Ära, fiel das Sothisjahr mit dem ägyptischen Wandeljahr zusammen. Zweifellos geht die antike Tradition von der Ära des Menophthes auf Manetho zurück. Das wird bewiesen durch den Hinweis Manethos auf die Prophezeiung eines Lammes unter König Bokchoris von dem 990 Jahre. Das 990 Jahr nach dem Jahre 1322, dem Jahre der Menophthes-Ära, entspricht dem Jahre 332, dem Jahre des Einzuges Alexanders von Mazedonien, der Ägypten und seine Tempel von dem Schrecken der Perserherrschaft befreite. Auch in den anderen Teilen des manethonischen Werkes finden wir dieselbe Zählung nach den Sothisperioden. Wir erhalten, tatsächlich, auf Grund von geringfügigen und völlig diskutablen Emendationen im ersten Teile der Geschichte Manethos für die Periode von König Menes bis zum Beginn der Regierung Amenemhet I — 2242 Jahre und 70 Tage. Nach Ansicht einiger moderner Forscher begann die Regierung Menes und gleichzeitig damit wurde der ägyptische Kalender mit dem Wandeljahr eingeführt. Es ist jetzt festgestellt worden, dass der Regierungsbeginn Amenemhet I auf das 2000 J. fiel. Folglich entsprach auch bei Manetho, der die Zeit zwischen dem Beginne der Regierung des Menes und dem Anfangsjahre Amenemhet I mit 2242 Jahren und 70 Tagen berechnete, der Anfang der dynastischen Periode Ägyptens dem Beginn der ersten Sothisperiode. Diese erste Sothisperiode endigte im Geschichtswerke Manethos mit der VI Dynastie. Offenbar hingen die 70 Könige der VIII Dynastie, die 70 Tage regierten, für Manetho irgendwie mit der Feier der Vollendung dieser ersten Sothisperiode zusammen.

Danach versucht der Autor den Widerspruch der Chronologie des Anfanges des II Teiles des manethonischen Werkes seiner These über die Abhängigkeit der Chronologie Manethos von den Sothisperioden zu eliminieren. Er weist nach, dass beginnend mit der XVIII Dynastie, die Chronologie Manethos auch im II Teile seines Werkes der tatsächlichen Chronologie und dem chronologischen System, das vom Jahre 4242 ausgeht, völlig entspricht. Die Chronologie des III Teiles des manethonischen Geschichtswerkes herausziehend, gelingt es dem Autor festzustellen, dass nach Manetho die Zeit zwischen der VIII Dynastie und dem Jahre der Ära des Menophtes durch eine Sothisperiode ausgefüllt war. Das widersprechende Zeugnis der Jahreszahlen des Anfanges des II Teiles der manethonischen Geschichte war bedingt durch das Bestreben der jüdischen und christlichen Ausschreiber Manethos die Chronologie der Hyksos-Periode, die von ihnen mit der Zeit des Aufenthaltes Israels in Ägypten identifiziert war, der biblischen Chronologie anzugleichen.

Das Resultat der Untersuchung des Autors lässt sich dahin zusammenfassen, dass Manetho sich die Zeit des dynastischen Ägyptens bis zum Einzug Alexanders als bestehend aus 2 Sothisperioden und 990 Jahren vorstellte.

ДРЕВНЕЙШИЕ АТТИЧЕСКИЕ НАДПИСИ¹

С. Я. ЛУРЬЕ

І. Введение. Надписи как источник для реконструкции истории Афин в VI в.

Граф де-Бурмон, один из генералов Наполеона, в 1815 г. изменил ему в битве при Линьи; впоследствии он был военным министром и маршалом Франции, завоевал Алжир и умер в 1846 г. Через 35 лет после его смерти во Франции циркулировало и было записано сказание об измене Бурмона. Здесь не только фигурирует башня, «по воле божьей» дающая трещину, чтобы продемонстрировать императору измену его полководца; Бурмон оказывается здесь генералом Карла Великого! Такое же наблюдение сделал Эд. Мейер относительно легенд об Ассаргадоне: он становится героем обыкновенной, построенной по обычным шаблонам сказки уже через 100 лет после смерти. Можно было бы привести десятки таких примеров, в том числе и из русской истории, но это было бы излишне, поскольку тот VI век, к которому мы сейчас переходим, дает нам сам по себе достаточно примеров такого рода. VI век — это век семи мудрецов, которые, проживая в самых различных частях Эллады, составляют нравственные изречения и загадки, дают советы властителям и собираются на своеобразные конгрессы ко двору царя Креза и в другие места. То, что эти рассказы и содержащиеся в них сближения основаны на вопиющих анахронизмах, заметили уже древние; однако, как справедливо отметил уже Эд. Мейер² на основании отрывков из Гиппонакта, Симонида и Гераклита, эта легенда получила законченный вид уже в конце VI в. Если мы проанализируем главы, посвященные истории Афин в VI в. у Геродота, то увидим, что большую часть материала составляют шаблонные сказочные

¹ Принятые сокращения: IG — Inscriptiones Graecae; SIG — Sylloge Inscriptionum Graecarum; GdA — Geschichte des Altertums; I² — первый том 2-го издания.

² GdA, II, § 441.

сказания, частью восходящие к глубочайшей старине (рассказы о сватовстве Гишпоклида, о *Ἀῖμνις κακῇ*) и по совершенно случайным причинам приуроченные к тому или иному событию. Правда, эти сказания пересыпаны материалом, почерпнутым из настоящей истории Афин, но и в этих случаях датировка и даже локализация часто остается спорной. Каждый из героев древности получает одну характерную, преобладающую черту: Солон — мудрый и справедливый законодатель, Периандр — насильник, Клисфен — создатель демократии и т. д. Поэтому появляется естественная тенденция все мудрые законы приписать Солону, все изощренные насилия — Периандру, все демократические реформы — Клисфену. К этому присоединяется еще непонимание того, что общественные институты обычно возникают постепенно и имеют очень долгую праисторию, прежде чем они в окончательном виде фиксируются на камне: с точки зрения античной правовой психологии всякий закон, читавшийся на стеле с законами Клисфена — закон Клисфена, все что написано на призмах Солона — закон Солона и т. д. Правда, еще в эпоху Геродота в Афинах можно было встретить стариков, живших еще в VI в. и слышавших об эпохе Писистрата от своих родителей. Но нельзя забывать, что в это время уже сложилась твердая традиция о событиях VI в. как всякая народная традиция, всегда предпочитавшая сенсационное, экстравагантное и романтическое скучному и повседневному и стилизовавшая историческую традицию; сами воспоминания этих рассказчиков обычно были уже произвольно трансформированы и своеобразно окрашены под влиянием этой традиции.

Конечно, от V в. до нас дошло несравненно большее число документальных источников, чем от VI, и тем не менее никому не придет в голову при изложении истории V в. отдавать решительное предпочтение документальным источникам перед литературными. Но нельзя забывать следующего:

1. Для V века мы имеем связные труды, написанные современниками или почти современниками; какие бы упреки ни делались, скажем, труду Геродота, но у него, несомненно, есть настоящее критическое чутье, и его замечания относительно Гекатея Милетского показывают, насколько он был выше своего предшественника. А, ведь, VI век не имел даже своего Гекатея! Конечно, и законы и стихотворения Солона в полном виде еще были доступны не только Геродоту, но и Аристотелю и историкам эллинистически-римского времени; но ни эти законы, ни эти стихотворения не давали связной истории эпохи Солона: законы Солона, как все древнейшее

законодательство (ср. законы Гортины и недавно найденные Киренские законы) носили казуистический характер и как раз важнейшие стороны законодательства не затрагивали; что же касается элегий Солона, то они, как всякая лирика, односторонни и по выбору материала и по оценке его.

2. В распоряжении историков, писавших о V в., был обширнейший материал: кроме непосредственных свидетелей событий — еще богатый государственный архив, надписи на камнях и на папирусе. Между тем, Афины VI в. были до-тла сожжены Ксерксом в 480 г.; если писателям V в. случайно попадался в руки обугленный осколок надписи VI в., то огромное большинство их было бесследно уничтожено, как и государственный архив. Вдобавок в эту эпоху писали вообще гораздо меньше и лаконичнее, чем в V в. При таком положении дела и Аристотель, несравненно лучше понимавший задачу историка, чем Геродот, принужден был черпать из того же мутного источника, что и его предшественники; правда, он пытается привлечь к делу и имеющийся еще в его распоряжении документальный материал, но тех сторон истории VI в., которые нас больше всего интересуют, этот приводимый им материал не охватывает.

Ни один историк античного Востока в настоящее время не станет строить свой труд на Геродоте. Он построит свой труд на документальных источниках, а Геродота привлечет лишь в отдельных случаях для восполнения пробелов в материале, да и то с опаской. По существу ряд сообщений из афинской истории VI в. принадлежит к тому же типу сообщений, что и сообщения греков о древнем Востоке: это собрание новелл, построенных по определенным фольклорным шаблонам; они лишь снабжены историческими именами, объединены историческим стержнем и пересыпаны историческими фактами. Эрдманнсдорфер справедливо назвал VI век эпохой новеллы, *«das Zeitalter der Novelle»*. Я мог бы на ряде примеров показать правильность этой характеристики; но, так как эти вопросы выходят из рамок моей статьи, то я просто отошлю читателя к книге Wolf Aly: *Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen*.

Конечно, документальные источники, относящиеся к VI в., настолько малочисленны и настолько плохо сохранились, что было бы совершенно невозможно построить на них какую бы то ни было сколько-нибудь связную историю. Но по примеру Гиллер фон Гертрингена, члена-корреспондента нашей Академии Наук и издателя I тома *«Inscriptiones Graecae»*, в число этих документальных памятников мы включим и те памятники, которые

упоминаются в дошедших до нас исторических трудах или существование которых мы должны предположить на основании этих трудов. Конечно, и этим путем мы все еще не получим связной истории VI в. Но мы поступим так, как поступают математики, желая графически изобразить какой-либо процесс: сперва наносится на чертеж ряд вполне надежных точек, полученных путем непосредственных наблюдений. Затем прибегают к интерполяции, т. е. эти точки соединяют между собой кривой, которая должна иметь плавное течение, и форма которой определяется в связи с рядом добавочных соображений общего характера. Так и при восстановлении истории VI в. мы будем рассматривать документально засвидетельствованные точки, как вполне надежные, а для интерполяции используем и те исторические рассказы, которые не восходят к документальным источникам, отбросив из них лишь те, которые резко нарушают плавное течение исторической кривой и несовместимы с фактами, полученными из документов.

Казалось бы, всякому должно быть понятно, что документальный источник заслуживает предпочтения перед литературным — особенно для эпохи, для которой литературная традиция представляет собой часто традицию новеллистического типа. Однако, это не так. Наши лучшие эпиграфисты — Никитский, Соколов, Жебелев, — к сожалению, не писали о б щ и х трудов по истории Греции (исключая лишь популярные); Бузескул же и Вишпер в своих работах нигде не проявляют надлежащего интереса к надписям, нигде не дают ни анализа, ни комментариев к ним и строят свой рассказ почти исключительно на литературных свидетельствах, независимо от их источников. Если мы перейдем к советским историкам, то заметим то же пренебрежение к документальным источникам и нежелание уделить им сколько-нибудь серьезное внимание. Возьму для примера II том «Очерков экономической и социальной истории древней Греции», написанных акад. Тюменевым в 1922 г. Говоря на стр. 34 об афинской надписи о саламинских клерухах (ниже, № 4), он ссылается только на издания и на литературу, устаревшие уже даже к 1914 г. В результате и получается следующее: в своей аргументации он принимает за несомненное, что надпись начертана в середине VI в. Между тем, отнесение надписи к середине VI в. вызывает серьезные возражения с эпиграфической точки зрения, а в 1922 г., когда книга Тюменева вышла, эту надпись все ученые относили даже к эпохе Клизфена. Точно также, говоря о захвате Лемноса, акад. Тюменев ни словом не упоминает о Лемносском списке клерухов VI в., опубликованном Рейнаком и Пикаром в 1913 г., пролившем новый свет на этот вопрос.

И в западноевропейской литературе документальным памятникам в ряде случаев далеко не уделяется то внимание, которого они заслуживают. Причина здесь не только в косности и в нежелании ломать представления, сложившиеся веками на основании чтения Геродота и Плутарха. Нельзя отрицать, что есть веские причины для скептицизма в этом вопросе. VI век — эпоха последовательных переворотов; поэтому, если мы желаем использовать надпись для тех или иных исторических выводов, мы обязаны ее точно датировать. Между тем, насколько это трудно для VI в., видно хотя бы из того факта, что датировка упомянутой уже надписи о саламинских клерухах долгое время колебалась между эпохой Солона и эпохой Клизфена. В самом деле, в самих надписях VI в. не содержится никаких хронологических указаний, которыми мы могли бы воспользоваться, а эпиграфия сама по себе не может служить отправным пунктом, так как — особенно в эти древние времена — из двух жителей Афин один мог писать более архаическим, другой более новым шрифтом; далее, в некоторых категориях документов архаическое написание может сохраняться дольше, чем в других. Но что еще важнее: для того, чтобы воссоздать хоть приблизительно историю письма, надо иметь хоть несколько прочных опорных пунктов — надписей с твердо установленной датировкой, а ни одной такой надписи не было.

Но существует еще одно чрезвычайно важное обстоятельство: наиболее интересные из надписей VI в. дошли до нас во фрагментарном состоянии; чтобы понять их смысл, надо дополнить недостающие их части по догадке, т. е. итти путем так называемой конъектуральной критики. Как раз у наиболее важных надписей часто недостает большей части текста, и на первый взгляд дополнение этих частей может казаться совершенно произвольным и фантастическим. Но, в действительности, дело не так безнадежно: во-первых, афинский деловой язык государственных документов выработал целый ряд шаблонных, постоянно повторяющихся выражений; имея обрывок такого выражения, уже нетрудно дополнить недостающие слова; во-вторых, аттические надписи часто надписаны *στοιχῆδον*, т. е. так, что под каждой буквой одной строки стоит буква следующей, благодаря чему обычно можно совершенно точно сказать, сколько букв было в обломанной части. Все это приводит к тому, что часто по нескольким буквам можно восстановить целую надпись с полной достоверностью. Несколько таких виртуозных и совершенно несомненных дополнений дано австрийским эпиграфистом Ад. Вильгельмом. Но, с другой стороны, в науке XIX в. наблюдались и чрезмерные увлечения такими дополнениями. Всякую фрагментарную

надпись пытались восстановить полностью, несмотря на то, что в некоторых случаях никаких опорных пунктов или аналогий для таких дополнений не существовало; исследователю было известно только число утраченных букв. Конечно, в основу таких дополнений были положены определенные исторические концепции, разделяемые автором; большое количество недостающих букв давало возможность без большого труда придумать дополнение любого содержания, в том числе и такое, какое нужно было исследователю; затем это чтение уже фигурировало как эпиграфическое подтверждение выставленной автором теории, а затем переходило в учебники, как твердо установленный факт. При этом исследователь уверял и себя и других, что его дополнение «единственно возможное», что всякое другое будет «насилием над греческим языком». Однако, часто уже через короткое время оказывалось, что существует ряд других дополнений, безукоризненных с точки зрения официального греческого языка. Такие, чрезвычайно остроумные, но подчас недостаточно обоснованные и несколько произвольные дополнения были предложены даже Виламовицем и Гиллер фон-Гертрингеном. Произвольность и фантастичность некоторых из этих дополнений вызвала естественную реакцию, особенно в английской и американской науке, и появилась тенденция дополнять в надписях только буквы и слова, не вызывающие никакого сомнения, а все прочее оставлять недополненным. Как характерный образчик обоих направлений сошлюсь на один папирусный отрывок из Алкея. Он дополнялся в 1920 г. таким мастером, как Г. Дильс, и в 1927 г. англичанином Э. Лобелем. Дильс дополнял все стихотворение с начала до конца, не оставив ни одного пробела; Лобель не дополнял ничего, кроме одной строки, дошедшей до нас целиком в схолиях к Эсхилу и Софоклу, и тех слов, в которых недостает 1—2 букв. Вряд ли можно сомневаться в том, что Лобель только проигрывает на этом сугубом консерватизме. Дильс в подробном комментарии обосновал свои конъектуры; на первый взгляд они кажутся фантастическими, но, в действительности, его дополнения проблематичны лишь в отдельных подробностях, и вряд ли можно сомневаться в том, что Дильс угадал общий ход мысли в стихотворении, тогда как в том виде, как печатает это стихотворение Лобель, оно вообще не дает никакого смысла.

То, что верно для папирусов, еще в гораздо большей мере верно для надписей с их шаблонными формулами и структурой. В этих случаях вероятность существования двух дополнений, различных по смыслу, но удовлетворяющих и требованиям языка и числу недостающих букв, часто совершенно ничтожна, и дополнение, оставаясь проблематичным в частностях,

тем не менее верно передает общий смысл надписи; оно является, таким образом, сжатым комментарием к надписи, во много раз более убедительным, чем многие страницы исторических рассуждений. Эти дополнения играют ту же роль, что и реставрация утраченных частей зданий или статуй: даже будучи сами по себе произвольными, эти дополнения дают возможность осмыслить истинную сущность и связь сохранившихся частей.

II. Формуляры древнейших афинских надписей

При восстановлении постановлений афинского народного собрания V и IV веков мы отправляемся от хорошо известных нам шаблонных формул прескриптов этих надписей. Как правило, эти постановления начинаются формулой: "Ἐδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ, N ἐπρυτάνευσεν, N ἐγραμμάτευσεν, N ἐπεστάται, N εἶπε. «Постановили совет и народ, такой-то был пританом, такой-то был секретарем, такой-то был эписитатом, такой-то сказал». Эту формулу и называют прескриптом надписи; найдя обломок такого выражения, мы без труда восстанавливаем уже и остальные его части.

Гораздо хуже обстоит дело с надписями VI в. Ссылки и указания на постановления VI в., содержащиеся в античной литературе, даны в таком виде, что ясного представления об их формулировке составить нельзя. Непосредственно же дошли до нас только 4 постановления афинских народных собраний VI в.; в двух из них нет прескрипта, но есть очень интересный постскрипт (аналогичная формула в конце надписи, отличающаяся, однако, от прескрипта других надписей); однако, самое отнесение этих надписей к VI веку вызывает возражения и нуждается в дополнительном доказательстве. Наконец, в четвертой, наиболее важной надписи (ниже, № 4) есть краткий прескрипт: Ἐδοξε τῷ δήμῳ, а большая часть постскрипта обломана.

При таких условиях формулы прескриптов и постскриптов этих надписей можно восстанавливать только путем обратного умозаключения из надписей V в.

Эта работа и была в свое время проделана мною в статье: «Zur Geschichte der Präskripte in den attischen voreuklidischen Volksbeschlüssen».¹

Я позволю себе кратко прореферировать здесь ее содержание.

¹ Hermes 62, 1927, стр. 257 сл.

Внимательное изучение этих надписей побудило меня, вслед за Гартелем и Свободой, прийти к выводу, что формулы этих надписей несколько не зависели от произвола писца, а были строго определены традицией и законом. Всякое изменение в этих формулах отражает известное реальное изменение либо в общественных отношениях, либо в государственных установлениях, либо в правовой психике. Около 421 г. наблюдается изменение в этих формулах: в них включается имя архонта. Это происходит двояким путем: либо имя архонта предшествует всей этой формуле, как нечто грамматически ивородное ($\epsilon\pi\iota$ N ἄρχοντος ἔδοξε и т. д.), либо оно включается в самую формулу (N ἡρχε), но тогда стоит на последнем месте перед именем оратора. В надписях, начертанных до 421 г., имя архонта встречается только в международных договорах; такие датировки были приняты во всей Греции, и поэтому было, в виде исключения, предписано, чтобы в этих случаях было указано имя архонта.¹

В отчетах распорядителей общественными постройками имя архонта появляется несколько раньше — в 436 г. До этого времени для датировки надписей служило не имя архонта, а имя секретаря совета.

Нельзя думать, что мысль датировать надписи по архонту впервые пришла в голову афинянам только во второй половине V в. Датировка по архонту была с древнейших времен широко распространена во всей Греции; ~~вдобавок~~, мы встречаем ее и в одной афинской надписи (ниже, № 6), относящейся во всяком случае не позже, чем к 480 г. Поэтому необходимо прийти к выводу, что датировка по архонту была известна афинянам уже с древнейших времен, но умышленно была заменена датировкой по секретарю совета. В самом деле:

Аристотель («Афинская Полития», 132) непосредственно свидетельствует, что власть архонта была чрезвычайно велика в VI в.: ϕ και δῆλον ὅτι μεγίστην εἶχεν δύναμιν ὁ ἄρχων φαίνονται γὰρ αἰεὶ στασιάζοντες περὶ ταύτης τῆς ἀρχῆς. («Откуда ясно, что архонт имел величайшую власть: мы видим, что за эту власть все время идет борьба»). В самом деле, мы имеем и попытки захвата власти на срок больше года ($2\frac{1}{2}$ года) и годы анархии, когда выборы архонта не могли состояться, и, наконец, выбор вместо архонта коллегии из 10 человек с равным представительством «патрициев» и «плебеев» — явления вполне аналогичные соответствующим явлениям в Риме, где власть консула была громадна.

¹ IG I² 90₂₅: ἐπιγράφαι ἐν τ[ε]: στέλει τῷ ἄρχοντος τὸ ὄνομα, ἐφ' ᾧ ἐγένοντο αἱ χσ[u]ν[θ]ε' και.

Известный историк Греции Артур Розенберг¹ справедливо указал на то, что Клисфен передал всю власть и все prerogatives архонта совету 500, даже такие чисто внешние prerogatives, как хранение государственной печати. Отсюда Розенберг делает дальнейший вывод, что до Клисфена право созыва совета и народного собрания принадлежало архонту; если он этого не желал, то эти учреждения не могли функционировать.

Таким образом, в до-клизфеновских надписях было так же неуместно упоминание совета и его секретаря, как и в клисфеновских и после-клизфеновских упоминание архонта: замена в формуляре надписей архонта секретарем совета была демонстративным политическим актом, поэтому устранение архонта из формуляра наблюдается вплоть до 421 г., несмотря на непривычность и неудобство такой датировки. Только, когда о власти архонта успели забыть и исчезла всякая опасность реставрации его власти, его имя из практических удобств стало снова выноситься в формуляр надписи.

Поэтому надпись VI в. (наш № 10), датированная только по секретарю совета, справедливо отнесена Гиллер фон-Гертрингеном к эпохе Клисфена; наоборот, вопреки мнению ряда ученых, те надписи, в которых совет или его секретарь не упоминались в прескрипте или его секретарь в постскрипте (или же не могли упоминаться за отсутствием в обломанных частях надписей достаточного числа букв), необходимо относить к до-клизфеновской эпохе. А следовательно, вопреки мнению Кирхгофа, в нашей надписи № 6 не мог упоминаться архонт Филократ 485/484 гг.,² имя которого Кирхгоф восстановил на основании сохранившихся букв Фи...; надпись датирована только по архонту, и, следовательно, она древнее Клисфена.

Это дало мне право представить себе историю прескриптов в VI в. примерно в следующем виде:

¹ Hermes, 52, 1918, стр. 314—315.

² Могу с удовольствием констатировать, что покойного Виламовица-Меллендорфа величайшего знатока греческой истории, культуры и в частности эпиграфики, эта моя аргументация убедила вполне. В письме от 1 августа 1927 г. он писал мне: «Ich muss Ihnen meine ganz besondere Freude über Ihren Hermesaufsatz aussprechen. Ich hatte immer ein starkes Misstrauen gegen die Epigraphiker, die sich bemühten, alle attischen Inschriften möglichst tief zu rücken; an Kirchhoffs Archon Philokrates habe ich nie geglaubt, aber ich konnte nicht anders, als diesen Zweifel zurückhalten; dazu musste die Hilfe aus der sachlichen Erklärung kommen, und Sie haben mich nun ganz überzeugt. Das ist ein wirklicher Fortschritt».

А. До КЛИСФЕНА

	Прескрипт	Постскрипт
α	γνόμε N ¹ , или прескрипт, отсутствует ²	ταῦτ' ἔδοχε τῷ δήμῳ ἐπὶ N ἄρχοντος τὰ ἐν τοῖν λίθοιν τούτοιιν (или τὰ ἐν τῇ στέλει ταύται, см. № 7) ²
б	ἔδοχε τῷ δήμῳ	ταῦτ' ἔδοχεν ἐπὶ τῆς N ἀρχῆς ³ или N ερχε (ср. ниже βολῆς ερχε)

Б. Со времени КЛИСФЕНА

	Прескрипт	Постскрипт
α	ἔδοχε τῇ βολῇ καὶ τῷ δήμῳ	βολῆς ερχε, ὅτε N (πρότος) ἐγγραμμάτευσ ⁴
б	ἔδοχε τῇ βολῇ καὶ τῷ δήμῳ ὅτε N (πρότος) ἐγγραμμάτευσ	Отсутствует ⁵

III. К истории аттического письма в VI в.

Как уже было сказано выше, сколько-нибудь точная датировка графических изменений, имевших место в VI в., за скудостью эпиграфического материала вообще и за отсутствием точно датированных надписей, пока невозможна. В начале VI в. в Афинах еще писали βουστροφῆδόν, т. е. за строчкой, написанной слева направо, следовала строка, написанная справа налево, и т. д. Такое написание мы находим еще в надписи № 15

¹ В № 6 прескрипт обломан. Ср. Аристотель, 'Афин. Полит.', 14 и Плутарх, Солон, 30, места, дающие известное право полагать, что упоминаемая в них псефизма начиналась словами γνόμε 'Αριστίνοος, см. ниже № 3, стр. 79 с прим. 1.

² См. надп. SIG, № 56 (изд. 3) из Аргоса; здесь, повидимому, отсутствовал прескрипт, а в постскрипте читалось: ἡ στάλα ἔστα ἐπὶ Μελάντα βασιλέος.

³ Ср. ниже № 4.

⁴ Ср. SIG, № 56 (изд. 3) из Аргоса, I. Постскрипт ἀφ' ῥέτευσ (ср. βολῆς) N.

⁵ Ср. SIG, № 56 (изд. 3) из Аргоса, II. Прескрипт: 'Αλιαίαι ἔδοξε... ἀφ' ῥέτευσ βολῆς N. Постскрипт отсутствует. Таким образом в Аргосе мы имеем тот же процесс, что и в Афинах: архонт (или басилевс) вытесняется представителем совета; одновременно с этим датировка из постскрипта переходит в прескрипт.

(см. ниже), относящейся к эпохе Писистрата, тогда как в другой современной ей надписи из Беотии (№ 16) уже все строки написаны слева направо. Однако и это расположение букв не может служить надежным критерием для датировки надписи: аттическая надпись № 18 из Сигея, вряд ли восходящая к более раннему времени, чем вторая половина VI в., написана *βοουστροφῆδον*; впрочем, колонисты, попавшие в чужую среду, сплошь и рядом оказываются более консервативными и в отношении начертания и в отношении произношения, чем их сограждане, оставшиеся на родине.

Переходя к алфавиту, необходимо напомнить читателю, что аттический алфавит VI и V в. букв Ω, Ψ, Ξ еще не имел; вместо этих букв писалось О, Φ Ξ, Χ Ξ,¹ (в транскрипции: о, φσ, χσ); буква же Η, соответствовала не η, а придыханию ^ε (в транскрипции h, тогда как поздней η всегда соответствует ε).

Вот грубо-приблизительная таблица эволюции алфавита в VI в. (в графу «Начало VI в.» включены и начертания VIII—VII вв.)

НЫНЕШНЕЕ НАЧЕРТАНИЕ	α	β	γ	δ	ε	ζ	η	θ	ι	κ	
НАЧАЛО VI в	Α			ΔΔΔ	Ε	Ζ	Ι	Θ	Ι	Κ	
СЕРЕДИНА VI в	Δ	Β	Λ Γ	Δ Δ	Ε Ζ		Η	Θ	Ι	Κ	
КОНЕЦ VI в	Α	Β	Λ	Δ	Ε Ε		Ι	Η	Θ	Ι	Κ

НЫНЕШНЕЕ НАЧЕРТАНИЕ	λ	μ	ν	ο	π	ρ	σ	τ	υ	φ	χ
НАЧАЛО VI в			ΥΥ	Ο	Π	Ρ	Σ	Τ	Υ	Φ	Χ
СЕРЕДИНА VI в.	Λ	Μ	ΝΝ	Ο	Π	Ρ	Σ	Τ	ΥΥ	ΦΦ	ΧΧ
КОНЕЦ VI в	Λ	Μ	ΝΝ	Ο	Π	ΡΡΡ	Σ	Τ	ΥΥ	Φ	Χ

Характерным для древнейших надписей является наличие букв **Φ** и **Χ**, а также начертаний **Ε** и **Ι**, а в одной надписи даже **Ξ** для **Σ**. Впрочем, в названии богини **ΑΛΑΥΦΟΠΙΔΙΦΟΡΕΙ**, *γλαυκόπιδι κόρε*, **Φ** удержалось до конца VI в. (как «ижица» в русском яз., в словах «упостась» и «мυρο»). Прочие начертания не могут служить решающими критериями для датировки: так, напр., в древнейшей надписи на дилийской вазе (прибл. VII в. до н. э.) имеем ряд начертаний, характерных как раз для конца VI и начала V в., напр., **Ξ** (для **Σ**) **Υ**, **Χ**, тогда как встречающиеся в надписях VI в. начертания **Σ**, **Υ**, **+** считаются обычно более древними.

¹ Или даже **Ξ** **Φ**, **Ξ** **Χ**, см. ниже, стр. 88.

IV. Афинские народные постановления и законы политического характера¹

а) Законы Солона (594 г.)

№ 1

Plut. Sol. 19, 4: ὁ δὲ τρισκαίδεκατος ἄξων τοῦ Σόλωνος τὸν ὄγδοον ἔχει τῶν νόμων οὕτως αὐτοῖς ὀνόμασι γεγραμμένον.

ἀτίμων· ὅσοι ἄτιμοι ἔσαν πρὶν ἢ Σόλωνα ἄρχσαι, ἐπιτίμος ἔναι. πλὴν ὅσοι ἔχς Ἀρείοπάγο ἢ ὅσοι ἐκ τῶν ἐφετῶν ἢ ἐκ πρυτανείο καταδικασθέντες ὑπὸ τῶν βασιλέων ἐπὶ φόνοι ἢ σφαγαῖσιν ἢ ἐπὶ τυραννίδι ἔφευγον, ὁτε ἡ θεσμός ἐφάνε ἡδέε.

Тринадцатый аксон Солона содержит (восьмым по порядку из законов) закон, гласящий буквально следующее:

«О лишенных гражданских прав. Все те, кто были лишены гражданских прав до архонта Солона, получают эти права, кроме тех, которые были в изгнании, когда был опубликован этот закон, будучи осужденными за убийство, резню или тиранию ареопагом, эфетами или базилевсами в притании».

Как справедливо замечает Ledl (Studien zur älteren athenischen Verfassungsgeschichte, Heidelb. 1914, стр. 100—101) здесь речь идет, очевидно, об оставшихся в живых участниках заговора Килона и их потомках (ср. Фукидид, 1, 126, 10); это может служить лишним подтверждением правильности традиционной датировки этого заговора и произвольности датировки Белоха.

№ 2.

Обломок солоновского аксона; судя по начертанию букв

Α Δ Ε Η Θ Ν Μ Ρ Σ Υ

копия, скорее всего, первой половины V в. См. IG, I², 2, где указаны издания и литература. Надпись написана не στοιχηδόν.

¹ Приводимые из авторов тексты надписей я транскрибирую для наглядности в древне-аттический алфавит; леммы окружения оставляю, как они написаны у авторов.

A	B
...ρι	ρ
...π]ολι	ριο 5
hos	οθυ
ον	ντααι
	αι δε το
	με ἔλαττ?]ον ἔ τρι- 10
	γίγ]νεσθαι
	τάνα]ντία γί-
	[γνεσθαι...

Смысл непонятен. В стк. 10, может быть, речь идет о штрафе: «не-
меньше 30 драхм».

б) Писистрат и Писистратиды

№ 3 (561—560 гг.)

Аристотель, Афинская полития, 14: Ἀριστίωνος γράψαντος τὴν γνώ-
μην, λαβὼν δὲ τοὺς κορυνηφόρους καλουμένους... ἐπὶ Κομῆα ἄρχοντας...

Плутарх, Солон, 30: Ἀριστίωνος δὲ γράψαντος, ὅπως δοθῶσι πεντήκοντα
κορυνηφόροι τῷ Πεισιστράτῳ φυλακὴ τοῦ σώματος... τὸ δὲ ψήφισμα κυρώσας
ὁ δῆμος...

Эти выражения дают нам полное представление о формуляре соответ-
ствующей надписи, и мы можем восстановить ее примерно так (ср. выше,
стр. 76):

γνόμε¹ Ἀριστίωνος: δοῦναι πεντήκοντα κορυνηφόρους Πεισιστράτοι φυλακὴν
τοῦ σώματος: ταῦτ' ἔδοχεν τοῖς δέμοι ἐπὶ τῆς Κομῆα ἀρχῆς.

«Предложение Аристиона. Дать Писистрату пятьдесят дубиноносцев
для охраны его безопасности. Это постановил народ в архонство Комея».

№ 4 (561—510 гг.)

Надпись,² изданная в IG, I², 1, SIG, 3 изд., 13. Supplementum epigra-
phicum graecum, III, № 1 (по моему восстановлению), там же дальнейшая лите-
ратура. Шрифт:

Α Β Δ Ε Η Θ Ι Κ Λ Μ Ν Ο Ρ Σ Τ +

¹ Ср., напр., надпись IG, I², 126: ἔδοξεν τῇ βολῇ καὶ τοῖς δήμοι... γνώμῃ Κλεοσόφου.
Другие, не-афинские примеры, см. в индексе к SIG, изд. 3, s. v. γνώμη.

² Чтение исправлено по моему дополнению, — там же стр. 302. См. доклады Акад.
Наук, 1924, стр. 134 сл.

"Ἐδοχσεν τοῖσι δέμοις · [τὸς ἐ Σα]λαμ[ῖνι κληρόχος
οἰκῆν ἐᾷ Σαλαμῖνι [αἰεὶ : π]λὲν [ἐὰν ἀδύνατοι ὀ-
σι τε[λ]ῆν καὶ στρατ[εύεσθ]αι : τ[ὰ δὲ ἄλλα τὲν γέ μ-
ἐ μι[σθ]ῶν · ἐὰ μὲ οἰκ[εῖ ἐκεῖ ἡ]ο [κληρόχος, τὲν γέ-
5 ν δὲ [μ]ισθῶι, ἀποτί[νεν τὸ μισθόμενον καὶ τὸ μ-
ισθῶντα ἡεκάτε[ρον]
ἐς δ[ε]μόσιον · πρῶτεν δὲ τὸν ἄ-
ρχο[ν]τα, ἐὰν [δὲ μὲ, εὖθ]υ[νέσθο] : τ-
ὰ δὲ [ἡ]όπλα π[αρέχουσιν] ἀπὸ : τ-
ριά[χ]οντα : δρ[αχμῶν,] ἡο[πλί]ζε-
ν δὲ [τ]ὸν ἄρχον[τα : ταῦτ' ἔδοχс-
εν : [ἐπ]ὶ τῆς Β[(имя архонта-эпонима) ἀρχῆς.¹

«Постановил народ: Разрешить саламинским клерухам жить в Саламине постоянно. Разве что они окажутся не в состоянии исполнять повинности гражданские и военные; в других же случаях им не (разрешается) сдавать свою землю в аренду. Если клерух не будет жить там, а землю сдаст в аренду, то пусть заплатят и арендатор и сдающий в аренду в казну (столько-то драхм) штрафа. Пусть взыскивает архонт; а если не взыщет подвергнется ответственности. Они должны иметь оружие ценой в 30 драхм, а оружие это выдаст им архонт. Это постановлено в архонтство В... (имя архонта)».

Дополнение это основано прежде всего на дополненной мною же надписи IG², II, 30 начала IV в. (=Suppl. epigr. graecum № 73), где речь идет о Лемноских клерухах. Клерухи были выведены на Лемнос уже в эпоху Писистратидов (см. ниже к № 22); неудивительно поэтому, что в Лемносе действовал тот же статут для клерухов, что и на Саламине; в Лемноской надписи прямо делается ссылка на Саламинское постановление: καδάπ[ερ τοῖς ἐς Σαλαμ[ῖνι κληρόχοις προσετέτακτο] или под. («как было постановлено относительно клерухов, что на в Саламине»). Здесь читается:

καὶ μὴ ἐξεῖνα[ι τὴν ἑαυτοῦ γ]ῆν μηδενὶ μή[τε ἀποδόσθαι μήτε διαλλάξα-
σθαι μήτε ὑποθεῖναι μήτε μισθῶσαι πλὴν [εἰ τις ἀδύνατος εἴ]η τῶν κληρ[όχων]
τελεῖν καὶ στρατεύεσθαι].

¹ Выражение ἐπὶ τῆς ἀρχῆς Ν «в архонтат такого-то» нередко в греческих надписях, напр. в Антикире (IG, IX, 1, № 8, 18, 20 и др.), в Дельфах SIG, 3 изд., 672, 24, Ваупаск, II, № 1694, 1695, 1742, 1891). О выражении ἀχεῖν ἐᾷν, см. № 5.

«Не разрешается никому из клерухов их землю продавать, менять, закладывать и сдавать в аренду, исключая тот случай, когда кто-либо из клерухов не в состоянии исполнять повинности гражданские и военные».

Комментарий к этой надписи читатель найдет в моих выпущенных прежде статьях.¹ Все сделанные мне возражения относятся к дополненной мною фразе: π]λὲν [ἐὰν ἀδύνατοι ὁ]σι гесп. πλὴν [εἴ τις ἀδύνατος εἴ]η τῶν κληρ[όχων]. Мне указывалось, напр., что предложение, вводимое союзом πλὴν, не может стоять перед противопоставляемым ему. Но это неверно, см. Нег., IV, 189: πλὴν γάρ ἦ ὅτι σκυτίνη ἢ ἐσθῆς τῶν Διβυσσέων ἐστί, τά γε ἄλλα πάντα κατὰ τὸ αὐτὸ ἑσταλται (ἢ Ἀθηναίη). Впрочем, если даже относить придаточное предложение, вводимое с πλὴν к предыдущему главному, то это мало что изменяет: придется только полагать, что Писистрат предписывал гражданам, ставшим инвалидами, возвращать свои участки в государственный земельный фонд, а самим возвращаться в Афины, где им, как известно, выдавалось пособие. С другой стороны, нам хорошо известно, что для граждан, лишившихся возможности исполнять гражданские повинности, вследствие денежного разорения, и военных, вследствие инвалидности, делались исключения — в частности — из общих правил землепользования.

Аристотель, Политика, 1266 b: ἐν Λοκροῖς νόμος ἐστί μὴ πωλεῖν, ἐὰν μὴ φανερὰν ἀτυχίαν δείξῃ συμβεβηκυῖαν.

«У Локрийцев был закон, запрещавший продажу земли, пока не установлено явное наличие несчастного случая».

Точно также Ксенофонт говорит, что спартанский законодатель не желал считаться с этими обстоятельствами (Laced. Polit., 10, 7: οὐδὲν ὑπελογίσατο οὔτε σωμάτων οὔτε χρημάτων ἀσθένειαν), но этот законодатель вообще поступал наперекор тому, что было принято в других городах (1, 2: οὐ μισήσμενος τὰς ἄλλας πόλεις, ἀλλὰ καὶ ἐναντία γινούσας ταῖς πλείστοις).

Запрещение продавать, менять, дарить землю и закладывать ее, как я показал в указанных выше статьях, весьма обычно в Греции и имеет целью сохранить боеспособность гражданина. Но вряд ли можно объяснить тем же запрещение сдавать землю в аренду — с конца VI в. такая сдача земли в аренду прямо предписывается клерухам; они не должны ничем быть отвлечены от их прямых военных (гарнизонных) обязанностей (см. ниже № 9). С запрещением сдавать землю в аренду необходимо сопоставить выражение уже указанной лемноской надписи: (τὴν γῆν) αὐτοὶ ἐργάζοντο, «сами обрабатывали землю». Далее у Псевдо-Гераклида Понтий-

¹ Кроме указанной статьи в «Докладах»: Raccolta di Scritti in onore di G. Lumbroso Milano, 1925, стр. 311—315. Klio, XXI, 1926, стр. 68—73.

ского (5, Müller, II, 213) читаем: *Περὶανδρος δὲ πρῶτος μετέστησε τὴν ἀρχήν, δορυφόρους ἔχων καὶ οὐκ ἐπιτρέπων ἐν ἄστει ζῆν, ἔτι δὲ δούλων κτήσεις καὶ τρυφὴν ὅλως περιαιρῶν*. Nic. Dam., 58: *ἐκώλυέ τε (ὁ Περὶανδρος) τοὺς πολίτας δούλους κτᾶσθαι καὶ σχολὴν ἄγειν... εἰ δὲ τις ἐπὶ τῆς ἀγορᾶς ἐκαθέζετο, ἐζήμιού.*¹

Все это, кроме запрещения пользоваться трудом рабов, почти дословно совпадает с тем, что рассказывается о Писистрате; я думаю, что Бузольт (Gr. Gesch., 647, п. 2) прав, считая, что источник этих сообщений, Эфор,² просто перенес факты, известные ему из правления Писистрата, на других, более ранних тираннов. Если бы это было так, то и запрещение пользоваться трудом рабов пришлось бы относить к Писистрату.³ Имея все это в виду, придется считать, что запрещение сдавать землю в аренду имело в виду не военные цели, а интересы мелких крестьян: предохранение их участков от (прямого или замаскированного) перехода в руки скупщиков (такой переход мог юридически иметь вид аренды), а их самих — от конкуренции рабов. Как я покажу в другом месте, это соответствует общей политике Писистрата.

№ 5

Plut., Sol. 9: *εἶτα (τὸν Σόλωνα) παρὰ τῶν Ἀθηναίων ἐθελοντὰς λαβεῖν πενταχοσίους δόγματος γενομένου τούτους, ἃν κατὰσχωσι τὴν νῆσον, κυρίους εἶναι τοῦ πολιτεύματος.*

«Затем (Солон) взял у афинян 500 добровольцев, причем состоялось постановление, что захватившие остров станут хозяевами (саламинской) общины».

Плутарх, в виду знаменитой элегии Солона, должен был отнести это постановление к эпохе Солона даже в том случае, если имя Солона в нем не упоминалось и если оно фактически относилось к эпохе Писистрата. Возможно, что в силу этого постановления полководец собственной властью наделил воинов землей на Саламине; наша надпись № 4 только ратифицирует это распоряжение (*οἰκεῖν ἔα* — «разрешить жить и впредь», как в постановлении о Брейских колонистах IG, I², 45, стк. 10).

¹ «Периандр первый изменил государственный строй: он имел копыеносцев и не позволял жить в городе, кроме того, он совершенно уничтожил владение рабами и роскошь». «(Периандр) не позволял гражданам приобретать рабов и сидеть без дела... если же кто-либо сидел на агоре, он наказывал».

² Ср. Diog. Laërt., I, 7, 98; Arist., Pol., V, 11 p. 1313 b 18 и сл.

³ В упомянутой лемноской надписи, может быть, позволительно дополнить (стр. 3): [*ἐργάζεσθαι ἄνευ δ*]όλων («обрабатывать без помощи рабов»).

№ 6

IG, I², 3/4, где указана остальная литература. Отрывок А невразумителен. Шрифт:

Α Α Β Ξ Η (=h), Θ Μ Ν Ρ Σ Υ Φ

IG, I², 3 Β (f + g + h):

ιδο

ε ταῦτ

.... δυοῖν [δρα]χμαῖν: τε-

.... τ]οι δεμοσίοι: τοι

C.

οσε

ντον

κα[θάπερ

[πρὸς τὸς πα]ρόντας. ταῦτ' ἔδοχσεν τῷ δέμοι] ἐπὶ Φ-

[....] ος ἄρχοντος.

[τὸν τ]αμιῶν [παρ]έν[αι] ἓνα: ἐν τε[ι] ἀγοραῖ τεῖ ἐμ π]όλει· τὰ-

[ς κ]αθεκός[ι:]|α[ς δ' ἐμέρ]ας: ἡόταμ

20 [.] ἐὰν δυνατο[ι ὅσι: ἐ]ὰν δὲ μὲ..... πρύ]-

τανιν: καὶ δι[δοσθα]ι: τοῖς..... χα-

λχία: καὶ ὀβελ[ὸν ὀφ]λῆν π...

D

25

ἐὰν] δέ τις...

αν ἔ φροράν: μ...

πε]ντέκοντα: δ[ρα]χμάς: τ

ἔσ[ι:]|πραχσιν δ[ε ἔ]ναι π...

... ἐν ἀγοραῖ: ἄν[ευ π]ρυτα[νε-

30

ίον...]εμι

... ἐλεύθερ]ος: ἔ δὲ-

λος.

IG, I², 4.

(начало утрачено).

τὰ χαλκία τὰ ἐ]μ πόλει ἡόσοις χροῦνται: π[λὲν ἡόσα] [ἐν τοῖς σεσεμ.]ασ-
μένοις: οἰκέμ[ασι, ἐ]ἄμ παρ' ἐκάστ[οισιν: τὰ δὲ κα]τὰ τὸν πόλιν γρά[φσα]σθαι
τὸς ταμί[ας:]| ἡόταν δρῶ[σι: τὰ] ἱερὰ: ἡοι ἔ[νδο]γ[η] ἱε[ρ]οργῶντ|| [ε]ς: μὲ ἐὰν: 5
ἡιστ]άναι[:] χύτρην: μεδ αν μεδὲ|..... μεδὲ τὸ πῦρ:

- ἀν[άπτειν:] ἐὰν δ[έ] τις: τ[ὸ] αὐτὸν τι δρᾶι εἰ[δός]: ἐχσεναι θ[οᾶ]ν: μέχ[ρι] τρ[ί]ων
 [ὅ] | [βελῶν: τοῖσι] τ[α]μίαισι::: τὸς ἱε[ρορ]γῶντα[ς:] μ[ὲ] ἀρτα μ[ε]ν πρὸς τῷ ν[ε]ό:
 10 καὶ τῷ πρὸς [ε]ο μεγάλ[ο] β[ο]μῶ: [καὶ νο] || τόθεν: τ[ὸ] ν[ε]ό: ἐντὸς τῷ Κ[εκροπίο]:
 καὶ ἀν[ά] πᾶν τὸ ἡεκατόμπ[εδ]ον: μεδ' ὄνθο[ν] ἐγβ[ά]λεν: ἐὰν δ[έ] τις: τοῦτο |
 ν τι δρᾶ[ι] εἰδός: ἐ[χ]σ[ε]ναι: θοᾶν [μ[ε]χ]ρι τριὸν ὀβελῶ[ν]: τοῖσι ταμ[ί]αισι:::
 τὰς ἡιερέα[ς] τὰς ἐμ πόλει: καὶ τ[ὰς] ζακόρος [μ[ε] ἔχεν οἴ]κεμα ταμ[ί]αιον:
 15 ἐμ πόλει: μ[ὲ] δὲ ἡιπνε[ύ]εσθαι: ἐὰν δὲ τις τ[ὸ] αὐτὸν τι δρᾶι: εὐθύ[ν]ε[σθαι]: ἡε-
 κατόν: δραχμῆς[ι] καὶ τὸς ταμ[ί]ας: ἐὰν ἐῷσ[ι], εὐθύ[ν]εσθαι: ἡεκατόν δραχμῆ-
 20 [σι:] τὰ οἰκέματα | τὰ ἐν τῷ ἡεκατ[ο]ρπέδοι: ἀνοίγειν [τὸς] ταμ[ί]ας: μ[ὲ] ὅ||
 [λ]ειζον τρίς τ[ὸ] μενδ[ς] θεᾶσθαι: τὰς ἡέν[ας]: ἐμέρας | τὰς πρὸ τῆς νο[μ]ενία[ς]
 καὶ τ[ε]ῖ [δεκά]τει κα[ὶ] τ[ε]ῖ εἰ[κά]δι: ὑπὲρ ἡέμ[ισυ]: πα[ρ]όντας: ἡὸς δ' ἂν λεί-
 25 πει: δυν[α]τὸς ὄν: ἀποτίνε[ν]: δύο δραχμ[ὰ] ἕκαστον: ἐσπ[ρ]άττε || [ν] δὲ τὸ π[ρ]-
 ού[τανιν] αἶ[ν] δὲ μέ, κα[τὰ] τὰ προερεμένα εὐθ[ύ]νεσθαι: φα[ί]νεν δὲ: τὸ
 π[ρ]ότανιν τὰ ἀδικήματα το[ῖς] ταμ[ί]αισι: τὰ ἐν τῷ λί[θοι] γεγραμμένα.
 ταῦτ' ἔδοχσεν: τοῖ δέ[μοι ἐπ]ι Φι[.....] ἄρχοντ[ος]: τὰ ἐν τοῖν
 λίθοι[ν] τούτ[οι]ν.

«Две драхмы... в казну...

...присутствующим. Это постановил народ при архонте Ф...

«Из казначеев пусть присутствует один на рынке в акрополе в соответствии дни, когда... если они смогут. Если же нет... то притан... и дать... медных сосудов и обязан уплатить обол...

Если же кто-нибудь... или охрану... пятьдесят драхм... а взыскание должно быть... на рынке без установленной платы... свободный или раб...

«Медные сосуды, находящиеся на акрополе, которыми пользуются,¹ кроме тех, которые находятся в запечатанных кладовых, оставить у каждого. Те, которые распределены по акрополю, пусть казначеи запишут. Когда приносят жертвы совершающие богослужение внутри ограды, не разрешается ни ставить горшок... ни зажигать огонь. Если же кто-либо сделает что-либо такое умышленно, то казначеи могут его оштрафовать до 3 обол. Совершающие богослужение не должны убивать животных близ храма и близ большого восточного алтаря, а также к югу от храма, внутри Кекропия и на всей территории Гекатомпедона; нельзя и выбрасывать навоз. Если кто-нибудь что-либо такое делает сознательно, то казначеи могут его штрафовать до 3 обол. Жрицы, что в акрополе, и храмовые прислужницы не должны иметь в акрополе кладовых или жарить в печи; если же

¹ Ср. Plut. Alcibiad. 13: τῆς πόλεως πολλὰ πομπῶν χρυσᾶ καὶ ἀργυρᾶ κεκτημένης Ἀλκιβιάδης ἐχρήτο πᾶσιν αὐτοῖς ὥσπερ ἰδίους πρὸς τὴν καθ' ἡμέραν δίαitan.

какая-нибудь из них что-нибудь такое сделает, то она повинна уплатить 100 драхм; если же казначеи допустят это, то и они подлежат штрафу в 100 драхм. Кладовые, что в Гекатомпедоне, казначеи обязаны открывать не реже 3 раз в месяц для осмотра: накануне новолуния, десятого и двадцатого числа, причем должно присутствовать не менее половины их. Те, которые не явятся, будучи в состоянии, должны заплатить по 2 драхмы каждый; взыщет же с них притан, а если не взыщет, то пусть уплатит штраф согласно сказанному выше. Притан обязан доносить казначеям о нарушениях, перечисленных на этом камне.

«Это постановил народ при архонте Фи..., — то, что написано на этих камнях».

Эти надписи были написаны на метопах храма Афины Паллады, построенного Писистратом, — так называемого Гекатомпедона. Кирхгоф относил их к 485 г., к архонтату Филократа; как мы говорили уже выше (стр. 75), эта датировка неверна. *Ἐμὲ πόλει* нужно, повидимому, переводить не: «в городе», а «в акрополе». Интересно, что здесь, как и в некоторых греческих надписях других городов, все время упоминается «притан» в единственном числе — нечто неслыханное с точки зрения позднейшего словоупотребления: это какая-то архаическая магистратура, устраненная с появлением при Клисфене целой коллегии из 50 пританов. Ср. старинное аттическое слово *τὰ πρυτάνεια*, штраф.

в) Эпоха Клисфена

№ 7 (511/510 г.)

Декрет об изгнании тираннов известен нам из Фукидида (VI, 55):

ἡ στήλη ἣ περὶ τῆς τῶν τυράννων ἀτιμίας¹ ἢ ἐν τῇ Ἀθηναίων ἀκροπόλει σταθεῖσα, ἐν ᾗ Θεσσαλοῦ μὲν οὐδ' Ἰππάρχου οὐδεὶς παῖς γέγραπται, Ἰππίου δὲ πέντε... καὶ ἐν τῇ στήλῃ πρῶτος γέγραπται μετὰ τὸν πατέρα...

«Стега о лишении гражданской чести тираннов, поставленная в афинском акрополе, на которой не написано имя ни одного из сыновей Фессала и Гиппарха, но пяти сыновей Гиппия... и на стеле имя Гиппия написано первым после отца».

Ср. Аристофан, *Птицы*, 1072: *ἦν... τῶν τυράννων τίς τινα τῶν τεθνηκότων ἀποκτείνῃ, τάλαντον λαμβάνειν.*

«Если кто-либо убьет кого-либо из покойных тираннов, получит талант».

¹ *ἀτιμίας* конъектура Свободы; в тексте *ἀδικίας*.

Слова Аристофана несомненно пародия на разобранную нами надпись: очевидно, там была обещана награда за убийство кого-либо из семьи Писистрата, причем в числе членов семьи был назван и сам покойный Писистрат.

№ 8 (507/506 г.)

Схолия к «Писистрате» Аристофана, 273:

τῶν... μετὰ Κλεομένους Ἐλευσίνα κατασχόντων Ἀθηναῖοι τὰς οἰκίας κατέσκαψαν καὶ τὰς οὐσίας ἐδήμευσαν, αὐτῶν δὲ θάνατον ἐψηφίσαντο· καὶ ἀναγράφαντες εἰς στήλην χαλκῇν ἔστησαν ἐν πόλει παρὰ τὸν ἀρχαῖον νεών.

«У тех, которые вместе с Клеоменом захватили Элевсин, афиняне срыли дома и конфисковали имущество, а самих их присудили к смерти. Записав это постановление на медную стелу, они поставили его в акрополе у старого храма».

См. Stahl, *Rheinisches Museum*, 46, 1891, стр. 266, прим.; Michaelis, *Arch. Jahrb.*, XVII, 1902, 10.

Михаэлис и Гиллер справедливо полагают, что источник этого сообщения — Кратер, и что здесь передано подлинное народное постановление. Упоминаемый здесь храм — тот же, что в надписи № 6.

№ 9 (506/505 г.)

Aelian., *Variae Historiae*, VI, 1:

Ἀθηναῖοι κρατήσαντες Χαλκιδέων κατεκληρούχουν αὐτῶν τὴν γῆν ἐς δισχιλίους κλήρους, τὴν Ἰππόβοτον καλουμένην χώραν, τεμένη δὲ ἀνῆκαν τῇ Ἀθηνᾷ ἐν τῷ Αἰγανῷ ὀνομαζομένῳ τόπῳ, τὴν δὲ λοιπὴν ἐμίθωσαν κατὰ τὰς στήλας τὰς πρὸς τῇ βασιλείῳ στοᾷ ἐστηκυίας, αἵπερ οὖν τὰ τῶν μισθώσεων ὑπομνήματα εἶχον.

«Афиняне, покорив халкидцев, разделили их землю клерухам на 2000 участков — так называемую землю гиппоботов. В так называемом Лелантском месте выделили священные участки Афине, а остальную землю сдали в аренду, согласно стелам, поставленным у царского портика, на которых записаны документы об аренде».

Любопытно сравнить эту надпись с № 4: при Писистрате сдача в аренду была строго воспрещена клерухам, теперь она предписывается законом так же, как и позже, в 428 г., митиленским клерухам.¹

¹ Thuc. III, 50, 2: κλήρους δὲ ποιήσαντες τῆς γῆς... 3000, 800 μὲν τοῖς θεοῖς ἱεροὺς ἐξείλον, ἐπὶ δὲ τοὺς ἄλλους σφῶν αὐτῶν κληρούχους τοὺς λαχόντας ἀπεπεμφαν· οἷς ἀργύριον Λέσβιοι ταξάμενοι τοῦ κλήρου ἑκάστου δύο μνᾶς φέρειν, αὐτοὶ εἰργάζοντο τὴν γῆν.

№ 10

Элевсин. Шрифт:

Α Β Λ Ε Η (= h) ⊕ ? Λ Μ Ν Ρ Σ Υ Χ

IG, I², 5; там же остальная литература.

[ἐδοχσ]εν [: τῇ βολεῖ:] καὶ [τ]οῖ δέμοι: hό[τ]ε Παραιβάτε[ς ἐγραμμάτευε:]
 [[πρoтé]λεια θ[ύε]ν: τὸς ἱεροποιδς: Ἐλευσινίον: καὶ [Προεροσίον ἐ]ν | [τῷ
 Ἐλευσιν[ίοι: Γ[εῖ: Нерμῇ Ἐναγονίοι: Χάρισιν: αἶγα[: 13 букв]ον | [Πο-
 σειδ]όνι: [κρίον: Ἀρτέμιδι: αἶγα: Τελεσιδρόμοι: Τρι[πτολέμοι: κρίον]|
 [Πλούτο]νι: Δ[ολέ]χοι: Θεοῖν: τρίττοαν: βόαρχον: ἐν τῇ: ἐορ[τῇ].

См. выше, стр. 75—76.

V. Прочие афинские надписи VIII—VII вв., имеющие исторический интерес

А. ДРЕВНЕЙШИЕ НАДПИСИ

№ 11

IG, I², 484. Βουστροφηδόν.

Гексаметры или элегическое двустипшие, напр.:

— — — — — ἐνχεκάλ[υπται?]
 — — — — — ἄ]νφoтépoισιν ἐ[γώ?]

Начертания букв чрезвычайно древние, особенно (σ).

№ 12

Надпись на дипилонской вазе (прибл. VII в.) IG, I², 919. Шрифт:

Δ D ≡ I Θ ≤ κ ρ μ ο ρ ≥ η ≤ ν χ

hὸς νῦν ὀρχεστὼν πάντων ἀταλότατα παίζει,
 τὸ τόδε· κἄν νιν (далее недописано).

«Кто теперь из всех танцоров милее всех играет.

«Тому я принадлежу. И если его...»

Надпись, повидимому, эротического характера, как и следующая.

№ 13¹

Стела грубой обработки, небрежно сделанная надпись. IG, I, 2-ое изд., 920. Прифт:

$$\cong H (=h) \oplus D \geq Z \oplus +$$

На передней стороне надпись А, на верхнем краю надпись В.

А.

ἐνθάδ' ἀνὴρ ὅμο[σ]ε[ν κα] | τὰ ἰερὰ παιδὸς ἐρα[σ]θίς
νεῖκεα συνμείσχι[ν] | πόλεμόν θ' ἅμα δακρυόεντα.
Γναθίο | τῷ σφυχ[ῆ] ὄλετ' ἐ[ν δαί] | ἱερός εἰμι
τῷ Ἡεροιάδῳ.

«Здесь поклялся над жертвой муж, влюбленный в мальчика, не расставаться с ним ни в брани, ни на кровавой войне. Я — посвящение Гнафия Геропада, душа которого погибла в огне (любви)».

В.

[Γνα]θίε αἰεὶ σπεύδε[ις].

«Гнафий, ты всегда спешишь» (очевидно, ответ мальчика).

σχ в слове συνμείσχι[ν] и σφ в слове σφυχέ любопытные обратные написания, вместо χσ (=ξ) и φσ (=ψ).² Гиллер привлекает как параллель стихи Анакреонта (fr. 94, Bergk):

οὐ φιλέω ὅς κρητῆρι παρὰ πλέφ οἰνοποτάζων,
νεῖκεα καὶ πόλεμον δακρυόεντα λέγει.
ἄλλος τις Μουσέων τε καὶ ἄγλαα δῶρ' Ἀφροδίτης
συμμίσγων ἐρατῆς μνήσκειται εὐφροσύνης.

Обе эти надписи характерны для своеобразной рыцарской романтики, типичной для аристократических государств, построенных на родовом принципе, напр. для Спарты; государство поддерживало эти связи в виду их значения для боеспособности войска. См. E. Bethe. Die dorische Knabenliebe. Rheinisches Museum, 62 (1907), стр. 438 и сл., W. Kroll, Pauly-Wissowa, Realenzykl., 21, стр. 899.

¹ Эта надпись — не столь ранней эпохи, но помещена в этом месте в виду ее близости по содержанию к предыдущей.

² Ср. σκυλόδεσφος = σκυλόδεσφος в аттической посвяtitельной надписи IG, I², 645, той же эпохи.

В соседней с Афинами Беотии такие союзы между взрослым мужчиной и мальчиком заключались на всю жизнь, причем мужчина назывался ἡνίοχος, а мальчик — παραβάτης (Plut. Pelop. 19; Diod. XII, 70) в связи с их ролью на поле сражения, где они сражались бок-о-бок. Как в разбираемой здесь надписи, они давали друг другу на могиле Иолая клятву в том, что ни один из них не переживет другого (Aristot. pol. Theb. у Müller, Fragmenta Historicorum Graecorum, II, p. 143). См. С. Я. Лурье. Беотийский союз, СПб. 1914, стр. 2. Интересно, что за именем Гнафия следует слово «Героиода». Повидимому, это имя рода, из которого впоследствии и произошло название одноименного дёма, так как доклизфеновское государство было построено еще на родовом принципе. В другой аттической посвященной надписи той же эпохи (IG I² 502) мы читаем: Λεόβιος: ἐποίησεν: Πυρετιάδες. Это тоже, очевидно, название рода; простое «отчество» (πατρωνυμικόν) маловероятно. Ср. Гиллер к IG I², стр. 200. Wilamowitz, Aristoteles und Athen, II, 184³⁴.

№ 14

IG, I², 393. Шрифт:

Λ Ε Μ Ν Μ Ϟ Ρ > Ρ + ×

(середина VI в.). Медная дощечка, обломанная справа.

hoi ταμίαι: τὰ δὲ χαλκία: [τὰ κατὰ τὴν πόλιν: ἀνέθεσαν] συνλέχσαντες: Διὸς κρατερ[όφρονι φόρει: ταμίαι ἔσαν] Ἀναχσίον: καὶ Εὐδιφос καὶ Σ [... καὶ...] καὶ Ἀνδοκίδες: καὶ Λυσίμαχ[ος καὶ... καὶ...].

«Казначей медные сосуды, (рассеянные) по акрополю, собрав, посвятили могучей духом дочери Зевса. Казначеями были (8 имен)». Ср. № 6.

№ 15

Аристотель, Афинская Полития, 4: τὰ ἀναθήματα τῶν ἀρχαίων ἀνάκειται γὰρ ἐν ἀκροπόλει εἰκὼν ἐ[φ'] ἧ ἐπιγράφεται τάδε:

Διφίλο Ἀνθεμίον τένδ' ἀνέθεκε θεοῖς,
θετικῷ ἀντὶ τέλος ἡιππάδ' ἀμειφσάμενος.

καὶ παρέστηκεν ἵππος εἰς μαρτύριον...

„Посвящения древних... В акрополе в числе посвящений есть изображение человека, на котором написано следующее:

«Дифилов сын Антемьон дар сей богам посвятил,

«Ибо из фетов простых ныне он всадником стал»...

а рядом стоит в виде доказательства конь“.

См. комм. у Аристотеля в указ. месте и мою «Историю античной общественной мысли», Москва 1929, стр. 65.

Надпись характеризует быстрый рост городского торгово-промышленного класса, противостоявшего родовой аристократии.

Б. НАДПИСИ ВРЕМЕНИ ПИСИСТРАТА

№ 16

IG, I², 472. Надпись $\beta\upsilon\sigma\tau\rho\phi\eta\delta\acute{o}\nu$ на капители дорической колонны. Шрифт:

A A E N N O (=O) >

(красными буквами). Два фрагмента (отмечены знаками «I»: и «II»):

→ [hάρματι θ' οἱ Ἀλκμέονος hυῖς Ἀ^{II}λκαῖ]ος : κάλκμεο[νί]δες πένπ[α]-
← ^{II}[θ]λόν τε ν[ικ]έσαντες ἀνε[θέτεν] || ^Iγλαυρόπιδι φόρει...

«Алкей и Алкмеонид, сыновья Алкмеона, победив (в беге) на колеснице, а также в пентатле, посвятили Совеокой Деве»...

№ 17

Надпись из Птойского храма в Акрефии (Беотия). Издал L. Bizard, Bulletin de la Correspondance Hellénique, 44, 1920, стр. 228, F. Hiller von Gaertringen, Hermes, 57, (1922), стр. 178.

[Φοί]βο μὲν εἰμ' ἄγαλ[μα Λ]α[τοῖ]δα καλ[ό]ν.
[ho δ' Ἀ]λκμέονος hυῖς Ἀλκμεονίδες,
[h]ίποισι νικ[έσας μ' ἔ]θεκεν [όκέαις],
hās Κνοπ[ίονος παῖ]ς ἔλαυν' ho[μόνυμος],
hoτ' ἐν Ἀθάναις Παλάδος πανέ[γυρις].

«Я — красивая статуя Феба, сына Лето. Меня посвятил Алкмеонид, сын Алкмеона, победив быстрыми конями, которыми управлял Кнопион, сын Кнопиона, когда в Афинах был праздник Паллады».

Эта надпись поставлена тем же лицом, что и предыдущая; обе они, по видимому, относятся к тому времени, когда Писистрат был изгнан из Афин и власть захватили Алкмеониды.

№ 18

Paus., VI, 19, 6 (ср. 10, 8): κείται δὲ καὶ ἄλλα ἐνταῦθα (ἐν τοῖς Δελφοῖς) καὶ εἰργασμένον ἐλέφαντος κέραс τὸ Ἀμαλθείας, ἀνάθημα Μιλτιάδου τοῦ Κίμωνος (как в ряде других случаев, Кίμωνος вместо Κυψέλου!), ὃς τὴν ἀρχὴν ἔσχευεν ἐν Χερρονήσῳ τῇ Θρακίᾳ πρῶτος τῆς οἰκίας ταύτης· καὶ ἐπίγραμμα ἐπὶ τῷ κέρατι ἐστὶν ἀρχαίους Ἀττικοῖς γράμμασι:

Ζενί μ' ἄγαλμ' ἀνέθεκαν Ὀλυμπίοι ἐκ Χερρονέσο
τεῖχος ἡελόντες Ἀράτο. ἐπερχε δὲ Μιλτιάδης σφιν.

«Там (в Дельфах) находится в числе других посвящений и сделанный из слоновой кости рог Амафен, посвящение Мильтиада, сына (Кипсела), который — первый из этого дома — захватил власть на Херсонесе Фракийском» И надпись на роге старинными аттическими буквами:

«Меня, как дар, посвятили из Херсонеса Зевсу Олимпийскому взявшие крепость Арата; а начальствовал над ними Мильтиад».

№ 19

Надпись из Сигея (SIG, изд. 3, № 2), покоренного Писистратом (Herod. V, 94). Написана ионийским языком и шрифтом с переводом на аттический язык и шрифт. Βουστροφηδόν. Начертания

Α Α Ι Δ Β Ε Η (=h) Θ Ι Κ Λ Μ Ν Ο Π Ρ Σ Τ Υ Φ Ψ

Привожу аттическую часть надписи:

Φανοδίχο: εἰμί: τῷ
 Ἡρμοκράτος: τῷ Προκο-
 νεσίῳ: καὶ γό: κρατέρα
 κάπιστατον καὶ ἡεθμ-
 ὄν: ἐς πρυτανεόν: ἔ-
 δοχα: μνῆμα: Σιγευ-
 εῦσι: ἐὰν δέ τι πάσχ-
 ο, μελεδάνειν: με, ὃ
 Σιγείῃς: καὶ μ' ἐπό-
 ειςεν: Ναίσοπος καὶ
 : ἡαδελφοί.

«Я (статуя) Фанодика, сына Гермократа Проконнесца. Чашу и подставку и педилку я пожертвовал в пританей на память сигейцам. Если со мной что-либо случится, позаботьтесь обо мне, о Сигейцы! А сделал меня Эсоп с братьями».

№ 20

Ps. Plat. Hipparch. 228 d. сл.: ἐπιβουλεύων αὖ τοὺς ἐν τοῖς ἀγροῖς παιδεῦσαι ἔστησεν αὐτοῖς Ἑρμᾶς κατὰ τὰς ὁδοὺς ἐν μέσῳ τοῦ ἄστεος καὶ τῶν δήμων ἐκάστων, κῆπειτα τῆς σοφίας τῆς αὐτοῦ, ἦν τ' ἔμαθε καὶ ἦν αὐτὸς ἐξεῖρεν, ἐκλεξάμενος ἃ ἡγαῖτο σοφώτατα εἶναι, ταῦτα αὐτὸς ἐντείνας εἰς ἐλεγείον αὐτοῦ ποιήματα καὶ ἐπιδείγματα τῆς σοφίας ἐπέγραψεν... ἐστὸν δὲ δύο τῶπιγράμματα. ἐν μὲν τοῖς ἐπ' ἀριστερὰ τοῦ Ἑρμοῦ ἐκάστου ἐπιγέγραπται λέγων ὁ Ἑρμῆς, ὅτι ἐν μέσῳ τοῦ ἄστεος καὶ τοῦ δήμου ἔστηκεν, ἐν δὲ τοῖς ἐπὶ δεξιᾷ.

μνῆμα τόδ' Ἰπάρχο· στείχε δίκαια φρονῶν

φρσιν. ἔστι δὲ τῶν ποιημάτων καὶ ἄλλα ἐν ἄλλοις Ἑρμαῖς πολλὰ καὶ καλὰ ἐπιγεγραμμένα. ἔστι δὲ δὴ καὶ τοῦτο ἐπὶ τῇ Στειριακῇ ὁδῷ, ἐν ᾗ λέγει·

μνῆμα τόδ' Ἰπάρχο· μὲ φίλον ἐχσαπάτα.

„Задумав научить сельчан, он поставил им на дорогах гермы на полпути между городом и каждым демом. Затем из сокровищницы своей мудрости, которую он составил, и из того, чему он научился у других, и из того, что сам придумал, он выбрал все то, что считал наиболее мудрым, переложил это в элегии и написал стихи, как образцы мудрости...” На гермах есть по две надписи: с левой стороны каждой гермы написано от имени Гермеса, что он стоит на полпути между городом и каждым демом; а с правой следующее:

«Это — памятка Гиппарха: шествуй, думая о справедливом».

На других гермах написаны другие стихи — многочисленные и очень хорошие, а на Стирийской дороге написано от имени Гермеса:

«Это — памятка Гиппарха: не обманывай друга».“

№ 21

IG. I², 837. Одна из герм, упомянутых в предыдущем №. Прифт:

Α Γ Ε Η (=h) Κ Λ Μ Ν Ο (=o) Ρ ≤ Ϙ

Прежде издавалась по скверной копии Фурмона; в 1935 г. найдена в Аттике (в Кориин) Кирхнером и Доу и опубликована W. Peek в Hermes за 1935 год стр. 461—463 (с фотографией).

[ἐ]ϣ μῆσοι Κεφαλῆς τε καὶ ἄστεος ἀγλαὸς Ἡερμῆς.

«На полпути между Кефалой и городом, славный Гермес».

№ 22

Надпись из Акрефии (Беотия), из храма Аполлона Птоийского. Издал Bizard, Bulletin de la Correspondance Hellénique, 43, 1920, 237. Шрифт:

$$\text{H} \oplus \leq +$$

(прибл. 525 года).

Νίππαρχος ἀνέθε[κεν] ἡο Πεισι[στ]ράτο.

«Посвятил Гиппарх, сын Писистрата».

Вряд ли можно вместе с Белохом видеть в этой надписи доказательство того, что Гиппарх был старшим сыном и наследником Писистрата.

№ 23

IG, I², 761. Надпись на мраморном алтаре. Шрифт:

$$\text{A E} (\xi) \oplus \text{N P} \leq \text{Y} +$$

написана без разделения на стихи.

Μνήμα τόδε ἡς ἀρχῆς Πεισίστ[ρατος] Νίππιο υἱός

θεῖκεν Ἀπόλλωνος Πυθ[ί]ο ἐν τεμένει.

«Это поставил в память о своем архонтстве Писистрат сын Гиппия на священном участке Аполлона Пифийского».

Эта надпись упоминается у Фукидида (VI, 54, 6).

Г. НАДПИСЬ ЭПОХИ КЛИСФЕНА

№ 24

Надпись из Гефестии (Лемнос), опубликованная Picard и Ad. Reinach в Bull. Corr. Hell., 36, 1912, стр. 330—338. Буквы:

$$\text{A A A} (\delta) \oplus \text{L O} \text{ и } \Theta \text{ P} \leq \text{Y} \text{ и } \text{Y} \oplus +$$

Εὐθύμαχος[ς].

Νιπποθοντίς | Ἀντικίδης | [Δό?]ρχον и т. д.

Надпись во всяком случае не позже VI в.; таким образом, она показывает, что уже в VI в. была афинская колония на Лемносе. По шрифту ее следовало бы даже отнести к эпохе Писистратидов, если бы можно было, вместе с Белохом, отнести основание 10 фил ко времени Писистратидов (в надписи читается название филы Гиппотонтиды). Во всяком случае, как показал Эд. Мейер (Forschungen, I, 14 сл.), совершенно невероятно, чтобы клерухия была выведена накануне вторжения персов; поэтому необходимо вместе с Мейером и Белохом принять, что в свидетельствах Геродота (VI, 136, 140) и Диодора (X, 19) та же ошибка, что и в цитированном

выше (№ 17) свидетельстве Павсания: Мильтиад, сын Кимона, назван вместо Мильтиада, сына Кипсела; следовательно, вывод колонии в Лемнос (независимо от того, когда написана эта надпись) придется отнести к эпохе Писистратидов. В таком случае упоминание в надписи Гиппотонтиды проще всего было бы, конечно, вместе с Белохом, объяснить тем, что 10 фил были учреждены уже при Писистратидах; но, возможно, конечно, что клерухи были распределены по новым филам уже после отъезда их с родины.¹

S. LURIA. DIE ÄLTESTEN ATTISCHEN INSCRIFTEN

ZUSAMMENFASSUNG

Der Aufsatz stellt die vorpersischen attischen Inschriften zusammen, d. h. die Volksbeschlüsse und diejenigen *ἀναθήματα*, die eine gewisse historische Bedeutung haben (die *ἀναθήματα* der attischen Handwerker werden in einem anderen Aufsatz erforscht werden). Es werden auch diejenigen Inschriften miteinbezogen, welche uns nur aus literarischen Quellen bekannt sind (was übrigens Fr. Hiller v. Gaertringen IG, I², S. 267—273, bereits getan hat). In einer Einleitung wird die Bedeutung der Urkunden gerade für jene älteste Zeit hervorgehoben, weil die Mitteilungen der antiken Historiker leider nur zu oft gerade hier im Stich lassen und sehr verdächtig sind. Der Verfasser lenkt die Aufmerksamkeit des Lesers auch darauf hin, dass die Inschriften des VI. Jh. in den westeuropäischen, und in einem noch höheren Masse in den Sowjetlehrbüchern, nicht hinreichend gewürdigt werden. Dann wird das Ergänzungsverfahren der Inschriften besprochen und durch Beispiele illustriert. Der zweite Abschnitt behandelt die Präskripte und die Postskripte in den ältesten athenischen Volksbeschlüssen, wobei der Verfasser seinen früheren Hermesaufsatz, der demselben Gegenstand gewidmet war, kurz wiedergibt. Dann folgen (§ 3) kurze Bemerkungen zur Geschichte der attischen Schrift im VI. Jh. Die §§ 4—5 enthalten endlich die attischen und von Athenern geschriebenen Inschriften IG, I², 1, 2, 3/4, 5, 484, 919, 920, 393, 472, 837, 761, Bull. de corr. hell., 44, (1920), 228; 43 (1920), 237, Hermes, 1935, 461, Syll. Inscr. Graec. 3, № 2, wie auch die schon oben erwähnten aus der antiken Literatur bekannten Urkunden. Den Inschriften wird eine russische Übersetzung und meist ein kurzer Kommentar beigegeben.

¹ В это собрание не вошли: 1) посвящения афинских ремесленников (гончара, кожевников, прачки, фокусника, рыбака, плотника и т. д.), свидетельствующие о крупной экономической роли ремесленников в эту эпоху (они гордо именуют свое ремесло «мудростью»); 2) законы Солона. Этот материал будет сопоставлен в статье «Документальные источники афинской истории VI века».

РЕСТАВРАЦИЯ ВАВИЛОНСКИХ КЛИНОПИСНЫХ ТАБЛЕТОК

Н. П. ТИХОНОВ

Значительное количество глиняных клинописных таблеток, имеющих в Институте истории Академии Наук СССР (Ленинград), поступило в Академию в весьма плохом состоянии, требовавшем их реставрации. Техническая обработка группы наиболее поврежденных таблеток позволяет нам опубликовать те наблюдения и технику реставрационных приемов, которые были применены к реставрируемым таблеткам.

Все поступившие в обработку таблетки по их состоянию могут быть разбиты на три основных группы: а) хорошо обожженные, с плотным черепком, звонкие, характеризующиеся светлым красным тоном, имеющие лишь незначительные засорения солями, легко обрабатываемые без особых приемов и не вызывающие опасения за их дальнейшее состояние; б) обожженные слабо, темнобурого тона, с мелкими щелями, и разрушающейся поверхностью, пропитанной солями или покрытой белым налетом отдельных кристаллов, и в) совершенно необожженные, темного тона с сильно измененной поверхностью, иногда полностью закрытой грязью и пылью, не позволяющей различить надписи. Этот род таблеток часто представляет настолько сильные изменения под действием солей и резких колебаний температуры (имеет вид отдельных слоистых пластинок), что никаким исправлениям уже не поддается.

Если первый род таблеток можно считать еще благополучным в смысле дальнейшего их хранения, то второй и третий оказываются настолько сильно пропитанными солями, что эти последние, выступая наружу в виде кристаллических образований, разрушительно действуют на поверхность, а, следовательно, и на текст таблетки. На таблетках можно проследить последовательный ход образования кристаллов солей: 1) точки — в тонкой трещине или поре глины лежит микроскопический кристалл, приподнимающий находящуюся под ним часть и отрывающий ее от основной массы;

2) кристаллы, которые образуют группу тонких нитей белого цвета; 3) кристаллы, пронизывающие большую часть черепка, образуя своеобразную кристаллическую щетку.

Наиболее разрушительное действие оказывают кристаллы солей хлористого натрия, углекислого калия, азотнокислого калия и других веществ, растворимых в воде, пронизывающие мельчайшие поры черепка и после высыхания постепенно выходящие наружу. Кристаллическое образование внутри черепка оказывает сильное давление на материал, раздвигая его и разрыхляя, аналогично действию замерзающей воды в пористом кирпиче. Изучаемые нами таблетки подвергались действию низкой температуры до передачи их в Академию Наук, и это сильно отразилось на их прочности и внешнем виде. Некоторые таблетки по внешнему виду были настолько плохи, что, казалось, совершенно утратили все бывшие на них надписи.

Так как главнейшим требованием, из-за которого и производилась вся реставрационная работа, было желание сохранить и выявить максимальное количество надписей, на эту сторону и было обращено особое внимание. При детальном обследовании выяснилось, что поверхность таблеток, сильно пропитанных гигроскопическими солями, расслоилась и слетела в виде отдельных чешуек.

Такие же таблетки, но с меньшим содержанием влаги (менее пористые), имеют мохнатый, бесформенный вид, при прикосновении к ним пальцем отдельные их кусочки рассыпаются и отлетают. Общий костяк их цел, с места не сдвинут, но связи между собой части не имеют.

Существующая литература¹ о реставрации глиняных таблеток дает указания на обработку их термическим путем, что особенно удобно для освобождения их поверхности от гипса ($\text{CaSO}_4 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$), который не растворим в воде или соляной кислоте. Нагревание таблеток до $150\text{—}170^\circ\text{C}$ переводит гипс в полуводный гидрат его, причем создается возможность снять гипс, перешедший в белый порошок, мягкой щеткой. Но, как на это указывает работа Института археологической технологии,² удаление этим путем гипса представляет большие трудности, так как до обжига необходимо убрать все растворимые соли, применить же водные растворы и выщелачивание солей невозможно. Неожоженная таблетка при этом неминуемо

¹ Rathgen, Scott, Lucas и Материалы по методологии и археологической технологии, вып. VI, Керамика, Л. 1926.

² М. Фармаковский. Очистка вавилонских таблеток термическим способом. Мат. по методол. археол. технологии, вып. XII, Новые работы Инст. в области реставрации различных материалов, Л. 1929.

Рис. 1. Типы разрушенных таблеток.

Рис. 2. Боковой разрез слоистой
таблетки.

Рис. 3. Фрагменты таблеток с выступами солей.

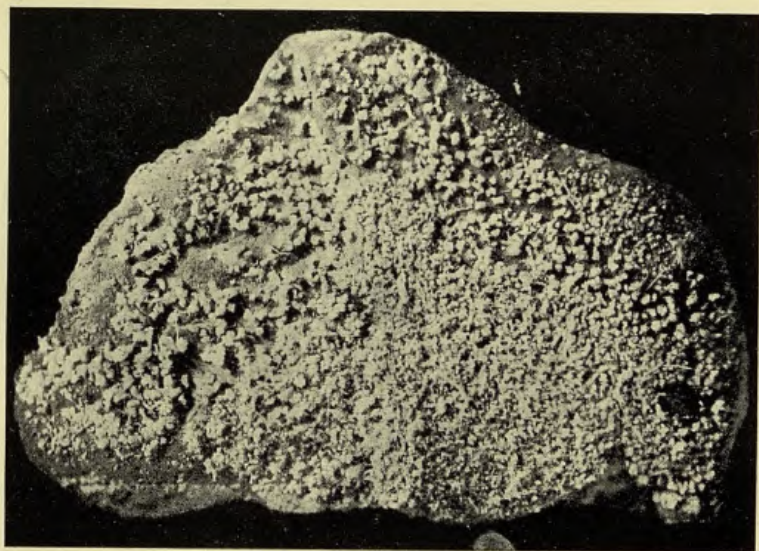

Рис. 4. Соль на таблетках, первая стадия.

Рис. 5. I стадия.

Рис. 6. II стадия.

Рис. 7. III стадия.

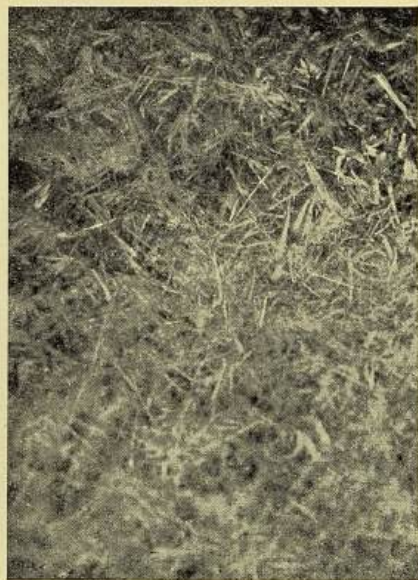

Рис. 8. IV стадия.

Рис. 5—8. Микрофотографии выступов соли.

Рис. 9. Внешняя оболочка таблетки.

Рис. 10. Внутренняя часть таблетки до обработки.

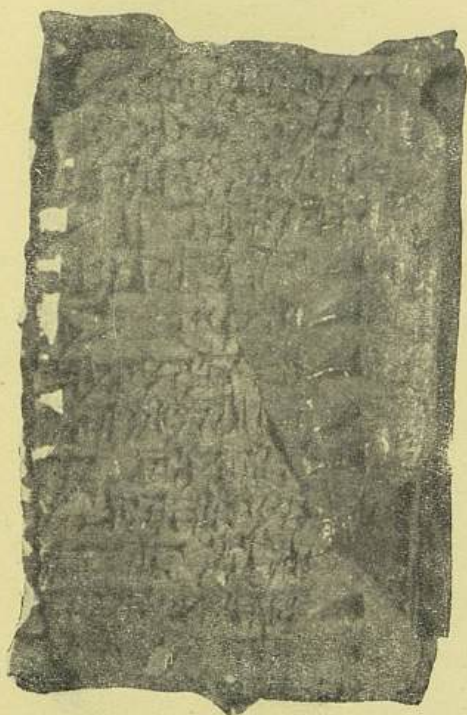

Рис. 11. Таблетки с частью внешней оболочки.

Рис. 12. Таблетки с частью внешней оболочки, до очистки.

Рис. 13. Большая глиняная таблетка, до обработки.

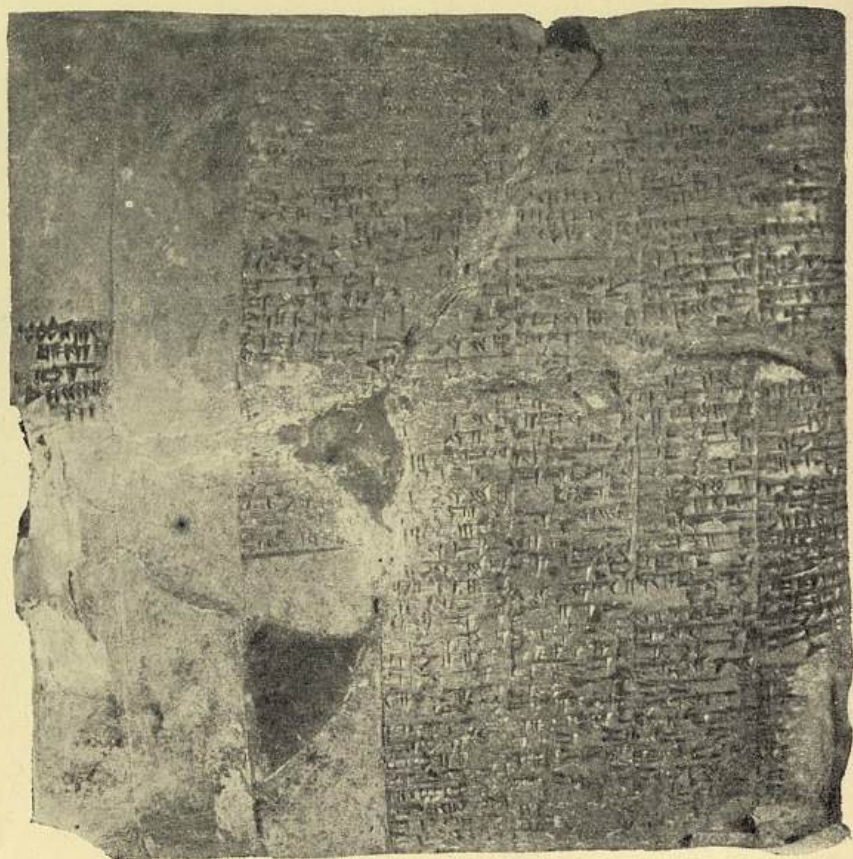

Рис. 14. Тоже, после обработки.

Рис. 15.

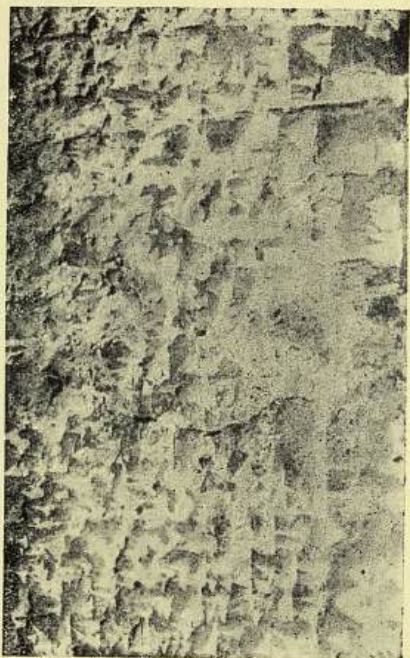

Рис. 16.

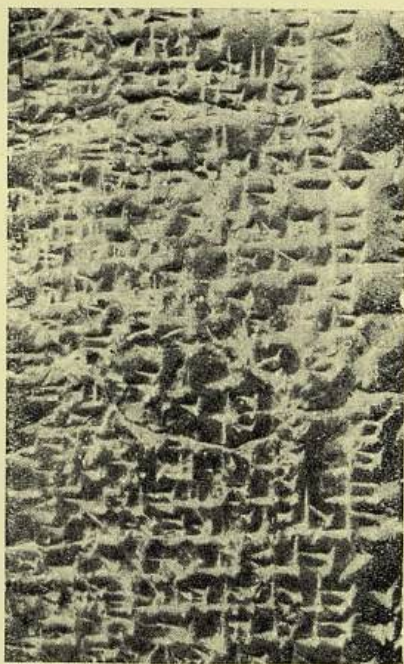

Рис. 17.

Рис. 15—17. Последовательные фазы очистки таблетки от гипсового слоя.

погибнет. Обжиг же без удаления некоторых солей еще более опасен, так как соли, находящиеся в глубоких трещинах черепка, будут расширять их и разрушать поверхность таблетики.

Мы установили, что, не обращая внимания на твердость таблетики, необходимо производить предварительную пробу каплей воды на неответственном месте, проводя заостренной тонкой деревянной палочкой. Если при этом будет замечено поверхностное снятие глины, образец считается необожженным и в промывку до закрепления поступать не должен.

Весь имевшийся в нашем распоряжении материал, по характеру обжига его, разделен нами на три группы, а кроме того, может быть разбит на три группы и по характеру самой массы. Внимательное изучение материала показывает, что он технически различно обработан, и позволяет сделать предположение, что таблетики были исполнены из разно промешанной и очищенной керамической массы.

По аналогии с современным материалом для письма, и в таблетках качество материала было различным в зависимости от его назначения. Как сейчас случайную записку мы пишем небрежно на простом клочке бумаги, для делового письма берем лучшую бумагу, а ценные научные труды печатаем на прочной бумаге, так и в таблетках, хотя во всех случаях применялась глина, но ее качество, обработка и обжиг после нанесения знаков иногда сильно отличаются друг от друга. Грубо систематизируя таблетики, мы можем разбить их на три основных категории: таблетики из грязи, из необработанной и из обработанной глины. Конечно, эти наблюдения требуют проверки и технологического анализа, а технологические данные должны быть увязаны с текстом таблетики. Тогда можно будет получить фактические подтверждения этих предположений.

По внешнему виду можно легко различить, что некоторые таблетики сделаны из комков грязи (случайных кусков глинистой земли), в которую вкраплены посторонние частицы, камешки, песок, известь; цвет их темный, они окрашены продуктами распада органических веществ (гумминовыми кислотами), при разломе обнаруживают характерное слоистое строение и, как правило, не обожжены. Вполне возможно допустить, что такие таблетики изготовлены на ходу, это памятные записки, черновики; текст их, по сравнению с более искусно написанной таблеткой, нанесен небрежно и без соблюдения точных направлений.

Второй тип таблетики из необожженной глины показывает, что для них бралась глина специального сорта (горшечная-керамическая). Ее свойство—в течение долгого времени после высыхания не принимать пластичной

формы, вероятно, заставляло хранить ее завернутой во влажную ткань, как это делают скульпторы со своим материалом при перерыве работы, или погружать в воду, чтобы иметь всегда под рукой пластический материал, из которого можно изготовить таблетку. Писец того времени, приступая к письму, должен был заготовить «лист» для написания, т. е. сформировать таблетку, причем форма ее объясняется довольно просто: ее величина не могла быть больше ладони руки, так как таблетка формировалась непосредственно перед работой — вручную; сперва придавая ей шарообразную форму, затем нажимая с четырех сторон о плоскую поверхность и постепенно сжимая ее между ладонями, отформовывали на ней две основных плоскости для нанесения знаков. Заблаговременно готовить такие таблетки было бы невозможно, так как они, начиная высыхать с поверхности, не позволяли бы работать на них палочкой для письма, плохо воспринимая знаки. Характерная особенность письма на глиняных таблетках состоит в необходимости закончить его с одного раза, а при длительном письме — в необходимости завертывать таблетку во влажную тряпку или помещать ее в закрытое пространство с влажной атмосферой для отволаживания ее.

Быстрота высыхания глины с поверхности в жаркие солнечные дни ставила писавшему определенные условия. Глина не могла быть слишком сухой, по причинам указанным выше, ни избыточно влажной, так как тогда знаки легко могли бы стираться, смазываться, особенно на другой стороне таблетки, лежащей в руке.

По характеру выполнения знаков, нанесенных на таблетки при помощи стилоса, их нельзя рассматривать как «написанные» на поверхности глины (как остракон): они вдавлены значительно ниже поверхности таблетки. Это приводит к заключению, что контуры знака могут более или менее сохраниться, несмотря на разрушенную поверхность самой таблетки. Это наблюдение подтверждается и поверхностной расчисткой обожженной таблетки от слоев гипса, лежащего на ней: доходя до поверхности таблетки, мы обнаруживаем сперва плоские контуры знаков, заполненные новым образованием, характерно выделяющимся белым тоном на более темном фоне таблетки; дальнейшая расчистка углублений вскрывает и надпись. Таблетки рыхлые, потерявшие внутреннюю связь, необходимо предварительно укрепить, чтобы иметь возможность более уверенно манипулировать с ними. Мы начали нашу работу с таблетками, перенеся их с ватной подстилкой, на которой они хранились, во влажную камеру на сутки, для размягчения солей, а затем попробовали пропитать их слабым 2% раствором

желатины с 10% спирта, 1% инвентированного сахара и 1% тимола. Горячий раствор, помощью кисти, не касаясь поверхности таблетки, наносился сперва на одну сторону таблетки, а по высыхании ее — на другую. Результаты оказались обнадеживающими. Глина жадно вбирала в себя раствор, и после двух часов высыхания поверхность ее от прикосновения пальца уже не осыпалась. После такого предварительного закрепления мы приступили к механической расчистке, для чего очень осторожно, помощью мягкой кисти (хорьковой), начали обрабатывать поверхность таблеток. Обнаружилось, что посторонние загрязнения, пыль, различные поверхностные отложения, тонкий ил, закрывающий вдавленные надписи, довольно легко сходит с поверхности в виде пленочек, а сама поверхность черепка, как более плотная, сохраняется. Этим приемом, иногда помогая легким трением в углублениях деревянной иглой, нам удалось снять большое количество налетов и вскрыть надписи. Только в случаях очень сильных разрушений поверхности от кристаллизации приходилось отказываться от такого приема работы.

Немедленно после очистки поверхность вторично была покрыта тем же желатиновым раствором. Следует отметить еще один прием. Так как углубления в клинописи задерживают пузырьки воздуха и не впитывают в себя раствора, оказалось целесообразным смачивать поверхность помощью тампона из гигроскопической ваты, накатанной в виде валика на палочку: валик прокатывают по поверхности таблетки, не прижимая и не вызывая трения. Таблетка, как и в первый раз, хорошо впитывает в себя раствор.

Теперь перед нами встала задача освободиться от солей. Оставлять таблетки с солью было бы нерационально. Укрепление их обжигом по Ратгену,¹ как указывает и сам он, опасно. Он говорит, что даже хорошо обожженные таблетки, покрытые отложениями солей, несмотря на предварительное просушивание, лопаются, причем это может иметь место часто и в начале обжига, т. е. при невысокой температуре.

Основываясь на работе Скотта,² где указывается, что вода, испаряясь из пористой поверхности камня, делает раствор более концентрированным и, увеличивая силу капиллярного натяжения, притягивает соляной раствор на поверхность, мы начали производить эксперименты с глиняными пластинками, в которые искусственно вводили определенные количества поваренной соли. Количество соли на поверхности глиняного черепка всегда было больше,

¹ A. Rathgen. Die Konservierung von Altertumsfunden, I, 1924.

² A. Scott. The Cleaning and Restoration of Museum Exhibits. Third Report, 1926.

чем во внутренних слоях. Когда предмет был извлечен из земли, поверхность его испарения стала поверхностью всего предмета, и кристаллы начали выходить на эту поверхность. Обычный метод удаления солей — вымывание в постоянно сменяемой воде — показывает, что после нескольких смен воды черепок уже не содержит в себе хлоридов. Проба на азотнокислое серебро это подтверждает.

Скотт указывает, что если капля воды попадает на поверхность объекта, заключающего в себе соли, соль растворяется, и раствор проникает настолько, насколько количество воды и пористость глины это позволяют сделать. Когда капля высохнет, то соли под действием капиллярности выводятся на поверхность, где они и кристаллизуются обычным порядком. Главным здесь является не медленный процесс диффузии, а использование испарения и капиллярности, оказывающих быстрое действие по сравнению с медленным вымыванием.

Основываясь на своих работах, сделанных над промывкой фотографических пластинок, при вымывании гипосульфита из желатинового слоя, A. V. Elsdon установил,¹ что промывку можно считать законченной для 50 см² слоя, если он был промыт в четыре раза сменяемой воде, каждый раз по 2 минуты с промежутками между ними в 30 сек. для просушки (Trockenpause). Им выведена формула:

$$x_n = \left(\frac{a}{m+a} \right)^n x_0,$$

позволяющая определить остающийся теоретически после каждой промывки остаток соли, где x_0 — находящееся количество соли, x_n — остающееся количество соли после n промывок, n — число промывных вод, a — объем количества жидкости, остающейся на пластинке после каждой промывки, m — объем употребляемого для каждой промывки количества воды. Из уравнения видно, что в пластинке количество соли тем меньше, чем меньше дробь $\frac{a}{m+a}$, а эта дробь тем меньше, чем больше удаляют влагу с поверхности пластинки. Сам период промывки должен быть таким, чтобы установилось равновесие между концентрацией соли в слое и воде, предполагая, что соль, находящаяся в слое, распределяется равномерно как в слое, так и в воде. Отсюда нет основания вымачивать большее время в воде пластинку, а необходимо взять новую порцию воды, и чем она будет больше по отношению к предмету, тем лучше.

¹ Photogr. industrie, 1917, стр. 646.

Опыты, поставленные нами с пористыми глиняными пластинками, насыщенными раствором поваренной соли и азотнокислым калнем, это подтвердили, и мы решили соединить промывку таблеток с закреплением их желатиной.

Нанесенный желатиновый слой, который безусловно не проникает глубоко в глину, рассматривался нами как перепонка диализатора для солей, с одной стороны, и как скрепляющая поверхность для размываемого слоя, с другой. Погружая таблетку в ванну, сперва с 20% раствором спирта, для регулирования скорости набухания, а затем и просто в дистиллированную воду на 5—10 минут, пока не набухнет слой желатины в воде, и вода не начнет проходить в глину, мы вынимали таблетку и клали на стеклянную пластинку, покрытую тонким слоем парафина, и давали ей обсохнуть. Немедленно обнаружилось, что концентрированная соль во время высыхания переместилась от внутренней части слоя желатины на внешнюю. После высушивания и вторичного погружения таблетки в дистиллированную воду, через 30—40 сек. можно было заметить характерные струи опускающегося раствора соли, падающие на дно сосуда, и в то же время соль не входила в поры объекта, так как осмотическое давление действовало в одну сторону.

После повторения такой процедуры 6—8 раз, количество соли в значительной степени уменьшилось, и можно было быть уверенным, что дальнейшее хранение таблеток в музейных условиях не вызовет беспокойства за их сохранность. Конечно, не следовало забывать о возможности появления плесени и бактерий в желатиновом слое, и мы поэтому прибавляли к воде небольшое количество карболовой кислоты, как дезинфицирующего средства.

Освобожденные от солей пластинки таким путем не могли быть освобождены от гипсовых кристаллов, имеющих на них. Это требовало иных приемов, и мы их опишем дальше.

Если таблетки после сушки обнаруживают слишком порозную и шершавую поверхность, мы еще раз покрываем их желатиной и после высыхания помещаем во влажную камеру (большой эксикатор), а затем выдерживаем их в парах формалина до окончательного закрепления слоя. Формалинирование поверхности играет двойную роль, так как мы получаем поверхность, не притягивающую влаги и в то же время препятствующую образованию плесени при большой влажности.

После обработки таблетка получает компактный вид, она имеет достаточно плотную поверхность, совершенно свободно дает себя переносить,

держат в руках и изучать, без боязни за сохранность ее поверхности, что ранее было бы совершенно немыслимо.

Имевшаяся в нашем распоряжении большая таблица («Бухгалтерский баланс» эпохи 3-й дин. Ура XXII в. до н. эры), у которой верхняя поверхность расслаивалась, была кем-то закреплена довольно своеобразным способом. Она вся оказалась покрытой толстым слоем мучного клейстера, причем задняя сторона таблетки после смазывания ее была уложена на солому, приставшую ко многим местам настолько крепко, что удалить ее было чрезвычайно трудно. Слой клейстера во многих местах закрывал текст. Попытки свить клей механическим путем показали, что он чрезвычайно крепко схватился с поверхностью и проник в тонкие щели, так что при снятии слоя с ним отлетали и отдельные частицы поверхности глины, и таблетка при такой обработке могла быть безвозвратно погублена. К ней мы применили следующий прием: после предварительной выдержки во влажной камере, таблетка была помощью большого тампона ваты, в виде компресса, смочена желатиновым раствором в очень горячем состоянии. Через некоторое время клейстер начал размягчаться. Прodelав эту операцию несколько раз, мы убедились, что отдельные части клейстера стали мягкими и легко снимались с помощью пинцета и иглы. Но такая расчистка таблетки при ее большой поверхности потребовала бы долгой и кропотливой работы; поэтому мы прибегли к дополнительному покрыванию ее более густым слоем раствора желатины на небольшом участке, приблизительно 5 кв. см, внимательно наблюдая за моментом затвердевания желатины. Когда она образовала плотную желатинозную массу (приблизительно через 3—4 часа), хорошо схватывавшуюся с слоем размягченного клейстера, мы сняли весь пласт без малейшего повреждения текста. Таким образом удалось освободить всю поверхность таблетки, последовательно размягчая и снимая слои. Затем таблетка была укреплена вышеописанным путем.

Причину того, что громадное количество необожженных таблеток имеет большое содержание соли, — указать трудно; нам кажется, что относить ее исключительно за счет солей почвы было бы неправильным, так как многие таблетки были найдены в помещениях, не содержащих солевых образований. Не будет ошибкой предполагать, что и к самим таблеткам при их приготовлении примешивали соль для придания им более гигроскопичного состояния во время письма.

После нанесения знаков на таблетку, работа с ней не оканчивалась. Таблетку необходимо было правильно высушить в прохладном, затененном

месте, осторожно переворачивая со стороны на сторону. Неправильная сушка вызывала коробление таблетки и ее лопание, аналогичное деформациям кирпича при современном его производстве.

Только после основательной просушки таблеток их можно было закрепить хорошо, что делалось двумя путями: сильной ее просушкой на солнце (такие таблетки можно было впоследствии уничтожить) или обжиганием на огне, причем получались уже прочные, долго сохраняющиеся документы.

Подвергая таблетку слабому обжигу, мы получаем более стойкие таблетки. В наших руках были такие образцы, и на изломе их видно было, что обжиг их шел по поверхности в виде тонкой верхней корочки, внутри же глина оставалась другого тона и легко размягчалась от воды.

Ценные документы изготовлялись несколько иным путем. В качестве образчиков таких документов мы имели «конверт» — документ 1 вавилонской династии (2000 л. до н. э) и описанную выше бухгалтерскую большую таблетку. Большая таблетка была покрыта знаками с обеих сторон, расположенными в четких колонках. Она имеет квадратный вид с стороной около 20 см. Материал ее однообразен, видно, что он был предварительно хорошо размят, может быть даже отмучен, и потом отформована плитка. Нанесение знаков велось аккуратно, с большим вниманием и тщательностью. Сама таблица высушена на соломе (вдавленные в массу глины отпечатки ее ясно указывают на это), а затем подвергнута обжигу в печи. Тон всей плитки ровный, темнокоричневый, она пористая и жадно впитывает воду, но распаду не поддается, при трении ее деревянной палочкой и смачивании водой.

Еще более характерен «конверт». Он представляет собой небольшую плитку в 10 см длины и 6 см ширины. Тон ее розово-красный, аналогичный характерной керамиковой глине, материал очень тщательно отделан. Расписка со значками снабжена штемпелем с весьма тонким и художественным рисунком (стоящая фигура). После основательного обжига таблетки, она заделана в керамиковый футляр, конверт, на котором повторена надпись текста и снова на боку ее поставлен штемпель. Конверт также хорошо обожжен. Так как одновременно производить обжиг таблетки и конверта невозможно, ибо слой воздуха и влаги внутри конверта разорвал бы его оболочку, очевидно обжиг производился раздельно.

При поступлении в нашу обработку конверт и представлял разрыв в одном углу от расширяющего действия гипсовых кристаллов, пропитывавших внутреннюю таблетку. Нам оставалось только осторожно продол-

жить эту работу и, вынув внутреннюю таблетку, снова осторожно соединить внешнюю оболочку.

Исследуемые таблетки показывают, что кристаллы гипса наблюдаются на обожженных таблетках, на необожженных же — белые кусочки и пятна известковых солей и углекислого кальция. У плотных, хорошо обожженных таблеток можно заметить характерные выступы кристаллов сернокислого кальция (гипса). Эти выступы выходят на поверхность таблетки и прочно связаны с материалом. Уничтожение их трудно и механическим путем почти невозможно. Кристаллы, раскалываясь по спайности, откалывают и куски глины. Как известно, кристаллы необожженного гипса в воде почти нерастворимы (1 ч. на 400 ч. воды) и требуют применения термического метода.

Для этой цели мы применили тонкое газовое пламя по способу Берлинской центральной лаборатории. Способ заключается в применении тоненькой стеклянной трубочки: один конец ее вытянут в тонкое отверстие, а на широкий конец надевается каучуковая трубка, соединенная с газовым рожком. Зажигая газ, мы получаем длинный и тонкий язычок газового пламени, которым можно работать как кистью. Осторожно нагревая кристалл гипса, мы переводим его в жженный гипс, а после охлаждения он легко счищается, распадаясь в рыхлый белый порошок. В лабораториях, не имеющих газа, переходят к помощи платиновой иглы, нагреваемой бензином, пользуясь обычным аппаратом для выжигания по дереву. Игла создает очень удобный способ точно и уверенно снимать частицы гипса в тонких углублениях и таким путем легко вскрывать затянутые надписи, лежащие под слоем гипсовых покрытий.

N. P. TIKHONOV. RESTORATION OF THE CLAY TABLETS OF BABYLONIA

SUMMARY

The clay tablets of Babylonia may be divided into three groups:—wellbaked ones, made of compact brick and having but a slight content of salts; tablets of a dark-brown hue, half-baked permeated with salts, and, lastly, unbaked tablets, with a greatly altered surface and a high content in salts. The last two groups of tablets demand for their preservation a particular care and attention.

The presence of permeating salts in the last two groups is a threat to their preservation owing to the destructive effect of the salts, and demands the removal of the latter by other methods than those usually recommended, since baking makes them crack, while washing in water may obliterate the inscription. Most of such tablets have proved to be either inadequately baked, or not baked at all. To ensure preservation, the tablets were covered with a protective layer of gelatine, water, alcohol and inverted sugar with the addition of a disinfectant (thymol or phenol) when hot. This hardened the surface and made it possible after drying to cleanse it mechanically and to remove dirt and dust. To dissolve the salts, the tablets were, after repeated permeation and the congelation of the coating on their surface, washed in 5—7 baths, first in 20% alcohol, then in distilled water, every operation lasting 5—10 minutes and being followed by drying. Thus any deformation of the soft clay tablet was avoided, while the gelatine coating protected it from the direct action of water and at the same time drew off the salts during drying, acting as it were the membrane of a dialyzer.

The final treatment consisted in the exposure of the tablet to formaline vapours to render its protective layer insoluble and stable. This method made it possible to preserve and restore tablets of entirely unbaked clay and with a surface so damaged that salvage had at first seemed unthinkable.

II

РАННИЙ ФРИУЛЬСКИЙ МИНУСКУЛ И ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЛАНГОБАРДСКОГО ИСТОРИКА VIII в.

О. А. ДОБИШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Не скоро еще суждено затихнуть горячим спорам о происхождении того четкого и вместе беглого письма, которое на переломе VIII и IX вв. в разных странах Запада сменило собою безбрежную пестроту предшествовавших писем. В некоторых направлениях эти споры только разгораются. Немудрено. Со слишком сложным материалом имеет здесь дело теория. В книге *Notae latinae*,¹ где автор на подлинных западных рукописях библиотек всего мира стремится установить статистику главных потоков письма, Линдсе наметил не менее двух тысяч докаролингских их индивидуальностей.

Наука палеографии, с некоторого времени значительно освободившаяся от миража (и шаблона) «великих каллиграфических типов», которые некогда исключительно пленяли внимание ученых, и особенно публики, все больше обращается к живому многообразию графического творчества. Самая проблема каролингского минускула ставится совершенно иначе, чем полвека назад. И в горячих дискуссиях, поворачивающих то на лицо, то наизнанку результат долгого развития — каролингский минускул, многие общие положения и тем более десятки и даже сотни частных, устанавливаются твердо. В противоположность «моногогенетическим схемам», выведившим в минувшем веке каролингский минускул из единого очага, над которым будто бы властвовала не только единая культурная и техническая мысль, но чуть ли не единая политическая воля, ныне, в убеждениях палеографов, утверждается идея полигенезиса. Для смутного, переходного периода VII—VIII вв. почти единогласно склоняются принять инициативу многих очагов, где самостоятельно, независимо создавалось письмо, которое фран-

¹ W. M. Lindsay, *Notae latinae*. Cambridge, 1915. Готовится новое издание.

цузы обозначили, как *minuscule précaroline*, англичане — *early minuscule*, немцы — *Uebergangsschrift*, и с недавнего времени, они же, — *Frühminuskel*. Здесь тождество или аналогия культурных стремлений вели к аналогичным результатам в графических формах.

Иными словами, многие центры шли одновременно к минускулу, получившему имя каролингского. Палеографы, в общем, согласны усматривать в большинстве минускулов первого периода регуляризованный курсив. И в этом движении Запада, в конце VIII в., роль Италии, в особенности северной, была значительной и активной.¹

Я хотела бы в настоящем очерке охватить искания (и достижения) одного очага, очень скромного, даже провинциального. Он интересен с трех точек зрения.

1. Очень своеобразно его положение. Дело касается здесь города, области старого Фриуля (ныне Чивидале), географией и историей выдвинутого на место ответственного бастиона: форпоста Италии на северо-восток, в соприкосновении с мирами лангобардским, баварским, аламаниским, славянским, восточно-франкским и аварским («гуннским»). Этот очаг был одним из первых центров Италии, который стал лангобардским городом. Он же был последним и собственно единственным, деятельно восставшим в VIII в. против нового северного завоевания, не принимая утверждающейся в Италии каролингской власти.

2. Судьбы его письма тесно связаны с судьбой писаний историка, которого можно назвать самым замечательным историком VIII века на Западе. Уже потому, что на нем одном, как на единственной нити, висит история его племени. Уже потому, что это племя и государственность, при этом историке получившие свое развитие, при нем же имели и свой конец. Если в эпоху особенно яркой жизни племени исторические его судьбы не нашли своего выразителя в историографии, или отзвук их, сам по себе,² не дошел до нас, то затем, после падения лангобардской державы, уже навряд ли мог явиться писатель, который заинтересовался бы поконченной историей. В последнюю

¹ См. обзор проблемы: Ph. Lauer, *La Réforme carolingienne de l'écriture latine et l'école calligraphique de Corbie*. Paris, 1924. — De Boüard, *Les origines de la minuscule, dite caroline*. *Palae. Lat.*, IV. — Автора этих строк, в соч. *Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830, reflétée dans les Manuscrits de Leningrad*. Leningrad, 1934, pp. 56 sq. цитир. Dobiaš, Corbie).

² См. ниже, стр. 133, о Секунде Тридентском: только через того же «историка VIII в.» и сохранилась повесть Секунда.

возможную минуту, после спуска занавеса, переживший пьесу историк успел ее записать.

И в этом смысле «случайность» синхронизма, которая свела на одном отрезке времени драму лангобардов вплоть до ее эпилога, и — ярко отражающий впечатления — экран сознания указанного историка, — эту «случайность» следует признать весьма счастливой для исторического исследования эпохи.

Этим историком был сын Варнефрида, лангобард по происхождению, Павел Диакон, латинский клирик по посвящению.

3. Вся эта проблема, наконец, интересна для нас тем, что очень яркий свет, разрешающий убедительно многие загадки, бросает на нее один кодекс конца VIII века, хранящийся в нашей Ленинградской государственной публичной библиотеке (ГПБ).

1. ФРИУЛЬСКИЙ МИНУСКУЛ И КОДЕКС ГПБ

Мы возвращаемся к вопросу о фриульском минускуле.

Кодекс β . До вчерашнего дня, вообще говоря, образцов раннего фриульского минускула насчитывалось два. Один из них хранится, — очевидно, туда в какой-то период переселившийся, — в библиотеке Ватикана. Другой, — очевидно, искони, — в городском музее Чивидале (Фриуля), на родине Павла.

До наших поисков в Ленинградской ГПБ это были самые ранние образцы фриульского минускула.

Остановимся на чивидальском (фриульском) кодексе, который дает нам Павлову *Historia langobardorum*. Назовем этот кодекс — β .

Хранившийся с незапамятной древности в библиотеке фриульского собора, он, несомненно, был написан на родине Павла. Бетман, изучавший его в 1851 г. вместе с фриульским каноником Орландесом,¹ датировал его серединой IX в. Так же датировал его Вайц в 1876 г.² и впоследствии, в 1913 г. Баннистер,³ — дата, по-нашему, слишком поздняя: середина IX века не совсем гармонирует с формами букв *c* и *e*, где следы образующего их двойного движения руки пережили в точке, прицепившейся к спине этих букв. В л. 37 кодекса β , мы можем констатировать 16 *c* и 26 *e*, а на таблице II — 22 *c* и 20 *e* этого типа.⁴ Липдсе, который называет это явление

¹ Pertz-Archiv VII 275 и X 317.

² NA I 335. — MG Script. rerum long., p. 28, cod. A.

³ Paleografia musicale Vaticana, 1913, p. 82 sq.

⁴ См. эту таблицу рядом и в кодексе β лист 37, воспроизвести который нам не удалось.

«a knob projection at the back of the letter»,¹ подметил его в ряде рукописей ante 814, в мастерских Корби (*ab*-тип), Лана (*az*-тип), Луксея («-тип») и Сен-Галлена. В наших таблицах *e* является то с петлей, то открытым, снабженным горизонтальным язычком, к которому прицепляются охотно энклитические *c*, *f*, *m*, *n*, *s*, *t*, *x*. В общем *e* доминирует над этой следующей буквой.

Оси букв *b*, *d*, *h*, *l* имеют наверху сильное утолщение, заставляющее думать о сплывшемся «кнуте» Линдсе («whip» ЕМ § 10).² Любопытна форма *f*, которое чаще всего не является ни скругленным («arched» ЕМ § 33), ни снабженным петлей («doped», *ibid.*). Она откровенно маяткульная.³

Удивляет совершенное отсутствие *I-longa*⁴ и скошенного *i* после *l*. Напротив, характерно-итальянскими являются (ЕМ, § 92) два *r*, одно с сильно вытянутым плечом и другое с переломленным плечом: форма, которую оно принимает в лигатурах *re* и *ri*, причем и самое *i* принимает в этих случаях скошенную форму, — комбинация, которая является очень итальянской.⁵

Чисто курсивными и очень архаическими являются многочисленные лигатуры: *ec*, *ef*, *ei*, *ep*, *er*, *es*, *et*, *ex*, *ri*, *ret*, *te*, *ter*, *tr*, *tri*, *titer* и др.⁶ *st* не является лигатурой в собственном смысле, ибо *t* лишь испытывает влияние *s*: его перемичка вонзается в середину оси *s* и, как бы прикрытая его плечом, буква спускается несколько ниже строки.⁷

Если два изученные нами листа передают хорошо общую систему сокращений, то их список, очень краткий (что сходится с предположенной нами датой самого начала IX в.), сводится к *m*, сокращенному в *assup.* *sing.* и *genet. plur.*⁸ (притом далеко не систематически),⁹ а также в *nam*,

¹ W. M. Lindsay, The letters in early latine Minuscule. Palae. lat. I. §§ 15 и 29. Исследование это в дальнейшем мы будем цитировать кратко ЕМ (Early Minuscule).

² См эти формы на табл. I, строки 1, 3, 7, 9, 11, 14, 18, 23 и т. д. В дальнейшем мы не будем повторять слов «строка», «таблица», но цитировать таблицу римской цифрой, а строки — арабскими: I, 13 и т. п.

³ I, 2, 3, 15, 24; л. 37, 11, 12, 15, 19, 24.

⁴ Lowe, Studia palaeographica (Sitzungs-Ber. Bayr. Acad. 1900) S. 115: «cursiv-origin and nativ in Italy».

⁵ I, 1: *smaracdo*, *rauenne*, *patricio*, etc.

⁶ I, 1, 2, 4, 7, 8, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23; л. 37, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 13, 15, 17, 18, 19.

⁷ *uastator*, *hostibus*, *post*, *christus*, I, 17, 21, 22; *augustus*, *est*, *tempestate*, л. 37, 4, 10, 19.

⁸ I, 2, 2, 3, 4, 4, 6, 7, 11, 22, 22; л. 37, 8, 9, 10, 11, 13, 13, 15, 17, 19, 22, 22.

⁹ *animum*, л. 37, 1; *incolumem*, л. 37, 3. То же 15, 17, 20 и I, 6, 8, 24.

1. in aratro patre tuo quatinus rauennae praesentat usque
2. manibus tui pacem fecit. XVIII.

3. **H**uius rane doctus est de quo premissimus annuum
4. eulorope rauennarum militum aduersum lan-
5. gobardos dimigarunt. Extructaq; clauis langobar-
6. dos quiclamem urbem tenebant hoc adiuuante pe-
7. pulerunt. Cum cum urbe expleisset terminum honora-
8. bile sepulchrum ante lumina beati uitalis mar-
9. tyris tribueret. Valerius laudes epitaphio ex-
10. cullerunt

11. **C**laudatur hoc tumulo tantum sed corpore doc-
12. ton uamertis toto uiuit in orbibus

13. **C**umbardis fuit ipse quidem natus uanis om-
14. nib; & populari uideri uauit erat. Terribilis visu
15. facies sed mentis benignus Longaq; robore pec-
16. tore barba fuit Hic clamans semper romana ac
17. publica signa uastator genti adfuit ipse sue
18. **C**oncepit caros dum nos amat ille parentes hanc
19. patriam reputans esse rauennam suam. Huius
20. prima fuit brexilli gloria capta quorresidens cuncto
21. ris hostibus; horror erat Quoromana potens
22. ualuit post signa iulare vexillum primum christus
23. habere dedit Inde etiam relinquit dum classe
24. fraudem paro Valde uindictae ut classem clares-
25. bus arma parat Puppibus; exiguis decerant
26. amne badynobar donec innumeras uictas & ipse
27. manius Rursus & interis auarum superauit

dum, *iam*¹ к *bus* = *b*.², *que* = *q*.³ *per* = *p*.⁴ Однако, ни *pro*, ни *prae* не сокращаются систематически; *rum* сокращается на *R* капитальном.⁵

Сомнительным представляется символ *ur* в *diceretur* (л. 37, 24), *appellatur*, etc. По Линдсе, NL pp. 468 и 469, и Ренду,⁶ этот символ для *ur* (они называют его 2-mark) сам по себе должен бы продвинуть вперед дату кодекса.

И, однако же, ненормальная толщина горизонтальной черты в 2 значительно бóльшая чернота чернил внушает Линдсе (l. c.) правдоподобную гипотезу о том, что эта черта прибавлена впоследствии корректором IX в.; оригинальным же символом было 9 в согласии с более ранней датой кодекса.

В итоге: дата самого начала IX в. (или даже самого конца VIII в.) нам представляется более вероятной для фриульской рукописи *Historiae Langobardorum* Павла Диакона, и ее графические и иные особенности — характерными для фриульского минускула этой эпохи. И в таком случае следует предположить, что *Historia Langobardorum*, написанная Павлом несомненно под конец жизни (post 787, в Монте-Кассино), относительно рано была списана затем фриульским письмом. И это говорит о быстром возрождении культурной жизни, разбитой бурями 70-х гг. VIII в.

Кодекс γ . Так же убедительно связывается с Фриулом другой кодекс, который я обозначаю через γ (гамма). Ныне находящийся в Ватикане, под шифром Reg. Lat 1462, он многим обличает свое фриульское происхождение. Латинские тексты Фульгенция (*Mythologiarum libri*, *Expositio sermonum antiquarum*, *Expositio Vergilianae continentiae*) смежны здесь с *Notae juris* той же эпохи, а начиная с листа 50¹, здесь читаем, вписанный уже рукой X в., текст «альбы», утренней песни, коей припев, очень много дискутировавшейся в среде филологов, признан был образцом фриульского наречия, так наз. *ladina*.⁷

Нам был доступен, кроме снимка Баннистера (№ 256), еще другой, любезно доставленный нам W. M. Lindsay, с листа 13². Когда мы сравним

¹ I, 134.

² I, 14, 21, 25; л. 37, 9, 17.

³ I, 15; л. 37, 1, 2, 13, 15, 15, 17, 19, 24, 25. См. стр. 112, пр. 3.

⁴ I, 16; л. 37, 1, 13, 20.

⁵ I, 26; л. 37, 14, 17, 18, 19, 25.

⁶ E. K. Rand, «Speculum» II (1927), 52—66.

⁷ См. описание кодекса γ у Schmidt, *Zeitschrift für deutsche Philologie*, XII (1880) 333 сл., и у Bannister, O. c., 83. № 256. Текст альбы изучен у Schmidt, 335; вышеуказанную дискуссию см.: Pio Rajna, *Studi di philologia romanza* II, 67—89. — P. Meyer (*Romania* XVI, 606 sqq.). — E. Monaci (*Rendiconti della Accademia dei Lincei. Cl. di scienze morali* I, fasc. 7 e 12, 1894.

это письмо с письмом β , то прежде всего бросаются в глаза отличия, потом, однако, аналогии, притом аналогии основные. Баннистер принимает для γ «ту же дату», что и для β , т. е. середину IX в. Мы предполагали бы правильным, опять-таки, значительно ее снизить в виду сильно сказывающихся в письме курсивных элементов, в чисто итальянском вкусе, каково двухкольцовое a ,¹ o , с усиками, в лигатуре ro ² сильно выраженный «кнут» или горизонтальная черточка у осей b , d , h , l ,³ длинное плечо r в свободном положении⁴ и «сломанное» — в лигатурах ra , re , ri , ro ,⁵ живописные лигатуры es , ei , em , en , er , es , et , ex ,⁶ T ⁷ с унциальным N , или nt , ct , описанными Линдсе (ЕМ § 112) как «отросток» (hyphen).⁸ Все это черты, которые сближают γ с β . Отличает же его одна черта, которая является очень итальянской, но в β ее, странным образом, нет; это — присущность γ *1-longa*, которому рукопись γ верна.⁹ В группе ri , i является скошенным.

Список сокращений — тот же, что и для β , символом является Z , характерное, с одной стороны, для севернофранцузских скрипториев, с другой — для Италии.

Кроме очень редкого ($\cdot\cdot$), пунктуация сводится к одной только точке.

Но если в основных формах и приемах письмо γ представляет аналогии письму β , то в нем есть неуловимый налет какой-то дополнительной претенциозности и нарядности, и, может быть, по соответствию общим тенденциям эпохи, мы имели бы право обозначить это письмо, как пример послекаролингской реакции: украшающий варварский тип, аналогичный северному *embellished-merovingian style*.¹⁰ Аналогии такой «стилизации», таких украшенных возвратов можно было бы указать в ряде скрипториев французского севера. В них сказался известный закон эпохи.¹¹

¹ Назовем табл. II ту, которую мы прилагаем здесь, и табл. Па ту, которую под № 256 дает в назв. сочинении Баннистер. Мы находим 78 кольцевых a в табл. II и 7 в табл. Па.

² *vero* Па, 9 и *pro* II 3.

³ II, *passim*, Па, *passim*.

⁴ *Ibid.*

⁵ II, 1, 2, 3, 4, 6: *laborata*, *crimene*, *proferat*, *potiora*, *vero*, *contribuit*, *nostra*.

⁶ II, 1, 2, 3, 4: *laudet*, *constructa*, *nostrum*, *extollunt*, *crimene*, *pacto*.

⁷ II, 2, 4, 10, 17.

⁸ II, 5.

⁹ II, 6, 8, 13, 14, 15, 16, 18, 19: *ita*, *ingenii*, *in*, *impiorum*, *in in id*, *igitur*, *inquisitionem*, *insania*, *institia*.

¹⁰ Этап этот в истории писем французского севера наблюден и установлен Е. К. Ранд'ом в его «A Survey of the manuscripts of Tours.» *Med. Acad. of America. Cambr. Mass.* 1929, vol. I. Text., p. 45. Автор собственно не употребляет слов «послекаролингская реакция». Но ее смысл ясен из его § IV, *Embellished Merovingian Style*.

¹¹ Аналогию подобного возврата, для Корби — в соответствующем случае, — к меровингским формам мы видим в адалардовом *ab*-типе. Ср. Dobiaš, Corbie.

1 laudat constructio aut destruat laborat sed quam nulla tibi huiusmodi
2 mē exollunt autem mē officiunt. Illud delicta patto quod si ob huiusmodi
3 sapit. Impiis sicut qui potestate concessit. Si uero ob huiusmodi aliquid des
4 sum proferat quistat conturbat. Ergo & huiusmodi non nostris sunt seculis donau
5 amplius ubi nunc non hominis sed diuinū est largimur. Sicut in labor
6 est silese quod nouerim. faciemus est natus quod si sepe. Ergo
7 plius sapit laudat mē tibi purissimā quae quod habuit nēgeant. S
8 ante nēcieat habet omnia nostri studi ubi & cetera potestis ingo

9 I FABULA DE IUDICIO PARIDIS

10 **P**hilosophi tripartitae humanitatis uolunt uirtutes. Sequitur primam
11 theoreticam secundam practicam tertiam pilancticam uo
12 quae non laetant contemplatiuam. astutiā uoluntatiū nuncupat
13 uitiam prophetiae atc. beatur uir qui non habuit in consilio impiorum
14 & in uia peccatorum non stetit & in cathedra pestilentiae non sedet
15 Id est non habuit non stetit non sedet. Prima igitur contemplatiua
16 ad sapientiam & ad uirtutem inquisitionem pertinet. Quae aput non ep
17 sacerdotum ac monachum aput illorum philosophi gerunt. Quibus nulla lu
18 dias. nulla furoris insania. nullū liboris toxicum. nullus uapor
19 sectarum in deo uideat. Contemplandaeque iustitiae curae moerore
20 ornatos pariter spāt. Secundae astutiae est quae tantum inter commodi fac

Но, в самом деле, в изучении раннего фриульского минускула, так ли коротки наши перспективы? И, мелькнувшая нам в кодексе β , связь фриульского минускула с Павлом, сыном Варнефрида, ограничивается ли в какой-то определенный момент копией его *Historia Langobardorum*?

Я полагаю, что имею основание раздвинуть эти перспективы и углубить эти связи.

Кодекс α . Я решаюсь определенно утверждать, что образцы фриульского минускула, которые сохранились в кодексах β и γ , слишком поздние. Да и можно ли думать, чтобы к концу 1-й четверти IX в., к которой мы их отнесли, нельзя было ждать проникновения настоящей северной саголина в очаг, уже с 776 г. покорный каролингской власти?

При случайных своих встречах с письмами, в которых написаны тексты Фульгенция и «История» Павла Диакона, автор всегда полагал, что наука имеет шансы встретиться с более ранними, более подлинными подходами к минускулу, с совершенно спонтанными попытками регуляризации италийского курсива, что такие спонтанные попытки должны были иметь место во Фриуле, северо-восточном крайнем очаге Италии.

Эта интуиция оправдалась несколько неожиданно для автора настоящих очерков. Он бродил около клада и просмотрел его не однажды. Два случайные повода открыли ему глаза: составление каталога рукописей ГПБ VIII в. и, случайно с этой работой совпавший, запрос из Фриуля, в юбилейный (1929) год: не имеет ли наша библиотека чего-либо, связанного с Павлом, сыном Варнефрида?

В конце концов, догадки, которые шли по двум путям: по линии историко-литературной и по линии палеографической, сошлись в одном месте. Они развернули картину действительно первых шагов фриульского минускула и выяснили, думается убедительно, немаловажный этап в жизни и творчестве лангобардского историка, этап, объясняющий самые живые черты в его «Истории» и бросающий свет на стимулы ее написания.

Три года назад, в связи с 1200-летним юбилеем рождения Павла, сына Варнефрида, я сделала исследование, сущность которого¹ резюмирую, дополняя его новыми соображениями.

В Ленинградской ГПБ есть кодекс lat. F. v. I № 7, неоднократно привлекавший внимание исследователей еще в бытность свою в Saint-

¹ Оно было опубликовано в юбилейном сборнике издания *Memorie Storiche Forogiuliesi*, № XXV. Известное значение сделанных наблюдений вызвало пожелание некоторых палеографов, чтобы оно или его изложение получило место в органе более значительном, чем местное издание. Автор отвечает на это пожелание, резюмируя сущность его в издании Института книги, документа, письма Акад. Наук СССР.

Germain-des-Près. Относимый обычно к концу VIII — началу IX в., он содержит в минускуле, близком к каролингскому, но не утратившем еще тесной связи с курсивом (к нему всецело относится то, что в начале очерка мы говорили о подъеме на поверхность содержания темных глубин бунтующегося графического моря переходной эпохи), 55 посланий папы Григория Великого, по ряду вопросов, более всего касающихся хозяйственного управления.

Кодекс предваряется письмом,¹ которое пишет некто *Paulus supplex, viro dei Adalhardo*. Вспоминая о времени общения *quando illis in partibus fui*, жалуясь на болезнь и усталость, он, со ссылкой на какого-то *clericulus qui haec eadem scripsit*, сообщает о задержке (из-за своей болезни, а также из-за бедности писцами: *utpote pauper et cui desunt librarii*) и о, ныне осуществленном, исполнении обещания дать копию писем упомянутого папы. Он предупреждает и о недочетах копии, которые он собственноручно «исправил в 34 письмах», но просит самого Адаларда произвести в дальнейшем эти исправления по лучшему кодексу, во всех тех местах, где он, Павел, этого сделать не смог, и где «на полях» (в кодексе стоит странное *ad augem*, вместо *ad oram*) он поставил Z. Послание завершается стихами, где автор обещает никогда не забывать своего адресата (воспроизводим их в орфографии подлинника):

Ante suos refluos rhenus repedabit ad ortus
ante petet fontem clara mosella suum
Quam tuus e nostro. carum ac memorabile semper
dulce adalard, nomen pectore cedat amor
Tu quoque si felix vigeas de munere christi
esto memor pauli tempus in omne tui.

После этого вводного письма следует 55 посланий папы Григория I.

Кодекс, пришедший к нам (через коллекцию Дубровского) из Сен-Жерменской библиотеки, попал в нее, несомненно, в 1638 г. из Корби, что подтверждается последовательностью записей на кодексе.²

В отношении вводного письма: у Мабильона не было сомнений относительно личности корреспондентов. *Vir dei Adalardus* — славный Адалард,³ двоюродный брат Карла Великого, опора большей половины его царствования, трижды — «брат» обители Корби, трижды — скиталец, вдали от

¹ См. факсимиле этого знаменитого письма, табл. III.

² Надпись XVII в. на первом листе кодекса: *Ex libris Corbeiensis monasterii* и записи в каталогах XI и XII вв. См. об этом в нашей работе: Dobiaś, Corbie, pp. 34 et 152.

³ Ibid., 62 et 77.

двора. В два периода своей жизни был он аббатом Корби и, однажды, долгим гостем южноитальянской обители, Монте Кассино.

Paulus supplex для Мабильона¹ был тот знаменитый лангобардский писатель, поэт, автор ряда трактатов, первый (и последний) историк лангобардов, сам сын лангобарда Варнефрида, который, в какую-то эпоху своей карьеры, получил сан «диакона».

И он, большую часть жизни бывший монахом в Монте-Кассино, вероятно встретился там с Адалардом; в 782 г. (после подавления в 776 г. Карлом Великим восстания Фриуля) увезен был (так же как ранее последний король лангобардов, Дезидерий)² в почетный плен на север, провел в гостях у Карла ряд лет, совершенно очевидно, вновь встретился с Адалардом, в бассейне Мозеллы и Рейна, в королевских виллах Австразии и, по убеждению Мабильона, был именно тем, кто где-то (где?) выполнил поручение Адаларда о копии писем Григория I. Письмо того, кто назвал себя Paulus supplex, есть автограф сына Варнефрида, единственный притом, какой мы вообще имеем.

После такого решения вопроса Мабильоном вокруг него, уже после того, как загадочный кодекс вышел из Сен-Жермен-де-Пре, стали нагромождаться неясности, сомнения и дискуссии. В письме замечены были странности. Кое-где, не совсем согласующаяся с личностью Павла, безграмотность: выше отмеченное *ad aurem* (ведь речь идет о поле, а не об ухе!), неосведомленность редактора посланий о числе им же исправленных писем: пишуций, извиняясь, что не мог эмендировать все (55), отмечает корректуру 34, тогда как исправлено 35, и т. п.

В 1851 г. Бетман³ не без колебаний («wenn») принимал тезис Мабильона, полагая, что к Мецу или Тионвиллю следует приурочить данную копию григорьевых посланий. Для него, однако, упоминание о *clericulus qui haec eadem scripsit* в связи, конечно, с отмеченными безграмотностями давало основание думать, что письмо не было автографом, но что оно было продиктовано больным Павлом.

Вайц в 1876 г. (NA I) принимал оба тезиса: тождество Paulus supplex с сыном Варнефрида и несобственноличный характер письма.

Наоборот, Эвальд (NA III) в 1878 г. и L. M. Hartmann (предисловие к *Epistolae papae Gregorii I MG*) в 1899 г. готовы были бы признать

¹ AA SS O. S. B. I 397 — Annales O. S. B. II 184. — De Re Diplomatica 376—77. — Ср. наш этюд в *Memorie Storiche Forogiuliesi*, XXV, 131.

² Кончивший жизнь в Корби. См. S. Abel, *Untergang des Langobardenreichs in Italien*. Gött., 1858.

³ Bethmann, *Paulus Diaconus Leben und Schriften*. Pertz Archiv, X.

автограф, ибо упоминание *clericulus* могло вполне относиться к писцу самого кодекса, но не вводного письма. Но содержание писем, не совпадающее с тем, что, зная их, должен бы был подчеркнуть в своей *Vita Gregorii* Павел,¹ по мнению этих ученых, доказывает, что не наш, но какой-нибудь другой Павел был автором письма.

Dümmle² в 1895 г., на основании впечатлений стилистических склоняется признать авторство Павла, не останавливаясь особенно на вопросе автографа.

Спорный памятник — кодекс и письмо — хранятся попрежнему у нас в Ленинграде, в его ГПБ. Автор настоящего очерка имел возможность ими внимательно заняться.

Он пришел к выводу, который теперь, сколько ему известно, признан убедительным,³ а именно:

Затруднения к принятию автографа устраняются, если обратить внимание на то, что письмо распадается на две половины: первые 12 строк и — все остальное (табл. III).

Собственно, разница двух половин могла бы броситься в глаза с первого взгляда, и очень удивительно, что ее никто не заметил. Но «первому взгляду», конечно, не совсем осторожно бывает доверять. Для первого взгляда иллюзия перемены могла бы иметь место даже в том случае, если бы пишущий, с известного места, переменил перо, чернила, положение руки, внезапно пришел в другое моторное расположение и т. д.

Но у меня были более глубокие основания для признания смены писца. Я повторю их только очень кратко.

1. Начиная с 13 строки писец совершенно иначе, так сказать, принципиально иначе, начинает писать группы *ci*, *ri*, *li*, также группы *ra* и *re* и группу *st*. В первой и второй половине эти лигатуры чертила, явно не одна и та же рука.

2. Не менее убедительно: не одно и то же лицо применяло здесь попытки сокращений. Скриптор первых 12 строк (*x*) сокращает *Nomina sacra* (*di*, *dns*),⁴ но никогда не сокращает *pro*, *prae*. Второй (*y*), наоборот, сокращает систематически эти последние.

¹ Довод имел бы значение только в том случае, если бы было установлено, что *Vita* писана после осуществления Павлом копии писем Григория I, для утверждения чего нет никаких данных.

² MG Epp. Carol. Aevi IV 509, nota 3.

³ См. рецензии, отмеченные в RHE 1933 г., декабрь.

⁴ Рукопись всегда дает горизонтальную черту над сокращенными словами. Типографские соображения заставляют нас, по примеру многих изданий, от нее воздержаться.

3. Далее: те грубые промахи, которые отмечены в письме, как *ruplicentur*, *augem*, а также ошибка в подсчете писем относятся все ко второй половине вводного послания. Они и лежат, я полагаю, на ответственности «клерikuла». И так как мне кажется неестественным, чтобы короткое письмо было диктуемо, одному за другим, двум клерikuлам, то я и делаю вывод: за писание письма вначале взялся сам Павел. Хотя в первых строках он жалуется на болезнь и усталость, все же собственноручно начал: *viro dei adalhardo paulus supplex*. — Однако, с 13-й строчки он уже диктует писцу, который стал сокращать слова; который сделал и все указанные ошибки и промахи.

Всматриваясь в письмо первых 12 строчек, которые отныне я считаю автографом Павла, я отмечаю, во-первых, большую их красоту, свободную смелость, а во-вторых, совпадение в их дукте со всеми теми местами, где, в кодексе, имеются поправки, не предупрежденные (не предупрежденные!) буквой Z. Ибо автор письма говорит Адаларду: «где я сам не мог исправить, — *zeta quod est signum vitii apposui*. *Tua quoque fraternitas ad emendatiorem relegere studeat codicem*. *Sed et ea loca in quibus minus habetur nihilominus supplere*. *Hoc tamen sanctitati tuae suadeo*».¹

Я здесь пошла дальше и решилась сделать вывод, что поправки, сигнализируемые, как просьбу, обращенную к Адаларду, — последний исполнил, и что здесь мы имеем дело с автографом Адаларда. Соответственно, эти поправки я и внесла за его счет в корбийский альбом.²

Но я хочу сказать еще два слова об идентификации Павла, — мотивы, отчасти изложенные в первом моем исследовании, — по вопросу: мог ли *Paulus supplex* быть другим лицом, не сыном Варнефрида?

Правдоподобно ли, чтобы в довольно ограниченный промежуток времени, который совпадает с аббатством Адаларда, кроме знаменитого Павла Диакона, тонкого писателя, изящного поэта, гостя королевских вилл, друга Адаларда и корреспондента Карла Великого, в эпоху каролингского Ренессанса, где каждая такая звезда светила, можно сказать, полным блеском, хорошо видимая «всем» (всем довольно многочисленным наблюдателям эпохи), обнаружился другой Павел, который, не будучи отмеченным в литературных летописях эпохи:

1) располагался бы эпистолярным стилем с тем же мастерством;³

¹ MSF XXV.

² Dobias, Corbie, II Planches, № 96.

³ См. несомненные его послания и стихи в издании MG Epp. Carol. Aevi IV 509 n. 3 et Poetae Carol. Aevi I 44.

2) блистал бы гексаметрами равной звучности;¹

3) имел бы те же данные вспоминать о величавом, не могущем итти вспять, движении Рейна и Мозеллы: воспоминание, которое, конечно, было общим для Павла Диякона и Адаларда, со времени совместного их пребывания на севере;

4) для кого обычным припевом его писем были бы болезнь и бедность;²

5) кто считал бы себя вправе сказать двоюродному брату Карла и главе великого аббатства: *dilecte mi... carissime frater... tuae fraternitas dulcedinem... vale, frater amabilis*;³

6) кто, наконец, подписывал бы свои письма так же, как то делал сын Варнефрида: *Paulus supplex*?

В 1930 г. я пришла к выводу против Hartmann'a и Ehwald'a: «Кажется не приходится защищать факт тождества... Наоборот, было бы очень трудно поддерживать гипотезу различия».

Что следует далее из этих фактов?

Перед нами, таким образом, следующие материалы в кодексе, который я назову *а*:

1) 12 строк, написанных Павлом;

2) 17 строк того же послания, написанных клерикулом;

3) письмо (или письма), какими написан самый кодекс.

К какой графической школе можно отнести весь этот кодекс, в частности то письмо, которым написал свои 17 строк клерикул?

Вообще говоря, где именно писался кодекс? Где? По концепции Вайца, кодекс, заказанный Адалардом, когда — как полагает этот ученый — Павел находился в Галлии, т. е. в годы 782—786, создавался где-нибудь в Меце или в Тионвилле, иначе говоря, осуществлялся австразийским скриптором, а в таком случае его письмо следовало бы определить, как северо-восточный, австразийский, каролингский (или прекаролингский) минускул. Так, очевидно, и пришлось бы квалифицировать все эти письма, кроме, разумеется, 12 строк самого Павла, который, ведь, учился-то письму во Фриуле и совершенствовал его в Павии, куда попал еще молодым ко двору Ратхиса.

¹ См. ниже.

² ... solo ab hac patria debili corpusculo teneor... tota qua solum valeo mente vobiscum, sum... (Ерр. Car. Aevi 507 11, 15 et 24 ... exiguitatis meae munusculum... tenuitatem meam ibid. p. 508 ff, 27 et 28).

³ Ср. письмо Павла в табл. III, первые и последние строки.

Но в северногалльской гипотезе меня смущает слишком и слишком многое, как внешне-палеографически, так и стилистически, затем психологически, наконец исторически.

Я ставлю задачей изучить всю совокупность письма кодекса, в трех его стихиях, несомненно принадлежащих разным рукам.

1. Строки Павла — я назову это письмо a^1 ;

2. Строки клерикула a^2 ;

3. Письмо кодекса $a^3, ^4, ^5, ^6$, etc.

Я начинаю, в отношении всего этого кодекса, с того критерия, который установлен остроумием Э. К. Ренда:¹ манера линеовать кодекс свидетельствует об относительно ранней его дате или очень отсталом скриптории.

Линеование грубо (*crude and informal*), и в нем нельзя уловить никакой определенной системы.²

Кодекс написан немногими руками. Это впечатление скудного числа писцов только подтверждает заявление вступительного письма: *utpote pauper, et cui desunt librarii*. Вступление новой руки можно предположить лишь в немногих случаях, на л. 8, строки 21—29; л. 11, стр. 4; л. 14, строки 14, 20, 27 и 33. И даже в этих случаях, кроме листа 27, мы никогда не можем утверждать с уверенностью, касается ли дело смены самого писца или вернее любого фактора письма: пера, чернил, пергамена, наконец, моторного расположения все того же писца. Только с л. 27 вступление нового писца сказывается с убедительностью в изменившейся системе сокращений.

Однако, письмо одной и той же руки отнюдь не является себе тождественным. Каприз, произвол, колебания и пестрота алфавитных форм имеют всюду место, — столь характерные для ранней эпохи кодекса или (еще раз) для отсталой мастерской в развитии прекаролингского минускула. Уже это явление, казалось бы, исключает австразийскую (северногалльскую) локализацию кодекса. В конце VIII в. каролингский минускул получил в этой области очень твердые очертания. Здесь же ясно речь идет о поре переходной, об области, дальше отстоящей от сферы влияния господствовавших графических течений. Иначе говоря: это — характернейший образчик прекаролингского минускула, а именно регуляризованного курсива, где, так сказать, подземные курсивные ключи, то там, то сям поднимаются на поверхность, становятся простым и подлинным курсивом всюду, где писец,

¹ См. цитир. его работу «A Survey», стр. 11 сл., а также статью в *Palae. Lat. V*.

² Это отсутствие системы, и то при характеристике скриптория как отсталого, ведет, самое позднее, к концу VIII века.

вынужденный спешить или стесненный местом, меньше следит за своей работой, где он как бы распускается. По выражению Лове, примененному им по иному поводу, письмо является здесь неопределенным: *the script is in a state of indecision and flux* (Beneventan script, 123).

Любопытно, что обычно скриптор не бросает минускульного дукта резко и разом. Переход совершается понемногу. Сперва курсивные формы начинают попадаться рядом с минускульными. Затем первые начинают преобладать, торжествуют, окончательно заполняя все поле строк на некоторое время, и затем начинают уступать и вновь исчезают. Так на листе 35-м (табл. IV).

И там, где оно окрашено курсивным оттенком, это письмо всякий раз очень близко к письму Павла, которое мы обозначили α^1 .

Рассмотрим его алфавит.

Письмо α^3 , α^4 , α^5 , т. е. кодекса в его курсивных склонениях, а также α^2 , т. е. клирикула, в основном имеют ту же азбуку и те же особенно характерные уклоны: все они легко чередуют унциальное α с α в виде ss ; в буквах b , d , h , i все они имеют ровные оси, с грациозными закруглениями и небольшими «кнутиками» (whip) наверху: все знают любопытную лигатуру двойного c (oc) в виде лежащей восьмерки ∞ ; для всех характерно очень правильное употребление *I-longa* перед n и перед гласными — характернейшая итальянская черта, притом не только в начале, но и в середине слова: *snjus*, *major*. После же r оно систематически скашивается справа налево. Плечо r продолжается часто далеко вправо и переламинается перед гласными. Очень живописная форма z завершает эту азбуку, где целый ряд элементов характерен только для Италии.

Я здесь не буду много говорить и о списке сокращений. В нем нет ничего особенно характерного. Можно сказать во всяком случае, что ни одного из тех выразительных сокращений, которые в конце века сопровождают образующийся северный каролингский минускул, мы здесь не находим. Полный список был составлен автором настоящего очерка и опубликован в № XXIX MSF. Но я должна остановиться на системе знаков препинания. Она кажется мне очень выразительной, и на этот раз (не часто бывает такая удача) основная система знаков препинания с бледными своими чернилами хорошо видна сквозь более новую, каролингскую эмендацию. В ней, в этой каролингской системе, слоем более желтых или рыжеватых чернил, налегшим на рукопись уже, очевидно, в Корби, я думаю, под рукою окончательного справщика Адаларда, по кодексу проходят знаки (!) в значении двоеточия, (;) и (1), в значении запятой и (c) в роли вопросы-

тельного знака. Однако, основная система — иная. В ней точкой служит знак (;') в первых листах кодекса; но далее той же цели служит (;), отделяя от предшествующего предложение самостоятельное, связанное с ним разве такими словами, как *autem, igitur, propterea, quoque, rursus, tamen, vero, videlicet, etc.* и подобно нашей точке, это (;) сопровождается большой буквой. Она же возглавляет предложения, начинающиеся с *qui, quae, quod, quando, quia* в значении самостоятельном, равносильном словам: он, она, оно, тогда, так как. Немало, однако, случаев, когда (;) — и это в особенности в первых листах, где роль точки взял на себя (;') — указанный знак играет роль скорее (;), (:) и ("), употребляясь после слова *dicit, ait, et t. п.*

Роль и значение (.) и (,) очень подвижны и изменчивы. Можно сказать, не рискуя ошибиться, что ставивший их в разных случаях писец был лицом довольно мало интеллигентным, которое само не вдумывалось до конца в систему и выдерживать ее отнюдь не могло. Этот писец нередко ставит один из этих знаков (между коими следует поставить семасиологический знак равенства, и которые и графически не слишком-то различаются) в тех самых случаях, где в иных он должен бы поставить (;) или (;'), т. е. равносильно нашей (.). Чаще всего, однако, знаки эти выражают у него то, что обозначали римские грамматики как *distinctio media*, или, еще чаще, — *subdistinctio*, т. е. нашу (,). Чаще всего встречается этот знак (см. MSF р. 62, примеч.) при перечислении, например, при *aut, aut; non, non et t. п.* Зато (такова, мы знаем, французская система) настоящие придаточные предложения, внутренне тесно привязанные к главному, в нашем кодексе никаким знаком не отделяются.

В общем можно сказать: более сложные отношения между предложениями и их частями: предложения придаточные и, особенно, вводные не ощущаются первым писцом, и здесь знаки появляются в самом прихотливом порядке. Но вне нам привычной логики и грамматики мы постоянно ощущаем здесь действие какого-то иного закона, который я имела случай назвать «психо-физиологическим или музыкальным»: писец ставит знак там, где он переводит дыхание, где делает паузу, меняет тон голоса, иногда только собираясь подчеркнуть последующее слово. Это заставляет его ставить знак перед *et* и *atque*, даже в тех случаях, когда они связывают отдельные слова, а не целые предложения, ставить их между подлежащим и сказуемым, сказуемым и дополнением и т. п. Так, например,

f. 39: *non corrigit sed magis . alius alia perpetrare crimina uideantur*

f. 18: *oportebit contra omnes hostes insidias . quisque debeat esse sollicitus.*

f. 5': se asseruit ad nos epistolas . accepisse

f. 25': ancilla hominis . per diuinitatem

f. 26': memoratus paschasius. et uicedominum sibi ostendit

f. 5': memoratus frater et coepiscopus meus . solus conatur appellari episcopus.

Представляется очень характерным в нашем кодексе разделение слов, периодов и частей.

Законом курсива является разделение слов. Но, подобно большинству курсивных кодексов, и наш проводит этот закон весьма приблизительно. Соседние слова не только примыкают друг к другу: их начальные и конечные буквы вступают в трудно разрешимые лигатуры и, сцепляя их соответственно в привычные комбинации (каковы *es, ef, ei, em, en, es, et*), писцы получают тяжеловесные *quaeiterum* III 1, *essecognouit*, f. 19 *extru-eintantum*, f. 11 и т. д. Зато большинство наших писцов, в особенности тот, кто писал листы 1—27, обладают верным чутьем слогов и разделяют их между разными строками совершенно правильно. Красные строки появляются только с началом каждого нового послания, и стремление заключить его оглавление в одну строку вызывает самые прихотливые аббревиатуры. На полях, римскими цифрами, обозначен номер письма. Элементы убора скудны и крайне экономны. Все здесь иллюстрирует основную жалобу редактора: *utpote pauper et cui desunt librarii*.

Что вытекает из этого детального анализа?

Изучение алфавита и дукта позволяет заключить к основной аналогии разнообразных писем $a^3, ^4, ^5$ с письмом a^2 , а также a^1 , иначе говоря, с письмом Павла. Письмо же Павла, уроженца Фриуля, следует определить, как несомненный фриульский минускул.

Характернейшие отдельные буквы (*a, b, c, d, h, r, s, t, x*) и манера их выводить — тождественны в этих трех группах писем.

Их особенно интересные комбинации: *ra, re, rt, st* и особенно *li* и *ri* являют то же основное совпадение.

Лигатура *se* в своеобразной своей форме, свойственной a^1 , упорно живуча в a^2 и $a^3, ^4, ^5$.

Этим группам писем общ закон *I-longa*. Этот же закон не является ли (см. заключения Лове)¹ свойственным северной Италии более, чем какой бы то ни было другой области?

¹ *Studia Palaeographica*, цитир. нами на стр. 112, прим. 5, и *The Beneventan Script*.

И хотя Лове констатирует присутствие этой формы и в некоторых мастерских Франции, применявших регуляризованный курсив, но этими мастерскими оно в ней и ограничивается. В них самих *I-longa* не является систематическим и отступает, как только проникло в них влияние каролингского минускула.

Совсем иначе обстоит дело с итальянскими центрами, более длительно оставшимися верными *praecarolinae*.

Та переходная эпоха, которая для большинства франкских очагов была уже пережитым этапом в 787 г., в северной Италии является в полном расцвете.

И именно в нашем кодексе эта переходная эпоха проявляется, наряду со всевозможными алфавитными колебаниями и исканиями, в капризной и несовершенной системе аббревиации.

Эту переходную эпоху отразила также пунктуация кодекса «в состоянии нерешительности и расплывчатости» «*indecision and flux*». Какое множество каролингских знаков (;) (e) еще отсутствуют в первоначальной рукописи, внесенные только позже, рукой Адаларда! Как часто, с другой стороны, «музыкальное чувство» преобладает в пунктуации над логикой и грамматикой!

Эти архаизмы, эти отставания — в 787 г. (в 787 г.!) обличают некий запоздалый очаг, стоящий скорее в стороне от больших потоков каролингского возрождения, — очаг, ищущий в потемках, пробивающий ощупью свою дорогу.

Приемлема ли, в самом деле, на этом фоне «мецкая», австрийская гипотеза Бетмана и Вайца? В знаменитой обители св. Арнульфа, патрона каролингской династии, могли ли, в самом деле, практиковать этот небрежный полукурсив, письмо, вопреки его громадному интересу для палеографа, конечно, второразрядное. Можно ли думать, чтобы в этом довольно «неустроенном» письме стали бы в столь блестящем очаге копировать послания папы Григория Великого для двоюродного брата короля?

По другому поводу Штейнакер¹ замечает метко: «В какой области впервые несомненно осуществлены были попытки регуляризации курсива в каллиграфический книжный минускул? Не в Италии, где в VIII в. написано так много рукописей в полукурсиве, где еще в IX в. мы находим немало кодексов, в которых переход к минускулу еще не осуществился до конца».

¹ См. H. Steinacker, *Zum Liber Diurnus und zur Frage der Ursprung der Frühminuskel. Miscellanea Fr. Ehrle*, 1924, S. 158.

Но из «итальянских гипотез» мы, — в такой же мере, как северно-галльскую, — отводим монтекассинскую, исторически, казалось бы, наиболее приемлемую.

Мы отводим ее, во-первых, по тем же основаниям, что и мецскую: в могучей обители Монте Кассино, где гостил не один член каролингской семьи, неужели смиренный монах был бы вынужден оплачивать из своего кармана работу писцов (да еще с трудом находя их) во исполнение заказа королевского кузена?

Но кодекс F v I 7 и в ином смысле противится монтекассинской атрибуции.

Автором Beneventan Script установлен был в 1913 г. на очень широком основании критерий беневентской орфографии. Всё в нашем кодексе расходится с этой системой. Ни (.), ни (.), характерные для beneventana конца VIII в., в роли *distinctio finalis*, нашему кодексу в этой роли вовсе не знакомы. В южную Италию гораздо позднее попадает та система, которая описана нами выше (стр. 122) и которая характерна для нашего кодекса. С другой стороны, те контракции *gla* и *gra*,¹ которые, по замечанию Линдсе, «с самого начала являются постоянным обычаем беневентского письма», нашему кодексу чужды: слова *gloria* и *gratia* всегда пишутся в нем полностью.

Да и весь беневентский дукт, хотя в конце VIII в. он был далек от того каллиграфического своеобразия, которое с концом IX в. стало его характеристикой, тем не менее дает вовсе не то впечатление, какое производит письмо нашего кодекса. Это ясно с первого взгляда для всякого, кто сравнит с нашим кодексом хотя бы табл. 49 альбома Стеффенса.

Фриуль, который именно в конце VIII века страдал от длинного ряда всевозможных катастроф в связи с роковым для него восстанием местной его аристократии в 776 г., переживая еще, конечно, в 787 г. пору депрессии, угнетения, культурного оскудения, конечно, мог с полным правом заявить формулу, которая так жалобно прозвучала в письме его великого гражданина: *utpote pauper et cui desunt librarii*.

Письмо, применявшееся в этом очаге, могло и должно было уступать в изяществе не только *carolinae*, но и иным разновидностям *praecarolinae*, распространенным в итальянских очагах,² а также свойственным многим

¹ Согласно принятой системе (см. стр. 118, прим. 4), мы не воспроизводим горизонтальной черты над сокращенными словами, хотя в рукописи она имеется.

² По этому поводу вспоминаются нам глубокие замечания Лове, который, нащупывая тенденцию «создания минускула из курсива» всюду, где особенно интенсивной была деятельность книжного списания, с особым интересом следит за этим процессом в Италии.

очагам Швейцарии, каковы Хур, Сен-Галлен,¹ входившим все в большую семью «регуляризованных курсивов», предшественников в этих областях каролингского минускула.

Не следует забывать об отмеченном выше (стр. 110) положении Фриуля: он находился на окраине северной Италии, в качестве аванпоста в направлении Востока, — лангобардского, аварского, аламманского, баварского, славянского, восточнофранкского, наконец; он ощутил и отразил в движении бурной своей истории, когда приходилось ему их вынести, многочисленные воздействия, а также нажимы: владычества, соседства, сношений, то дружеских, то вражеских. Этих восточных «впечатлений», восточных переживаний полна «История» Павла.² Глубоко неправильно было бы отождествлять минускул кодекса, написанного под его руководством в 787 г. — в такой же мере, как и его собственное письмо — с прекарингским Франкским минускулом.³

Я не считаю возможным объяснить «ансамбль» изучаемого кодекса, с его письмами многообразными, но объединенными какою-то, не всегда уловимой, общностью италийской основы, иначе как фриульской его колыбелью, тем более что эту колыбель делают более чем правдоподобной соображения общего исторического порядка.

II. ЗАГАДОЧНЫЙ ЭТАП В ИТИНЕРАРИИ ПАВЛА

Несколько лет тому назад, говоря о нашем кодексе, В. М. Линдсе приписывал его, — не аргументируя, впрочем, ближе эту гипотезу, — северной Италии. «Sent by Paulus Diaconus in North Italy to Adalard» (Palae. lat. II 51). Палеографические соображения, мы видели это выше, оправдывают для нас эту гипотезу. Но она имеет за себя также серьезные внутренние исторические основания.

В самом деле, какая область наиболее естественно могла бы быть колыбелью нашего кодекса?

Правдоподобно ли, чтобы Адалард заказывал Павлу копию с писем римского папы в иных условиях, как на пути его в Италию?

¹ Cp. Steinacker, o. c.

² MG. in-Q. Scriptores rerum langobardicarum ss. VII—IX, 1878. Pauli Diaconi, Historia langobardorum. См. все места, отмеченные в индексе Holder-Egger'a к этому тому под словами: alamanii, avaras, baiuarii, hunni, langobardi, frugii, slavii, svevi.

³ Вспомним суггестивные страницы Штейнакера, назв. соч. и в особенности тр. 151—158.

Не звучит ли в устах Павла фраза *quando illis in partibus fui*¹ уже далеким воспоминанием о поре, когда Павел и Адалард встречались в обителях и северных виллах Карла, не гармонирует ли она с временем, когда Павел уже покинул галльский север?

С другой стороны, казалось бы, только разлука навсегда делает понятным даваемое Павлом Адаларду обещание «не забывать» его, хранить любовь к нему, «доколе Рейн и Мозелла не обратили вспять свое течение».²

Мы знаем из признаний Павла, что среди подчеркнутого радушия каролингского двора Павел томился и тосковал: *haereo, stupeo, langueo*, ощущая ее тюрьмою и грустя по любимой кинонии: *ad conparationem vestri coenobii mihi palatium carcer est*. В письмах к аббату своему, Теодомеру, Павел выражает твердое намерение вернуться в тишину Монте-кассинского «рая» (*ad instar paradisi*), едва только сможет покинуть Карлов двор: *quam primum valuero, ... mox ad vestra consortia, nulla alia vita comite detentus occasione, repedabo*.³

Было ли, однако, возвращение Павла, отпущенного Карлом в 787 г., прямым, непосредственно направленным в Монте-Кассино, как он то обещает своему аббату?

Палеографические основания, как указано выше, противятся отнесению нашего кодекса, в одинаковой мере, как к северногалльскому, так и к беневентскому скрипторию.

Но обе эти атрибуции устраняются и тем признанием, какое Павел сделал в вступительном своем письме: *utpote pauper, et cui desunt librarii* — я беден и мне не хватает писцов (письмо к Адаларду, строка 7).

Еще раз: можно ли совместить эту жалобу с гипотезой, что списывание происходило в богатом Мецском монастыре? Неужели в обители св. Арнульфа, предка и патрона каролингов, не нашлось бы писцов, чтобы исполнить желание двоюродного брата короля; и «бедность» монтекассинского гостя могла бы в этом случае сыграть роль помехи? То же соображение всецело относится к Монте-Кассино. Жалоба представляется уместной в какой-то совсем иной обстановке, где Павел, исполняя свое обещание, очутился независимым и одиноким, где работал он с немногими секретарями, которых оплачивал из своего кошелька.

И, в таком случае, по дороге Павла от почетного убежища в северной Галлии в могущественную обитель Беневента следует, я полагаю, искать

¹ Письмо Павла, строка 2, см. наше факсимиле.

² То же письмо, последние строки, см. табл. III.

³ *Epp. Carol. Aevi IV*, 507.

станцию, к которой лучше подходило бы цитированное признание и при которой, — иначе загадочные, — палеографические феномены объяснились бы без насилия.

Биографы Павла, как из ученых прежнего поколения в Monumenta Germaniae, так и нынешние исследователи, занявшиеся вновь и вновь его жизнью и личностью по поводу недавно исполнившегося 1200-летнего юбилея его рождения, собрали большой материал, иллюстрирующий довольно редкий в каролингском церковном писателе и характерный для Павла «патриотизм»: гордые воспоминания о славных подвигах и мифологических сказаниях племени, страстный интерес к истории и преданиям родного города.

Вывинутый далеко на северо-восток, в качестве форпоста Италии, город этот одним из первых принял и освоил лангобардское нашествие и лангобардское племя. Отмечают и более интимные симпатии к преданиям местных фриульских родов, *fagae*, *prosaridae* и, в частности, его собственной семьи.

И, конечно, фашистская оркестровка нынешнего писательства, научного, как и иного, придает соответствующий аккомпанимент этим высказываниям. Иначе звучит их музыка для нас, что, полагаю, будет ясно из дальнейшего.

Здесь не имеется в виду повторять выразительные страницы Бетмана, Дана и, из новых, Монтеверде, характеризовавшие эти стороны личности Павла и, в последних работах, уже получающих вышеописанное освещение. Поднимаясь выше этого освещения, мы можем сказать одно. В безликой толпе каролингских анналистов, с их мертвящим официальным «универсализмом» и — с известного момента — обязательным имперским идеализмом, Павел, сын Варнефрида, историк побежденного и дважды раздавленного племени, представляется исключением, полным яркой жизни, с его горячими привязанностями семейными и глубоким любовным чувством родной земли.

Уже старые историки XVIII в. открыли истинную причину его путешествия в Галлию в 782 г., его долгой задержки в «темнице» карлова двора, его литературных любезностей в отношении патрона: посланий, акростихов, эпитафий на могилы королей и королевен каролингской семьи. Об этой причине, как видно далее, сам он говорил неоднократно. Его корреспондент, Петр Пизанский,¹ намекает на нее в своих стихах. Этой причи-

¹ Ср. *Lumine purpureo* PAC I 52.

Сб. воспом. дисс.

ной было неуспокаивающееся желание добиться освобождения брата, который, будучи замешан во Фриульском восстании (776 г.) против каролингского владычества, вместе с другими представителями фриульской знати, уведен был пленником в Галлию.

«Как только я смогу, — пишет Павел Монтекассинскому аббату, Теодемеру, — и как только господь снимет с меня ночь печали, а с моих пленных иго несчастья и унижения, я тотчас вернусь»...¹

Но проходит шесть лет (очевидно, дело идет о 782—783 гг.), а король остается непреклонным. Павел пишет ему:

Sum miser, ut mereor, quantum vix ullus in orbe est,
Semper inest luctus tristis et hora mihi.
Septimus annus adest, ex quo nova causa dolores
Multiplices generat et mea corda quatit.
Captivus vestris ex tunc germanus in oris
Est meus, afflicto pectore, nudus, egens...²

Во всяком случае, где бы в этот момент он ни находился, Павел знает все о злключениях своей невестки, которая, будучи изгнана из дому, вымалывает кусок хлеба на площадях, «не имея чем одеть четверых детей», о печали сестры, «ослепшей от слез», о потере движимости (*supellex*), принадлежавшей семье, о рассеянии фриульских родов (там же). Жалоба кончается мольбой:

Sed miserere, potens rector, miserere, precamur!
Et tandem finem his, pie, pone malis:
Captivum patriae redde et civilibus arvis
Cum modicis rebus culmina redde simul.

Просьба была, наконец, услышана. Пленники вернулись на родину.³ Но по желанию короля сам поэт еще остается на время у его двора. Он вернется только в 787 г., причем Бетман фиксирует срок его возвращения «ранее 25 августа»: день смерти герцога беневентского Арихиса, чью гробницу Павел украсил поэтической эпитафией. Заметим в скобках, что факт эпитафии навряд ли является доказательством личного присутствия Павла в Беневенте в этот момент.

Очень сдержанный в отношении событий собственной жизни, Павел нигде не сообщает, увиделся ли он вновь со своим братом, который получил

¹ Еpp. Car. Aevi IV 507.

² Извлеченное из старого издания Leboeuфа, послание это помещено Waitz'ом и Bethmann'ом в изд. Hist. lang., p. 15.

³ Ср. замечания Петра Пизанского: fortia qui dudum potuisti solvere vincla. PAC I 52.

свободу, благодаря его заступничеству, увидел ли он еще раз сестру, невестку, племянников и пленных своих земляков, его усилиями возвращенных *civilibus arvis*.

Он ни разу не обмолвился сообщением об этом. Но на вопрос можно ответить вопросом: неужели, вернувшись в Италию, он отказал себе в радости видеть любимые места и предметы, как и дорогих людей?

Думается, что обратное предположение гораздо более совместимо со всем тем, что нам известно о привязчивой и нежной природе Павла. Гипотеза, что на пути в Монте-Кассино он остановился во Фриуле, кажется нам более чем правдоподобной. Тем более, что в этих, и только в этих условиях кажется нам совершенно естественным написание, в его типичном, северо-восточно-италийском минускуле, притом «отсталого» типа — кодекса писем Григория, как и совершенно естественным признание: *utpote pauper et cui desunt librarii*.

Эта гипотеза, скажу прямо, превратилась для меня в уверенность, когда еще раз я перечитала внимательно магистральный текст Павла.

Его состав, расположение, тон изучались в научной литературе самым внимательным образом. Обратное было бы удивительно. Мы имеем в нем дело с памятником, в своем роде единственным не только потому, что, как замечено выше, в нем, в темные века, историю со сцены сходявшего племени спасла лишь счастливая случайность редкой для своего времени любви, «гимн побежденному краснопобедный», но и потому, что написана она была так, как не писалась ни одна история в эпоху, когда жил Павел. Надо взойти очень высоко, к Григорию Турскому, или спуститься далеко вниз к Адемару Шабанскому или Адаму Бременскому, чтобы найти произведение равной силы и свежести. И только один, на северных островах, только один Беда откликается с равной силой звучания.

Совершенно свободный от обязательного вступления «всемирной хроники», вовсе не претендуя подражать официальному образцу «Анналов», Павел пишет свою «Историю» с прихотливой свободой и свободной живописностью.

Народная сага, песня, народный анекдот проходят через все произведение, во второй половине сливаясь с мемуарами города и семьи самого Павла от *abavis* и *proavis*. В мемуарной части привлекло мое внимание одно место. В главе 13 книги II, рассказывая о Фортунате (довольно, в общем, короткая справка), Павел со ссылкой на *Carmina* поэта, нашел нужным восстановить путь, каким последний двигался из Равенны на север, к гробнице св. Мартина Турского: *In suis ipse carminibus refert*

illuc properandi per fluenta Tiliamenti et Reunam, perque Osupum et Alpem Juliam, perque Aguntum castrum,¹ Dravumque et Byrrum fluvios, ac Briones et Augustam civitatem quam Virido et Lecha fluentant... Географическая любознательность, редкая и примечательная в этот век. Почему в короткой справке дан этот путь?

Путь для большинства итальянцев не совсем заурядный. Они обычно двигались по Кассиевой дороге, проходили через Большой или Малый Сан-Бернар или, наконец, по самому берегу Средиземного моря. Сам Павел, когда ехал с Карлом из Рима в 782 г., несомненно направлялся одним из этих маршрутов.

Иною была дорога на север из Равенны. Но ведь ту же дорогу приходилось проделывать, если ехать из Фриуля, или обратно: на Фриуль, конечно, только в ином порядке станций. Фортунат в *De vita S. Martini* (См. AA IV, p. 636 sqq.) дает именно путь не из Равенны, но в Равенну, причем не поминает уже этой последней.

Павел, с свободой комбинации, характерной для того, кто сам проделывал этот путь, переворачивает его в противоположном направлении, выбрасывая из него некоторые, очевидно, не интересовавшие его этапы: заезд по пути в Париж, посещение гробницы св. Медарда. И как Фортунат умолчал о самой цели своего пути, Равенне, Павел умалчивает об отмеченной Фортиунатом станции Фриуля, для Павла бывшей целью его обратной дороги... В остальном, в главных пунктах он ее знает хорошо, потому что она заинтересовала его в какой-то момент его странствия.

И если Павел уехал из Италии (из Рима) по одному из северных продолжений Кассиевой дороги, то вернулся он в нее — таков напрашивающийся вывод — с востока, направляясь на Фриуль. Иначе, почему в огромном материале фортунатовых *capitula* (о котором он дает справку, вернувшись в Италию и работая в Монте-Кассино над историей лангобардов), его притянул бы этот пункт?

Но, заехав во Фриуль, он, вероятно, там и остановился, особенно если эта остановка совпала с его нездоровьем, на которое он жалуется в письме к Адаларду.

Я иду дальше.

Давно оценена — в качестве единственного для этих отношений источника — точность и детальность, с какой Павел, опираясь на исчезнувшие

¹ Это станция на пути из Равенны находится перед самым *Forum Julii*.

записи епископа Тридентского Секунда (до 612 г.),¹ восстановил сложную историю лангобардских державцев в Италии, со множеством имен, сменявшихся, в разных герцогствах, их представителей. Но ведь после Секунда уже не было для Павла источников,² из которых для Италии³ он мог бы исходить, кроме писем папы Григория. Он, конечно, пользовался мемуарами, может быть, письменными, но еще более устными, которые помогли заполнить загадочные 132 года до смерти Лютпранда: на нем он кончает повесть. Совершенно понятно и неоднократно отмечено, что особенно ярко и полно развертывается в истории Павла мемуарная повесть Фриуля.

Достаточно напомнить, полные живых деталей и драматических диалогов, главы о герцоге Пемоне и его нежной верности к некрасивой (*facie rusticana*) жене, родившей ему «трех богатырей» (книга VI, § 26), о герцоге Фердольфе и выходе его со славянами, в тщеславных целях разыгранной им на погибель родному городу (книга VI, § 24), рассказ о громадных «бизонах» (зубрах), обитающих на Монте-Регно, «о которых рассказал мне, замечает Павел (книга II, § 8) один правдивейший старик» (*veracissimus senex*).

Все эти яркие и детальные впечатления и переживания, дышащие автопсией, — где и в какой момент Павел освежил и записал их?

Правдоподобно ли думать, что записав их когда-то раньше (?),⁴ он возил их с собою в своих странствиях по Галлии пять или шесть лет, чтобы (если предположить, что он прямо проехал в Монте-Кассино, как то обещал своему аббату) довести их до конечного своего убежища и места написания «Истории лангобардов»?

Тот же вопрос, и в еще более заостренной форме, вызывается знаменитым, звучащим, как эхо личных переживаний, фрагментом мемуаров о собственной фага: о прапрапрадеде Леупхисе, прапрадеде Лопихисе, деде Арихисе, отце Варнефриде. С особенным волнением читал автор настоящей статьи воспоминание о возвращении Арихиса из аварского плена в разоренный аварами Фриуль. Много приключений перенес этот прадед, пятый из уведенных в плен сыновей Лопихиса, пока

¹ Cp. Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, Bd. I, Theil I, § 6. — R. Jacobi, Quellen der Langobardengeschichte, S. 63—84. — У самого Павла читаем IV 40 *Defunctus est apud Tridentum Secundus, servus Christi, de quo saepe iam diximus, qui usque ad sua tempora (+ 612) succinctam de longobardorum gestis composuit historiam*. См. еще неоднократные ссылки на Секунда: III 29; IV 27.

² Иначе Павел назвал бы их, как многократно называет Секунда.

³ Для Галлии он многое знал и использовал: кроме Фортуната, еще Григория Турского.

⁴ Но ведь записать-то их он только и мог бы во Фриуле. Когда же именно?

не добрался на родину. Вступив в Италию, он подходит к дому, где родился. И был (последний) в таком запустении (*deserta*), что не только не было у него крыши, но, хуже того: он зарос терновником и ежевикой (*rubis et sentibus*). Исторгнув их, в стене нашел он огромный потухший очаг, куда положил свой колчан. Впоследствии, поддержанный дарами кровных и друзей, он отстроил дом и взял жену, но, как бы отлученный (*exclusus*), он не мог получить ничего из имущества (*rebus*), принадлежавшего его родителю, не в состоянии ничего добиться от тех, кто завладел этим имуществом в долгом и многолетнем пользовании (*invaserunt longa et diuturna possessione*; естественно: «бесхозное» имущество растаскали соседи). Сообщив эти детали, Павел кончает: «Он, как я сказал, был моим прадедом. Он родил деда моего, Арихиса, Арихис — отца моего, Варнефрида, Варнефрид же от супруги Теоделинды, — меня, Павла, и брата моего, Арихиса, носящего имя по деду»...

«Изложив это небольшое из последования моей собственной генеалогии, я вернусь к пути (*tramitem*) общей истории».¹

Вероятно ли предположить, чтобы изумительные строки (с которыми перекликаются байроновские: «Стал пуст и заброшен печальный мой дом. Огонь разведенный зачах. И стены травой зарастают кругом») были написаны не под самым живым впечатлением всего того, что Павел видел во Фриуле, в жилище брата, — вплоть, вероятно, до терновника и ежевики в углах запустевшего дома, вплоть до растасканной соседями мебели (*supellex*), о которой плакалась его невестка?

Итак, еще раз:

На обратном пути в Италию Павел, повторяя итинерарий Фортуната, остановился во Фриуле, где виделся с братом, с помощью кровных и друзей восстановивших свой дом, как некогда их прадед.

Здесь Павел вновь оживил и собрал скорбно-торжественные воспоминания прошлого.

Я думаю и больше: именно здесь, на развалинах этого прошлого, уже пороставших «тернием и ежевикой», впервые зародилась и самая мысль его восстановить, записать историю погибшей державы. Иными словами, план и очертания *Historiae langobardorum* намечались во время последнего пребывания автора во Фриуле, связанного вместе с тем с любовными воспоминаниями о покинутом на севере друге, «память о котором не выйдет из сердца, пока не потекут вспять волны Рейна и Мозеллы»...

¹ *Historia langobardorum* IV 37.

Здесь, в частности, выполнил он данное этому другу обещание в отношении копии писем Григория Великого и создал кодекс, который является самым ранним образцом фриульского минускула, потому что фриульский кодекс «Истории лангобардов» — несомненный список с монтекассинского кодекса — был уже более поздним, хотя и обличавшим, в ее дальнейшем развитии, ту же школу.

Находясь в большей гармонии с любящей и нежной природой Павла, фриульский эпизод гораздо естественнее, чем ранее намечавшиеся итнерарии Павла, объясняют темные пункты в истории нашего кодекса *α*.

А также в истории последних лет самого Павла и зарождении его знаменитого произведения.

Этот эпизод освещает последними отблесками реальной жизни и личной привязанности окончательный «затвор» Павла в тишине — *silentium* — Монте-Кассино, наполненной для него видениями прошлого.

Ища ответа на вопрос, где и почему Павел задумал и начал свою историю, мы хотели бы ответить на другой: почему закончил он ее на том месте, на котором она кончается? И «кончается» ли она вообще?

Ваттенбах, например¹ (да и не он один), утверждает, что она осталась незаконченной, «*leider unvollendet*», потому, очевидно, что последнее лангобардское царствование, которое в ней рассказано, это — царствование Лиутпранда, тогда как за ним еще были правления Ратхиса, Аистульфа и Дезидерия, при котором пала лангобардская власть, и государем Италии стал Карл Великий.

Следует ли думать, что случайность, положим, смерть Павла, остановила его на указанном (Лиутпранд) месте *Historiae langobardorum*?

Мы утверждаем, что на нем Павел намеренно и сознательно поставил точку, потому что сам не хотел пойти дальше. И завершение это было понятно и естественно.

Литературно оно, во всяком случае, было заключительной главой и, в качестве таковой, оно было построено, ни в каком отношении не «оборванно». В противоположность царствованиям его предшественников, начинающимся и кончающимся *ex abrupto*, в это последнее, им рассказанное, царствование вложена вся заботливая стройность литературного канона.

Заметно подгоняя к «завершению», автор дает обобщающую характеристику, перечисляет основанные Лиутпрандом церкви и монастыри, подводит

¹ См. Wattenbach, o. c. I, II, § 6.

итог годам и месяцам его правления и, рассказав подробно о погребении, заканчивает похвалой:

Fuit autem vir multae sapientiae, consillio sagax, pius admodum et pacis amator; belli praepotens, delinquentibus clemens, castus, pudicus, orator pervigil, elemosynis largus, litterarum quidem ignarus, sed philosophis adequandus, nutritor gentis, legum augmentator. Hic initio regni sui Baioariorum plurima castra cepit, plus semper orationibus quam armis fidens, maxima semper cura francorum avarumque pacem custodiens (соблюдая с величайшей заботой мир с франками и аварами).

Относительно этого — последнего в его повествовании — лангобардского короля (пусть неграмотного *litterarum quidem ignatus*, но «достойного быть приравненным к философам», повествовании, отчасти, вероятно, рассчитанном на чтение другим королем,¹ который тоже претендовал на равенство философам, но делал все, чтобы стать грамотным) — относительно этого лангобардского короля Павел считал особенно важным отметить — и этим закончить свое повествование, — что Лиутпранд всячески стремился сохранять мир с франками.

Аистульф же и Деидерий с ними воевали! Не ясно ли, что тактичнее было о них умолчать?

Будь Павел человеком бессердечным и отчасти бессовестным, «Иваном, не помнящим родства», вроде большинства своих предшественников в западной историографии, он, конечно, в тоне торжества рассказал бы, как раздавлено было лангобардское государство, и воспел бы хвалу победителю, отнюдь не склонному проявлять терпимость к «нацмену». Но он любил свой народ, болел его скорбью, и за невозможностью кончить, как ему хотелось, спустил занавес до заключительной его драмы. Он поставил точку на последнем лангобардском короле, не принужденно хранившем мир с франками.

Охват повествования Павла — около двух веков: то, что — до трагического нарастания конфликта — уложилось в памяти племени, рано исчезнувшего с лица земли. Взяв его от момента передвижения в Италию, Павел воздержался говорить о его «конце». Это было невозможно и опасно. Виновники его гибели жили и царствовали. Главный из них близился к императорской короне Запада. А, может быть, он ее уже и получил? Потому что мы не знаем ни того, когда положил перо сын Варнефрида, ни того, когда именно он умер.

¹ Быть может уже императором?

Но смиренный монах, писавший достаточно на виду для зорких глаз завоевателей в обители, много посещаемой и благодетельствуемой государами из дома Каролингов, могли решиться на большее — пересказывая, например, схватки Аистульфа с Пипином или рассказывая о судьбе Дезидерия, увезенного в почетный плен Корби?...

Он только и мог кончить на Лиутпранде и на добром согласии с державой победительницей.

«История лангобардов» была написана Павлом, сыном Варнефрида, в тишине Монте Кассино. Но, очевидно, очень немного времени спустя, — и тому доказательство ранний, относительно, чивидальский (фриульский) кодекс, обозначенный нами как кодекс β , — нашелся в Фриуле клирик, — и здесь свидетельство нового расцвета Фриуля — который проник в Монте Кассино, чтобы списать произведение Павла и положить его во Фриуле, вероятно в той самой сакристии, где в 1851 г. нашел его Бетман.

O. DOBIAŠ-ROŽDESTVENSKAĪA. LA MINUSCULE DE FRIOUL ET UN PROBLÈME CONCERNANT LA VIE ET LA CRÉATION D'UN HISTORIEN DU VIIIe SIÈCLE

RÉSUMÉ

1. Les paléographes modernes sont généralement d'accord pour accepter l'hypothèse poligénétique des origines de la minuscule, dite caroline.

2. A ce point de vue, l'Italie du Nord présente un spectacle des plus suggestifs.

3. L'intérêt du problème de la minuscule de Frioul, dans notre investigation, tient aux faits de triple nature:

1° La situation de Frioul, bastion extrême de l'Italie, dans la direction du Nord et de l'Orient: longobard, bavarois, alleman, franc, slave, avare.

2° Les liens dont cette minuscule se trouve rattachée aux destinées d'un historien, le plus remarquable, peut être, parmi les écrivains du VIIIe siècle:

C'est que, sur cet écrivain, ainsi que sur un fil unique, se trouve suspendue, pour ainsi dire, l'histoire entière de son peuple. Tracée par sa plume, durant le dernier acte de la drame nationale, personne désormais, n'en serait intéressé et le rideau baissé, elle n'aurait trouvé personne pour en graver l'empreinte.

3° Pour nous cet intérêt tient encore à ce qu'une lumière singulière est jetée sur l'un et l'autre par un Manuscrit latin, en dépôt dans la Bibliothèque de Leningrad: le lat. F v 1 7.

4. Deux manuscrits connus jusqu'ici comme des représentants les plus vénérables de la minuscule de Frioul (le Ms. du Musée de Cividale et le Vat. Reg. N 1472) présentent des traits de l'écriture italienne du Nord très prononcés. Leur date, que l'on attribue au milieu du IX-e siècle, saurait être rehaussée sensiblement. Tout de même ce n'est point là que l'on doit chercher des échantillons les plus anciens de la minuscule de Frioul.

5. C'est le manuscrit latin F v I 7 de Leningrad qui ouvre les perspectives plus profondes sur les origines de la minuscule de Frioul.

L'examen de ce manuscrit, — nous l'avons publié dans les MSF, à propos de millénaire de Paul, fils de Warnefrid, — nous a mené à des conclusions suivantes (§§ 6—10).

6. Les 12 premières lignes de la lettre introductive présentent l'écriture autographe de Paul.

7. L'écriture du scribe (*clericulus*) qui les suit, — Paul se trouvant fatigué et malade, — et les écritures du Codex même, appartiennent à la seule et même école graphique.

8. Ces écritures ne sauraient être attribuées à la Gaule du Nord, vu les considérations paléographiques, ainsi que les considérations historiques.

9. Bien que l'Italie se présente comme leur théâtre, ce n'est pas la région de Bénévent (Mont Cassin), l'écriture, comme ponctuation se trouvant rebelles à cette attribution.

10. Il n'y a que l'hypothèse forojulienne qui se trouve tout indiquée. Opportune au point de vue paléographique, elle résout, d'une façon satisfaisante, nombre d'énigmes et se trouve confirmée par nombre de considérations, savoir:

12. Notons l'intérêt — tout particulier, que Paul, dans son «Histoire des Longobards», Livre II, chap. 13, témoigne à l'itinéraire, peu ordinaire de Venance Fortunat. Cet itinéraire menant de Gaule à Ravenne se trouve identique pour celui qui, en partant de Gaule, se rend pour Frioul. On échappe difficilement à la pensée, que cette route, Paul l'a faite lui même pour se rendre non directement au Mont Cassin, mais pour s'arrêter, encore une fois, à Frioul, sa maladie l'y ayant retenu pour longtemps.

13. La richesse et la fraîcheur des souvenirs concernant Frioul, dans son «Histoire des Longobards», nous laissent la conviction que, sans traîner longuement ces souvenirs à travers la Gaule, Paul devait les recueillir et les noter peu avant sa clôture définitive au Mont Cassin, pour les y exposer.

14. Le spectacle du chap. 37, livre IV de la rentrée de son arrière-grand père dans la maison déserte, privée de meubles (volés), au foyer où les ronces et les mûres sauvages poussent, fait penser à la rentrée du frère de Paul après la captivité franque, et à la revue de deux frères, dans la maison paternelle.

15. En résumé: c'est sans doute pendant son séjour dans la ville natale, sur le tombeau des libertés nationales, que Paul conçoit et prépare l'«Histoire des Longobards», pour la réaliser dans le silence du Mont Cassin.

16. En dépit de Wattenbach et d'autres érudits, L'«Histoire des Longobards» ne peut guère être qualifiée d'«inachevée». L'auteur principal de la ruine du royaume longobard vivant et couronné, peut être, de la couronne impériale (on ignore la date de la mort de Paul), il lui fut impossible, moine humble qu'il était, de raconter, sous les yeux mêmes du prince omnipotent les règnes des rois longobards, en lutte avec les Francs. Il termine son récit, et ceci d'une façon, au point de vue littéraire, irréprochable et tout arrondie, par le règne du dernier roi (Luitprand), qui «plus semper orationibus quam armis fidens, maxima semper cura francorum avarumque pacem custodiens»...

16. Âme plus froide, sincérité moins entière et conscience plus louche, Paul se serait associé au choeur solennel, saluant le vainqueur de son peuple. Il préfère de faire reposer sa plume, homme droit et patriote ardent, qu'il était.

17. *Historia Longobardorum* est écrite par lui au Mont Cassin. Mais peu de temps après — la date du Codex de Cividale en est garant, — quelqu'un se trouve des clercs de Frioul (un fait qui atteste la floraison nouvelle et rapide de cette ville), qui pénètre au Mont Cassin pour copier l'oeuvre de Paul et la déposer dans la cathédrale de Frioul.

ДИПЛОМ ОТТОНА I В КОЛЛЕКЦИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

С. А. АННИНСКИЙ

Диплом императора Оттона I, датированный 18 апреля 969 г. и обозначаемый в *Diplomata regum et imperatorum Germaniae* D0371,¹ до *Monumenta Germaniae Historica* издан был трижды: в первый раз — в 1647 г. Угелли по копии Ватиканского архива, затем перепечатан с небольшими, видимо случайными, отступлениями во втором издании *Italia Sacra* в 1717 г.² и, наконец, в 1792 г. вновь издан И. Аффò в *Storia della città di Parma* по подлиннику, хранившемуся в епископском архиве в Парме.³ Ко времени издания первого тома *Diplomata* — ни копии в Ватикане, ни оригинала в Парме не оказалось, и текст диплома подготовлен был Э. Ф. Оттенталем к печати по изданиям Угелли и Аффò.

Недавно, при систематизации богатого собрания актов, унаследованного Академией Наук СССР,⁴ был обнаружен считавшийся утраченным оригинал D0 371, что обязывает нас дать окончательно выверенный текст его и сделать необходимые поправки к предшествующим изданиям.

К сожалению, несмотря на ряд попыток, не удалось выяснить истории странствий нашего документа от Пармы, где он был в конце XVIII в., до нынешнего его места хранения в Ленинграде. Можно, однако, считать установленным, что в состав коллекции, ныне принадлежащей Академии Наук СССР, документ был включен не ранее 90-х годов XIX в.

В нынешнем состоянии диплом представляет собой пергаменную хартию выс. 41.4 см × шир. 56.4 см, посредственной сохранности, но

¹ *Monumenta Germaniae Historica, Diplomatum regum et imperatorum Germaniae tomus I, Hannoverae, 1879—1884* (ниже: *Diplomata I*), стр. 508—510.

² F. Ughelli, *Italia Sacra, Romae, 1647*, т. II, стр. 202 (U_I); Idem, *Venetis; 1717*, т. II, стр. 158 (U_{II}).

³ I. Affò, *Storia della città di Parma, Parma, 1792*, т. I, стр. 358—359 (A).

⁴ От Н. П. Лихачева. Институт Истории, п⁰ ИКДП. V. 642.

с почти неповрежденным текстом; по краям имеет десять круглых небольших отверстий со следами давней ржавчины и недавних надрывов; часть нижнего поля слева, с тремя несущественными словами даты, вырвана, при том, судя по краю надрыва, недавно. Печать отсутствует. На ее месте — отверстие в виде ромба выс. 2.5 см × шир. 3.5 см, с темным следом вокруг, диаметром в 7 см. Текст имеет 16 строк, из коих 1-я, 14-я и 15-я написаны удлинненными буквами. Линии строк (кроме 15-й и 16-й) намечены сухим острием, при чем в 1-й и 14-й строках особой линией ограничена и высота букв. Вертикальные границы текста не обозначены. Дорсальные надписи, примерно XIV в., и частью, может быть, XV в. следующие: слева в средней части листа, сверху вниз — 1) *Non pertinet ad episcopatum nisi per indirrectum*; 2) A; 3) *De iurisdictione ecclesie*; 4) 969; 5) R^{am} (*registratum*); справа — 6) *In istis priuilegiis aparet, qualiter cast-rum Barceti cum curia est domini episcopi Parmensis*; 7) готич. ш (минуск.) большого размера; правее — F в лежащем положении по отношению к прочим надписям (F).

Уже с первого взгляда наш диплом производит отчетливое впечатление подлинности — и по материалу и по характеру письма. Более подробный анализ превращает это впечатление в уверенность и почти целиком подтверждает диагноз, данный редактором MGH.

Предметом этого анализа должны быть собственно два вопроса: кто был писцом (*ingrossator*) DO 371 и кому принадлежит диктат его?

Э. Ф. Оттенталь считал первым — одного из старейших и опытнейших итальянских нотариусов оттоновой канцелярии, обозначаемого в MGH шифром ItB и отождествляемого Н. Bresslau с grossатором DO 239, именующим себя *Willerus*.¹ Диктатором при этом Оттенталь считал более молодого и гораздо менее опытного сотрудника итальянской канцелярии императора, ученика Виллерия, ItD.

При сравнении почерка нашего диплома с почерком Виллерия, как он представлен в DO_{II}17, воспроизведенном *fac-simile* в *Kaiserurkunden in Abbildungen*,² без труда устанавливается полное тождество этих почерков,

¹ Об итальянской канцелярии Оттона I: *Diplomata I*, *Einleitung* к дипломам Оттона, стр. 84—88; Th. Sickel, *Beiträge zur Diplomatik*, VIII, Wien, 1882, стр. 28 и сл. Об ItB: *Diplomata I*, стр. 87; *Diplomata IV*, стр. 386—387 (Hessel); *Vorbemerkung* к DConr. II 280 и примечания. О Виллерии: Н. Bresslau, *Das Immunitätsprivileg Otto's I für Parma (DO239)* в *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*, Hannover und Leipzig, 1897, Bd 23, стр. 129—130; E. v. Ottenthal, *Excuse zu Ottonischen Diplomen* в *Mittheilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*, *Ergänzungs*b. I, стр. 146—147.

² Н. v. Sybel und Th. v. Sickel. *Kaiserurkunden in Abbildungen*, Berlin, 1891, Lief. III, Taf. 27; Text, стр. 56—60.

и в общем характере — в уверенном изяществе твердо выработанного дукта, и в ряде частностей.

Редкая форма хрисма — не в виде почти всем тогда привычного *C*,¹ а в виде монограммы из *X* и *P* (так наз. *labarum*), свойственная, в числе немногих, именно Виллерию, со спиральными украшениями на концах *X* и *P*; весьма характерное *p* в хрисме и в строке протокола (*providencia, imperator*), повторяющееся в нашем дипломе и ниже (*pertimus*); та же, что в *p*, орнаментальная тенденция в начертании *D* (*Datum* в *Datierungszeile* у нас) и *Q* (*Quapropter iussimus... Quod ut verius* — в DO_{II}17); неизменно закрытое *a*, в виде двух *c* (*cc*), и *t* с прямой перекладиной сверху; *c* и *e* везде с надставками; тождество знака аббревиатуры; наконец, украшение узелками нижних удлиннений букв — все это черты, общие нашему диплому и DO_{II}17, черты, свойственные почерку Виллерия. Таким образом, определение грассатора, данное Э. Ф. Оттенталем, вполне подтверждается.

Для установления диктатора могут служить следующие наблюдения.

Формула *invocationis* в том виде, как ее дает наш документ (*individuaeque*), типична именно для диктатов Виллерия (ср. DO 243, 339, 356, 373, 408, 410, 413),² а вообще весьма редка.³ ItD, вместо *individuaeque*, всегда употребляет *et individue*, как и большинство других писцов.

Термин *ordinante* в *intitulatio* встречается в DO 339, 356, 373, 408, также писанных Виллерием или по его диктату. ItD вместо этого предпочитает *favente* (DO336, 341, 352, 364, 367, 372, 374).

Arenga в нашем дипломе имеет много соответствий с другими дипломами, принадлежащими диктатам Виллерия: *aures serenitatis sue* — DO 339; *fidelium suorum (nostrorum) petitionibus* — DO 339, 357, 413, при чем в DO 357: *petitionibus maxime eorum*, как и в нашем; *promptiores et devotiores eos in suum effitiant famulatum* — DO 339; *promptiores id efficere ad famulatum* — DO 357.

В *promulgatio* наш диплом употребляет редкое для Виллерия *industria* (у него — всего однажды — в DO 401); вместо этого у него почти

¹ Введенного Гебаргардом, канцлером Людвига Немецкого: *das hebarhardische Chrismon*. Справ. W. Erben, L. Schmitz-Kallenberg und O. Redlich. *Urkundenlehre*, I Th., München und Berlin, 1907, стр. 144.

² См. также *Diplomata IV*, стр. 387, примеч. (Hessel).

³ В дипломах Оттона I, кроме указанных, встречается еще в DO 248, где протокол, по мнению Laschitzer-Iaksch, принадлежит «*einem Privatschreiber*» (*Diplomata I*, стр. 355—356), и в DO 251 (диктат и письмо LF — *Diplomata I*, стр. 359).

всегда *universitas* (DO 243, 339, 356, 373, 408, 413, 429), тогда как у ItD, наоборот, чаще *industria* (DO 336, 338, 341, 372, 374, 415).

Формула *corroboratio* совершенно совпадает в нашем дипломе с принадлежащими тому же Виллерию, как диктатору (и писцу), DO 356 и 373: *anulum nostrum inferius imprimi iussimus*; DO 243 — *affigi iussimus*; DO 239,¹ 339 и 408 — *affigi precepimus*. В этом месте ItD предпочитает *impressione... insigniri iussimus* — DO 335, 338, 352, 364, 367, 374, 384; *iussimus sigillari* — DO 336, 341, 372,

Signatio (*serenissimi augusti*) в нашем DO 371 совпадает с диктатом Виллерия в DO 239, 356, 373, 410. В эпитете *serenissimi* совпадает с его же DO 274, 339, 407, 408. Другие (ItD etc) предпочитают *invictissimi* или *magni et invictissimi imperatoris*. Подпись канцлера в DO 371 соответствует формуле, общей у Виллерия с другими итальянскими нотариями Оттона (Виллерий: DO 243, 274, 339, 356, 373, 407, 408, 410, 413; ItD: DO 336, 338, 341, 352, 364, 367 и т. д.; ItC: DO 368, 385, 389; ItE: DO 397, 402, 403, 407).

Дата нашего диплома конструирована по типу, принятому итальянскими нотариями с начала X в.,² общему у Виллерия с ItD, ItE и некоторыми писцами немецкой канцелярии Оттона, вообще находившейся под влиянием образцовой техники итальянцев в вычислении даты.³ Индикт во всех этих случаях помещен после титула императора, тогда как большинство писцов Оттона I, в том числе — из итальянцев ItA (DO 256, 276), ItC (DO 257 — 265, 267, 271, 368, 379 — 381, 385, 389, 397) и ItF (409) ставят индикт тотчас же после года от воплощения. Характерное для Виллерия *serenissimi augusti* встречается в дате, кроме DO 371, еще в DO 243, 356, 373, 408, 410 и, наоборот, отсутствует у ItD, предпочитающего *piissimi cesaris*, и у других писцов той же итальянской группы.

В центральных частях диплома, в *narratio* и *dispositio*, где вообще труднее бывает различить типичное и индивидуальное, мы не нашли тех особенностей диктата Виллерия, какие констатированы для других случаев Оттенталем,⁴ что однако не противоречит возможной атрибуции ему диктата DO 371, поскольку указанные Оттенталем черты свойственны далеко не всем диктатам этого нотариуса.

¹ О принадлежности диктата DO 239 ItB см. *Mittheilungen des Inst. für Oesterr. Geschichtsf., Ergänzungs. I*, стр. 146—147.

² Th. Sickel, *Beiträge*, VIII, стр. 30. Cp. W. Erben, L. Schmitz-Kallenberg und O. Redlich: *о. с.*, стр. 355.

³ Th. Sickel, *о. с.*, стр. 28, etc.

⁴ *Mittheilungen des Instituts für öster. Geschichtsforsch., Ergänzungs. I*, стр. 147.

Несколько менее ясно обстоит дело с определением роли ItD, как участника в диктате DO 371, если не единственного диктатора, как предполагает Оттенталь. Несомненно, что именно этот из учеников и сотрудников Виллерия отличается наихудшей грамотностью в латинской этимологии и лексике сравнительно с господствовавшими в X в. практическими нормами. Именно его диктаты, а особенно если они соединяются с его же графическим выполнением, изобилуют наибольшим количеством анаколуфов и несогласованностей разного рода.¹

Рассматривая наш текст с этой точки зрения, мы должны отметить абсолютную корректность его этимологии на всем протяжении, что и не удивительно, раз писан этот текст умелой рукой учителя ItD — Виллерия. Что касается синтаксических промахов, непоследовательностей или особенно свойственной ItD манеры как будто проглатывать необходимые связующие части предложений, то в качестве примеров этого наш текст дает: *per cartulas vinditionis... seu nostri... preceptorum paginis...* (вм. *paginas*); *sed nostra preceptali auctoritate corroborati et confirmati liceat eis...* (вместо *corroboratis et confirmatis liceat eis* или *corroborati et confirmati maneant et...*)

С другой стороны, в числе лексических особенностей обращают на себя внимание такие термины, как *datoribus* и *Pertimus*. Первый показался настолько неожиданным Э. Ф. Оттенталю, что был им сочтен опiskой. Надо признать, что слово это действительно редкое: в актах X—XI вв. оно вовсе не встречается, а Дюканжем указывается несколько в ином смысле.² Однако, в нашем контексте оно на месте и выражает именно ту мысль о предках³ или прежних дарителях, какую, очевидно, имел в виду автор формулы, симметрически противопоставляя *nostri nostrorumque antecessorum... sibi suisque datoribus*.

Предлагаемое Оттенталем вместо него *heredibus* явно ошибочно, так как речь идет о предшественниках, а не о наследниках.

Как бы то ни было, это *datoribus* — пример канцелярского неологизма, вполне соответствующий свойственной ItD смелости в аналогичных случаях.

Слово *Pertimus*, до сих пор ошибочно читавшееся *Verum*, такой же неологизм. В актах IX—XI вв. оно не встречается, не отмечено и

¹ См., напр., DO 335, 336, 338, 352, 372, 396 и *Vorbemerkungen* Зиккеля к DO 360, 371 и особенно к 396.

² Du Cange, *Glossarium*, т. III, Colpus-Ezz. Niort., 1884: в *Leges Hoeli Boni regis Walliae*, cap. 15. В позднейшее время — в смысле *fideiussores*, *sponsors*.

³ Лучше было бы *maioribus*, но мысль диктатора более обща.

Дюканжем. Правильную форму *impertimur* мы нашли в диктате ItD,¹ единственном из всех диктатов той же итальянской группы. Весьма вероятно, что изобретением этого термина мы обязаны все той же привычной для ItD смелости, мало считающейся с классическим стилем его эпохи и школы. Отметим еще нередкий для ItD плеоназм: *ex his prenominais...; si quis autem aliquis presumptor...* ср. DO 335: *hos iamdictos, superius prenotatis*; DO 336: *sui eiusdem, eidem ipsi* и т. д. Наконец, нельзя не упомянуть, что выражение *ad placitum ire cogat*, восстанавливаемое нами вместо *redigat* прежних изданий, встречается еще раз именно у ItD (DO 378—*ire compellat*).²

Все эти наблюдения, нам кажется, не вполне подтверждают мнение Э. Ф. Оттенталя о роли ItD, как диктатора DO 371. Мы считаем более вероятным, что ему принадлежал лишь первоначальный набросок акта (в его конкретной части), окончательная же редакция дана Виллерием, сохраняя однако кое-какие следы стиля ItD.³

Одним из аргументов Оттенталя в данном вопросе является предполагаемое участие ItD в оформлении важнейшей клаузулы DO 371. Этот пункт заслуживает особого рассмотрения не только по связи с ItD, но и по существу формулы, своеобразно корректируемой редактором MGH.

Необходимо напомнить, что наш акт является в своем роде уникальным, так как содержит особую клаузулу о праве подсудности только императору.

Оттон I, находясь в Калабрии во время третьего похода в Италию, по представлению своего архиканцлера, пармского епископа Губерта, подтверждает *dilecto fideli suo Ingoni* с наследниками его земельные владения в разных графствах Италии, но в обычную клаузулу (иммунитета) о невмешательстве судебных и других властей в права Ингона, на этот раз, под особым влиянием Губерта, как думает Оттенталь,⁴ включена формула: *vel (ne) legem eos facere instiget, nisi prenominais viros eorumque heredes in nostra nostrorumque successorum presentia et in eorum prediis residentes in sua*. Оттенталь полагает, что он не мог бы привести дальнейших примеров этого рода ни для X, ни для XI веков. В виду исключительности формулы (со ссылкой на *Ital. Forschungen* Фиккера), он склонен был бы считать ее позднейшей интерполяцией, если бы его не убеждало в противном

¹ *Diplomata I*: DO 352.

² Впрочем, кроме него, однажды и у Виллерия (DO 357 — *ire cogat*).

³ Особенно в отрывке от *Concedimus et per hoc nostrum preceptum* до *Pönformel*. См. также сказанное выше об *industria* в *promulgatio*.

⁴ *Diplomata I*, стр. 508, *Vorbemerkung*.

наличие в редакции диплома, а особенно во второй половине его, и, в частности, очевидно, в интересующей нас формуле, признаков, свойственных стилю ItD.

Дарование права подсудности императору действительно весьма редко в IX—XI вв., в противоположность позднему времени. Фиккер,¹ однако, как и упоминаемые им Вайтц и Бруннер,² отмечает отдельные случаи уже в каролингское время. Для X века он указывает пожалование императора Лотара Варемунду, а для XI века — подтверждение прав Вале из Казале 1039 г.³ и одну кремонскую (неопубликованную) привилегию времени имп. Генриха.⁴ В дополнение мы могли бы указать диплом Оттона III от 15 августа 998 г., утверждающий веронского диакона Берифреда с братьями в правах на их владения, где сказано: *Concedimus etiam eis ac perdonamus, ut nullius placitum custodiant nec ad legem faciendam se ante presentiam alicuius presentent, nisi ante nos aut nostrum ducem, nec non homines et colonos terrarum eorum residentes et inhabitantes concedimus et donamus, ut ad nullius placitum vadant vel custodiant nisi tantummodo ante illorum presenciam.*⁵ Диплом Конрада II от 2 апреля 1027 г. обители св. Петра, *quod dicitur Celum aureum*, также запрещает кому-либо искать с обители *nisi per nos*, но, как и DOIII 299, смягчает это оговоркой *aut abbatem ipsius monasterii... vel per nostrum aut ipsius abbatis missum.*⁶

При всем том остается неопровержимым утверждение о крайней редкости такого пожалования в X—XI вв.

Что касается, однако, предполагаемого Э. ф. Оттенталем участия ItD в редактировании соответствующего места нашего текста, то не отрицая возможности этого, мы не можем согласиться с важнейшим из приведенных Оттенталем мотивов. Находя, что ItD «wo es gilt für ausserordentliche Verfügungen erst eine Formel aufzustellen, drückt (er) sich unbeholfen aus» и подчеркивая, что «wiederfährt eben diesem sehr oft aus der Construc-

¹ J. Ficker, *Forschungen zur Reichs- und Rechtsgeschichte Italiens*, Innsbruck, 1868, Bd. I, стр. 288—289.

² V. G. Waitz, *Deutsche Verfassungsgeschichte*, Kiel, 1860, Bd. IV, стр. 411. Также Brunner, *Zeugen und Inquisitionsbeweis der karolingischen Zeit*, Wien, 1866 — из *Sitzungsber. der kaiserl. Akademie*, 51, 343.

³ *Diplomata IV*, стр. 386—388. DCII 280—4 мая 1039 г. Вале из Казальволоне.

⁴ Издана: Stumpf-Brentano, *Die Reichskanzler vornehmlich des X, XI und XII Jahrhunderts...*, Bd. III, Innsbruck, 1865—1881, стр. 386—387. Император Генрих II принимает под свое покровительство вдову Гонфальду и сына ее Рогерия с их владениями. См. также L. Asteggiano, *Codex diplomaticus Cremonae 715-1334*, t. I, Augustae Taurin., 1896, стр. 58.

⁵ *Diplomata II* стр. 724: DOIII 299.

⁶ *Diplomata IV*, стр. 97: D. Conr. II, 75.

tion zu fallen und für das Verständniss nothwendige Satztheile zu überspringen», редактор MGH считает нужным дополнить формулу о праве подсудности и после слов *residentes in sua* ставит в квадратных скобках *legem facere volumus*.¹ Нам эта прибавка кажется не только бесполезной, но и неправильной по следующим соображениям:

Во первых, вся формула *ne... instiget legem facere, nisi... (instigaverit legem facere) in nostra presentia* совершенно ясна без всяких добавлений, и таким образом, упрек по адресу ItD в этом случае делается напрасно. Во вторых, нам не удалось найти ни одного примера *legem facere volumus* в императорских актах X—XI вв. В третьих, если принять добавку Оттенталя, возникает неразрешимое недоумение в толковании самого судебного процесса.

Мы представляем себе две возможности. Первая — в результате устной или письменной жалобы на Ингона, император поручает начать судебное дело и прежде всего вызвать на суд ответчика.²

В этом случае императорское волеизъявление налицо (*legem facere volumus*), но в основе дела все же лежит жалоба,³ которой вызвано и *volumus*. Вставка Оттенталя без нужды перемещает эти моменты: *vel... instiget... nisi... volumus*, т. е. сначала *volumus*,⁴ а потом *instiget*, между тем как после *volumus* — *instigat* уже не истец, а император, через своего мисса.

Вторая возможность (при толковании *instiget* в смысле более непосредственной активности): по соглашению с истцом или (в зависимости от соотношения сил и авторитета) и по принуждению его, Ингон отправляется на суд императора вместе с истцом. В этом случае единственно правильно мысленное дополнение *nisi* словами *instiget (instigaverit)*⁵ *legem facere*, но отнюдь не вставкой Оттенталя.

¹ В примечании он выражает готовность добавить даже *presentia legem facere volumus*, так как слово *presentia* (испорченное в *presertim*) имеется уже в обоих изданиях Угелли. Между тем там это, вероятнее всего, ошибка писца, делавшего ватиканскую копию: следующее за *in sua* слово *Pertimus* (отсутствующее в U без всякой замены) он, не разобравши, мог прочесть и «*presentia*» и «*presertim*». В первом случае писец, делавший копию для Угелли, очевидно, удвоил ошибку, введя бессмысленное *presertim*.

² Ср. Ficker., о. с., Bd. I, стр. 294; Bd. IV, стр. 187 — в акте имп. Фридриха I — 1169 г. ... (et) nostra et ulterius successorum nostrorum vocatione ad iudicium evocentur; в этом случае отдельно фиксируется не только право подсудности, но и право быть вызванным на суд лишь императором (что позволяет предполагать непостоянное совпадение этих моментов в быту).

³ *Instigatio* истца, так как *instiget* вовсе нет необходимости понимать буквально.

⁴ Неизвестно, чем вызванное.

⁵ Истец.

Наконец, если в отношении самого Ингона *volumus legem facere*, хотя бы и не в данном контексте, может иметь смысл, соответствующий юридически-бытовой действительности того времени, то в отношении *in suis praediis residentium* вставка вовсе неправильна, так как для привлечения живущих на земле Ингона к суду местной властью отнюдь не требуется императорского указа, а достаточно присутствия на суде Ингона.

На этом основании мы сочли за лучшее устранить добавку, сделанную в *Diplomata I*, отвергая одновременно и вывод, касающийся диктата *ItD*.¹

Заканчивая наши замечания к издаваемому тексту, добавим еще немного о некоторых собственных именах.

Наименование замка *Vicogiboin*, вполне ясное в оригинале и у Аффё, Оттенталь дает в ошибочной форме Угелли — *Vicoboin* с примечанием «jetzt *Vicorò bei S. Lazaro*». Не имея возможности проверить топографию *DO 371* по точным географическим данным, позволительно все же усомниться в правильности отождествления *Vicogiboin* с *Vicorò*. Аффё² говорит: «*veggendosi nelle carte antiche Vicorò chiamato Vico Paulo*». Не правильнее ли было бы видеть в *Vicogiboin* искажение *Vico Gibboli*, упоминаемого в купчей архи-пресвитера Пармы от 860 г.,³ в купчей 924 г.,⁴ в дипломе Оттона II 980 г., подтверждающем имения капитулу Пармы (*castellum de monte Gibuli*)⁵ и в дипломе Оттона III от 996 г. того же содержания (*monte Gibuli*).⁶ Что касается личных имен, то с именами сыновей Ингона — Уберта и Рибальда (Обберта), можно, кажется, сближать следующее место в дипломе Конрада II от 10 июня 1025 г., подтверждающем владения епископской церкви в Новаре:⁷ *Concedimus itaque comitatum de Plumbia... et cortem de Gravidona*⁸ *cum corte de Vespolato cum utrisque portionibus Huberti... et quicquid Hubertus Novarie habet... et quicquid habet Ribaldus...* Повторение этого места находим в дипломе Конрада II — 1028 г. — той же церкви.⁹

¹ Не отрицая, повторяем, возможности участия *ItD* в редакции даже и этого места.

² О. с. I, стр. 55.

³ Аффё, о. с. I, стр. 286, append. XI.

⁴ *Ibid.*, стр. 332.

⁵ *Ibid.*, стр. 363. *Diplomata II*, стр. 367: *DO II 238*.

⁶ *Ibid.*, стр. 371. *Diplomata II*, стр. 622: *DO III 210*.

⁷ *Diplomata IV*, стр. 42: *DC II 38*.

⁸ Вместо *Gravalona*.

⁹ *Diplomata IV*, стр. 164: *D. Conr. II*, 18.

*

К издаваемому ниже тексту даны все разночтения предшествующих изданий. Сравнивая характер этих разночтений, мы видим следующее. Вместо стоящего в оригинале *ae* или *e*, А и М (вообще опирающееся на А) в 12 случаях имеет *e*; кроме того, в них отсутствует характерное для эпохи написание *aecclesiae* и *planicie*. Наоборот, U везде имеет *ae* соответственно ныне принятой орфографии. Искажения слов в четырех случаях¹ общи всем изданиям. Сверх того, А имеет одно (*iuxta* вместо *infra*) и U — восемь, в том числе пять, искажающих смысл.² Случаев пропуска слов два, общих для А М, а в U, кроме того, еще четыре, в том числе три с ущербом для смысла.³ Перестановка слов — в одном случае (*nostrī regnī*) допущена во всех изданиях, а в U, сверх того, наблюдается пять случаев.⁴ Вставки сделаны: одна в М (см. выше стр. 148) и две в U. Собственные имена в U сильно изменены сравнительно с оригиналом.

В общем можно сказать, что если немногие дефекты А объясняются объективной трудностью чтения некоторых мест оригинала, то текст U либо взят из поздней, сильно модернизированной и небрежной копии, либо плохо переписан и модернизирован при издании. Кроме употребления *ae*, мы имеем тут в виду отсутствие К (*Kalabria, kamera*), написание *curtis*, *curtem* вместо *cortis*, *cortem*, поздние формы собственных имен и т. д.

*

В технике издания мы придерживались следующих правил: *u* вместо *v* сохранены лишь в именах собственных, передаваемых вообще в транскрипции оригинала; *s* и *t* везде даются согласно подлиннику, как и *ae*, *e* и *e*; сокращения *p̄* у нас везде читаются *pre*, но о наличии этих сокращений в соответствующих местах сделана оговорка. Удлиненное письмо первой строки, подписи и *recognitionis* отмечены двумя вертикальными чертами ||. С означает *chrismon*, М — *monogramma*, SD — *Sigillum desideratur*.

¹ Redigat вм. *ire cogat*, verum вм. *pertimus*, et вм. *quod* и *quoquo* вм. *quoque*.

² Iudiciario вм. *hereditario*, iure вм. *quae*, terras вм. *ceteras*, iuris вм. *viris* — дважды и др.

³ Fidelium nostrorumque, ab omnibus, et subscripsit.

⁴ Ничем не объяснимых, кроме небрежности писца, спешившего (не на место) вставить пропущенное.

S. ANNINSKY. PRIVILEGIUM AUTOGRAPHUM OTTONIS I,
QUOD IN ACADEMIA SCIENTIARUM URSS ADSERVATUR

Privilegium Ottonis I datum anno 969 a. d. XIII kal. maii, quod primo volumini Diplomatum regum et imperatorum Germaniae sub n° 371¹ insertum videmus, ter iam antea editum esse constat: primum — anno 1647 ab Ughellio secundum copiam tabularii Vaticani, iterum in altera editione «Italia Sacra» anno 1717² paucis quibusdam, casu videlicet, mutatis vocibus, tertio denique — ab Hippolyto Affò anno 1792 in sua «Storia della città di Parma» secundum autographum, quod in archivio episcopii Parmensis adservabatur.³

Eo tempore, quo Diplomata in lucem publicabantur, nec iam apographum apparuit in Vaticano, nec autographum Parmae.

Qua re factum est, ut b. m. E. v. Ottenthal (Monumenta Germaniae Historica), cum novam DO 371 editionem curandam susciperet, nulla re nisi editionibus Ughelli aut Affò niti potuerit.

Nunc tantum, cum magna copia chartarum Academiae Scientiarum URSS his annis tradita ordinatim digereretur, repertum est⁴ autographum DO 371, quod inferius edituri sumus.

Non potuimus quidem, quod dolendum est, quamvis multis viis frustra temptatis, «fata» huius nostri «libelli» explicare aut, quibus itineribus Parma, ubi saeculo XVIII exeunte erat, Leninopolim adisset, ubi nunc adservatur, reperire.

Affirmari potest dumtaxat hoc diploma non prius quam annis 90^{is} saeculi praeteriti seriei documentorum, quae nunc Academiae est, adiunctum esse.

Praesenti statu privilegium nostrum est charta pergamena alt. 41.4^{cm} × lat. 56.4^{cm} satis bona integritate, contextu autem fere intacto. Per margines decem parva foramina rotunda habet veteri ferrugine maculata, nonnulla quorum nuper discissa esse videntur.

Inferioris marginis particula a sinistra, cum duabus exiguis vocibus in «datum» evulsa est et pariter, ut credi potest, non ita pridem. Sigillum abest. Cuius in loco foramen rhomboideum alt. 2.5^{cm} × lat. 3.5^{cm} obscuriore sigilli vestigio circumdatum conspicitur.

Contextus diplomatis sedecim lineis continetur, quarum in prima, quartadecima et quintadecima litteris longioribus scriptus est. Lineata erat charta sicco (non colorato) acumine (lineis 15—16 exceptis), quo in prima

¹ Monumenta Germaniae Historica, Diplomatum regum et imperatorum Germaniae, tomus I, Hannoverae, 1879—1884 (inferius — Diplomata I), pag. 508—510.

² F. Ughelli, Italia Sacra, Romae, 1647, t. II, pag. 202 (UI); Idem, Venetiis, 1717, t. II, pag. 158 (UII).

³ I. Affò, Storia della città di Parma, Parma, 1792, t. I, pag. 358—359 (A).

⁴ Academia scientiarum URSS — n^o НКДП. V. 642.

et quartadecima linea superiores quoque fines litterarum terminati sunt. Ad perpendicularum directi termini contextus absunt. Atramentum est subrubri coloris, qui proprius saeculi X fuit.

In dorso inscriptiones saeculi XIII vel fortasse nonnullae XV hae leguntur: in medio sinistrae partis spatio — 1) Non pertinet ad episcopatum nisi per indirrectum; 2) A; 3) De iurisdictione ecclesie; 4) 969; 5) Rtm. A dextra parte: 6) In istis priuilegiis aparet, qualiter castrum Barceti cum curia est domini episcopi Parmensis; 7) m minusc. gothic. maiore ambitu; 8) F maiusc.

Iam primo aspectu nullum dubium extat, quin charta nostra autographum sit, tam materia scribendi, quam forma litterarum scripturaeue genere.

Quod pleniore investigatione plane confirmatur simulque definitio comprobatur iam prius ab E. v. Ottenthal ingeniose facta.

Duae potissimum quaestiones hac investigatione explicandae sunt: prima, quis ingrossator, secunda, quis dictator DO 371 fuerit.

Scriptorem E. v. Ottenthal unum peritissimorum notariorum coniecit, qui Italicam Ottonis I cancellariam curaverunt, illum ipsum, quem editores MGH litteris ItB significaverunt, H. Bresslau autem neminem alium nisi ingrossatorem DO 239 Willerium¹ esse ostendit.

Dictatorem autem E. v. Ottenthal existimavit quendam iuniorem multoque minus peritum collegam discipulumque Willerii, ItD.

Si manum scriptoris nostri cum manu Willerii, quam nobis DO_{II} 17 in Kaiserurkunden in Abbildungen² fac-simile editum profert, comparamus, facile invenimus non solum simillimas, sed plane pares et easdem esse, tam omni aspectu scripturae, elegantia recti et elaborati ductus, quam multis rebus singulis.

Chrismon forma rariore (quod labarum dicitur) duabus litteris graecis X et P connexis compositum parvisque spiris in partibus extremis ornatum Willerii proprium est, cum alii plures eiusdem temporis et loci scriptores pro ea re litteram C varie decoratam praeferant.³

Singularis forma P in chrismo et in prima linea (providentia, imperator), quae in nostro autographo inferius quoque occurrit (Pertimus); par et idem modus exornandi, quem in D (Datum in ultima linea) vel in Q (Qua propter iussimus... Quod ut verius... in DO_{II} 17) videmus; a semper clausa duabus c (cc) coniunctis formata; t recta linea (tigno transversa)

¹ De Ottonis I cancellaria Italica: Diplomata I, Einleitung diplomatum, Ottonis I, pag. 84—88; Th. Sickel, Beiträge zur Diplomatik, VIII, Wien, 1882, pag. 28 sqq. De ItB: Diplomata I, pag. 87; Diplomata IV, pag. 386—387 (Hessel): Vorbemerkung D. Conr. II, 280 cum notis. De Willerio: H. Bresslau, Das Immunitätsprivileg Otto's I für Parma (DO_I 239) in Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde, Hannover und Leipzig, 1897, 23 Bd., pag. 129—130; E. v. Ottenthal, Excursus zu Ottonischen Diplomen — in Mittheilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband I, pag. 146—147.

² H. v. Sybel und Th. v. Sickel, Kaiserurkunden in Abbildungen, Berlin, 1891, Lief. III, Taf. 27; Text — pag. 59—60.

³ Das hebarhardische Chrismon. Cf. W. Erben, L. Schmitz-Kallenberg und O. Redlich, Urkundentehre, Th. I, München und Berlin, 1907, pag. 144.

Handwritten text in a medieval script, likely Latin, at the top of the page. The text is written in a single line across the top of the page.

Handwritten text in a medieval script, likely Latin, in the first line of the main body of the page.

Handwritten text in a medieval script, likely Latin, in the second line of the main body of the page.

Handwritten text in a medieval script, likely Latin, in the third line of the main body of the page.

Handwritten text in a medieval script, likely Latin, in the fourth line of the main body of the page.

Handwritten text in a medieval script, likely Latin, in the fifth line of the main body of the page.

Handwritten text in a medieval script, likely Latin, in the sixth line of the main body of the page.

Handwritten text in a medieval script, likely Latin, in the seventh line of the main body of the page.

Handwritten text in a medieval script, likely Latin, in the eighth line of the main body of the page.

Handwritten text in a medieval script, likely Latin, in the ninth line of the main body of the page.

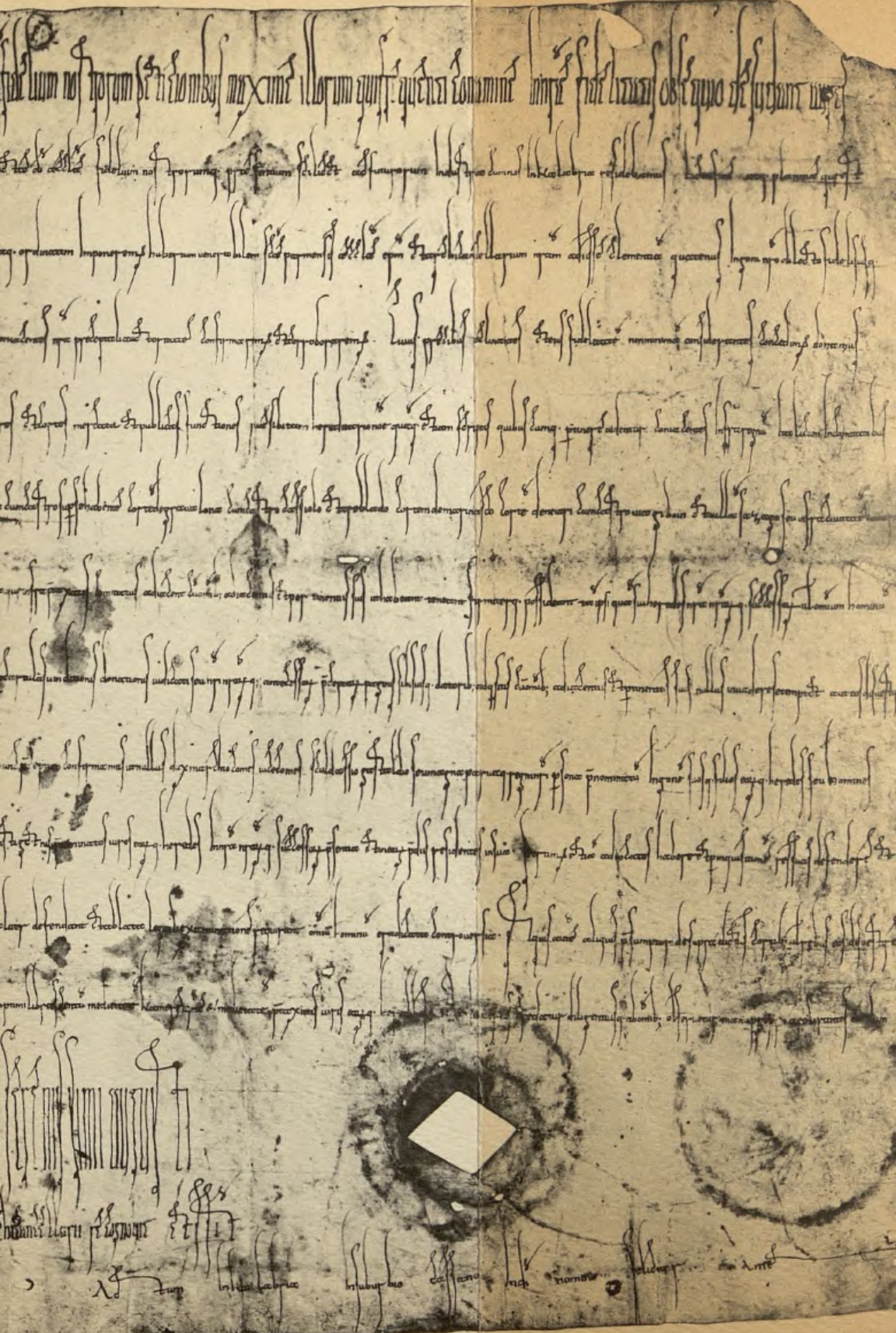
Handwritten text in a medieval script, likely Latin, in the tenth line of the main body of the page.

Handwritten text in a medieval script, likely Latin, in the eleventh line of the main body of the page.

Large, stylized initial letter 'H' or 'I' at the bottom right of the page, possibly marking the beginning of a new section or chapter.

Handwritten text in a medieval script, likely Latin, in the twelfth line of the main body of the page.

Handwritten text in a medieval script, likely Latin, in the thirteenth line of the main body of the page.

contecta; c et e ubique cristatae; idem ubique signum abbreviationis; nodiculis denique exornati inferiores stipites litterarum — haec sunt utriusque simul diplomatis propria, nostri ac DO_{II}17, haec sunt videlicet Willerii manus indicia.

Quibus argumentis definitio scriptoris DO 371 ab E. v. Ottenthal facta confirmata nobis esse videtur.

Dictatorem vero ut definiamus, pauca quae sequuntur, idonea fore speramus.

Formula invocationis (individuaeque), quam nostrum autographum dat, dictaminum Willerii propria est (conf. DO 243, 339, 356, 373, 408, 410, 413),¹ plerumque autem rara.² ItD pro individuaeque semper et individuae usurpat, ut plerique alii scriptores.

Verbum ordinante in intitulatione occurrit in DO 339, 356, 373, 408 a Willerio quoque scriptis vel dictatis. ItD pro ordinante — favente praefert (cf. DO 336, 341, 352, 364, 367, 372, 374).

Arenga nostri diplomatis multis in rebus respondet aliis ab eodem Willerio dictatis diplomatibus: aures serenitatis suae — DO 339; fidelium suorum (nostrorum) petitionibus — DO 339, 357, 413; et insuper DO 357 habet petitionibus maxime eorum, eadem scilicet, quae nostrum; promptiores et devotiores eos in suum effitiant famulatum — DO 339; promptiores et devotiores id efficere ad famulatum — DO 357.

In promulgatione DO 371 habet industria, raro (semel tantum in DO 401) a Willerio usurpatum, qui semper hoc loco universitas ponit (cf. DO 243, 339, 356, 373, 408, 413, 429); ab ItD autem e contrario — saepius industria (DO 336, 338, 341, 372, 374, 415).

Formula corroborationis DO 371 prorsus convenit aliis ab eodem Willerio dictatis (et scriptis) DO 356 et DO 373: anulum nostrum inferius imprimi iussimus; DO 243: affigi iussimus; DO 239,³ 339 et 408: affigi praecepimus. Quo in loco ItD impressione... insigniri iussimus praefert (cf. DO 335, 338, 352, 364, 367, 374, 384) vel iussimus sigillari (DO 336, 341, 372).

Subscriptio imperatoris (serenissimi augusti) in diplomate nostro respondet dictatis a Willerio DO 239, 356, 373, 410. Epitheton serenissimi respondet eidem in DO 274, 339, 407, 408. Alii (ItD etc) invictissimi vel magni et invictissimi malunt.

Subscriptio cancellarii in DO 371 respondet formulae cum a Willerio, tum ab aliis Italicis Ottonis I notariis usurpatae (Willerii: DO 243, 274, 339, 356, 373, 407, 408, 410, 413; ItD: DO 336, 338, 341, 352, 364, 367 etc; ItC: DO 368, 385, 389; ItE: DO 397, 402, 403, 407).

¹ Cf. quoque Diplomata IV, pag. 387, notas (Hessel).

² In DD_O praeter iamdicta occurrit in DO 248, protocolum cuius, ut Laschitzer-Iakseh putat, cuiusdam Privatschreiber est (Diplomata I, pag. 355—356) necnon in DO 251 dictato et scripto a LF (Diplomata I, pag. 359).

³ Hoc diploma ab ItB dictatum esse demonstravit E. v. Ottenthal in Mittheilungen des Instituts für oesterr. Geschichtsf., Ergänzungsband I, pag. 146—147.

Datum nostri diplomatis eodem modo constructum est, quo iam ineunte saeculo X notarii Italiae usi sunt, quique Willerio cum ItD et ItE communis apparet necnon cum nonnullis scriptoribus Germanicae cancellariae Ottonis I, quae in annis computandis eximiam Itatorum artem plerumque secuta est.

Quorum modo indictio post titulum imperatoris ponitur, cum plerique Ottonis I scriptores, quo in numero Italici — ItA (DO 256, 276), ItC (DO 257—265, 267, 271, 368, 379—381, 385, 389, 397) et ItF (DO 409), indictionem statim post annum ab incarnatione ponant.

Propria Willerii formula serenissimi augusti occurrit in datum, praeter DO 371, etiam in DO 243, 356, 373, 408, 410, sed abest apud ItD, qui piissimi caesaris mavult, aliosque eiusdem circuli Italici scriptores.

In partibus mediis diplomatis, in narratione scilicet et dispositione, ubi communia a singularibus minus facile separantur, illa styli Willerii indicia, quae aliis in diplomatibus ab E. v. Ottenthal¹ notata erant, non repperimus. Qua re tamen minime dubitandum credimus, quin DO 371 a Willerio dictari potuerit, cum illae res ab Ottenthal notatae haud omnium a Willerio dictatorum diplomatum propriae sint.

Non tam facile diiudicari potest, quales vel quantas partes dictandi DO 371 ItD obtinuerit, nisi iam (ut Ottenthal putavit) solus hic dictator fuerit.

Omnium discipulorum operisque Willerii sociorum ItD sane pessima litterarum latinarum peritia fuit minimeque in arte ethymologiae vel in verbis opportune eligendis versatus, si disciplinam eius cum norma saeculo X maxime usurpata comparamus. Praeterea et verborum conformatione et omni genere anacoluthiae diplomata ab eo dictata saepius peccare constat, illa praesertim, quae et scripta sunt ab eo.²

Qua ex parte DO 371 recensentes confirmare possumus plenissimam ethymologiae totius contextus eius constantiam, quod quidem minime mirandum arbitramur, cum ingrossatorem fuisse peritissimum Willerium sciamus.

Errorum autem syntacticorum exempla vel illius nonnunquam ItD propriae consuetudinis quasi transiliendi nimis festinanter necessarias enuntiati partes — haec quae sequuntur nostrum DO 371 praebet: per cartulas vinditionis... seu nostri... preceptorum paginis (pro paginas); sed nostra preceptali auctoritate corroborati et confirmati liceat eis... (pro corroboratis et confirmatis liceat eis vel corroborati et confirmati maneant et liceat eis...).

In numero autem proprietatum lexicarum duae voces DO 371 (datoribus et Pertimus) praeteriri non possunt.

Primam datoribus adeo inopinatam E. v. Ottenthal repperit, ut errorem esse declaraverit. Quae quidem iure rara agnoscenda est. Nam in

¹ Mitth. des Inst. f. österr. Geschichtsf., Ergänzungs. I, pag. 147.

² Cf. e. g.: DO 335, 336, 338, 352, 372, 396 atque Vorbemerkungen Th. v. Sichel ad DO 360, 371 et praecipue 396.

*actis saeculorum X — XI nequaquam occurrit, a Ducange autem alio quodam sensu legitur.*¹

Nihilo minus tamen a contextu DO 371 non aliena, sed prorsus idonea hic esse videtur, quod illam ipsam mentionem maiorum² vel pristinorum donatorum reddit, quam nimirum dictator voluit, cum aequaliter et congruenter nostri nostrorumque antecessorum... sibi suisque datoribus opponeret. Heredibus hoc loco ab Ottenthal haud prospere propositum esse putamus. Non enim de haeredibus, sed de antecessoribus tractatur.

Utrumque res se habet, hoc datoribus exemplum esse existimamus quadam ItD indocti audacia dignum.

Vox Pertimus adhuc Verum falso lecta, pariter, videlicet, nova adlata est. In actis enim ss. IX—XI nusquam occurrit neque a Ducange notata est. Cuius rectam formam impertimur in DO 352 repperimus ab ItD dictato, unico omnium a notariis eiusdem turmae Italicae dictatorum. Veri simile videtur hanc vocem quoque ab ItD audacius inventam esse, qui styllum sui temporis disciplinaeque non semper observare solitus est.

Notandum esse credimus pleonasmum quoque haud raro ab ItD usurpatum: ex his praenominatis... Si quis autem aliquis presumtor... (cf. DO 335—hos iamdictos..., superius praenotatis; DO 336—sui eiusdem, eidem ipsi etc).

Non potest denique omitti locutionem ad placitum ire cogat, pro redigat priorum editionum, a nobis restitutam, iterum in DO 387 ab eodem ItD dictato occurrere (ire compellat).³

Quibus omnibus rebus observatis opinio E. v. Ottenthal, qui dictatorem DO 371 ItD credidit, minus confirmata esse nobis videtur. Propius ad verum esse existimamus «minutam» solum diplomatis, in certis tantum definitisque partibus contextus, ab ItD incohatam esse, ultimam autem dictando manum a Willerio esse impositam parvis quidem vestigiis ItD retentis.⁴

Inter alia argumenta ad hanc quaestionem solvendam ab Ottenthal adlata id primo loco propositum apparet, quod ItD gravissimae DO 371 clausulae dictandae particeps fuisset.

Quae res accuratiorem disputationem desiderat, non solum quod ad ItD attinet, sed formulae ipsius causa, mirum quendam in modum ab editore MGH correctae.

In memoriam revocandum credimus diploma nostrum ea re inter alia multa eminere, quod singulari clausula Ingonem in ius vocari vetat, nisi imperatore praesente.

Otto I, cum tertio Italiam profectus esset, in Calabria moratus, archicancellario suo Huberto, episcopo Parmensi, suadente confirmavit dilecto

¹ Du Cange, *Glossarium*, t. III, Colpus-Ezz. Niort., 1884: in legibus Hoeli Boni, regis Walliae, cap. 15. Posterius—sensu «fideiussorum, sponsorum».

² Hoc quidem verbum sensum angustiores dat.

³ Quamquam semel in DO 357 quoque legitur a Willerio dictato.

⁴ Praesertim autem in parte a Concedimus et per hoc nostrum preceptum... usque ad Pönformel. Cf. quoque quae supra de industria in promulgatione dicta sunt.

fideli suo Ingoni *eiusque haeredibus possessiones in variis Italiae comitatibus iacentes, sed solitae immunitatis clausulae*, Huberto (ut Ottenthal putavit)¹ auctore hanc formulam addidit: vel (ne) legem eos facere instiget, nisi prenomatos viros eorumque heredes in nostra nostrorumque successorum presentia et in eorum prediis residentes in sua.

E. v. Ottenthal dubitavit, num ulteriora aliqua eiusdem generis exempla aut e saeculo X aut XI a se afferri possent.

Formulam ipsam rarissimam et singularem demonstrans, posteriorem interpolationem crediturus esset, nisi aliqua res in contextu diplomatis, in ultima praesertim eius parte (necnon, videlicet, in formula praedicta), dictaminis ItD propriae, contraria ei suaderent.

Re vera, saeculis X—XI, posterioribus ut opponantur temporibus, ius legis coram imperatore faciendae rarissime donatum esse constat. I. Ficker² sane necnon V. G. Waitz et Brunner³ ab eo laudati singula huius rei exempla iam Carolinorum temporibus commemoraverunt. E saeculo X Ficker praeceptum Lotharii imperatoris affert Waremundo datum; e saeculo autem XI—confirmationem bonorum Walae de Casale anni 1039⁴ et quoddam privilegium cremonense imperatoris Henrici aetatis.⁵

Addere possumus diploma Ottonis III anni 998, quo possessiones et iura Berifredi, diaconi veronensis, eiusque fratrum confirmantur his quoque verbis: Concedimus etiam eis ac perdonamus, ut nullius placitum custodiant nec ad legem faciendam se ante presentiam alicuius presentent nisi ante nos aut nostrum ducem, nec non homines et colonos terrarum eorum residentes et inhabitantes concedimus et donamus, ut ad nullius placitum vadant nec custodiant nisi tantummodo ante illorum presentiam.⁶ Diploma Conradradi II a. 1027 coenobio S. Petri, quod dicitur Celum aureum datum haud aliter iubet: Si quis vero aliquam querelam super aliquem eorum habet, non per se vindicare aut per aliquem legem requirere nisi per nos... presumat. Quamquam, ut DO_{III} 299 (supra dictum), addit: aut abbatem ipsius monasterii... vel per nostrum aut ipsius abbatis missum.⁷

Quae cum ita sint, rarissimum tamen huius modi privilegium saeculis X—XI fuisse refelli non potest.

Participem autem ItD clausulae, quam recensemus, conficiendae fuisse haud negantes, opinioni E. v. Ottenthal in optimo eius argumento assentiri nequeamus.

¹ Diplomata I, pag. 508, Vorbemerkung.

² I. Ficker, Forschungen zur Reichs- und Rechtsgeschichte Italiens, Innsbruck, 1868, Bd. I, pag. 288—289.

³ V. G. Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, Kiel, 1860, Bd. IV, pag. 411; Brunner, Zeugen und Inquisitionsbeweis der karolingischen Zeit, Wien, 1866—ex Sitzungsber. der kaiserl. Akademie, 51, 343.

⁴ Diplomata IV, pag. 386—388: DConr. II. 280—4 maii a. 1039.

⁵ Publicatum: Stumpf-Brentano, Die Reichskanzler vornehmlich des X, XI, und XII Jahrhunderts... B-d III, Innsbruck, 1865—1881, pag. 386—387: Henricus II imperator viduam Gonfaldam eiusque filium Rogerium in suam protectionem suscipit. Cf. L. Asteggiano, Codex diplomaticus Cremonae, t. I, Aug. Taurin, 1896, pag. 58.

⁶ Diplomata II, pag. 724—DO_{III} 299.

⁷ Diplomata IV, pag. 97—DConr. II. 75.

Qui cum affirmat: «wo es gilt für ausserordentliche Verfügungen erst eine Formel aufzustellen drückt er (i. e. ItD) sich unbeholfen aus» et insuper: «wiederfahrt eben diesem sehr oft aus der Construction zu fallen und für das Verständniss nothwendige Satztheile zu überspringen», addenda esse quaedam credidit formulae privilegii iudicarii et post residentes in sua uncis inclusit: legem facere volumus.¹ Quae nobis non solum inutilia, sed falso addita videntur his quae sequuntur rationibus.

1° Quod formulam ipsam ne... instiget legem facere, nisi... in nostra presentia (scilicet: instigaverit legem facere) evidenter claram esse existimamus nulla re addita; ItD igitur immerito hic vituperari.

2° Quod nullum aliud exemplum locutionis legem facere volumus in actis regum vel imperatorum ss. X—XI reperire potuimus.

3° Quod, si verba ab E. v. Ottenthal proposita addidissemus, maximam nos in dubitationem adductos esse videremus in ipso ordine actionis explicando.

Duas enim conditiones fingere possumus. Aut eam, ut imperator accusatione Ingonis permotus (seu sermone communicata seu litteris mandata) actionem contra Ingonem institui iubeat et imprimis hunc ad iudicium imperiale vocari.² Qua in re voluntatem imperatoris (legem facere volumus) declaratam esse constat, prius quidem momentum et causam ipsius volumus certo accusationem fuisse, unde et volumus ortum esse.

Quem ordinem rerum verba ab E. v. Ottenthal interposita non recte mutant: vel... instiget... nisi... volumus, i. e. prius volumus,³ deinde instiget, cum post volumus non ipse, qui petit, instigare possit, sed iam imperator per missum suum.

Alteram conditionem habuerimus, si instiget activiore quodam sensu interpretati simus. Nam fieri potuerit, ut Ingo ex communi consensu aut (quod maxime e virium vel auctoritatis comparatione pendeat) etiam necessitate coactus una cum petitore ad iudicium imperatoris venerit. Quod si acciderit, nulla re quod recensemus enuntiatum complere potuerimus, nisi verbis instigaverit legem facere, nequaquam tamen illis, quae ab editore MGH proposita erant.

Si denique legem facere volumus aliquid erga Ingonem valere possint (ne in nostro licet contextu), nomine tamen in suis prediis residentium haec verba prorsus non opportune inserta sint ea de causa, quod, ut residentes in

¹ In nota etiam presentia legem facere volumus addi posse declarat, cum presentia (corruptum in presertim) in utraque Ughelli editione adsit. Quod quidem errore scriptoris ortum esse videtur, qui Vaticani copiam describebat: pro Pertinus, quod statim post in sua legitur (in U vero sine ulla compensatione abest) legere potuit aut presentia aut presertim, et si hoc accidit, certo duplicatus est error ab eo scriptore, qui copiam Ughellio describens inane verbum presertim induxit.

² Cf. I. Ficker, o. c., Bd I, pag. 294; Bd IV, pag. 187: ex praecepto Frederici I imperatoris a. 1169—«nostra et ulterius successorum nostrorum vocatione ad iudicium evocentur». Hic ergo non solum ius coram imperatore respondendi confirmatur, sed hoc quoque, ut evocatio ipsa ad iudicium ab imperatore solo fiat. Unde in probabile evadet utrumque ius in usu non semper una coniunctum esse.

³ Unde ortum, nescimus.

terris Ingonis ad iudicium magistratum loci vocari possint, non imperatoris iussum, sed praesentia tantum Ingonis in iudicio res necessaria sit.

Quibus rationibus adducti sumus, ut praedicta, ab editore MGH interposita verba relinqueremus necnon ea, quae ab eodem de ItD conclusa erant, dimitteremus.

PRIVILEGIUM OTTONIS I

(Academia Scientiarum URSS n^o ИКДП V 642)

Otto I confirmat fideli suo Ingoni varia bona in comitatibus Bulgariensi, Laumellensi, Plumbiensi, Mediolanensi, Evoriensi, Papiensi, Placentino, Parmensi necnon ius legis in praesentia imperatoris faciendae.

F. Ughelli, Italia Sacra, Romae, 1647, t. II, pag. 202 (U_I); idem, Venetiis, 1717, t. II, pag. 158 (U_{II}).

I. Affò, Storia della città di Parma, Parma, 1792, t. II, pag. 358—359 (A).

Monumenta Germaniae Historica, Diplomatum regum et imperatorum Germaniae tomus I, pag. 508—510: DO 371 (M).

C || In nomine sancte individuae^a trinitatis. Otto^b divina ordiante providentia^c imperator augustus. Si fidelium nostrorum petitionibus,^d maxime illorum, qui frequenti conamine in nostrae^e fidelitatis obsequio desudant, aures || nostrae^e serenitatis accomodaverimus,^f promptiores et devociore^g eos circa nostrum famulatum effici non est ambiguum. Quocirca noverit^h omnium sanctaeⁱ dei aecclisiae^k fidelium nostrorumque^l praesentium^m scilicet ac futurorum industria, cum nos in Calabriaⁿ residebamus in confine atque planicie, que,^o est inter Cassanum^p et Petram Sanguinariam, ibique nostro imperiali iure nostris fidelibus tam Kalabris quamque omnibus Italicis Francisque atque Teutonicis^q leges praeceptaque^r ordinatim imponeremus,^s Hubertum, venerabilem sanctaeⁱ Parmensis aecclisiae^k episcopum et archicancellarium, nostram adiisse clementiam, quatenus Ingoni, nostro dilecto fideli suisque filiis, Huberto^t scilicet atque Ribaldo

^a AM et individue; U et individuae. Hic et inferius U habet ae ubique secundum usum nostri temporis. ^b U Otho. ^c U_I prudentia. ^d AUM petitionibus. ^e AM nostre.

^f AUM accomodaverimus. ^g AUM devotiores. ^h A noverint. ⁱ AM sancte. ^k AM ecclesie. ^l U omittit fidelium nostrorumque. ^m AM presentium. ⁿ U neque hic neque inferius usquam k habet. ^o AM planicie, que. ^p U Cassarum. ^q U Theutonicis.

^r AM preceptaque. ^s U imponeremus ordinatim. ^t U Uberto.

seu Obberto,ⁿ eorumque heredibus res et proprietates sibi quovis titulo-
 scriptionis seu hereditario^v nomine pertinentes infra regnum Italicum conia-
 centes nostra preceptali auctoritate confirmaremus et corroboraremus. Cuius
 precibus acclinantes^x et eius fidelitatem non minimam considerantes conce-
 dimus, donamus,^y largimur atque confirmamus per huius nostri praecepti^z
 paginam prefatis Ingoni suisque filiis eorumque heredibus omnem eorum
 hereditatem a patre vel a matre sibi dimissam seu omnes res et cortes^{aa}
 mercata et publicas functiones, quae^{bb} sibi tam hereditario nomine quam-
 que^{cc} etiam scriptis quibuscumque pertinere videntur coniacentes infra^{dd}
 regnum Italicum in comitatibus videlicet Bulgariensi, Laumelensi,^{ee} Plum-
 biensi,^{ff} Mediolanensi, Euoriensi, Papiensi, Placentini,^{gg} Parmensi, cortem
 scilicet de Berceto,^{hh} cortem de Ceretano,ⁱⁱ cortem de Uillanoua,^{kk} cum
 castro super se habente,^{ll} cortem de Graualona^{mm} cum castro Cassiolo et
 Creblado,ⁿⁿ cortem de Marinasco, cortem de Neutri^{oo} cum castro Uicogi-
 boin^{pp} et villam^{qq} Sazago seu infra civitatem Nouariensem^{rr} cortem de
 Ueratelmi^{ss} cum castro super se habente^{tt} et in Parmense cortem de Torto-
 liano simul cum castro, cortem de Staderiano cum castro et Uicoferdulf
 cum castro necnon ceteras^{uu} res et predia,^{vv} quae^{xx} infra pretaxatos comi-
 tatus adiacent cum omnibus adiacentiis et pertinentiis suis, ut habeant,
 teneant firmiterque possideant tam ipsi quam sui heredes nostra nostro-
 rumque successorum^{yy} vel omnium hominum^{yy} contradictione remota. Con-
 cedimus et per hoc nostrum preceptum confirmamus eidem Ingoni et suis
 filiis eorumque heredibus, ut ex his prenomatis cortibus seu ex cunctis
 ceteris rebus per cartulas^{zz} vinditionis, donationis, iudicati seu nostri nostro-
 rumque antecessorum preceptorum paginis sibi suisque datoribus^{aaa} adqui-
 sitis cum omnibus adiacentiis et pertinentiis^{bbb} nullus invadere se^{ccc} temptet
 aut eos disvestire^{ddd} presumat, sed nostra preceptali auctoritate corroborati
 et confirmati^{eee} liceat eis predictas res habere, tenere et quiete possidere
 sublata omni controversia. Concedimus etiam^{fff} et per hunc^{ggg} preceptum

ⁿ U Oberto. ^v U iudiciario. ^x AUM acclinantes. ^y U atque largimur
 confirmamusque. ^z AM precepti. ^{aa} U hic et ubique inferius: curtem — es etc.
^{bb} AM que; U iure. ^{cc} U quam. ^{dd} A iuxta. ^{ee} AUM Laumellensi. ^{ff} U Plombiensi.
^{gg} M Placentino. ^{hh} U Berceto. ⁱⁱ U Cerretano. ^{kk} AUM cortem Villanove (ae).
^{ll} AM habentem. ^{mm} U Gravalina. ⁿⁿ U Casiollo et Trebaldo. ^{oo} AM de Neviri; U de
 Benento; in M nota: «wohl Neviano». ^{pp} UM Vicoboin; in M cum nota: «jetzt Vicopò bei
 S. Lazaro». ^{qq} AM villa. ^{rr} UI Novarenses; UII Novarenses. ^{ss} AM Verietelim;
 U Deveratelim. ^{tt} AUM Parmensi. ^{uu} U terras (pro ceteras). ^{vv} Omnia pre-(prae-), quae
 inferius occurrunt, in autographo abbreviata sunt (p), praeter preceptum in Concedimus et
 per hoc... ^{xx} AM que. ^{yy-yy} U post remota. ^{zz} U chartulas. ^{aaa} M cum nota:
 «vielleicht heredibus». ^{bbb} AUM pertinentiis suis. ^{ccc} AUM invadere temptet.
^{ddd} UII seu disvestire. ^{eee} U confirmati et corroborati. ^{fff} U enim. ^{ggg} U hoc.

confirmamus, ut nullus dux, marchio, comes, vicecomes, sculdassio,^{hhh} gastaldio seu magnaⁱⁱⁱ parvaque regni nostri^{kkk} persona prenominatum Ingonem suosque filios eorumque heredes seu homines in eorum prediis residentes ex his^{lll} prenomina^{tis} cortibus et rebus prefatis viris^{mmm} pertinentibus aliquam publicam functionem seu teloneum tollere presumat aut ad placitum ire cogatⁿⁿⁿ vel legem eos facere instiget nisi prenomina^{tos} viros eorumque heredes in nostra nostrorumque successorum presentia et in eorum prediis residentes in sua.^{ooo} Pertimus^{ppp} etiam advocatos habere et per inquisitionem res suas defendere et ablatas sibi acquirere et si monimina chartarum^{qqq} quovis ingenio perdiderint, hac nostri precepti pagina corroborati investiti maneant et confirmati nostra largitione abita legaliter defendant et ablata legali examinatione requirant omnium hominum eradicata controversia. Si quis autem aliquis presumptor de supradictis cortibus vel rebus eos disvestire aut inquietare sine legali iuditio temptaverit^{rrr} seu aliquem censum vel servitium de omnibus prefatis sine illorum dono acceperit aut quoque^{sss} modo huius nostri precepti violator extiterit, sciat se compositurum auri optimi libras centum, medietatem kamere, nostrae^{ttt} et medietatem pretaxatis viris^{uuu} eorumque heredibus. [Quod]^{vvv} ut verius credatur diligentiusque ab omnibus^{xxx} observetur, manu propria roborantes anulum nostrum inferius imprimi iussimus.

|| Signum domni Ottonis^{yyy} (*M*) serenissimi augusti (*SD*).

Ambrosius cancellarius advicem Huberti episcopi et archicancellarii recognovit et subscripsit.^{zzz} ||

Data .XIII. kl. mai a[nno dominice inca]rnationis^α .DCCCCLXVIII. anno vero domni Ottonis serenissimi augusti .VIII. indictione .XII. Actum in Kalabria in suburbio Cassano. In dei nomine feliciter. Amen.

^{hhh} *U* schaldasio. ⁱⁱⁱ *U* seu aliqua magna. ^{kkk} *AUM* nostri regni. ^{lll} *U* ex iis.
^{mmm} *U* iuris. ⁿⁿⁿ *AUM* ad placitum redigat. ^{ooo} *M* addit [legem facere volumus];
U et in eorum praediis in sua presertim. ^{ppp} *AM* Verum; *U* advocatos habere etiam.
^{qqq} *AM* chartarum; *U* munimine chartarum. ^{rrr} *AUM* iudicio tentaverit. ^{sss} *AUM*
quoquo. ^{ttt} *AM* kamere nostre. ^{uuu} *U* iuris. ^{vvv} *Actate contritum, vix legitur.*
AUM Et. ^{xxx} *U* omittit ab omnibus. ^{yyy} *U* domini Othonis. ^{zzz} *U* omittit et sub-
scripsit. ^α *Evulsa cum parte marginis.*

ИМПЕРАТОРСКИЙ ДИПЛОМ IX ВЕКА В СОБРАНИИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

С. А. АННИНСКИЙ

Доныне известно было всего одиннадцать подлинных королевских и императорских актов Гвидо¹ (за 890—894 гг.), т. е. около трети всех его актов, о которых вообще есть сведения, и примерно половина общего числа дошедших до нас.²

Публикуемый ниже документ является двенадцатым подлинным дипломом Гвидо. Он входит ныне в состав большой коллекции западноевропейских актов, принадлежащей Академии Наук СССР,³ и в серии императорских дипломов IX—XI вв. представляет единственный для этой коллекции образец актов Гвидо.

Текст его известен давно. Впервые опубликованный Угелли и перепечатанный во втором издании *Italia Sacra*⁴ он был заимствован отсюда I. Neumann'ом⁵ и G. Porro-Lambertenghi,⁶ не раз упоминается и цитируется Муратори,⁷ а в 1906 г. вновь критически издан Л. Скиапарелли

¹ О Гвидо см. напр.: Th. Wüstenfeld, Ueber die Herzoge von Spoleto aus dem Hause der Guidonen в *Forschungen zur deutschen Geschichte*, III, Göttingen, 1863, стр. 383 и сл. — Ernest Dümmler, *Gesta Berengarii imperatoris, Beiträge zur Geschichte Italiens im Anfange des zehnten Jahrhunderts*, Halle, 1871, стр. 20—35. Также: *Geschichte des Ostfränkischen Reichs*, III, Leipzig, 1888. — Ludwig Schirmeyer, *Kaiser Lambert*, Göttingen, 1900.

² Istituto storico Italiano, *Fonti per la storia d'Italia, I diplomi di Guido e di Lamberto a cura di Luigi Schiaparelli*, volume unico, Roma, 1906, стр. VII, 3—56, 63—68.

³ Институт Истории: н^о ИКДП. V. 643. Ранее входил в коллекцию Н. П. Лихачева. Где и когда им приобретен, установить не удалось.

⁴ F. Ughelli, *Italia Sacra*, t. II, Romae, 1647, col. 191; Idem, t. II, Venetiis, 1717, col. 151.

⁵ I. Neumann, *De re diplomatica imperatricum augustarum et reginarum Germaniae*, Norimbergae, 1749, appendix I, стр. 443 (из 2-го издания *Italia Sacra*).

⁶ *Historiae patriae monumenta*, t. XIII, Augustae Taurin, 1873: G. Porro-Lambertenghi, *Codex diplomaticus Langobardiae*, col. 579, н^о CCCXLVIII (из 2-го изд. *Italia Sacra*).

⁷ L. A. Muratori, *Antiquitates Italicae medii aevi*, t. III, Mediolani, 1740, col. 46 (о дате и печати); t. VI, ibidem, 1742, col. 339 (цитата из *Italia Sacra*); *Rerum Italicarum scriptores*, Mediolani, t. II, pars I, 1723, pag. 416 (о дате); *Annali d'Italia a. 891*, V, 196 (цитата).

с привлечением всех прежних изданий и всех известных списков (обозначен у Скиапарелли: G 6).¹ Ни Угелли, однако, ни последующие издатели не имели в руках оригинала.² Основой всех доныне зарегистрированных копий G 6 и всех его изданий Л. Скиапарелли считает копию XVII в., сохранившуюся в ватиканской рукописи *Privilegia ecclesiae Parmensis*. Ее же текст взят за основу и в превосходном издании самого Скиапарелли.

Наш экземпляр представляет собою белый, хорошей выделки пергаменный лист выс. 42 см × шир. 45.8 см, с загибом нижнего поля на 1.2—1.8 см. Сохранность — ниже средней. В горизонтальном направлении документ имеет следы двух складок, в вертикальном — пяти. На складках сильно истерся, почти все углы складок протерлись насквозь с утратой небольших частей написанного. По краям пергамен имеет 19 отверстий со следами старой ржавчины, видимо, от гвоздей, когда-то прикреплявших его к доске. Печати (вислой) нет, а в середине нижнего края сохранился небольшой остаток простого шнура от печати.

Текст имеет двенадцать строк, из коих первая и одиннадцатая (кроме первого слова) написаны удлинненными буквами. Чернила везде одинакового черного цвета с красноватым оттенком, за исключением *recognitio* (см. ниже). Линии строк, кроме двух нижних, намечены были сухим острием; первая строка обозначена двумя такими линиями (верх и низ).

In dorso надписи: 1) *Privilegium immunis* (?) — примерно XIV века; 2) G стерто; 3) *Imp. preceptum de sancta Agatha. In Papia.* (м. б., X века); 4) f — готич. минуск.; 5) VIII. LXXXI; 6) R^{tum}.

Внешность диплома, материал, размеры, изящная и выдержанная графика, типичная для каролингских канцелярий IX в., и ряд частных деталей, сразу бросающихся в глаза, создают непосредственное впечатление подлинности.

Проверить это впечатление наиболее простым путем мы не можем за отсутствием необходимых для сличения других подлинников или факсимиле актов Гвидо. Тем не менее, пользуясь весьма точными данными превосходного палеографического анализа, произведенного Л. Скиапа-

¹ Op. cit. (Далее: I diplomati etc), стр. 13—16, n° 6. Скиапарелли указывает следующие списки G 6: 1) копию XVII в. (бумага) в рукописи *Privilegia ecclesiae Parmensis* в Ватиканском архиве; 2) в *Monumenta Ughelli* в библиотеке Барберини; 3) в *Miscellanea storica* — Gozzi в *biblioteca Reale Palatina* в Парме.

² Можно предполагать, что подлинник G 6 хранился в архиве Пармского капитула, как и некоторые другие акты Гвидо (G 4, G 5, G 7), но уже к пол. XVII века, его, очевидно, там не было.

релли¹ по другим оригиналам Гвидо, мы можем прийти к достаточно определенным выводам.

Диплом G 6, подтверждающий, по представлению пармского епископа Викбода, императрице Агельтруде прежде дарованные ей права на монастырь св. Агаты в Павии, носит скрепу нотарию Годерада за архиканцлера Гельбунка (*Goderadus notarius advicem Helbunci archicancellarii recognovi*). Такую же скрепу имеют и G 4, 5, 7, 11, 12, 18. По почерку, однако, все эти дипломы не совершенно (вернее не все и не во всех частях) тождественны, так как написаны (как это и вообще чаще всего бывало) не самим Годерадом,² а тем или другим из младших писцов канцелярии, обычно остающихся неизвестными нам по имени. Таких писцов у Годерада было два: Скиапарелли обозначает их *Goderadus A* и *Goderadus B*. Первый из них наиболее интересен для нас не только потому, что он участвовал в оформлении большинства известных нам дипломов со скрепой Годерада и, несомненно, был образцом для всей канцелярии Гвидо, но потому, в особенности, что именно им, очевидно, написан и наш G 6.³

Наш диплом дан 21 февраля 891 г., в день коронования Гвидо императорской короной в Риме (*impregii illius die prima*).

Точно так же датированы еще три, сохранившихся в подлиннике, диплома: G 4, G 5, G 7, как сказано уже, скрепленные Годерадом. Из них G 4 написан Годерадом A, за исключением *recogniito*, принадлежащего лично нотарию Годераду; G 5 целиком написан Годерадом A, а в G 7 ему принадлежит *recognitio* и *datatio*. В диктате G 4, 5, 6, 7 наблюдается чрезвычайное сходство, близкое к тождеству.⁴ Естественно предполагать участие Годерада A в изготовлении и нашего диплома.

Каково же было это участие? Написан ли весь диплом его рукой, как G 5, или только в части, как G 4 и G 7, и в какой именно части?

¹ *Bulletino dell'Istituto storico Italiano*, n° 26, Roma, 1905, стр. 7—104: L. Schiaparelli, *I diplomi dei re d'Italia, Ricerche storico-diplomatiche*, parte II, *I diplomi di Guido e di Lamberto* (далее: *Ricerche II*).

² Его автографом Скиапарелли считает лишь *recognitio* в G 4. См. *Ricerche II*, стр. 20.

³ Скиапарелли так характеризует *Goderadus A*: «*Goderado A scrive in tutti i diplomi a noi giunti, riconosciuti dal notaio Goderado, più in uno (n° 10) riconosciuto dall'arcicancelliere Elbungo; si aggiunga che egli come osservai or ora, segue nella scrittura la scuola di Goderado; mentre è lo scrittore più attivo della cancelleria (su undici originali in sette troviamo la sua mano), può dirsi anche lo scrittore di fiducia del notaio Goderado*». И далее: «*Negli altri scrittori si risente o si ritrova il tipo di scrittura dei diplomi eseguiti da Goderado A e tale scrittura può considerarsi come quella più caratteristica propria della cancelleria di Guido*». . . «*I diplomi dello scrittore Goderado A sono i migliori, a noi giunti, usciti dalla cancelleria di Guido*». (*Ricerche II*, стр. 20—21.)

⁴ *Ricerche II*, стр. 69—72.

В пользу первого предположения говорит полное единообразие почерка на всем протяжении документа. Что касается, однако, цвета чернил, то в *recognitio*, а может быть, и в *Datierungszeile*, они светлее, чем во всех прочих местах. Вместе с тем, нельзя не заметить, что и высота удлинненных букв в *recognitio* (1.5 см — 1.6 см) несколько больше, чем в строке протокола (1.1 см — 1.3 см), что между прочим отмечено Скиапарелли в числе признаков подлинной *recognitio* нотариуса Годерада (в G 4).¹

Едва ли, однако, в нашем случае эти наблюдения могут обещать какой-либо определенный вывод,² так как в почерке *recognitio* мы не только не находим специфических признаков почерка Годерада нотариуса, указываемых Скиапарелли (форма букв *a*, *b*, *e* и курсивной лигатуры *et*), но и вообще не видим отличий от остальных частей диплома, если не подчеркивать (может быть, и кажущейся) несколько большей, чем в строке протокола, сочности отдельных штрихов.

Наоборот, специальные признаки почерка Годерада А, перечисленные у Скиапарелли,³ вполне соответствуют графическим данным нашего G 6 во всем его контексте.

Хриск имеет форму *labarum*. *Signum recognitio* в виде колокола, без тиронских знаков, имеет справа *signum speciale*, точно соответствующий факсимиле у Скиапарелли. Удлинненное письмо не слишком сжато и весьма правильно.⁴ Как и в G 10, по недостатку места, *recognitio* уместается в одной строке с *signatio*. Начертания отдельных букв столь же точно подходят под описание Скиапарелли. Курсивное *a* в большинстве случаев открытое, изредка в виде *ss*; закрытое — в 12 случаях; в дате — закрытое унциальное *a*; *o* в удлинненном письме небольшое, но с гребнем, достигающим до верхнего уровня *Gitterschrift* и соединяющим *o* со следующей за ним буквой; в тексте малое *o* везде с небольшим гребнем; в дате — обычное *o* книжного минускула; *e* — двух видов, отмеченных у Скиапарелли; дифтонг *ae* — в виде лигатуры встречается всего однажды (*ecclesiae* — во 2-й строке),⁵ вообще же — в виде двух отдельных букв, изредка в виде *e*. Союз *et* и слог *et* в составе слова почти всегда пишутся в виде лигатуры *c* (с гребнем) и *t*; лишь в пяти случаях, вместо этого, видим лигатуру *&*,

¹ Ricerche II, стр. 20—21. Отметим, впрочем, что некоторые колебания высоты букв *Gitterschrift*, при сравнении начала и конца строки, имеются и в строке протокола (1.1 см — 1.3 см) и в строке, объединяющей в G 6 *signatio* и *recognitio* (1.3 см — 1.6 см).

² По крайней мере, без сличения с другими подлинниками.

³ Ricerche II, стр. 21—23.

⁴ О высоте букв в *recognitio* см. выше.

⁵ Строки везде указываем по оригиналу (см. факсимиле).

в том числе однажды для союза *et*, что Скиапарелли отметил только в G 11. Верхи *b*, *d*, *l* изгибаются вправо; *s* и *f* с «глазком» вверху и склонением вправо верхнего конечного штриха; *d* иногда с открытым сверху «глазком», со стволом, опускающимся под строку и заканчивающимся небольшим горизонтальным штрихом; *p* с гребнем и открытым сверху «глазком»; *c* с гребнем, имеющим «глазок» и склоняющийся влево конечный штрих; *i* иногда поднимающееся над строкой и *r* опускающееся под строку; сокращение окончаний *-nus* — в виде *m* с перечеркнутым горизонтальным продолжением третьего ствола; такое же сокращение *-nus* в слове *archicapellanus*. Унциальные и капитальные элементы в *Datierungszeile*: *D* в цифре года, в слове *indictione*; рустичное *A* в *Anno (bis)*; закрытое унциальное *a*; *N maiusc.* в *amen* наш G 6 не имеет, так как *amen* дано в сокращении, но такое, примерно, *N* есть в первой строке контекста, в наименовании монастыря *Nouum constructum*. Знак аббревиатуры, как указано у Скиапарелли, либо (чаще) в виде 8, открытого сверху, либо — в виде небольшой, иногда (в дате) наклонной черты.

Наличие всех этих признаков в нашем экземпляре позволяет считать инgrossатором его Годерада А. Что касается *recognitionis*, то, не высказываясь решительно, мы все же не склонны были бы предполагать и здесь другого писца.

В числе прочих внешних данных G 6 необходимо отметить полное совпадение начертания императорской монограммы в нашем экземпляре с типом ее, показанным у Скиапарелли, и наличие в ней, правда не очень отчетливого, знака фирмации (короткая черточка, соединяющая конец горизонтальной линии, идущей от среднего ромбовидного *O*, со стоящим справа *I*). Затем, слово *subscripti* в *recognitio* — в виде одного *s*, включенного в рисунок SR. Наконец, след шнура от буллы, соответственно *corroboratio* и практике императорской канцелярии Гвидо.

Что касается формул текста и диктата G 6, то тут нам почти нечего прибавить к исчерпывающему анализу Скиапарелли.¹

Наличие в подлиннике непоследовательного, но, видимо, свойственного диктатам Годерада сочетания: *Ageltrudi imperatrici consortem* (2-я строка) совершенно правильно угадано Скиапарелли на основании G 21, следующего диктату G 6. Так же правильно восстановлены слова: *pietate* (3-я строка), *quoque* (4-я строка) и *persolvendum* (9-я строка). Единственное, в чем, оказывается, лучше было следовать (как в других случаях)

¹ Ricerche II, стр. 30 и сл.; 69—73.

тексту G 21, это в выражении: dilectissimae uxori nostrae Ageltrudi, замененном в ватиканской копии и у Скиапарелли словами: dilectissime coniugi Ageltrudi.

*

Все вышеизложенное, нам кажется, подтверждает наше мнение о подлинности принадлежащего Академии Наук СССР экземпляра и вместе с тем подтверждает нашу обязанность опубликовать документ.

ДИПЛОМ ИМПЕРАТОРА ГВИДО,
ПОДТВЕРЖДАЮЩИЙ ПОЖАЛОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЕ АГЕЛЬТРУДЕ
МОНАСТЫРЯ СВ. АГАТЫ В ПАВИИ

891 г.

Рукописи: копия (бум.) XVII в. в рукописи Ватиканского архива: *Privilegia ecclesiae Parmensis*. — *Monumenta Ughelli* в библиотеке Барберини. — *Gozzi Miscellanea storica* в Biblioteca Reale Palatina di Parma. — Оригинал — в Академии Наук СССР: Институт Истории: н^о ПКДП. V. 643.

Издания и упоминания: Ughelli, *Italia sacra*, II, 1^е изд., стб. 191, 2^е изд. стб. 151. — Heumann, *De re diplomatica imperatricum*, appendix I, 443. — *Codex diplomaticus Langobardiae*, сmp. 579, н^о CCCXLVIII, изд. Porro Lambertenghi. — *I diplomi di Guido e di Lamberto*, a cura di L. Schiaparelli, сmp. 13.¹ — L. A. Muratori, *Rerum Italicarum Scriptores* II, ч. I, 416; *Antiquitates Italicae* III, 46; VI, 339; *Annali*, а. 891, V. 196. — Dümmler, *Urkunden der italienischen und burgundischen Könige* в *Forschungen zur deutschen Geschichte* X, 277. — Robollini, *Notizie appartenenti alla storia della sua patria*, II, 44. — L. Schiaparelli, *I diplomi di Guido e di Lamberto e I diplomi dei re d'Italia. Ricerche storico-diplomatiche*, p^{te} II. См. *Bulletino dell'Istituto Storico Italiano* н^о 26, Roma, 1905, сmp. 69 и сл. и passim.

Ресекты: Böhmer н^о 1271; Dümmler н^о 4.

C^a || In nomine sanctae et individue^b trinitatis. Uuido^c divina favente clementia imperator augustus. Omnium fidelium nostrorum praesentium^d scilicet et futurorum comperiat sollertia,^e quia Unicbodus, sanctae^f Parmensis || ecclesie venerabilis episcopus et archicapellanus,^g deprecatus est celsitudinem nostram, ut dilectissimae^h coniugi nostraeⁱ Ageltrudi imperatrici et consortem^k imperii nostri, monasterium in honore sanctae Agathe,^l quod

¹Ниже в сносках S.

^a S. отсутств. ^b S. sancte et individue. ^c S. Vuido. ^d S. presentium. ^e S. sollertia.
^f S. Unicbodus sancte. ^g S. archicapellanus. ^h S. dilectissime. ⁱ S. nostre. ^k S. consorti
с оговоркой в примечании о вероятности в подлиннике — consortem по аналогии с другими дипломами того же формуляра. ^l S. honorem sancte Agathe.

dicatur Nouum constructum, situm Ticinensi civitate,^m quam per preceptumⁿ regale illi concesseramus, pietate^o et auctoritate nostra ei confirmaremus. Nos vero eius precibus optemperantes^p decrevimus ita fieri. Concedimus igitur et confirmamus dilectissime uxori nostrae Ageltrudi^a heredibus^r q[uoque] hac^s proheredibus suis monasteriu[m] su^uperius^t insertum cum omnibus ad[iacentiis]^u et pertinentiis iuste et legaliter ad eum^u pertinentibus seu aspicientibus^v in singulis fundoris et locis, servis et ancillis, utriusque sexus familiis, aldionis, aldionabus, terris, vineis, campis, pratis, silvis, aquis aquarumque decursibus, coltis et incoltis,^x mobilibus et immobilibus vel quicquit^y ad ipsum monasterium [per]tinere^t iuste et legaliter dinoscitur, omnia omnino in integrum. Et iussimus ei hoc nostrae^z auctoritatis preceptum inde conscribi, per quod decernimus atque iubemus, ut deinceps de supranominatis rebus ipsa suiue heredes^{aa} ac proheredes habeant potestatem iure hereditario habendi, tenendi, fruendi, vendendi, commutandi et nostra imperiali largietate^{bb} et auctoritate plenissima, sicut lex et iustitia est unicuique homini de suis propriis facere rebus. Quicumque autem huius nostre munificentiae^{cc} violator vel inuasor extiterit, aut aliq[ua]^m violentiam inferre presumpserit, .C. libras auri optimi culpabilis habeatur in pers[olvendu]m,^d medietatem palatio nostro et medietatem prefate^{ee} Ageltrudi suisque heredibus^{ff} vel cuicumque easdem res ei placuerit distribuere. Et ut presens hec^{gg} largitio nostra^{hh} in sua permaneat firmitate et ut verius credatur et diligentius ab omnibus observetur, manu propria subter firmavimus et bulla nostra sigillari iussimus. || Signum (M) domni Uuidonis, excellentissimi imperatoris. Goderadus notarius advicem Helbunci archicancellarii recognoviⁱⁱ et SR.ⁱⁱ ||

Data .VIII. kalendas martii indictione .VIII. anno incarnationis domini .DCCC. XCI. regnante domno Vuidone in Italia anno regni eius .III. imperii illius die prima. Actum Romaⁱⁱ in dei nomine feliciter. Amen.

^m S Ticinensi in civitate. ⁿ S preceptum. ^o S [pietate]. ^p S obtemperantes.
^q S dilectissime coniugi Ageltrudi. ^r S heredibus. ^s Протерлось на складке. S quoque ac.
^t Протерлось на складке. ^u S ei. ^v S aspicientibus. ^x S cultis et incultis. ^y S quicquid
^z S nostre. ^{aa} S heredes. ^{bb} S largitate. ^{cc} S munificentie. ^{dd} Протерлось на
складке. S [in persolvendum]. ^{ee} S prefate. ^{ff} S heredibus. ^{gg} S hec. ^{hh} Над строкой.
S омычмаем. ⁱⁱ⁻ⁱⁱ S омычмаем. ^{kk} S non. ^{ll} S Rome.

**S. ANNINSKY. DIPLOMA DI GUIDO APPARTENENTE ALL'ACCADEMIA
DELLE SCIENZE DELL'URSS**

Finora si conoscevano soltanto undici autentici diplomi reali ed imperiali di Guido (degli anni 890—894).

Il documento qui pubblicato (nell'edizione di L. Schiaparelli esse è registrato G 6) viene dunque ad essere il dodicesimo di questa breve lista. Esso entra ora nell'ampia collezione degli atti europei occidentali appartenente all'Accademia delle Scienze dell'URSS.

Il testo di questo documento è conosciuto da molto tempo et è stato più di una volta pubblicato e rammentato nella stampa. Ma nè Ughelli, nè Heumann, nè Porro-Lambertenghi, nè L. Schiaparelli non disponevano dell'originale che sul principio si trovava probabilmente nell'archivio del capitolo di Parma, ma verso la metà del secolo XVII vi spari.

L'originale accademico rappresenta un foglio bianco di pergamena ben lavorato, l'altezza di cui è di 45 cm e la larghezza di 45.8 cm colla piega della margine inferiore di 1.2 cm — 1.8 cm. Il suo stato attuale di conservazione è mediocre. Nella direzione orizzontale il detto documento porta le tracce di due pieghe, nella direzione verticale di cinque. Lungo queste egli si è sciupato di molto: quasitutti gli angoli di esse sono traforati a giorno colla perdita di una parte dello scritto. Sull'orlo la pergamena ha 19 buchi colle tracce di ruggine antica che, come pare, è dovuta ai chiodi che una volta fissavano il documento al tavolo. La bulla non esiste, ma nel mezzo dell'orlo inferiore si è conservato un piccolo resto di un cordone ordinario che apparteneva alla bulla.

Il testo ha 12 righe: la prima e l'undicesima (tranne la prima parola) sono scritte colle lettere allungate.

L'inchiostro è dappertutto di color nero uguale col riflesso rossastro, fuori del recognitio e datatio, dove esso è più chiaro.

Le linee delle righe, tranne due inferiori furono tracciate con una punta asciutta.

In dorso esistono le iscrizioni: 1) Priuilegium ... munis (?) — presso a poco del secolo XIV; 2) G; 3) Imp. preceptum de sancta Agatha in Papia — forse del secolo X; 4) f — minusc. gotica; 5) VIII. LXXXXI; 6) R^{tum}.

Conformamente agli altri tre diplomi di Guido (G 4, G 5, G 7), che si sono conservati nell'originale, anche l'esemplario accademico G 6 è dato il 21 di Febbraio nell'anno 891 e riconosciuto dallo notaio Goderado advicem Helbunci archicancellarii. Come questi tre diplomi sono scritti interamente od in parte dallo scrittore, che Schiaparelli assegnava Goderado A, si può suporre che quest'ultimo ha preso parte anche nella creazione del G 6, tanto più che nel dettato di tutti i quattro diplomi si osserva una grande rassomiglianza.

Questa questione si può risolvere con una precisione sufficiente, anche non avendo la possibilità di confrontare l'originale accademico cogli altri originali od il facsimile di Guido, servendosi dell'ottimo analisi paleografico eseguito da L. Schiaparelli.

L'uniformità intera della scrittura su tutta la distesa del documento e la corrispondenza assoluta di tutte le sue particolarità con tutti gli indici di Goderado A dati da L. Schiaparelli, ci autorizzano di ammettere che appunto Goderado A è l'ingrossatore del G 6 accademico.

Fanno nascere qualche incertezza i due fatti seguenti: 1° il colore dell'inchiostro nel recognitio e nel datatio è più chiaro che nel tutto il resto del documento; 2° l'altezza delle lettere allungate del recognitio (1.5 cm — 1.6 cm) è un poco più grande che nella riga del protocollo (1.1 cm — 1.3 cm), ciò che fra altro L. Schiaparelli notò come una degli indici del recognitio autentico di Goderado notaio.

È dubbio però che nel caso attuale queste osservazioni possono permettere una precisa deduzione qualunque (almeno senza fare il confronto cogli altri originali) perchè nella scrittura del recognitio G 6 non solo non si possono notare gli indici specifici della mano del notaio Goderado, osservati da L. Schiaparelli, ma neanche qualche altre di divergenze colle altre parti del diploma.

ИЗ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

А. Ф. ВИШНЯКОВА

Греческие рукописи, особенно позднего времени, изобилуют сокровенными (криптографическими) письменами. Интерес к таким письмам ведет свое начало от Montfaucon'a, основателя палеографии.

Долгий период времени (больше двух столетий), прошедший со времени издания первого палеографического труда, далеко расширил поле наблюдений над тайнописной литературой.

Новые области письменности вошли в сферу ученых интересов, а вместе с тем многие виды известной уже и при Монфокоме письменности стали изучаться под другим углом зрения. Сюда относится и так называемая магическая, давно умершая в быту, литература, изобилующая сокровенными написаниями, от которой история знаний, наука, возникшая в XX веке (личный подвиг G. Sarton'a), повела свои исследования над историей экспериментального знания (см. Lynn Thorndike, *A history of Magic and Experimental science*, 2^d, New York, 1929, и Singer, *From Magic to science*, 1930).

Развитие изучения истории алхимии (*Catalogue des mss alchimiques grecs*), предпринятое химиками и начатое великим Berthelot, вызвало к жизни исследование алхимических знаков (прототип принятых химией обозначений) и оказалось, что эти знаки, история которых есть история самой химии в средние века, связаны с чисто магическими знаками, получившими в специальной литературе название Brillenbuchstaben.

Сами Brillenbuchstaben оказались весьма интересными для уразумения различных культурных течений (даже и конца античности).

Таким образом, литература, вмещающая криптографические письмена, в настоящее время широко изучается.

Нечего и говорить, что та письменность, о которой идет теперь речь, имеет и специальное литературное значение, открывая новые страницы в истории слова и языка.

Эта богатая тайнописная литература представляет особенный интерес для построения цельной истории письма, она заполняет пробелы палеографии и в настоящее время вырастает в новый палеографический отдел.

Этой теме и посвящается настоящая статья. Обращаемся к сокровенным письмам.

Одни из этих писем изображены специальными, до сих пор еще не вполне раскрытыми знаками, встречающимися не только в греческих, но и в арабских и еврейских рукописях. Начало в уяснении этих знаков положено остроумным исследованием арабиста Н. Winkler'a¹ в 1930 г.

Наши слависты пытаются сравнить эти знаки с глаголическим письмом.²

Второй вид криптографии — это подлинный греческий алфавит, но своеобразно измененный: буквы перевернуты, стилизованы. Приводимый снимок из рукописи Ленинградской Публичной библиотеки 646,³ f 17 (рис. 1) дает нам сразу эти оба типа тайнописи. Своеобразные изменения греческого криптографического алфавита из рукописи 646 до сих пор нигде не отмечены в палеографической литературе.

из κρίσιν ἑπαρον χартίν αἰενίτον καὶ γράφε τες κάτωθεν χαρακτίρας.
ἑτερον φιλακτίριον ἑπαρον χартίν αἰενίτον γράφε με γγινάβαρι ὅταν ι

Магические знаки, интересовавшие Winkler'a, приведены в первых строках снимка. Алфавит представляет следующее преобразование обычных греческих букв:

α = I	ε = [	ι = ν	ν = Γ	ρ = Ъ	φ = М
β = II	ζ = И	κ = Н	ξ = Ш	σ =]	χ = Т
γ = l	η = ν	λ = σ	ο = ω	τ = 1	ψ = ϕ
δ = Λ	θ = ο	μ = П	π = II	υ = ν	ω = ω

Третий вид — это тот же греческий алфавит без всяких графических изменений, но с новым обозначением букв. Редко криптография такого типа содержит сокровенное по смыслу, для палеографа она представляет тот интерес, что в этой криптографии часто скрывается запись даты. Образец приводится в конце статьи.

¹ Н. Winkler. Siegel und Charaktere in der muchammedanischen Zauberei, 1930.

² Об этом сообщал на одном из докладов Славянской комиссии акад. П. А. Лавров в 1930 г.

³ Рукопись Публ. библ. № 646 XVIII в., дар Публ. библ. Лобанова-Ростовского, прежде принадлежала Чин-Трайкову, пострадавшему от турок, поднятых против него греческими клириками.

Четвертый способ — сокращенное написание собственных имен — открыт и исследован Л. Траубе в знаменитом труде «Nomina sacra», 1907. Этот способ уясняет нам историю написания слов под титулом; в поздних

Рис. 1. Рукопись Ленингр. Гос. Публ. библ. № 646.

рукописях от этого приема сохранилось немного, но самое древнее и самое характерное — изображение имени иудейского бога при помощи так называемой тетраграммы — осталось и в них: $\square\square$ (изображение тетраграммы из рукописи XVII в.).

Часто по начертанию, а нередко и без всякого особого начертания — по смыслу — тексты рукописей признавались сокровенными: сюда принадлежит вся магическая, алхимическая и астрологическая литература.

Для постижения сокровенного требовался в помощь переписчику особый ритуал (ἐρμηνεία), сохраненный нам казанской рукописью XVII в., принадлежавшей Гавриилу Солнцеву,¹ и ниже нами публикуемый.

Введение этого текста в научный обиход — научная новинка: в капитальных исследованиях всего относящегося к истории письма у W. Wattenbach'a² и V. Gardthausen'a³ мы ничего подобного не находим.

Таким образом, публикуемый текст представляет совершенно определенный научный интерес прежде всего для истории сокровенного и магического письма, которое должно составить особый отдел греческой палеографии⁴: историк сокровенного письма положит текст περί ἐρμηνείας ἄκρας καὶ πρώτης, καὶ μεγιστέρας καὶ τελευταίας в основу своего исследования; это палеографическое действие (ἐρμηνεία) характеризует вообще то время, когда оно записано, — греческое письмо XVII в., а, может быть, и более отдаленные времена: целая картина рукописной практики встает из прошлого перед нами.

Γ. 52. Ι. Χρὴ γινώσκειν, ὦ ἄνθρωπε, διὰ τὰ πάντα ἃ περιγράφησαν,⁵ ταύτην τὴν ἄκραν⁶ καὶ πρώτην καὶ μεγιστέραν καὶ τελευταίαν ἐρμηνείαν, ἣ ὅποια πρέπει⁷ νὰ γραφῇ εἰς τὴν ἀρχὴν τῆς βίβλου μὰ ἀπὸ λάθος⁸ γράφηται, ὥσπερ καὶ ἔστω ἀντιβόλιον,⁹ οὕτως ὀφείλει [ποιῆσαι],¹⁰ ὅταν βούλῃ, κατὰ πᾶσαν ἀναγκαίαν¹¹ τινὰ¹² δουλείαν προσεχε σεαυτῷ ἵνα προσεύχεται πρὸς τὸν θεὸν ὀλοφύχως, πρῶτον νὰ ἐπιχειρήσῃ, μετὰ συντριμμένης καρδίας καὶ καθαρᾶς πρόλεγε ταῦτα.

ΙΙ. Κύριε ὁ θεὸς ἡμῶν Ἀδοῦνι, Ἐλισαβαῶθ, Λαμέχ, Σαντέ, Λαμαντοῦ, Χαμαντὰν τετραγράμματον, ἡ ἀρχὴ καὶ τέλος, ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος κύριος Σαβαῶθ, πλήρης ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ τῆς δόξης σου, Πάτερ ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς, ἐπιστηρίζωμεν διὰ τὰ ἁγία σου ὀνόματα, ἅγιε κύριε καὶ θεὲ Σαβαῶθ, δι' εὐχῶν¹³ τῶν ἁγίων σου προπατόρων, Ἐνός, Γεδάδ, Μελεήλ, Μαθουσάλα, Σήθ, Ἐνόχ, Νοέ, Μελχисεδέκ, Ἰησοῦ τοῦ Ναβεί, Ἀβραάμ, Ἰσαάκ καὶ Ἰακώβ καὶ¹⁴ Δαβὶδ καὶ Ἰεσσαί, Σολομών καὶ Ῥοβοάμ, διὰ εὐχῶν τῶν ἁγίων σου, κύριε ὁ θεὸς ἡμῶν, γενοῦ σωτὴρ ἱλεως, ὑπερασπιστής μου καὶ βοηθός μου.

ΙΙΙ. Εἴτα λέγε καὶ τὸν ψαλμὸν τοῦτον 120. Ἦρα τοὺς ὀφθαλμοὺς εἰς τὰ ὄρη ὅθεν ἦξει ἡ βοήθειά μου ἕως τέλος.

¹ Описание см. ДАН, 1928, стр. 241 сл.

² W. Wattenbach. Das Schriftwesen im Mittelalter, Leipzig, 1875.

³ V. Gardthausen. Griech. Palaeographie, T. I, 1911.

⁴ Материал по этой теме см.: Montfaucon. Palaeogr. graeca, 1708; Gardthausen. Griech. Palaeogr.; М. Н. Сперанский. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Энциклопедия слав. филолог., в. 4, Л., 1929.

⁵ post. περιγράφησαν secl. ἔξευρε. ⁶ ακρον cod. ⁷ ἔπρεπε. ⁸ απαλάθος ⁹ post ἀντιβόλιον secl. φαίνεται. ¹⁰ ποιῆσαι suppl. ¹¹ ἀνγγέαν cod. ¹² τοινάν. ¹³ αυχων. ¹⁴ του.

Ψαλμός 69 καὶ τό *Ο θεὸς εἰς βοήθειάν μου πρόσχεῖς καὶ τό Κύριε εἰσάκου-
σον τῆς προσευχῆς μου ψαλμός 142.

IV. Καὶ τότε ἐπιστρέφου πρὸς τὸν πλανήτην [scil. Ἥλιον] καὶ θεώρει».¹

V. Καὶ τότε λέγε τὰς εὐχὰς ὅπου εἶναι ὅπισθεν τὰς προγεγραμμένας·
ἀλλ' ἐγὼ ἐγγράφω, σοὶ λέγω ταῦτα, ὧ ἀναγνώστα, τάδε λέγει κύριος· οὐδεὶς
δύναται δυσὶν κυρίοις δουλεύειν καὶ πάλιν· οὐ δύνασαι θεοδουλεύειν καὶ μαμμωνῇ.
σοὶ δέ, ἱερὰ κεφαλῇ, ἐκλέξεται² κρυπτόν.

Не считая нужным давать дословный перевод набора библейских
фраз, составляющих заклинание, ограничимся нижеследующим резюме.

Магическое действие названо в рукописи нахождением — ἐρμηνεία.
Нахождение сокровенного в письменах совершенно такое же магическое
нахождение, как нахождение кладов, драгоценных камней, чудодейственных
растений, отсюда и терминологическое ἐκλέξεται κρυπτόν; ср., например,
ἐκλέγειν τοὺς λίθους ἐκ τῆς γῆς Theophr. c. pl. 3, 5, 6.

Греческий текст магического действия разделяется на пять частей.

I. Приготовление к магическому действию, сообщаемое в форме
обращения духа к человеку: никакого другого значения не может иметь
рукописное ὦ ἄνθρωπε (ἄνθρωπος — δαίμων — обычное противопоставление
по принципу полярности); это хорошо знакомая нам форма магической
литературы — беседа демона с человеком.³ Как и всякие находения,
обряд требует от переписчика соблюдения телесной и душевной чистоты:
πρόσεχε σεαυτῷ — будь внимателен к своим поступкам, приготовляйся
воздержанием; πρόλεγε μετὰ συντριμμένης καὶ καθαρᾶς καρδίας — читай
заговор с сокрушенным и чистым сердцем, — настоящие магические
запреты.

II. Заговор на иудейского бога. Магическое применение заговоров
такого типа известно нам еще в конце античности.⁴ В центре заклинания
стоит страшная тетраграмма, и не исключена возможность, что имена
Ἄδοϋν, Ἑλισαβαώθ, Λαμέχ, Σαντέ, Λαμαντοῦ, Χαμαντάν раскрывали, по-
длинное значение этой тетраграммы, ἀρχὴ καὶ τέλος (= α καὶ ω) — опять
существенная часть греко-еврейской сокровенной литературы. Синкрети-
ческие элементы заговора заслуживали бы специального исследования, но
эта тема лежит за пределами палеографической статьи. Отметим только то,
что среди имен праотцов в заключительной части имеют место Соломон

¹ θαύρε. ² ἐκλέξιτε.

³ См. ДАН, 1930, стр. 115.

⁴ Damascii. Vita Isidori, 56: ὄρχιζε δὲ τὰς τοῦ ἡλίου πορτείνων ἀκτῖνας καὶ τὸν
Εβραίων θεόν.

и Ровоам. Это нам интересно потому, что едва ли не вся средневековая еврейская магия была связана с соломоновой литературой, именно с завещанием Соломона своему сыну Ровоаму,¹ к этому виду литературы принадлежит и *ἐρμηνεία* на обнаружение сокровенного в письменах.

III. Третья часть заключает магию псалмов, достаточно исследованную как на славянской, так и на греческой почве.² Рукописи магического содержания все переполнены такими псалмами.

IV. Четвертая часть представляет интерес особенный, так как магическое действие соединяется с астрологией: *ὁ πλανήτης*, конечно, планета *κατ'ἐξοχήν*, т. е. *βασιλεὺς τῶν ἀστέρων*, *Ἥλιος*, — солнце *ὁ διώκων τὰ ἐναντία καὶ τὰ ἐν τῇ σκοτειᾷ καὶ διαχωρίζει τὰ ὥρατα ἐκ τῶν ἀσχημῶν*. Солнце — это *ὄφθαλμός τοῦ οὐρανοῦ*, оно видит все и без него не обходится ни одна *ἐρμηνεία*, оно открывает *πάντα κρύμματα κεκρυμμένα*. Приводим заговор на планету солнце, который можно подразумевать и в обряде: *ὀρκίζω σε, Ἥλιε, κυρί Ἥλιε, ἀψηλάφιστε, ἀκατανόητε, ὁ βλέπων οὐρανοῦ τὰς δυνάμεις καὶ κατανοῶν τὰ μεγαλὰ τοῦ ὑψίστου. Ὀρκίζω σε εἰς τὴν λαμπάδα, ὅπου λάμπεις ἔμπροσθεν τοῦ θεοῦ Σαβαώθ ἵνα μηδὲν με παρακούσης· ὀρκίζω σε εἰς τὰ ὀνόματά σου ταῦτα: Πηθακοῦ, Δηριέλ, Σινά, Ὀμαδοήλ, Лиарофар, Фрикут, Ἐλπέλ, Καδῶν, Ἀδραφόρ, Εἰημήν, Τωναλιανός, Γαρарουήλ. Διὰ ταῦτά σου τὰ ὀνόματα, ὦ Ἥλιε, νά με ὑποκλίνης τὴν χάριν σου καὶ τὴν ἐνέργειάν σου εἰς τὴν παροῦσάν μου πράξιν, ἵνα εὕρεθῇ δόκιμος καὶ ἀληθινός.*³

Заклинаю тебя Солнце, господи Солнце, недоступное чувству, недоступное мысли, озирающее силы неба и помышляющее величие высочайшего. Заклинаю тебя светильником, который ты возжигаешь перед богом Саваофом, чтобы ты ни в чем меня не преслушало. Заклинаю тебя именами твоими такими: Пифаку, Дириэл, Сина, Омадоил, Лиарофар, Фрикут, Элпел, Кадон, Адрафор, Иимин, Тоналианос, Гараруил. Во имя этих твоих имен, Солнце, да склонишь ты ко мне милость свою и энергию свою на настоящее мое деяние, чтобы оно было найдено (*εὕρεθῇ*) славно и истинно.

V. Пятая часть заключает самое существенное магическое действие: при помощи заговора переписчик отождествляет себя, как и обычно в магическом действии, с божеством:⁴ *ἐγὼ ἐγγράφω и σοὶ λέγω, ὦ ἀναγνώστα*

¹ Catal. Cod. astr. graec., VIII, 2, p. 139 sqq.

² Сперанский. Из истории отреченных книг. Гадание по псалтыри, СПб., 1899. *Kayser. Gebrauch von Psalmen zur Zauberei. Ztschr. d. D. Morgenländ. Ges.*, Bd. 42, Leipzig, 1888.

³ Catal. cod. astr. graec., VIII, 2, p. 174. *Εὕρεθῇ* конечно *πράξис*, поэтому *δόκιμος* и *ἀληθινός* нужно читать или наречием *δοκίμως καὶ ἀληθινῶς* или женск. родом прилаг. *δόκιμος καὶ ἀληθινή* (см. разночтение казанской рукописи: *ἐν τῇ πράξει ταύτῃ ἵνα ποιῇς νά εἶναι ἀληθινή καὶ βεβαία*).

⁴ E. Cassirer. *Philosophie der symbolischen Formen*, Bd. II, 1926, S. 270.

говорит переписчик от лица божества самому себе и опять о себе во втором лице *σοὶ δέ, ἱερὰ κεφαλῇ* (= *ἱερεύς*), *ἐκλέξεται κρυπτόν*. Таким образом, через воздействие высшей силы он достигает цели — нахождения сокровенного.

Что этот текст магического действия имел в виду те же грамоты, которые выше даны на фотографическом снимке, ясно уже из того, что казанская рукопись заполнена такими письменами.

Итак, мы стоим в русле соломоновой литературы. Из этой литературы мы черпаем новые сведения об истории магического письма. Два ужасные античные божества Крон и Арей вошли в нее. Магическое письмо выполняется с помощью Арея особым черноручным ножом (об освящении его см. Delatte *Anecd. Athen.* I, 1927 p. 12)¹ человеческой кровью на кожах нерожденных животных (обряд приготовления этих кож для магического письма см. Delatte, там же, стр. 13);² символ Арея и его графического оружия — *κονδύλι τῆς τέχνης* представляет само растение Арея (рис. 2).

Рис. 2. Ветка растения Ареса по рисунку казанской рукописи.

Арею, шефу такого письма, приписывается сила, с которой человек наносит магические знаки — *δυνάμεις τοῦ ποιῆσαι γραφῆν*.³

С магическим культом Арея стоят в связи его ужасные «чернила».

Μελάνι τοῦ Ἀρεως.

Чернила Арея.

Τὰς χαρακτῆρας τοῦ Ἀρεως γράφε μετὰ κινναβάρεως καθαράς καὶ μετὰ ῥοδοστάγματος καὶ κάπνισον ταύτας με αἷμα ἀνθρώπου ξηρόν γράψον δὲ εἰς φώκιαν ἢ γυπὸς δέρμα.⁴

Знаки Арея напиши кинноварью чистой и розовой водой и окури их кровью человека запекшейся. Напиши же на коже тюленя или коршуна.

¹ "Όταν μέλλῃς νὰ καμῇς μαχαῖριν τῆς τέχνης εὗρε μαχαῖριν ἢ σπαθὶν ὅπου νὰ ἐσκότωσεν ἄνθρωπον καὶ κλέψῃ αὐτὸ καὶ δόσῃ το τοῦ χαλκῆα ποιῆσαι μαχαῖριν, ἡμέραν τρίτην τοῦ Ἀρεως ὥρα πρώτη καὶ μανίκωσον τὴν ὥραν τοῦ Ἀρεως νὰ γράψῃς ἐτούτα τὰ ὀνόματα ἀπάνω εἰς τὸ μαχαῖριν. Ῥαχώρ, Ῥαδιμορνά Ἀρωνή, Ἀφυνέ, τοῦτο τὸ μαχαῖριν τὸ φυλάγε καὶ μὴν κόπτης τίποτε μόνε κονδύλιν τῆς τέχνης, καὶ ἄλλο ὅπου τὸ χρειάζεται ἡ τέχνη.

² Ἐρμηνεία ὅπου λέγει νὰ γράψῃς εἰς ἀγέννητον χαρτίν. "Όταν οὖν ᾔναι τὸ ζῶον ἐγκνον ἤγουν ἐγγαστρωμένον καὶ σφαγῆν, ἔπαρε τὸ ἀγέννητον ἐκεῖνον καὶ φυλάγου μὴν πέσῃ κάτω εἰς τὴν γῆν καὶ όταν το γδέρνῃς λέγε τὰ ὀνόματα ταῦτα Σενιχρί, Ἐλωί, Ῥωί, Ἐσωθὲν Ἐμμανουήλ, κτλ.

³ Catal. cod. astrol. graec., X, p. 68.

⁴ Catal. cod. astrol. graec., X, p. 92.

Сюда относятся и другие рецепты чернил, сопровождаемые заговором, чтобы они приобрели магическую силу. Один из таких редких неопубликованных рецептов представлен рукописью Гос. Публичной библиотеки 575.¹

Βάλε μίαν οὐγγίαν² φύλλων τοῦ μερσινίου καὶ μίαν οὐγγίαν κηκίδου³ καὶ δύο οὐγγίας νεροῦ καὶ βάρτζα εἰς ἓνα τζουκάλιν καὶ τρεῖς [οὐγγίας] τοῦ κηκίδου κουπανισμένου καὶ σκέψης⁴ ἡμέρας ἡ ἕως νὰ μὴν τὸ μισόν⁵ καὶ τότε κουλία εἰς τὸ⁶ καλὸν καὶ βάλε μίαν οὐγγίαν καλακάνθου⁷ κοσκινισμένου καὶ ἀνακάτωσε μὲ τὸ νερόν τὸ σταγγισμένον καλὸν ἕως νὰ λύσῃ καὶ τότε φέρε μίαν οὐγγίαν καντίου νὰ εἶναι λυμένον ὡσάν μέλι καὶ βάρτζο εἰς ἐκεῖνο τὸ νερόν καὶ βάρτζο νὰ βράσῃ ἕως νὰ μὴν το τρίτον καὶ ὡσάν κρυώσῃ βάρτζο εἰς καλὴν φύλαξιν καὶ γράφε.

Καὶ εἰς καθὲν εἶδος λέγε τὰ κάτωθεν λόγια φορεῖς γ'.

Γεχέλ, Ἀτζιέρ, Ἀνατζίφη, Ῥατζιέλ, Καλσίμεμε, Νιφαήλ, Ἰωράμ, Перниήλ, Μετηφούρ, Στεμαήλ, Ραδουήλ, Прерάδου, Ἰνδοῦς, Καμιάλ, Φατοέλ, Ὁεσής, ἅγιοι ἄγγελοι συνεργήσατε εὐθώς, χαριτώσατε πόσον εἶδος πρὸς ἐνθεσιν⁸ μελανίου καὶ εἶναι εὐτυχῶς κατευοδούμενον καὶ δόκιμον καὶ ἀληθινόν.

Положи одну унцию листьев мирты и одну унцию чернильного орешка и две унции воды и варси в горшок и три унции чернильного истертого орешка и обожди восемь дней, лишь бы не до половины, и тогда процеди хорошенько и положи одну унцию медного купороса просеянного и смешивай с профильтрованной водой до тех пор, пока не растворится и тогда возьми одну унцию леденца, чтобы он был распущен, как мед, и варси (положи) в ту воду, чтобы кипело, лишь бы не до трети, и когда охладится варсий, тщательно сохрани и пиши.

И на каждый состав (чернил) прочитай нижеследующие слова три раза.

Гехиел, Атзиер, Анадзифи, Радзиел, Гальсимеме, Нифаил, Иорам, Периниил, Метифур, Стемаил, Радуйл, Прераду, Индус, Кампил, Фотоэл, Оесис. Святые ангелы, содействуйте своей энергией тотчас и сообщите свою благодать столь многочисленным видам состава чернил, чтобы они были счастливо выполнены и славны и истинны.

Но не только само писание и чтение магических грамот требовало ритуала, ритуала требовало и сохранение таинственной силы написанного,

¹ Рукоп. наз. Σολομωνική [κλείς] XVII в.

² ογγία.

³ κικκ.

⁴ σκέψη.

⁵ τομησόν.

⁶ στο.

⁷ καλακάνθη.

⁸ ηνθεσιν.

особенно заговоров, чтобы сила их не исчезла при передаче на бумаге и при разглашении. И, вероятно, не без особого магического действия был завязан магический узел на тексте заговора от укуса змеи на 43 листе той же рукописи 575, которая во многих случаях сохраняет нам живые примеры магической практики.

В дополнение приводим неизданный рецепт особого внутреннего лекарства, — профессиональное средство каллиграфов, чтобы они видели зорко и проникновенно. Средство это магическое, не даром оно и внутреннее, т. е. очищающее всего человека, а не только его глаза.¹

Г. 146. Ἀλάτιον Ἰπποκράτους ὡς ἐχρήσαντο οἱ καλλιγράφοι ὅτε ἡμβλου-
ώπουν καὶ παραυτίκα ἀνέβλεπον, κα-
θαίρει γὰρ τὴν ὄρασιν καὶ ὀξυδορκίαν
παρέχει ἡ δὲ ἐνθεσις αὐτοῦ ἐστὶν
αὕτη.

Ὑσσώπου γλήχωνος οὐγγ. δ' ἀμ-
μίου² τοῦ λεγομένου σαρακηνιστί βληᾶχ
οὐγγ. α' ἀλάτος ὀπτοῦ οὐγγ. δ' ὀριγάν-
ου στάχους ἀνά οὐγγ. β' πιπέρεως
οὐγγ. α' κυμίνου οὐγγ. ἡμισυ ἐπιθύ-
μου οὐγγ. α'. Ταῦτα τὰ πάντα κόψας
καὶ σείσας³ ἔχε ἐν ἐβενατίῳ⁴ καὶ χρῶ
ἐν τοῖς βρώμασιν.

Соль Иппократа, чтобы ею поль-
зовались каллиграфы, когда у них
притупляется зрение, и тотчас они
начинают видеть: очищает оно зре-
ние и зоркость дает. А состав ее
такой.

Исопа, поля унции 4; сурика,
называемого по-сарацински влиах,
унция 1, обожженной соли унции 4,
душицы, восточного нарда по две
унции, перца унция 1, тмина поло-
вина унции, повилики 1 унция. Все
это изруби и смешай и держи
в ящичке из слоновой кости и упо-
требляй в пище.

Наконец, как пример криптографического письма, часто скрываю-
щего дату написания и значительно реже таинственное, приводим одну
до сих пор непрочитанную запись, буквам которой придано сокровенное
значение.

Рукоп. б. Синод. библи. № 355 (по Владимиру).⁵

ἐφεοεϞσσεϞ
ψλхθπλνηϞ
ηοϞλν,ϞϞθυ
εϞπλωεξλχ

ἐτελειώθει
τὸ παρόν βι —
βλίον ἡα (l. ιδίας) χ —
εἰρὸς ἐμοῦ

¹ Рукопись Библи. Акад. Наук ХХАа/8 XVII в.

² ἀμμίου. ³ σήσας. ⁴ βανατίω.

⁵ Владимир. Описание рукоп. Синод библи., 1894, стр. 540. Криптограмма прочитана М. Шангиным.

ζ π β ζ λ π q λ χ ψ λ χ
 θ ο ο q θ ψ λ χ : ε ν ξ q
 ν q q θ ν ν λ χ θ π q ζ
 N q θ ψ λ χ ρ ξ θ : +

γρηγορίου τοῦ
 ἀλλιατοῦ ἐν μι-
 νί ιαννουαρίῳ
 N (l. ἰνδικτιῶνος) ια^{του} ς τμ.α' (1433).

Из этой записи мы извлекаем теперь подтверждение имени переписчика (отмеченное в другом месте простым письмом) и год написания 1433, тогда как Маттеи, а за ним Владимир, рукопись датировали приблизительно — XV веком.¹

Целью настоящей статьи было ввести в научную литературу некоторые новые материалы из истории сокровенного письма, подробному исследованию которого принадлежит уже новая, специально еще не исследованная палеография магической письменности.

A. VIŠNJAKOVA. SUR L'HISTOIRE DE L'ÉCRITURE GRECQUE ANCIENNE

RÉSUMÉ

Les publications des textes grecs dans le *Catalogus codicum astrologorum graecorum*, le *Catalogue des mss. alchimiques grecs*, et les oeuvres des savants contemporains, par exemple de l'helléniste A. Delatte et des arabistes I. Ruska et Winkler, reproduisent une littérature très étendue et spéciale presque inconnue jusqu'ici.

Cette littérature est liée à la magie pratique, et c'est pourquoi on doit les étudier inséparablement.

On doit traiter la paléographie de nos matériaux comme une partie particulière de la paléographie générale, qui doit être désignée comme paléographie des écritures cachées. Les traits caractéristiques de ce sujet sont: la méthode de l'interprétation du caché (v. le texte grec *περὶ ἐρμηνείας τῶν κρυπτῶν* et la drogue qui doit donner la clairvoyance aux calligraphes), le mode de l'incantation pour préparer l'encre magique (v. le texte de la recette). Nous retrouvons aussi le roseau magique à écrire — *κονδύλι τῆς τέχνης* (v. la plante d'Arès comme prototype de ce *κονδύλι*) et le moyen de conserver l'énergie de l'incantation (v. le noeud qui se trouve dans le manuscrit 575 sur f. 43 de la Bibl. Publ.) et, enfin, les différentes sortes des écritures cachées (v. les quatre espèces des écritures cachées).

Nous avons déjà démontré que le temps est venu pour les études de la paléographie cachée et c'est pourquoi nous donnons quelques nouveaux matériaux des manuscrits russes, qui sont traités dans notre article.

¹ См. также другую криптограмму, выражающую год написания суммой всех криптографических знаков, ИАН, 1927, стр. 499—500.

III

ДЕНЕЖНЫЙ СЧЕТ РУССКОЙ ПРАВДЫ

Н. П. БАУЕР

Отчетливое понимание денежного счета Русской Правды, которое по сию пору, на мой взгляд, не достигнуто и которому за последние 30 лет уделяли гораздо меньше внимания, чем раньше, имеет двойное значение. С одной стороны, только при помощи Русской Правды, сопоставляемой с памятниками вещественной старины, возможно уяснить себе древнерусское денежное обращение, так как только в ней находятся достаточно богатые указания на древние денежные единицы.

С другой стороны, денежный счет Русской Правды, как имеющий целый ряд специфических черт, в состоянии осветить по-своему вопросы возникновения самого памятника как в хронологическом, так и в географическом отношении. При датировке отдельных редакций Русской Правды употребление того или иного денежного наименования постоянно принималось в расчет ее исследователями.¹ Думаю, что самостоятельное рассмотрение денежного счета покажет с достаточной ясностью, что он может дать для общего понимания самого памятника.

Денежные наименования в Русской Правде и объекты натуральной повинности в других памятниках XI и XII вв.

В Русской Правде различных редакций встречаются следующие обозначения денежных понятий: скот и куны в смысле обобщающем, как, напр., у нас слово деньги; гривна, гривна кун, гривна золота, ногата, куна, резана, веверица и векша — в смысле платежных единиц и единиц, измеряющих ценность других предметов. Целый ряд этих обозначений — отмечу, как исключение гривну, в особенности в соединении со словом золото — благодаря словесной форме своей невольно заставляет думать, что в период возникновения и применения Русской Правды домашний скот и

¹ Например, Сергеевич, Лекции и исследования по древней истории русского права (1903), 55.

шкурки лесных зверей могли еще являться мерилом ценности и даже платежными знаками.

Свидетельство других памятников XI и XII вв. не оставляет сомнения в том, что в это время при взимании дани, которую побежденные платили победителям или же население вносило своим властям, были в ходу самые разнообразные предметы. Это были: золото или серебро в виде весового металла, черная куна, белая веверица, соболь, горноста́й, песок, белый волк, лисица, причем некоторые из этих мехов при большой массе исчислялись сороками;¹ рыбий зуб, рыба (побор взимался саями); особо осетр, мед, невод, бредник, половчаник, скатерть, убрус.² При сношениях с греками упоминаются еще драгоценные материи — паволоки, овощи, вина, а с южными кочевниками — домашние животные.³

Нельзя поэтому сомневаться, что раз дань бралась натурой этими предметами, то и в повседневном обмене они должны были играть большую роль. Но особо частое упоминание пушнины, а также словесная форма обобщающего денежного понятия «куны» (куницы) и «скот» порождают мысль, что на этом общем фоне меновых отношений к X—XI вв. установилась какая-то более крепкая «валюта», товаро-деньги, на которые расценивались другие товары и которыми по-преимуществу расплачивались. Имеются два свидетельства арабских писателей, которые подтверждают такое предположение. «Главное богатство их» (болгар, т. е. одних из обитателей восточноевропейской равнины), пишет Ибн-Рустэ,⁴ «составляют куницы. Нет у них золотых и серебряных денег. Их диргеми⁵ — куницы». Таково свидетельство X в. Из второй половины XII в., но неизвестно насколько оригинальное, имеется свидетельство Насир Эд. Дин Ахмед Тусского, автора, однако, еще плохо изученного. «На Руси ходячая монета — белка, не деньги. Это кожи без волос с передними и задними лапками и с когтями».⁶

¹ Уставная грамота Новгородского князя Святослава 1137. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, т. I, 217, издание 6-е, 1908; Бенешевич. Сборник памятников церковного права (1915), I, 99.

² Уставная грамота Ростислава Смоленского 1150 г. Там же, 225; Бенешевич, I, 106—107.

³ Поучение Владимира Мономаха в Лаврентьевской летописи под 1099 г.: «и мировъ есмь створилъ съ Половечьскими князи... а дая скота много и много порты своѣ».

⁴ Д. Хвольсон. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах (1869), 24—25.

⁵ Диргем — арабская серебряная монета. Об ее хождении на восточноевропейской равнине см. ниже.

⁶ Текст перепечатан с Hammer-Purgstall у А. К. Маркова. Конспект русской нумизматики, 13, и у В. Трутовского. Что такое ногата, 6 (отд. оттиск из Древностей, издававшихся

О «валюте» домашних животных, помимо употребления слова «скот» в смысле денег, ни русские, ни иностранные памятники ничего не говорят. Но несмотря на это обстоятельство, со времен Карамзина принято считать эту «валюту» более древней, чем «валюту» пушнины, причем предполагают, что слово скот-деньги для конца X в. и для XI в. является лишь пережитком, и что животными не расплачивались. Наиболее отчетливо формулирует эту мысль Владимирский-Буданов: «Скот» — деньги, «скотница» — казнохранилище, подобно римскому *rescunia* от *rescus*, указывает на тот экономический период, когда орудиями мены были действительно животные; но период этот относительно времени Русской Правды есть уже давно прошедший».¹

Посмотрим, насколько основательно говорить для Руси X—XI вв. о товаро-деньгах, которыми измеряли ценность других товаров и которыми даже расплачивались.

Скот — деньги, долг, дань, имущество

Слово «скот» в необычайном для нас смысле встречается в Русской Правде всего лишь 4 раза, причем только в первой части Краткой Правды. В других случаях это словоупотребление следует считать простым заимствованием и не имеющим вследствие этого самостоятельного значения. Таков заголовок статьи Распространенной Правды, в Синодальном списке «Аже кто скоть възъщеть»,² так как заголовки сочинены несомненно не одновременно с текстами и должны быть в данном случае отнесены к архаизирующим вкусам систематизаторов. Таковы же и статьи Распространенной Правды по списку Мусина-Пушкина, так как они дословно повторяют соответствующие пункты Краткой Правды.³ Очень важно вспомнить все безусловные четыре свидетельства в подлиннике; это статьи 20, 21, 24 и 25 в первой редакции (по Сергеевичу).

в Москве). Рукопись, которой пользовался Гаммер, пропала, но имеется другая в Готе, среди персидских рукописей, согласно Pertsch, 58. Последний отмечает, что она анонимная и относится к 1173—1193 гг. В виду многих неясностей в цитате, касающейся древнерусского обращения, изучение этого автора было бы весьма ценно. Переводом цитаты я обязан проф. Бертельсу и Ф. А. Розенбергу.

¹ Владимирский-Буданов, I, 24, прим. 19. — Столь же уверенно высказывается в этом смысле И. И. Кауфман. Русский рубль, 2. Goetz. Das russische Recht I, 276, — осторожнее.

² Владимирский-Буданов, I, 75; Goetz, III, 213. — В Троицком списке в заголовке употребляется слово «куны» вместо «скот». См. Сергеевич. Русская Правда в четырех редакциях, III, ст. 58.

³ Мусин-Пушкинский список. Сергеевич, III, ст. 156 и 157. Сравни I, ст. 20, 24 и 25, и Goetz III, 447.

1. (Аще гдѣ взыщеть на друзи проче, а онъ ся запирати начнеть: то итти ему на извод пред 12 человекѣ) да аще будя, обидя, не вдаль достойно ему свой скоть, а за обиду 3 гривны.

2. (Аще кто челядинъ пояти хочеть)... то рци третьему, въдай ты мне свой челядинъ, а ты своего скота ници при видоци.

3. А иже изломить копье..., а начнеть хотѣти его держати у себя, то прияти скота у него.

4. А иже есть изломилъ... то скотомъ ему заплатитѣ колко даль будетъ на немъ.

В двух последних случаях совершенно ясно, что в переводе на современный язык слово «скот» обозначает деньги, так как испортивший чужую вещь должен заплатить за нее, безразлично, оставляет ли он ее за собой или нет. В двух первых случаях, когда речь идет о долге, неуплаченном своевременно или получившемся вследствие отобрания краденого раба, слово «деньги» столь же уместно, как и свой «долг», свое «добро», свое «именье». Так как вряд ли этому понятию денег в те времена была присуща особенная отвлеченность, следует предполагать, что словом «скот» одновременно указывалась «валюта», в которой надлежало платить. Конечно это не животные, а те гривны, которые служили знаком расплаты во всех других статьях Краткой Правды. Точнее мы это узнаем из летописи от 1018 (6526) г. «И начаша скоть събирати, отъ мужа по четыре куны, а отъ старость по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ; и приведоша Варяги, и въдаша имъ скоть, и съвъкупи Ярославъ воя много».¹ Ярослав собирает с населения деньги, дань кунами и гривнами и на эти деньги нанимает многочисленное войско. В данном случае думать о расплате домашними животными было бы совсем нелепо: «скот» — это куны и гривны. Несомненным по своему смыслу является «скот» в памятнике конца XII в. в мирном договоре Новгорода с готландцами (1189—1199), в статье о долге: «Оже емати скоть Варягу на Русинѣ, или Русину на Варязѣ, а ся его запретъ, то 12 мужъ послухи, и деть ротѣ, възметь свое».² Если придется варягу с русского, или русскому с варяга взыскивать долг, деньги, и должник начнет отпираться, то для доказательства правоты истца требуется 12 свидетелей. Оплату долга следует и здесь предполагать, очевидно, в тех денежных единицах, которые упоминаются в договоре. Таковыми

¹ Лаврентьевская летопись. Шахматов. Повесть временных лет, 182, 19 и 22, Новгородский свод 1050—1079.

² Владимирский-Буданов, I, 95; Goetz, L. K. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters (1916), 41.

являются либо старые куны, либо серебряные гривны. Аналогичное словопотребление встречается и в переводной литературе, а именно в Александрии псевдо-Каллисфена, в повести об Акире Премудром и в Пандектах Никона Черногорца. Последнее произведение дошло до нас даже в рукописях XII в. В Александрии Александр выражает удивление своему полководцу Пармению, что царь персидский Дарий предлагает выкуп за плененных родичей: «Аз убо, Пармении, все възму в него (у Дария), подвигжеся яко Дарии скотомъ избавити хочети род свое». Там же выражение «Вдаша скота многа». В греческом тексте в обоих случаях стоит слово *χρήματα* — деньги.¹ В сказке об Акире Премудром не раз употребляется слово «скот» в смысле именья, напр., «расточити скоты моя» = расточити дом мой.²

В 36 слове Черногорца Никона имеется выражение «притяжати скот», которое передает греческое *κτήματα*.³

Имеются еще два летописных свидетельства, которые допускают двойное толкование слова «скот», причем я лично в этих случаях склонен видеть обычное словопотребление, скот — животное. Под 1078 (6594) годом в Ипатьевской летописи рассказывается о Ярополке: «Такъ бяше блаженный съ князь Яропѣлкъ тихъ, кротокъ, сѣмѣренъ, братолюбивъ и нищелюбъ, десятину дая отъ всѣхъ скотъ своихъ святѣи богородици и отъ жита по всѣя лѣта». В Лаврентьевской стоит: «святѣи богородици отъ всего своего имѣнья».⁴ Но так как в Ипатьевской летописи противопоставляется скоту жито, то следует предполагать здесь десятину с приплода в стадах.⁵

Также я понимаю слова Владимира Мономаха в его Поучении, что он ради мира отдавал половчанам скот и порты. Мрочек-Дроздовский полагает, что незачем было кочевников, богатых скотом, склонять к миру посредством отдачи скота, а требовались на то деньги.⁶ Вряд ли он прав. Свидетельство это очень характерно для постоянной политики кочевников-скотоводов в отношении к оседлым хлебопашцам. Они стараются ослабить последних физически, отнимая у них наиболее дорогое для них — живой инвентарь

¹ Истрин. Исследование об Александрии в Чтениях общества любителей истории и древн. рос., 1894, кн. II, 66; Срезневский. Материалы р. словаря, III, 388.

² Дурново. Повесть об Акире, 108; Григорьев. Чтения, 1913, № 1, 525, 526 (2. 41а. 81).

³ Срезневский, там же.

⁴ Шахматов, 262, 9.

⁵ На такое понимание этого места обратил мое внимание А. Н. Насонов еще в 1924 г. по поводу прочитанного мною доклада в ГАИМК и указал на параллель из Суздальской Руси, когда Андрей Боголюбский жертвует также из своих стад.

⁶ Мрочек-Дроздовский. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Р. Правды, 18—19.

и мешая им, — пользуюсь мыслью Константина Порфирородного, но лишь в обратном смысле — улучшать свою жизнь. Имеются и производные слова от «скот» — деньги, а именно безусловное «скотница» и заподозренное в последнее время «скотолюбие». По случаю крещения Киева князь Владимир устраивает торжества и «повелѣ всяку нищю и убогу . . . възимати . . . отъ скотъницъ кунами».¹ То же слово употребляет митрополит Никифор (1104—1120) в своем поучении Владимиру Мономаху: «Но скотница твоя по Божіи благодати не оскудна есть и неистошима, раздаваема и не оскудѣваема».² Ясно, что речь здесь может идти только о казнохранилище, о казне, в которой сохраняются куны — деньги.

«Скотолюбие» встречается всего раз в послании митрополита Иоанна XI в., где разбирается вопрос о канонически-правильном отношении к осквернившимся против воли христианам через совместную еду с язычниками-кочевниками: «Иже своею волею ходять к поганымъ купля ради, и скверно ѣдять, сихъ . . . нѣсть правило отлучая, аще велика суть согрѣшенья, иже имѣнья ради, или скотолюбья ради с погаными оскверняются». Имеется вариант «скотолюбства» ради.³ Корыстолюбие указывается здесь в качестве мотива согрешений, но при этом в двух выражениях «имѣнья ради, или скотолюбья ради». Этот плеоназм вероятно смутил Goetz'a, который выражение «скотолюбие» перевел «Liebe zum Vieh», а не «Liebe zum Gelde» и этим отклонил обычное понимание этого слова, как корыстолюбие (Срезневский). Признаюсь, что и такое толкование считаю достаточно искусственным, так как вряд ли любовь к племенному скоту, а не к наживе побуждала русских жить среди кочевников. Более молодое слово «сребролюбие» является хорошей параллелью к разбираемому нами выражению.

Этими немногочисленными, но достаточно ясными цитатами исчерпывается применение слова «скот» — деньги в русских памятниках XI—XII вв. Они подтверждают полностью вывод исследователей, что в период Русской Правды «скот» — деньги не обозначали домашних животных в качестве платежных знаков. Вторая же редакция Краткой Правды, где имеется расценка животных на кунную систему, указывает и на то, что животные не были мерилom стоимости,⁴ чему имеется столь яркий пример в германском оби-

¹ Лаврентьевская летопись. Шахматов, 159, 19. Начальный свод.

² Срезневский, III, 388. О посте и воздержании чувств.

³ Памятники древнерусского канонического права (1908), 16. L. K. Goetz, *Altrussisches Kirchenrecht*, 160.

⁴ Сергеевич, II редакция, ст. 9.

ходе с его Vieh-Geld, kugildi.^{1,2} Для исследователя Русской Правды этим вопрос насчет «скота» — денег как-будто бы можно считать исчерпанным, так как «валюта» VI—VIII вв. безусловно не может быть темой для его разысканий. Но так как имеется и другое мнение, правда, разделяемое лишь немногими, что слово «скот» пришло на Русь из Западной Европы, при том в X или XI вв., то приходится проследить этот вопрос далее и выяснить, не даст ли нам подобное словоупотребление при ином решении что-нибудь новое для изучаемого нами периода.

Действительно, невольно спрашиваешь себя, так ли уж необходимо искать причину возникновения «скота» — денег в хозяйственных формах, специально восстанавливаемых по вполне возможной аналогии с историей других народов, причем для времен более ранних, чем появление памятников письменности.

В последних в качестве собирательного обозначения для денег «куны» встречаются раньше, чем «скот». Уже под 980 (6488) годом в летописи имеется запись: «Посемь рѣша Варязи Володимеру: съ градъ нашъ, и мы прияхомъ я; да хоцемъ имати окупъ на нихъ, по двѣ гривнѣ отъ чело-вѣка; и рече имъ Володимеръ: пожьдѣте, даже вы куны съберуть, за мѣсяць».³ Параллельный Лаврентьевскому списку текст Архангелогородской летописи от 1018 (6526) г. насчет собирания дани Ярославом для уплаты варяжскому войску заменяет слово «скот» словом «кони», что, конечно, ничто иное, как непонятое и испорченное впоследствии «куны»: «Наша кони събирати отъ мужа по 4 гривны, а отъ старость по 10 гривнѣ, а отъ боярь по осмидесять гривнѣ».⁴ Перед тем, как перейти к дальнейшему, преимущественно языковому разбору слова «скоть», я вкратце остановлюсь на фактическом положении скотоводства у восточных славян. Вот как характеризует положение дела в этом отношении Константин Порфирородный (912—959) в своем трактате «Об управлении государством»: «Руссы стараются жить в мире с Печенегами», — пишет царь, — «они покупают у них быков, лошадей и овец и от этого живут легче

¹ Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, Band IV, 208, ст. 7, Viehgeld (Regling).

² Stender-Petersen. Slavisch-germanische Lehnwörterkunde in Göteborgs Kungl. vetenskaps och vitterhets samhälles Handlingar, т. 31, 4—311.

³ Лаврентьевская летопись. Шахматов 95, 3, начальный свод.

⁴ Лейбович. Сводная летопись, 119, 3. Признание Шахматовым в Розысканиях (238 и 245) исторической ценности за Архангелогородской летописью позволяет привести данную параллель. Логически рассуждая, свидетельство последней в отношении 1018 г. мне кажется даже предпочтительным, так как естественно брать с мужа 4 гривны, а не 4 куны, раз со старост полагается 10 гривен.

и привольнее, так как на Руси ни одно из названных животных не водится».¹

Полагаю, что эта цитата первой половины X в. заставляет призадуматься над возможностью превращения на Руси скота в товаро-деньги, если он действительно был так редок там, и в свою очередь отодвигает в глубь веков возникновение чуждого нам словоупотребления. Да и предположение о богатстве скотом в более ранние времена при подобной практике всех кочевников становится сомнительным. Еще менее вероятно богатство скотом в Новгородской Руси, откуда происходят два наиболее показательные свидетельства разбираемого словоупотребления и куда многие исследователи относят возникновение Русской Правды.

Большинство историков со времен Карамзина ищут подтверждения для своей гипотезы в аналогии с римским прошлым, базируясь на якобы существующей языковой аналогии: *pecus* — скот, *pecunia* — деньги. Но, ставя знак равенства между *pecunia* и древнерусским «скот» — деньги, историки забывают, что в языковом отношении этого равенства вовсе нет. Термин *pecunia* производное, в то время как русское «скот» одновременно, без всякого изменения, должно обозначать, согласно толкованию этих ученых, и животных, и деньги. Итак развития в языковом отношении мы никакого не наблюдаем, в то время как в смысловом оно налицо. Вследствие этого аналогия получается, на мой взгляд, уже вовсе не столь убедительной, какой она кажется на первый взгляд.²

Неубедительность прежних предположений заставляет внимательно присмотреться к имеющимся у филологов на этот счет соображениям. Сводка сделана в этом отношении проф. Ильинским в 1915 г.,³ а затем для самого новейшего времени — Стендер-Петерсоном.⁴

Общего корня для слова «скот» в германском и славянском не имеется. Но в то же время это слово имеется и там и здесь. Древнегерманское *Skatta*, сохранившееся в современном немецком *Schatz* и шведском *Skatt*, употребляется в готском переводе библии IV в. постоянно, а именно в форме *Skatts*. Им переводятся греческие слова *δηνάριον* (денарий), *ἀργύριον* (серебряник), *μνᾶ* (монета, *Geldstück*). Во множественном же числе готическое *Skatts* обозначает деньги. То же слово имеется затем в древнегерманских языках в следующих формах:

¹ Русский перевод 1834 г., гл. 2. Известия ГАИМК, вып. 91, 5.

² Gutzeit. *Nogaten und Mordken*, Riga, 1887.

³ Русский филологический вестник, 73, вып. 280—288.

⁴ Stender-Petersen, 311—313; *Folk und Torp. Norwegisch-dänisches ethymologisches Wörterbuch*, 1911.

Scaz = деньги, монета (Geldstück), имущество в древневерхненемецком.

Sket = деньги, скот — животное (Vieh) в древнефризском.

Scat = монета, имущество в древнесаксонском.

Sceatt = налог, подать, имущество, маленькая монета, деньги в англо-саксонском.

Skattr = налог, подать, клад, богатство, деньги в древнескандинавском.

Не считаю нужным для данного специального вопроса рассматривать взаимоотношение германского и славянского словоупотребления во всем его объеме, т. е. происхождение слова «скот» — животное я оставляю в стороне.¹ Достаточно отметить, что одно и то же слово у славян обозначает с древнейших времен по сие время домашних животных, а в прошлом у германцев — имущество, богатство, побор, деньги и в редком случае — у фризов — животное.

Присущий русскому языку смысл слова «скот» установился, судя по письменным памятникам, уже в XI в., что необходимо подчеркнуть, в виду противоположного мнения проф. Ильинского. Им выписывается ряд летописных и иных свидетельств, из которых он делает вывод, что для обобщающего значения этого слова нет как бы объема, так как верблюды, кони, волы, овцы, козы не подходят под это наименование. Взгляд Ильинского на неустойчивость словоупотребления «скот» — животное в XI в. опровергается двумя наиболее древними цитатами из летописей, а также всей переводной литературой, доказывающими, что под скотом понимали и тогда то, что и теперь, а именно домашних животных, по преимуществу рогатый скот. Под 988 (6564)- годом читаем: «бываше на обѣдѣ томь множьство мясь, отъ скота и отъ зверины».² Противоположение животных зверям — дичи указывает даже на очень отчетливое словоупотребление. Характерна и несколько позднейшая цитата под 6622 г.: «Преже бо сего жены блудяху, къ немуже хотяху и бяху аки скоть блудящѣ».³

¹ Stender-Petersen, 313, представляет себе заимствование след. образом: Als die Germanen mit den Slaven in Berührung kamen, war nur die erste Entwicklung (понимай, у германцев) erreicht, d. h. die Bedeutungsstufe «Besitz, Hab und Gut, Vermögen und Vieh». Die besondere Art der Beziehungen der Slaven zu den Germanen führt es mit sich, dass sie das Germanische skatta als skot in der Bedeutung «Vieh», vielleicht auch «Vermögen» in ihre Sprache aufnahmen. Stender-Petersen в отношении Vermögen приводит все те же нам хорошо известные места из севернорусских источников XI в.

² Лаврентьевская летопись. Шахматов, 160, 10, нач. свод.

³ В поучении Владимира Мономаха, Лаврентьевская л. под 1099 г.: «во ядаху... скоты вся нечистыя». Шахматов, 351, 3. — Конечно, изречение Даниила Заточника: «не

Естественно на мой взгляд предположить, что слово «скот» — деньги, долг, подать как обозначение редкое, ограниченное может быть даже пределами Северной Руси и неглубоко вошедшее в русский язык, хотя и вытеснившее на время старое слово, заставившее, так сказать, изменить его свою форму в «скотина» (см. Распространенная Правда), — что это слово было заимствовано одновременно с новым объектом денежного обращения, западноевропейским денарием, как заимствовала впоследствии Польша то же слово для обозначения $\frac{1}{4}$ немецкой марки.¹ Подтверждается подобное понимание, с одной стороны, одним ранним немецким источником, с другой стороны, всей англо-саксонской и скандинавской действительностью IX, X и XI вв. Остановимся сперва на первом.

В Раффельштеттенском таможенном уставе 903—906 гг., где говорится и о славянах: *qui de Rugis vel de Boemanis mercandi causa exeunt* (которые приезжают от Ругов или Чехов с торговыми целями) имеется упоминание о платежной единице: *Naves... donent pro theloneo semidragmam, id est scoti I* (Суда платят в виде таможенной пошлины полудрахму, что есть один скоти).² В новейшем своем исследовании Гиллигер доказывает, что скоти весил 1.7055 г серебра и был тяжелым каролингским денарием.³ Даже если усомниться в правильности предположения, что под Ругами понимались Руссы, существование в немецком слова скоти для денария приближает нас к цели нашего исследования. Имеются и более поздние свидетельства для скоти, для X и XI вв., но всегда баварского происхождения.⁴ Начиная с VI в., денарий в Англии называется *sceat*, 20 штук которого идет на шиллинг. Но еще и в английских письменных памятниках X и XI вв. постоянно счет идет на скаты (*sceatt*, множественное *skattas*). Так в законах Мерсии упоминается вергельд-вира в «30 скатов», а также в законах короля Этельреда II, относящихся к 1000 г.,⁵ церковный побор называется *ciriesceatt* и *ciriescot*. В течение всех средних веков слово «skot» употребляется в Англии совместно со словом *lot* для

«скоть въ скотѣхъ коза» надо понимать прописно, а не отрицательно, как сделал Ильинский. Ср. Памятники XII в., изд. Калайдовичем, 237.

¹ См., между прочим, Stender-Petersen, 314.

² Васильевский в журнале Министерства народного просвещения 1888, июль, 121—150. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte im Mittelalter (1922), 541.

³ Hilliger. Die Duursteter Karolingergewichte. Blätter für Münzfreunde (1927), 166.

⁴ Fr. Schrötter. Handwörterbuch der Münzkunde, 618: Secundum legem Bajuvariorum secundus semis denarius scoti valet. В другом памятнике: *porcum habentem VIII scothen*. Этот денарий весил столько же, как первоначально и англо-саксонский, о котором речь впереди.

⁵ Liebermann. Gesetze der Angelsachsen, I, 4, § 16, 33 и т. д.; II, 34—35; 189 sawols gescot; 634 — *sceatt*; 646 — The Oxford english Dictionary VIII (1910), 197 под словом *sceat*.

обозначения всякого рода коммунальных денежных повинностей с госгольдеров.¹ Таковые же, конечно, вносились английскими денариями.

Скандинавы были в X и в первой половине XI вв. главными потребителями этой дани в монетах, так как выкачивали огромное количество серебряных денариев из подвергавшегося сперва систематическому ограблению, затем завоеванию британского острова. Свое старое слово *skattr* шведы даже несколько изменили, называя своего первого короля, чеканившего монету, «*Olof Skötkonung* или *Skottkonung*» (1000—1014), т. е. Олафом Шосконунгом. Скандинавы завозили англо-саксонские монеты и к нам (см. ниже) и поэтому вполне естественно, что местное население стало их называть «скат'ами».

Итак «скат» деньги является простым омонимом «скота» — животного, и вполне прав известный Томсен, что в смысле денежного знака (монеты), скат является ничем иным, как простым (новым) заимствованием древнескандинавского *skattr*, подать, деньги (т. е. монеты); этим объясняется и значение казнохранилища, древнерусское скотница.²

Весьма разросшееся объяснение слова «скот» — деньги было необходимо на мой взгляд не потому, что такое понимание древнерусского «скот» является новостью. Уже участник первого издания Русской Правды И. Болтин писал: «Владимир раздавал бедным от скотниц своих кунами. *Scatt* по-шведски значит куна и подать, чем совершенно оба слова сии объясняются». Конечно, я себе не так просто объясняю дальнейшее: «Могло легко статься, что в нескольких веках, когда слово «сие» из употребления вышло, переписчик из Несторовой летописи, не разумея слов скат и скатница, почел их ошибкой писца и написал скот и скотница, думая поправить, более смысл учинил невразумительным».³

Счет в кунной системе

Вторым обобщающим понятием для денежных единиц служило слово «куны». Оно всего только раз встречается в Краткой Правде, во второй ее редакции, в так называемом поконне вирном: «Или ся (вирнику) пригодѣ в говѣние рыбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ; то всѣхъ кунъ 15 кунъ на

¹ *Encyclopedia Britannica*, Scot.

² Stender-Petersen, 314. Schon V. Thomsen (*Samlede Abhandlingar*, Bd. I, 387) hat sehr scharfsichtig bemerkt, dass das altrussische *скотъ* in dieser (Geldstück) Bedeutung einfach eine Entlehnung des altnordischen *Skattr*, Steuer, Geld sei. Daraus erklärt sich auch die Bedeutung Schatzkammer, das altrussische *скотница*.

³ Болтин. «Ответ генерал-майора Болтина на письмо кн. Щербатова». — Ср. Каченовский в «Вестнике Европы» за 1827 г., стр. 208.

недѣлю».¹ Напротив, в Распространенной Правде куны в этом обобщающем смысле встречаются очень часто, а именно 23 раза.² Наиболее характерной в данном случае является следующая статья: «Послуховъ ли не будетъ, а будетъ кунъ 3 гривны, то ити ему про своѣ куны ротѣ»,³ т. е. если тяжба касается суммы денег в 3 гривны, то достаточно присяги истца за отсутствием свидетелей. В таком же смысле употребляются «куны» и во всех других древних памятниках. На требование варягов дать им окуп в две гривны с человека, Владимир предлагает подождать пока сберут куны за месяц,⁴ и нищим он раздает куны из скотниц. В так называемой статье. О приплоде Карамзинского списка Правды, которую следует рассматривать как самостоятельный памятник, постоянно встречаются подобные выражения, как «А за то все кунами 40 000 гривенъ и 5000 гривенъ и 50 гривенъ и 5 гривенъ и 40 рѣзанъ».⁵

Итак, к моменту появления письменности на Руси, в ходу было слово «куны» для обозначения понятия денег. Аналогия с последним словом идет еще дальше, так как одна из денежных единиц, подобно деньге — монете с XIV—XIX в., носила наименование «куны». Для следующих единиц куны служили собирательным обозначением: для гривны, ногаты, куны, резаны, веверицы и векши. На основании только что приведенных свидетельств последнее для гривны, куны и резани не подлежит никакому сомнению; для ногаты и веверицы с векшей привести такого рода свидетельство, где бы куны — деньги были поставлены в прямую связь с ними, не удастся. Но две статьи, где все эти единицы перечислены друг за другом, а именно покон вирный «А вирнику 60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици», и статья о возмещении за домашних животных подтверждают существование целой системы, объединяемой понятием «куны». Последняя статья гласит следующим образом: «А за княжь конь иже с пятномъ, 3 гривны; а за смердий 2 гривнѣ, за кобылу 60 рѣзанъ, а за вошь гривну, а за корову 40 рѣзанъ, а третьякъ 15 кунъ, а за лоньщину полъгривнѣ, а за теля 5 рѣзанъ, за яря ногата, за баранъ ногата».⁶

Оставляя на время в стороне вопрос о реальной сущности этих единиц, что тесно связано с их именованиями и с вещественными памятниками

¹ Сергеевич, II ст. 24.

² Сергеевич, III, ст. 4, 23, 24, 44—46, 48, 58—60, 62—66, 68, 69, 72, 79, 80, 149.

³ Сергеевич, III, ст. 64.

⁴ Лаврентьевская лет. Шахматов 95, 3. В русских памятниках XI в. «куны» встречаются 5 раз.

⁵ Владимирский-Буданов, I, 45, ст. 49.

⁶ Сергеевич, II, ст. 9.

денежного обращения, дошедших до нас, я изложу сперва на основании имеющихся данных соотношение этих единиц между собой. Нет никакого сомнения, что наивысшей единицей денежного счета была гривна, которая употребляется без всяких определений в противоположность гривне золота и гривне кун, которые также встречаются в Распространенной Правде. В виду отсутствия в Правде каких-либо указаний на внешний вид или вес гривны и в виду распадаения ее на целый ряд более мелких единиц во II и III редакциях, приходится гривну рассматривать пока что исключительно с точки зрения ее составных частей, т. е. как единицу счетную.

Как очень легко убедиться, гривна Краткой и Распространенной Правды неодинакова. Во II редакции Краткой Правды имеются 4 фракции, а в Распространенной всего 3, так как резана исчезла. Вот как гласит, например, сходная статья о возмещении скота по Распространенной Правде: «А будеть былъ княжь конь, то платити зань 3 гривны, а за инѣхъ по 2 гривны... Аже за кобылу 7 (60) кунъ, а за волъ гривна, а за корову 40 кунъ, а за третьятку 30 кунъ, за лоньщину полгривны, за теля 5 кунъ, а за свинью 5 кунъ, а за порося ногата, за овцю 5 кунъ, за баранъ ногата, а за жеребець, аже не всѣдано нань, гривна кунъ, за жеребя 6 ногать».¹

Несмотря на меньшую ясность редакции сравнительно с Краткой тотчас же бросается в глаза исчезновение резани, что наводит на мысль о возможной разнице в стоимости гривны в обоих Правдах. Однако при сличении размеров штрафа в гривнах, выраженных здесь и там в одинаковых статьях, становится ясным, что стоимость гривны не изменилась:

За убийство свободного мужа — 40 гривен: Кр. ст. 3, Распр. ст. 3.

За ударение каким-либо предметом — 12 гривен: Кр. ст. 7, Распр. ст. 27.

То же не вынутым мечом из ножен — 12 гривен: Кр. ст. 8, Распр. ст. 25.

За княжего коня — 3 гривны: Кр. ст. 9, Распр. ст. 55.

За коня обычного — 2 гривны: Кр. ст. 9, Распр. ст. 55.

За вола — 1 гривна: Кр. ст. 9, Распр. ст. 56.

Правда, не всегда равные ставки в обеих Правдах носят один и тот же юридический характер: в одном случае это частное вознаграждение, идущее в пользу пострадавшего, в другом — денежная пеня за преступление, взимаемая государством. Это различие смутило Мрочека-Дроздовского и он

¹ Сергеевич, III, ст. 55 и 56; «за кобылу 60 кунъ» исправлено по другим спискам.

в своем чрезвычайно ценном исследовании о денежном счете Русской Правды привел целый ряд доводов, не позволяющих ему пользоваться равенством ставок в различных редакциях.¹ Думаю, что эти сомнения, неправильные сами по себе, ныне устарели. Первоначальная мера, при воздействии государственного начала, сперва вставлялась в крепкие рамки закона с заменой, хотя бы частичной, денежными пенями, а затем, с развитием значения государственной власти при распадении родового строя, всякое правонарушение стало пониматься как преступление перед государством, за что полагалось наказание в виде штрафа в пользу князя. Вполне естественно, что новых ставок не устанавливали, и они в старых размерах уплачивались новому юридическому лицу.

Гривна Краткой Правды II редакции, заключающая в себе 4 единицы, лучше всего поддается изучению на двух уже известных нам статьях: на статье о возмещении за скотину (см. выше) и на покое вирном. В первой статье расценка начинается с самого дорогого: конь — 2 гривны, кобыла — 60 резан, вол — гривна, корова — 40 резан, третьяк 15 кун, лоньщина — $\frac{1}{2}$ гривны, теля — 5 резан, ярь и баран — ногата, т. е. 2 гривны больше, чем 60 резан, гривна больше чем 40 резан, 40 резан больше, чем 15 кун, $\frac{1}{2}$ гривны меньше 15 кун и больше 5 резан; 5 резан больше 1 ногаты.

Так как легче всего вести счет на резаны как на единицу чаще всего встречающуюся, возможно заключить, что 1 гривна, вероятнее всего, равняется 50 резанам, так как больше 40 резан и меньше 60. Ногата в свою очередь является, вероятнее всего, наибольшей единицей после гривны, так как она одна из всех других единиц равняется в цене одному животному (за яря, за барана), но она меньше 5 резан. Куна — следующая по достоинству единица, так как в количестве 15, хотя и меньше 40 резан, но больше $\frac{1}{2}$ гривны, и вполне возможно предположить, что равняется в количестве 20 или 25 одной гривне. Резана, как $\frac{1}{50}$ гривны, может быть наполовину меньше куны.

Итак на основании этой статьи возможно предположить следующее уравнение:

$$1 \text{ гривна} = 15 \text{ или } 20 \text{ ногатам} = 20 \text{ или } 25 \text{ кунам} = 50 \text{ резанам.}$$

Неизвестным остается число вевериц, но что она меньше резаны, усматривается из покона вирного: 60 гривен и 10 резан и 12 вевериц.

¹ Мрочек-Дроздовский, 119—120.

Благодаря вдумчивому отношению к тексту и прекрасному знанию русского быта, Мрочеку-Дроздовскому удалось установить и более точное соотношение между некоторыми единицами кунной системы.¹

Согласно покону вирному должностному лицу, вирнику, полагалось натуральное довольство, а во время говения рыба, за которую он мог получить и деньгами 7 резан в день.² В этой же статье, как мы уже видели, делается из этого неожиданный вывод «то всѣхъ кунъ 15 кунъ на недѣлю». Верен этот подсчет лишь в том случае, если учесть, что только в течение 4 дней недели говения, в понедельник, вторник, четверг и субботу полагалось есть рыбу, эквивалентом которой являлись 28 резан. В среду же и в пятницу, как постные дни, полагалось, согласно той же статье, получать, как в течение всего года, по резани. Таким образом выходит 30 резан, так как воскресенье предназначалось для переезда вирника из одной общины в другую и довольствия ему в этот день вовсе не отпускалось. Переводя 30 резан на куны, согласно этой статьи, получаем 15 кун, что устанавливает соотношение резаны к куне, как 1 : 2, что уже предполагалось на основании статьи о возмещении скота. Из этого же следует, что куна является $\frac{1}{25}$ гривны, и что статья могла бы гласить: а за кобылу 30 кун (= 60 резан), а за вол гривну, а за корову 20 кун (= 40 резан).

Из Краткой Правды нельзя усмотреть точного соотношения между ногатой и другими единицами, но как мы уже видели, она меньше 5 резан, т. е. $2\frac{1}{2}$ кун. Она вряд ли равняется 2 кунам, а то стояло бы: а за яря 2 куны. Приходится предположить, что она лишь несколько, на дробь, больше куны. Это вполне возможно, так как кроме резаны существовала еще меньшая единица — веверица. Правильность только что установленного соотношения между гривной, ногатой и резаной подтверждается так называемой статьей о приплоде Карамзинского списка, которая, органически вовсе несвязанная с Русской Правдой, была волей переписчика включена в Распространенную Правду «... Какой-то сельский хозяин, кажется Ростовской области», — вот как характеризует ее Ключевский, — «положив в основу инвентарь своего села, составил математический, т. е. фантастический расчет, сколько в 12 или 9 лет получится приплода от его скота и пчел, прибыли от высеваемого хлеба и пяти стогов сена, а также, сколько

¹ Там же, 190, прим. 22.

² Сергеевич, II, ст. 24. Вирнику полагается различного продовольствия на неделю: «а въ среду рѣзану; а въ пятницу такоже... или ся пригодѣ въ говѣніе рыбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ. То всѣхъ кунъ 15 кунъ на недѣлю».

причтется платы за 12-летнюю работу женщине с дочерью».¹ Вставка о приплоде с точки зрения денежного счета однородна с Краткой Правдой II редакции, а не с Распространенной, так как в ней счет ведется помимо гривен и ногат, на резаны, а не на куны, как в последней. Это дает мне право проверить при ее помощи добытые ранее результаты из анализа Краткой Правды. Цены же на инвентарь, которыми изобилует этот памятник, я игнорирую и не сравниваю их с ценами в памятниках юридического и фискального характера.² Думаю, что обратный прием был бы методологически неправилен, в данном же случае при фантастичности предположений сугубо недопустим.

К сожалению, — и в этом удостоверюсь при первом же знакомстве с данными статьями,³ — изданный текст не лишен погрешностей в передаче цифр — и не только их. Так, например, несомненно неверна стоимость 19 животных, выраженная в 7 гривнах ст. 56.⁴ Этому, впрочем, нечего удивляться, раз переписчикам приходилось иметь дело при передаче сотен и десятков тысяч не с арабской системой чисел. Дальнейший разбор статей показывает, что получается верный результат проверки подсчета лишь в том случае, если подставляется добытое нами уже ранее соотношение между единицами. В тех же статьях, где несмотря на это, все же цифровой результат подсчета остается неверен, подставить какие-либо другие соотношения, возможные во всех статьях, не удается.

Из всех статей Карамзинского списка о приплоде значение для наших целей могут иметь лишь статьи 49, 50, 51, 52, 54, 55 и 56. Статьи 53 и 57 ведут счет лишь в полугривнах, а не в ногатах и резанах, поэтому для нас не интересны. Следует, однако, здесь же заметить, что цифровые данные в ст. 53 верны, в 57 же в умножении допущена ошибка на 4 единицы и следует читать 128 гривен, а не 124. Ст. 49 и 50, сравненные между собой, помогают выправить ошибку в ст. 49, к разбору которой я и перехожу.

«А отъ 20 овецъ и отъ двою приплода на 12 лѣтъ 90 000 овецъ и 100 овецъ и 12 овецъ, а борановъ 90 000, 100 и 12 борановъ а всего борановъ и овецъ на 12 лѣтъ 180 000 и 200 и 23. А овца метана по

¹ Ключевский, Курс, I, 284; см. разбор статей у Прозоровского. Монета и вес в России, 214—216.

² Мрочек, 119. Исследователя смущает разность цен барана в Правде и в Карамзинском списке.

³ Владимирский-Буданов, I, 45—48, ст. 49—65.

⁴ Там же, исправляется на 17 по Софийской летописи II. С. Л. VI, 62.

⁵ Издание Владимирского-Буданова от 1908, 45, ст. 49, ошибочно печатает 11 лет вместо 12. В других изданиях, а также у Калачова и у Лазаревского 12.

6 ногать, а боранъ по 10 рѣзанъ. А за то за все кунами 40 000 гривенъ и 5000 гривенъ и 50 гривенъ и 5 гривенъ и 40 рѣзанъ. А на тѣхъ овцахъ и на боранѣхъ рунъ 300 000 и 60 000 и 400 и 40 и 6 рунъ; а на тѣхъ рунѣхъ кунами 7000 гривенъ и 200 гривенъ и 8 гривенъ и 40 рѣзанъ и 6 рѣзанъ: а руно чтено на рѣзанѣ. Статья эта совершенно естественно распадается на две части: на подсчет животных и на подсчет рун. Остановлюсь сперва на последних. 360 446 рун расцениваются по резане, что дает 360 446 резан и равняется по расчету автора 7208 гривнам 46 резанам. Если сосчитать резану за $\frac{1}{50}$ гривны, то получается 360 446 резан ($7208 \times 50 + 46$).

В первую часть статьи несомненно вкралась арифметическая ошибка. В 12 лет получается приплод в 90 112 овец и в столько же баранов, что должно было бы дать в сумме 180 224 голов, в тексте же стоит 180 223. Если исправить эту ошибку, как делает Владимирский-Буданов, то получается противоречие между количеством животных и количеством рун: последних должно быть 360 446, т. е. вдвое больше, чем голов, которых указано 180 223.¹ Если обратиться к следующей статье, где ведется подсчет приплода от 20 коз «отъ двою приплоду» на те же 12 лет, то оказывается, что коз столько же, сколько и овец, именно 90 112, козлов же на одну единицу меньше, чем указано баранов в ст. 49, т. е. 90 111, причем автор конечно скрывает от нас свои соображения генетического порядка. При помощи этого сравнения объясняется общая цифра голов, указанная автором в ст. 49 ($90\ 112 + 90\ 111 = 180\ 223$). Овцы считаны по 6 ногат, отношение которых к резанам нам известно лишь предположительно на основании Краткой Правды. Остановимся на соотношении $1 : 2\frac{1}{2}$. Тогда общая стоимость овец будет равняться 1 351 680 резанам ($6\ \text{ногат} = 15\ \text{резанам}$, овец же 90 112), а баранов 901 110 резанам (90 111 баранов по 10 резан каждый). Стоимость всех животных выражается тогда в 2 252 790 резан, что при расчете резаны в $\frac{1}{50}$ гривны дает как раз указанную автором цифру в 450 055 гривен 40 резан. Итак, предположенная мною поправка к тексту, уменьшающая число баранов на одного (90 111), оказалась правильной.

Ст. 50 «А отъ 20 козь, и от двою приплода на 12 лѣтъ 90 000 козь и 100 козь и 12 козь. А то кунами 20 000 и 7000 и 30 гривенъ и 3 гривны и 30 рѣзанъ. А коза метана по 6 ногать. А козловъ 90 000 и 100 и 11 козловъ. А то кунами 10 000 и 8000 гривенъ и 20 гривенъ и

¹ Каким образом рун вдвое больше, чем животных, я не понимаю.

10 рѣзанъ; а козелъ метанъ по 10 рѣзанъ». Как видно, в этой статье, в противоположность предыдущей, козы считаны отдельно от козлов. Для коз получается, согласно принятых нами соотношений, следующее: 90 112 голов, стоимостью по 6 ногат ($= 15$ резанам), 1 351 680 резан, т. е. 27 033 гривен 30 резан, указанных автором. С подсчетом козлов дело обстоит неблагополучно, так как переписчик допустил ошибку на 2 гривны: 90 111 козлов по 10 ногат дают 901 110 резан, т. е. 18 022 гривен 10 резан, а не 18 020 гривен 10 резан, как написано в тексте. Правильность цифры, полученной мною, подтверждается текстом в Софийской летописи (Полное собр., л. VI—61) и подтвержденным выводом в статье 49.

Ст. 51 и 52 должны быть слиты уже по той простой причине, что вепри сами по себе приплода дать не могут. «А о[тъ] трехъ свинеи приплода на 12 лѣтъ 70 000 и 3000 и 700 и 20 и 8 свинеи. А то кунами 30 000 и 6000 и 800 и 60 гривенъ и 4 гривны [пропуск]. А вепревъ 40 000 и 9000 и 100 и 40 вепревъ: то кунами 10 000 и 4000, 700 и 40 гривенъ и 3 гривны и 40 рѣзанъ; а вепрь метанъ по 6 ногать [пропуск]». Первая часть ясна: 73 728 свиней стоят 36 864 гривен; пропущено указание на стоимость каждой отдельной свиньи, равной 25 резанам ($36\,864 \times 50 = 1\,843\,200$ резанам или 36 864 гривнам). Добавляю к тексту: а свинья метана по 25 резан. Во второй части получают излишние 1 гривна 40 резан. 49 140 вепрей по 6 ногат ($= 15$ резанам) дают в резанах 737 100 или 14 742 гривны, в то время как в тексте указано 14 743 гривны 40 резан. Чтобы объяснить излишние 90 резан, вернее всего толкование Прозоровского, что следует прикинуть здесь стоимость 3 свиней (по 25 резан $= 1\frac{1}{2}$ гривне) и одного борова (6 ногат $= 15$ резан), редоначальников приплода.

В следующих статьях у нас нет материала, который подтверждал бы делаемые мною исправления. Но я все же считаю нужным указать на таковые.

В ст. 54 общую стоимость кобыл надо исправить с 132 до 134: а то кунами 100 и 30 гривен и 4 гривны, по следующему расчету. Кобыл 32 по 150 резан $= 4800$ резан, третьячин 20 по 50 резан $= 1000$ резан, лонщин 20 по 30 резан $= 600$ резан, однолеток 20 по 15 резан $= 300$ резан, т. е. всего 6700 резан, в то время как в статье указано лишь 132 гривны $= 6600$ резанам.

В ст. 55 не указана цена старому жеребцу. Следуя расценке ст. 54, общая стоимость получается следующая: 4 кобылы по 150 резан $= 600$ резан, третьячины 3 по 50 резан $= 150$ резан, лонщины 2 по

30 резан = 60 резан, жеребцов молодых 10 по 15 резан = 150 резан, итого 960 резан, т. е. на 140 резан ниже указанной суммы в 22 гривны = 1100 резанам. Возможно предположить, что жеребец старый стоил как раз эти 140 резан (2 гривны 40 резан).

Ст. 56 наименее удовлетворительно сохранилась. В расчет входят быки, стоимость коих не указана. Кроме того за 19 голов рогатого скота положено всего 7 гривен, в то время как стоимость одних 9 коров равняется 12 гривнам = 600 резанам, так как 4 коровы метаны по 2 гривны = 400 резан, 3 третьячины по 1 гривне = 150 резан, и 2 лонщины по 25 резан = 50 резан. В подсчете сыров и гарнцев масла принятое и удостоверенное другими статьями соотношение резаны к гривне не подтверждается, так как 360 резан за сыры и 300 резан за масло равняется 660 резанам, т. е. 13 гривен 10 резан, а в тексте мы читаем 14 гривен 20 резан, т. е. 720 резан.

Прозоровский находит подтверждение соотношению гривны, ногаты и резаны, как 1 : 20 : 50, еще и в общей сумме доходов в 179 394 гривны 31 резаны: а всего того кунами 170 000 гривенъ и 9000 гривенъ и 300 гривенъ и 90 гривенъ и 4 гривенъ и 30 рѣзанъ и рѣзана, опроче жита (ст. 63). Действительно цифры такие: 45 055 гр. 40 рез., 7208 гр. 46 рез., 27 033 гр. 30 рез., 18 022 гр. 10 рез., 36 864 гр., 14 743 гр. 40 рез., 30 072 гр. 45 рез., 132 гр., 22 гр., 17 гр., 14 гр. 20 рез., 124 гр., 60 гр., 24 гр. и дают указанную автором сумму лишь при поправке, согласно Софийской летописи, и при расчете гривны по принятому соотношению. Имеется одна лишь странность: итог подводится в статье 63, а затем еще 60 гривен (ст. 64) и 24 гривны (ст. 65). Последние, как уплата женщине с дочкой за работу более походят на расход, чем на приход. Многие другие соображения Прозоровского, однако, бездоказательны.

Имеется еще одно свидетельство, при помощи которого Мрочек-Дроздовский пытается сделать поверку принятого нами соотношения между гривной и ногатой, как 1 : 20.¹ Согласно уставной грамоты Ростислава Смоленского смоленская епархия получает десятину от всех даней княжеских, за исключением поступлений с продажи и с виры.² Против обозначения поступлений с каждого отдельного окладного участка обозначается обычно тут же и десятина, как, напр.: «а въ Торопчи дани чотыреста гривенъ, а епископу съ того взяти 40 гривенъ». В одном случае, однако,

¹ Мрочек, 114.

² Владимирский-Буданов, I, 219, 220, 221; Бенешевич, 102—103.

указываются сперва поступления с Путины, с Бениц, с корчмарей, с Дедич, с гостей, а затем без суммирования этих поступлений общая десятина епископу. Кроме этой особенности имеется еще другая: для Дедич вира от дани не отделяется. Вот как звучит текст: «на Путийѣ присно платять чѣтыри гривны, Бѣниці 2 гривны, Коромити полпята гривны, Дѣдичи и дань и вира 15 гривенъ, гость 7 гривенъ, а изъ того святѣй богородици и епископу три гривны безъ семи ногатъ». Общая сумма поступлений $32\frac{1}{2}$ гривны, из них точно установимы дани лишь с Путины, Бениц, корчмарских и гостиных $17\frac{1}{2}$ гривен. 15 гривен с Дедич идут лишь в счет без виры, размер которой неизвестен. Десятина равняется 3 гривнам без 7 ногат, значит по прежним нашим предположениям получалось бы 53 ногаты, сумма же общих поступлений от даней 530 ногат, т. е. $26\frac{1}{2}$ гривны. Цифра возможная, так как она меньше 30 гривен, что необходимо, чтобы для десятины получилось меньше 3 гривен. Но, к сожалению, в тексте нет указаний на то, что в Дедичах дани равняются именно 9 гривнам ($26\frac{1}{2} = 17\frac{1}{2} + 9$). Поэтому читата эта и догадка Мрочека дают нам меньше, чем статьи о припходе, хотя предположительно подтверждают собою возможные выводы статьи о возмещении скота Краткой Правды.

Итак, для времени Краткой Правды 1 гривна = 20 ногатам = 25 кун = 50 рез., 1 ногата = $1\frac{1}{4}$ кун = $2\frac{1}{2}$ рез., 1 кун = 2 рез. Если ногата и резана на основании ряда памятников нашли свое определенное место в кунной системе, то сама куна лишь согласно Краткой Правде устанавливается как $\frac{1}{25}$ гривны. Стоимость ее в Распространенной Правде, где, как мы уже имели случай удостовериться, она встречается довольно часто, должна быть еще установлена. Это удастся сделать при сравнении ставок в параллельных статьях обеих редакций, так как оказывается, что куна всюду, за исключением двух статей, совершенно механически заменила собою резану. Размер ставок в обоих случаях остается прежним:

	Кр. Правда	Распр. Правда
Возмещение за кобылу	60 резан (ст. 9)	60 кун (ст. 56)
» » корову	40 » (ст. 9)	40 » (ст. 56)
» » теля	5 » (ст. 9)	5 » (ст. 56)
За участие в краже скота	30 » (ст. 12)	30 » (ст. 52)
» покражу лодки	60 » (ст. 15)	60 » (ст. 104)
» украден. птицу	30 » (ст. 16)	30 » (ст. 106)
» воровство мелк. скота	60 » (ст. 22)	60 » (ст. 53)

Столь же механически изменены резаны в куны в параллельной к покону вирному статье Распространенной Правды: вместо 60 гривен 10 резан 12 вевериц (Кр. Пр. ст. 24), 16 гривен 10 кун 12 векш (ст. 12).

Эти параллели настолько убедительны, что считаю возможным поставить за счет невнимания редактора, когда он в двух статьях просто, без изменений цифровых, переносит ставки:

	Кр. Правда	Распр. Правда
За кражу голубя и курицы	9 кун (ст. 16)	9 кун (ст. 56)
» » сена и дров	9 » (ст. 21)	9 » (ст. 117)

Очевидно, статьям этим уделялось меньше внимания, так как в уроке скота в Распространенной Правде коэффициент кун удвоен:

	Кр. Правда	Распр. Правда
За третьяка	15 кун (ст. 9)	30 кун (ст. 56)

На основании этих сравнений можно с уверенностью сказать, что по неизвестным нам пока причинам прежняя резань стала в Распространенной Правде называться кунной, вследствие чего, однако, размер самой гривны не изменился.

Как показал в своем исследовании о Русской Правде Л. К. Гетц, равенство между резаной и новой кунной подтверждается ставками для судебных пошлин, взимаемых в пользу главного исполнителя.¹ «Вирнику 8 гривенъ, а 10 кунъ перекладная, а метельнику 12 вѣкши, а съсадная гривна. Аже будетъ вира в 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 вѣкши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны».² Вирник получает значит либо 8 гривен и 10 кун перекладных, либо 16 гривен и 10 кун перекладных, так как метельщику в обоих случаях полагается 12 векш и ссадная гривна. 16 гривен вирник получает с высшей ставки в 80 гривен, т. е. с двойной виры, что составляет 20%. 8 гривен он, очевидно, получает с простой виры в 40 гривен, что также составляет 20%. Эти процентные отношения, конечно, те же и в 99 статье: «А се наклади 12 гривенъ, отроку 2 гривны и 20 кунъ», которые, переведенные на куны (1 гривна = 50 кунам, 12 гривен = 600 кунам, 20% от 600 кун = 120 кунам или 2 гривны 20 кун), подтверждают соотношение между гривной и новой кунной—старой резане, как 1 : 50. Правильность предположения о 20% со штрафа в пользу главного исполнителя Гетц усматривает еще в статьях 32, 78 и 104, где к штрафу в 1 гривну причислялись уже зараз 10 кун и в тексте написано прямо 60 кун.³

¹ Goetz, II, 40, 41; III, 128, 129, 310 280,—311; IV, 218—222.

² Сепревич, III, 12.

³ Goetz, IV, 216. Der Strafsumme ist die Gebührensumme zugezählt, wenn wir statt der Strafe von 1 Grivna eine solche von 60 Kuna, statt der von 3 Grivna eine solche von 3 Grivna 30 Kuna finden. Von der Geldstrafe, prodaža zu 12 Grivna sei gleich bemerkt, dass sie immer nur als reine Strafe, also ohne Zurechnung der entsprechenden Gebühren vorkommt. Уже Мро-

Равным образом и ст. 65 Распространенной Правды о резе рассматривается Гетпом как доказательство правильности признания соотношения гривны к куне, как 1:50.

Счет на новую куну для XII в. подтверждает, правда, с некоторой оговоркой, и смоленский устав 1150 г. Мы в нем уже находили указания, которые позволяли предполагать отношение между гривной и ногатой, как 1:20. На основании данных о сборе, называемом погородьем, можно признать ногату = $2\frac{1}{2}$ кун, а последние — старым резанам. Мы в нем читаем: «А се отъ Крупли гривна урока, а пять ногать за лисицу; а се отъ Вержавска двѣ гривны урока, а за три лисицы 40 кунъ безъ ногаты; а се отъ Капосы 6 гривенъ урока и двѣ лисицы, а почестья 35 кунъ; а се Поция урока полторы гривны, а за двѣ лисицы 22 кунѣ».¹ Лисица упоминается в данном отрывке три раза. В погородие с Крупли она расценивается в 5 ногат, в Вержавске берутся три лисицы из расчета в 40 кун без 1 ногаты, а в Поции 2 лисицы стоят 22 куны. Из первых двух данных получается известное уже нам соотношение между ногатой и новой куной, как 1: $2\frac{1}{2}$ ($5 \text{ ногат} \times 3 = 15 \text{ ногатам} = 40 \text{ кунам} - 1 \text{ ногата}, 16 \text{ ногат} = 40 \text{ кунам}$, т. е. $1 \text{ ногата} = 2\frac{1}{2} \text{ кунам}$). Для Поция же лисица отчего-то расценивается в 11 кун ($22:2$), а не в $12\frac{1}{2}$ кун, как следовало бы ожидать. Рождается мысль, что расценка может быть различной, смотря по местности, что и предполагал Мрочек-Дроздовский,² так как, подставляя расценку Поция для Вержавска, ногата равнялась бы 7 кунам ($1 \text{ лисица} = 11 \text{ кунам}$, $3 \text{ лисицы} = 33 \text{ кунам}$, $33 \text{ куны} = 40 \text{ кунам} - 1 \text{ ногата}$, т. е. $1 \text{ ногата} = 7 \text{ кунам}$). Однако и такое предположение маловероятно, если сле-

чек, 124 и 125, пытался вывести на основании статей с судебными пошлинами правильное соотношение гривны и резаны (новой куны), однако останавливался перед запутанным вопросом о должностных лицах. Мне кажется, что Goetz, IV, 177—181, правильно разрешил его, представляя себе дело так, что при каждом старшем исполнителе полагалось другое лицо, несшее подсобные функции и которое в таких случаях называется отроком. Так, когда вирник выполняет основные обязанности, то отроком его является метельник, получающий не меняющиеся от высоты штрафа вознаграждение. Когда дело идет о продажах, функции старшего исполнителя падают на мечника (может быть, того же метельника), который так же, как в ст. 99, сопровождается отроком, в данном случае писцом. Впрочем как раз эта статья очень неудачно формулирована, так как мечник называется также отроком: «отроку 2 гривны и 20 кунъ, а самому ехати с отрокомъ на дву коплю». Мрочек приводит для Краткой Правды статью, Сергеевич, II, 23, — где емцу причитается 70 кун с 12 гривен: «в этом случае полагая в гривне не 50, а 25 кун, найдем, что означенные 70 кун наклади емцу будут совершенно соответствовать 2 гривнам 20 кунам наклади отрока» (в Распр. Правде). Думаю, что здесь имеется ошибка. Гетпу удалось на мой взгляд установить 20% - пошлину в пользу исполнителей Распр. Правды. Для Краткой мы этих данных не имеем, а в данном случае получилось бы 23%, так как: 1 гривна = 25 кунами, 12 гривен = 300 кунам, от которых 70 кун $23\frac{4}{10}\%$

¹ Владимирский-Буданов, I, 225; Бенешевич, 106.

² Мрочек, 123—124.

лать проверку на данные из Крупли. Если предположить ногату в 7 кун, то 5 ногат составят 35 кун, т. е. придется предположить, что лисица для Крупли расценивалась в 35 кун, в то время как в Вержавске и Поцини она считалась по 11 кун. Кроме того предположение Мрочека уже потому недопустимо, что мы имеем в данном случае дело не с рыночными ценами, а с фискальными поборами, которые вряд ли могли даже в те далекие времена оценивать предметы с равными наименованиями по-разному в отдельных местностях. Поэтому я предпочитаю указания относительно Крупли и Вержавска признать однообразными и правильно переданными в тексте, а цифру для Поцини в 22 куны — ошибочной и подлежащей изменению в 25, как сделал это в свое время Казанский.¹ Для определения стоимости куны середины XII в. обычно пользуются еще одним источником, а именно Вопросаниями Кирика епископу Нифонту (1136 — 1156).² В них имеется такое место: «А за упокой еще веляше служити сорокоуствие: на гривну пятью, а на 6 кунъ единою, а на 12 кунъ двойчю», на основании чего будто бы следует заключить, что гривна содержала в это время 30 кун (1 сорокоуствие за 6 кун, 5 сорокоустов за гривну, т. е. $6 \text{ кун} \times 5 = 30 \text{ кунам}$ или 1 гривне). Чтобы избежать такого вывода, идущего в разрез с обычным подсчетом, либо 25-кунной, либо 50-кунной гривны, Карамзин, а за ним другие ученые полагали, что духовенству Новгородской епархии предлагалось делать скидку прихожанам в случае оптового заказа.³ Другие, как Прозоровский, стояли за то, что цитата правильно передает соотношение и что здесь имеется налицо падение ценности куны,⁴ предположение, которое безусловно само по себе вполне возможно, так как согласно истории денег падение стоимости денежных единиц явление чрезвычайно обычное. Однако в данном случае я считаю более правильным в поисках за истинными единицами древнего счета оставить в стороне свидетельство, где фигурируют цены, — самое условное, необязательное и обманчивое, что только может быть в исторических источниках.

Итак для кунной системы Распространенной Правды мы получили следующее соотношение:

$$\begin{aligned} 1 \text{ гривна} &= 20 \text{ ногатам} = 50 \text{ кунам.} \\ 1 \text{ ногата} &= 2\frac{1}{2} \text{ кунам.} \end{aligned}$$

¹ Казанский. Исследование о древней русской монетной системе в Записках Р. Археологического общества, III, (1851), 103. Статья Казанского (III, 90—157) хотя и устаревшая работа, но одна из лучших, написанных на интересующую нас тему.

² Памятники др. кан. права, 24.

³ Мрочек, 117.

⁴ Прозоровский, 187.

Самая последняя в ряде кунных единиц носит различное наименование в обеих Правдах: в Краткой «веверица», в Распространенной «векша». Но помимо разного смыслового значения, о котором речь будет ниже, эта, всего только раз упомянутая в Краткой Правде единица, совершенно механически заменена в Распространенной Правде словом векша — «а вирнику 10 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверицъ» (Кр. Пр. ст. 24), гласит во второй: «а же будетъ вира въ 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 вѣкши» (ст. 12).

В виду единичного употребления этой единицы,¹ более убедительным является пример из Пандекта Никона Черногорца, где в одном и том же слове (главе) и в одном и том же списке употребляются попеременно оба обозначения.² Незначительность этой единицы удостоверяется как стоимостью одной церковной свечи³ в Новгороде XII века, так и целым рядом переводных текстов, напр., Златоустом, где имеется фраза: «Вельми убогъ есть, яко двою вѣкшу не имѣть.»⁴

Точно установить соотношение между веверицей и векшей, с одной стороны, и другими кунными единицами — пока не удалось ни на основании изучения Русской Правды, ни других источников. Учитывая всю кунную систему, я склонился бы к тому, чтобы признать веверицу за $\frac{1}{4}$ куны ($\frac{1}{2}$ резаны), так как погата представляет собою $1\frac{1}{4}$ куны и $2\frac{1}{2}$ резаны, что заставляет естественно предполагать реальное существование в натуре единицы, выражающей дробь. Однако как-будто бы этому противоречит пошлина в пользу вирника в 60 гривен и 10 резан и 12 вевериц, всматриваясь в которую естественно предположить, что резана (будущая куна) больше 12 вевериц. Но надо иметь в виду, что способы передавать суммы в денежных единицах в древности были, повидимому, несколько иные, чем у нас теперь. Так мы встречаем в Краткой Правде обозначение суммы в 60 резан,

¹ В Распр. Правде векша встречается вторично в ст. 139 (Сергеевич, III): «а се уроци судебни: отъ виры 9 кунъ, а метельнику 9 вѣкшъ».

² Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, ХLI, 219—220 (Чудовский список XIV в.), слово 46: «Рци старче «продаеши ли сия» он рече: «еи». Они же «по козику», рѣша. Онъ же рече: «по десяти вѣверицъ». «Аще хоцещи по вѣкшѣ, да мы возьмемъ». И глагола имъ «яко же хоцете, возмѣте». И давши ему вѣверицѣ, взяша вся спиридия». К сожалению, греческий текст Пандект по сю пору не напечатан. Рукописи же, как хранящиеся в Париже и во Флоренции, для меня были недоступны. Так как в этом сочинении, переведенном на русский язык еще в конце XI или начале XII в., встречаются выражения: скот, гривна, резана, веверица и векша, можно ожидать от него, при сличении с подлинниками, интересных уточнений древней русской денежной системы.

³ Памятники др.-р. кан. права, 24.

⁴ Срезневский. Словарь I, 485. — Ср. Пандекты «Аще по вѣкши единой токмо подають, никто же бы нище былъ». Срезневский. Сведения, 292.

в 30 кун, для Распространенной Правды в 70 и 60 кун, когда для нас было бы естественнее написать 1 гривна 10 резан, 1 гривна 5 кун, 1 гривна 20 кун, 1 гривна 10 кун. Может быть в данном случае имела в виду расплату именно в веверицах. Или же может быть избегали сложных делений, так как пришлось бы сказать 16 резан (вместо 10 резан и 12 вевериц)

Реальная сущность кунных денег по Русской Правде и по другим памятникам письменности XI и XII вв.

Как показало предыдущее изложение, Русская Правда опиралась при вычислении своих штрафов на стройную и богатую денежную систему. Пожалуй, следует даже сказать — на чрезмерно богатую систему, если иметь в виду начальную стадию государственного существования общества; поэтому невольно приходит мысль, что сами реально существовавшие к моменту составления Русской Правды платежные единицы подсказали такую сложную систему. Для выяснения этого обстоятельства чрезвычайно много может дать внимательный анализ наименований денежных единиц.

В кунной системе, создающей впечатление однородности стройностью соотношений между отдельными частями, наименование единиц имеет характер чрезвычайно разнородный. Как мы далее убедимся, богата предполагает металлическую сущность знаков расплаты, куна и веверица с векшей — меховую, резана является понятием нейтральным, потому что разрезать можно как тонкую металлическую пластинку, так и мех. Гривна во всяком случае не обозначает меха,¹ с XI же века безусловно служила обозначением для единицы веса и расплаты в золоте и серебре. Впрочем все эти наименования, как давно уже вышедшие из обихода (даже гривна известна теперь только в форме гривенника), не вполне понятны без всестороннего разбора, — слово гривна встречается у всех славянских народов и обозначает ожерелье, обруч, браслет, кольцо; вес золота и серебра.²

В виду общедоступности производства этого слова первичный смысл его в качестве металлического шейного украшения очень редко подвергался сомнению. Такого рода соображение подтверждалось, кроме того, еще частым применением этого слова в переводе Библии и 2 раза в Шестодневе Иоанна, экзарха Болгарского, а также ссылкой на первоначальную летопись под 1015 годом, где говорится об убийстве князя Бориса Влади-

¹ Усов в Древностях, издававшихся М. Археол. обществом (1881), 101, Заметка о древних русских деньгах, считает возможным видеть в древних шейных гривнах меховое оплечье.

² Преображенский. Этимологический словарь, 158. Срезневский. Словарь, I, 588.

мировича и его отрока «его же любяше повелиху Борисъ, бѣ бо вѣложилъ нанъ гривну велику злату».¹ Вообще же в русских памятниках, и притом в самых ранних свидетельствах, гривна встречается лишь в качестве денежной единицы, как, например, под 6390 годом: «Съже Олыгъ нача города ставити... и Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривнъ 300 на лѣто мира дѣля».² Я усматриваю подтверждение моей мысли о необычности употребления слова гривна на русском языке в смысле украшения в цитате из Ипатьевской летописи, правда, несколько более позднего времени, а именно XIII века: «И милостынею, яко гривною утварю златою украсуся».³ Как-будто бы весовое значение гривны более раннее, чем украшение, если вспомнить место из летописи от 1147 (6655) г. «Отторгаша на немъ (на князе Михаиле) крестъ и чеппи, в гривну золота».⁴ Здесь почему-то не сам предмет, шейное украшение, а лишь вес его обозначается в гривнах. Такого рода наблюдения наводят на мысль, что и гривна славянская «о жерелье», как слово «скот», имела свой омоним в каком-нибудь скандинавском слове и что словесная форма денежной — сперва счетной, затем весовой гривны — была заимствована вместе с платежным знаком, ею обозначавшимся.

Уже Круг, а затем Погодин предполагали нечто подобное, но мысль свою далее не проследили.⁵ Впервые высказали на этот счет свою догадку Эрдман и Муравьев, но очень неотчетливо,⁶ затем Гутцейт,⁷ который производит слово гривна от древнескандинавского слова *grīrg*, которое обозначает в древнешведском движимое имущество, по-норвежски в форме *gjer* драгоценность (*Kleinod*), по англо-саксонски в форме *grīra* горсть (*Handvoll*), сноп (*Garbe*), что родственно немецкому *Griff* (хватка).⁸

Такого рода словопроизводство очень близко подходит к смыслу гривны Русской Правды, которая не могла быть особенно велика, так как состояла из 20 ногат — монет. Это словообразование русской ранней гривны из

¹ Лаврентьевская летопись, Шахматов, 170, 13; Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (1863), 22. Сводку употребления этого обозначения сравни у Казанского, 107—8, и у Мрочка, 53—65.

² Лаврентьевская лет., Шахматов, 24, 5. Нач. свод. Ср. 10. Новгородский свод у Шахматова, Розыскания, 612—11.

³ Издание 1908, 924.

⁴ Лаврентьевская лет. (1897), 301, 19.

⁵ Krug. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands, II, 274—275. Погодин. Исследования, замечания и лекции, III, 288.

⁶ Муравьев. Исторические исследования о древностях Новгорода, 34; Эрдман, Труды и летописи VI, 1833.

⁷ Gutzeit, выпензаванная статья.

⁸ H. S. Falk und A. Torp. Norvegisch-dänisches ethymologisches Wörterbuch.

шведского *gripr* или англо-саксонского *gripr* я пока что могу предложить лишь в качестве гипотезы.¹

Древнейшая гривна, встречающаяся без всякого определения и обозначающая денежную единицу, употребляется в новгородских официальных памятниках вплоть до 1232 (6740) г.,² во Владимире еще позже, в постановлениях церковного собора 1274 г.³ Затем она исчезает. Но уже с 1137 г. в уставной грамоте Святослава, дарованной Новгородской епархии, появляется в виде ее конкурента «гривна новых кун»⁴ («Того дѣля уставилъ есмь св. Софїи, ать еметь пискупъ за десятину отъ виръ и продажъ 100 гривентъ новыхъ кунъ, иже выдаваетъ Домажиричь из Овѣга») и она же в Мирном договоре Новгородцевъ с Готландцами (1189—1199), где она именуется уже гривной серебра в противоположность гривне ветхих или старых кун.⁵ Из этого же памятника мы узнаем о соотношении между старой и новой гривной, сравнивая между собою ставки штрафов Русской Правды со ставками штрафов Мирного договора. Это вполне возможно сделать, не смущаясь тем, что в Мирном договоре денежные штрафы являются всегда частным возмещением, а не наказанием за преступление, идущим в пользу князя, так как дело идет здесь об иностранцах. Также привилегированными лицами, согласно особым условиям в сношениях с иностранцами, являются иные категории людей, чем в Русской Правде. В результате сравнения оказывается, что если расценка идет в Мирном договоре в старых гривнах кун, то ставка совпадает с соответствующей ставкой в параллельных статьях Русской Правды. Если же она учитывается в гривнах новых, в гривнах серебра, то сумма уменьшается в 4 раза, что дает нам право признать гривну Русской Правды в 4 раза меньше, чем платежная единица последующих веков.

Такая параллель может быть проведена без всяких оговорок в отношении статей о «пихании»:

Кр. Правда I ред. § 13: «Аще ли ринеть мужъ мужа любо отъ себе, любо къ себѣ, 3 гривнѣ».

Распр. Правда § 36: «Аче попъхнеть муж мужа... то 3 гривны продажи».

¹ Запрошенный мною автор работы о славянских заимствованиях с германского Стендер-Петерсен отнесся к моему предположению отрицательно.

² Новгородская I летопись (изд. 1888), 240, 15.

³ Памятники др.-русс. канонического права, 92.

⁴ Владимирский-Буданов I, 217; Бенешевич, 99.

⁵ Владимирский-Буданов, 94, гривна старых кун, ст. 4, 5, 7, 8, и гривна серебра, ст. 2, 3 и 15. Ст. 14 упоминает просто «гривну» без определения. Я думаю, в противоположность Goetz'u, Handelsverträge, 60—62, что следует и здесь понимать гривну старую.

Мирный договор § 6: «Оже упихнеть, любо мятель раздрьть, то 3 гривны старые».

Согласно ст. 5 об увечье Мирный договор знает лишь один штраф 6 гривенъ за рану старые» (6 гривен старых), беря среднюю ставку из ставок Распространенной Правды (25, 27 и 34 ст.), где благодаря введению детализации указаны штрафы в 3, 6 и 12 гривен, смотря по серьезности нанесенного вреда.

Другие статьи Мирного договора, в которых речь идет о старых кунгах, не имеют параллелей по той простой причине, что на Руси предусматриваемые этими статьями преступления разбирались церковным, а не светским судом. Так как в отношении иноверцев последняя возможность отпадала, то в договоре создавались новые нормы.

Присмотримся теперь к статьям, которые в Мирном договоре пользуются гривной серебра для определения размеров штрафа. За убийство свободного мужа полагается, согласно ст. 3 Русской Правды, 40 гривен: «Аще ли будеть русинъ, или гридѣнь, любо купцѣ или ябетникъ, или мечъник, аще ли изъгой будеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положить зань». В той же статье 3 Мирного договора читаем: «А оже убьютъ купчину Новгородца или Нѣмчина купчину Новѣгородѣ, то за ту голову 10 гривенъ серебра».

За привилегированное лицо как в Правде, так и в договоре полагалась двойная ставка. Так в Краткой Правде, во II редакции, и в Распространенной Правде за убийство огнищанина, за княжеского тиуна и мужа, за старого конюха у стад полагалось 80 гривен (ст. 1, 4, 5 и Распр. Пр. ст. 5). По Мирному договору привилегированными оказываются послы, переводчики и попы (ст. 2 и 15), и за их убийство взимается 20 гривен серебра.

Итак, 40 гривен старых кун равны 10 гривнам серебра, а 80 равны 20, что устанавливает соотношение между старой гривной и новой серебряной, как 1 : 4.

Существование переходного периода, когда возможно было расплачиваться в двух валютах объясняет нам и появление в Распространенной Правде обозначения «гривна кун». Очевидно прибавление к гривне определения «кун» должно было подчеркнуть старую сущность гривны в противоположность новым платежным знакам. Характерно, что выражение «гривна кун» встречается лишь в статьях, не перенятых из Краткой Правды (ст. 21, 26, 30, 56, 88, 103, 105, 140).

Все это убеждает нас, что во времена составления Краткой Правды гривна не измерялась на вес, что естественно для гривен золота и серебра.

Такое наблюдение подтверждается знакомством и с другими источниками. Золотая гривна встречается впервые в житии Феодосия, написанном между 1074 и 1091 г. «Тъгда же блаженный призвавъ иконома подасть ему гривну злата, глаголя... Сиде шедъ купи на потребу братии».¹ Серебряная гривна появляется впервые в грамоте вел. князя Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю от 1130 г. «А се азъ Всеволодъ далъ есмь блюдо серебряно въ 30 гривнъ серебра святому же Георгіеву».²

Но несмотря на то, что гривна Русской Правды была лишь счетной, представляемой своими фракциями, приравнение ее к $\frac{3}{4}$ гривны серебра Мирного договора заставляет предположить, что она была тоже серебряной, хотя и другой. Подтверждение этого факта мы находим в наименовании самой крупной из ее фракцій, ногаты.

До того как дольше остановиться на значении последней, необходимо несколько задержаться на попытке исследователей установить вес гривны X в. на основании данных из договоров с греками.³ Согласно последним, за нанесение удара мечом или копьем полагался штраф в 5 литр: «да того дѣля грѣха заплатити серебра литръ 5, по закону Русскому».⁴ Так как под византийской литрой можно только понимать римскую либру весом в 327.456 г, то, очевидно, за данный проступок должно было платить 1 кг 637 г 280 мг серебра (5×327.456). Имеющееся пояснение в тексте «по закону Русскому» можно толковать и как относящееся исключительно к взиманию денежного штрафа вместо телесного наказания,⁵ полагающегося за это по византийским законам, и как определяющее одновременно также размер ставки денежного наказания. Если последнее предположение верно, то обращаясь к Русской Правде как к закону русскому, нормы которой создавались, вероятно, еще X в., мы находим 12 гривен, полагающиеся за нанесение удара тупым орудием.⁶ Тогда легко исчислить вес гривны, и ее следует признать единицей, весом в 136.44 г ($1.637.280:12$),

¹ Житие Феодосия, Киево-Печерский Патерик (изд. 1911 г.), 36.

² Владимирский-Буданов, I, 112—113; Казанский, 124, приводит свидетельство Густынской летописи от 6630 г.: «Искупи Василько (Володаря Перемышльского) за двадесять тысящ гривнъ серебра», но я этого места в летописи не нашел.

³ Казанский, 114; Мрочек-Дроздовский, 74; Ключевский. Курс, I, 267.

⁴ Лаврентьевская лет., Шахматов, 58, 14; при Олеге 35, 19.

⁵ Сергеевич. Лекции и исследования (1903), 642. «По закону русскому» относится не к определенному количеству литр, как это уже было замечено Эверсом, а к денежной плате вообще, так как по греческим законам оскорбление действием наказывалось иначе. «Еще решительнее Кауфман. Русский вес 74—76, в Записк. Нум. отделения Арх. общества, I.

⁶ Сергеевич, I, ст. 7 и 8: «Аще кто кого ударитъ батогомъ или жердью, или пастью, или чашею, или рогомъ, или тылесною, то 12 гривнъ... Аще утнеть мечемъ, а не вынезъ его, либо рукоятю, то 12 гривнъ за обиду».

безразлично, сама ли она весила столько, или же в совокупности своих частей. Такого рода выводы Ключевского и других ученых теряют очень много в своей убедительности, если вспомнить, что в договорах с греками имеется большое количество неясностей, требующих бесчисленного числа оговорок и толкований и поэтому чрезвычайной осторожности при пользовании их данными.¹ Мне лично представляется затруднительным решить вопрос, следует ли слова «по закону Русскому» отнести только к норме наказания, или также к размеру ее ставки. Укажу, однако, на мотивы за и против выведения гривны Русской Правды из договоров с греками. За это говорит необходимость предположить конкретность в мышлении руссов. Они вряд ли представляли себе «закон русский» абстрактно как норму, допускающую изменение своих ставок. Раз признан закон русский, то уже во всей его полноте. И далее, раз сделано в этой статье отступление договаривающимися от греческого обычая расплачиваться золотой монетой, номисмой (златницей) и ставку установили в серебре, то естественно придерживаться и количества серебра, привычного руссам. Противоречит же такому предположению сложность подсчета: написанию греческого текста должен был предшествовать метрологический расчет, какой я произвел только что, что тоже мало вероятно. Поражает равным образом то обстоятельство, что летописец употребил при переводе на русский язык греческое обозначение «литра», а не применил русского слова гривна, в то время как в русских оригинальных текстах вообще и в самом договоре в частности греческого обозначения денег не встречается. В случае необходимости употреблялись постоянно нейтральные выражения, как, например, златник. И еще одно соображение чисто метрологического характера, к которому вернусь в дальнейшем: весовая величина в 136.44 г (около 31 золотника) до сих пор была неизвестна и ее не увязать ни с какими весовыми системами. Впрочем возможно также предположить, что весовая единица серебра в договорах, не будучи византийской литрой, была равной гривне Правды, но выражалась в других единицах веса, почему и получается странное соотношение, как $1:2\frac{2}{5}$.

Происхождение наименования наиболее ценной фракции гривны, ногаты, не подлежит ныне, на мой взгляд, никакому сомнению. Ногата слово арабское, обозначающее в форме «нагд» полноценную и наличную монету, деньги.² Преобразование произошло на русской почве, вероятно,

¹ М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, 23.

² Freytag Lexicon arabico latinum (1837), IV, 320; Lane. Arabic-english lexicon (1893), VIII, 2836; Dozy. Supplement aux dictionnaires arabes, 1881. Справками в лексической литературе обязан моему коллеге Р. Р. Фасмеру.

в таких стадиях: нагд, нагод, нагат, ногат, ногата, последнее по аналогии с гривна, куна, резана.¹ Само название «хорошая монета» (предполагающее существование дурной) и стоимость ее лишь на дробь выше следующей единицы указывает на то, что она моложе других единиц и стала отличаться от других, когда те по какой-то нам неизвестной причине ухудшились. Различие в весе между ними, судя по названию, при этом как-будто бы роли не играло. В наших письменных памятниках XI и XII вв. ногата встречается значительно чаще, чем куна XI в., которая затем вовсе исчезает как $\frac{1}{25}$ гривны. Внутреннее достоинство ногаты может быть определено лишь на самих вещественных памятниках, на монетах.

Вторая фракция гривны «куна» старше ногаты. Она, вероятно, и была той единицей, которая при некотором падении своей стоимости еще до составления Русской Правды вызвала в жизнь единицу, ставшую к ней в такое неудобное при расчетах отношение. Но мне кажется вполне логичным предположить, что куна первоначально составляла $\frac{1}{20}$ гривны, и затем только превратилась в $\frac{1}{25}$. Это же падение сделала вслед за ней и ее половина, резана. Доказательством того, что именно куна, подвергшаяся дважды уменьшению своей стоимости — раз в X в., другой раз в XI в. — была до XI в. основной денежной единицей в русском прошлом — служит, конечно, то обстоятельство, что обобщающим местным названием для денег стала именно она во множественном числе.

Все эти соображения, кажущиеся, на мой взгляд, неоспоримыми, сталкиваются со словесной формой наименования, несомненно заимствованного от имени лесного зверька. Мы его теперь называем куницей и мех ее, по всем имеющимся у нас источникам, был излюбленным объектом вывоза. Архангелогородская летопись, древний первоисточник, который несомненно заменяет слово «куна» других летописей — куницей.² В то же время древнейшая переводная литература употребляет слово «куна» в смысле зверька и его меха: «Корькодилы чьтяху и змеч, куны же и рыбы, оть бесловесны чьсти бесчьстие себѣ обрѣшаюште», сентенция, имеющаяся в памятнике

¹ Первый, указавший на вероятность такого производства, был нумизмат-восточник барон Тизенгаузен в Записках Восточн. отд. Р. Арх. общ. 1886, I, вып. I, 238—239. Обосновал это предположение Мелиоранский в Зап. Акад. Наук, II отд., VII, (1902), 2—298, и Преображенский, Этимологический словарь, 610; Трутовский, Что такое ногата, в Древностях восточных IV, (1913) на мой взгляд дополнил уже имеющиеся взгляды, не упомянув впрочем о них, лишь указанием, что арабское «нагд» происходит в свою очередь от арабского глагола «накада» — сортировать деньги, отбирать хорошие экземпляры. Все другие его соображения не нашли сочувствия ни у специалистов нумизматов, ни у востоковедов.

² Лейбович. Сводная летопись, 22, 24.

1073 г., в Изборнике Святослава.¹ Другой пример находится в Древнем слове на четырехдесятницу: «Куны и портъ на изъядение молю».² Очень возможно, что именно этот смысл присущ и слову «куны» в Лаврентьевской летописи под 6693 (1185) годом, когда описывается пожар во Владимире на Клязьме: «вымыкаше из церкви на двор до всего, а и с терема куны и книги и паволоки», так как куны здесь названы наравне с легко сгорающими, дорогостоящими предметами; куны в данном случае, очень вероятно, шубы, которые еще и в недавнее время при деревенском пожаре спасали в первую очередь. Однако обычно, когда в оригинальных русских памятниках XI и XII вв. идет речь о лесном зверьке и его мехе, и этот смысл благодаря контексту не подлежит сомнению, прибавляется уточняющий эпитет. Так, когда Олег берет с древлян дань, он берет ее не кунами, а «черными кунами» (Лаврентьевская летопись 6391 г.) «поча Ольгъ воевати на Древляны, и примучивъ я, имаше на нихъ дань по чьрнѣ кунѣ».³ То же говорится об Ольге, когда она установила побор с жениха «по черной куне»⁴ или когда Святослав уступает дань деревьскую Свинельду в 6430 г.⁵ Такое же словоупотребление удостоверяется уставной грамотой Ростислава Смоленского 1150 г., в которой встречаются куны, как в смысле денег («а се даю святѣй богородицы и епископу прашеники съ медомъ, и съ кунами, и съ вирую, и съ продажами»,⁶ так и в смысле меха: «а у Торопчи урока: 40 гривень и 15 лисицъ и 10 черныхъ кунъ».⁷

Из сделанного только что наблюдения возможно, на мой взгляд, сделать лишь один вывод, что обозначение денежной единицы, представлявшей, смотря по времени, 20, 25 или 50 частей металлической гривны, стало настолько употребляемым словом, что требовалось, при обозначении зверька, присоединять какой-либо определяющий его эпитет, в данном случае черный. Вот почему куны — деньги являются в памятнике XII в. в противо-

¹ Срезневский, Словарь III, 1364.

² Там же, 1365. Потебня ставит в связь корень слова «куна» с корнем «ква» — становится крепким. Этимол. заметки III, 34. То же И. И. Толстой в Допетровской нумизматике, II вып. Монеты Пскова (1886), 10 и 11 прим. от слова «ковать». Сравни Шугаевский. Старая монета (1912). На мой взгляд возможно предположить народную этимологию, которая способствовала внедрению наименования меха для обозначения монеты.

³ Шахматов, 24, 8.

⁴ Шахматов. Раскольничий список у Татищева (Изд. II, 45, прим. 135).

⁵ Комиссионный список. Шахматов, 373, 10. Он же. Розыскания, 543, 16, древнейший Киевский свод 1039, в редакции 1073 г.

⁶ Владимирский-Буданов, I, 219; Бенешевич, 102.

⁷ Там же, 225; ср. также Ипатьевскую лет. под 1160 (6668) г. (1903), 504, лист 180 б. «Да бо Ростиславъ Святославу соболми, горнстайми и черными кунами и песци и белыми волкы и рыбы ими зубы»; Бенешевич, 107.

положность натуральным поборам «истыми» кунами, когда устанавливается в пользу епископа десятина «от всѣхъ даней Смоленскихъ» («что ся въ нихъ сходить истыхъ кунъ»)).¹

Сходно с кунной словоупотребление веверицы и векши, наименования современной белки.² Когда речь идет о зверьке, в противоположность фракции гривны, к слову прибавляется эпитет «белый». Так, мы читаем в Лаврентьевской летописи (6367: «Казаре имаху на Поляхъ и на Сѣверѣ и на Витичахъ; имаху по бѣлѣ вѣверицы отъ дыма»)).³

Понимая под кунами металлические деньги, или, вернее, даже монеты, только и можно себе представить вполне конкретно, как Владимир предлагал варягам подождать пока соберут куны по две гривны с человека или как он приказывал раздавать нищим куны от скотниц. Теперь также понятно обращение Феодосия к княжескому кучеру, которого он велит сперва накормить, а затем: «еще же и кунами тому давъ, отпусти п»,⁴ или, например, запрет в переводном памятнике Антиоха: «Куны твои не даси въ лихву».⁵ Равным образом можно, понимая под веверицей монету, представить себе, что на нее можно было в XII в. купить церковную свечу.⁶

Веверице и векше посчастливилось больше других частей гривны, так как находятся переводные тексты, где она дословно передает греческое *λεπτόν* и византийский нумий. Последний обозначает медную единицу, переставшую уже с VII в. быть реальной, чеканной монетой. Лишь 40-кратная стоимость ее, *фоллис*, выпускалась в XI в. в виде медной монеты, сильно колеблющейся в весе и размере.⁷

Если прежде и были какие-либо основательные сомнения в правильности признания за кунной системой Русской Правды металлической сущности, то теперь, с установлением происхождения слова ногата, последние сомнения отпадают. Впрочем, для XIII в. у нас имеется веское пояснение слова «куны» в договоре Смоленска с Ригой от 1229 г.: «Аже будѣть свободѣнныи человекъ убить, 10 гривенъ серебра за голъву (а за гривну серебра

¹ Владимирский-Буданов, I, 219.; Бенешевич, 102.

² См. Преображенский «вѣверица и векша». Первое слово имеется почти во всех славянских языках, векша же, помимо украинского, является словом областного говора русского языка.

³ Лаврентьевская лет., Шахматов, 19, 3. Софийская л. заменяет «и по бѣлѣ вѣкшици»:

⁴ Житие Феодосия. Чтения Общества люб. ист. и др. р., 1899, II, зс. 29

⁵ Срезневский. Словарь III, 1365.

⁶ Вопрошания Кирика. Памятники др. р. канон. права (1908), I, 24.

⁷ Срезневский. Словарь, I, 485 и «*δύο λεπτόν*» двою вѣкшу.

4 гривны кунами или пенязи)». ¹ Раз куны XIII в. могли обозначать пенязи, Pfennige, денарии, то и в X в. они могли служить обозначением для серебряной валютной единицы того времени.

Причину же того, что зверек или его мех дали имя монете, нельзя себе объяснить иначе, как первоначальной устойчивостью расценки кунных и беличьих мехов у восточных славян на какую-либо определенную единицу. Меня в этом отношении несколько не смущает раннее свидетельство Ибн Русты, «что одна куница равняется $2\frac{1}{2}$ диргем». ² Здесь названа цена меха, покупаемого арабскими купцами в Болгарах, в Южном Поволжье или на Каспийском море, вероятнее всего у варягов, может быть у славянских князей или у других купцов — разбойников и вымогателей. На местах, где только и могло сложиться новое словоупотребление, сами охотники получали при продаже своих шкур по 1 диргему за шкуру куницы и может быть $\frac{1}{4}$ диргема за мех белки. ³

Считая доказанным, что «скот» является варяжским обозначением для денег, т. е. для ходячей монеты того времени, а «куны» славянским, местным для них же, следует в дальнейшем ознакомиться с вещественным выражением их и притом в той форме, как они выявляются в нашихкладах и представлены в наших нумизматических собраниях. При этом важнее всего будет проследить на этих памятниках те изменения, которые мы имели случай отметить при изучении памятников письменности.

Монетное обращение Восточной Европы в IX—XII вв.

До XIV в. Восточная Европа не знала непрерывного монетного обращения. Наиболее древней монетой, обращавшейся здесь, были монеты греческих колоний, однако, повидимому, большее распространение вглубь страны, чем греческий и греко-скифский чекан на сравнительно узкой полосе Черноморского побережья, имели только римские императорские денарии I—III вв.

На смену римским денариям не пришли новые денежные знаки. Только в начале IX века арабский диргем стал интенсивно проникать в Восточную

¹ Goetz. Handelsverträge, 236—237 b, из рукописи D.; Гетц особо подчеркивает значение этой редакции, как хорошо выдержанной в знании русских юридических оборотов. Русско-ливонские акты, 405 и сл.

² Хвольсон. Ибн Даста, 24—25.

³ Я никак не могу понять, как Ключевский, I, 268, мог цены, встречающиеся случайно у одного восточного автора, использовать в качестве свидетельства стоимости кунны вообще. Хотелось бы, чтобы к материалу о ценах впредь подходили осторожнее.

Европу и превратился для местного населения в объект накопления, а может быть также и в металлическое платежное средство. Как показало за последнее десятилетие внимательное изучение восточных кладов, «хождение куфических монет на территории б. России... продолжалось всего только около 200 лет, и кладов, зарытых в VIII в., до сих пор не найдено, а найдены только монеты VIII в. в кладах, зарытых в IX в.»¹ Действительно, самый ранний клад, найденный в Кривянской станице Донской области в 1894 г., можно отнести лишь к 810 г., так как новейшая монета, входившая в его состав, чеканена в 805—806 г. н. э.² Затем на коротком расстоянии времени отмечены и изучены 5 кладов с диргемами сходного состава с Кривянским. Этот второй монетный период длился до первой трети, много до середины XII в. Я отношу последнюю группу кладов с немецкими пфеннигами к последнему десятилетию XI и к самому началу XII в. Наиболее поздний клад, найденный в 1913 г. в деревне Спанко б. Петергофского уезда, можно приурочить к 1120 г., так как в его состав входили пфенниги императора Генриха V (1105—1125).³ На смену этим монетам не пришли другие, ни местные, ни чужие. Вследствие этого надо предполагать, что старые монеты ходили несколько дольше, чем показывают это клады. Но говорить, как это изредка встречается в археологической литературе, о находках монет XIII в. не приходится: такого рода сведения основаны либо на недоразумении, либо на простом незнании монет.⁴ Никто из нумизматов этих монет никогда не видал.

Но так как совсем без обращения драгоценных металлов, в особенности без серебра, население — думаю, преимущественно высшие слои его и обитатели городов — обойтись не могло, и так как обмен местных товаров с заграницей продолжал осуществляться с сохранением излишков в драгоценных металлах, на смену монетам пришли серебряные слитки, которые так или иначе ходили в XII, XIII и XIV вв. Их было так много найдено, зарегистрировано и изучено в течение последних ста лет на территории СССР — вес их я расцениваю в 300 кг серебра, — что средневековую Восточную Европу можно поистине назвать страной обращения

¹ Фасмер. Об издании топографии находок куфических монет. Изв. Акад. Наук, 1933, 476.

² Фасмер. Клад куфических монет, найденных в Новгороде в 1920 г. Изв. ГАИМК, IV, 267; Марков. Топография кладов восточных монет (1910), 137, № 8.

³ Bauer. Der Fund von Spauko, в Zeitschrift für Numismatik (Berlin, 1926); Он же. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts. В том же журнале (1929 и 1930) Bd. XXXIX und XL, 75 n. 12, und 197. Изв. Археол. ком., вып. 52, дополн. 6—7.

⁴ Bauer. Russische Funde, 126, прим.

слитков по преимуществу.¹ С наиболее же поздними монетами, немецкими пфеннигами XII в., слитки этих веков не находились, что частично объясняется территориальными особенностями обращения тех и других. Лишь слитки XIV в. изредка находятся с монетами золото-ордынских ханов, да и то всего больше в степной полосе.

На границе монетного и безмонетного периода и была составлена III редакция Русской Правды, Правда Распространенная, почему в некоторых статьях ее автор счел нужным оттенить, что гривна, на которую он ведет счет, — гривна монетная, кунная, в противоположность новой, серебряной. Однако, как видно из предыдущего, эпоха образования обычного права и фиксирование его затем в Русской Правде, хотя полностью и совпадает с монетным периодом русского прошлого, но ни в отношении состава монет, ни в отношении территории, ими охватываемой, однообразной названа быть не может. Налицо две основные группы монет и монетных систем, которые приходят на смену друг друга, причем, однако, последнее происходит не вдруг, а постепенно. Первая — арабские или, как их часто называют из-за особенности их письма, куфические диргемы, лишенные всяких изображений; очень многочисленны также их части, находимые сотнями и тысячами. Происходят эти диргемы из самостоятельных и полусамостоятельных государств мусульманского Востока и чеканены самыми разнообразными династиями и еще гораздо более многочисленными правителями и временными узурпаторами, легальными монетными дворами, мастерскими фальшивомонетчиков и подражающими восточному чекану кочевниками Восточной Европейской равнины. Появление на рубеже XI в. новой западноевропейской валюты приходится полностью или частично объяснить убылью арабских диргемов, которая в свою очередь связана с наступившим на Востоке серебряным кризисом.² Новая валюта была представлена западноевропейским денарием, который теоретически был однороден во всех странах и связан с монетной реформой Пипина Короткого и Карла Великого. Эти пфенниги или денарии происходили преимущественно из Германии и в меньшем количестве из Англии. Дроблению и разрезанию они подвергались гораздо реже, чем более крупные диргемы; чеканенная половина пфеннига — обол встречается также редко. Пфенниги здесь обращались, судя покладам, уже в два последние десятилетия X в., но по их малочисленности цельных кладов

¹ Bauer. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters в Numismatische Zeitschrift (Wien, 1929—1931); Ильин. Топография серебряных и золотых слитков (1921), введение.

² Марков. Топография, введение; Vasmer, Dirhem, 146 (2) в Schrötter, Handwörterbuch der Münzkunde (1930).

из них составить было нельзя. Таковые образовывались уже в XI в., хотя в первой трети наполовину и более были смешаны с диргемами. С середины же века мы можем говорить только об обращении кладов из пфеннигов, так мало встречается диргемов в кладах второй половины века.¹ В переходный период конца X и начала XI вв., попадали на Русь и византийские милиарисии, но, судя по кладам, в самом ограниченном количестве и почти всегда в поломанном виде.² К этому же времени, ко второй половине княжения Владимира, следует отнести выделку собственных русских монет, очень немногочисленных серебряников и совсем единичных златников. Происхождение последних из кладов вовсе неизвестно, серебряники же встречались как в смешанных кладах арабо-западноевропейского происхождения, так и в двух исключительно русских.³ В кладах всего монетного периода изредка встречается весовое серебро — будь то в слитках и в их частях, будь то в виде серебряного лома. Слитки неопределенные, разнообразных фасонов и размеров и малоопределенного веса. Лишь немногие из них по весу и форме связаны с дальнейшим развитием слиткового обращения в XII в.⁴ Части ломаного украшения и ломаной посуды (?), которые столь часто встречаются и притом в большом количестве в кладах полабских и поморских славян, а также в Скандинавии, что побудило немецких ученых создать специальный термин *Hacksilberfunde*, напротив, в русских кладах весьма редки и малочисленны. Выделяется в этом отношении один только Полоцкий клад, зарытый приблизительно около 1060 г.⁵ Отсутствие хождения серебряного лома объясняется на Руси естественной и медленной сменой диргемов денариями, в то время как в названных выше странах стала ощущаться убыль восточной монеты уже во второй половине X в. Для изучения Русской Правды такое явление, как отсутствие платежных единиц исключительно весового характера, особенно важно, так как лишний раз оттеняет счетную природу ее гривны в противоположность сменившей ее весовой гривны серебра.

Пришедшие ранее других монет на русскую равнину арабские диргемы и положили начало кунной системы. Этому способствовало и их чрез-

¹ Bauer. *Russische Funde*, 210; Бауер. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. Изв. ГАИМК, V, 15, 296; Проблемы истории докапиталистических обществ, № 9—10 (1935), 238.

² Bauer. *Russ. Funde*. 210.

³ Ильин. Топография кладов древних русских монет (1924), 15, № 22 и 12, № 8.

⁴ Bauer. *Silber- und Goldbarren*, 81 (5) и 84 (3), п. 9—11 и п. 17; Ильин. Топография слитков, введение.

⁵ Bauer. *Russ. Funde*, 149, п. 65; Ильин. Топография слитков, 15, № 10. Отчет Археол. Комиссии (1909—1910), 201, 252; Bauer. *Silber- und Goldbarren*, 84 (8), п. 11.

вычайно большое количество, завезенное в В. Европу (не говорю уже о Скандинавии и западославянских землях). На сегодняшний день известно 750 находок с диргемами,¹ которые обычно далеко немалочисленны, хотя, конечно, Муромский клад в 2 п. 23 ф. весом и не может считаться рядовым явлением.²

При этом не следует забывать, что дошедшие до нас сведения о найденных диргемах, на самом деле, составляют лишь незначительную часть общего количества завезенных монет, так как клады выкапывались в течение многих веков, изучены же были лишь таковые в XIX и XX вв. Кроме того большое количество диргемов послужило металлом как для изготовления украшений в эпоху их завоза, так и для отливки слитков последующих веков. Нельзя вследствие этого усомниться, что на такой широкой базе могла развиться привычка пользоваться монетой и денежным счетом. Насколько глубоко она проникла в толщу населения — сказать невозможно. Кратковременность выпуска русских монет в начале XI в. и переход на обращение серебряных слитков, когда иссяк прилив чеканенного металла как с Востока, так и с Запада, скорее свидетельствуют о роли монеты в качестве объекта накопления, нежели необходимого в хозяйственной жизни страны платежного средства.³ Впрочем, Русская Правда с ее дифференцированной системой указывает на то, что правящий класс был на Руси, как и на Западе, проводником денежного обращения.

Раз диргем был древнейшей куней, то встречающиеся в наших кладах части следует признать другими единицами кунной системы. Сравнительно легко выделяемы резаны, когда они имеют вид половины диргема. За резаны, вероятно, надо признать и те правильно обрезанные кружочки, которые обнаружены за последнее время в довольно большом числе в целом ряде кладов. Особенно много было их в Березовском кладе 1910 г., в Стародзедзинском кладе,⁴ а также в еще неизданном Безлюдовском Харьковского района.

¹ Фасмер. Об издании топографии, 476.

² Марков. Топография, 5, № 28.

³ Отсутствие на Руси собственного чекана — монеты конца X и начала XI в., конечно, не могут идти в счет — продолжалось, как известно, вплоть до самого конца XIV в., почему, напр., желание Павлова, Книги законные 25, видеть в замене русского перевода указаний оригинала на наказания фальшивомонетчиков наказаниями «списавшим живые грамоты» аргумент в пользу датировки перевода греческих судебников еще в Киевском периоде не основательно. Еще почти весь XIV в. не знал подделывателей монет, так как отнести к фальсификаторам слитков частного производства статьи греческих законов вряд ли можно. Указанием на Павлова я обязан В. И. Бенешевичу.

⁴ Vasmer. Ein im Dorfe Staryi Dedin in Weissrussland gemachter Fund kufischer Münzen. Kungl. Vitterhets Historie och antikvitets Akad. Handlingar. Stockholm (1929), 21—24.

Веверица по кладовому материалу представляется мне столь же неопределенной единицей, каковой она выявилась и в анализе письменных источников в отношении других частей гривны. Все части диргема, меньшие чем его половина, входили, вероятно, в категорию вевериц, даже если она теоретически оценивалась в $\frac{1}{4}$ диргема. Дальнейшим индивидуальным переговорам и определению на глазок предоставлялась ее более точная расценка. Я не согласен с предположениями Черепнина, который с антекарскими весами в руках установил, на основании одного лишь случайного клада, «определенную кратность весовых отношений» между группами этих мельчайших обломков в $\frac{1}{32}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{24}$ и $\frac{1}{40}$ диргема.¹ Такую точность в весе предполагать для того времени мы не имеем никакого права. При большом же количестве, где каждая неточность составных частей могла в общем стать ощутительной, на помощь, конечно, приходили весы и гирьки, которые, хотя и в небольшом количестве, все же встречаются на русской территории. Возможность разлома диргемов объясняется сравнительно большим диаметром (в среднем 26 мм) кружков и их относительной тонкостью, отсутствие же чеканенных фракций естественно вызывало на такого рода манипуляции из-за дороговизны металла в те далекие от нас времена.

Благодаря существованию наименования ногаты мы имеем возможность проследить весь ход развития денежного обращения. Вероятно, первоначально в IX в. продавцы мехов, меда и воска брали исключительно хорошую монету, отклоняя вовсе прием дурной, на что указывает и аккуратный состав куфических кладов этого времени. На Востоке уже и в это время обращалась не одна полноценная монета, что удостоверяется специальной, очень развитой терминологией. Так, диргем чистого серебра назывался джайид (Djauyid); диргем сильно лигатурный заиф (zaif) или галла (Ghalla); диргем скверного серебра частной выделки или уже демонетизированный — бахрадж (Bahradj, Nabahradj); диргем из меди, покрытый тонким слоем серебра — саттук (Sattuk); диргем сомнительного серебра, очень распространенный в VIII—X вв., хорасани (Khorasani).² Сокращение на восточных рынках числа хороших диргемов заставило население Восточной Европы согласиться на приемку наравне с хорошей, также и скверной монеты, которая, сохранив прежнее наименование куны, стала, однако, приниматься по более низкой цене; хорошие же диргеми выделялись как ногаты и за ними оставалась их прежняя расценка в $\frac{1}{20}$ гривны. Соображения эти подтверждаются появлением в кладах X в. заметного количества монет дурного серебра.

¹ Черепнин. Коростовский клад 1892 г. в изданиях Рязанск. арх. ком. Отд. оттиск, 5.

² Vasmer, в Handwörterbuch der Münzkunde, 146 (I).

Ставшие в них очень многочисленными резаны и векши последовали за кунной в ее падении. Новые монеты, денарии, начавшие проникать с Запада в конце X в., как по своему весу, так и по своему размеру, сходному с обрезанными в кружок диргемами, не могли внести никаких изменений в денежный счет. Одно только следует подчеркнуть, что в виду полного оттеснения куны и выделения резаны во II редакции Краткой Правды, последняя вряд ли была зафиксирована ранее заметного наплыва денариев в Восточную Европу, что, судя покладам, произошло не ранее 40-х годов XI в.¹ Половинки же диргемов из наших кладов вряд ли могли выполнять эту роль как по своей малочисленности, так и по малой определенности своей формы. Изменение произошло, да и то только формального характера, когда с середины XI в. хороший и дурной дергем, т. е. куна и ногата, стали совсем редкостью, и налицо оказалась одна резана — денарий. При этом и территория, куда завозились эти западноевропейские деньги, сильно сузилась в сравнении с прежним объемом денежного обращения. Теперь это был преимущественно район Финского залива и южнее его, вглубь страны, — верховья Двины, Волги и Днепра.² Здесь, где, как в Новгороде, Пскове и Смоленске, немецкие денарии продолжали попрежнему прибывать, резана естественно превратилась в монету по преимуществу, т. е. в куну. Вот почему Распространенная Правда и перешла к этому наименованию для прежней хорошо известной резаны. База для этого создавалась во второй половине XI и в начале XII вв.

В других частях Восточной Европы, где монеты исчезли вовсе, сохранился старый счет на ногаты и резаны, как мы это видим в статье о приплоде Карамзинского списка, но без реального знака расплаты. Понятно, что на юге Руси, раньше чем на Новгородском и Смоленском севере, появляются слитки серебра, киевские определенные шестиугольные гривны весом в 158 г., которые при больших платежах могли заменить собою монету. Впрочем весовой их характер и в таком случае должен был преобладать.

Хотя вкладах II половины XI в. и гораздо реже, чем в конце X и начале XI вв., встречаются обломки монет, но все же веверица — векша не вовсе исчезла. Помимо кусочков определенного веса и формы имеются среди немецкой монеты и чеканенные обобы (Hälblinge), являющиеся по весу половиной целого денария.

Выяснив совпадение между денежными единицами, встречающимися в древнейших письменных памятниках и существующими в натуре монетами,

¹ Bauer. Russ. Funde, 195; Проблемы, 238.

² Там же, 207.

ходившими в В. Европе с XI—XII вв., нам остается еще установить стоимость счетной гривны Русской Правды, выраженной в серебряных частях ее. Русские исследователи XIX в. во что бы то ни стало стремились добиться такого рода выводов и были, на мой взгляд, в этом отношении совершенно правы,¹ в то время как исследователи XX в. удовлетворялись констатированием факта существования гривны и гривны серебра и не спрашивали себя, что это могло по существу значить.² Не задаваясь вовсе целью определять товарные цены того времени, все же возможно, при обилии находимого на русской территории драгоценного металла, установить выражение их в серебре. Спрашивается, какими же источниками мы располагаем при разрешении этой задачи?

На первом месте упомяну ценнейшее указание Мирного договора 1189—1199 гг. на соотношение между гривной серебра и гривной старых кун, как 1:4. Других сведений такого характера иные памятники письменности не содержат, за исключением так наз. статьи о бесчестии, о которой ниже. Из археологического материала я на первое место считаю нужным поставить дошедшие до нас серебряные слитки. С одной стороны, их очень много, с другой стороны, значительный вес их позволяет пользоваться ими с большей уверенностью, чем монетами. К тому же они, на мой взгляд, в метрологическом отношении ныне лучше изучены. В отношении слитков смущает исключительно вопрос об их пробе: к сожалению до сих пор не удалось подвергнуть все сохранившиеся экземпляры точному анализу.

На втором месте из теоретических соображений следует поставить весовые гирьки. Преимущество их состоит в том, что они относятся к более раннему периоду, к обращению монет до XII в.; слитки же могут лишь ретроспективно осветить интересующий нас вопрос. Но материал гирек, найденный на русской территории и хранящийся в русских музеях, не разработан и не сведен. Поэтому я пользуюсь исключительно иностранными данными.

На последнее место я вынужден при изучении весовых отношений отодвинуть, как это ни странно, монетный материал. При средневековом способе чеканки монет *al marc*, — т. е. проверка чеканившихся монет производилась лишь на весовую единицу — марку, а отдельные экземпляры не выверялись, — они не могли по существу своему быть достаточно однородными. Затем следует учитывать для диргемов 200-летний, для дена-

¹ Например, Прозоровский, Монета и вес в России.

² Кулишер. Очерк истории русской торговли (1928). Goetz тоже отмахивается от этого вопроса, ссылаясь на малопонятного Прозоровского.

риев 150-летний срок монетного дела. За это время и на столь обширных территориях, на которых они выпускались, произошло чрезвычайно много изменений и колебаний в области выделки монеты. Для немецких денариев, например, мы знаем, что уже в 882 г. существовали две различные основные единицы серебра: одна для Майнца, другая для Регенсбурга, из которых исходили при чеканке монет.¹ Так обстояло дело только в одной Германии, мы же должны принять во внимание находимые у нас англосаксонские, датские и др. денарии. Может быть хуже еще дело обстояло с диргемами. Достаточно авторитетных и детальных анализов монетного серебра тоже не производили. Итак, считаю почву для удовлетворительных обобщений еще далеко не подготовленной, и вследствие этого свожу в своем исследовании роль монет в весовом отношении к роли очень важного проверочного материала.

Ко времени составления Мирного договора с готландцами на Руси обращались, судя покладам, два сорта слитков определенного веса. Более ранние из них были упомянутые мною выше киевские гривны со средним весом для 376 экз. в 157.87 г каждая.² В отношении их не может быть более никакого сомнения, что они южные, а не северные. А. А. Ильин проделал в 1921 г. ту работу по топографии находок,³ которой так не доставало И. И. Кауфману в 1906 г. и после которой Кауфман вряд ли бы так уверенно настаивал на некоторых из своих выводов.⁴ Из 48 находок с шестиугольными гривнами 20 падает на территорию самого г. Киева, 15 на ближайшие окрестности его, 1 на б. Полтавскую губ., 5 на б. Волынскую, 3 на г. Чернигов и только 4 находки отмечены вне названной местности. При этом 2 клада, далеких от Киева, — Задрутынский (Могилевский) и Тверской — настолько огромны по количеству серебра, что им можно дать название *Depotfunde*, которое более показательно для вывезенной казны и имущества, чем для денежного обращения внутри выпускавших их областей. В Киевском же районе постоянно встречаются в самостоятельных находках то по одной, то по две гривны. Хотя эти слитки и наверное относятся к XII в. и даже к началу его, о чем свидетельствует, например, Киевский клад из усадьбы Гребеновского, в состав которого входили монеты Алексея I и Иоанна II Комненов (1081—1143), но все же в виду их южного происхождения о них речь не могла идти в договоре готландцев

¹ Hilliger. Gold-und Silbergewichte im Mittelalter. Blätter für Münzfreunde, 1930.

² Bauer. Barren, 107 (31), Tabelle 4.

³ Ильин. Топография слитков, введение и карта.

⁴ Кауфман. Русский вес, 66.

с новгородцами. Вторая группа слитков, менее многочисленная, может быть и более поздняя по времени, вероятнее всего также относится к XII в. Эти слитки расплющены и по форме своей являются дальнейшим развитием некоторых слитков XI в. Что-то общее имеется у них по виду и с киевскими, от которых они однако сильно отличаются,¹ главным образом, своим весом. 75 известных и изученных экземпляров весят в среднем 197 г. Этот вес расплющенных слитков, прежде именовавшихся без всякого для того достаточного основания черниговскими, крепко связывает их с новгородскими гривнами XIII, XIV и первой половины XV вв.; 193 новгородских слитка — палочки XIII в. весят в среднем 197.11 г,² а 260 таких же слитков двух последующих веков — 196.89 г.³ Хотя новгородские гривны находились в течение всего XIX в. по всей территории России, правильность данного им наименования подтверждается как упоминаниями в памятниках письменности, так и в изобразительном искусстве.

В уставах новгородской ганзейской фактории св. Петра XIV в. не раз встречается в качестве платежных знаков «*stucke silvers*». Мы читаем, напр., в IV редакции этих уставов или скры: также следует дать священнику в год 10 кусков новгородского серебра (*Item sal men dem prestere geven des jares X stucke nauwersches sulvers*).⁴ Изображены же эти слитки на иконе Георгия, раздающего свое имение нищим, иконе, которая исследователями единогласно относится к Новгородской школе иконописцев XIII в.

Этих данных, по моему мнению, достаточно, чтобы признать новгородские гривны и их предшественников, расплющенные слитки весом в 197 г, именно за те гривны серебра, о которых говорится в Мирном договоре и которые в 4 раза больше гривен Русской Правды. Стоимость последней гривны в серебре равнялась таким образом 49.25 г. Что же касается чистоты гривны Русской Правды в монетах, то она, в виду лигатурности последних, должна была быть ниже наших новгородских слитков; хотя для последних и не имеется в моем распоряжении пробы для всех дошедших до нас слитков, но все же имеющиеся немногочисленные данные говорят о чистоте их металла даже выше 937 на 1000, традиционного процента западноевропейского средневекового серебра, когда 15 лотов серебра шло на 16 лотов общего веса марки. Только в XIV в. появляются указания на

¹ Bauer. Barren, 111 (35), 116 (40).

² Там же, 62 (46).

³ Там же, 67 (51).

⁴ Schlüter. Die Novgoroder Skra (1914), Text, 161, Register 58 (2); Goetz. Handelsgeschichte, 356.

чистоту и на лигатурность слитков-марок. Имеются следующие пробы слитков веса 197 г, сделанные на Монетном дворе в XIX в.: для слитков Рязанского клада 1828 г. получилось 969 на 1000; для слитков Новгородского клада 1850 г. 989 на 1000, для слитков Стародубского клада 1873 г. 980 на 1000 и для интересующих нас в особенности расплюснутых слитков — клад Мышеловки 1896 г. 925 на 1000. Нет никаких оснований предполагать, хотя бы по общему виду новгородских гривен, что дальнейшие анализы могут опровергнуть предположенную чистоту серебра приблизительно в 950 на 1000.¹ Анализ, сделанный для неопределенных слитков XI в. в Гос. Эрмитаже, показывает ту же высокую пробу серебра.

Полученный мною вес гривны Русской Правды в 49.25 г. должен, однако, быть чем-нибудь исторически засвидетельствован, т. е. ему должен быть найден его родоначальник, должно быть доказано историческим путем его происхождение.

И. И. Кауфман² искал традиционный русский вес, так же как и Арне древний норманский вес, на Востоке.³ Кауфман считал вполне естественным, что вместе с монетами занесен был в древнюю Русь и восточный вес, который он думал опознать и встретить в полуфунтовых слитках. Но он вовсе не интересовался существованием другой гривны, гривны Русской Правды, бывшей в обиходе задолго до появления серебряных слитков. Гривну серебряную он называл домонгольской, причем был знаком с ней не по археологическим памятникам, а из схематизированных рассуждений нумизматов.

Но так ли уже обязательно признавать арабов за учителей древнего населения Восточной Европы в отношении веса, как это думал Кауфман? Про арабов, например, мы не имеем ни одного свидетельства, что они отправлялись вглубь страны, за Волгу. На мой взгляд гораздо естественнее признать норманнов носителями этих навыков: они прошли всю Восточную Европу вдоль и поперек, их же, вероятно, и разумеет Ибн Фодлан,⁴ говоря о руссах, что они массами накапливали диргемы и, набрав 10 000 штук, одаривали жен своих цепями. Норманны доставляли эти же диргемы в огромных количествах к себе на родину, а также морем в Польшу и к другим западным славянам. Вот если бы Арне был прав, что норманский вес также восточного происхождения, тогда пришлось бы искать в указанном И. И. Кауфманом

¹ Luschn. Allgemeine Münzkunde (1926), 181; Bauer. Barren 64 (48), n. 118, 68 (52), n. 126, 70 (54), n. 136 и n. 147, 114. (38), n. 93.

² Кауфман. Русский вес, 85.

³ Arne. Ein persisches Gewichtssystem in Schweden в «Orientalisches Archiv» (1912), 122—127; Arne. La Suède et l'Orient (1914).

⁴ Гаркави. Сказания восточных писателей, 93—94.

направлении. Но пока вес гривен в 197 г там как-будто бы не встречался, хотя он и близок к полуфунту иракского веса.

Обычно норманский вес связывается с западноевропейскими античными традициями, а их денежный счет с англо-саксонским денежным обращением, которое отчасти и создано под давлением самих норманнов. Кроме того наиболее ранние сведения о положении дел у норманнов мы узнаем из англо-саксонских законов и договоров с этими насильниками IX—XI вв.

Как раз знакомство с новейшей метрологической литературой северных стран, отчасти проработанное в Германии, дает совершенно удовлетворительный ответ насчет происхождения веса наших слитков весом в 197 г.

Исходным пунктом для понимания денежных и весовых систем Средней Европы является, конечно, римский фунт в 327.288 г, заключавший в себе 12 унций, весом в 27.288 г каждая. Во второй половине VIII в. римский фунт исчезает и точные весовые данные появляются снова лишь начиная с середины XIV в. К этому времени всюду счет идет на марку, различную в каждом городе, но всегда похожую на марку соседнего города. Над сведением этих многочисленных и разнообразных марок к первоначальной марке потрудились очень многие исследователи, и, как мне кажется, ныне она найдена.

За 500 лет отсутствия точных данных о весе серебра, с исчезновением римского фунта, его место заняли две единицы. Сперва, во второй половине VIII в., фунт Карла Великого и затем, в XI в., — марка, причем обе единицы существовали друг подле друга и обе употреблялись как в качестве веса, так и в качестве денежного счета.

Новая весовая единица — марка — происходит из Скандинавии, так как впервые в ней, или, вернее, в ее половине (*healfmarc*), норманны высчитывали в 880 (890) г. причитающийся им откуп с англо-саксов.¹

В поисках за весом каролингского фунта и первоначальной марки исследователи, на мой взгляд, пришли к одному очень ценному результату. Они уверились, повидимому, в том, что понять изменения в весе или, вернее говоря, переходы от различных систем античного веса к другим античным же, продолжавшим жить в варварском обществе вплоть до 1000 года, можно лишь исходя из меньших единиц, чем фунт, а именно из унции и из ее делений.² При помощи этого же приема удалось — я думаю, на этот раз окончательно — установить вес каролингского фунта в 409.3 г, как

¹ Schrötter. Handwörterbuch der Münzkunde, 371; Liebermann. Gesetze der Angelsachsen, II, 578.

² Hilliger. Der Ursprung der Mark. Numismatische Zeitschrift (1929), 14.

15-кратное римской унции в 27.288 г, что давно уже подозревали ученые разных национальностей, базируясь на традиционности этого веса на юге Франции.¹

Делимый в весовом отношении на 15 единиц каролингский фунт как единица денежного счета распадался на 20 солидов-шиллингов по 12 денариев-пфеннигов (= 240 денариев); счет этот сохранился по сю пору в денежной системе Англии и окончательно внедрился там с X—XI вв.

Этот счет и в других случаях остался более стойким, чем вес фунта в монетах. На основании расчетов вергельда (X в.) в Мерсии, сведения о котором сохранились в более поздних памятниках, выясняется, что из фунта в 409.3 г стали очень рано выделять 250 денариев, вместо прежних 240, т. е. денарий уже более не весил 1.7055 г (= scoti Раффельштеттенского устава), а всего 1.638 г. При сохранении счета на 240 денариев вес фунта уменьшился до 392.94 г, который и был принят норманнами, как показывают северные весовые гирьки, за высшую единицу веса в их расчетах с англо-саксами.

Исконный скандинавский счет шел на марку, которая равнялась 8 эрам по 3 эртуга (= 24 эртуга).² Если разделить вес пониженного каролингского фунта на 16, т. е. на двойное число эры в марке, получается на каждую эру 24.558 г (392.94 : 16).

Полученный теоретическим путем вес эры в 24.5 г удостоверяется найденными в Швеции гирьками, изданными Зеебомом³ и Арне,⁴ причем особенно много их было найдено на о. Готланде. На двух гирьках весом в 24.35 и 23.62 г (последняя несколько повреждена) имеются 3 точки или кружка, которые заменяют собой надпись наименования эры (эра, как известно, распадалась у шведов на 3 эртуга). Кроме того найдено еще 3 гирьки без точек, весом в 24.65—24.25—24.23 г. Другие многочисленные гирьки с точками и без точек, изданные Арне, указывают как на

¹ Hilliger. Die Duursteder Karolingergewichte, 166—175, особенно 171—172.

² Н. Hildebrand. Sveriges Miteltid, 755.

³ Fr. Seebom. Tribal custom in anglosaxon law, 235—36; A. Steinnes. Smist um Norsk vekt fyre år 900 в Avhandlingar det Norske videnskaps-Akademi i Oslo, 1926. Hist-filosofisk Klasse n 5. устанавливает в качестве основного веса гирьку в 3.972 г. Знакомством с содержанием этой статьи я обязан аспиранту Гос. Эрмитажа М. М. Дьякову, который любезно согласился ее мне перевести; Ср. Hilliger. Ursprung der Mark, 19.

⁴ Стараясь вывести норманскую весовую систему из иракского фунта, Арне (Ein Persisches Gewichtssystem) ошибается, усматривая в наименьшей весовой единице вес в 4.25 г, в то время как гирьки дают нам право заключить лишь на 4 г. Это отметил в своей статье Hilliger, Frankfurter Münzzeitung, 1930, n. 3, 39. Как каролингский фунт, так и иракский одного веса здесь же мы имеем дело с пониженным весом, как и в наших якобы полуфунтовых слитках, которые на самом деле весят 197 г, а не 204 г.

основную, самую мелкую весовую единицу на гирьку в 4 г, значит в $\frac{1}{2}$ эр-туга и $\frac{1}{6}$ эры ($6 \times 4 = 24$).

Скандинавская марка в 197 г была затем повсеместно заимствована в Европе, так как давала возможность легкого подсчета как на старый золотой вес, так и на новый каролингский серебряный. Несмотря на изменения, которым затем подвергалась марка, 197 г удержались в качестве торговой весовой марки в Кельне XII и XIII вв., а также во многих северных городах. В Стокгольме этот вес выплывает в XIII в. уже в виде марки в 210.62 г. и сохранился по сей день. Вес марок других шведских городов колеблется между 210 и 218 г.¹

Четвертая часть марки, которая была принята у нас под названием гривны, мне пока не встречалась в англо-саксонских источниках. Вряд ли, однако, это может служить веским доказательством против происхождения гривны из марки, раз она является двойной эрой. В расчетах цельная марка до XI в. тоже не встречается. Ее место занимают то $\frac{1}{2}$ марки в 4 эры, то сама эра, то, наконец, счетный скиллинг, который ведь и в наших памятниках встречается в виде летописного щьялга.² Очевидно, из частей марки то одна, то другая принималась за основу веса, смотря по обстоятельствам и смотря по особенности монетных единиц. Углубленное занятие с этой целью английскими и скандинавскими источниками может быть и укажет на 2 эры как на ходовую единицу веса.

На основании добытых результатов возможно установить содержание серебра и в частях русской первоначальной гривны.

В Краткой Правде

	950 на 1000	Чистое серебро
Гривна	49.25 г	46.79 г
Погата, $\frac{1}{20}$ гривны	2.46 »	2.38 »
Куна, $\frac{1}{25}$ гривны	1.97 »	1.87 »
Резана, $\frac{1}{50}$ гривны	0.98 »	0.93 »
Веверица, $\frac{1}{100}$ гривны	0.49 »	0.47 »

В Распр. Правде

	950 на 1000	Чистое серебро
Гривна	49.25 г	46.79 г
Погата	2.46 »	2.38 »
Куна, $\frac{1}{50}$ гривны	0.98 »	0.93 »
Векша, $\frac{1}{100}$ гривны	0.49 »	0.47 »

¹ Hilliger. Ursprung der Mark, 14; Hauberg P. Myntforhold og Udmyntningar i Danmark indtil 1146 (1900), 146.

² Шахматов, 24, 15 и 75, 16; Архангелогородская лет., Лейбович, 75, 8.

Я совершенно сознательно не привел расчета для времени до падения куны и появления ногаты, так как о расхождении весового фунта у норманнов со счетным мы узнаем лишь из Мерсийского вергельда X в. и поэтому рождение марки в 197 г и, следовательно, нашей гривны в 2 зры мы можем отнести только к этому веку.

Обращаясь для проверки достигнутых результатов к богатейшему монетному материалу, имеющемуся в нашем распоряжении, приходится констатировать, что он с интересующей нас точки зрения почти не изучен и не сведен, не говоря уже о полном отсутствии химического анализа кладового материала. Что вес диргемов не даст нам удовлетворительного ответа, можно уже вперед предположить как на основании свидетельства Ахмеда Тусского (правда, для XII в.), что на Руси не было весов,¹ так и из существования во времена Русской Правды одной лишь основной счетной единицы, чем была у нас гривна в противоположность Западу, где мы постоянно встречаемся как со счетными, так и с весовыми единицами. Объясняется такая однобокость лишь тем, что при разнообразии пробы в монетах отпадает смысл взвешивания их и приходится на-глаз определять при счете полноценность или низкопробность получаемых денег. Судя по восточным источникам, джайид, т. е. высокопробный диргем IX в., стал в X в. содержать лишь 716 частей чистого серебра вместо прежних 963 и 972.² Для диргема, теоретически долженствовавшего весить 2.97 г, И. И. Кауфман вывел на основании Берлинского и Парижского собраний средний вес в 2.84 и 2.74 г, что совпадает с моим расчетом, сделанным на основании Новгородского клада 1920 г.,³ где наиболее частый вес диргема равен 2.86 г. Если вспомнить, что колебание веса кладовых диргемов в X в. стало чрезвычайно заметным, а обрезанность — постоянным явлением, то возможно допустить, что содержание серебра в диргемах этого времени населением Восточной Европы учитывалось в размере 2.46 г вместо полагавшихся на диргем IX в. 2.86 г (исходя из расчета 950 частей на 1000).

Судить о количестве серебра в низкопробном диргеме X в. еще труднее и более гадательно, чем в отношении ногаты. Данные Фасмера указывают для X в. на чистый вес в 2.05 г (исходя из 716 частей на 1000 при весе 2.86 г), что почти совпадает с моим подсчетом чистого веса в 1.97 г

¹ Марков. Конспект русской нумизматики: «Весов там нет, есть только определенные слитки».

² Vasmer в *Handwörterbuch der Münzkunde* Schrötter'a, 146 (1).

³ Кауфман. Русский вес, 83—87; Фасмер. Новгородский клад 1920 г. в Изв. ГАИМК, IV, 242—276, ср. Vasmer, *Handwörterbuch*, 145, 1.

для куны. Но насколько трудно определить средний вес дурного диргема конца X и начала XI в., особенно наглядно видно на примере русских серебряников. Они несомненно принадлежат к категории диргемов как по размеру, так и по своему весу. В виду их чрезвычайной редкости и нумизматической ценности, их до сих пор еще не подвергали химическому анализу, но самый вид их металла говорит о чрезвычайно скромном содержании серебра. На основании хорошо сохранившихся экземпляров Эрмитажного собрания средний вес их по типам колеблется от 2.99—2.77 г (Владимир, I тип 13 экз. = 2.90; II тип 31 экз. = 2.77; III тип 24 экз. = 2.88; IV тип 13 экз. = 2.90; Святополк, 19 экз. = 2.92; Ярослав, II тип 4 экз. = 2.99). Расхождение между весом отдельных экземпляров чрезвычайно большое, а именно от 4.68 до 1.46 г, что свидетельствует об исключительно неряшливом изготовлении этого сорта монет.

Иначе дело обстоит в отношении резаны, поскольку выражением ее в действительности служил западноевропейский денарий.

На Западе до конца XI в. падение ценности монеты проявлялось не столько в сокращении драгоценного металла в сплаве, сколько в уменьшении стопы при выделке денариев. Мы имели уже случай убедиться, как вследствие этого норманнский фунт с веса в 409.3 г упал до 392.94 г, а норманнская марка с 204.45 г до 196.47 г. Итак, необходимо найти в наших кладах денарий со средним нормальным весом, равняющимся весу серебра в 0.98 г, т. е. денарий, равный нашей резане. Приходится, однако, еще раз повторить, что в западноевропейской метрологии в отношении интересующих нас монет вопрос этот еще не разрешен. Не имеется точных данных среднего веса для денариев из различных германских монетных дворов X—XI вв., для Англии и для Скандинавских стран. Исходным пунктом должен служить вес каролингского денария в 1.705 г, упоминаемый, как семидрагма и скоти в Рафельштеттенском уставе.¹ Затем известно, что начинается падение веса денария во всех странах, и этот более легкий денарий воспринимается молодыми народами за образец, смотря по времени начала собственной чеканки. Естественно вспомнить в первую очередь о немецких пфеннигах как самой многочисленной монете в наших кладах XI века. Весовых сводок по кладам в литературе я пока не встречал. Имеются лишь три таблицы, иллюстрирующие вес немецких денариев, происходящих из всевозможных германских монетных дворов, составленные известным экономистом Инама-Штернегг на основании коллекционных денариев. Эти

¹ Hilliger. Duursteder Gewichte, 171.

таблицы использованы в новейшее время Борном и сопровождаются им ниже-
следующими выводами. Все сорта монет встречаются и в нашихкладах.¹

Таблица 1

Вес пфеннигов, выпущенных до 983 г.

Сорт пфеннигов	Колич. экз.	Вес ниже 1 г	В 1—1.2 г	В 1.2—1.4 г	В 1.4—1.6 г	Вес сверх 1.6 г
Кельнские	26	—	1	11	10	4
Франконские	21	1	1	10	2	7
Швабские	36	1	4	11	12	8
Баварские	18	2	3	10	7	16
Итого .	121	4	9	42	31	35

Таблица 2

Вес немецких пфеннигов, выпущенных от 983 до 1056 г.

Сорт пфеннигов	Колич. экз.	Вес ниже 1 г	В 1—1.2 г	В 1.2—1.4 г	В 1.4—1.6 г	Сверх 1.6 г
Кельнские	113	9	18	40	37	9
Франконские	116	44	50	7	13	2
Швабские	114	17	38	39	17	3
Саксонские	226	97	37	61	26	5
Баварские	144	13	27	40	41	23
Итого .	713	180	170	187	134	42

Сравнение обеих таблиц показывает, что падение стопы в XI в. сделало значительные успехи. Количество тяжелых денариев сильно уменьшилось. Оно упало на 6%. Денарии весом ниже 1 г почти все чеканены за это время. Процент этих денариев поднялся с 3 до 25%, а процент легких денариев весом в 1—1.2 г поднялся с 11 до 49%. Процент средних по весу денариев в 1.2—1.6 г упал с 60 до 45% и процент свыше 1.6 г до 6%. Средний же вес 121 экз. X в. равняется, согласно тем же выводам, 1.49 г, 713 экземпляров первой половины XI в. — 1.23 г.

¹ Inama-Sternegg. Deutsches Wirtschaftsgeschichte, Bd. II, 449; ссылка у Born, Das Zeitalter des Denars (1924), 134—36.

Таблица 3

Вес немецких пфеннигов, выпущенных после 1056 г.

Сорт пфеннигов	Количество	Ниже 1 г	1—1.2 г	1.2—1.4 г	1.4—1.6 г
Кёльнские	25	1	2	10	12
Франконские корол. . . .	5	5	—	—	—
» еписк.	15	12	3	—	—
Саксонские корол.	25	16	6	3	—
» еписк.	38	35	3	—	—
» герцог.	24	23	1	—	—
Итого .	132	92	15	13	12

Вес денариев из франконских монетных дворов колеблется между 0.82 и 0.9 г, саксонских между 0.8 и 1.4 г, при среднем в 1.06 г. Лишь кёльнские денарии значительно тяжелее, что подтверждается данными д-ра Геверника,¹ который указывает на колебание последних пфеннигов в пределах 1.13 — 1.47. Я считаю, что на круг, при сравнительной малочисленности вкладах тяжелых кёльнских пфеннигов этого времени, можно для II половины XI в. остановиться на среднем весе немецкого денария в 1 г, что близко подходит к 0.98 г определенного нами теоретически веса.

Пожалуй, еще важнее, чем на многочисленных немецких пфеннигах, остановиться на англо-саксонском и скандинавском монетном деле, продукция которого в нашихкладах занимает по своей численности второе место. Как я уже выше имел случай указать, Англия в этом отношении имела решающее значение, благодаря снабжению норманнов чеканными деньгами. Она в то же время служила примером при возникновении собственных скандинавских монетных дворов, начало деятельности которых относится, также как и у русских, к концу X и началу XI вв. Типы этих монет до 1050 г. всецело английские, а фактура весьма родственная.

Монетное дело в Англии постоянно нормировалось и контролировалось из центра, о чем свидетельствуют как однохарактерность самих монет, так и дошедшие до нас распоряжения английских королей. Вес этих денариев приравнивается исследователями для времени Этельреда II (978—1016) к 1.46 г.² Для проверки этого веса можно пока воспользоваться каталогом

¹ Письмо молодого исследователя, сотрудника Гамбургского музея.

² Hauberg, цит. работа, французское резюме 263.

Британского музея¹ и каталогом Гельсингфорского музея.² Средний вес денариев из первой коллекции равняется 1.43 г, из второй 1.41 г. при 378 и 440 экземплярах. Наибольшая частота в первом случае 1.45 г, во втором 1.35 г. К сожалению описание монет наиболее многочисленного Стокгольмского собрания не сопровождается весовыми данными. Гильдебранд взвешивал лишь весьма ограниченное число денариев по отдельным типам и наблюдал колебание средних между 1.31 г и 1.64 г, что указывает на правильность приведенного выше предполагаемого веса в 1.46 г.³ Косвенным подтверждением этого веса для англо-саксонского денария первых десятилетий могут служить и 5 цельных ныне известных экземпляров монет Ярослава Мудрого скандинавского типа, из которых 4 хранятся в Стокгольме и весят 1.57; 1.55 г 1.37; 1.34; г; один же весом в 1.49 г находится в Тарту в частных руках.⁴ В среднем для 5 экз. получаются те же 1.46 г. Естественно предположить, что этот совершенно новый чекан русского князя, по внешнему своему виду очень схожий с англо-саксонским, в метрологическом отношении верно отображает положение монетного дела второго десятилетия XI в. в Англии, до изменений стопы при Кануте Великом (1016—1035), о которой я сейчас буду говорить.

При изучении типов монет Этельреда II и Канута уже Лелевель считал возможным говорить о хронологической последовательности типов на их монетах. Новейшие работы, в особенности же издание англо-саксонской коллекции Гельсингфорского собрания Нордманом, доказали это с полнейшей очевидностью на основании типологического и кладового материала. Подходя таким образом к монетам Канута, оказывается, что типы, признаваемые исследователями ранними, придерживаются еще стопы Этельреда II. Правда, их очень немного в нумизматических кабинетах. 5 экземпляров Гельсингфорского собрания имеют в среднем вес в 1.42 г, 15 же экземпляров Лондонского 1.26 г. Монеты же трех последующих типов Канута весят в Гельсингфорсе 1.03 г при 255 экз., в Лондоне 1.11 г. при 550 экз. Проверка при помощи наибольшей частоты дает тот же результат.⁵ Перед нами несо-

¹ Catalogue of english coins in the British Museum II (1893), 208—241.

² Nordman. Anglo-saxon coins found in Finland (1921), 32—53.

³ Br. E. Hildebrand. Anglosachsiska Mynt i svenska Kongliga Myntkabinettet funna sveriges Jord (1881), 29—32. К сожалению описание отдельных экземпляров не сопровождается весовыми данными, почему этот обильный материал менее ценен в метрологическом отношении, чем данные меньших коллекций.

⁴ Ср. Ильин, Топография кладов древнерусских монет X—XI в. (1924), табл. рядом с изображением Ярослава, III, без номера. Текст № 33 — 35. Письменные сообщения проф. Арне из Стокгольма и нумизмата Резвова из Тарту.

⁵ В British Museum, II, 255—301; Nordman, 59—73.

мненное изменение стопы, что находит свое отражение также и в родственном датском чекане самого Канута и в шведском Якова Анунда (1022—1050). Для датских монет уменьшенного веса Hauberg указывает в среднем 1.14 г при падении индивидуального веса некоторых денариев даже ниже 1 г.¹ После Канута монетная стопа падает еще ниже, и вес нашей резаны в 0.98 г уже слишком высок для точной идентификации ее с денариями сыновей Канута — Гарольда и Гартакнута (1035—1042) и со сравнительно многочисленными в наших кладах монетами Свена Эстридсена (1047—1075).

Как будто бы, судя по этим данным, внедрение на русской территории счета в 50 резан на гривну надо, таким образом, искать около 1025 г.

Насколько, однако, трудно, исходя из самих монет, судить о их нормальном весе, видно хотя бы по шведской нумизматике времен короля Олафа Скотконунга (1013—1022). Беру для примера наиболее многочисленный тип его монет. В собрании Гос. Эрмитажа их 16, колебание веса в отдельных экземплярах от 2.93—1.47, средний вес 2.28; в Гельсингфорсе их 14, колебание 2.64—1.65 г, средний вес 2.01.² Для всех 30 экземпляров получается в среднем 2.16 г. Проверить полученный результат посредством учета наиболее часто встречающегося индивидуального веса из-за больших колебаний в отдельных экземплярах невозможно. Как объяснить средний вес шведских монет этого времени, исходя из западноевропейской нумизматики, не знаю, так как свыше 1.82 г европейские денарии вообще не весили.³ Судя по гирькам, найденным на шведской территории, вес этот мог бы равняться $\frac{1}{4}$ эруга. В нашей гривенной системе они подходят ближе всего к куне — к весу чистого серебра в низкопробном диргеме 1.97 г. Но надо сказать, что шведские монеты в наших кладах пока не обнаруживались, хотя количество их в Эрмитажном собрании сравнительно с другими собраниями очень почтенно.

Остается только еще раз повторить, что имеющийся в моем распоряжении изученный монетный материал как восточный, так и западноевропейский не опровергает полученных мною данных о содержании серебра в гривне и ее частях, хотя полного совпадения в дециграммах мною для последних в X в. и начале XI в. получено не было. Может быть в этом вино-

¹ Hauberg, 151—54. Подобно Hildebrand'у этот автор тоже дает лишь колебание веса отдельных экземпляров и свои метрологические соображения насчет датских монет приравнивает к предполагаемому северному весу марки в 218 г. (XIII в.). Кроме того вес датских монет разнится по различным монетным дворам.

² Forteckning anteliska Myntsamlingens. Helsingfors. Svenska Mynt (1908), 3—5.

³ Hauberg, 263; Hilliger. Die Duursteder K-gewichte, 172.

вата не только недостаточная изученность нашего монетного материала в метрологическом отношении, но и некоторая нечувствительность весовой процедуры того времени, которая, по мнению крупнейшего немецкого нумизмата Гроте, разницу в дециграммах плохо учитывала.¹

Не лишним будет отметить для определения стоимости куны в последующие века, что, согласно моего предположения, гривна серебра (в XIV в. новгородский рубль) содержала 200 кун (197 г: 0.98), а половина ее (т. е. московский рубль) 100 единиц, и что это выясняет нам происхождение русского денежного счета, никем, на мой взгляд, поныне удовлетворительно еще не объясненного.

Гривна золота

Кроме обозначения гривны и редкой, встречающейся только в Распространенной Правде гривны кун мы читаем там же в статье об испытании железом и водою о расчетах на золотую гривну. «Тако же во всѣхъ тяжахъ, а татѣ и въ поклѣѣ, аже не будетъ лица, то тогда ему желѣзо изъ неволѣ до полугривны золота. Аже ли мнѣ (мене), то на воду, оли то до двухъ гривень. Аже мене, то ротѣ ему итти по своѣ куны».² Речь идет, следовательно, о различных формах выяснения истины, когда нет налицо свидетеля. При этом тяжесть этих форм становится в зависимость от значительности спорного имущества: когда последнее оценивается выше полугривны золота, тогда предусматривается испытание железом; за ценимое в полугривну золота и ниже до двух гривен полагается испытание водою; при оценке ниже двух гривен суд удовлетворяется простою присягою. Так как в Русской Правде это единственное упоминание о гривне золота, то приходится за разъяснением обратиться к другим источникам. Севернорусские памятники за рассматриваемый период золотых гривен не упоминают. Южнорусские, напротив, начиная со второй половины XI в., таковую знают. В виду не особенной многочисленности этих цитат, приведу их все. Из жития Феодосия Печерского, относимого исследователями к 1074—1091 г.: «И се възлезе свѣтъль отрокъ... положивъ же на стѣлѣ гривну злата... излезе вонѣ. Тѣгда же блаженный призвавъ иконома подасть ему гривну злата глаголя... Сиде шедъ купи на потребу братии». Далее: «И се же пакы инъ боляринъ... обѣщася въ умѣ своемъ глаголя: яко аще възвращуся съдравъ въ домъ свой, то дамъ святѣи богородици... двѣ гривны золота».³

¹ Luschin. Allgemeine Münzkunde, 198.

² Сергеевич, II, 24 (II).

³ Житие Феодосия. Киево-Печерский Патерик (1911), 36 и 39.

Лаврентьевская летопись под 1096 г. (Поучение Мономаха): «И Олег... вдахъ отцю (в Чернигове) 300 гривенъ золота».¹

Ипатьевская летопись под 1146 (6654) г.: «И ту отступи его (Святослава Ольговича) Иванко Берладник къ Ростиславу Смоленскому князю, вземъ у Святослава 200 гривенъ серебра, же 12 гривени золота».²

Лаврентьевская под 1147 (6655) г.: «Михаля же бьюще, и отторгаша на немъ крестъ и чепи в гривну золота».³

В Ипатьевской вариант: «а въ нем гривна золота».⁴

Лаврентьевская летопись под 1155 (6663) г.: «Вкова (Андрей) в ню (в икону) боле тридесять гривенъ золота».⁵

Ипатьевская летопись 1158 (6667) г.: «Глѣбъ же вда (обители) въ животъ своемъ со княгинею 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота; а по княжи животъ княгини вда 100 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота».⁶

Из этих цитат можно сделать тот вывод, что гривна золота являлась денежной единицей, на которую можно было купить, напр., продовольствие. Вероятно также, что в действительности она была одним предметом, который мог быть взят и положен. О ее стоимости мы непосредственно из приведенных свидетельств ничего не узнаем, хотя Мрочек пытается на основании Ипатьевской летописи от 1146 г. установить соотношение между гривной золота и серебра, как $1:16\frac{2}{3}$ (200 серебр. гривен к 12 золотым гривнам). По его мнению, союз «же» однозначущ с современным «то есть» (значит), так как может читаться, как «оже», «еже». Тогда Иван Берладник взял со Святослава по 200 гривен серебра и 12 гривен золота, а лишь 12 гривен золота, выраженные в 200 гривнах серебра.⁷ Такое предположение кажется мне по двум причинам маловероятным. С одной стороны, соотношение золота к серебру, как $1:16\frac{2}{3}$, кажется мне чрезвычайно высоким. Мы узнаем из западноевропейских памятников для XIII в. о соотношении в $1:11$ или 10 ,⁸ когда стали уже выделять золотую монету и цена этого металла могла даже подняться, в виду большого спроса на него. С другой стороны, укажу на постоянное совместное упоминание в русских памятниках обоих металлов, как, например, в свидетельстве от

¹ Издание 1897, 239, 8 и 9.

² Изд. 1908, 338.

³ Изд. 1897, 301, 19.

⁴ Изд. 1908, 352.

⁵ Изд. 1897, 329, 2, 3.

⁶ Изд. 1908, 493.

⁷ Мрочек, 96.

⁸ Hilliger. Augustalis — Florenus — Dukatus, отд. оттиск из Blätter für Münzfreunde, 1931, 26.

1158 г., причем, однако, число гривен меняется и из него нельзя вывести никаких постоянных соотношений. На меня эти места производят впечатление не столько исторических сведений, сколько заученных стилистических приемов. Цену гривны золота пытались не раз установить на основании еще одного памятника, именно статьи о бесчестии. Она встречается то как дополнение к Русской Правде, то к Судебнику царя Константина (к юридическому памятнику, переведенному с греческого). Мрочек относит эту статью ко времени до середины XII в.,¹ Ключевский к XIII в.² Если бы последняя датировка была крепко обоснована, я мог бы этой статьи вовсе не касаться в моем исследовании, так как вижу в пользовании разновременными источниками со стороны русских исследователей главную причину неудачи толкования нашей древней денежной системы. Сомнительность ее датировки, в противоположность уставу Ярослава, при помощи которого она комментируется и который должен в дошедшей до нас редакции быть отнесен из-за употребления слова рубль к XIV в., вынуждает меня несколько остановиться и на ней. Эта «бродячая» статья, как называет ее Ключевский в своем курсе, гласит следующим образом: «А за безчестную гривну золота, аже будет баба была въ золотѣ имати, взяти ему 50 гривенъ за гривну золота; аже будет баба была (или не была) в золотѣ, а по матери ему не взяти золота, взяти гривна серебра; а за гривну серебра полъ осмы гривны кунъ». Отмечу, что с точки зрения содержания статьи слова «аже будет баба была» в других списках переданы «не была».³ Против этой статьи, как она до нас дошла, уже говорит выражение «быть в золоте», которое нигде более не употребляется и требует еще толкования. Но если даже допустить, что быть в золоте обозначает «быть благородным», то момент чрезвычайно резкого различия по породе — в одном случае гривна золота, в другом за бесчестие гривна серебра, на мой взгляд, никак не позволяет отнести статью ко времени Русской Правды. Далее, с точки зрения упоминаемых денежных единиц тоже получается маловероятное соотношение между гривной золота и серебра как $1:6\frac{2}{3}$. (В золотой гривне 50 простых гривен, а в серебряной — $7\frac{1}{2}$ гривен.) Обращаясь снова к положению на Западе в это время, приходится констатировать, что такое соотношение в исключительных случаях встречалось, но для этого отклонения от обычной нормы в $1:11$ должны были быть какие-то веские причины. Так, в Германии середины XIV в., с началом повсеместной чеканки золотой монеты, цены на золото сразу поднялись очень

¹ Мрочек, 97.

² Курс, I, 324.

³ Мрочек, 86—93. Разбор очень подробный и обстоятельный.

высоко, чтобы тотчас же снова упасть.¹ Но недатированность памятника, неизвестность места его происхождения не позволяют найти для этого свидетельства достаточно обоснованную причину. Последнее относится и к упоминаемому в ней соотношению гривны серебра к гривне монет, к кунной гривне. Надо хотя бы приблизительно знать, какие монеты имеются в виду; чтобы оперировать этой статьей. В виде догадки укажу, что в летописи XIII в. имеется как исключение для Южной Руси упоминание о кунах на Волыни. Это могут быть польские или венгерские денарии. Если же подставить принятое мною на основании заверенного документа конца XII в. соотношение между гривной серебра и гривной кун, как 1 : 4, то в данном случае получится 1 гривна золота = $12\frac{1}{2}$ гривнам серебра = 50 гривнам кун, что даст вполне возможное для того времени соотношение металлов. Тогда в этой темной самой по себе статье подвергаются сомнению слова «пол осмы». Все только что приведенные мною соображения вынуждают меня не пользоваться этой статьей и оставить вопрос об отношении золота к серебру для времени Русской Правды открытым.

В отношении вещественных памятников золотого обращения мы не богаты. На основании кладов можно лишь констатировать, что в XI, XII и XIII вв. ходили подобно серебряным слиткам на юге Руси и золотые слитки продолговатой формы.² Известны 6 находок золотых слитков. Из них 2 следует отнести к XI, 1 к XII или XIII, и 1 к XIII вв.

Из виденных мною в натуре или в снимке слитков лишь 2 слитка цельные, причем лишь вес одного из них в 94.713 г мне известен. На основании столь скудного материала — известны в общем 10 цельных фракций — никакого вывода, конечно, сделать нельзя. Известно только по миниатюре Криницы (список Амартоловой хроники) конца XIII в., что продолговатые золотые палочки назывались не только гривнами золота, но и малозначущим именем «златника».³

Заключение

Денежный счет в русском юридическом памятнике естественно должен носить на себе печать несомненной реальности. Это необходимо подчеркнуть в противоположность довольно частым упоминаниям денежных единиц

¹ Luschin von Ebengreut. Das Wertverhältnis zwischen den Edelmetallen in Deutschland während des Mittelalters, 431—472 в трудах Congrès international numismatique à Bruxelles 1891.

² Bauer. Barren 90 (14) — 92 (16), табл. I (2) п. 18, 19 A и B, 22.

³ Там же, табл. IV (8).

в древнерусской переводной литературе, как, напр., златник, стлязь, даже пенязь, которые никаких реальных предметов в представлении большинства русских людей того времени породить не могли. Чрезвычайно редкие находки византийских золотых монет на территории Восточной Европы подтверждают такое убеждение, создающееся после ознакомления с памятниками письменности.

Необходимое соответствие русских юридических памятников с действительностью позволяют мне, на основании добытых выше результатов, применить последние к датировке Русской Правды.

Первое, на чем я останавлиюсь, это на невозможности ссылаться на денежные обозначения при делении Краткой Правды на две редакции, на древнейшую — Ярослава и на позднейшую — его сыновей. Это хронологическое деление, указанное в самом тексте, не может быть ни подтверждено, ни отклонено ссылкой на деньги Русской Правды. Действительно, в первых статьях Краткой Правды не упоминаются части гривен, но это полностью объясняется категориями преступлений, которые приводятся в этих статьях. Пени в частях гривны были бы здесь слишком незначительны сравнительно с тяжестью проступков. Приводимые другими учеными соображения в связи с употреблением слова «скот» в первых параграфах и отсутствие его и даже замена в дальнейших — для меня не обязательны, так как я пришел к выводу, что оба понятия — скот и куны — ни в коем случае не разновременного происхождения, хотя и различны по происхождению этническому. Время составления второй части или даже всей Краткой Правды мною приурочивается, в связи с понижением монетной стопы Канутом Великим около 1025 г., ко времени не ранее второй четверти XI в. Это основывается как на падении веса резань-денария, наиболее часто упоминаемой фракции гривны в Краткой Правде, так и на преобладании именно этих монет в наших кладах только начиная с 1040 г. Поэтому записана могла быть Краткая Правда и после смерти Ярослава в 1054 г. Однако слишком отодвигать к концу века это событие я считал бы также неправильным. Почти полное отсутствие диргемов в кладах второй половины XI в. превращает резану-пфенниг в куну, т. е. в единственно существующую в обиходе в мало-мальски большом количестве монету, почему к этому времени и следует приурочить полное исчезновение из представления жителей восточноевропейской равнины различия между хорошим и дурным диргемом, т. е. между погатой и кунной Краткой Правды. Поэтому вторую половину XI в. я считаю временем зарождения Распространенной Правды, запись которой я склонен приурочить из-за сходства с денежным счетом устава Святослава 1137 г. ко второй

четверти XII века.¹ Оба памятника считают на счетную гривну, главной частью которой является куна. Так, мы читаем в уставе Святослава: «въ Бѣжичихъ 6 гривенъ и 8 кунъ . . . въ Езьскѣ 4 гривны и 8 кунъ». Однако в обоих памятниках имеется упоминание новой валюты, причем в уставе она прямо называется гривной новых кун, очевидно тяжелой, так как в казне Домажирича из Онега ее может и не быть в количестве 100 единиц. Читая Распространенную Правду, мы можем о новой валюте лишь догадываться в связи с появлением нового термина «гривна кун», фигурирующего в новых статьях этой Правды. Почти одновременный с этими памятниками устав Смоленский 1150 г. все еще знает только одну старую счетную гривну, напротив, Мирный договор 1189 г. уже храбро считает на обе валюты. Необходимость счета на гривну серебра по данным археологическим вызвана отсутствием к этому времени иностранной монеты, так как наиболее поздний немецкий пфенниг из клада, найденного в Спанко, приурочивается к 20-м гг. XII в.

Итак, моя датировка, основанная на изучении денег Русской Правды, очень близко подходит к датировке исследователей историков и юристов.

Второй не менее важный вопрос — о территориальном происхождении Русской Правды — я склонен разрешить в пользу Северной Руси; правда, мои аргументы больше исходят из отрицательных моментов, нежели из положительных.

Разбирая памятники письменности, которые поддаются датировке и связаны с определенной территорией, я прихожу к убеждению, что счетная гривна, т. е. ее части, в южнорусских памятниках вовсе не упоминается; лишь в Слове о Полку Игореве, значит в конце XII в., мы читаем: «аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по рѣзанѣ»;² да в Патерике Печерском, т. е. от 20-х гг. XIII в., упоминается, что «юже бо прежде драго продаваху (соль) по два головажне за куну, нынѣ же по 10».³ В памятниках же Северо-западной Руси, в Новгородских и Смоленских, как в XII, так и в XIII вв. части гривны упоминаются постоянно. Несколько противоречит, пожалуй, моему выводу то, что в самой Распространенной Правде в статье о резе, принятой Владимиром Мономахом в Берестове, счет идет на куну.

Более основательными кажутся мне в данном случае чисто нумизматические аргументы, указывающие на Север как на родину гривенной

¹ Владимирский-Буданов, I, 217—218.

² Перетц, 115, XV.

³ Киево-Печерский Патерик (1911), 108. Ср. Срезневский, Словарь, I, 1366.

Об. веком. дисц.

системы, нашедшей свое отражение в Русской Правде. Как мною уже было подчеркнуто, монетные клады, начиная с 1040-х гг., указывают на полное иссякание диргемов на восточноевропейской равнине.¹ Было бы, на мой взгляд, неверно предположить, что клады, в состав которых входят одни диргемы и которые датируются обычно концом X в., зарыты значительно позже, чем их самые поздние экземпляры, и что они отображают собою южное денежное обращение в противоположность северному с его западноевропейскими денариями. Возможно было бы, конечно, преобладание диргемов на юге, но не полное отсутствие здесь немецких пфеннигов. Очевидно, безмонетный период на юге наступил задолго до того, как это явление наметилось на севере, и породил на юге обращение шестиугольных слитков весом в 158 г. Если бы Русская Правда была юридическим памятником Юга, то в статьях и это явление нашло бы в ней так или иначе свое отражение. Но я ни в одной статье этого не могу усмотреть. Поэтому я считаю безусловно правыми тех ученых, которые связывают Русскую Правду с Новгородом и его юридическим бытом.

Доведя до конца свое исследование о денежном счете Русской Правды, я хочу, хотя бы только в нескольких словах, остановиться на расхождении моих выводов с выводами исследователей, ранее писавших на эту тему. Все, кто сказал нечто ценное в этом вопросе, как Погодин, Казанский, Мрочек-Дроздовский, Ключевский и Кауфман, были в сущности далеки от археологии и поэтому, если и пользовались вещественными памятниками, то всегда со слов любителей-нумизматов, и то только для того, чтобы заткнуть монетами и слитками пустые места в ряде письменных свидетельств. Картина получалась вследствие этого случайной. С другой стороны, отсутствие разработки вещественных памятников побудило Ключевского, даже после очень доказательной работы Мрочека, признать возможным существование меховой валюты, которую он усматривает, между прочим, в словах статьи Распространенной Правды Троицкого списка о судебных расходах «а на мех 2 куны». То же обстоятельство являлось причиной всеобщего убеждения, что кунная валюта постоянно падала, хотя никому сущность последней не была известна. Ключевский² ищет в ней причину различных ставок штрафа за побои в Распространенной Правде, хотя это различие, конечно, основывается на иных категориях преступления, но недостаточно отчетливо выраженных в самом памятнике.

¹ См. выше. Bauer. Russische Funde, 210.

² Ключевский. Курс, I, 266; 282—283.

В итоге моего исследования получается чрезвычайное снижение реальной стоимости гривны Русской Правды до 50 г чистого серебра, что на мой взгляд лучше вяжется, чем прежние предположения, с бедностью в металле в те отдаленные времена и косвенно подтверждается схожими результатами для Германии XIII в., полученными благодаря новейшим исследованиям немецкого метролога Гиллигера.¹

N. BAUER. GELDRECHNUNG IN DER RUSSKAJA PRAWDA

ZUSAMMENFASSUNG

In seiner Untersuchung über die älteste russische Geldrechnung unternimmt es V. eine Frage, die die russischen Historiker des vorigen Jahrhunderts aufs lebhafteste interessiert hatte, die aber in der jüngsten Vergangenheit als zu hoffnungslos stillschweigend übergangen wurde, wieder aufzunehmen. Die ersten vier Kapitel sind den Nachrichten aus den schriftlichen Quellen gewidmet und versuchen auf Grund der Schau sehr häufig zitierter Stellen den Beweis zu erbringen, dass in keiner von den einheimischen zeitgenössischen Quellen aus dem X—XII Jahrhundert, falls man sie ohne vorgefasste Meinung betrachtet, von Warengeld die Rede sei. Zwar finden sich in den Denkmälern, die über Tribut, Steuern oder Abgaben handeln, Pelzwerke als Steuereinheiten, neben denen sich ebenfalls auch eine Reihe anderer Erzeugnisse der Naturalwirtschaft einstellen. Doch dieser Umstand berechtigt die Forscher durchaus nicht, die Geldeinheiten der Prawda als Warengeld zu deuten. Sogar für die Zeit vor 1000 darf man an kein Viehgeld denken, denn das Wort skot—Geld, Münze—muss durchaus für eine Entlehnung aus dem Skandinavischen und Angelsächsischen gelten, die gleichzeitig mit dem klingenden Gelde aus dem Auslande nach Russland übertragen wurde. Von den Geldeinheiten der Prawda wurde die höchste Einheit, die Griwna, niemals mit der Pelzwerktheorie in Verbindung gesetzt. V. versucht in dieser Hinsicht noch weiter zu gehen und das Wort Griwna selbst im Sinne der frühesten Zählgriwna der Prawda ebenfalls für eine Entlehnung aus dem Skandinavischen zu erklären. Die Nogate als vollwertige Silbereinheit ist heutzutage dank der Scharfsichtigkeit der russischen Orientalisten vollkommen gesichert. Nur die kleineren Einheiten der Kuna und Veveriza tragen den Beigeschmack der Pelztheorie an sich. Doch besteht V. darauf, dass nur wenig dem im Wege stehe, dass die recht komplizierte Geldrechnung der Prawda der beiden Redaktionen auf den im X—XII Jahrhundert stattgehabten, durch sehr viele Münzfunde dokumentierten fremdländischen Münzumlauf zu beziehen sei. Bis

¹ Hilliger. Die Reichssteuerliste von 1242 в «Hist. Vierteljahrschrift» (1933), 104 и 108.

dahin sind die Ausführungen des V. nur eine kritische Bearbeitung oft besprochener Quellenstellen mit geringem Einschlag (die Raffelstettener Zollordnung in diesem Zusammenhang, Thomsen-Stender-Petersen über skot, Tiesenhausen-Meljoranskij über Nogata) und seine Ergebnisse decken sich so ziemlich mit den Ergebnissen des nicht immer genügend geschätzten Mrotshek-Drozdowskij (1882). Dagegen wird in Kapitel 5 auf Grund des nur neuerdings ausgeschürften numismatischen Materials der Beweis geliefert, dass der Geldumlauf auf der europäischen Ostebene mit den einander ersetzenden Dirhems, europäischen Denaren und nordrussischen rhomboiden Silberbarren, wie sie uns in den zahlreichen Funden entgegen-treten, vollkommen der Geldrechnung der Prawda in ihren chronologisch aufeinander folgenden Redaktionen entspricht. V. stützt sich dabei auf die Untersuchungen von R. Vasmer, A. A. Iljin und auf seine eigenen rein numismatischen Arbeiten. Wie es der Vertrag von 1189 zwischen Gothland und den Russen aufweist, ist die Zählgriwna der Prawda dem Werte nach dem vierten Teil der Silbergriwna gleich. Letztere ist durch die zahlreichen Silberbarren, sowohl aus dem XII Jahrhundert, als auch aus den folgenden, im Gewichte von ungefähr 197 g., zur Genüge bekannt. Das ist aber gerade das Gewicht der ursprünglichen skandinavischen Mark des X Jahrhunderts, wie sie neuerdings von B. Hilliger so trefflich errechnet wurde. Somit fällt auch die orientalische Abstammung sowohl der russischen Griwna, als auch des skandinavischen Pfundes (I. I. Kaufman und T. Arne) von selbst weg, und der Silberwert der Zählgriwna in gangbarer Münze muss auf etwa 49.25 g. festgesetzt werden. Dementsprechend ist das Gewicht der Nogata 2.46, der Kuna der I Redaktion 1.97, der Kuna der II Redaktion und der Rezana der I R. 0.98 und das der Vekscha 0.49 g. Obgleich eine vollkommene Identifizierung dieser Gewichtseinheiten mit den im Umlauf gewesenen Münzen sich noch nicht herstellen lässt — der Unterschied schwankt etwa zwischen 0.1—0.2 g., was teilweise auch auf den Stand der metrologischen Forschungen des Münzmaterials zurückzuführen wäre, — so kann man doch von einem Aufeinanderpassen der Münzen des X—XII Jahrhunderts und der Geldeinheiten der Prawda sprechen. Somit sieht der V. in der Nogata den vollhaltigen, aber schon etwas abgeriebenen silbernen Funddirhem des X und XI Jahrh., in der Kuna der I Redaktion den stark legierten, in der Resana zuerst den in zwei Teile zerschnittenen oder auch kreisförmig beschnittenen Dirhem, dann den europäischen Denar nach der Herabsetzung des Münzfusses durch Knut den Gr. etwa um 1025, und endlich in der Vekscha die kleineren Bruchstücke der Dirhems und den europäischen Obol. In der zweiten Redaktion spielt der Denar, nun Kuna genannt, die alleinige Rolle des klingenden Geldes von Nordrussland. Das Kapitel von der Goldgriwna bringt nichts Neues, wie sie ja auch in der Prawda selbst eine kaum merkliche Rolle spielt.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИБЛИОГРАФИИ РУССКИХ ПЕЧАТЕЙ

(XI — XV вв., до 1425 г.)

А. С. ОРЛОВ

Библиогрaфия сфрагистики, предлагаемая ниже, не ставит себе задачей собрать исчерпывающие данные в этой области исторических источников. Хронологически она ограничивает себя периодом до 1425 г., но в отношении материала она и для этого периода не содержит исчерпывающих данных. Казалось полезным, при современном состоянии сфрагистики, дать сводку хотя бы важнейших сведений о русских печатях. Для этой цели были просмотрены основные издания документов той эпохи, а также важнейшие монографии, и извлечены имеющиеся в них указания о печатях. Предметом дальнейшей работы в этой области явился бы систематический просмотр журнальных и неперидических серий, что могло бы быть результатом большой коллективной работы, для одного человека непосильной.

Из просмотренных изданий не всегда удавалось включить в печатаемый перечень все данные: некоторые описания были столь общи (как в «Собрании Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья и побережья Черного моря», вып. VI, стр. 41, №№ 560, 562—565) или так очевидно неверны (как у Полянского, Новгородские вислые печати и т. д., №№ 33 и 43), что их не было возможности включить в перечень.

Названия работ указываются полностью при их первом упоминании. Материал печатей, в большинстве случаев свинцовых, указывается в том лишь случае, если они не свинцовые. Книги и статьи, названия которых отмечены звездочкой, содержат изображение печати.

Приношу благодарность С. Н. Валку за существенную помощь, оказанную им при окончательном приведении в порядок этой работы.

Х—ХІ в. Печать с греческой легендой, найденная в Белгородке, б. Киевского уезда.

Н. Петров. Южно-русские металлические вислые печати, дотатарского периода, «Труды Киевской духовной академии», 1913 г., № 5, стр. 62 (приписывает ее кн. Владимиру Святославичу).

Н. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, Ленинград, 1928, стр. 168—170 (предполагает, что это императорская византийская печать).

Первая половина ХІ в. Печати, с греческой легендой, с именем св. Константина, найденные в Ступнице под Самбором и в Киеве.

М. Грушевский. Печатка з Ступниці під Самбором, Записки наук. тов. ім. Шевченка, 1899, т. 31—32, стр. 1—4 (приписывает ее императору Константину VIII).

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 157—158, 174 (приписывает ее кн. Мстиславу-Константину Владимировичу).

* N. Makarenko. Sceaux de plomb de la période grand-ducale de l'Ukraine, «Arethuse», 1927, № 17 (цитируется здесь и далее по Лихачеву, стр. 172—174).

Первая половина ХІ в. Печать с греческой легендой, с изображением св. Георгия, найденная в с. Левашковке, близ Седнева, Черниговской губ.

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 4 (приписывает ее кн. Юрию Долгорукому).

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 155—156 (приписывает ее кн. Ярослав-Георгию Владимировичу).

1062—1076 гг. Печати киевского митрополита Георгия, найденные в Киеве.

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 66, № 7.

80-е годы (1083?) XI в. Печать Феофании Музалониссы.

*G. Schlumberger. Cinq sceaux de l'époque byzantine, «Revue Numismatique», 1883, t. I, p. 447—458.

*G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire Byzantin, Paris, 1881, p. 432—433.

*И. И. Толстой. О византийских печатях Херсонской фемы, Записки Русского археологического общества, т. II, вып. I, СПб., 1866, стр. 42.

Х. Лопарев. Византийская печать с именем русской княгини, «Византийский Временник», 1894 г., т. I, стр. 159—166 (по его предположению, Феофания — жена черниговского князя Олега).

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 65—66, № 6.

*Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 136—140.

Вторая половина XI в. Печати с греческою легендою, с именем Андрея, найденные в Киеве и Киевской области.

В. Анастасевич. Любопытное известие о золотой гривне, найденной в Чернигове, Отечественные Записки, 1821, кн. 20, стр. 432—433.

*Н. Леопардов. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Вып. III—IV, Киев, 1891, табл. IX—X.

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 64—65 (приписывает их Андрею Боголюбскому).

*Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, с предисловием Н. П. Петрова. Киев, 1915, стр. 19 и табл. X., 10—11.

*Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 146—154, 172—173 (приписывает их Всеволоду Ярославичу).

Макаренко. Sceaux de plomb..., Arethuse, 1927, № 17, p. 173—181 (приписывает ее кн. Андрею Владимировичу).

Конец XI в. Печати Ратибора, посадника тмутороканского.

а) экземпляр, найденный близ Еникале:

*Е. Люценко. Труды III Археологического съезда, Киев, 1878, т. II, стр. 165.

*А. Орешников. Материалы к русской сфрагистике, М. 1903, стр. 31—32 и табл. II, рис. 15.

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 67—68, № 9.

Отчет... Российского Исторического музея за 1883—1908 гг. М., 1916, стр. 144.

б) экземпляр той же печати, принадлежавший Е. Е. Люценко:

* И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского, СПб., 1882, стр. 222—226 и табл. 14, рис. 7.

* И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности. СПб., вып. 4, стр. 172.

* Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 32 и табл. II, рис. 16.

в) экземпляр той же печати, найденный близ Керчи:

К. Болсуновский. Каталог предметов, выставленных в университете св. Владимира, Киев, 1899, стр. 4, № 7.

г) найденная в Киеве:

Петров. Южно-русские вислые печати, № 10, стр. 68.

XI в. Печать с греческой легендой, с именем св. Василия, найденная в Звенигороде Галицком.

* М. Грушевский. Звенигород Галицький — історично-археологічна розвідка, Записки Наук. тов. ім. Шевченка, т. XXXI—XXXII, стр. 20—21.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 163—164.

XI в. Печать с греческой легендой, с именем проедра России Николая. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire Byzantin, Paris, 1884, p. 740.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 160 (предполагает ее принадлежность кн. Святославу-Николаю Ярославичу; там же мнение А. П. Смирнова о принадлежности печати митроп. киевскому Николаю).

XI в. Печать с изображением св. Димитрия и богоматери, найденная в Киеве.

* Makarenko. Sceaux de plomb..., Arethuse, 1927, № 17, p. 173—181, pl. XXVIII, fig. 1—2.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 174.

XI в. Печать с греческой легендой; с именем св. Феодосия, найденная в окрестностях Галича.

М. Грушевский. Печатки з околиць Галича. Записки Наук. тов. ім. Шевченка, 1900, т. XXXVIII, стр. 3—4.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 162—163.

XI в. Печати с греческой легендой, с именем св. Дмитрия, найденные в Киеве и около Турова.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 166—168 (приписывает ее кн. Изяславу-Димитрию Ярославичу).

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 64, № 3.

XI в. Печать с греческой легендой, с именем св. Христины, найденная в Новгороде.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 164—166.

XI в. Печати с греческой легендой, с именем св. Петра, найденные в Киеве или около Киева.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 160—162 (приписывает ее кн. Ярополку-Петру Изяславичу).

XI в. Печать с формулой: «господи помози рабу своему Петру», найденная в Старой Ладоге.

Известия имп. Археологической комиссии, прил. к вып. 48, Археологическая хроника, стр. 9 (сообщение Н. И. Репникова; приписывает ее Ярополку Изяславичу).

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 100 (приписывает ее кн. Петру Изяславичу).

XI в. Печати с греческой легендой, протопроедра Евстафия, найденные в Новгороде.

* Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 26, № 41 (то же и на таблице; неверно перерисовано и прочтено как протоиерея Дмитр. Старорусского).

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 158—159, 175.

Вторая половина XI в. — первая четверть XII в. Печати с формулой: «господи помози рабу своему Иакову», найденные в Новгороде.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 110—111.

Вторая половина XI в. — первая четверть XII в. Печать с формулой: «господи помози рабу своему Василию, князя русьскаго», найденная в Зверинце ок. Клева.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 108—109.

Вторая половина XI в. — первая четверть XII в. Печати с формулой: «господи помози рабу своему Василию» (по предположению Н. П. Лихачева — возможно Владимира Мономаха).

а) найденная в Вышгороде:

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 106.

б) найденные в Киеве:

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 68—69, № 11.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 106—107.

в) найденные в Новгороде:

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 106.

г) найденная в Звенигороде Галицком:

М. Грушевский. Звенигород Галицкий. Записки Наук. тов. ім. Шевченка, 1899, т. XXXI—XXXII, стр. 21—22 (приписывает ее кн. Васильку Тербовльскому).

* Его же. Иллюстрированная история Украины, СПб., 1913, стр. 97.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 107—108.

д) найденная в Киевской губ.:

Отчет Российского Исторического музея в Москве, 1883—1908 гг., М., 1916, стр. 144.

Конец XI — первое десятилетие XII в. Печати с изображением св. Федора, с формулой: «спаси господи раба своего Феодора»:

а) найденная в Киевской области:

* Собрание В. И. Ханенко. Древности Приднепровья и побережья Черного моря, вып. VI, К., 1907, стр. 41.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 115.

б) найденная в Новгороде:

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 115—116.

Конец XI — первое десятилетие XII в. Печати с формулой: «господи помози рабу своему Федору. Аминь», найденные в Новгороде.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 114.

XI—XII в. Печать с изображением Николая Мирликийского.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 118—121 (предположительно кн. Святослава-Николая Ольговича).

XI—XII в. Печать с формулой: «господи, помози рабе твоей Марии», найденная в Киеве.

Н. Репников. Записки Нумизматического отдела имп. Русского Археологического общества, т. II, вып. 2, стр. 121 (приписал ее Доброгневе, в иночестве Марии, сестре Ярослава Изяславича).

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 63—64 (ошибочно прочтя, приписал ее «вероятно» Ярославу I).

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 117—121 (приписывает ее предположительно жене князя Святослава Ольговича).

XI—XII в. Печати с формулой: «господи помоги рабу твоему Димитрию».

а) найденная в Смоленске:

С. Писарев. Смоленск и его история. Княжеская местность и храм князей в Смоленске, Смоленск, 1894, стр. 16.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 111—112.

б) найденная в Новгороде:

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 112—113.

XI—XII вв. Печать с греческой легендой севаста Михаила, найденная в Кубанской области.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 141—145 (м. б. Олега-Михаила Святославича).

1130 г. Печать, серебряная, позолоченная, в. князя Мстислава Владимировича при грамоте его и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю.

* митр. Евгений. Примечания на грамату великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславовича, удельного князя Новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю. Вестник Европы, 1818 г., № 15—16 (воспроизведение в № 20) и Труды и записки Московского Общества истории и древностей российских, 1826 г., ч. III, кн. I, стр. 3—64.

Дополнения к Актам историческим, т. I, № 2.

* А. Лакиер. Русская геральдика, М., 1855, т. I, стр. 105—106 и табл. IV, рис. I.

арх. Макарий. Описание Новгородского общежительного Юрьева монастыря, М., 1858, стр. 51—54.

И. И. Срезневский. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю (1130). СПб., 1860 (Из I вып. IX т. Известий II отделения Академии Наук).

* Его же. Древние памятники русского языка и письма. СПб., 1866, приложения, 28; издание 2, СПб., 1898, 17.

* (Сахаров). Образцы древней письменности. (СПб., 1841), табл. I, № 1.

* П. Иванов. Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма разных периодов времени, изданный для воспитанников межевого ведомства, М., 1844, стр. 3 и табл. 1.

* М. Погодин. Древняя русская история, М., 1871, т. III (Атлас), табл. 134.

* П. Полевой. История русской словесности, СПб., 1900, т. I, стр. 176—177.

* М. Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 32—33 и табл. № 59.

* Н. Маркс. Две старейших русских грамоты из дошедших до нас в подлинниках. Древности Московского Археологического общества, т. XXIV (1914), стр. 2—11.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 12—19.

Не позже 1132 г. Печати в кн. Мстислава Владимировича, найденные в Новгороде.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 16, 18.

Первая половина XII в. Печать с изображением св. Георгия и Василия Великого, найденная в Новгороде.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 79—81 («с очень большой вероятностью» приписывает ее в. кн. Юрию Владимировичу Долгорукому).

Середина XII в. Печати с изображениями св. Андрея и Георгия.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 72—74 (приписывает ее кн. Андрею Георгиевичу Боголюбскому).

Середина XII в. Печати с изображениями св. Федора и архангела Михаила.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 72 (приписывает ее предположительно в. кн. Ростиславу Мстиславичу).

1161—1163. Печать с изображениями архангела Михаила и св. Федора.

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 73 (вероятно митрополита Федора).

Вторая половина XII в. Печать с изображениями Василия Великого и архангела Михаила.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 75 (предположительно относит ее к князю Рюрику Ростиславичу).

Вторая половина XII в. — первая четверть XIII в. Печать с изображениями св. Димитрия и архангела, найденная в Новгороде.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 75—78.

ок. 1165. Печати Козьмы, епископа Галицкого.

*М. Грушевский. Печатки з околищ Галича. Записки Наук. тов. ім. Шевченка, 1900, т. 38, стр. 1—3.

Вторая половина XII в. — первая четверть XIII в. Печать с изображениями св. Федора и царя Давида, найденная в Новгороде.

*Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 24, № 34 и таблица, № 34 (ошибочно читая легенду, считал ее принадлежащей кн. Андрею Александровичу, 1293 г.).

*Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 72—75 (о рискованности приписать ее в. кн. Смоленскому Мстиславу Давидовичу).

Последняя четверть XII в. — начало XIII в. Печати с изображениями св. Димитрия и Георгия.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 72 (приписывает их в. кн. Всеволоду Георгиевичу Большое Гнездо).

XII в. Печать с изображениями св. Бориса и Глеба, найденная, в Киеве.

*Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 97—98.

XII в. Печати с изображениями процветшего креста и св. Симеона, найденные в Дрогичине.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 98—99.

XII в. Печать с изображением св. Димитрия, найденная около Киева.

*Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 122.

XII в. Печать с изображением св. Димитрия.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 122 (приписывает ее Изяславу-Димитрию Ярославичу).

XII в. Печать с формулой, предположительно «господи помози рабу своему Михаилу. Амен», найденная в Новгороде.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 116—117.

XII в. Печати с изображениями процветшего креста и св. Федора, найденные в Дрогичине.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 98.

XII в. Печати с изображениями св. Георгия и св. Бориса и Глеба.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 99.

XII в. Печать с изображениями св. Федора и св. Бориса и Глеба.

*Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 99.

XII в. Печать с изображениями св. Глеба и св. Федора.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 100.

XII в. Печать с изображениями архангела Гавриила и кн. Бориса.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 101.

XII в. Печать с изображениями св. Бориса и Глеба и Симеона Богоприимца, найденная в Новгороде.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 100—102 (м. б. черниговского князя Всеволода Симеона Давидовича).

XII (?) в. Печать с изображениями Симеона Богоприимца и св. Глеба, найденная в Дрогичине.

*К. Болсуновский. Дрогичинские пломбы, Киев, 1894, т. I, табл. 20, Е.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 102.

ХII—ХIII вв. Печать с изображениями св. Агафоника и Иоанна Богослова, найденная в Новгороде.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 82.

ХII—ХIII вв. Печать с изображениями Иоанна предтечи и Симеона столпника, найденная в Новгороде.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 82.

ХII—ХIII вв. Печати с изображениями св. Пантелеймона и св. Стефана, найденные в Новгороде.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 82.

ХII—ХIII вв. Печать с изображениями св. Пантелеймона и Федора, найденная в Новгороде.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 82.

ХII—ХIII вв. Печать с изображениями Иакова брата господня и Иоанна Богослова, найденная в Новгороде.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 82.

ХII—ХIII вв. Печать с изображениями процветшего креста и св. Прокония, найденная в Новгороде.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 82.

ХII—ХIII вв. Печать с изображениями Иоанна милостивого и царя Давида на коне, найденная в Старой Ладогe (?).

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 82.

XII—XIII вв. Печать с изображениями св. Кирилла и архангела Михаила, найденная в Новгороде.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 83—84 (приписывает ее кн. Всеволоду Ольговичу).

XII—XIII вв. Печать с изображениями св. Иакова брата господня и св. Федора, найденная в Новгороде.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 85.

XII—XIII вв. Печати с изображениями св. Андрея и Федора, найденные в Новгороде.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 82.

XII—XIII вв. Печати с изображениями Иоанна предтечи и архангела Михаила, найденные в Новгороде.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 82.

Начало XIII в. Печать с изображениями св. царя Константина и Димитрия.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 72—74 (приписывает ее кн. Константину Всеволодовичу).

Начало XIII в. Печать с изображениями Димитрия Солунского и скачущего всадника, святого.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 75—79 («с наибольшим вероятием» приписывает ее в. кн. Георгию Всеволодовичу).

1214—1219 гг. Печать золотая, найденная в Киеве, приписываемая в. кн. Смоленскому Владимиру Рюриковичу.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 56—57.

Первая четверть XIII в. Печати с изображениями архангела Гавриила и Дмитрия Солунского, найденные в Новгороде.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 71—73 (приписывает ее кн. Святославу Всеволодовичу).

Ок. середины XIII в. Печать Киевского митрополита Кирилла, найдена на городище «Княжья гора» в б. Киевском уезде; имела в коллекции Д. Я. Самоквасова.

Д. Самоквасов. Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей, Варшава, 1892, стр. XXXIV, 84, 101.

1236—1263 гг. Печать великого князя Александра Невского (?), найденная в Новгороде.

* Полянский. Новгородские вислые печати княжие, владычные, посадничьи, наместничьи, воевод и тысяцких (Извлечение из статей новгородской газеты «Волховский листок», № 93 и 94, 1903 г.), стр. 29, № 49 и табл. № 49.

Ок. 1239 г. Печать, серебряная, при так наз. экземпляре К Смоленского договора 1229 г. с Ригой и Готландом.

К. Напьерский. Русско-ливонские акты, стр. 448, 451.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 52; изд. 2, стлб. 104.

П. Голубовский. История смоленской земли до начала XV ст., Киев, 1895, стр. 128—132 (приписывает кн. Всеволоду Мстиславичу, ок. 1239 г.).

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress in Riga, Riga, 1896, S. 177, № 926.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 26—28, 55.

Ок. 1239 (?) г. Печать с изображениями св. Бориса и Глеба, найденная в Тверской губ.

* Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 43—44 и таблица II, № 22.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 100 (приписывает ее в. кн. Смоленскому Всеволоду Мстиславичу).

Не позже первой половины XIII в. Печать с изображениями св. Георгия и Фрола и Лавра, найденная в Новгороде.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 78—79.

Не позже первой половины XIII в. Печать с изображениями св. Николая и Федора Стратилата (?), найденная в Переяславле (б. Полт. губ.).

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 69, № 13.

Не позже первой половины XIII в. Печать с изображениями св. Николая и неопределенного другого святого, найденная в Киеве.

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 69, № 14.

Не позже первой половины XIII в. Печать с изображением богородицы и архангела, находившаяся в киевском собрании Ф. Кундеревича.

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 70, № 15.

Не позже первой половины XIII в. Печать с изображением богородицы и с греческой легендой на другой стороне, находившаяся в собрании Ф. Кундеревича.

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 70, № 16.

Не позже первой половины XIII в. Печать с изображением знамения богородицы и греческой легендой на другой стороне, находившаяся в собрании Ф. Кундеревича.

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 70, № 17.

Не позже первой половины XIII в. Печать с легендой «Деньслого» на одной стороне и именем Давида на другой, найденная в Переяславле.

* Н. Беляшевский. Два замечательных предмета Киевского церковно-археологического музея. Киевская старина, 1888 г., т. XXII, стр. 133—135.

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 71.

* Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. IV—V, Киев, 1915, стр. 19 и табл. X, №№ 12—13.

Не позже первой половины XIII в. Печать с легендой «Денеслого» и изображением «какого-нибудь князька каракалпаков или черных клобуков», найденная в Стеблеве, б. Киевской губ.

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 71—72, № 20.

Не позже первой половины XIII в. Печать с легендой «Денислого» на одной стороне и изображением («грубо исполненное лицо как бы с крыльями по сторонам») на другой.

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 73.

Не позже первой половины XIII в. Печать с легендой «Денеслого» и изображением святого на другой стороне, найденная в Дрогичине.

* Болсуновский. Дрогичинские пломбы, Киев, 1894, ч. I, стр. 1, и табл. 1.

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 71, № 19.

Не позже первой половины XIII в. Печать с легендой «Деньслого» и именем Симеона.

Болсуновский. Дрогичинские пломбы, ч. I, Киев, 1894.

Не позже первой половины XIII в. Печать с легендой «Деньслово» и именем Андрея.

Болсуновский. Дрогичинские пломбы, ч. I, Киев, 1894.

Не позже первой половины XIII в. Печать с легендой «Дньслово» и изображением ангела.

Собрание Б. И. и В. А. Ханенко. Древности Приднепровья и побережья Черного моря, вып. VI, К. 1907, стр. 41, № 561.

Не позже первой половины XIII в. Печать, золотая, принадлежавшая какому-то митрополиту всея Руси, найденная в Киеве.

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 66—67, № 8.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 56.

Не позже первой половины XIII в. Печать, серебряная, с изображениями св. Димитрия и Василия, найденная на Княжьей горе, близ Канева.

Петров. Южно-русские металлические вислые печати, стр. 69, № 12.

1260—1262 гг. Печати при договорной грамоте Новгорода с немецкими городами о мире и торговле: а) золотая и свинцовая «всею Новгородом»; б) золотая и свинцовая, архиепископа Долмата; в) золотая и свинцовая, княжеская (по определению Н. П. Лихачева — в. кн. Ярослава Ярославича).

* Грамоты, относящиеся до сложения северо-западной России, № 1а.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 205—206; изд. 2-е, стлб. 129 (с датой: 1262—1263 гг.).

Напьерский. Русско-ливонские акты, стр. 8—9, № XVI (с датой: 1257—1263, возможно: 1257—1259 или 1262).

Bonnel. Russisch-livländische Chronographie, St.-Petersbourg, 18 (с датой: январь—февраль 1260 г.).

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress (с датой: лето—осень 1259).

L. Goetz. Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters, Hamburg, 1916 (с датой: январь—февраль 1260 г.).

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 36—41 (с датой: 1262 г.).

1266—1299 гг. Печать псковского князя Довмонта при так наз. рядной — Тешаты и Якима.

*С. Napiersky. «Bulletin de la classe des sciences historiques de l'Académie imp. des sciences de St.-Pétersbourg, 1850, t. VIII, № 11, pp. 170—172.

*Срезневский. Рядная запись с печатью XIII в. Записки имп. Археологического общества, 1853, т. III, стр. 220—249.

К. Неволлин. Письмо к И. И. Срезневскому, там же, 250—267. Лакиер. Русская геральдика, стр. 185.

*К. Неволлин. Полное собрание сочинений, т. VI, СПб., 1859, стр. 551—585.

Напьерский. Русско-ливонские акты, № XXVII.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 231, 630; изд. 2, стлб. 157.

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress, S. 178, № 931.

*Ф. Ушаков. По поводу псковских древних печатей. Записки имп. Археологического общества, т. XII, вып. 1—2. Новая серия. Труды отделения славянской и русской археологии, СПб., 1901, стр. 313, 318—320.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 32—34.

1266—1299 гг. Печать псковского князя Довмонта, найденная в Новгороде.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 34.

1265—1270 гг. Печати в. кн. Ярослава Ярославича, найденные в Новгороде.

*Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 22, № 28 и таблица, № 28 (ошибочно определена и датирована).

*Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 41.

1269—1270 гг. Печать в. кн. Ярослава Ярославича при третьей договорной грамоте с Новгородом.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. 1, № 3.

* Собрание государственных грамот и договоров, т. 1, № 3.

Лакнер. Русская геральдика, СПб., 1855, стр. 106 и табл. IV, рис. № 2.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 67; изд. 2, стбл. 137—138.

А. Шахматов. О языке Новгородских грамот, «Исследования по русскому языку». Изд. отд. русского языка и словесности Академии Наук, СПб., 1885—1895, стр. 241.

* Орешников. Материалы к русской сфрагистике. М., 1903, стр. 24—25 и табл. II, рис. 10.

* М. Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 15, табл. № 1.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 38—41.

1270—1275 гг. Печать, серебряная, при так наз. экземпляре Д Смоленского договора 1229 г. с Ригой и Готландом.

* Tobien. Die ältesten Tractate Russlands, Dorpat, 1845, таблица перед титулом.

Напьерский. Русско-ливонские акты, стр. 414—416.

Голубовский. История Смоленской земли до начала XV ст., Киев, 1895 (относит его ко времени не ранее 1274 г., не ограничивая позднее и XIV в.).

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress, S. 177, № 925.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 25—26, 55 (относит ее к кн. Глебу Ростиславичу, 1270—1275 г.).

18 мая 1284 г. Печать, золотая, смоленского князя Федора Ростиславича при грамоте рижанам о свободной торговле и непрерывных сношениях.

* Собрание государственных грамот и договоров, т. II, № 3.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 71; изд. 2, стбл. 146—147.

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress, SS. 177—178, № 928.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 22—23, 55.

1284 г. Печать, серебряная, смоленского князя Федора Ростиславича при грамоте о решении дела о колоколе.

* Грамоты, относящиеся до сношений северо-западной России, № IV.

Напьерский. Русско-ливонские акты, стр. 19, № XXXVII.
Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 71; изд. 2, стлб. 146—147.

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress, S. 178, № 929.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 23, 55.

Ок. 1284 г. Печати при так наз. экземпляре А Смоленского договора 1229 г. с Ригю и Готландом: а) печать, серебряная, позолоченная, смоленского князя Федора Ростиславича, и б) печать, серебряная, позолоченная, смоленского владыки Перфилия (или Перфурия).

* Собрание государственных грамот и договоров, т. II, № 1.

* Лакиер. Русская геральдика, стр. 109—110 и табл IV, рис. 7—8.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 50; изд. 2, СПб., 1882, стлб. 102.

Его же. Славяно-русская палеография, СПб., 1885, стр. 178.

Напьерский. Русско-ливонские акты, стр. 411.

Голубовский. История Смоленской земли до начала XV ст., Киев, 1885, стр. 110—132.

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress, S. 176, № 923.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 20—25.

1290 (?) г. Печать владычного наместника Андрея (?).

* Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 35, № 63 и табл. № 63 (считает Андрея позднейшим посадником 1293—1299 гг.).

1294—1301 гг. Печать, серебряная, великого князя Михаила Ярославича при договорных грамотах с Новгородом.

* Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 23—25, №№ 9 и 10.

* Собрание государственных грамот и договоров, т. I, №№ 4 и 5 (с датой: 1295—1302).

*(Сахаров). Образцы древней письменности, табл. VI, № 7.

* П. Иванов. Сборник палеографических снимков, табл. 3, №№ 4—5.

* Лакиер. Русская геральдика, стр. 107 и табл. IV, рис. 3.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, изд. 2, столб. 166 (с датой: 1301—1302 гг.).

Шахматов. О языке новгородских грамот, стр. 231, 243—245 (с датой: 1294—1301 гг.).

* Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 25—26 и табл. II, рис. 12.

Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 15, № 3 и табл., № 3.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 41—42.

1298 г. Печать полоцкого епископа Якова при грамоте рижанам.

* Грамоты, относящиеся до сношений северо-западной России, № VI.

Напьерский. Русско-ливонские акты, № XXXVIII.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 80; изд. 2, столб. 162 (с датой: ок. 1300 г.).

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress, S. 178, № 930.

1293—1304 гг. Печать великого князя Андрея Александровича, найденная в Новгороде.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 49.

Ок. 1300 г. Печать, золотая, кн. Александра Глебовича, при экземпляре В смоленского договора 1229 г. с Ригию и Готландом.

* А. Куник. О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича с изображением св. Георгия Победоносца, СПб., 1860, стр. 135.

Напьерский. Русско-ливонские акты, стр. 414, 420 (с датой: 1300 г.).

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 77; изд. 2, столб. 157.

Голубовский. История Смоленской земли до начала XV в. стр. 116, 131 (с датой: 1297—1313 гг.).

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress, S. 176, № 924 (с датой: лето 1299 г.).

Goetz. Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters (с датой: конец 1299 г. — начало 1300 г.).

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 30—31, 55 (с датой: ок. 1300).

Ок. 1300 г. Печать, восковая, смоленского князя Александра Глебовича при его грамоте рижанам о мире и торговых сношениях.

* Грамоты, касающиеся сношений северо-западной России, № VIII.

Напьерский. Русско-ливонские акты, стр. 23 (с датой: ок. 1300 г.).

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 76; изд. 2, стлб. 157.

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress (с датой: 1299—1300).

Goetz. Deutsch-Russische Handelsverträge (с датой: 1299—1300).

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 31.

XIII в. Печати с изображением скачущего всадника — св. Александра и Федора страгилата в композиции чуда о змии, найденные в Новгороде.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 89—92 (приписывает ее кн. Александру Ярославичу Невскому).

XIII в. Печать с изображениями Димитрия Солунского и св. Александра, найденная в Новгороде.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 92—94 (приписывает ее в. кн. Димитрию Александровичу).

XIII в. Печати с изображениями св. Александра и Даниила столпника, найденные в Новгороде.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 94—96 (приписывает ее в. кн. Даниилу Александровичу).

XIII в. — начало XIV в. Печать с изображениями св. Андрея и сокольника.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 70 (предполагает принадлежность вел. кн. Андрею Александровичу).

XIII в. — начало XIV в. Печати с изображениями «спасителя» и сокольника.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 69—70.

XIII в. — начало XIV в. Печати с изображениями «спасителя» и всадника в нимбе (св. Александра?, Димитрия Солунского?), найденные в Новгороде.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 68—69.

Вторая половина XIII в. — начало XIV в. Печати с изображением «спасителя» и воина (св. Федора?), найденные в Новгороде.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 67.

1301 г. Печати при экземплярах Ленинской библиотеки (Москва) и Рижского архива грамоты Новгорода ганзейским городам о свободных путях: а) печать великого князя Андрея Александровича, б) печать посадника Смена, в) печать тысяцкого Машка.

* Х. Шлецер. Изъяснение двух совсем еще неизвестных и весьма достопамятных подлинников на славянском языке писанных и относящихся до связи между Новгородскою республикою и Ганзою, Вестник Европы, 1811 г. №№ 23 и 24.

* Дополнения к актам историческим, т. I, № 6.

А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцовского музеума. СПб., 1842, стр. 59, № XLIII.

* П. Иванов. Сборник палеографических снимков, М., 1844, стр. 5 и табл. 4.

* Лакиер. Русская геральдика, стр. 177 и табл. XIII, рис. 9—11.

* Грамоты, относящиеся до сношений северо-западной России, № IX.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 275—276; изд. 2, стлб. 164—165 (с датой: 1301 г.).

Напьерский. Русско-ливонские акты, № XLVIII.

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress, S. 179, № 933.

*М. Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 21—22, №№ 25—27 и табл. №№ 25—27.

*Государственный Румянцевский музей. Путеводитель. I. Библиотека, М., 1923, стр. 205.

*Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 46—47.

1302 г. Печать великого князя Андрея Александровича при верительной грамоте Новгорода в Колывань.

*Грамоты, относящиеся до сношений северо-западной России, № V.

Напьерский. Русско-ливонские акты, № XLIII (с датой: 1294—1304).

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 227—228; изд. 2, стлб. 154 (с датой: 1294 г. или после).

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress, S. 179, № 934.

*Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 47—78.

1303—1307 гг. Печати при грамоте Новгорода рижанам: а) печать архиепископа Феоктиста, б) печать посадника Андрея Климовича, в) печать тысяцкого Андрияна Олферевича.

Напьерский. Русско-ливонские акты (с датой: 1299—1307 г.).

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 242; изд. 2, стлб. 167 (с датой: 1304 г. или после).

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress, S. 179, № 935 (с датой: 1303—1307).

1304—1305 гг. Печать новгородского архиепископа Феоктиста при договорных грамотах Новгорода с великим князем тверским Михаилом Ярославичем.

Древняя Российская Вивлиофика, т. I, изд. 2, стр. 11.

*Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 10—11 (с датой: 1307—1308).

Евгений, митр. Примечания на грамоту великого князя Мстислава Володимировича, стр. 53.

Шахматов. О языке новгородских грамот, стр. 248.

* М. Толстой. Святыни и древности великого Новгорода, М., 1862, прилож. 5, стр. 17.

1304—1305 гг. Печать новгородского архиепископа Феоктиста при договорной грамоте Новгорода с великим князем тверским Михаилом Ярославичем.

Древняя Российская Вивлиофика, т. I, изд. 2.

* Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 9 (с датой: 1305—1308).

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 82; изд. 2, столб. 169.

Шахматов. О языке новгородских грамот, стр. 245—246.

* Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 23, № 31 и табл. № 31.

1304—1319 гг. Печать великого князя Михаила Ярославича, найденная в Новгороде.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 44—45.

1304—1319 гг. Печать, серебряная, позолоченная, великого князя Михаила Ярославича, отдельно хранившаяся в б. Древнехранилище.

* Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 25 и табл. II, рис. 11.

1304—1319 гг. Печать с изображением «спасителя» и архангела Михаила.

* Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 68 (относит ее к тверскому в. кн. Михаилу Ярославичу).

1305—1308 гг. Печать великого князя Михаила Ярославича при (третьей) договорной грамоте с Новгородом.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 15 (с датой: 1309 г.).

*Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 7 (с датой: 1305—1309 гг.).

*Лакнер. Русская геральдика, стр. 107 и табл. IV, рис. 4.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 82; изд. 2, стр. 169 (с датой: ранее 16 июня 1307 г.).

Шахматов. О языке новгородских грамот, стр. 231—252, 253—255.

*Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 28—29.

*Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 15—16 и табл. № 3.

*Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 43.

1305—1308 гг. Печать новгородского архиепископа Феоктиста при договорной грамоте великого князя Михаила Ярославича с Новгородом.

*Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 6.

*Лакнер. Русская геральдика, стр. 162 и табл. VIII, рис. 1.

Шахматов. О языке новгородских грамот, стр. 251.

1314 г. Печати при договоре (восьмом) великого князя Михаила Ярославича с Новгородом: а) печать великого князя Михаила Ярославича, б) печать архиепископа новгородского Давыда.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 25—27, № 11 (с датой: 1312 г.).

*Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 12 (с датой: 1317 г.).

Евгений, митр. Примечания на граммату великого князя Мстислава Володимировича, стр. 54.

*Лакнер. Русская геральдика, стр. 107, 162—163, табл. IV, рис. 5.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 84; изд. 2, стр. 174 (с датой: 1316 г.).

*Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 14—16, табл. II, рис. 13 (только княжеская).

*Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 16 и таблицы №№ 6 и 7.

Шахматов. О языке Новгородских грамот, стр. 234, 256—257 (с датой: 1314 г.).

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 42.

1325—1327 гг. Печать великого князя Александра Михайловича при договорной грамоте с Новгородом.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, стр. 27—31, № 12 (с датой: 1326 г.).

*Tobien. Die ältesten Tractate Russlands, Dorpat, 1845, S. 94—95.

*Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 15 (с датой: 1327).

Лакиер. Русская геральдика, стр. 108.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 288—289; изд. 2, стлб. 181 (с датой: 1325—1326 г.).

Шахматов. О языке новгородских грамот, стр. 234—264.

*Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 28 и табл. II, рис. 14.

*Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 19, № 17 и табл. № 17.

*Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 45.

1330—1338 гг. Печати полоцкого князя Глеба Наримунтовича и епископа Григория при договоре с рижанами о весах.

Грамоты, относящиеся до сношений северо-западной России, № VII.

Напьерский. Русско-ливонские акты, № LXXIV (с датой: 1330 г.).

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 640—641; изд. 2, стлб. 183 (с датой: ок. 1330 г.).

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress, (с датой: ок. 1338 г.).

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 35—36 (с датой: 30-е гг. XIV в.).

1330—1359 гг. Печать, восковая, смоленского князя Ивана Александровича при договорной грамоте с Ригой.

*Собрание государственных грамот и договоров, т. II, № 8.

*Лакиер. Русская геральдика, стр. 110—111 и табл. IV, рис. 9.

Напьерский. Русско-ливонские акты, № LXXIII.

Лихачев. Материалы для геральдики, стр. 31—32.

1336 г. Печать, серебряная, позолоченная, великого князя Ивана Даниловича Калиты при его первой духовной грамоте.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 47—51.

*Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 21 (с датой: 1328 г.).

Евгений, митр. Примечания на граммату великого князя Мстислава Володимировича, стр. 45 (с датой: 1228—1241).

Лакиер. Русская геральдика, стр. 113.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 290, изд. 2, стлб. 183 (с датой: 1327—1328 г.).

*Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 14—16 и табл. I, рис. 1 (с датой: 1336 г.).

1339 г. Печати при второй духовной великого князя Ивана Даниловича Калиты: а) печать серебряная, позолоченная, великого князя Ивана Даниловича Калиты (с той же матрицы, что и при первой духовной) и б) татарская печать.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 52—56.

*Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 22 (с датой: 1228 г.).

Евгений, митр. Примечания на граммату великого князя Мстислава Володимировича, стр. 45 (с датой: 1228—1241 гг.).

Лакиер. Русская геральдика, стр. 113.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 291; изд. 2, стлб. 184 (с датой: 1231 г.).

*Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 14—16 и табл. I, рис. 1 и 2 (с датой: 1336 г.).

1353 г. Печати при духовной грамоте великого князя Симеона Ивановича: а) серебряная, позолоченная, великого князя Симеона Ивановича и б) две восковых печати.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 61—64.

*Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 24.

Евгений, митр. Примечания на граммату великого князя Мстислава Володимировича, стр. 26 и 45—46.

*Иванов. Сборник палеографических снимков, М., 1844, стр. 7 и табл. 7.

Лакиер. Русская геральдика, стр. 113.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 309; изд. 2, стлб. 209—210.

* Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 16—18.

1356 г. Печать, серебряная, позолоченная, великого князя Ивана Ивановича при его первой духовной грамоте.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 64—69.

* Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 25.

Евгений, митр. Примечания на грамоту великого князя Мстислава Володимировича, стр. 46.

Лакиер. Русская геральдика, стр. 113—114.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 313; изд. 2, стлб. 214 (с датой: не ранее 1356 г., вероятнее — 1357 г.).

Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 18—19 и табл. I, рис. 4.

Не позднее 1359 г. Печать серебряная, позолоченная, великого князя Ивана Ивановича при его второй духовной грамоте.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 69—74.

* Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 26 (с датой: 1356).

Евгений, митр. Примечания на грамоту великого князя Мстислава Володимировича, стр. 46.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 313; изд. 2, стлб. 214 (с датой: не позднее 1359 г.).

* Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 18—19.

1359—1389 гг. Печать, серебряная, позолоченная, великого князя Димитрия Ивановича при жалованной льготной грамоте новоторжцу Микуле Адрианову сыну.

* Я. Беретников. Записка об открытых в Московском Кремле древностях, представленная второму отделению Академии Наук, «Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie imp. des Sciences de St. Pétersbourg, t. II, 1845, № 4—5, стлб. 43 и табл. II Б.

Дополнения к актам историческим, т. I, № 9.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 118, изд. 2, стлб. 257.

*Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 19—20.

*Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 5—6.

1359—1389 гг. Печать восковая, по предположению Я. Бередникова—великого князя Димитрия Ивановича, найденная в Московском Кремле (сходна с печатью в Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 33, которую Лакнер считает печатью князя Владимира Андреевича).

*Бередников. Записка об открытых в Московском Кремле древностях, стлб. 57 и табл. IVи.

1359—1392 гг. Печать великого князя Димитрия Ивановича, бывшая в собрании И. И. Толстого.

*Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 21 и табл. II, рис. 9.

Ок. 1360 г. Печать митрополита Алексея при грамоте на Червлёный Яр.

Карамзин. История государства Российского, т. V, стр. 212.

Русская историческая библиотека, т. VI, стлб. 172.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 100; изд. 2, стлб. 212 (с датой: 1356 г.).

Ок. 1370-х гг. Печати при грамоте, найденной в Кремле: а) печать Степана (ср. Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 13) и б) печать, восковая, Бориса...

*Бередников. Записка об открытых в Кремле древностях, стр. 54, № IV и табл. IVг.

*Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 37—39.

Ок. 1370 гг. Печать наместника великого князя московского Ивана Прокшича (Прокофьевича) и Евфимия при грамоте, найденной в Кремле.

*Бередников. Записка об открытых в Московском Кремле древностях, стр. 59, № IX, табл. V Е.

*Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 36—37.

1371 г. Печати, восковые, при договорной грамоте великого князя литовского Ольгерда с великим князем Димитрием Ивановичем.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 169—170.

Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 31.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 323; изд. 2, стлб. 227 (с датой: 1372 г.).

1371 г. Печати при договорной грамоте Новгорода с великим князем тверским Михаилом Александровичем: а) печать новгородского посадника и б) печать новгородского тысяцкого Матвея Фалалеевича.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I.

* Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 8 (с датой: 1305—1308 гг.).

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 82, изд. 2, стлб. 169 (с датой: 1307 г.).

Шахматов. О языке Новгородских грамот, стр. 233—265.

Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 16, № 4—5 и табл. № 4—5.

1372 г. Печати при договорной грамоте тверского великого князя Михаила Александровича с Новгородом: а) печать новгородская и посадничья, б) печать тысяцкого Матфея Фалалеевича, в) печать Сильвестра, г) печать тысяцкого Филиппа, д) печать посадника Якова, е) печать посадника Андреяна, ж) печать посадника Юрия Ивановича, з) печать тысяцкого Авания, и) печать Ивана Иеремича, к) печать Семена Андреевича, л) печать Степана.

* Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 13 (с датой: 1317 г.).

Лакиер. Русская геральдика, стр. 175—176.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 108, изд. 2, стлб. 231 (с датой: 1375 г.).

Шахматов. О языке новгородских грамот, стр. 268—269.

* Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 16—18, табл. №№ 8—16.

1373 г. Печати при договорной грамоте Новгорода с ганзейскими послами: а) печать Матфея Фалалеевича и б) печать посадника Юрия Ивановича.

Х. Шлецер. Изъяснение двух еще совсем неизвестных и весьма достопамятных подлинников, на славянском языке писанных и относящихся до связи между Новгородскою республикою и Ганзою. Вестник Европы, 1811 г., №№ 23 и 24.

Дополнения к актам историческим, т. I, № 7.

Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцовского музеума, стр. 59, № XIII.

Напьерский. Русско-ливонские акты, № XCVI.

Лакнер. Русская геральдика, стр. 178.

* Иванов. Сборник палеографических снимков, стр. 7—8 и табл. 8.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 108; изд. 2, стлб. 228.

1373 г. Печати при договорах грамот великого князя Михаила Александровича с Новгородом: а) печать новгородского посадника Юрия Ивановича и б) печать новгородского архиепископа Алексея.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 37—38.

Евгений, митр. Примечания на грамату великого князя Мстислава Владимировича, стр. 54.

* Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 17 (с датой: 1375 г.).

Лакнер. Русская геральдика, стр. 163, 176.

Шахматов. О языке новгородских грамот, стр. 270.

Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 19, №№ 18—19 и табл. №№ 18—19.

1375—1381 гг. Печать посадника новгородского Юрия Ивановича, найденная в Новгороде.

* Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 20, № 23 и табл. № 23.

Не позже 1378 г. Печать, серебряная, позолоченная, при первой духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича: а) печать великого князя Дмитрия Ивановича и б) печать митрополита Алексея.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 87.

*Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 30 (с датой: 1371 г.).

Евгений, митр. Примечания на грамату великого князя Мстислава Володимировича, стр. 46 и 54.

Лакиер. Русская геральдика, стр. 114—115, 164.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 110; изд. 2, стлб. 237 (с датой: до 1378 г.).

*Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 19, 21—22 и табл. I, рис. 5 и 7.

Ок. 1380 г. Печать, восковая, в. князя Андрея Федоровича при деловой его с братом Юрием.

*Иванов. Сборник снимков с древних печатей, М., 1858, табл. I, № 2 и стр. 1.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 334; изд. 2, стлб. 244.

1388 г. Печати, восковые, при договорной грамоте великого князя Димитрия Ивановича с князем Владимиром Андреевичем: а) печать кн. Владимира Андреевича и б) неясная печать.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 170—171.

*Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 33.

Евгений, митр. Примечания на грамату великого князя Мстислава Володимировича, стр. 46.

Лакиер. Русская геральдика, стр. 136.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 345; изд. 2, стлб. 258 (с датой: 1389 г.).

1389 г. Печать серебряная, позолоченная, великого князя Димитрия Ивановича при его второй духовной грамоте.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 109.

*Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 34.

Лакиер. Русская геральдика, стр. 115.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, изд. 2, стлб. 259.

*Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 20—21 и табл. I, рис. 6.

1389 г. Печати, восковые, при договорной грамоте великого князя Василия Дмитриевича и его братьев с кн. Владимиром Андреевичем: а) печать великого князя Василия Дмитриевича, б) печать кн. Владимира Андреевича, в) печать кн. Юрия Дмитриевича (?).

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 17—21.

* Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 35.

* Лакиер. Русская геральдика, стр. 116—117, 136, табл. V, рис. 4.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 119; изд. 2, стлб. 260.

1389—1425 гг. Печать великого князя Василия Дмитриевича (?), найденная в Новгороде.

* Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 28, № 48 и табл. № 48.

1392 г. Печать, восковая, великого князя Василия Дмитриевича при жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю.

* Памятники социально-экономической истории Московского государства, т. I, М., 1929, перед стр. 1.

Конец XIV в. Печати новоторжского наместника Алексея.

а) найденная в Кремле:

* Бередников. Записка об открытых в Кремле древностях, стр. 56—57 №№ XII—XIV (три экземпляра) и табл. IV. 3.

б) хранившаяся в Древлехранилище:

* Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 41 и табл. II, рис. 17.

Конец XIV в. Печать новоторжского наместника Алексея, найденная в Тверской губ. (другая матрица).

* Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 41 и табл. II, рис. 18.

Отчет Русского Исторического музея, М., 1916, стр. 144.

Конец XIV в. Печать новоторжского наместника Василия, найденная в Тверской губ.

*Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 43 и табл. II, рис. 20.

Отчет Русского Исторического музея, М., 1916, стр. 144.

Конец XIV в. Печать новоторжского наместника Василия (другого).

*Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 43 и табл. II, рис. 21.

Отчет Русского Исторического музея, М., 1916, стр. 144.

Конец XIV в. Печати новоторжского наместника Давида.

а) найденная в Кремле:

*Бередников. Записка об открытых в Московском Кремле древностях, стр. 56, № X и табл. VI Ж.

*Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 40.

б) имеющаяся в Тверском музее:

*А. Жизневский. Описание Тверского музея, М., 1888, стр. 186 (отнес к 1159 г.).

Конец XIV в. Печать новоторжского наместника Ивана.

*Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 42—43 и табл. II, рис. 19.

Конец XIV в. Печать новоторжского наместника при купчей Михаила Федоровича.

*Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., т. I, М. 1929, между стр. 18—19.

Конец XIV в. Печать Михаила при грамоте, найденной в Кремле.

Бередников. Записка об открытых в Московском Кремле древностях, стр. 57, № XIV.

*Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 39—40.

XIV (?) в. Печать Ивана, найденная в Новгороде.

* Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 31, № 56 и табл., № 56 (считает ее печатью «посадника Ивана» 1372 г.).

XIV в. Печать с изображениями св. Бориса и Глеба, найденная в Новгороде.

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 102 (приписывает ее предположительно посаднику Богдану Аввакумовичу, 1384—1397 г.).

XIV в. Печать новгородского тысяцкого (?), найденная в Новгороде.

* Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 29, № 50 и табл., № 50.

XIV в. Печать при грамоте Пскова (посадника Сидора, Рагвила и всего Пскова) Риге.

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress, S. 180, № 937.

* А. И. Соболевский и С. Л. Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в. СПб., 1903, № 45.

XIV в. Печать, восковая, князя Дмитрия Александровича при данной Троице-Сергиеву монастырю.

* Иванов. Сборник снимков с древних печатей. М., 1858, табл. I, № 1 и стр. 1.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 370; изд. 2, стлб. 294.

XIV в. — начало XV в. Печать с изображением архангела Михаила и легендой: «печать князя Андреева».

Лихачев. Материалы для сфрагистики, стр. 70—71.

XIV в. — начало XV в. Печати Варлаама, игумена Хутынского, в нескольких собраниях.

* Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 29—30.

Отчет Русского Исторического музея в Москве за 1883—1908 гг. М., 1916, стр. 144.

XIV в. — начало XV в. Печать, восковая (князя) Андрея Дмитриевича при разъезжей его грамоте с Кирилло-белозерским монастырем.

* Иванов. Сборник снимков с древних печатей. М., 1858, табл. I, № 3 и стр. I.

Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стлб. 351; изд. 2, стлб. 266.

XIV — первая половина XV в. Печать троицкого собора в Пскове, бывшая в собрании И. И. Толстого.

* Орешников. Материалы для сфрагистики, стр. 22.

Первая четверть XV в. Печать, восковая, стародубского князя Федора Андреевича при жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю.

* Памятники социально-экономической истории Московского государства, т. I, М., 1929, между стр. 6 и 7.

Ок. 1402 г. Печать новгородского посадника Кирилла Андреевича, найденная в Новгороде.

* Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 30, № 50 и табл., № 50.

Ок. 1405 г. Печати, восковые, при договорной грамоте великого князя Василия Дмитриевича и князя Владимира Андреевича: а) печать великого князя Василия Дмитриевича и б) печать князя Владимира Андреевича.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 172—173.

* Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 38.

*Иванов. Собрание палеографических снимков, стр. 9 и табл. 9.
Лакиер. Русская геральдика, стр. 136.

Ок. 1406 г. Печать, серебряная, позолоченная, великого князя Василия Дмитриевича при его первой духовной грамоте.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 133—134 (с датой: ок. 1410 г.).

*Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 39 (с датой: ок. 1406 г.).

Лакиер. Русская геральдика. СПб., 1855, стр. 116.

Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 23—24 и табл. I, рис. 8.

Ок. 1413 г. Печать новгородского посадника Ивана Дементьевича, найденная в Новгороде.

*Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 30, № 53 и табл., № 53.

Не позже 1417 г. Печати (две) при грамоте Новгорода Магистру ливонского ордена.

Русская историческая библиотека, т. XV, № 2.

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress, S. 180—181, № 941.

1418—1420 гг. Печати (две) при грамоте Новгорода Риге.

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress, S. 181, № 943.

*Соболевский и Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV века. № 41.

1418—1420 гг. Печать новгородского архиепископа Семена при грамоте Риге.

Katalog der Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress, S. 181, № 942.

*Соболевский и Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV в., № 42.

Ок. 1420 г. Печать Новгородского посадника Афанаса Федоровича.

*Полянский. Новгородские вислые печати, стр. 31 и табл., № 55.

1423 г. Печати, восковые, при духовной грамоте (второй) великого князя Василия Дмитриевича: а) неясная, б) великого князя Василия Дмитриевича (по предположению Лакиера), в) князя Андрея Дмитриевича, г) князя Петра Дмитриевича, д) князя Константина Дмитриевича.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 152.

*Собрание государственных грамот и договоров, ч. I, № 41.

*Лакиер. Русская геральдика, стр. 116—117, 137 и табл. IV, рис. 10.

1424 г. Печать великого князя Василия Дмитриевича при его духовной (третьей) грамоте.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2, т. I, стр. 158.

Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 42.

1425 г. Печать Пскова.

*И. Толстой. Русская допетровская нумизматика, вып. 2, Монеты псковские, СПб., 1886, стр. 1, 14—15, 17.

Д. Прозоровский. Псковская медаль 1425 г. Записки Русского Археологического общества, нов. сер., т. II, СПб., 1877, стр. 123—126.

*Ушаков. По поводу псковских древних печатей. Записки Русского Археологического общества, т. XII, вып. 1—2, Труды отд. слав. и русск. археологии, СПб., 1901, стр. 315—318.

НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЧАСТНОГО АКТА

С. Н. ВАЛК

Если общей задачей каждой из вспомогательно-исторических дисциплин является предварительное критическое изучение или какой-либо одной разновидности исторических источников или какой-либо стороны исторических источников вообще, то две старейшие вспомогательно-исторические дисциплины служат лучшими образцами: дипломатика первого (акт) и палеография второго (письмо) их типа. Однако, длительный путь развития, пройденный ими в недрах церковно-феодальной среды и затем буржуазной историографии, оставил в качестве своего наследства ряд точек зрения, которые должны быть преодолены для возможности дальнейшего плодотворного развития этих дисциплин.

Дипломатика возникла и укрепилась уже в XVII в. благодаря Мабилльону и его грандиозному труду, как *Ars diplomata vera ac falsa discernendi*, как искусство различения подлинных и поддельных дипломов. Для этой цели надо было знать, какими признаками обладают подлинные акты, и целые десятилетия были потрачены на установление тех признаков акта, которыми подлинный акт обладал в ту или иную историческую эпоху, в то или иное время, в том или ином месте.

Однако уже в 60—70-х гг. XIX в., со времен Зиккеля, возникло другое направление, среди представителей которого мы можем назвать такие крупные имена буржуазной историографии, как Фиккер и Бруннер. Вводя в сферу своего изучения не только материал дипломов, как это делали до того времени, вплоть до Зиккеля, но и материал частных актов, новые исследователи не довольствовались тем, что устанавливали признаки, свойственные акту той или иной исторической эпохи. В соответствии с господствовавшими тогда в буржуазной историографии представлениями о развитии, шли ли они от идеалистической философии немецкой школы или от позитивистического эволюционизма, эти историки для решения той же

задачи установления признаков подлинного акта искали признаки не статически, как это ранее делалось в соответствии с рационалистическими представлениями XVII—XVIII вв., а исторически. Тем самым они поставили перед собой задачу изучения, каково происхождение каждого из этих признаков, а также процесса смены одного из них другим. Одним словом, как выразился один из современных представителей этого направления, на ряду с «описательной» дисциплиной явилась теперь «генетическая», — так это было и с палеографией и с дипломатикой. Итак, для дипломатики выполнение основной задачи всякой вспомогательно-исторической дисциплины — установление значения акта как исторического источника — теперь достигалось не одним лишь голым установлением признаков акта данной эпохи, но и путем изучения исторического развития этих признаков, т. е., другими словами, путем изучения истории самого акта.

Поставив перед собой задачу изучения истории акта, западная буржуазная наука пытается, однако, обобщить созданные ею фактические наблюдения при помощи понятий «личности», «индивидуализма» и т. п. Таким образом, можно считать, что построение истории акта, значения которой как основной задачи дипломатики нельзя, думается, отрицать, все еще впереди.¹

1

Частные акты являются источниками, без изучения которых не может быть восстановлена история классовой борьбы на протяжении XIV—XVII ст. Купчие, данные, меновные, духовные и т. д. остались основными документальными свидетелями и процесса роста феодальной земельной собственности, который в течение XV—начала XVI вв. создал грандиозные земельные владения, подобные владениям Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского и др. монастырей, и кризиса этого землевладения. Порядные, ссудные, жилые, служилые кабалы и т. п. остались такими же важнейшими свидетелями той классовой борьбы, которую вело крестьянство с феодалами-крепостниками. И все же, несмотря на столь несомненную важность этого материала, он до сих пор не изучен надлежаще. Нельзя отрицать того, что мы имеем ряд работ, посвященных отдельным разно-

¹ Для предыдущего см. общий очерк Rosenmund, *Die Fortschritte der Diplomatik seit Mabillon*. München, 1897, и новейшую работу H. Steinacker, *Philologische und diplomatische Gesichtspunkte in den historischen Hilfswissenschaften*, «Festschrift des Akademischen Historikerklubs in Innsbruck», Würzburg, 1923, SS. 22—53.

видностям актового материала. Однако остается все же незатронутой основная проблема — проблема общей истории древнерусского частного акта, только знание которой может дать ориентировку в деле изучения отдельных разновидностей этого вида актового материала.

В сферу русского историографического изучения частный акт вошел со времен архангелогородского историка-купца Крестинина, впервые поставившего перед русскими историками задачу собирания частных актов, впервые наметившего задачи их изучения и впервые положившего этот вид исторических материалов в основу целой исторической монографии. Здесь не место ставить общий вопрос о судьбах изучения частного акта в русской историографии позднейшего времени.¹ Однако в той же мере необходимо дать некоторую справку о постановке в нашей историографии вопроса, интересующего нас в данной именно работе, вопроса, разработка которого, впрочем, отразит, конечно, общие точки зрения той или иной историографической школы.

Дворянская историография XVIII в. не давала возможности, в силу своих общих идеологических установок, явиться частному акту в качестве самостоятельной разновидности исторического источника; для нее официальные акты государственной власти были единственной признаваемой ею в качестве источника разновидностью актового материала.² С точки зрения этой историографии частный акт не возникал и не развивался самостоятельно, а существовал лишь в тех формах, которые ему были предуготованы официальным актом — законом. «Законодатель», по словам Ил. Васильева, одного из виднейших представителей этого направления, вводил «по необходимости» новые виды актов и он же издавал «новые образцы» вводимых им документов. Таким образом, для истории частного акта здесь нет места; оно есть лишь для исторического обзора законодательства о частном акте.³

Французская революция, которая повела к коренной перестройке общественных отношений, имела своим последствием вместе с тем и радикальную смену общественных учений: перевооружились и феодально-реак-

¹ Историографический материал имеется у А. С. Лаппо-Данилевского, *Очерк русской дипломатики частных актов*, Пгр., 1920, стр. 69—81, и в моей статье: *Сборник грамот Коллегии экономики, историографические заметки, «Борьба классов»*, 1924, № 1—2, стр. 228—249.

² Подробнее этого вопроса касаюсь в своей статье: *Исторический источник в русской историографии XVIII в.*, в *«Проблемах истории докапиталистических формаций»*, 1934, № 7—8, стр. 33 и след.

³ Ил. Васильев. *Новейшее руководство к познанию российских законов*, М., 1827, т. II, стр. 1 и сл.; на этой же точке зрения стоит Саларев, *Описание разного рода российских грамот*, «Вестник Европы», 1819, ч. 104, стр. 29 и сл., который часть описания, посвященную частным актам, строит исключительно на основе законодательного материала.

ционная и молодая буржуазная историография. Новая историография в лице романтиков немецкой исторической школы и гегельянцев, с одной стороны, и французской романтической школы, с другой, была тем фактором, которая направила мысль наших историков на занимающую нас проблему. Уже Рейц в своем известном «Опыте», написанном еще до выхода в свет «Актów юридических», т. е. тогда, когда изданные частные акты исчислялись единицами, допускал, относительно периода до половины XVI ст. (его «второй» период), что письменное совершение акта в это время «делалось от часу употребительнее, для большей верности, без законного на то предписания».¹

В двух год за годом появившихся магистерских диссертациях — Кавелина (1841) и Станиславского (1842) — были сделаны первые попытки решения этого вопроса. В той точке зрения, которую излагал Кавелин, нетрудно проследить явное влияние виднейшего представителя исторической школы — Савиньи, а в формулировке этой точки зрения — усмотреть прямую полемику против старых теорий законодательного происхождения частного акта. «Система укрепления гражданских прав письменными актами введена сначала обычаем, употреблением, а не положительным законом» — так утверждает Кавелин; и только потом, «когда однажды утвердился обычай составлять о каждом гражданском праве письменный акт, законодательство начало требовать, чтоб права доказывались крепостями».

В этой теории происхождения акта одно оставалось неясным: как и когда образовался сам обычай укрепления прав письменным актом. Кавелин наметил также и общую схему эволюции акта, которая не успела исчезнуть со страниц нашей историографии несмотря на почти столетнюю свою давность. Именно «письменные акты первоначально составлялись для памяти (отсюда память, запись). Впоследствии, процессуальное назначение их развивалось все более и более; письменные акты начали составлять уже не для памяти, а для спору; отсюда и новое название акта, не раз встречающееся в Уложении, — крепость». Итак, эволюция значения акта — для «памяти» и для «спору» — сопровождалась и терминологической эволюцией — «память», «запись», и «крепость».²

Второй из отмеченных нами авторов, Станиславский, в своем построении ставит себе задачей «*mediam ingredi viam*», сочетать взгляды Савиньи с учениями такого виднейшего гегельянца, как «знаменитый Ганс».

¹ Рейц. Опыт истории российских государственных и гражданских законов, М., 1836, стр. 222, прим. 1.

² К. Кавелин. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях, Собрание сочинений, изд. Н. Глаголева, т. IV, стлб. 310—311.

Не касаясь общих взглядов Станиславского, на характеристике которых мне приходилось уже останавливаться в другом месте, укажу только на применение их к занимающему нас здесь вопросу. Его «философски-необходимая» диалектическая схема устанавливает три этапа в развитии акта: эпоху символов, эпоху формул, эпоху письменного акта. В отношении первых двух ступеней развития акта (термином «акт» Станиславский пользуется в широком смысле всякого юридического действия) Станиславский применительно к России высказывает только «догадки», которые «не могут быть еще превращены в неоспоримую истину»: «вероятно, предки наши в древнейшие времена совершали разного рода сделки изустно», «быть сможет, в сопровождении торжественных каких-либо обрядов (символов) и с помощью общеупотребительных заученных изречений (формул)». Вопрос же о появлении письменного акта остается в пределах «философски необходимого» его возникновения и определить время этого появления «трудно и едва ли возможно». Пользуясь изданными тогда уже «Актами юридическими», Станиславский только «с достоверностью предполагает», что это случилось «по крайней мере не ранее XIII в.». В схеме, построенной Станиславским и имевшей столь отвлеченный характер, были, однако, свои плодотворные черты: исходя из общих представлений о развитии, она ставила вопрос о преемственности доактового и актового совершения сделок и в разрешении его она основывалась на сравнительно-историческом материале. Это давало возможность исторического построения дописьменного периода в истории русского акта, но это же делало почти излишним и не давало возможности конкретно-исторического обоснования возникновения письменного акта. В истории же акта вплоть до начала XVIII в. Станиславский видел одну лишь существенную грань — Уложение с его новой «крепостной» терминологией.¹

Соловьевско-кавелинская теория родового быта не замедлила сказаться и на истории занимающего нас вопроса. Известный в свое время юрист С. Пахман исходил именно из нее, когда построил свое историческое учение о «судебных доказательствах». Смена общинно-родового (общинный быт для Пахмана «органически» связан с родовым) быта государственным сопровождается распадом основ древнейшего быта, когда «место взаимного доверия заступает в гражданских положениях недоверие, лицемерие, эгоизм». Если до того частные сделки совершались «без посредства правительства», то теперь выступает на арену государство,

¹ А. Станиславский. Об актах укрепления прав на имущество, Казань, 1842, стр. 108 и сл. Сб. впом. днec.

«принимающее совершение частных сделок под свой надзор и облакающее их в форму письменную». Итак, мы получаем теперь некоторого рода возрождение государственной теории происхождения частного акта, причем Пахман в византийском акте пытается усмотреть тот образец, по которому строится начальная история русского акта. Как это ни звучит противоречиво при допущении государственного происхождения частного акта, Пахман как и Кавелин, полагает, что первоначально письменные акты, «вероятно», не имели еще процессуального значения — «сделки заключались для памяти, откуда и самые названия: память, запись»; затем лишь «мало-помалу» они приобрели это значение и получили новое наименование — «крепостей».¹

В трудах Энгельмана сказался отзвук тех течений романтической историографии, которые изучали экономические отношения и придавали им значение. Конечно, Энгельман считает, что «без существенного понятия о собственности, в особенности частной, невозможна общественная жизнь». Но, наряду с этой верой в частную собственность, Энгельман полагает, что «развитие в понятиях о праве собственности» надо изучать в связи (дать «сравнительное изучение») с экономическими отношениями; это было особо отмечено рецензентом Энгельмана, известным юристом Ф. Дмитриевым, в виде упрека, что Энгельман «слишком исключительно держится экономического взгляда на собственность, забывая, что экономическая сторона в ней не единственная и даже не одна имеет важность в развитии общества». Та эпоха, когда «частная семейная собственность хотя и существует, но понятие о ней было весьма смутно и неопределенно», неизбежно была, по Энгельману, эпохой «устного заключения договоров и публичного их приведения в исполнение», ибо в эпоху неизжитого родового быта каждый пришелец должен был пройти через контроль рода. Заключенный устно договор излагается затем письменно «для сохранения в памяти главных условий сделки и имен ее свидетелей», что является единственно ценным в этом «неформальном» акте; иногда такой акт подтверждает своей грамотой князь. Таково было положение в XIV и XV вв., что Энгельман хочет доказать данными правых грамот. «Формальным» становится акт в эпоху Судебников, когда благодаря рукоприкладствам ими «засвидетельствованная грамота приобретает полную силу и вне присутствия свидетелей». Эпоха Судебников является для Энгельмана временем, когда появляется «отвлеченное право на землю», однако оно «является исклю-

¹ С. Пахман. О судебных доказательствах по древнерусскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом развитии, М., 1851, стр. 148 и сл., 201—204.

чительно в княжеских грамотах». Таким образом, сделав попытку связать историю акта с историей поземельной собственности, Энгельман повторил в несколько видоизмененном виде уже высказанную до него точку зрения на смену «неформального» акта актом «формальным», связав некоторые, по его мнению, особенности первого типа акта с историей поземельной собственности, но не затронув вопроса о переходе ко второму типу, единственную отличительную черту которого он видел в появлении рукоприкладств.¹

Как это ни покажется странным, но вопросы, затронутые в вышеупомянутых работах, не получили в позднейшей литературе дальнейшего развития. Новые авторы привлекают вновь издающиеся материалы, но и то не все, но уклоняются от построений, повторяя большей частью высказанные уже мнения. Нет сомнения, что здесь сказался тот кризис, который характеризует вообще буржуазную историографию этой эпохи и у нас и на западе. Крупный московский ученый юрист, уже упоминавшийся выше, Ф. Дмитриев, выпускает в том же году, что и Энгельман, свою магистерскую диссертацию из области гражданского судопроизводства. Несмотря на ту роль, которую акт играет в процессе, Дмитриев только и находит, что «трудно сказать (об актах), к какому времени относится их появление», указывает без особого анализа, что «древнейший способ укрепления прав» «состоял в присутствии свидетелей при совершении юридического акта»; таковы и два-три других его суждения об акте. Такой блестящий юрист, как Дювернуа, в своей диссертации тоже не пошел далее своих предшественников. Мы еще столкнемся с его мнением о том, что «с XIV в. у нас знали акты как способ доказывать на суде», мнение, в ошибочности которого он повинен столько же, сколько и его предшественники. Не строя никаких исторических схем развития акта, он довольствовался тем, чтобы указать «очень большое разнообразие» признаков, служивших «для того, чтоб сделать несомненной подлинность акта» (печать, подписи и т. д.). Занимавшие, как мы видели, крупных юристов вопросы исторического развития акта сходят, таким образом, со страниц научных диссертаций, а в общих курсах истории, где единственно они находят приют, решаются банальными, ничего не говорящими фразами. Сергеевич, напр., строит главку-полустраничку своих рассуждений о «письменных актах» исключительно на основании законодательного материала; так же поступает и Владимирский-

¹ И. Энгельман. О приобретении права собственности на землю по русскому праву, СПб., 1859, стр. 25—42, 45—50, 64—82; Ф. Дмитриев. Отзыв в «Отчете о четвертом при- суждении наград гр. Уварова», СПб., 1860, стр. 68—69.

Буданов в главе своего курса о «совершении договоров»: можно подумать, что мы возвращаемся к положению, существовавшему в начале XIX в.¹

Однако в это время появляется ряд работ, посвященных изучению и актов в целом, и отдельных их разновидностей. В 1883 г. выходит работа Д. М. Мейчика об актах XIV—XV вв. Затем появляется ряд работ С. Шумакова, завершающихся общим очерком о «грамотах и записях» (1917 г.). В этом очерке он развивал взгляд, что частные акты являются теми актами, в «форму которых облекались определявшиеся переплетом и борьбой социальных и экономических сил и отношений юридические сделки». Наковец, в 1920 г. появляется работа по дипломатике частных актов А. С. Лаппо-Данилевского. Однако ни одна из этих работ не поставила вновь затронутого в старой литературе вопроса истории акта, и все они сосредоточивали свои изучения на описании, как Шумаков, на юридическом анализе, как Мейчик, или на общих приемах изучения акта, как Лаппо-Данилевский.²

Таково состояние литературы вопроса, которому посвящена наша работа.

2

Установить время появления у нас частного акта является одним из условий успешности выполнения поставленной нами темы. Напрасно, думается, искать наличия частного акта в Киевском государстве. Правда, уже договор Олега с греками (911) говорит об «обряжении», которое «сотворит» умирающая «в Грецах» Русь: согласно этому обряжению «кому будет писал наследити имение,³ да наследить е». ⁴ Статья Олегова договора о наследовании, в которую включен только что цитированный текст о письменном «обряжении», служила предметом изучения и толкования ряда иссле-

¹ Ф. Дмитриев. История судебных инстанций. Собрание сочинений, т. I, М., 1899, стр. 39—40; ср. стр. 263 о «памяти» и «записи»; Н. Дювернуа. Источники права и суд в древней Руси, М., 1869, стр. 207—208, 400—401; В. Сергеевич. Лекции и исследования по древней истории русского права, изд. 4, СПб., 1910, стр. 614; М. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 4, К., 1905, стр. 612—614.

² Д. Мейчик. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива министерства юстиции. М., 1883; в рецензии на эту работу А. Липинский указал на игнорирование в ней дипломатических моментов, Журн. мин. нар. просв., 1885, № 9, стр. 126—129; С. Шумаков. Грамоты и записи, в «Обзоре грамот Коллегии экономии», вып. IV. Чтения в Общ. истор. и древностей рос., 1917, кн. II, стр. 17 и сл.; А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. Пгр., 1920.

³ Таково чтение Ипатьевской летописи; в Лаврентьевской: «именье его».

⁴ В чтении этой статьи мы следуем за Беляевым (О договорах кн. Олега с греками, Изв. Акад. Наук по отд. русск. яз. и слов., т. I, стр. 322—333) и Шахматовым (Повесть временных лет, т. I, стр. 39) и против Владимирского-Буданова (Хрестоматия по истории русского права, вып. I, К., 1899, стр. 7).

дователей, начиная с Эверса. И. Д. Беляев хотел видеть в этой статье «чисто русский закон о наследовании», «во всем соответствующий славянскому юридическому взгляду» и отличающийся от германского (это нужно было для победы общинной точки зрения над родовой теорией). Однако начало этой статьи является дословным переводом известного римского текста XII таблиц. Нет ничего удивительного после этого, что для Сергеевича эта именно статья послужила «новым доказательством, как мало греки заботились о русском праве и как искусно умели они провести в договор то, что хотели». Для суждения об этой точке зрения не без значения должно быть и то положение, установленное Лавровским и подтвержденное Шахматовым, что договор 911 г. был составлен на греческом языке, и перевод его страдает рядом двусмысленных неточностей. Чрезвычайно странной после этого должна показаться попытка некоторых исследователей, в том числе и Владимирского-Буданова, признав византийский характер за той частью данной статьи, для которой обнаружен бесспорный по своей дословности источник, тем не менее полагать, что ее конец дает «ценный для русской истории права вывод» (это «единственный» ценный из этой статьи вывод для Владимирского-Буданова), заключающийся в том, что «уже тогда завещания могли быть письменные». Несколько смягчая это мнение, автор специального исследования о духовных завещаниях Л. Руднев хотел полагать, что эти завещания «по крайней мере изредка» записывались. Однако совершенно очевидно, что так как первая часть статьи рассматривает случай, когда Русь умирает без завещательного распоряжения — «не урядив своего имени», а вторая — когда «сотворит обряжение», то вторая часть статьи повисает в воздухе без первой ее части, и, признав византийский характер начала статьи, нельзя обойти этот вывод и при оценке конца статьи. К тому же именно вторая часть статьи должна возбудить гораздо более сомнений в своей приложимости к быту руссов. Если указанное в начале статьи правило о наследовании «малых ближиков» еще могло бы быть истолковано как факт, общий для данной ступени общественного развития, то наличие для этой ступени распространенности письменных актов среди рядовой массы населения (не забудем, что речь идет о «работающих в Грецах Руси у христианского цесаря») — было бы фактом исключительным. Достаточно, быть может, указать, что в нашей литературе спорен еще вопрос, придавалось ли самими русскими князьями настолько значения этим международным письменным договорам, чтобы, как на то указывал не так давно В. М. Истрин, хранить их в своей казне: при таких условиях предположение о распространенности письменного завещания

среди массы населения, не имевшей к тому же своей письменности, кажется парадоксом, защита которого вряд ли оправдываема.¹

Нет, думается, оснований говорить о наличии частного акта и в эпоху «Русской Правды». В краткой редакции «Русской Правды» мы находим упоминания о денежном иске (ст. 14) и о нарушении меж и перетесов (ст. 33). «Правда» ничего нам не говорит о том, как были установлены меж, но относительно первого случая вывод сделать нетрудно. «Правда» предлагает итти «на извод пред 12 человека» и из этой процессуальной формальности нельзя сделать другого вывода, кроме того, что заем не был укреплен актом.

В пространной редакции «Русской Правды» материал для наших суждений гораздо богаче. Заем, о котором уже шла речь, теперь регламентирован тремя статьями (Кар., ст. 45, 47 и 48). Только до трех гривен можно дать займы без послухов; если же более, то деньги пропадают: «провиновался еси, оже еси послуха не ставил». Если заем менее трех гривен, он может доказываться присягой; для купца же делается общее исключение: «послуси ему не надобе, но ити ему на роту, оже ся учнеть запирати». Итак, в качестве доказательств конкурируют присяга и свидетели. Ст. 36 Карамзинского списка, говорящая об украденном челядине, предлагает «вывести... послухы любо мытника, пред ким же купивше», а согласно ст. 119 при самопродаже в холопы, равным образом, необходимо «послухы поставить». В деле о поклаже, как отмечает Кар. ст. 46, «туто послуха нет, у кого тот товар лежить», «занеже ему благо деял и хранил», а решается оно ротой.

Наконец, мы подходим к тем статьям пространной «Русской Правды», которые, казалось бы, дают возможность говорить о письменном акте. В Кар., ст. 112, 120 и 121, упоминается «ряд»: когда отчим принимает детей «с задницею» — «и то такоже есть ряд, якоже рядил»; когда кто «поиметь робу», то ряд решает, на чем он «стоять» (а без ряду — холоп); такова же статья о тиуне и ключнике. Однако в нашей литературе нет ни

¹ И. Беляев. О наследовании без завещания по древним русским законам, М., 1858, стр. 8, 19; В. Сергеевич. Лекции и исследования, стр. 660; Н. Лавровский. О византийском элементе в языке договоров русских с греками, СПб., 1853, стр. 4 («договоры русских с греками бесспорно принадлежат к числу переводных памятников»), и др.; А. Шахматов. О договорах русских с греками. Записки СПб. Неофилологического общества, т. VIII, СПб., 1915, стр. 401 и сл.; М. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, К., 1905, стр. 485—486; Л. Руднев. О духовных завещаниях по русскому гражданскому праву в историческом развитии, К., 1895, стр. 43, 75; В. Истрин. О договорах русских с греками. Известия Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. XXIX, 1924 (Л., 1925), стр. 392.

одного голоса, кто бы за этим «рядом» видел письменный акт. Даже Владимирский-Буданов, который, как мы видели, желал в «обряжении» договора Олега видеть письменный акт, заявляет, что «словесная форма вполне согласна с сущностью «ряда».¹

«Русская Правда», таким образом, позволяет утверждать, что в ее эпоху нет частного акта для укрепления какой бы то ни было сделки. Для нашего дальнейшего изложения существенно также подчеркнуть теперь уже отмеченную выше конкуренцию роты-присяги и послухов.

Однако уже с XII в. на первый взгляд, несмотря на только что полученные результаты, мы могли бы начать действительную историю частного акта. Для XII в. общеизвестны, напр., попавшие в хрестоматии акты Антония Римлянина (купчая и духовная) и Варлаама Хутынского (вкладная); для XIII в. — духовная новгородца Климента и так наз. рядная Тешаты.

Акты, связанные с именем Антония Римлянина (духовная и купчая), были впервые напечатаны Амвросием и затем вскоре вторично Карамзиным в одном из примечаний ко второму тому его знаменитой «Истории». Уже Карамзин усумнился в подлинности печатаемых им документов: «слог довольно стар, писал историограф, но чтобы судить об истине сих грамот, надлежало бы видеть подлинник, коего нет». Сорок лет спустя Энгельман, рассуждая о купчей, высказался о ней гораздо решительней, осторожно указывая на подделку: «нельзя утвердительно сказать, составлена ли она в его (Антония) время», — она «могла быть составлена и после него, а по преданию ему приписана». Характерно, что лет тридцать спустя Тихонравов в своем литографированном курсе палеографии уже определенно утверждал поддельность актов, приписываемых Антонию Римлянину, хотя и без достаточных оснований: его категорическая ссылка на Карамзина, мнение которого приведено выше, не была точна, а другое доказательство Тихонравова, — что источником для актов является житие Антония Римлянина, — тоже не может выдержать критики, так как житие было составлено в 1598 г., а акты были подтверждены Иваном Грозным до этого — в 1573 г.²

В литературе была сделана попытка выйти из затруднений, представляемых этими грамотами, или тем путем, чтобы, признав древнейший их источник, допустить в них только наличие позднейших переделок,

¹ М. Владимирский-Буданов. Обзор..., стр. 488.

² Амвросий. История Российской иерархии, М., 1811, т. III, стр. 123—126; Карамзин. История государства Российского, т. II, прим. 210; И. Энгельман, ук. соч., стр. 19; Н. Тихонравов. Русская палеография, М., 1889, стр. 9—10.

или, чтобы ценой призывания поддельности одной грамоты, спасти другую грамоту. Первая точка зрения представлена Ключевским, который в основе обоих актов хотел видеть духовную, из которой было сделано подновленное и хронологически ошибочное извлечение в виде купчей. Вторая — представлена Голубинским, заявившим, что купчая, «как должно думать, есть позднейшая и поддельная; но другую грамоту (т. е. духовную) есть вся вероятность считать подлинною, только дошедшею до нас в новом языке и с поврежденным чтением».¹

Не покажется ли даже только после указанных выше литературных мнений удивительным то, что этими актами, и в особенности именно тою купчею, которая более всего заподозрена, наши виднейшие исследователи пользуются до сегодняшнего дня как несомненно подлинным актом для важнейших заключений о характере экономических, социальных и правовых отношений XII в. Действительно, Владимирский-Буданов включает эту купчую в свою хрестоматию, популяризируя ее, и на ней же основывает то существенное для нашей темы заключение, что «продажа недвижимостей с древних времен требовала написания купчей грамоты»; среди новейших исследователей видим, что, напр., Б. Д. Греков в своей работе о феодализме в Киевской Руси пользуется этою грамотою как одним из источников для суждений о «землевладельческой базе господствующих классов древней Руси», и что точно так же С. В. Юшков ею пользуется для заключений об отсутствии иммунитета у «крупного» землевладения в XII в. Не будем умножать этих примеров. Совокупность сказанного выше заставляет нас удлинить этот экскурс и остановиться на обоих актах несколько подробнее.²

В 1524 г. в. кн. Василий Иванович дал Антониеву монастырю грамоту, в которой перечислены владения монастыря в разных пятинах и указано наличие владений «вокруг монастыря на посаде», но без точного определения границ последних. Из грамоты царя Федора Ивановича 1591 г. мы узнаем, что в 1559—1560 гг. (7068) между Антониевым монастырем и посадскими людьми шла тяжба из-за земли, кончившаяся победой посады, который получил правую грамоту на монастырь. Из той же грамоты узнаем, что дело в 1559—1560 гг. было решено «обыском», без представления сторонами каких-либо грамот. После разгрома Новгорода Иваном IV, во второй его приезд в Новгород, в 1573 г., в торжественный

¹ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, М., 1871, стр. 307—308; Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, пол. II, М., 1904, стр. 593.

² М. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. I, стр. 133; его же, Обзор..., стр. 613, 620; Б. Греков. Рабство и феодализм в Киевской Руси, Л., 1934, стр. 32; С. Юшков. Феодальные отношения и Киевская Русь, Саратов, 1925, стр. 85.

день успения богородицы, в торжественном месте — храме Софии и в торжественный момент на всенощной — царь Иван слушал челобитную Антониева монастыря на новгородцев, которые де «без царева указа при прежних дьяках» «насильством, а неведомо почему, припустили к пастьбе» землю — куплю антониеву; здесь то царь приказал подписать на свое имя явно не фигурировавшую ранее в деле и теперь только предъявленную монастырем грамоту, и затем по этой грамоте решил дело в пользу монастыря. С этого момента и начинается постоянно и везде фигурировать этот ранее неизвестный акт.

Однако установление того, что именно подтвердил Грозный, требует некоторых разъяснений. Амвросий, впервые напечатавший эти грамоты, поместил под римской единицей купчую Антония, сопровождая ее указанием, что она подтверждена Иваном Грозным и «прочими царями», а затем под римской двойкой духовную Антония. Карамзин, исправнее напечатавший эти акты, но в том же порядке, что Амвросий, текст о подтверждении купчей Иваном Грозным явно заимствовал из Амвросия, что явствует из дословного сходства обоих текстов (есть одно лишь стилистическое изменение; конец о «прочих царях» Карамзиным опущен).¹ Вслед за Амвросием пошел не только Карамзин, но и вся последующая литература, исходившая из того, что Грозным была подтверждена только купчая. На этой почве создалось то особое значение, которое стали придавать купчей, на этой почве только и могли создаться выше приведенные литературные мнения Ключевского, Голубинского и т. п.

Надо все же сказать, что даже напечатанные Амвросием акты создавали некоторую трудность для такого понимания. Приказав подписать дьяку Ивану Собакину Антониев акт на свое имя, Иван IV дал монастырю в то же день 15 августа жалованную грамоту, которою решал спорное дело в пользу монастыря. В том месте жалованной грамоты, где говорится о предъявленном монастырем документе, он назван «с духовной списком»; однако, далее цитируется текст не духовной, а купчей: из последней заимствованы стоимость земли — сто рублей (в духовной: сто гривен), а также точное описание границ (которого в духовной нет). Отсюда мы вправе за-

¹ Не с той ли рукописи, что и Амвросий, печатал эти акты Карамзин? Ошибки Амвросия могут быть отнесены, а некоторые прямо относятся не за счет рукописи, а за счет подготовки к печати и печатания. Если дословно понимать указание Амвросия, то он печатал грамоты не по рукописной копии, а по копии, выписанной на раке. Рака эта позднего происхождения и находится теперь в Новгородском музее, в Софийском соборе; к сожалению, проверить Амвросия мне не удалось, так как при осмотре мною раки летом 1935 г. крышки на ней не оказалось, а акты были выписаны несомненно на крышке.

ключить, что Ивану Грозному были предъявлены одновременно оба эти акта, как одно целое, а не какой-либо один из них. Точно также упомянутая выше грамота царя Федора Ивановича, решая спор между новгородскими посадскими людьми и Антониевым монастырем, несколько раз называет то, что было подтверждено царем Иваном, и в одном месте приводит соответствующий текст. И мы видим, что подтвержденный Иваном Грозным акт, должествующий теперь вновь решить судьбу тяжбы, систематически обозначается там, где он ни цитируется, «духовным купчим ободным» списком или грамотой. В том же месте, где он цитируется, он назван «духовной грамотой», причем эта следующая далее «духовная» грамота не может не навести на новые размышления: именно, текст этой «духовной грамоты» состоит из приведенной целиком (без начальной лишь фразы) купчей, к которой добавлена последняя фраза духовной. Итак, и в названии подтвержденного акта и в цитате из него грамота Федора Ивановича, официальный документ царя, подтвердившего несколько ранее этот же акт, соединяет воедино антониевы купчую и духовную.

То же наблюдение можно давно было сделать и на основании жития Антония, которое было в 1598 г. составлено Нифонтом и, вопреки Ключевскому, предполагавшему старый источник жития, по словам Голубинского, «вполне должно быть усвояемо сему Нифонту». В одном из мест этого жития мы читаем, что Антоний землю «купи и межинами отмежевав и писму вдав и в духовную свою грамоту написав»; напомним, что в духовной купля только упоминается, а «межины» имеются в купчей. Далее житие передает предсмертное слово Антония своему ученику: это — разукрашенный риторически текст духовной, завершаемый концом купчей. Для этих мест житие не могло иметь иных источников, как эти акты, и мы видим, что оно тоже воедино смешивает оба эти акта. Обратившись от традиционного амвросиева текста к рукописям, мы найдем разгадку и понимания этих актов в XVI в., и той ошибки, в которую впал Амвросий.

В архиве Института истории Академии Наук имеются две копии этих актов. Первая копия представляет собою столбец из 4 сставов. На лицевой стороне этого столбца помещена сперва духовная, потом купчая; на оборотной же стороне в длину всех четырех сставов четыре подтверждения: Ивана Грозного от 15 августа 1573 г., Федора Ивановича от 31 августа 1584 г., Василия Шуйского от 30 июня 1606 г. и Михаила Федоровича от 24 июня 1617 г. (грамота эта была подтверждена и Дмитрием, как узнаем об этом из одного акта Василия Шуйского, но это подтверждение было затем изъято из общего текста подтверждений).

Если уже внешний вид этих подтверждений показывает, что они относятся к обоим актам как к одному целому, то об этом же говорит и терминология самого подтверждения,¹ которое называет подтверждаемое одним термином — «духовная», в то время как нет никаких сомнений, что была подтверждена и купчая; название, очевидно, было взято из того акта, который шел первым и заслуживал наибольшего внимания, хотя центр деловой тяжести лежал во втором акте; итак, были приведены и подтверждены оба акта вместе — оба, как одно связанное целое. Думается, что теперь становится совершенно ясным, почему в грамоте 1591 г. подтвержденный акт имел комбинированное название «духовной-купчей-ободной», ясны также тексты цитированных грамоты Федора Ивановича и жития.

Вместе с тем другая, имеющаяся в том же архиве, копия может дать некоторое, как кажется, понимание традиционной ошибки. В ней нет обычного деления на лицевую сторону с текстом документа и на оборотную — с подтверждениями. На лицевой стороне этой копии, после двух других документов следует духовная Антония, затем купчая, причем часть купчей переходит на оборотную сторону столбца, затем — подтверждения. При пользовании таким списком может получиться впечатление, что подтверждение относится ко второму только акту — только к купчей.

Нам остается все же отметить некоторое несоответствие между обоими грамотами, служившее для доказательства большей древности духовной: в последней денежный счет ведется гривнами, в купчей же — рублями.² Однако если купчая грешит рублями, то и духовная заставляет

¹ Так как это подтверждение не опубликовано до сих пор, то не лишне его привести: «Лета 7081-го августа в 15 день на праздник усение пречистые владычицы богородицы на всенощной у Софии премудрости божии государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси се(го) списка з духовной грамоте Онтонья чудотворца слушал и, выслушав, пожаловал в своей государеве отчины, в Великом Новгороде, в своем государеве богомолье, в Онтоновом монастыре игумена Мисаила з братьею, или иные по нем игумены в том манастыри будут, ходити им по сей духовной по старине. И грамоту им государь жаловальную пожаловал дал и велел подписать свою государеву жаловальную грамоту дияку своему ноугородцкому Ивану Собакину. А подписал на сем списку по государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всея Руси приказу дияк Иван Собакин». Далее — упомянутые выше подтверждения. Во избежание недоразумений следует указать на ошибку в описании этого акта (Летопись занятий Пост. Ист.-арх. ком., вып. XXXIV, стр. 291, №№ 1—2), которое создает впечатление об отдельных подтверждениях для купчей и для духовной.

² В качестве лишнего примера, какая путаница создавалась в наших представлениях при пользовании этим актом, стоит отметить, что если для Ключевского этот рублевый счет служил аргументом против подлинности купчей, то Трутовский в своей обстоятельной работе, основываясь именно на этой грамоте, пытался доказать против И. Кауфмана, что рубль появился не в XIV в., а существовал уже в XII в. В. Трутовский. Русские меховые

Антония получать благословение от успевшего умереть к тому времени епископа Никиты.

Для литературной истории происхождения духовной (о купчей уже было сказано) следует вспомнить, что, как указывает Голубинский, ко времени Макарьевских соборов 1547 и 1549 гг. не было почитания памяти Антония, ни общего, ни местного, и потому то Антоний не пошел в число святых. Несомненно, что это и послужило толчком к агнографической работе. Уже в 1550 г. «находят» в Новгороде тот камень, на котором «приплыл» сюда из Рима Антоний; только с этого времени его начинают называть Римлянином; в 1573 г. Ивану IV предъявляют духовную уже как «чудотворцеву» грамоту, чего в 1549 г., повидимому, сделать не могли бы еще. Таким образом, вслед за камнем чудотворца была обретена его духовная и еще через несколько лет составлено житие.

Итак, Ивану Грозному были предъявлены для подтверждения оба акта, с того времени вошедшие как одно целое и в деловую практику и в литературу того времени. Мы видели и агнографическую задачу и деловую задачу, которую призваны были выполнить эти акты после макарьевских соборов и после досадной для монастыря тяжбы 1560 г., и которую они выполнили в 1573 г., вторично в 1592 г. и еще в третий раз в 1606 г. Они оправдали, таким образом, факт своего появления на исторической арене в XVI в., но тем самым, думается, лишили себя права свидетельствовать о событиях, протекавших за четыре века до того.¹

ценности и техника чеканки монет на миниатюрах XVI в., М., 1911 (из «Нумизматического сборника», т. I), стр. 18—19.

¹ Для характеристики этих актов должно не без значения явиться и то, что посадские не считали свое дело проигранным и после 1573 г.; в 1580 г. царю Федору Ивановичу были челом «ноугородцкие посадские люди пятиконецкие староста Иванко Владимиров с товарищи и во всех ноугородцких посадских людей Софийские и торговые стороны место» в том, что монастырь «владеет их посадскою землею городовым пастбищем насильством»; Федор Иванович обвинил их, главным образом, основываясь на грамоте 1573 г. Все упомянутые акты напечатаны у Амвросия, ук. соч., т. III, стр. 123—124 (купчая), 124—125 (духовная), 136—141 (грамота Василия Ивановича 1524 г.), 144—149 (грамота Ивана Грозного, с подтверждениями), 154—175 (грамота Федора Ивановича 1591 г.; на стр. 158—159 приведена купчая с добавочною санкцией), 193—215 (подтвердительная грамота Василия Шуйского); житие Антония Римлянина цитирую по тексту «Православного Собеседника», 1858 г., т. II, стр. 313—314 (первое упоминание о куплях), 317—323 (исповедание перед смертью); ср. Ключевский, ук. соч., стр. 306—311, где Ключевский допускает существование «краткой записки» об Антонии в монастыре, и Е. Голубинский, ук. соч., стр. 590—595, где на стр. 591 Голубинский доказывает отсутствие ко времени Макарьевских соборов 1547 и 1549 гг. материалов житийного характера о деятельности Антония. В связи с указанным не безинтересно, что и вещественные памятники, связываемые с именем Антония Римлянина, не имеют ничего с ним общего. Как указал уже давно в своей работе Г. Д. Филимонов, эмалевые иконы Антония Римлянина являются на самом деле лиможскими эмалами XIII в., назначением кото-

Тот же Амвросий, который впервые опубликовал акты Антония Римлянина, опубликовал и еще один акт XII в., — связанный тоже с монастырем и с именем его предполагаемого основателя. Это — данная «посадника Славенского конца» Ивана Фомина сына «священнику Лазарю и его черицем» (Муромскому монастырю на Онеге), датированная 6690 (1182) годом. Она дошла до нас в своеобразном виде, будучи включена в завещание Лазаря. Уже Амвросий, впервые напечатавший эту грамоту, заметил противоречия между датой акта и датой архиепископства в Новгороде Моисея (1352—1360),¹ к которому, согласно завещанию, будто пришел Лазарь. Примиряя это противоречие, Амвросий хотел видеть «очевидную ошибку» в дате акта 6690 г. и предложил вместо него 6860, т. е. 1352 г., совпадающий с архиепископством Моисея. Казалось бы, вопрос об этом акте должен был бы вновь стать на очередь, когда в 1895 г. А. Воронов выяснил, что «завещание» Лазаря было составлено лишь в XVII в. и явилось орудием, повидимому, церковной или внутримонастырской борьбы («восстанавлилась» память о Лазаре, заслоненная другими игуменами); хотя Воронов и считал «единственным достоверным фактом» посадничью данную, однако, ведь признание подложности завещания тотчас разрушало по крайней мере основание датировки акта. Тем не менее, мы видим, что эти акты продолжают фигурировать с Амвросиевою датой XIV в. (церковные историки, подобные Докучаеву-Баскову, ее, конечно, относили к XII в.) и в позднейших работах: Иконников пользуется ею еще в 1908 г., А. И. Андреев находит еще позднее в духовной Лазаря «любопытные подробности». Поэтому нелишне, думается, остановиться несколько и на этой данной, утверждение о подделке которой не потребует сложных доказательств.²

рых было служить не иконами, а переплетами священных книг; так называемые сосуды Антония Римлянина были в 1632 г. привезены в качестве подарка царю Михаилу Федоровичу послом Турецкого султана. Г. Филимонов. Древнейшие западные эмали в России, приписываемые св. Антонию Римлянину и Андрею Боголюбскому. Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее, 1874, № 4—5, стр. 26—34.

¹ Амвросий несколько ошибался: Моисей был архиепископом дважды: 1325—1329 и 1352—1359 гг.

² Амвросий, ук. соч., т. V, стр. 125—126; изложение доклада А. Воронова в «Памятниках древней письменности», вып. CXI, СПб., 1895, стр. 31—32; В. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, пол. I, Киев, 1908, стр. 603, 641, 646 и др.; А. Андреев. Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей, Финно-угорский сборник, Л., 1928, стр. 289; «положительными указаниями» завещания пользуется также, напр., Н. Поляков в своих «Исследованиях по каменному веку», Записки Русского географического общества, по отд. этнографии, т. IX (1882), стр. 52.

Прежде всего этот акт сам по себе возбуждает недоумения, помимо его даты. Давая свою землю «чем владел», посадник оговаривает, кроме обычного «а детям моим не вступатца», также и то, чтобы «волоостянам силы не делать», хотя это может быть понято, если вообще говорить о «волоостянах» в XII—XIV вв., только как предвидение той ожесточенной тяжбы, которую монастырь поведет с «волоостянами» в XVII в.; наконец, и терминология заключительной части — «к сей духовной на утверждение приложил Иван Фомин образ... свинцовой» обнаруживает человека, который несомненно видал северные акты XV в. с их свинцовыми печатями, но привык читать и писать акты, в конце которых завещатель имел обыкновение «прикладывать» — не образ, конечно, а руку, элемент удостоверения, не имевший места в новгородских актах ранее XVI в. (отметим, что свинцовые печати привешивались, а не «прикладывались»). Несколько фактов, которые мы узнаем из царской грамоты с прочетом от 4 января 1650 г., позволят также датировать этот древний акт. Согласно челобитной, пересказ которой имеется, как это обычно бывало, в царской грамоте, «немецкие и литовские людские воры» пожгли в 1612 г. монастырь и вместе с тем «жалованные и межевые грамоты и всякие монастырские крепостные дела поимали»; после этого крестьяне окрестных погостов «их монастырскою землею и водами завладели насильством, потому что у них, у строителя с братиею, межевой грамоты нет»; выдать такую «межевую грамоту» монастырь просит царя и представляет для подтверждения списки с прежних данных «каковы данные им дали на землю на Мурманской Нос благоверные Новгородские старые князи и посадники». Итак, спустя 38 лет после утери актов, и после того как владения монастыря дважды были описаны писцами (1628—1629 и 1645 гг.), вместо судебного спора с крестьянами, царю для подтверждения прав монастыря представляются «списки», т. е. копии погибших в 1612 г. актов. В первой из «данных» даритель в высшей степени странный: «Князь Василий Иванович Новгородской, Вечеслав дал монастырю деревни на Гакуксе», без точного обозначения их названий (писцовая книга указывает нам на Гакуксе только 3 монастырских деревни, — повидимому, спор с крестьянами шел не о них; общего характера терминология «данной» давала монастырю возможность доказывать свои права и на другие). Вторая данная «Новгородских посадников» Ивана и другого (грамота здесь повреждена) содержит необычайную для новгородских актов XV в. черту — детальнейшее описание меж. Итак, в 1650 г. вновь повторилась история актов Антониева монастыря. Не имея возможности выиграть дело с окрестными крестьянами на основе имеющегося материала,

царю представляют для утверждения копии несуществовавших в то время актов. В этот момент, представляя свои акты, монастырь не знал еще нашей данной 6690 г., ибо не преминул бы, конечно, включить и ее в число подтверждаемых актов. Однако, более того, характернее еще то, что ни один из этих актов вообще не упоминает имени Лазаря, на что обратил уже внимание Голубинский. Если сопоставить с этим вышеприведенное указание Воронова, то можно без особого труда объяснить апологетическое происхождение этого акта и датировать его, как, повидимому, и все завещание, — второй половиной XVII в.¹

Переходим к третьему акту XII в. — к известной вкладной Варлаама Хутынского, впервые напечатанной тем же Амвросием, и не так давно воспроизведенной фототипически. Она, подобно купчей Антония Римлянина, стала достоянием хрестоматий. Но, по сравнению с последней, у этой вкладной есть преимущество; она сохранилась до нашего времени в виде рукописи на пергамене, написанной полууставом, и, таким образом, ее палеографические признаки — почерк и материал заставляют считать ее несомненно древним актом.²

Однако, и по отношению к этому акту нам приходится поставить вопрос об его подлинности. С именем Варлаама Хутынского связана не только эта вкладная, но еще целая серия других материалов. Начнем с косвенно относящихся к Варлааму вещей.

Первая церковь в Новгороде, посвященная Варлааму, была построена в 1410 г.: память его начала почитаться в Новгороде, повидимому, незадолго до того, в конце XIV в. Утверждение Ключевского, что «краткое житие Варлаама несомненно существовало в конце XIII в.», теперь должно быть оставлено. А. И. Пономарев указал, что «ни в одном» из известных ему прологов XIII—XIV вв. оно не встречается, а впервые появляется «только в прологах XV в.».

Еще большее значение должно иметь для нас то, что предметы, непосредственно связанные с именем самого Варлаама, либо по преданию, либо по надписям на самих этих вещах, на самом деле относятся к тому же только что определенному времени — началу XV в. или же к концу XIV века. В Хутынском монастыре хранились поручи Варлаама, теперь находящиеся в Новгородском музее; как указывали Толстой и Кондаков,

¹ Олонецкие губернские ведомости, 1849, №№ 1—5, 7 (точнее дата последней писцовой книги у К. Докучаева-Баскова, «Христианское чтение», 1885, № 5—6, стр. 798, прим. 2), № 39; 1850, № 47. Е. Голубинский. История канонизации святых, М., 1903, стр. 576.

² Амвросий. Ук. соч., т. VI, стр. 617—618; «Древности», изд. Моск. арх. общ., М. 1913, т. XXIV, стр. 12—15.

они «по шитью и рисунку наиболее имеют сходство с молдаво-валахийскими облачениями, находящимися в монастырях Молдавии и принадлежащими XIV в.». Если признать, что эти поручи — XIV в., то придется признать, что должно было пройти несколько времени для того, чтобы их приписать Варлааму. Итак, и здесь мы имеем, вероятно, дело с концом XIV — началом XV в.

От поручей перейдем ко второму предмету, связанному с именем Варлаама, предмету, от которого, как увидим далее, прямой шаг к интересующей нас грамоте. В работе И. А. Шляпкина о «Древних русских крестах» воспроизведен восьмиконечный «крест преподобного Варлаама Хутынского», причем на самом кресте нет никакой надписи, которая относилась бы этот крест к Варлааму. Как сообщил нам М. К. Каргер, этот крест, находящийся теперь в Новгородском музее, позднейшего происхождения, и мы здесь имеем дело, таким образом, с явлением, аналогичным поручам Варлаама.

Переходим еще к одному предмету, связанному с именем Варлаама уже не косвенно, как архитектура или житие, или только преданием, как поручи или крест, но и самую надписью на предмете. Мы имеем в виду любопытный сфрагистический памятник: печати с именем Варлаама Хутынского. В 1903 г. А. В. Орешников воспроизвел печать, на лицевой стороне которой имеется изображение Варлаама в схиме, с надписью по сторонам: «ва-рлы», на оборотной же надпись: «печать варлаама игумена стго сиса хуты». А. В. Орешникову было известно семь экземпляров таких печатей. Из них лишь один имеет отверстие для шнура, но не имеет никаких следов этого шнура, остальные же не имеют и отверстий. При таких условиях несомненно должно бы возникнуть предположение о подделке. Такой знаток печатей, как Орешников, считает однако, что «палеографические признаки надписи не допускают возможности видеть такую искусную подделку букв XIV или начала XV в., к которому я бы отнес печать»; если это и подделка, то «штемпелем, может быть случайно сохранившимся от древности». Итак, или все печати, или по крайней мере штемпель для них относятся к концу XIV — началу XV вв. и являются таким образом прямою подделкою под имя Варлаама.

После этих разъяснений мы можем перейти к непосредственно интересующей нас грамоте. Палеографические наблюдения дают нам достаточно широкое поле для хронологических колебаний. Материал грамоты — пергамен был в Новгороде в употреблении с ранних времён и до конца XV века; что же касается начертаний, то и здесь приходится считать, что

и для XIV века и даже для XV века существуют рукописи и акты с теми же начертаниями букв, что и в варлаамовой грамоте. Но одна сторона грамоты должна вызвать наше удивление. При несомненной дороговизне пергамента неудивительно, что, за единичными исключениями, пергаменные акты, даже акты первостепенной государственной важности, не имеют полей: их обрез совпадает довольно точно с краями записанного текста. В противоположность этому, нижний неиспользованный край варлаамовой грамоты равен более четверти ее высоты; левое поле тоже достаточно широко, но оно, как увидим, заполнено.

С точки зрения дипломатической, вкладная написана по формуляру, сходному с тем, который характеризует новгородские позднейшие частные акты XV в.: весь акт написан в третьем лице, в конце — так наз. *corroboratio* и санкция. Нет только удостоверительных частей — ни печати, ни послухов, ни чего-нибудь другого. Исходя из последнего, Энгельман в свое время считал эту вкладную «неформальным актом», полагая, что, составляя ее, Варлаам, принадлежа «к духовному сословию», поступал так, «как поступали, вероятно, греческие священники». В дальнейшем нам придется усомниться в существовании у нас такого рода «неформальных актов», а теперь укажем, что своего рода удостоверение в этом акте имеется. Именно, на левом поле этой вкладной изображен восьмиконечный крест, слева от которого расположена надпись. Надпись эта теперь не читается полностью, даже при произведенном Н. П. Тихоновым, по нашей просьбе, просвечивании ее короткими ультра-фиолетовыми лучами люминисценц-аппарата. То, что можно прочесть, сводится к обрывкам слов: «а се крь(сть)... м... ею роукою». Уже была высказана догадка, что конец надписи читается: «Варлаам своею роукою», догадка, которой нельзя отказать в вероятности. Полагаю, что именно это удостоверение должно быть принято во внимание при решении вопроса о хронологическом приурочении акта. В свое время И. А. Шляпкин, неутомимый собиратель новгородских крестов, дал большой материал для решения вопросов о наличии в Новгороде XII в. восьмиконечного креста. Среди новгородских *graffiti* XI—XIII вв. Шляпкин не нашел ни одного восьмиконечного креста. Точно также и среди так наз. «благославляющих» крестов XI—XIV вв. не оказалось восьмиконечного креста. Два «исключения», как их называет Шляпкин, оказались вышеуказанный крест Варлаама, а затем еще крест на нифонтовом антиминсе «1149 года». Однако, Шляпкин, назвав было оба креста «исключениями», в дальнейшем отказывается их считать такими: о кресте Варлаама он высказывает предположение, что он «переделан» впоследствии в восьмиконечный из другой

формы, и аналогично об антиминсе — что тот «подрисован». О кресте уже сказано было выше. Антиминс же, находящийся в настоящее время в Русском музее, хотя и не подрисован, что устанавливается совершенной тождественностью краски всех частей рисунка креста, однако текст его надписи так запутан, что вызывал уже серьезные сомнения и навряд ли относится к XII в. Шляпкин, подводя итоги своей работы, утверждал, что восьмиконечные кресты появляются в Новгороде «не раньше XIV века». Надо, однако, указать, что, напр., в одной из фресок Спаса-Нередицы мы находим восьмиконечный крест, хотя на другой же рядом — крест уже шестиконечный. Таким образом довольно категорическое утверждение Шляпкина еще нуждается в дополнительной проверке. Если бы восьмиконечный крест и оказался существующим в раннем Новгороде и предметы с ним связанные оказались бы несомненно сохранившимися в первоначальном своем виде предметами XII—XIII вв., то мы все же считали бы себя вправе утверждать, что для XII—XIII вв. восьмиконечный крест явление чрезвычайно редкое. В то же время, начиная с XIV века, он общераспространен: на всех новгородских иконах XIV в., выставленных в настоящее время в залах Русского музея, мы находим именно восьмиконечные кресты, которых нет на более ранних иконах. Отметим также, что на знаменитой новгородской грамоте кн. Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю 1130 г., в подлинности которой нет никаких оснований сомневаться, крест тоже не восьмиконечный, а четырехконечный. При таких условиях наличие на Варлаамовой грамоте восьмиконечного креста склоняет нас к тому, чтобы отнести эту грамоту скорее всего к концу XIV — началу XV вв., ко времени, вокруг которого, как мы видели, группируются почти все памятники, связанные с именем Варлаама. Именно к этому времени, к концу XIV века, историк церкви Е. Е. Голубинский относит начало почитания в Новгороде Варлаама. Мы не знаем событий, которые стали поводом к тому, чтобы возвеличить память Варлаама. Однако, сам этот факт послужил, несомненно, мотивом не только к построению церкви имени Варлаама и к сочинению его жития, но и к поискам реликвий, которые частью были собраны среди вещей XIV—XV веков, как поручи и, возможно, крест, частью были тогда же фальсифицированы под XII век, как несомненно фальсифицированы были в то время печати и, вероятно, фальсифицирована грамота.¹

¹ А. Орешников. Материалы к русской сфрагистике (из «Трудов Московского нумизматического общества», т. III), М., 1903, стр. 29—30; И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI, СПб., 1899, стр. 170—172; Е. Голубинский. История

Следующий, тринадцатый век, оставил нам, повидимому, три акта. Один из них относится к территории удельных княжений, два других — к вольным торговым городам — Новгороду и Пскову. Все три акта хорошо известны в нашей археографической и исторической литературе.

Первый из них — данная «рабы божией Марины черницы» Суздальскому Васильевскому монастырю, напечатанная трижды, притом два раза такими авторитетными учеными, как Востоков и Калачов. В этой данной вдова князя Дмитрия Константиновича дает монастырю по своему пострижении на «поминок души» своего мужа села Мининское, с приписными (у Востокова, прикупными — у Калачова) землями, с серебром и с животом, и Романовское. Грамота датирована 6761 (и 6760) г.; на обороте ее — рукоприкладство «духовного села Романовского попа Семена». Сохранилась эта грамота в копии XVI века, в свое время находившейся в собрании Головина, а позднее перешедшей к Уварову, и в сборнике копий Румянцевского собрания.

Оба дипломатические признака грамоты, наличие датировки и рукоприкладств, относят грамоту ко времени не ранее конца XV в. Содержание ее столь же расходится с датой: Дмитрий Константинович Суздальский жил не в XIII, а в XIV веке, и умер он только в 1383 г.; грамота называет монашеское его имя Дионисием, а на самом деле он был назван Федором. Как и в случае с грамотой Антония Римлянина, нам не трудно здесь вскрыть и время и мотивы подделки. В том сборнике копий, с которого напечатал эту грамоту Востоков, рядом с ней переписана вторая грамота того же монастыря, уже не с копии, а с подлинника. Это — грамота с прочетом царя Ивана Васильевича, от 13 марта 1583 г., в Суздаль Афанасию Сеянову. Из нее мы узнаем, что игумен Васильевского монастыря Авраамий бил челом царю на суздальской охотной слободы охотников и «иных сторонних людей» в том, что они сено косят и травят монастырскую пустошь селище Мининское, которая «от мору лежит пуста»; в основание своих прав игумен сослался на то, что село это — «дано по душе, дачя

канонизации святых в русской церкви, М., 1908, стр. 71, 543; В. Ключевский, ук. соч., стр. 58; Памятники древне-русской церковно-учительной литературы под ред. А. И. Пономарева, вып. II, СПб., 1896, стр. 187; И. Шляпкин, Древне-русские кресты, СПб., 1906, стр. 26—28 и таблица IV, № 75; текст надписей на кресте см. М. Толстой, Святые и древности Великого Новгорода, М., 1862, стр. 191 (надписи эти — обозначения изображенных на кресте фигур); Фрески Спаса-Нередицы, Л., 1925, табл. XXII; об антиминсе 1149 г. — Н. Покровский, Древняя Софийская ризница в Новгороде, вып. II, СПб., 1914, стр. 5—7, и Ф. Морозов, Антиминс 1149 (6657) года. Пг., 1915. Заслуживает внимания также и тот факт, что ни в одной из известных в печати редакций жития Варлаама мы не нашли указаний на вкладную. При сопоставлении с тем, как были использованы акты Антония в его житии, это должно показаться чрезвычайно странным. Приношу искреннюю благодарность М. К. Каргеру и Н. П. Тихонову за оказанное мне ими содействие.

князя Дмитрия Константиновича», т. е. основанием своих прав он выставил именно заподозренную нами грамоту. Игумен добился своей цели и грамота велит «беречь накрепко» пустошь от охотников и других людей в пользу монастыря, «чтоб их землею насильством оприч их не владел никто». Мы вправе отнести подделку грамоты именно к этому времени — к концу XVI века, к которому, впрочем, нас относит и сохранившийся экземпляр ее мнимой копии.¹

Второй из документов XIII в. это — хорошо известная в нашей исторической литературе духовная новгородца Климента. Ее подлинник в настоящее время неизвестен.

Впервые воспроизвел эту духовную в своем альбоме И. П. Сахаров, который один ее и видел. Научное реноме Сахарова, известного своими подделками, заставляет осторожно отнестись к вопросу о подлинности этого уникального акта, которому в специальных работах о духовных приходится отводить особую главу.

Однако, среди бумаг Сахарова сохранилась рукопись, которая рассеивает подозрения относительно возможной подделки им этого акта. Эта рукопись, писанная не Сахаровым, а другою рукою — писарским почерком (что при скверном почерке Сахарова делает возможным предположение о перебеленном черновике Сахарова), представляет собою перевод духовной Климента на современный язык, причем этот перевод снабжен также комментариями. В этих комментариях ценно прежде всего указание на палеографические особенности духовной: «духовная сия, читаем в них, писана на пергаминах листке, довольно гладко выделанном, длиною в $6\frac{1}{6}$, шириною в 3 неуступно вершка». Два других примечания с очевидностью показывают, что комментатор не понимал имеющегося в его распоряжении текста духовной и не мог поэтому его и подделать. Климент дарил в своей духовной

¹ Данная Марины напечатана: А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музея, М., 1842, стр. 99; А. Ю. Б., т. 1, № 63 I (здесь дата годом позже: 6761); Описание актов собрания гр. Уварова, М., 1905, стр. 106—107 (по той же копии, что в А. Ю. Б.). О смерти князя Дмитрия Константиновича, см. П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 48, под 6891 г.: «того же лета, июля в 5 день, в неделю, преставися князь Дмитрей Костянтиновичь Суздальский в черницах и в схиме, нареченный в святом крещении Фома, а в мнишеском чину наречен бысть Феодор». Грамота с прочетом скопирована в сборнике копий Румянцовского собрания (Рукописное отделение Весоюзной Публичной библиотеки им. Ленина), № 59, лл. 64 об. — 65 об. При ознакомлении с этим сборником оказалось, что сомнение в подлинности разбираемой грамоты 6760 г. было уже давно: на л. 64, где переписана эта грамота, внизу сделана пометка карандашом, почерком первой половины, даже м. б. первой четверти XIX в.: «Подложная»; сомнения в подлинности ее были и у П. М. Строева, когда в своих «Списках иерархов и настоятелей монастырей», СПб., 1877, стб. 685, он под рубрикой Васильевского монастыря поместил 1252 г. с вопросительным знаком.

Юрьеву монастырю два села «одерень», с указанием, что «заводник сусед мой Опаль». Оба термина, и «одерень» и «заводник» нам хорошо известны по актам XV века именно в отношении поземельного имущества: земля дается или продается «одерень» — т. е. «ввек», а передача земли новому владельцу совершается путем «завода» (о чем подробнее — в следующих главах нашей работы). Но для комментатора «одерень» «тоже, что работник или раб подлый», имя собственное «Опаль» превращено комментатором в глагол «опал», а относительно «заводника» он прямо признается, что «не мог я догадаться, что такое значит: есть ли читать слово сие просто и принимать за содержателя завода, то заводник опал, кажется значит, содержанию завода солловаренного он, по неудовольствию на него, ничего не отказывает». Наконец, о том же говорит денежный счет духовной, в котором, как нам указал Н. П. Бауэр, перекрещиваются две системы денежного счета, что создает на первый взгляд несоответствие цифровых денежных данных в духовной. Разгадка этого счета не была известна Сахарову и, опять-таки, это говорит за подлинность: при подделке пришлось бы ставить денежные единицы по своему пониманию, а не по действительному положению дел в XIII в. Духовную Климента приходится признать подлинным новгородским актом XIII в.¹

¹ Духовная Климента воспроизведена литографским путем И. П. Сахаровым в альбоме выпущенном без имени автора под заглавием: «Образцы древней письменности» (без года и места издания), таблица 3. Это издание должно было явиться частью задуманного Сахаровым «Обозрения славяно-русской библиографии». Из первого тома этого труда вышел только один выпуск («Обозрение славяно-русской библиографии», вып. IV, том I, кн. 2, СПб., 1849). Т. П. предназначался Сахаровым «Славянорусской палеографии» и делится на три выпуска: 1. Книжное письмо, 2. Судебное письмо, 3. Книгопечатание. Все эти три выпуска постигла странная судьба. Первый выпуск без титульного листа имеется в библиотеках Ленинградского Университета и Академии Наук. Второй и третий выпуски, повидимому, не были в свое время допечатаны. Они были в 1890 г. куплены книгопродавцом Шигиным, к ним допечатаны обложки (с названиями: «Образцы древней письменности» и «Образцы славянорусского книгопечатания с 1491 г.»), без имени автора, года и места издания; цензурой разрешено 7 февраля 1891 г.) и в таком виде пущены в обращение (Н. П. Смирнов, Библиографические материалы, СПб., 1898, №№ 401 и 502; Е. Ф. Карский, Славянская кирилловская палеография, Л., 1928, стр. 70). Второй выпуск, в котором напечатана духовная Климента, служил, по словам Н. П. Смирнова, «руководством при чтении актов для воспитанников лицей и училища правоведения» (указ. соч., № 58). К сожалению, нам не удалось найти литографированного экземпляра лекций Сахарова по юридической палеографии; в рукописных частях этих лекций, имеющих в Ленинградской Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, при перечислении сохранившихся памятников XIII века духовная Климента не указана; остается предположить, что она была найдена Сахаровым позже написания им этой части лекций. Упомянутый в тексте перевод духовной Климента сохранился в бумагах Сахарова, вошедших в состав коллекции И. А. Шляпкина (Архив Института истории А. Н.), № 841. О подделках Сахарова см. А. Пыпин, Подделки рукописей и народных песен, СПб., 1898. Н. П. Бауэром, которому приношу искреннюю благодарности, подготовлена специальная работа о денежном счете этой духовной.

Третий акт — это найденная в Рижском архиве и впервые опубликованная Напиерским так наз. рядная Тешаты и Якима. Акт этот представляет значительные трудности для понимания; но он не возбуждал до сих пор сомнений в своей подлинности. Он писан «Довмонтовым писцом»; имени этого писца нет. К акту привешена печать Довмонта; известен другой экземпляр такой печати, хранящийся в Институте истории, в собрании сектора вспомогательно-исторических дисциплин, и описанный в работе Н. П. Лихачева.¹

Таким образом от тринадцатого века нам остались два подлинных акта. Первый из актов относится к Пскову, либо, как предполагал Напиерский, к Полоцку, второй — к Новгороду, т. е. к тем двум центрам, развитие которых в эти века шло несколько иным путем, чем развитие остальной феодальной России.² Нам все же остается неизвестен для этой поры ни один частный акт на территории удельных княжений.

Переходя к XIV в. мы находим, особенно в старой археографической литературе, значительное количество актов, связанных с этим веком. Однако последующие разыскания произвели в этой хронологической работе значительные перераспределения.

Так, Акты юридические, которые впервые ввели в научный оборот значительнейшее количество частных актов, отнесли к XIV—XV вв. все напечатанные ими двинские акты. Точно так же поступил и Востоков, который в своем классическом «Описании русских и словенских рукописей Румянцовского музеума», поместил под № LXVII «Списки с подлинных старинных купчих, закладных, духовных и пр., писанных двинянами в XIV в.». Описывая отдельные из них и определяя их по почеркам (в собрании Румянцева часть грамот была перерисована на кальке и в таком виде вклеена в сохранившийся до наших дней альбом), Востоков относил некоторые из них даже к XIII в. или началу XIV в., как, напр., № 1 и 3. Срезневский поместил в своих «Древних памятниках», с прямой ссылкой на Востокова, эти акты под датой «около 1350 г.»³

¹ Неволлин. Полн. собр. соч., т. VI, СПб., стр. 551—585 (статьи Неволлина и Срезневского); В. Трутовский. Тешата и Яким и их взаимные отношения, «Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой», М., 1916, стр. 328—338; Н. П. Лихачев. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики, Л., 1928, стр. 32—34.

² К этим актам мы еще вернемся в последующих главах, в связи с анализом данных Псковской и Новгородской судебных грамот.

³ Акты юридические, № 71 (купчие), 110 (данные), 138 (отводная); А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума, СПб., 1842, стр. 107 и сл.; И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, изд. 2, СПб., 1882, стр. 205—206.

Однако, в настоящее время нам нет нужды заниматься критикой этой хронологической работы Востокова. Шахматов, подвергнув новому рассмотрению эти акты и с точки зрения палеографии и с точки зрения их языка, кончил заявлением: «мы с уверенностью заключаем, что вообще все собранные в нашем издании грамоты относятся к XV в.». Те сомнения, которые из осторожности высказал Шахматов, мало колеблют его выводы: три акта (№№ 39—41) «возможно», по его словам, восходят к концу XIV в., так как фигурирующий в них игумен Лука получил благословенную грамоту от архиепископа Новгородского Иоанна, а последний жил в 1389—1414 гг. (следовательно, здесь столько же «возможностей» для XIV в., сколько и для XV); предположение Шахматова, что одна печатаемая им купчая (№ 105) должна быть отнесена ко времени до 1393 г., основано на дате другого акта, дате, имеющейся в позднейшей копии этого акта, но отсутствующей в известном нам подлиннике этого акта. Таким образом, и эти сомнения Шахматова относительно четырех из печатаемых им актов скорее являются данью величайшей осторожности Шахматова, чем весомыми основаниями датировки. В то же время можно указать, что в другом отношении датировка Шахматова является уязвимою, и именно в отношении конечного хронологического момента приурочения печатаемых им актов.¹

Шахматов полагал, что *terminus ad quem* для издаваемых им актов — это 1471 г., время покорения Новгорода Москвой; несомненно, что основанием для этого заключения Шахматову послужило то, что он далее излагает в виде вывода: «вот почему, — писал Шахматов, — ни в одной из наших грамот не содержится упоминания о московском великом князе, его наместнике или тиунах».

Однако нельзя вообще не заметить, прежде всего, что эти упоминания в частных актах, — а именно они составляют подавляющее большинство среди изданных Шахматовым актов, — не обязательны, и даже, как правило, к концу XV в. редки. На примере же двух, по крайней мере, групп печатаемых Шахматовым актов мы можем утверждать, что 1471 г. отнюдь не является крайней хронологическою гранью печатаемых Шахматовым актов; и что они заходят несомненно в начало XVI в. Именно, значительная часть Шахматовского сборника отведена актам Михайловского Архангельского монастыря: из 115 номеров они занимают 33. До нашего времени сохранился тот, составленный в монастыре

¹ А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903, стр. 1—5. Ср. поправки к хронологии Шахматова у П. Голубовского, Университетские известия, Киев, 1907, № 2, стр. 5—8, которые не колеблют общих ее рамок.

в XVII в., сборник актов, которым пользовались еще издатели Актов юридических и которым также воспользовался для своей работы Шахматов. Ближайшее изучение этого сборника дает, как кажется, довольно твердые опорные точки для хронологии напечатанных Шахматовым актов, равно как и для других вопросов, составляющих предмет нашего дальнейшего изучения.

Мы видим, что в особой части сборника, содержащей недатированные акты и озаглавленной: «Списки с харатейных с купчих и з делных и з духовных и со всяких крепостей», переписаны те акты, которые вошли в состав Шахматовского издания. Все остальные акты, датированные, в состав Шахматовского издания актов XV в. не вошли и войти не могли: самый ранний из этих актов относится к 1509—1510 (7018) году. Наблюдая за хронологией этой второй, датированной части архангельского сборника, мы видим, каков был актовый оборот того времени: к 7018 г. относится—1 акт; к 7021—1 акт; к 7023—1 акт; к 7027—2 акта; к 7028—2 акта и т. д., с тою же приблизительно частотою. Таким образом для 7018—7028 гг. мы имеем 7 актов и на промежутки в 1—2—3—4 года приходится по 1—2 акта. Допустив, по Шахматову, что хронологическою гранью напечатанной им части сборника является 1471 г., нам пришлось бы допустить более чем маловероятный факт довольно значительного актового оборота в течение первых семи десятилетий XV века (1400—1470 гг.), перерыв этого оборота в течение последующих четырех десятилетий (1470—1510 гг.) и начало нового значительного актового оборота с 1509—1510 гг.

Аналогичные наблюдения могут быть сделаны и над датами другой крупнейшей группы из напечатанных Шахматовым актов, над датами актов Николо-Чухченемского монастыря. И для этого монастыря сохранилась, к счастью, в фонде грамот Коллегии экономии копия книга, составленная в 1684—1685 гг. Особая группа актов и здесь помещена, как акты «без году»; включая один ошибочно датированный акт, она составила именно ту группу актов, которая вошла в «Двинские грамоты» Шахматова. Николо-Чухченемских актов у Шахматова еще более, чем Михайло-Архангельских—их тридцать восемь. Датированные акты начинаются несколько ранее, чем в Михайловском монастыре, 7007 (1498—1499) годом. Точно так же, как и там, мы замечаем частый, даже еще более частый оборот актов: за 7007 г.—1 акт, за 7008—1 акт, за 7009—2 акта, за 7002, 7014, 7015, 7016, 7019—по одному акту. Первое десятилетие XVI в. дает то ежегодный, то через 1—2 года актовый оборот. Допустив опять-

таки хронологию Шахматова, мы и здесь имели бы за первые семьдесят лет XV в. 38 актов, то есть по одному акту на два года, затем — тридцатилетний перерыв, а потом вновь оживленный актовый оборот первого десятилетия XVI в.

Думается, что нет никакой нужды в этом ни на чем не основанном предположении, и, откинув выше то заключение от умолчания, исходя из которого Шахматов поставил свою грань в виде 1471 г., мы можем с уверенностью утверждать, что напечатанные Шахматовым акты имеют своей конечной датой не 1471 г., а начало XVI в., непосредственно смыкаясь с группами актов, начинающихся 1498—1499 и 1509—1510 годами. Мы видим теперь, как значительно изменяются наши представления о хронологии двинских актов: то, что Востоков, его ближайшие предшественники и его последователи считали в некоторых частях даже едва ли не актами XIII в., после работы Шахматова приходится относить уже во всяком случае к XV в. и, может быть, в единичных случаях к самому концу XIV в.; их конец приходится в настоящее время передвигать еще позднее — вплоть до начала XVI в. Таков довольно поучительный итог хронологических суждений о некоторых представителях раннего русского акта.¹

Точно так же, значительное количество актов, отнесенных к XIV веку, мы находим и в «Сборнике Муханова». Однако из числа их приходится, после сказанного выше, вычесть двинские грамоты, без особых объяснений перенеся их в XV в. Остающиеся акты заслуживают внимания с этой же точки зрения. За № 260 Мухановым помещена «даная память» князя Ивана Ивановича (Засекина); однако к XIV в. она не может относиться уже потому, что князь едет на «государеву цареву службу»; справка с подлинником, хранящимся в рукописном отделении Ленинской библиотеки, указывает на факт небрежного снятия копии: хотя Мухановым на месте года и поставлено многоточие, поврежденный край акта читается все же отчетливо — лета 7...2; итак, вместо XIV в. мы имеем дело с серединой XVI в. В том же сборнике за № 118 находим «данную» Саввы Сюзева под 1399 г., о которой см. далее.

¹ А. Шахматов, ук. соч., ч. I, стр. 15—16, ч. II, стр. 59—87 (№ 39—71); Сборник актов Михайловского Архангельского монастыря в Рукописн. отд. Библиотеки Акад. Наук СССР, Архангельское собрание, № 1192, лл. 275—275 об. (купчая 7018 г.), 270—272 (духовная 7021 г.), 242—242 об. (дельная 7023 г., напечатана в Об. грам. Колл. эконо., т. I, № 51 по подлиннику), 231 об.—233 (2 купчих 7027 г.), 301 об.—302 (отступная 7028 г.), 312—314 об. (меновная 7028 г.); копия книга Николо-Чухченемских грамот — ГАФКЭ, Грамоты Коллегии эконо., № 14385; все акты этой книги напечатаны в Сборнике грамот Коллегии эконо., см. т. II, № 76, цитированные грамоты 7007—7019 гг., т. I, №№ 42—50.

Данная Троице-Сергиеву монастырю под № 292 относится не к 1389—1425 гг., а к 1508—1514 гг., так как именно в эти годы игуменом был Памва. Данная Микулы Борисовича Спасо-Ярославскому монастырю за № 329 отнесена Д. Лебедевым в его рукописных поправках к датировке Мухановым актов его собрания ко времени ок. 1492 г. Остается только один акт — это громадная Новгородская рядная; однако ее детальность и разработанный формуляр, занимающее более полустолбца описание границ, вместо обычных в раннее время лапидарных формул, ссылка на целый ряд «старых» грамот, — все это в своей совокупности заставляет и этот акт отнести к XV в., скорее всего даже ко второй его половине. Итак, и здесь мы не имеем частных актов XIV в.¹

Для этой эпохи с точки зрения целей нашей работы подделки не имеют такого значения, как для предыдущего времени. Однако на некоторых из них не лишне остановиться.

Первая — древнейший из палеостровских актов, мировая шунгских смердов, недавно послужившая для доказательства положения, что новгородские грамоты разумеют под термином смерд «всю массу сельского населения». Эта «старинная ободная», как она названа в сохранившемся экземпляре, выдающем себя за копию подлинника, но являющемся скорее всего оригиналом подделки, носит признаки актов XVI—XVII вв. Предвосхищая результаты дальнейшего, мы видим эти признаки в совокупности того, что акт датирован, притом не только годом, как то встречается в частных актах в конце XV в., но и месяцем и числом («лета 6883 году, июля в 13 день»), для чего надо перейти уже к XVI в. (некоторые единичные примеры датировки в позднейших копиях актов должны быть рассмотрены каждая в отдельности); далее — в том, что акт имеет рукоприкладства (их два), чего нельзя найти в актах ранее XVI в.; что акт назван «записью» — термином, вошедшим в употребление только в XVI в.

Заверка этой копии — «списка» («к сему списку... руку приложил») архимандритом Хутынского монастыря Тихоном, а архимандритом он был в 1658—1660 гг., повидимому, дает возможность датировать точнее эту подделку.²

¹ Сборник Муханова, изд. 2, СПб., 1866; у Шахматова перепечатаны №№ 259, 311—317, 331, 333; № 260 — Рукоп. отд. Публичной библиотеки им. Ленина, собрание Муханова, № 20; пометка Д. Лебедева на «Каталоге актов XIV, XV, XVI и XVII вв., принесенных в дар Моск. публ. музею П. А. Мухановым», СПб., 1865, стр. 9, № 18, там же, в Рук. отд.

² Е. Барсов. Палеостров. Чтения в Общ. ист. и др. рос., 1868, кн. I, стр. 138—139 (неисправность обозначения даты — в рукописи); Б. Греков. Рабство и феодализм в Киевской Руси, Л., 1934, стр. 41—42; П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей, стб. 49.

Другим примером подделки акта XIV в. может служить дважды напечатанная данная Саввы Дмитриевича Сюзева Благовещенскому монастырю от 1398—1399 г. Она обращает на себя внимание совершенно необычным своим началом: «Лета 6907. Божиею милостию се яз Сава Дмитриевич Сюзев». Датировка частного акта, как нам уже приходилось выше указывать, относит нас, по крайней мере, к концу XV в., а датировка, поставленная в начале акта, явление еще более позднее. Формула «божиею милостию» в частных актах неупотребительна. Дарение произведено Сюзовым при архимандрите Малахии, но акты с именем Малахии нам известны по крайней мере до 1436 г., т. е. Малахий был бы архимандритом в течение не менее 37 лет, что очень мало вероятно. Разгадку этих особенностей данной мы найдем, лишь обратившись к рукописям.

Среди грамот Коллегии экономии по Курмышу имеется, действительно, «список з даные Савы Сюзева»; к этому списку патриарх Иов «велел печать свою приложить»; на обороте этого списка находим подтверждение Михаила Федоровича и патриарха Филарета, которые 25 мая 1624 г., «слушав» сего списка, «указали подписать» его на свое имя и «впредь для спору» отдать список монастырскому архимандриту. На лицевой стороне списка, в его верхнем правом углу имеется пометка — ссылка на источник: «а грамота писана в патриаршей крепостной книге». Эта патриаршая крепостная книга уже известна в литературе — это замечательный сборник б. Московской синодальной библиотеки, № 276, с которого данная Саввы Сюзева была напечатана в Актах, относящихся до юридического быта. Наблюдения над этим сборником и позволят, думается, найти объяснение указанным странностям этого акта.

Этот сборник был первоначально составлен, как полагает С. Б. Веселовский, ок. 1538 г., а потом к основному его тексту приписывались новые акты. Как чаще всего это бывает в копиях книг, так и здесь акты расположены по местностям. Глава 10-я отведена Нижнему Новгороду. В основном тексте нижегородских актов нет данной Саввы Сюзева, ее нет и в первой группе приписок, — она имеется лишь во второй группе наслоений.

Из той же книги мы узнаем, что в 1621 г. монастырь затеял дело против местных черемис, обвиняя их в том, что они владеют монастырскою землею «по записи», но уже в течение 27 лет не платят полагающегося монастырю оброка. В доказательство принадлежности земли монастырю, что черемисы оспаривали, и была предъявлена данная Саввы Сюзева, подтвержденная патриархом Иовом. Итак, и запись, по словам истцов, была

взята с черемис в 1594 г., при патриархе Иове, и Иовом же была подтверждена данная Саввы Сюзева, теперь служащая основанием иска, как тогда, повидимому, послужившая основанием для получения записи с черемис.

Ранее мы указали на необычные черты данной для акта конца XIV в. Теперь мы видим отсутствие этого акта в первоначальном своде нижегородских актов (в том числе и Благовещенского монастыря); и в то же время, при отсутствии подлинника и каких-либо ссылок на него, мы имеем дважды подтвержденную копию: при Иове, куда нас ведет исходный момент поземельного конфликта, и при Михаиле Федоровиче, когда дело дошло до суда. Невольно напрашивается полная аналогия с тем, что мы наблюдаем при анализе актов Антония Римлянина: и спор о земле, и отсутствие подлинника к моменту спора, и появление списка, и двойное подтверждение этого списка, который в таком случае уже заменяет собою подлинник.

Однако, в данном случае, мы можем установить те основные элементы, из которых сложился «список» данной Саввы Сюзева. Первый из известных нам актов Благовещенского монастыря — это жалованная грамота в. кн. Василия Дмитриевича Благовещенскому монастырю 1423 г.; она дана была арх. Малахию на ряд земель, в числе которых были упомянуты и пустоши Саввы Сюзева. Таким образом и даритель и игумен здесь были даны. Необычное же для частного акта того времени «Божиею милостию се яз» составляют трафаретное начало митрополичьих грамот (позднее — и царских) и, конечно, было введено составителем «списка» из практики, привычной для митрополичьей канцелярии.¹

При наличии подделок, все же мы имеем от второй половины XIV в. немногие акты, подлинность которых нет основания заподозрить, и мы можем полагать, что для центральной России именно эта эпоха была временем появления здесь частного акта. Когда в. кн. Симеон Иванович в 1353 г. перечислял в своей духовной свои купли, указывая, у кого он что купил, то все же, повидимому, актов у него на эти купли не было: их перечень заключается замечанием: «или буди чего забыл написать свое купли»; но несколько лет спустя, в духовной Ивана Ивановича

¹ Данная Саввы Сюзева напечатана: Сборник Муханова, № 118; А. Ю. Б., т. I, № 635; списки ее — ГАФКЭ, Грамоты Коллегии экономии, № 6035, и Рукописное отделение Исторического музея, рукопись б. Московской Синодальной библиотеки, № 276, л. 280 об.; судное дело с черемисами там же, лл. 420 и сл.; акты с упоминанием арх. Малахия там же, л. 273 (6936) и 273 об. (6944); жалованная грамота 1423 г. — Сборник Муханова, № 119 и А. А. Э., т. I, № 21; С. Веселовский, Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв., М.—Л., 1936, стр. 69, прим. 1.

1356 г. мы видим людей «грамотных» в качестве несвободных людей.¹ Так здесь ярко отразился тот переходный момент, о котором мы только что говорили. В дальнейшем мы попытаемся установить ранние типы частного акта, а также те условия, которые повели к его внедрению в социальные отношения феодальной Руси.²

S. VALK. LA PÉRIODE INITIALE DE L'ACTE PRIVÉ EN RUSSIE

RÉSUMÉ

Dans la littérature historique russe la diplomatique des actes privés est à peine, tout récemment, devenue un objet d'étude. Mais, tout en possédant des travaux consacrés à l'examen de diverses variétés de l'acte privé nous n'avons encore à enregistrer aucune tentative de mettre à l'étude l'histoire générale de l'acte privé. Partant de la conviction que sans l'appui de cette dernière un examen critique de variétés séparées d'actes est impossible, l'auteur se pose comme but, dans le présent travail, de donner une pareille histoire.

¹ С. Г. Гр. и Дог., т. I, №№ 24 и 26.

² На стр. 300 мне пришлось упомянуть, доказывая поддельность актов Антония Римлянина, что название его Римлянином позднее, относящееся к XVI веку. Во время прений по состоявшемуся 14 июня 1936 г. в Новгороде (на объединенном пленуме Института истории феодального общества ГАИМК и Ученого совета Новгородских музеев) моему докладу о «древнейших новгородских актах», где мне пришлось коснуться и этих актов, Н. И. Репников указал, что в монастыре Антония Римлянина имелся ряд вещей западного происхождения (известные эмали, см. стр. 300—301, прим. 1, колокол), указывающих на западные связи монастыря. Полагаю, что именно наличие этих западных вещей в монастыре может служить объяснением возникновению позднейшей легенды о прибытии Антония из Рима.

На стр. 308—309 я доказываю подлинность духовной новгородца Климента, считавшейся утерянной. Во время прений по состоявшемуся в Институте истории АН (Москва) 4 мая 1936 г. моему докладу о необходимости издания полного свода русских древних актов М. Н. Тихомиров указал, в доказательство необходимости розысков актов, что духовная Климента нашлась в Историческом музее. Благодаря любезности Л. И. Пономарева и А. В. Арпиховского, которым приношу искреннюю благодарность, мне удалось и увидеть подлинник и получить фотографию духовной Климента. Оказалось, что Сахаровский снимок не передает вида оригинала и, в частности, не воспроизводит одной палеографической детали, убедительно говорящей не только о древности акта, но и о том, что акт этот хранился в монастырском архиве: именно, складки на обратной стороне акта не только показывают, как был свернут акт, но и дают на полосе акта, оказавшейся после свертывания акта наружной, практиковавшийся в монастырских архивах заголовков — надпись:

Клименторо(с)

копсаные.

Actuellement sont publiés les deux premiers chapitres de ce travail. Le premier chapitre renferme un aperçu historiographique où sont indiquées certaines tentatives de poser la question des conditions de la naissance de l'acte privé. Au deuxième chapitre, dans la voie de l'analyse d'actes privés, rapportés habituellement aux XII-me—XIV-me siècles, certains d'entre eux sont établis comme faux, pour quelques autres les dates sont corrigées. Il en résulte la conclusion, qu'à des exceptions isolées près, nous en sommes réduits à dater les commencements de l'histoire de l'acte privé en Russie de la moitié du XIV-me siècle.

РУССКИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ XIX—XX ВЕКОВ

Б. М. КОЧАКОВ

I

Настоящая статья о законодательном акте XIX—XX веков представляет собою извлечение из более обширной работы автора по источниковедческому изучению официального документа этого времени.¹

Официальный документ XIX—XX вв. является общепризнанным историческим источником, широко используемым и в публикациях архивного материала, и в монографических исследованиях. В отношении к нему, однако, наблюдается своеобразная потребительская точка зрения. Использование его не сопровождается источниковедческим анализом. Документ сам по себе, в его истории, в его сложном подчас составе, не стал еще предметом специальных изучений. Между тем, и в практике предварительных разысканий, и в опытах исторических построений подобный утилитаризм приводит подчас к существенным провалам и даже прямым искажениям исторического процесса.

Прежде всего, при современном состоянии архивного материала, когда ряд значительнейших фондов не описан вовсе, а по другим есть только канцелярские инвентарные описи с заголовками, не отражающими всего существа дела, чрезвычайно сложной представляется задача первоначального подбора документации по интересующему вопросу. Документы рассеяны по многим «делам» многих фондов, собрать их в единое целое без надежного путеводителя очень трудно. Историк обрекает себя или на сплошной просмотр громадных пластов архивного материала, или же, что чаще, сознательно идет на пропуски. Между тем, знание законов делопроизводства несравненно облегчает задачу, ибо документ двигался и отлагался в делах определенным, точно установленным порядком. Зная эти законы, историк

¹ Автор считает долгом выразить глубокую благодарность профессору И. И. Яковкину за ряд полученных от него ценных указаний.

знает и где отложился интересующий его документальный материал, знает также, какие фонды, дела, документы в архивной массе являются для него стержневыми, ведущими, и с каких, поэтому, следует начинать изучение вопроса. Официальный документ, таким образом, нуждается в разработке своей эвристики.

Но интерпретация его — дело также сложное и требующее предварительных изучений. Об одном и том же факте говорят многие документы, но говорят по-разному. Различные ведомства говорят о фактах окружающей действительности с различной степенью подробности, откровенности и правдивости. В их переписке встречаем и пробелы, и тенденциозные искажения, и даже прямую неправду. Изучение ведомственных позиций, отражающих интересы стоящих за ними классовых сил, подход к документу как определенному орудию правительственной политики поэтому совершенно необходимы для правильного его — документа — использования и истолкования и т. д.

Так как все эти источниковедческие особенности официального документа имеют совершенно закономерный характер, совершенно очевидна и необходимость источниковедческого их изучения.

Особое положение занимает и особого внимания требует законодательный документ. Это мало используемая историками группа, о которой судят обычно лишь по Полному собранию и Своду законов с их абстрактными формулами и сухими параграфами. Такое пренебрежение совершенно неосновательно.

Закон, являясь общеобязательной, изданной государственной властью, нормой, есть, таким образом, определенное, в результате классовой борьбы созданное, выражение воли господствующего класса, определенное орудие классовой политики государства. «Закон — писал Ленин, — есть мера политическая, есть политика».¹ Следовательно, изучать историю правительственной политики без привлечения законодательного материала — дело совершенно немыслимое. Но понять законодательный акт в его политической функции, понять закон как продукт и орудие классовой борьбы можно только на основе тщательного изучения его происхождения и литературно-юридических форм выражения.

Отсюда — необходимость специального источниковедческого изучения законодательной документации и работы делопроизводственного механизма по созданию закона вообще.

¹ Ленин. О карикатуре на марксизм. Сочинения, изд. 2, т. XIX, стр. 113.

Кроме того, законодательный акт имеет еще выдающееся значение как своеобразный ключ к огромной массе официальной документации, как своего рода путеводитель по ней. Для многих категорий архивного материала именно законодательный акт является стержнем. Отправляясь от него, мы придем и ко всей остальной переписке по интересующему нас вопросу. В этом — лишнее обоснование необходимости новейшего источниковедения и анализа законодательного акта в качестве первой главы его.

II

После этих предварительных замечаний обратимся к рассмотрению законодательного документа интересующей нас эпохи. Но что такое законодательный документ? Какого рода письменные памятники деятельности правительственных учреждений следует отнести к этой документальной группе?

Понятие закона — историческое. В соответствии с ходом классовой борьбы оно подвергалось изменениям. Так, феодализм не знал отличия закона от судебного решения: в Бельгии до сих пор «закон» и «судья» означаются одним словом «Loi». Так, римское право объявляло законом всякое распоряжение принцепса: *quod principi placuit legis habet vigorem*. С усилением центральной власти, с усложнением правительственной деятельности и ростом бюрократического аппарата, когда законодательство становится орудием воздействия господствующих классов на общественную жизнь в масштабах целого государства, появляется необходимость в дифференциации правительственных распоряжений. Закон — это уже определенный вид распоряжения, это — указ, издаваемый определенным порядком.

С обострением классовой борьбы между феодалами и буржуазией, в эпоху буржуазных революций особенно, с введением в систему государственного аппарата органов народного представительства — парламентов — появляется понятие закона как некоторой высшей нормы, исходящей от законодательной власти — парламента и противопоставляемой актам исполнительной — короля, правительства — так наз. указам, административным распоряжениям.

Такое толкование закона отражало стремление завладевшей парламентами буржуазии к политическому господству. Добившись последнего в полной мере, овладев не только законодательной, но и исполнительной властью, не только парламентом, но и кабинетом, буржуазия снова в широких размерах возрождает систему административных распоряжений как законо-

дательных норм. Понятие закона как акта, исходящего от народного представительства, от законодательной власти, уже не соответствует действительности, становится фикцией, как и само разделение властей, и поддерживается в науке либо в силу юридической окостенелости, либо в целях предвзятой маскировки буржуазной диктатуры.

Бывшая Российская империя не оставила точного понятия закона. В XVIII веке — времени открытого господства царского указа, когда императорская власть считалась единственным источником закона, официальная юридическая мысль заботилась, во избежание «великого помешательства в суде и расправе», лишь о выделении из массы указов тех, которые должны иметь силу закона во всех случаях и на все времена. Однако теоретически неясные, практически противоречивые опыты такого выделения не дали критерия для установления различий между законами и административными распоряжениями. Поэтому определения законов как распоряжений «коренных» и «непреложных» вскоре были заброшены и официальной и неофициальной теорией.

XIX век пошел по пути отыскания формальных критериев. Таковым, например, некоторые юристы считали царскую подпись, определяя закон как подписанное царем распоряжение.

Действительно, ряд узаконений от петровского генерального регламента до «учреждения министерств» и «образования Государственного совета», закрепленных затем 54 статьями основных законов, выдвигали царскую подпись как неперемнное условие обязательной силы закона. Однако и в XVIII и в XIX веках, и до свода законов и после свода, выходило множество законов без соблюдения этого условия. Прежде всего, объявляемые (не подписанные царем) указы, несмотря на многочисленные их запрещения, продолжали существовать с большим или меньшим ограничением сферы действия на протяжении всего этого времени, нередко противореча указам подписанным и даже отменяя их. Во-вторых, и законы, исходившие от Государственного совета, очень часто не подписывались царем, как следовало бы согласно «образованию» Совета 1810 г., а только утверждались, притом даже и не письменно, а словесно. Таким образом, многие законы, и может быть даже большинство их, не имели царской подписи.

Но официальная юридическая догма оставила указания и на другой формальный признак закона — прохождение его через Государственный совет. И «образование» Совета (статьи 23, 73, 74) и основные законы (статья 54) говорят об этом совершенно категорически: «все предначертания

законов рассматриваются в Государственном совете, потом восходят на высочайшее утверждение».

В действительности, однако, Государственный совет вовсе не был единственным источником закона. «Многие важные вопросы, — констатировал один из крупнейших бюрократов середины XIX в. барон М. А. Корф, — повсюду разрешаемые не иначе как законами, проходят мимо Совета и получают разрешение иными путями» — «в форме, которая в основных законах предписана для *дополнений и изъяснений закона, устанавливающих только образ его исполнения*».¹ Далее Корф перечисляет категории законов, проходящих мимо Государственного совета. Приведем этот довольно длинный перечень полностью:

«1) Дополнения законов и меры усовершенствования законодательства по военному и морскому ведомствам, когда они не имеют никакой связи с прочими частями государственного управления, представляются на высочайшее утверждение непосредственно от Военного совета или Адмиралтейств-совета.

«2) По Кавказскому и Закавказскому краю и Сибири законодательные дела восходят к высочайшему разрешению через Комитет Кавказский или Сибирский.

«3) Весьма важные законы издаются иногда через другие комитеты высшего управления (напр. Еврейский).

«4) Меры законодательные не редко содержатся в изустных высочайших повелениях, объявляемых Сенату министрами и другими уполномоченными на то лицами.

«Наконец, 5) в разных положениях, наказах, инструкциях и т. п., которые по содержанию принадлежат вообще к категории административных постановлений и получают утверждение через Комитет министров или по непосредственным всеподданнейшим докладам министров и главноуправляющих, часто встречаются статьи, ограничивающие, изменяющие, а иногда и вовсе отменяющие действие законов».²

При этом, издание законов помимо Государственного совета и, следовательно, применение самых разнообразных форм закона было не только установлено «деловой практикой», как выражался Корф, но и закреплено юридически. Так, 53 статья основных законов упоминала помимо манифе-

¹ Подчеркнуто Корфом. Корф имеет в виду здесь 55 статью основных законов, допускающую объявляемые указы для «дополнений и изъяснений закона».

² Дело государственной канцелярии, по отделению государственного секретаря, № 8 1862 г., л. 14.

стов и мнений Государственного совета также указы и доклады, удостоенные высочайшего утверждения. В дальнейшем указ 20 апреля 1856 г. устанавливал широкое применение объявляемых указов. Наконец, в. у. 5 ноября 1885 г. мнение Государственного совета разрешило внесение в свод законов даже заведомо административных распоряжений.¹

Таким образом, и прохождение через Государственный совет не было ни формальным, ни фактическим признаком закона.²

Положение не изменилось и после 1905 г. Правда, ряд вырванных революционным движением законодательных актов категорически установил неперенным признаком закона одобрение его Государственным советом и Государственной думой, а также утверждение царем; либеральные правоведы после этого заговорили даже о конституции и нашли в России разделение властей. Однако, ни Совет, ни Дума не обладали всей полнотой законодательной власти. Не говоря уже о том, что царь мог не утвердить законов, ими принятых, целый ряд законов издавался вообще без их участия. Так, все военное и военно-морское законодательство попрежнему шло на царское утверждение непосредственно из Военного совета и Адмиралтейств-совета. Церковное законодательство также имело свои особые пути. Кроме того, многие важнейшие законодательного характера меры издавались в обход Совета и Думы в форме так наз. чрезвычайных указов. Теория провозглашала конституцию — практика осуществляла самодержавие. Бюрократические методы издания законов, фактическое смешение столь усердно разделяемых теорией законодательных и административных актов — продолжали торжествовать.

Итак, и царская подпись, и прохождение через законодательные учреждения, не могут быть признаны отличительными формальными признаками закона интересующей нас эпохи. Остается признать таким

¹ III П. С. З., № 3261.

² Любопытное признание запутанности понятия закона и административного распоряжения находим в «соображениях» министра внутренних дел А. Г. Булыгина по поводу рескрипта 18 февраля 1905 г.: «Разнообразие в порядке восхождения к верховной власти предположений законодательного свойства углубляется некоторой неясностью в нашем законодательстве понятий закона и административного распоряжения. Разграничение этих понятий издавна привлекало внимание науки русского государственного права, но все усилия теоретической мысли, направленные к истолкованию и сопоставлению понятий закона и административного распоряжения остались почти бесплодными. ... Такое отсутствие резкого отличия между законодательными актами и правительственными распоряжениями приводило нередко к тому, что вопросы, по существу своему требовавшие разрешения в законодательном порядке, восходили на высочайшее усмотрение через учреждения административные».

признаком факт санкционирования закона царем, факт так наз. высочайшего утверждения, как это в свое время и предлагал Н. И. Лазаревский. Действительно, и мнение Совета, и указы всех видов, и министерские доклады, и все иные формы актов, обращавшихся в царской России в качестве законов, имели одну общую черту — утверждение их царем.

В сущности, точка зрения Лазаревского мало чем отличалась от взгляда некоторых старых юристов, полагавших, что «всякое повеление государя есть закон», — взгляда консервативного, ортодоксально-монархического, лишенного и тени конституционных иллюзий, но от того, быть может, более трезвого и прямо устремленного в глаза жизненной правде. Конечно, в огромной массе утверждаемых царем распоряжений было множество таких, которые не содержали в себе ничего законодательного. Однако, в практике государственной деятельности подобные мелочные распоряжения и не носили названия законов. Если точного определения закона не было дано законодательной теорией, то законодательная практика XIX в. нашла способ отделения законов от прочих распоряжений, утверждаемых царем, путем помещения их в Полном собрании законов.

Поэтому для целей источниковедческого изучения совершенно достаточно будет определить закон интересующего нас времени как распоряжение, утвержденное царем, имея при этом в виду, ближайшим образом, распоряжения, помещенные в Полном собрании законов. Совокупность различных форм закона и будет составлять законодательную документацию в собственном смысле. При этом источниковедческое изучение этой последней должно захватить также и категории документов, формально однородные с административной перепиской, но по содержанию непосредственно связанные с выработкой закона (доклад или записка, журналы различных комитетов, совещаний и. т. д.).

III

Закон в том виде, как он распускался официальным порядком и становился обязательным для всех подданных российского самодержца, был конечным результатом долгой и сложной предварительной разработки определенного политического мероприятия, вокруг которого разгоралась борьба заинтересованных классовых сил. При этом, в одних случаях борющиеся силы предпочитали открытые узаконенные пути влияния на выработку закона. Тогда их действия приобретали определенное соответ-

ствующими «положениями» делопроизводственное и, обычно, документальное выражение. В других случаях избирались закулисные тайные дорожки — и тогда официальное делопроизводство могло совершенно не отразить маневров, предшествовавших изданию закона, или отразить их только косвенно.

Задачей историка в каждом данном случае является восстановление картины во всей ее полноте. На помощь к нему приходит документовед, вскрывающий делопроизводственные этапы борьбы вокруг издания закона и их документальное оформление.

С этой точки зрения очень важно ознакомление с основными стадиями прохождения закона. Их было четыре: 1) законодательный почин (инициатива), 2) разработка (составление и обсуждение) законопроекта, 3) утверждение или санкция, 4) обнародование. Каждой из них присущи специфические документальные формы.

Под законодательной инициативой следует понимать обращенное к власти официальное заявление о необходимости издания новых, изменения, дополнения или отмены старых законов. Документальная форма, характерная для этого этапа эволюции закона — так наз. ходатайства.

Законодательные пожелания делались и неофициальным порядком. Таковы, например, заявления, требования, указания, высказанные в печати, на частных собраниях или как-либо иначе, не адресованные прямо, непосредственно и формально к соответствующим правительственным органам и не включенные в оборот официального делопроизводства. Правительство считало не бесполезным для себя следить за подобными пожеланиями, как и вообще за высказываниями печати о своей деятельности. В делах о выработке законопроектов нередко можно найти соответствующие вырезки из газет или же сводки мнений печати по тем или иным вопросам. Попадаются иногда даже обширные и систематизированные подборки газетных вырезок. С целью изучения общественного мнения Главное управление по делам печати наладило даже выпуск особых сводок и «осведомительных бюллетеней» с изложением важнейших высказываний печати. Трудно установить результативность такого рода пожеланий об издании законов. Несомненно, что историк должен учитывать их при изучении обстановки, в которой происходило издание закона. Однако, инициативными в собственном, в прямом смысле эти пожелания не были.

Ходатайства могли исходить или от частных лиц и общественных организаций, или от самого правительства. В первом случае мы будем иметь общественную инициативу, во втором — правительственную.

Формально право ходатайства об издании нового закона было предоставлено всем подданным русского царя и даже закреплено в законе учреждением Комиссии прошений. Действительно, «положение» этой комиссии, существовавшей сперва при Государственном совете, а с 1835 г. и в качестве самостоятельного учреждения, предполагало принятие прошений не только о «наградах и милостях», но и «с представлением проектов». Прощения последнего рода направлялись в соответствующие министерства — сама комиссия рассматривала только те из них, которые отвергались министерствами. В случае признания проекта «заслуживающим внимания», комиссия с разрешения царя могла направить его в Государственный совет.¹

Кроме того, ряд прошений, как мы увидим ниже, поступал в министерства или даже лично царю, помимо этой комиссии.

Но, формально неограниченное, фактически право ходатайств было весьма эфемерно. Реальным оно было для господствующих классов.

О фикции права ходатайств можно судить, прежде всего, на примере самой Комиссии прошений. По точному смыслу закона она была, главным образом, передаточной инстанцией. Однако даже и посреднические (между гражданами и правительством) операции ее были весьма незначительны. Так, в 1842 г. из 9182 поданных на имя царя прошений было только 54 о рассмотрении проектов и выдаче привилегий; в 1863 г. из 12 068 — только 65; в пятилетие с 1876 по 1881 г. из 44 816 — только 38. Неизвестно при этом соотношение между привилегиями и проектами в собственном смысле, между проектами вообще и законодательными проектами в особенности.²

Но даже и эти немногие проекты не всегда получали дальнейшее движение. Иногда они действительно передавались в соответствующие министерства.³ В других же случаях они просто отсылались обратно подателю со стереотипным предложением — «обратиться к тому начальству на рассмотрение которого оно (прошение) относится».⁴

¹ Положение о Комиссии прошений 18 января 1835 г., II П. С. З. № 7771; некоторые подробности см. в деле Госуд. совета по департаменту законов № 19, 1835 г.

² Цифры заимствованы из «Записки по вопросу об упразднении комиссии прошений», составленной в императорской главной квартире. См. дело Госуд. совета по департаменту законов № 97, 1883 г.

³ Таковы, например, прошение галицийских евреев об отмене стеснительных для лесоторговли по р. Днестру постановлений русского законодательства (направлено в Министерство финансов; см. журналы Комиссии прошений за январь 1840 г.) или проект датского подданного д. с. с. Шенберга «об учреждении общества из дам для поддержания и распространения благотворительных заведений» (передан в Министерство двора; см. там же).

⁴ Такая судьба постигла, например, предложенный почтовым чиновником Игнатием Кушковским проект «о легчайшем способе составить и издать российское законодательство».

Поэтому преобразование Комиссии прошений в Канцелярию для принятия и направления прошений, происшедшее в 1884 г. и отнявшее у граждан право подавать проекты, в сущности, только подвело итоги фактическому положению вещей.

В 1905 г., под влиянием растущего революционного движения, право это было вновь «даровано» подданным русского царя.¹ Результатом этого был приток в Канцелярию прошений различных проектов и петиций, всего за 1905 г. — 570.

Проекты в огромном большинстве (307) оставались без последствий. Содержание их, по мнению главноуправляющего канцелярией, «совершенно не заслуживало внимания, ибо по преимуществу представляло собою не результат зрелого размышления, основанного на серьезном изучении затронутых вопросов, а рассуждения людей, хотя и проникнутых желанием принести посильную пользу, но не обладающих ни нужными сведениями, ни достаточной широтой».²

На самом деле, подобный бюрократический подход к заявлениям об издании новых законов, — может быть и не оформленных надлежащим образом с юридической и литературной точки зрения, но свидетельствующих о действительных потребностях каких-то групп населения, — имел целью свести на-нет вырванную общественным движением уступку. Только 31 проект был передан управляющему Советом министров. Кроме того, было подано 208 петиций. Содержание их главноуправляющий характеризует следующим образом: «Когда в разных местностях России среди крестьянского населения преступною агитациею начало подготавливаться аграрное движение, отовсюду, по преимуществу же из южных губерний, целые сельские общества стали обращаться с коллективными заявлениями, в которых

с приложенными к нему рассуждениями о существующих законах и образца новых законов о духовных завещаниях (там же, за февраль 1840 г., л. 278). Таков же ответ на «предложения» д. с. с. Василия Гурьева «к обеспечению Петербурга от наводнений, также к устройству в России железных дорог и к достижению многих других общепользных целей» (там же, лл. 188—189).

¹ Именной указ Прав. сенату 18 февраля 1905 г. предписывал возложить на Совет министров «сверх дел, ему ныне подведомственных, рассмотрение и обсуждение поступающих на имя наше от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования госуд. благоустройства и улучшения народного благосостояния». III П. С. З. № 25853. Любопытно, что в полном собрании законов указ этот помещен между одновременно изданными манифестом «о призыве властей и населения к содействию самодержавной власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуте внутренней» и именным указом Сенату об «объявлении на военном положении г. Баку и Бакинской губернии».

² Всеподданнейший отчет главноуправляющего Канцелярией по принятию прошений за 1905 г., стр. 34.

выставлялись требования о коренном изменении основных законов и об улучшении экономического положения крестьян на началах самого льготного отчуждения в их пользу казенных и помещичьих земель. Затем, когда революционная пропаганда охватила губернии Прибалтийские, Привислянские и Северозападного края, такие же петиции начали приносить латыши, эсты, литовцы и поляки, причем изложенные в них политические требования достигали крайних пределов и заключали в себе пожелания самой широкой автономии». Главноуправляющий находит, что петиции обеих категорий «носят на себе явную печать пропаганды», «написаны в одинаковых выражениях и даже одним почерком»!¹ Совершенно естественно, что и петиции не имели никакого результата.²

В ряде случаев ходатайства и предложения частных лиц об издании новых законов направлялись непосредственно в министерства. Ряд таких ходатайств мы действительно находим подшитыми к соответствующим архивным делам. Количество их прямо пропорционально интенсивности общественного движения. Особенно большое число их дошло до нас от лет первой революции. Бюрократическое равнодушие, канцелярское забвение — такова их обычная судьба. Они привлекали сочувственное внимание правящих сфер и имели действительное влияние на ход законодательства только в тех случаях, когда согласовывались с видами правительства, когда за ними была поддержка господствующих классов.³

¹ Там же, стр. 34—35. В число 208 входят также монархические черносотенные адреса и т. п.

² После учреждения Государственной думы право подачи прошений об издании законов было снова отменено.

³ Обследование проектов и петиций, особенно коллективных, чрезвычайно важно при изучении политических настроений различных общественных групп и их законодательных потребностей. К сожалению, современное состояние соответствующих архивных фондов не позволяет проделать этой работы. Дела Комиссии прошений до 1855 г. вообще были уничтожены при разборке в 1872 г. (см. цитированную выше «Записку об упразднении Комиссии прошений»). Последующие материалы не разобраны и не описаны (см. Архивы СССР, Ленинградское отделение Центрального исторического архива, под ред. А. К. Дрезена, Л., 1933). Годовые отчеты ограничиваются статистикой, из которой мы узнаем только общую цифру принятых и отвергнутых прошений (при том проекты здесь не отделены от привилегий). Единственным источником о поступавших в комиссию заявлениях является так наз. «журналы», состоящие из изложения «просьбы» или «жалобы» и резолюции комиссии. Просмотр их, отнимающий массу времени (огромный том за каждый месяц) не дает сколько-нибудь значительных результатов; так наз. проекты изложены в них обычно с невразумительной краткостью. Прогрессия, поступавшие непосредственно в Совет и Комитет министров, а также в отдельные министерства, рассеяны по делам этих учреждений применительно к их содержанию, а иногда и без всякой с ним связи. Современное состояние большинства архивных фондов также не позволяет произвести обозрения прошений: Совет и Комитет министров не описаны вовсе, а министерские учреждения описаны не целиком. К тому же, описи, как правило, представляющие собою инвентарный перечень заголовков дел, составленных еще в делопроизводствах и часто не

Несравненно большее значение имело право ходатайства, предоставленное сословным организациям.

Наиболее полноправными были, как и следовало ожидать, дворяне.

По положению 1831 г. дворянские представления могли касаться не только собственно-дворянских нужд, но и вопросов местного управления, «происходящих от общих постановлений», могли адресоваться не только министрам, но и прямо царю. Таким образом, право ходатайств было безусловным и неограниченным. В 1865 г., в связи с адресом московского дворянства и в ответ на дворянско-земскую конституционную фронду того времени вообще, к этому праву были сделаны ограничительные поправки: рескриптом на имя министра внутренних дел П. А. Валуева от 29 апреля 1865 г. воспрещалось касаться общегосударственных вопросов и говорить именем других сословий.¹

В 1888 г. снова было разрешено делать представление не только о дворянских, но и местных вообще, и не только частных, но и вытекающих «от общего какого-либо постановления» нуждах, лишь бы эти представления были изложены с соблюдением всех приличий:² разрешение, явившееся как бы актом царской благодарности дворянским организациям за их заслуги в выработке реакционных мероприятий 80-х годов. Действительно, знаменитые контрреформы Александра III были разработаны под прямым влиянием дворянских ходатайств. Еще в кахановской комиссии начала 80-х годов представители дворянской общественности сформулировали свою контрреволюционную программу. Здесь, например, впервые была выдвинута идея о крепкой власти на местах, оформленная потом столь блистательным

соответствующих содержанию самих дел, мало помогут историку, желающему ознакомиться с документацией ходатайств об издании законов. Единственный путь здесь — сплошной просмотр дел сколько-нибудь общего содержания, или же настольных реестров соответствующих делопроизводств. Для позднейшего времени (1905—1906 гг., например) на помощь приходит периодическая печать. В одном «Праве», например, за 1905 г. напечатаны сотни петиций, адресов и проектов различных организаций.

¹ «Право вчинания, — говорилось в рескрипте, — по главным частям этого (относящегося к государственному устройству) принадлежит исключительно мне и неразрывно сопряжено с самодержавной властью, богом мне вверенною. Никому из них (подданных) не предоставлено предупреждать мои непрерывные заботы о благе России и предрепать вопросы о существенных основаниях ее общих государственных учреждений. Ни одно сословие не имеет законного права говорить именем других сословий. Никто не призван принимать на себя передо мною ходатайство об общих пользах и нуждах государства». П. П. С. З. № 41729. В последующих сводах законов ограничение это было сформулировано еще категоричнее: «не должно входить в обсуждение предметов, прямому его ведению не подлежащих, и касаться вопросов, относящихся до изменения существенных начал государственных в России учреждений».

² Св. зак. о состояниях, ст. 169.

образом в институт земских начальников. После того ряд дворянских адресов по случаю столетия жалованной грамоты 1785 г. и открытия дворянского банка (в 1885 г.) формулирует реакционные настроения дворянства весьма отчетливо. Литературным выражением их явилась статья алатырского предводителя дворянства А. В. Пазухина «Современное состояние России и сословный вопрос». В этом дворянском манифесте реформы 60-х годов объявлялись «великим злом», «разрушившим сословную организацию». «Задача настоящего царствования, — писал Пазухин, должна состоять в восстановлении нарушенного».¹ Как бы в ответ на эти призывы Пазухин был назначен правителем канцелярии реакционнейшего из министров — гр. Д. А. Толстого. Здесь, являясь одной из стержневых фигур Министерства внутренних дел и проводником дворянских влияний на правительственную политику, он принимает деятельное участие в разработке положений о земских начальниках 12 июля 1889 г., о земских учреждениях 12 июня 1890 г. и других дворянских законов.

Еще более разительным примером влияния дворянских ходатайств на законодательную деятельность самодержавия является деятельность Съездов уполномоченных объединенных дворянских обществ. Сама организация этих Съездов и постоянного их совета в 1906 г. была ответом «первого сословия» на революционное движение 1905—1906 гг., на аграрные волнения в особенности. Это был опыт противопоставления силе революции контрреволюционной помещичьей силы, опыт систематического и организованного направления правительственной политики в сторону разгрома революции, уничтожения «конституционных уступок» и защиты дворянских интересов. В первом параграфе устава Съездов говорилось, что они имеют целью «объединить дворянские общества, сплотить дворянство в одно целое для обсуждения и проведения в жизнь вопросов общегосударственного, а равно и сословного».² Это было неслыханное доселе право, о котором во времена рескрипта 1865 г. не мечтали даже самые смелые фрондеры. Этой мерой в противовес Думе, неудобной для правительства даже и в самых благонамеренных своих созывах, был создан новый — единый социально и идеологически — неофициальный черносотенный парламент. Члены парламента официального пробовали возмущаться деятельностью своего конкурента.³

¹ А. Пазухин. Современное состояние России и сословный вопрос, М., 1886, стр. 57.

² Канцелярия министра внутренних дел по делам дворянства, дело № 25, 1906 г.

³ См. Стенографические отчеты заседаний Гос. думы, заседания 31 октября и 5 ноября 1908 г. и 13 мая 1913 г.

Но Съезды — с благословения правительства — просто-на-просто не признавали Думы.

«Дума есть революционный аппарат, в ней заседают 500 Пугачевых, — говорил депутат Павлов на I съезде, — ... я, пока жив, ее законам не подчиняюсь».¹

Думским законопроектам дворянские Съезды противопоставляли свою законодательную работу. Приведем некоторые примеры. Одним из первых шагов была разработка I съездом аграрного вопроса. Острые дворянского проекта было направлено против теорий принудительного отчуждения помещичьих земель.² В качестве мер для уничтожения крестьянского малоземелья предлагались: «переход от общинной к личной собственности, расселение крупных деревень, уничтожение внутринадельной чересполосности, переход к хуторской системе»,³ и пр.

«Сознание невозможности „мира“ с крестьянством, — замечает по этому поводу В. И. Ленин, — и вызвало перемену политики „совета объединенных крепостников“. Совет решил во что бы то ни стало попытаться расколоть крестьянство и создать из него слой „новых помещиков“, зажиточных крестьян-собственников, которые бы „не за страх, а за совесть“ защищали от массы спокойствие и неприкосновенность помещичьих огромных имений».⁴

Результатом дворянских представлений было издание знаменитого столыпинского указа 9 ноября 1906 г. «Столыпин, исполняя в точности

¹ Труды I съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний, СПб., 1910, стр. 7. Но не только Дума, отрицались вообще «конституционные» уступки 1905—1906 гг. На VI съезде депутат Ушаков заявлял: «Конституция слово чужое... В русском народе распространить такое дикое слово, говорить его с кафедры, всенародно... я считаю бестактным поступком, употребляя мягкое выражение». «Наглым, нахальным», — кричал с мест дворяне. (Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний, с 14 по 20 марта 1910 г., СПб., 1910, стр. 47.)

² «В основных положениях по аграрному вопросу», предложенных Съезду, между прочим, читаем: «Принудительное отчуждение частновладельческих земель в пользу крестьян не может быть рассматриваемо в качестве средства закономерного... (оно) не успокоит население, а лишь разожжет страсти... (оно) значительно понизит благосостояние крестьян... В экономике страны частновладельческое хозяйство безусловно необходимо. Оно проводник сельскохозяйственного прогресса, оно дает заработки окрестному населению... уничтожение частновладельческих хозяйств не должно быть допущено по соображениям общекультурным и общегосударственным... социалистический строй — мечта, опыт тысячелетий... доказал, что успешная трудовая деятельность не может быть основана на иных началах, кроме свободы личности и свободы труда, немислимых при социалистическом строе...» и т. д. Труды I съезда..., стр. 152—156.

³ Там же, стр. 155.

⁴ Ленин. К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства. Сочинения, т. XVI, стр. 450 (курсив Ленина).

веления совета объединенного дворянства, решил, по его собственному выражению, „поставить ставку на сильных“». ¹

На II съезде уполномоченных дворянских обществ был поднят вопрос об издании другого контрреволюционного закона — об изменении принципов выбора в Государственную думу, т. е. о введении выборов по сословиям. Закон этот также был издан впоследствии царским правительством. ²

На IX съезде подробно разбирался вопрос о печати; дворянские суждения также легли в основу первоначального проекта министерства внутренних дел, измененного затем в Совете министров. И т. д., и т. д. Все сколько-нибудь существенные вопросы контрреволюционного законодательства были подняты дворянским парламентом.

Буржуазия также в широких размерах прибегала к ходатайствам об издании новых законов, но, в отличие от дворянства, не имела единой и централизованной системы представительных организаций. Аппарат буржуазного представительства состоял из нескольких, в значительной мере обособленных друг от друга, частей: Купеческих управ — организаций узко-сословных и мало влиятельных; Городских дум — фактически находившихся в руках торгово-промышленных групп; Биржевых комитетов, объединявших «обыкновенно все отрасли промышленности и торговли данной местности»; ³ Комитетов торговли и мануфактур, с центральным советом их при министерстве финансов, представлявших главным образом текстильную промышленность; наконец Съездов промышленников и исполнительных их органов, советов съездов — отраслевых (съезды горно-промышленников, нефтепромышленников и пр.) и общих (съезды представителей промышленности и торговли). ⁴

Исторически, возникновение этих частей было разновременное: раньше всего появились Купеческие управы, позже — Съезды промышленников; большая часть организаций выросла в пореформенный период, и после 1905 г. особенно. Формально выступая от всего буржуазного класса или какой-

¹ Там же, стр. 449. Позднее, на VII съезде, депутат С. П. Фролов открыто заявил, что закон 9 ноября «в своих главных основаниях был разработан в мае 1906 г.», — т. е. на I съезде. Труды VII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний, с 9 по 15 февраля 1911 г., СПб., 1911, стр. 283.

² Труды II съезда уполномоченных дворянских обществ 31 губернии. 14—18 ноября 1906 г., СПб., 1906.

³ Ленин. Анкета об организациях крупного капитала. Сочинения, т. XV, стр. 489.

⁴ Фактические данные о системе буржуазных представительных организаций см. в записке министерства торговли и промышленности об учреждении торговых палат — в деле совета съездов горнопромышленников Урала № 94.

либо отдельной отрасли промышленности, фактически они представляли интересы *«крупного капитала и даже, вернее, крупнейшего»*.¹

Деятельность буржуазных представительных организаций была в значительной мере стеснена бюрократическим надзором. В Совете и Комитетах торговли и мануфактур правительственные чиновники были постоянными членами. Для созыва промышленного съезда всякий раз требовалось разрешение правительства, утверждавшего программу занятий и, заодно, назначавшего председателя: правило, продиктованное опасением политических выступлений делегатов, — напрасным опасением.²

Самое право ходатайств ограничивалось «местными пользами и нуждами» — стандартная формула свода законов³ — или узко-отраслевыми интересами.⁴ Но буржуазные верхи, прочно связанные с самодержавием, повидимому и не стремились к разрешению этого права. Общегосударственные, общеполитические вопросы мало их интересовали.

«Узостью отличаются вопросы, поднимаемые купцами, ибо они касаются *только* купцов. До *общеполитических* вопросов капиталисты не поднимаются. „Допущение представителей промышленности и торговли“ в те или иные местные или центральные учреждения — вот предел „смелости“ их ходатайств. О том, как *вообще* должны быть организованы эти учреждения, они *не умеют* думать. Они берут сложившиеся по чужой указке учреждения и в них кланчат местечка. Они становятся рабски на государственную почву, не их классом созданную, и на этой почве „ходатайствуют“ об интересах *своего* сословия, *своей* группы, *своего* слоя, не поднимаясь даже и тут до широкого понимания интересов всего *класса*».⁵

Пока купецкие ходатайства касались «своих» купецких вопросов, правительство охотно их удовлетворяло. Так, уже первый из фабричных законов — о труде и образовании малолетних 1-го июня 1882 г. — был

¹ Ленин, т. XV, стр. 490 (курсив Ленина).

² В «журнале комиссии совета (по горнорабочим делам) по обсуждению законопроекта о съездах золото- и платинопромышленников» от 2 апреля 1911 г. встречаем любопытные данные об этих бюрократических формальностях, делающих иногда (для сибирских золотопромышленников, например) бесполезным самое право съездов. Между тем, замечают представители золотопромышленников, «обсуждение и самая постановка вопросов, нежелательных в политическом отношении, не будут допущены председателем съезда, который, как правительственный агент, представит с этой стороны достаточную гарантию». Горный департамент, отделение частных золотых промыслов, дело № 9 (из россыпи).

³ См., напр., Городовое положение 16 июня 1875 г.

⁴ Например: «Для выяснения нужд золото- и платинопромышленности к их удовлетворению созываются общие и местные съезды золото- и платинопромышленников» (статья I-я «правил о съездах золото- и платинопромышленников») — также стандартная формула.

⁵ Ленин, т. XV, стр. 493 (курсив Ленина).

ответом на буржуазные ходатайства: с них и начинается дело о выработке закона.¹

В этом случае правительство шло навстречу требованию передовых технических групп буржуазии, заинтересованной в получении квалифицированной рабочей силы — потребность, удовлетворить которую можно было только сократив рабочий день для подростков. Следующий закон — об отсрочке приведения в действие первого² — был продиктован требованиями отсталых промышленников групп фабрикантов московских, иваново-вознесенских и пр. Третий закон — о воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам, — издан под влиянием уже петербургских фабрикантов, считавшим его средством к предотвращению надвигающегося кризиса³ и т. д. Прямую зависимость фабричного законодательства от буржуазных ходатайств можно проследить на протяжении всей его истории. Министерство финансов — это, по слову В. И. Ленина, «фабрикантское ведомство»⁴ — работало в точном соответствии с буржуазным заказом.

Но как только в ходатайствах появляются общеполитические нотки, как только буржуазные организации начинают касаться вопросов общегосударственного характера, — правительство становится глухим и бюрократически-неуступчивым. Например, на многочисленных телеграммах буржуазных организаций с просьбами об увеличении мест для торгово-промышленных групп в Государственном совете читаем стандартные резолюции: отказать, отклонить, нельзя по закону⁵ и т. д.

Отношение правительства к представлениям об издании законов со стороны общественных организаций, может быть, лучше всего показать на примере земских ходатайств — примере, удобном в особенности тем, что здесь мы располагаем разработанной статистикой.

Право ходатайств, предоставленное земствам, было также ограничено «местными хозяйственными пользами и нуждами» и неизбежным посредничеством нескольких бюрократических инстанций.⁶

¹ Департамент торговли и мануфактур, 1 отделение, 1 стол, дело № 118 б. — 1879 г.

² В. у. 13 апреля 1883 г. мнение Госуд. совета. См. дело департамента торговли и мануфактур, 1 отд., 1 ст., № 68а — 1883 г.

³ Департамент торговли и мануфактур, 1 отд., 1 стол, № 76 — 1884 г.

⁴ Ленин. Проект нового закона о стачках. Сочинения, том V, стр. 174. Таможенное законодательство также определялось в значительной мере ходатайствами буржуазии: чтобы убедиться в этом — достаточно сравнить даты повышения пошлин на уголь и железо с датами соответствующих представлений съездов горнопромышленников. Обширные материалы по этому вопросу см., например, в «Трудах» съездов горнопромышленников юга России.

⁵ Канцелярия Совета министров, дело № 460, 1906 г.

⁶ См. ст. 2 «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1 января 1864 г., II П. С. З., № 40457.

Первоначально им обладали все земские собрания, позднее, по реакционному акту — земскому закону 1890 г., — только губернские.

О количественном размере ходатайств можно судить по следующим цифрам:¹

Годы	Всего ходатайств	Из них отклонено	Процент отклонения
1865—1869	628	348	54.7
1870—1874	812	430	53.1
1875—1879	599	353	59.1
1880—1882	538	223	41.1
За 18 лет	2577	1354	52.4

Как видим, абсолютные цифры ходатайств для нескольких десятков губернских и нескольких сот уездных земств — вовсе невелики. Мало того, они с годами не увеличиваются, а, напротив, даже уменьшаются. Причина этого — в отношении к ходатайствам правительственных органов. Оно проявляется, прежде всего, в большом количестве отказов. Отклонять ходатайства начинают уже губернаторы, не имеющие на то никакого права. Еще более решительно «отклоняют» наделенные правами министры и Комитет министров. За 18 лет (1865—1882 гг.) отклонено 52.4% ходатайств. По некоторым важнейшим вопросам процент отказов еще выше — 77 по земскому самоуправлению, 61 по народному образованию. Другая часть ходатайств остается вообще без ответа: по Черниговскому земству за 1865—1904 гг. из 326 ходатайств остались безответными 64; по Тульскому земству за 1890—1903 гг. не получен ответ на 33.5% ходатайств, и т. д.

Рассмотрение ходатайств сопровождалось типичнейшей для бюрократизма волокитой. По Черниговскому земству в 1901 г. были ходатайства, ожидавшие ответа уже 33 года! 25% ходатайств рассматривалось от 2 до 9 лет. Так, ходатайства об увеличении в земляной насыпи железной дороги числа пролетов для пропуска весенних вод, или о перечислении почтового тракта в разряд проселочных дорог ждали ответа 10 лет (ответа, кстати сказать, отрицательного).

Из последнего примера видно, что многие ходатайства не имели связи с вопросами законодательного характера. Действительно, обзор их показывает, что часто пожелания земств сводились к сугубо местным и хозяйствен-

¹ Н. Карышев. Земские ходатайства 1865—1884 гг., М., 1900. См. также Б. Веселовский, История земства, т. III, откуда и заимствованы дальнейшие цифры.

ным вопросам.¹ Однако, в ряде случаев трудно было отделить вопросы местные от общегосударственных и хозяйственные от административно-политических. Поэтому, хотя и с обычными промедлениями, некоторые земско-ходатайства имели результатом издание соответствующих законов.²

Следует заметить — и земские деятели это откровенно признавали, — что удовлетворенные ходатайства касались главным образом хозяйственных вопросов.³ Именно этой областью правительство и старалось ограничить право земских ходатайств. Циркуляр министра внутренних дел от 22 мая 1895 г., рекомендуя обосновывать пожелания «статистическими и фактическими данными», упрекал земские ходатайства в том, что они «в большинстве случаев не подкреплены надлежащими указаниями на местные потребности, а основываются почти исключительно на общих соображениях, не имеющих прямой связи с интересами данной местности». Настоящий смысл этого указания расшифровали реакционные «Московские ведомости». «Известно, как наши общественные учреждения злоупотребляют своим правом ходатайства. Вмешиваясь во всякие общегосударственные вопросы под влиянием людей преходящих течений общественной мысли и личных влияний, общественные учреждения заваливают правительство неосновательными и недостаточно разработанными проектами».⁴ Старая песня!

В декабре 1904 г. ее внушительно повторил сам Николай II, написавший на ходатайстве Черниговского губернского земства: «нахожу поступок председателя Черниговского губернского земского собрания дерзким и бестактным. Заниматься вопросами государственного управления не дело земских собраний, круг деятельности и прав которых ясно очерчен законами».⁵

¹ Кроме указанных работ, о земских ходатайствах см. в особенности трехтомное исследование Г. П. Сазонова «Обзор деятельности земств по сельскому хозяйству», СПб., 1896.

² Так, «положение о найме на сельские работы» 12 июня 1886 г. (III П. С. З. № 3803), целиком отдававшее рабочих в руки нанимателей (ибо, согласно этому закону, выполнение договора о найме было обязательно для рабочего под страхом уголовной ответственности), являлось несомненным ответом на многочисленные ходатайства крепостнически-настроенных земств. (Изложение их см. в указанной работе Г. П. Сазонова, т. II, стр. 850—909.) В работах Веселовского и Сазонова есть примеры и других удовлетворенных ходатайств.

³ А. Абрамов. Что делало и делает земство, стр. 251.

⁴ Моск. вед., 1896, № 1 (цитирую по Б. Веселовскому, указ. соч., т. III, стр. 410).

⁵ Н. Д. По поводу высочайшего указа 18 февраля. «Право», 1905, № 9, столб. 645. Тем не менее, на протяжении всей своей истории, либеральные земские круги выступают с ходатайствами по политическим вопросам. Таковы, например, робкие конституционные пожелания времен Лорис-Меликова и гр. Игнатьева; адреса земских собраний Николаю II с приветствиями по поводу восшествия на престол и заявлениями о необходимости «призыва общественных сил к совместной работе с правительством» и т. д. Для истории русского либерализма ходатайства эти представляют собою важнейший источник.

Нетрудно заметить, что при всем разнообразии «положений» и «уставов» перечисленных представительных организаций, при всем фактически различии их удельного веса в общем балансе самодержавного государства они обладали одной общей чертой: узкосословным и даже групповым характером и формальным бесправием в возбуждении общегосударственных вопросов. Организации, представлявшей всю страну, обладавшей инициативой по всем вопросам, — в царской России не существовало до 1906 г.

Решительно покончив с преобразовательными планами Сперанского, официальная теория даже в самые либеральные периоды и в моменты самой тревожной внутренне-политической обстановки не возвращалась к идее полноправной — хотя бы в вопросах инициативы — народной Думы. И валуевский Съезд государственных гласных (1863), и Совецательное собрание в. кн. Константина Николаевича (1880 г.), и лорис-меликовские собрания выборных от земских губерний и значительнейших городов — предположительно, были организациями, только обсуждающими предлагаемые правительством вопросы. Но даже и такие скромные предположения общегосударственного законосовещательного учреждения не были осуществлены. Понадобился мощный натиск первой революции, чтобы вынудить правительство последнего Романова к уступкам.

По российской конституции 1906 г. и Государственная дума и Государственный совет (в последнем также были выборные представители от различных сословий — общественных групп) в качестве учреждений законодательных были наделены и правом законодательной инициативы. Юридически, установилось полное парламентское благополучие. Фактически же, однако, положение мало изменилось в сравнении с доконституционными временами.

Во-первых, право почина Думы и Совета было ограничено в связи с общей неполнотой их законодательной компетенции: они не могли касаться ни «основных законов», ни многих других существенных вопросов государственной деятельности, отнесенных к компетенции одного царя (армия, флот, церковь и др.).

Во-вторых, для возбуждения законодательного вопроса и в Думе и в Совете необходимо было заявление не менее, чем тридцати человек. Таким образом, партийные группировки небольшого численного состава фактически были совсем лишены права инициативы.

В-третьих, и Дума и Совет могли приступить к рассмотрению поднятых вопросов не раньше, чем через месяц после подачи заявления — суще-

ственное ограничение, делающее в срочных случаях бессмысленным самое возбуждение вопроса.

В-четвертых, внесенное заявление подлежало дальнейшей разработке только в том случае, если оно было принято всей Думой.

В-пятых, закон не содержал в себе точно выраженных гарантий относительно возможности осуществления и Думой и Советом принадлежащего им права почина. По точному смыслу статьи 57 Учрежд. Гос. думы, разработка законопроекта, на желательность которого указала Дума, производилась соответствующими министрами, и только в случае отказа их — самой Думой. Таким образом, для того, чтобы не дась дальнейшего хода возбужденному законодательному вопросу, министру достаточно было выразить желание взять на себя его разработку. Когда Дума и Совет явочным порядком пытались разъяснить это положение в том смысле, что согласие министра на разработку законопроекта не лишает их права заниматься тем же самостоятельно, Сенат («блюститель закона!») ополчился против них. Думский наказ, говоривший о праве Думы на самостоятельную разработку законопроекта и в случае передачи их в министерства, не был опубликован Сенатом — притом как раз на основании точного смысла ст. 57. Аналогичный случай произошел с наказом Государственного совета. Совет покорно склонил голову перед решением высших бюрократических органов. Дума считала для себя решение Сената не обязательным. Конфликт этот не был разрешен. Практически, Дума могла, конечно, разрабатывать любой законопроект, но обсуждать его окончательно, она все-таки не могла до внесения его министром. Наказ терял свой реальный смысл, так как проведение закона, разработанного таким образом, требовало сложных компромиссных переговоров и с Советом и с министрами. Исследователь насчитал только два случая издания законов, разработанных Думой таким образом: о порядке открытия аптек и о распространении на г. Новочеркасск городского положения...¹

Таким образом, право почина законодательных учреждений было ограничено и юридически и в особенности фактическим положением вещей.

¹ Г. В. Алексеев. Законодательный почин по русскому государственному праву. Журнал мин. юст., 1913 г., № 2, стр. 86 и сл. Внутренняя пустота конституционной фразеологии ощущалась и самим автором: «Говоря о независимости законодательных учреждений, — заключает Алексеев, — в деле осуществления ими права почина, мы имеем в виду независимость юридическую. На практике, при существующем политическом соотношении сил, то или иное отношение правительства к предложенной законодательными учреждениями реформе имеет громадное, а подчас и решающее значение для проведения ее в жизнь» (стр. 92).

Абсолютной и неограниченной была только правительственная инициатива. И в конституционной России, и в России доконституционной, совершенно ясно и безоговорочно только цари обладали правом почина во всей его полноте. С такой же категоричностью был лишен этого права до 1906 г. Государственный совет — это так наз. законодательное учреждение. Относительно прав министров, Сената и Синода в законе существовали неясности, давшие основания продолжительным схоластическим спорам профессоров юриспруденции.

Практически, министры, и с высочайшего разрешения и без него, имели полную возможность возбуждения любого законодательного вопроса. Еще большим правом обладал Синод, являвшийся в вопросах церковного законодательства полновластным хозяином. Право законодательной инициативы Сената, установленное еще Петром I, в XIX в. было значительно сужено в связи с общим падением его удельного веса в системе государственного аппарата.

Низшие правительственные органы (губернские учреждения и пр.) обладали правом инициативы в чрезвычайно условном и относительном смысле. Они могли только «в случае неясности или недостатка существующего закона» представлять о том «по порядку своему начальству». Такие представления — обычное в административной переписке явление. Иногда они вызывали только разъяснение Сената или министров, иногда — специально испрошенное толкование, но в некоторых случаях им давался дальнейший ход, приводивший к изданию нового закона.¹

Судьба их целиком зависела от усмотрения министров.

В конституционной России формально министерская инициатива исчезла. Фактически, министры продолжали оставаться полновластными хозяевами положения. Для того чтобы приступить к разработке любого законодательного вопроса, им достаточно было испросить разрешение царя. С другой стороны, судьба ходатайств всех общественных организаций и даже законодательных учреждений зависела от министерского усмотрения. Некоторые из этих организаций имели большое влияние на законодательную деятельность правительства. Значение их определялось силой представляемых ими классовых групп, но полноправными инициаторами издания законов не были и они.

¹ Таково, например, представление прокурора Одесской судебной палаты министру юстиции о желательности дополнения устава судебного с целью «устранения медленности при рассмотрении административными властями дел о преступлениях должности». Мин. юст., законод. отделение, № 277, 1890 г. (№ 2961).

IV

Второй и важнейший этап издания закона — составление и обсуждение законопроекта. Здесь из неформального ходатайства или инициативного заявления закон превращался в законченный проект, который достаточно было только утвердить, чтобы придать ему общеобязательную силу. Здесь сплетались все влияния на законодательную деятельность правительства, здесь был центр борьбы классовых сил за определенное еодержание, за желательную направленность закона и за его литературно-юридическое оформление. Поэтому для историка, при обращении его к законодательному материалу, особенно важно ознакомление именно с этой стадией издания закона.

Обсуждение предложенного законодательного мероприятия велось на основе составленного уже проекта.

В простейших случаях этот последний изготовлялся нормальным путем — силами соответствующих делопроизводств.

Часто, однако, составление проекта требовало длительных и сложных подготовительных работ. Производилось, прежде всего, обстоятельное изучение предмета, которого касался данный закон. Для этого собирались, подчас, огромные фактические материалы, производились специальные обследования, разрабатывались статистические данные, наводились всевозможные справки у местных властей, устанавливалась по архивным данным вся предшествующая работа правительства в данном направлении, и т. д. Затем, так как новый закон издавался в отмену, изменение или дополнение действующих, требовалось специальное изучение существующего законодательства. Наконец, желание использовать опыт западноевропейских государств вызывало необходимость ознакомления с аналогичным западноевропейским законодательством.¹

¹ Насколько обширной и самостоятельной бывала иногда эта предварительная работа по собиранию материалов, легко убедиться из следующих примеров. Комиссия по преобразованию волостных судов предприняла детальное обследование судебной практики на местах. Для этого в 15 губерниях сыло изучено делопроизводство волостных судов, произведены опросы как судимых, так и судивших лиц; кроме того, по особой программе были запрошены сведения у начальников губерний, предводителей дворянства, председателей земских управ, мировых судей и посредников, прокуроров и судебных следователей, и пр. Все эти материалы впоследствии составили издание в семь объемистых томов (см. «Труды Комиссии по преобразованию волостных судов», тт. I—VII, СПб., 1873—1874 гг.). Запросы у местных властей вообще обычное явление, они делались циркулярным порядком (напр., при выработке положения об устройстве губернских и уездных учреждений, см. «Труды комиссии о губернских и уездных учреждениях», СПб., 1860). Собиранье справок статистического и технического порядка порождало подчас целую литературу, — напр. при разра-

Выполнение всех этих задач превышало нормальные силы делопроизводства и поручалось поэтому специально создаваемым комиссиям — узковедомственным или межеведомственным, в зависимости от того, чьей (каких учреждений) компетенции касался предполагаемый закон. Иногда комиссия разбивалась на подкомиссии с включением в них, смотря по необходимости, дополнительных работников. В отдельных, очень редких, случаях кроме центральной комиссии создавались также и местные (губернские и даже уездные).¹

Делопроизводство комиссии могло быть либо самостоятельным, либо вестись силами соответствующего учреждения. Во всех случаях, однако, оно составляло единое обособленное целое. Его документальным выражением обычно были, во-первых, всевозможные подготовительные материалы, собранные комиссией в соответствии с планом ее работ, во-вторых, журналы заседаний комиссии, в-третьих, проект закона с объяснительной к нему запиской, в-четвертых, замечания, полученные комиссией по проекту, (или сводка их). Все эти материалы имеют значительную ценность для историка. Они не только являются основным источником для изучения позиции различных классовых группировок и обстановки, в которой происходила законодательная работа, но и вообще содержат подчас единственный в своем роде подбор сведений по данному вопросу.²

Составленный комиссией законопроект с объяснительной запиской (а иногда и всем предварительным материалом) отпечатывался и направлялся для отзыва соответствующим организациям — состав их в каждом данном случае зависел от характера закона и общеполитической установки.

ботке вопросов фабричного законодательства специально собиралась и изучалась статистика рабочего времени («Материал по вопросу о продолжительности рабочего времени на фабриках, обрабатывающих волокнистые вещества»; «Продолжительность рабочего дня и заработная плата в 20 наиболее промышленных губерниях», СПб., 1896); статистика стачек (В. Варзар. Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 гг., СПб., 1905 и др.), статистика несчастных случаев и т. д. Также обстоятельны справки о предшествовавшей русской и современной западноевропейской практике. Иногда собрание их было настолько обширным, что сопровождалось специальными командировками за границу и имело результатом объемистые исследования, — напр., в «Трудах комиссии для пересмотра системы податей и сборов» находим монографии: М. П. Веселовский. О подоходном налоге, СПб., 1869; А. П. Заблотицкий-Десятовский. Финансовое управление и финансы Пруссии. СПб., 1871; В. А. Евреинов. О корабельном сборе в России, СПб., 1872.

¹ Так, в 1858 г. при Главном комитете по крестьянскому делу были учреждены еще и губернские комитеты «для изыскания способов к улучшению быта помещичьих крестьян». В 1902 г., одновременно с Особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности, были учреждены также губернские и уездные комитеты.

² Большое количество «Трудов» напечатано. Библиографию их — неполную и недостаточно обстоятельную — см. в «Каталоге библиотеки Государственного Совета», СПб., 1914 под словами: труды, материалы, замечания, своды и др.).

Обычными участниками обсуждения были, прежде всего, заинтересованные ведомства (министерства, главные управления и пр.), компетенции которых законопроект ближайшим образом касался. Так, по вопросам фабричного законодательства, разрабатывавшимся в Министерстве финансов, неизменно запрашивались заключения Министерства внутренних дел, департамента полиции в частности (ибо рабочая политика самодержавия не могла не быть полицейской политикой), а также Министерства земледелия и государственных имуществ (по Горному департаменту, имевшему собственный опыт по рабочему законодательству применительно к горным заводам). В некоторых случаях круг приглашаемых к обсуждению ведомств был очень широк: например, законопроект о продолжительности и распределении рабочего времени был разослан во все министерства, имевшие в своем ведении хотя бы самые незначительные предприятия с наемной рабочей силой.¹

Отзывы их делались иногда в виде замечаний на полях проекта, чаще же писались специальные заключения, подчас весьма пространные. Значимость их для историка — прежде всего в разнообразии ведомственных точек зрения, ибо помимо чисто ведомственных трений, иногда становившихся прямо-таки традицией,² разногласия министерств между собой в наиболее глубокой основе определялись различием интересов стоящих за ними социальных сил. Так, Министерство финансов, это «фабрикантское ведомство»,³ близко стоявшее к буржуазии, испытывавшее ее непосредственное давление, по ряду принципиальных вопросов (рабочее законодательство, земство и др.) значительно расходилось с министерством внутренних дел — оплотом дворянско-крепостнической политики. Поэтому в документации обоих ведомств можно найти не мало резких оценок, прямых выпадов, скрытых подвохов, «шпилек», как выразился Ленин по поводу одной из записок Министерства финансов о стачках и т. п.⁴

Но ведомственный критицизм нуждался и в фактическом обосновании. Поэтому заключения обычно содержали новые сведения, иногда специально подбираемые, запрашиваемые с мест, к тому же подчас замалчиваемые посторонним ведомством. «Какие иногда меткие слова бросают нечаянно наши министры, когда они хотят подставить ножку какому-нибудь коллеге».⁵

¹ В министерства: внутренних дел, юстиции, военное, морское, путей сообщения, двора, земледелия и государственных имуществ, Синод, Кабинет его величества.

² Такова, например, длительная вражда главного управления путей сообщения и министерства внутренних дел по вопросу о дорожном строительстве.

³ Ленин. Проект нового закона о стачках. Сочинения, т. V, стр. 174.

⁴ Там же, стр. 171.

⁵ Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Сочинения, т. IV, стр. 130.

Поэтому важно ознакомление не только с самими отзывами, но и с лежащими в основе их материалами. Другими словами, кроме архивных материалов учреждения, вырабатывающего закон, необходимо дополнительно изучать дела ведомств, приславших заключения. (В нашем примере рабочего законодательства дополнением к основному фонду — материалам Департамента торговли и мануфактур — будут дела Горного департамента и Министерства внутренних дел.)

Во-вторых, заключения давались так наз. консультационными учреждениями — Министерством юстиции (по законодательному отделению, а позднее — юрисконсультской части) и последовательно сменявшими друг друга: Комиссией законов (1804—1825), II отделением собственной е. и. в. канцелярии (1826—1881) и кодификационным отделом Государственного совета (1881—1893). Оторванные от практики и не обладавшие собственными фактическими сведениями по большинству законодательных вопросов, учреждения эти были вынуждены, как признавал главноуправляющий II отделением бар. М. А. Корф, «произносить свои заключения по одним лишь началам науки или умозрения», по «соответственности закона «с общим духом и разумом», и по форме, по редакции закона в собственном смысле.¹

Тем не менее, отзывы консультационных учреждений иногда бывали исключительно интересны.² Архивные материалы их, кроме того, имеют для историка и то значение, что во многих случаях заполняют провалы в неполностью сохранившейся документации ведомств, разрабатывавших закон; следует иметь в виду, что практика породила обычай посылать на отзыв кроме проекта еще ряд объяснительных и даже подготовительных к нему материалов, — обычай, оказавшийся чрезвычайно полезным исторической науке.³

¹ II отделение собственной е. и. в. канцелярии, дело № 7 а (5394) 1862 г.

² Таково, напр., заключение II отделения по проекту положения о земских учреждениях. Автор его — М. А. Корф — протестовал против «допущения в новом законе столь резкого, единственно на сословном начале обоснованного, различия между избирателями предлагал привлечь к выборам владельцев не только земли, но и недвижимой собственности вообще, и не только крупных, но и мелких; в частности, предлагал усилить роль городского населения; считал необходимым предоставить земствам большую независимость от губернаторов и бюрократии вообще, — одним словом, подверг дворянский проект министерства внутренних дел основательной буржуазно-либеральной критике. См. «Труды комиссии о губернских и уездных учреждениях», ч. II, кн. I, СПб., 1863.

³ Вот первый попавшийся пример. В деле законодательного отделения министерства юстиции «по проекту положения о трактирном промысле» (№ 197/2932 1890 г.) кроме тупика заключения М. Ю. находим: 1) проект положения, выработанного в министерстве финансов, 2) копию журнала междоведомственной комиссии по этому вопросу, 3) две обшир-

Обращение к местной бюрократии (губернаторам, генерал-губернаторам и подчиненным министерствам губернским или окружным властям) встречается значительно реже. Отзывы их сообщают историку индивидуализированные и конкретизированные данные по вопросам, изложенным в документации центральных учреждений иногда в общем и суммарном виде.

До сих пор мы имели дело с закрытыми и бюрократическими способами обсуждения законопроектов. Они считались более надежными и спокойными, они гарантировали от чрезмерного возбуждения общественной активности и от нежелательного обсуждения закона в печати. Поэтому разработка вопросов общеполитического порядка, государственного строя, карательной деятельности органов власти, производилась очень часто именно закрытым, иногда почти что келейным путем.¹

Но даже и в менее ответственных случаях привлечение общественных сил к обсуждению законопроектов считались крайне нежелательным. Так, приглашение в комиссию по пересмотру устава реальных училищ и гимназий представителей земств и городских дум, предложенное Министерством народного просвещения в 1882 г., вызвало величайшее негодование у лидера реакции — К. П. Победоносцева. Для него не важно, что «результат совещания не послужит к колебанию прежней системы». «Здесь важен не столько результат, — наставляет он царя, — сколько способ и процедура совещания. Никакого нет сомнения, что вся эта процедура рассчитана на смуту, которую неблагонамеренные люди желают произвести в умах. Как только соберутся люди из земств и городов, послышатся самые беспорядочные речи и на газетных листах появятся рассуждения невежд и болтунов о таком предмете, который можно обсуждать лишь в тишине людям, знающим дело на опыте. Смута эта немедленно перенесется в учебные заведения, и можно будет опасаться самых пла-

ных записки министерства финансов в Гос. совет (также в копиях). Следовательно, в случае утраты соответствующего дела министерства финансов, наше дело в значительной мере его заменит. Еще большее значение имеет архив II отделения собственной е. и. в. канцелярии — см. «Алфавит делам Второго отделения собственной е. и. в. канцелярии» т.т. I—II, СПб., 1876. См. также П. М. Майков. Второе отделение собственной е. и. в. канцелярии, СПб., 1906.

¹ Например, проект учреждения института земских начальников, составленный, по поручению министра внутренних дел Д. А. Толстого, единолично Пазухиным, первоначально был доложен одному Толстому. Затем послан министру земледелия (специалисту по крестьянским делам), министру юстиции (консультанту по юридическим вопросам и специалисту по карательным делам) и Победоносцеву (главному специалисту и консультанту по реакционным мероприятиям вообще). Совещание этих четырех бюрократов и решило основные вопросы закона предварительно внесения его в Государственный совет (см. «Письма Победоносцева к Александру III», изд. Центрархива, М. 1926, т. II, стр. 104—106).

чевных последствий... Правительство должно... не призывать толпу болтунов и писак к обсуждению таких важных и специальных предметов, как устройство учебных курсов».¹

Но в ряде случаев правительство прибегало и к открытому обсуждению законопроектов — с привлечением к нему представителей «общества» и даже с опубликованием в печати сведений о нем. Прежде всего, как раз охранно-полицейские соображения требовали некоторой гласности законодательных работ. Так, эта гласность была дана секретным прежде суждениям комиссии и комитетов по крестьянскому делу именно в интересах сохранения общественного спокойствия. «Дать... отчет, — замечал по этому поводу Я. И. Ростовцев, — успокоить всех и каждого можно только посредством полной откровенности, потому что, где дело ведется открыто, там нет места ни превратным слухам, ни ложным опасениям, ни нелепым толкованиям».² Точно также опубликование «некоторых сведений о движении работ» кахановской комиссии было вызвано тем, что учреждение ее возбуждало всеобщие толки и надежды на преобразования, вовсе не предположенные правительством.³

Уступки становились особенно значительными, когда они делались в ответ на требования господствующих классов, не удовлетворявшихся уже возможностью стороннего наблюдения за законодательной деятельностью правительства, но стремившимся к активному в ней участию. Так, когда возникли предположения об открытии свободной транзитной торговли по кавказским железным дорогам, Победоносцев, только что разгромивший идею привлечения представителей земств и городов в правительственную комиссию об уставах реальных училищ, считал необходимым выслушать мнение московского купечества.

«Когда волнение поднимается в жидких слоях интеллигенции, — писал Победоносцев Александру III, — в среде журналистов или либеральных чиновников (как, например, по делу о женских врачебных курсах), можно

¹ Письма Победоносцева к Александру III, т. I, стр. 366—367.

² Из речи Ростовцева на заседании Редакционной комиссии 6 апреля 1859 г. Цитирую по «справке» в деле канцелярии Комитета министров № 3 1904 г. Гласность, однако, была показной. Труды комиссии рассылались только министрам, губернаторам и предводителям дворянства. 21 мая 1859 г. в рассылаемых журналах заседаний было запрещено помещать особые мнения, «дабы избежать всякого гласного проявления разномыслия комиссий как органов правительства»; кроме того, «для могущих встретиться особых случаев, не подлежащих подвергаться гласности», предписано было «вести общему присутствию особый секретный журнал». Губернские комитеты первоначально не имели права печатать своих постановлений, но затем им это было разрешено, с тем однако, чтобы постановления не рассылались посторонним лицам и не попадали в печать, даже и в «губернские ведомости» (там же).

³ Там же.

не придавать ему большого значения. Но на этот раз волнение происходит в среде самой русской, самой консервативной, самой преданной государю, во имя русских национальных интересов». «Для правительства, особенно в нынешнюю пору, будет очень вредно, если эти люди получают повод жаловаться, что их не выслушали, что интересы русской торговли оставлены без внимания, что вопрос решили односторонние чиновники и канцелярии. Необходимо, чтобы они не имели к этому никаких поводов».¹

В других случаях обращение к открытому составлению и обсуждению проекта имело целью получение возможно большого числа практических и технических указаний от заинтересованных в законе господствующих классов. Способов открытого обсуждения было два: во-первых, опубликование проекта (иногда со всеми материалами к нему) в печати и, во-вторых, передача его на заключение представительных и сословных организаций.

Первый способ широко применялся в либеральные 60-е годы — большая часть напечатанных для всеобщего употребления трудов различных комиссий дошла до нас именно от этого времени.²

¹ Письма Победоносцева к Александру III, т. I, стр. 398—399; письмо от 18 декабря 1882 г.

² Так, «Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного», части I—V, СПб., 1863—1865, были напечатаны специально для того, чтобы «вызвать замечания... со стороны лиц заинтересованных в деле и специально знакомых с предметом». Трудам «придана была самая широкая гласность», экземпляры их «разосланы были к начальникам губерний... для распространения между лицами промышленного класса и сообщены в московские отделения Мануфактурного и Коммерческого советов и в редакции главных журналов и газет» (предисловие к I тому Трудов). Ряд отзывов был сообщен непосредственно комиссии, другие напечатаны в прессе (например, в «Отечественных записках» за май 1863 г., в «Библиотеке для чтения» за июнь 1863 г., в «Современной летописи», № 41, 1863 г. и № 1, 1864 г., и т. д.) «Свод замечаний» был потом напечатан в III томе Трудов комиссии. «Труды комиссии высочайше учрежденной 10 июля 1856 г. для устройства земских банков» (СПб., 1860) были напечатаны, чтобы «уяснить» «обсуждением в ученой литературе» «степень применимости многих предположений комиссии». Еще более показательно в этом отношении обсуждение «Проекта устава низших и средних училищ» комитетов Главного правления училищ. Проект «с целью вызвать о нем суждение в литературе» был напечатан в «Журнале министерства народного просвещения» и в Петербургских и Московских ведомостях и одновременно разослан попечителям учебных округов для обсуждения в педагогических советах гимназий. В препроводительном предписании, между прочим, говорилось: «Желая доставить ему (проекту) возможное совершенство и вместе с тем собрать мнения о столь важном деле наибольшего числа педагогов, г. министр нашел необходимым, до окончательного рассмотрения и утверждения означенного проекта, препроводить его... для полного и всестороннего обсуждения в педагогических советах всех гимназий... разбор проекта должен происходить совершенно свободно, без всякого стеснения с чьей бы то ни было стороны и касаться не одних только частей, но и целой системы народного образования... с принятием при этом в соображение и мнений, высказанных печатно»... (Департ. народн. проsv., дело № 11а 1856 г., л. 313). По замечаниям педагогических советов и прессы проект устава был переделан в Ученом комитете и вновь напечатан под названием проекта-устава общеобразовательных учебных заведений, после чего вторично препровожден «к попечителям учебных округов для обсуждения в советах

Его преимущество — возможность действительного всестороннего обсуждения проекта. Его неудобство для бюрократических групп — слишком широкая гласность, слишком внимательное стороннее наблюдение за действиями правительства. Поэтому правительство предпочитало согласовать свою законодательную работу с общественным мнением господствующих классов вторым способом.

Обращение к представительным и сословным организациям было действительно распространенным явлением в законодательной практике.

Прежде всего, представители «общества» привлекались к участию в работах комиссий по составлению проектов. Так, в комиссию для выработки законопроекта об ограничении рабочего времени (впоследствии закон 2 июня 1897 г.) были приглашены «в качестве сведущих людей» представители «различных отраслей отечественной промышленности». Созданные в помощь этой комиссии технические подкомиссии состояли почти исключительно из представителей «общественности».¹

университетов и в педагогических советах гимназий и вместе с тем к некоторым „лицам духовного и гражданского ведомств“. Кроме того, в 1862 г. проект был переведен на немецкий, французский и английский языки и разослан на отзывы к некоторым немецким, французским и английским педагогам. Всего, не считая иностранных, было прислано 466 отзывов (один из них, между прочим, написан Львом Толстым). См. дела департамента народного просвещения № 11а 1856 г. и № 268а 1863 г.; «Замечания на проект устава общеобразовательных учебных заведений и на проект общего плана устройства народных училищ», СПб., 1862 (шесть томов); «Замечания иностранных педагогов на проекты уставов учебных заведений министерства народного просвещения», СПб., 1862; и «Свод замечаний на проект устава общеобразовательных учебных заведений по устройству гимназий и прогимназий», СПб., 1863.

¹ Приведем цифры состава этих подкомиссий: цифры заимствованы из дела Канцелярии комитета министров № 6, 1904 г., л. 49.

Отрасль промышленности, представляемая подкомиссией	Председатель	Количество экспертов	Количество фабрикантов
Обработки волокнистых веществ	Чиновник департамента торговли и мануфактур	6	54
Бумажная и полиграфическая	Профессор	4	27
Обработки дерева	Фабричный ревизор	3	13
Обработки минеральных веществ	То же	5	20
Обработки металлов	Профессор	5	26
Обработки животных веществ	Фабричный ревизор	5	13
Обработки питательных веществ	Профессор	7	27
Обработки химических веществ	То же	7	26

В известную кахановскую комиссию 1881 г. были также приглашены «местные сведующие люди» и т. д. Вообще бюрократические комиссии со включением в них представителей «общественности» были распространенным явлением. В некоторых случаях общественный элемент даже преобладал, и составление законопроекта поручалось представительной организации с включением в нее представителей бюрократии.¹

Нетрудно при этом заметить, что «общественный» элемент во всех этих комиссиях составляли исключительно представители господствующих классов: «сведующими людьми» по крестьянскому вопросу всегда оказывались дворяне, знатоками «местных нужд и польз» пролетариата — фабриканты.

Затем, составленные законопроекты передавались обычно на заключение в общественные организации господствующих классов. Каждое ведомство имело, при этом, свой постоянный круг консультантов, с которыми устанавливало тесную деловую связь. Так, Хозяйственный департамент министерства внутренних дел по вопросам городского хозяйства обращался за советом к городским думам. Департамент торговли и мануфактур, напротив, предпочитал обращаться к биржевым и мануфактурным комитетам.²

Упомянутые выше фабричные законы в большинстве случаев рассматривались этими буржуазными организациями. В аналогичных случаях Горный департамент обращался к съездам горнопромышленников — так было, например, с законом 9 марта 1892 г. о надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах³ и т. д.

В целях непрерывного общения с представителями господствующих классов, правительство вводило их даже в свой аппарат, организуя смешанные — полубюрократические, полуобщественные — советы и комитеты при министерствах. Таков Сельскохозяйственный совет при министерстве земледелия, Хозяйственный комитет при министерстве внутренних дел, Совет торговли и мануфактур при министерстве финансов и т. д. Конечно, деятель-

¹ Так, например, было с законопроектом «об ответственности владельцев промышленных предприятий за увечье и смерть рабочих», составление которого было поручено в конце 80-х годов Совету торговли и мануфактур. В феврале 1889 г. составленные советом «правила» были внесены министром финансов в Государственный совет, где вызвали ряд возражений (в том смысле, что они не улучшат, а ухудшат положение рабочих) и были взяты обратно.

² Например, вопрос о «пересмотре узаконений, касающихся размещения фабрик и заводов», одновременно разрабатывался в хозяйственном департаменте при помощи Петербургской городской думы и в департаменте торговли и мануфактур — силами мануфактурных комитетов (см. дело деп. торг. и ман., 1 отд. 2 ст. без номера, 1878 г. «о внесении на рассмотрение городской думы вопроса о пересмотре узаконений, касающихся размещения фабрик и заводов»).

³ См. дело Госуд. совета по департаменту законов № 99, 1891 г. Соответствующее дело Горного департамента не сохранилось.

ность организаций господствующих классов не была законосовещательной в собственном, в юридическом смысле. Самый факт передачи проекта на обсуждение, характер этого обсуждения и пр. определялись всякий раз правительством. Бюрократия стремилась уложить консультационную роль организаций господствующих классов в определенное русло, особенно опасаясь при этом «общих суждений».¹ Фактически, однако, участие сословно-представительных организаций господствующих классов в обсуждении законопроектов было очень велико.

«Хотя по закону правительство является неограниченной и независимой властью, но на деле капиталисты и землевладельцы имеют тысячи способов влиять на правительство и на государственные дела. У них есть свои, законом признанные, сословные учреждения, дворянские и купеческие общества, комитеты торговли и мануфактур и т. п. Выборные представители их или прямо становятся чиновниками и принимают участие в управлении государством (напр., предводители дворянства) или приглашаются в качестве членов во все правительственные учреждения: например, фабриканты по закону заседают в фабричных присутствиях (это — начальство над фабричной инспекцией), выбирая туда своих представителей. Но этим прямым участием в управлении государством они не ограничиваются. В своих обществах они обсуждают государственные законы, вырабатывают проекты, и правительство по каждому поводу спрашивает обыкновенно их мнение, оно предлагает им какой-нибудь проект и просит сделать на него замечания.

«Капиталисты и землевладельцы устраивают общерусские съезды, на которых обсуждают свои дела, изыскивая разные мероприятия на пользу своего класса, заявляют от лица всех дворян-помещиков, от „всероссийского купечества“ ходатайства об издании новых законов и изменении старых. Свои дела они могут обсуждать в газетах, ибо как ни стесняет правительство печать своей цензурой, но отнять у имущих классов право обсуждать свои дела оно и думать не смеет. Они имеют всяческие ходы и доступы к высшим представителям государственной власти и легче могут обсуждать произвол низших чиновников, легко могут добиться отмены особенно стеснительных законов и правил».²

¹ Например, привлекая земские собрания к рассмотрению проекта об изменении подушных сборов (1870 г.) Комитет министров — «дабы при этом не возбудить в среде земства общих суждений о различных финансовых началах» даже исключил из передаваемого на обсуждение проекта места, «которые было бы неудобно сообщать земству». Канцелярия Комитета министров, дело № 3, 1904 г.

² Ленин. Проект и объяснение программы социал-демократической партии. Сочинения, т. I, стр. 437—438.

Свое право обсуждения они понимали очень широко. Мы уже говорили, что дворянские съезды считали своей задачей обсуждение и проведение в жизнь вопросов не только сословного, но и общегосударственного значения. На это же претендовали и буржуазные организации. Съезд мукомолов включил в свой устав пункт о «предварительном обсуждении всех законопроектов, имеющих отношение к мукомольной промышленности, до внесения их подлежащими ведомствами в законодательные учреждения». Так мыслили и все иные отраслевые организации, а объединения их добились такого права для всех вопросов, прямо или косвенно касающихся экономической жизни страны. Даже богословие входит в компетенцию буржуазных организаций, «раз оно затрагивает интересы промышленности».¹

Организованное мнение господствующих классов имело сильнейшее влияние на работу правительства. Бюрократы откровенно это признавали. Так, член Гос. совета (и одновременно товарищ председателя VIII дворянского съезда) говорил по поводу рассмотренного дворянами законопроекта о волостном земстве: «все высказанные (на съезде) суждения и речи дадут нам, членам Гос. совета..., богатый материал для того заключения, которое, в сущности, разделяется единогласно, именно, что проект этот невозможен, а когда будет сочинено что-нибудь не лучшее, то мы постараемся и его опрокинуть».²

Не менее влиятельны были мнения буржуазных организаций. Отчеты этих последних проникнуты сознанием удовлетворения своей законосовещательной деятельностью.³

¹ Из речи фон-Дитмара на IV очередном съезде представителей промышленности и торговли. Приведено у М. К. Корбут, Правительство, промышленники и рабочее законодательство. В сб. «Материалы по истории социального страхования». Сб. I, М., 1928, стр. 69.

² Труды VIII съезда, стр. 274. Ср. с этим высказывание депутата А. И. Зыбина о значении суждений съезда о Крестьянском банке для бюрократических кругов. «Мне известно, что управляющий (крестьянским) банком с нетерпением ожидает нашего мнения, ибо оно будет служить ему опорой в его борьбе за реформы, которые он желает предпринять в борьбе, происходящей в атмосфере, враждебной дворянскому землевладению». (Труды III съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губернии, СПб., 1907, стр. 296).

³ Например, в законопроекте о больничных кассах (1907 г.) «большинство сделанных в разное время промышленниками замечаний... приняты во внимание» (Труды XXXII съезда горнопромышленников юга России, доклад VI, стр. 6); законопроект о промысловом обложении «спрошен всецело по желанию промышленников», причем уже в первом совещании при министерстве финансов в 1908 г. «удалось внести в первоначальные предположения министерства... целый ряд весьма существенных поправок», а в 1909 г., при повторном обсуждении исправленного проекта, снова «удалось получить согласие министерства... на очень многие существенные изменения в проекте» (там же); в законопроекте о казенных подрядах «большинство высказанных представителями промышленности и торговли пожеланий принято» (Деятельность Совета съездов представителей промышленности и торговли за 1910 г. Промышленность и торговля, 1911 г., № 1, (73) стр. 23) и т. д.

Немудрено, что деятели представительных организаций открыто говорили о себе, как о «новом факторе законодательного творчества».¹

Официальному выступлению представительных организаций с заключениями по правительственным проектам предшествовала предварительная неофициальная, подчас, чрезвычайно обстоятельная проработка вопроса на съездах, на заседаниях советов съездов и в специально выделяемых — постоянных и временных комиссиях.²

¹ См. доклад В. В. Жуковского V съезду представителей промышленности и торговли «о деятельности законодательных учреждений по вопросам, касающимся промышленности и торговли», «Промышленность и торговля», 1911, № 7 (79), стр. 294.

² Вот пример выработанной представительными организациями буржуазии техники обсуждения законопроектов: «Параллельно с рассмотрением законопроекта (о промысловом налоге) в междудеомственном совещании — по инициативе советов наших (представителей промышленности и торговли) съездов... шли предварительные совещания представителей промышленности и торговли, начавшиеся днем раньше министерского совещания. Эти совещания, давая возможность промышленно-торговому классу высказывать в междудеомственном совещании свое объединенное мнение, подкрепленное согласованными доводами всей промышленности и торговли империи, способствовали вместе с тем стройности и быстрому ходу работ в междудеомственном совещании, так как на предварительных совещаниях обыкновенно намечался кто-либо из представителей торговли и промышленности как докладчик по данному вопросу в междудеомственном совещании. Переработанное министерством финансов, согласно указаниям междудеомственного совещания, положение еще раз было сообщено на заключение Совета съездов...» (Деятельность совета и краткие сведения о съездах представителей промышленности и торговли за 1908 г., стр. 8—9). О размахе этой предварительной работы можно судить по следующим цифрам. В 1910 г. при Совете съездов представителей промышленности и торговли состоялось 211 заседаний, в том числе:

Совета съездов	9
Комитета Совета съездов	50

Постоянных комиссий:

а) по юридическим и налоговым вопросам	22
б) по железнодорожным делам	11
в) по тарифным вопросам	27

Совещаний:

а) для рассмотрения проекта положения о казенных заготовлениях и хозяйственных операциях	23
б) для обсуждения вопроса о желательных изменениях в организации горного ведомства	9
в) для рассмотрения проекта изменения устава таможенного	5
г) по поводу законопроекта о некоторых мерах, направленных к устранению повышения цен сахара на внутреннем рынке	2
д) для обсуждения проекта правил о профессиональных обществах	2
е) для обсуждения проекта отзыва по поводу законопроекта об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах	1

и пр. и пр. См. «Деятельность Совета съездов представителей промышленности и торговли за 1910 г.» — Промышленность и торговля, 1911 г., № 1 (73), стр. 17—26.

В этих предварительных суждениях точки зрения представительных организаций высказываются с особенной полнотой и отчетливостью. Ознакомление с ними поэтому обязательно при изучении влияния господствующих классов на законодательную работу правительства.¹

При изучении отзывов сословно-представительных организаций необходимо внимательно учитывать всю ту сложную борьбу, которая происходила между различными группами господствующих классов. Мнения представителей «общества» не были едиными, — покажем это, хотя бы, на примере буржуазных организаций. Так, уже случайности экономической конъюнктуры вносили серьезные разногласия в законодательные аппетиты капиталистов, что и было, например, при обсуждении в 80-х годах вопроса о мерах к улучшению положения в сахарной промышленности — позиции киевских и харьковских заводчиков оказались здесь различными.²

В других случаях расхождение определялось разностью технического уровня отдельных предприятий и целых отраслей промышленности: в 1897 г. при обсуждении закона об ограничении рабочего дня передовые фабрики соглашались на 11-часовую норму, остальные требовали 11½ часов. Дифференциация мнений по техническому признаку совпадала с группировкой буржуазии по основным экономическим районам. Так, петербургские и польские фабриканты в вопросах фабричного законодательства занимали одну позицию, московские же — другую. Борьба мнений этих трех основных промышленных районов сопровождает издание всех фабричных законов 80—90-х годов, проявляясь и в заключениях по министерским проектам и в столкновениях на заседаниях комиссий и т. д. Мнения организаций разного типа не могли быть едиными уже по одному тому, что ими представлялись различные группы капитала: Биржевые комитеты отражали

¹ Мнения сословно-представительных организаций в виде заключений, замечаний, представлений, рапортов и т. п. поступали в соответствующие делопроизводства, где им довольно часто делались сводки. Как самые замечания, так и своды их обычно печатались в трудах комиссий, иногда же и отдельно. Ненапечатанные замечания можно разыскать в соответствующем архивном деле. Предварительные материалы к замечаниям находятся в менее концентрированном виде, как и вся документация представительных организаций вообще. Большое количество их опубликовано в «Трудах» и других изданиях съездов и советов съездов. Библиографии последних нет. Много материалов содержит в себе периодика этих организаций, например, «Промышленность и торговля», «Нефтяное дело», «Горнозаводское дело», «Стеклозаводчик» и др. Печатались и труды специальных комиссий — например: «Труды комиссии, учрежденной для рассмотрения вопроса о предполагаемом банке русского поземельного кредита», СПб., 1873. Или «Труды комиссии, избранной общим собранием присяжных поверенных для рассмотрения правительственного проекта об адвокатуре», СПб., 1900.

² Комитет министров, приложения к журналам за октябрь 1886 г.

интересы, главным образом, торговой буржуазии; Мануфактурные — легкой индустрии; Советы съездов — тяжелой. Естественно поэтому, что между капиталами разных мастей происходила борьба за право участия в обсуждении законопроектов. Так, в 1905 г. банковые деятели, недовольные проектом Положения о выборах в Гос. совет, предоставлявшим слишком большие возможности Биржевым комитетам, подали министру финансов записку с требованием еще четырех мест, специально для банков.¹ Более сильные и влиятельные группы стремились захватить в свои руки монополию на обсуждение. Характерен в этом отношении, например, проект организации торговых палат, составленный Московским биржевым комитетом. Сущность его — чрезвычайный централизм; палаты создаются только в основных торгово-промышленных центрах, к которым причисляются и тяготеющие к ним отсталые районы.²

«Московский проект предполагает создать чисто бюрократическое учреждение», — жаловались архангельские купцы, — такие палаты «никоим образом не будут выразительницами интересов губерний, входящих в их районы».³

После получения всех отзывов и заключений, комиссия или иное делопроизводство вторично рассматривало проект, внося в него необходимые исправления. Затем проект рассматривался бюрократической верхушкой ведомства (министром, главноуправляющим) и на этом предварительное обсуждение заканчивалось.

В большинстве случаев именно эта стадия обсуждения имела определяющее значение. Здесь решались принципиальные вопросы, здесь взвешивались все важнейшие соображения по существу проекта и здесь же они согласовывались с общественным мнением господствующих классов и с точками зрения прочих бюрократических групп. В зависимости от всех этих соображений, согласований и влияний, ведомственная верхушка решала судьбы законов. Неодобренные министром проекты шли в повторную разработку, или же погибали вовсе, оседая, вместе со всеми подготовительными материалами комиссии мертвым грузом в архивах министерских канцелярий. Одобренные получали визу на дальнейшее движение: начиналось так называемое окончательное обсуждение законопроекта.

¹ Текст ее см. в деле канцелярии Совета министров № 460, 1906 г.

² Изложение этого проекта см. А. Темпель, Торгово-промышленные палаты по проекту Московского биржевого комитета. Промышленность и торговля, 1911, № 15.

³ См. «Докладную записку Архангельского биржевого комитета по вопросу об учреждении торгово-промышленных палат» в деле № 82 Совета съездов горнопром. Урала.

V

Каналы окончательного обсуждения не были одинаковыми для различных форм закона. В одних случаях министры не считали необходимым продолжать обсуждение проекта и представляли его непосредственно царю для утверждения,¹ после чего проект распускался в форме именного или объявляемого указа, высочайшего повеления или утвержденного доклада и приобретал силу закона. В других случаях проект направлялся для дальнейшего обсуждения в высших инстанциях — бюрократических (Комитет и Совет министров) и законодательных (Государственный совет и Государственная дума).

Комитет министров (1802—1906) формально считался административным органом, фактически же — выполнял также и законодательные функции, успешно конкурируя с Государственным советом.

Прохождение через Комитет министров придавало мероприятию видимость и авторитет общеправительственного распоряжения, и в то же время освобождало от обсуждения его в Государственном совете, обсуждения, связанного и с лишними проволочками, и с нежелательной гласностью. Поэтому Комитет министров был широко использован как канал для проведения законов в обход Государственного совета. «В последних годах Комитет министров завладел почти всею законодательной властью, — писал в 1826 г. статс-секретарь Балугьянский, — министры подносили прямо на утверждение государя о предметах, коих предварительное рассмотрение принадлежало по существу своему Государственному совету».²

В особенности это справедливо по отношению к так называемому «политическому законодательству» — распоряжениям «по охранению государственного порядка и общественного спокойствия»: все они (хотя бы знаменитое положение 14 августа 1881 г., эта, по выражению Ленина, фактическая российская конституция)³ прошли именно через Комитет министров, минуя Государственный совет. «С самого образования Комитета, — признается официальный его историограф, — область высшей политики была отнесена к его ведению и удержалась за ним все время царствования... Александра I и при его преемниках... Николае I

¹ При этом составлялся специальный доклад, обычно содержащий в себе краткое изложение существа вопроса. Откровенность, с которой формулировались министерские точки зрения в такого рода докладах, делает эти последние важным для историка документом, удобным также и при общем ознакомлении с вопросом.

² «Рассуждение о средствах исправления учреждений и законодательства в России» — записка, приписываемая М. А. Балугьянскому. Сб. Русск. историч. общества, т. 90, стр. 36.

³ Ленин. Сочинения, том XV, стр. 328.

и Александре II. В царствовании Александра III деятельность Комитета министров в этой области не подверглась ограничениям».¹

Заседания комитета были обычно закрытыми, однако, в нужных случаях к обсуждению привлекались и представители «общества».²

Решения Комитета в виде журналов подавались на утверждение царю, после чего публиковались под названием Положений Комитета министров.

Совет министров, учрежденный в 1861 г., имел задачей координирование деятельности отдельных министров, для чего в нем обсуждались, во-первых, выработанные в министерствах законопроекты перед внесением их в Государственный совет и, во-вторых, — некоторые мероприятия ведомств, требовавшие согласованного коллективного бюрократического мнения. Во втором случае утвержденные царем решения в качестве так наз. высочайших повелений могли иметь силу закона.

Не имея определенных функций, систематического плана занятий, собственной канцелярии (делопроизводство велось по Комитету министров) и собираясь только для рассмотрения вопросов, указанных царем, совет не играл значительной роли и постепенно прекратил свое существование. При Александре III он собирался всего лишь два раза.³

Напротив, Совет министров второго призыва, учрежденный в 1905 г. на смену Комитета министров, был постоянно действующей и влиятельной организацией. Необходимость сплочения всех бюрократических сил для борьбы с революционным движением и противопоставления Государственной думе единого бюрократического фронта в особенности усилили значение Совета. Здесь, прежде всего, предварительно рассматривались законопроекты, вносимые в Государственную думу. Но во многих случаях, — с целью упрощения законодательной процедуры и освобождения от нежелательной критики думской левой, — скорое и негласное обсуждение законопроектов в Совете было уже окончательным. Утвержденные царем решения

¹ Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. IV, составлен И. И. Тхоржевским, СПб., 1902, стр. 16. Вот другие примеры законов, изданных Комитетом в области внутренней политики: «положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» 16 марта 1882 г.; временные правила для печати 31 августа 1882 г., устанавливающие особую строгость к произведениям печати, «систематически разносящим яд разрушительных и ложных идей, в особенности в те классы народа, среди которых превратные внушения печати в состоянии произвести наибольший вред»; положение 3 мая 1882 г. о евреях и др.

² Так, например, к рассмотрению положений о свеклосахарной промышленности были приглашены эксперты из числа сахарозаводчиков. «Исторический обзор деятельности Комитета министров», т. IV, СПб., 1902, стр. 366.

³ Свешников. Русское государственное право, стр. 68.

Совета министров, в обход Думы и Государственного совета, издавались в виде «положений» и именных указов. Таково именно прохождение знаменитых чрезвычайных указов эпохи реакции.¹

Таким образом, для одной части законов высшие бюрократические организации были инстанцией окончательного обсуждения; другие рассматривались здесь предварительно, до внесения их в законодательные учреждения. Значение этой инстанции, главным образом, в том, что здесь с особенной отчетливостью выявлялись ведомственные точки зрения на вопрос, происходило окончательное их согласование и вырабатывалась единая платформа всего коллектива министров. Кроме того, и организации господствующих классов успевали иногда добиться здесь уступок, не полученных в процессе первоначального обсуждения законопроекта.²

¹ 87 статья основных законов разрешала во время прекращения занятий Государственной думы и в случае «чрезвычайных обстоятельств» (отсюда название указов) издание законов путем непосредственных представлений Совета министров. Кадетские публицисты (напр. П. Н. Милоков. Год борьбы, стр. 268 и сл.) считали 87 статью ухудшенной копией плохого австрийского оригинала (ибо она была написана под влиянием § 14 австрийской конституции), профессора государственного права подвергали детальнейшей критике ее юридические несовершенства (см. в особенности Я. М. Магазинер. Чрезвычайно-указное право в России, СПб., 1911), — в действительности же, она, сравнительно со своими западноевропейскими прототипами, была усовершенствованным методом осуществления самодержавия под флагом конституции. Так, в порядке 87 статьи были изданы следующие указы: 18 августа 1906 г. «об усилении ответственности за распространение среди войск противоправительственных учений и суждений и передаче в ведомство военных и военно-морских судов дел по означенным преступным деяниям» (П. С. З. № 28245, журналы Совета министров за 1906 г. № 40); 19 августа 1906 г. «об учреждении военно-полевых судов» (П. С. З. № 28252, журналы Совета министров № 47); 30 сентября 1906 г. «о мерах предупреждения побегов арестантов» (П. С. З. № 28388, журналы Советов министров № 67); 6 октября 1906 г. «об изменении подсудности дел о преступных деяниях государственных, возникающих в пределах Иркутского, Омского и Ташкентского судебных округов» (П. С. З. № 28935 журналы Совета министров № 72), ряд указов о введении военного положения и о многих иных карательных мерах. В то же время статья 87 применялась и для проведения важнейших законов в области социально-экономической политики. Таков прежде всего знаменитый столыпинский указ 9 ноября 1906 г. «о дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» — основной закон так наз. столыпинской реформы (П. С. З. № 28528, журналы Совета министров № 98) и связанные с ним указы «о разрешении владельцам заповедных, временно заповедных, майоратных, ленных и подуховных имений отчуждать крестьянам участки из состава принадлежащих им имений» (П. С. З. № 28474; журналы Сов. министров № 85) и др.; затем указы 3 ноября 1906 г. об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых и ремесленных заведениях (П. С. З. №№ 28548 и 28549, журналы Сов. министров №№ 125 и 126). См. также «Сборник постановлений, изданных в порядке статьи 87».

² Например, в 1913 г. Совету съездов горнопромышленников Урала удалось задержать рассмотрение поступившего в Совет министров из Министерства торговли и промышленности законопроекта о разработке и разведке ценных и драгоценных камней. Председатель Совета министров Коковцев разъяснил при этом, что «вероятно представится возможность отложить его (проекта) обсуждение до рассмотрения вынесенных съездом горнопромышленников Урала заключений» (Совет съездов горнопромышленников Урала, дело № 130, л. 7).

Документальным выражением обсуждения проектов и в Комитете и в Совете были журналы этих организаций, к сожалению, дающие лишь схематическое изложение прений. Значительную ценность представляют собой, кроме того, и материалы к журналам — т. е. представления и другие документы, на основе которых и велось обсуждение.¹

Последней инстанцией обсуждения законопроекта были Государственный совет, а с 1906 г., кроме того, и Государственная дума.

По первоначальному замыслу и по точному смыслу закона, много раз подтвержденного, прохождение через эти учреждения было обязательным для всех законов. Однако, даже и такое скромное ограничение законодательного произвола было неосуществимо в условиях самодержавно-бюрократической монархии. Немедленно после учреждения Совета, начинается фактическое снижение его значения и издание законов без его рассмотрения. Сначала неофициальный интимный комитет, затем — Комитет министров и отдельные ведомства, наконец, после первой революции, Совет министров берут на себя окончательное обсуждение большей части законов.² Попытки вернуть Совету первоначально замышленное значение не шли дальше отдельных, единичных и практически безрезультатных выступлений.³ На про-

¹ О Комитете министров, кроме указанного «исторического обзора», первые тома которого составлены С. М. Середониним, см. А. Ермолов, Комитет министров в царствование имп. Александра I; Г. Тельберг. Происхождение Комитета министров в России (в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1907 г., № 3); Н. М. Коркунов. Комитет министров как орган надзора за земскими учреждениями (в «Юридической летописи» за 1890 г., № 12). По поводу этой последней статьи см. «Вестник Европы» 1891 г., №№ 2 и 3, внутреннее обозрение; «Журналы Комитета министров» за 1802—1826 гг., СПб., 1889—1891 (два тома). О Совете министров сводные материалы только в общих курсах государственного права. Указатели к журналам Совета министров печатались, но, повидимому, не выходили за пределы ведомства (см. «Указатели особым журналам Совета министров за июль—декабрь 1906 г.», П., 1907, и затем — за каждое полугодие «указатель высочайше рассмотренным и утвержденным особым журналам Совета министров»).

² Любопытное высказывание о причинах издания законов помимо Совета находим в журнале департамента промышленности, науки и торговли Государственного совета № 74 от 19 января 1900 г. Департамент говорит о праве утверждения собственной властью правил об «устройстве и содержании женских курсов», предоставленном министру народного просвещения положением Комитета министров 25 июня 1889 г. «Те особые, — замечает департамент, — существовавшие в 1889 г., условия, в силу коих признавалось более соответственным поставить объем преподавания на высших женских курсах в зависимости от личного усмотрения министра народного просвещения, в виду большей гибкости административных распоряжений, по сравнению с правилами, устанавливаемыми силою закона, в настоящую минуту утратили значение. Стремление к высшему образованию среди женщин лишилось того нежелательного политического оттенка, которым оно прежде отчасти отличалось...» Департамент народного просвещения., дело № 23, 1899 г., лл. 65, 66.

³ Таковы редкие голоса в Комитете 6 декабря 1826 г. (см. цитированную выше записку Балугьянского). Таковы случаи афронтов, делаемых (в отдельных случаях) председателями Совета зарвавшимся министрам, — о некоторых из них, успешных, с восторгом рас-

тяжении всего периода Совет и Дума были окончательной инстанцией обсуждения только для некоторой, меньшей части законов. Обсуждение их было, к тому же, ничего не решающим, ни к чему не обязывающим и часто даже совершенно формальным.

Старый (до 1906 г.) Государственный совет вообще был чисто бюрократическим учреждением. Не имея четко определенных функций, погрязая в рассмотрении многочисленных судебных и административно-финансовых дел, он уже в силу этих условий не обладал фактической возможностью внимательного углубления в законодательные вопросы. К тому же, родственный административным властям по своему составу (члены совета вербовались, главным образом, из одряхлевших военных и штатских сановников) по политическим воззрениям, по бюрократическим традициям, Совет редко был способен на принципиальную критику проектов, коренные их изменения, и еще реже их отвергал. Не имея в своей среде специалистов по всем сложным отраслям государственного управления, не обладая всей полнотой научно-практического понимания рассматриваемого вопроса, он не мог также внести в проект и деловых (организационно-технических, например) коррективов. Мнение министра, уже согласовавшего вносимый законопроект с заинтересованными бюрократическими и общественными группами и, к тому же, вооруженного всеми фактическими данными, было и здесь наиболее авторитетным, наиболее обоснованным и потому решающим. Обсуждение по существу начиналось только тогда, когда вопрос предварительно рассматривался в специально выделяемых Советом комиссиях с приглашением в них со стороны лиц, «по своим знаниям и опыту могущих принести пользу»; когда эти знающие и опытные люди приглашались в заседания самого Совета (как, например, фабриканты при обсуждении закона о малолетних) и, в особенности, когда в Совете разгорались прения между министрами, не пришедшими к соглашению в стадии предварительного обсуждения.¹ Любое решение Совета, даже самые незна-

сказывает М. А. Корф в своих записках (Русская Старина, 1899—1904 гг.). Таково далее предложение самого Корфа считать законом только прошедшее через Совет мероприятие и, следовательно, сосредоточить всю законодательную деятельность в Государственном совете (об этом см. главным образом дело Государственной канцелярии по определению государственного секретаря № 8, 1862 г.; кроме того — Коркунов. Указ и закон; Майков. Второе отделение собственной е. и. в. канцелярии). — Закон 6 июня 1905 г. об устранении отступлений в порядке издания законов и дальнейшие «конституционные» акты, как мы уже видели, на практике очень часто нарушались.

¹ Так, по поводу законов о выкупных платежах, о Крестьянском банке, о питейном деле и т. д. читаем в письмах Победоносцева: «дела вносились в Государственный совет прямо, без общего обсуждения в собрании всех министров. Отсюда происходило в Государственном совете принципиальное и даже раздражительное (подчеркнуто По-

чительные поправки не были обязательными. Царь мог согласиться не с большинством Совета, а с его меньшинством, а мог дать и третье решение вопроса.¹

Законоположения, прошедшие через Государственный совет, издавались в форме «мнений» Государственного совета.

Картина мало изменилась и после реорганизации Совета в 1906 г. Он был наделен правом инициативы, но более формальным, чем фактическим; в состав членов его были введены кроме назначаемых царем чиновников еще и выборные представители сословий, но реакционного дворянства главным образом; обсуждение стало открытым и свободным, но всякое появление оппозиционных настроений немедленно подавлялось. К тому же, напуганные революцией реакционеры по назначению и по выбору в массе не склонны были к серьезной оппозиции.

«Конституционный» Совет был последней обсуждающей законопроект инстанцией. Предпоследней — между Советом министров и Государственным советом — была Государственная Дума. Здесь, в первых двух созывах особенно, внебюрократические и оппозиционные элементы были представлены значительно сильнее. Часть их использовала думскую трибуну для критики правительства. Другая часть, всерьез принимавшая российский парламентаризм, пыталась осуществить какое-то влияние на законодательную деятельность самодержавия. Поэтому вносимые в Думу проекты нередко подвергались сперва разработке в комиссиях, — постоянно действующих, как бюджетная, государственной обороны и др., или же специально для данного случая создаваемых — и затем подробному рассмотрению в общем собрании. Таким образом, думское обсуждение подчас бывало весьма многоречивым. Однако, фактическое влияние думы на законодательную работу правительства было не велико. Неодобренные Думой проекты превосходно проводились в форме чрезвычайных указов. С другой стороны, все принятые ею проекты должны были получить еще одобрение Государственного совета и утверждение царя. Выработанные и утвер-

бедоносцевым) разногласие между министрами, не составлявшее ни для кого тайны. Думаю например, что дело о Крестьянском банке, которое, по моему убеждению, получило совершенно неправильное решение, направлено было бы совершенно иначе, и, может быть, совсем не вносилось бы в Совет, если бы предварительно обсуждено было в главных основаниях совещанием министров. А в Государственном совете министр, который внес свой проект по единичному докладу, принужден защищать его и отстаивать во что бы то ни стало, хотя бы и сам получил сомнения» (Письма Победоносцева к Александру III, т. I., стр. 399).

¹ Александр I из 242 «разномыслий» Совета в 83 случаях утвердил мнение меньшинства, а в 4 даже и одного человека. Николай I часто «постановлял свои собственные резолюции». П. Даневский. История образования Государственного совета.

жденные таким образом проекты издавались под названием «Одобренный Государственной думой и Государственным советом закон».

Документация законодательных учреждений — Думы и Совета — имеет выдающееся значение для историка. Во-первых, она чрезвычайно вышукло отражает отношение политических партий и различных бюрократических и общественных групп к законодательным мероприятиям правительства. Особенно ценны в этом отношении стенографические отчеты заседаний. Меньший интерес представляют журналы Государственного совета, предшествовавшие стенограммам: здесь нет даже и протокольной записи прений, а дается лишь сводное изложение мнений большинства и меньшинства членов Совета по каждому данному вопросу, изложение, правда, весьма обстоятельное, но сглаживающее остроту и все индивидуальные оттенки прений. И стенограммы и отчеты важны, кроме того, при изучении окончательной редакции законопроекта, от особенностей которой зависело так много в дальнейших толкованиях закона.

Во-вторых, материалы подготовительных комиссий Совета и в особенности Думы содержат в себе ряд новых фактических сведений по затронутым в проекте вопросам.

Наконец, чрезвычайно важны объяснительные записки (иногда — с рядом приложений) к представляемым в законодательные учреждения проектам. В этих записках (они называются также представлениями) обычно рассказывается вся предварительная история вопроса, все предшествующие законодательные попытки в данном направлении, обосновывается необходимость меры, излагаются мнения по проекту заинтересованных ведомств и общественных организаций. Это нечто вроде конспекта документации предыдущих стадий обсуждения законопроекта, заменяющего ее в случае нужды и, во всяком случае, дающего к ней пути.¹

¹ Литература о Государственном совете не велика. Наиболее обстоятельная и даже перегруженная материалом работа В. Щеглова — «Государственный совет в России», Ярославль, 1895 (два тома). — доводит изложение только до времени Николая I; также невелик хронологический охват работы П. Н. Давевского «История образования Государственного совета в России», СПб., 1859. Юбилейная история, изданная Государственной канцелярией, — «Государственный совет 1801—1901», дает чисто внешний и формальный очерк деятельности Совета. Для внутренней истории Совета 1-й полов. XIX в. очень важны записки М. А. Корфа (Русская Старина, 1899—1904 гг.) Ряд статей можно найти в периодических изданиях, юридических в особенности; библиографии их нет. Законы о Совете собраны в сборнике: Шенн и Блосфельдт. Государственный совет, СПб., 1910. Документация Совета (журналы, записки и пр.) обычно воспроизводилась типографским способом и в отдельных случаях попадала в библиотеки (см. «Каталог библиотеки Государственного совета», в особенности под словом «журнал» «материалы» и пр.) Журналы и подробное описание их за первую четверть XIX в. изданы в «Архиве Государственного совета» (несколько частей). Статистику делопроизводства и изло-

Недостатки документации законодательных учреждений — ее меньшая фактическая полнота, иногда схематичность и, главное, меньшая откровенность относительно истинных мотивов данного мероприятия. Словесная вуалировка, умолчание и прямая ложь были неперенными приемами царских министров, когда они вынуждены были прибегать к формально открытому обсуждению дел.¹

Таково движение законопроекта в стадии его обсуждения. Как видим, здесь было несколько вариантов, что определило и наличие и особенности многих законодательных разновидностей (утвержденный доклад, положение

жение важнейших дел см. в ежегодных «Отчетах по Государственному совету» (за 1869—1891 гг.); в «Отчетах по делопроизводству Государственного совета» (издавались по сессиям с 1892—1893 гг. по 1905—1906 гг.); во «Всеподданнейших отчетах председателя Государственного совета» (издавались за каждую сессию с 1892—1893 гг. по 1911—1912 гг.). С 1906 г. выпускались «Стенографические отчеты Государственного совета». Для ориентировки в архивном материале см. «Описи дел архива Государственного совета», томы I—XII и XVI (СПб., 1908—1914). Литература и напечатанная документация Гос. думы — огромны. Библиографию ее см. В. В. Бруснян, Указатель книг и статей о Гос. думе; «Указатель книг и брошюр о Гос. думе (с 1905 по 1912 г.), Опыт библиографии». Составил А. Е. Деев, с пред. А. Белова, СПб., 1913. См. также печатную «Опись дел архива Канцелярии Гос. думы», т. I, «Дела Г. Д. 1-го созыва», СПб., 1914; т. II — «Дела Г. Д. 2-го созыва», II, 1915.

¹ Любопытный пример к этому положению находим в деле об открытии женских курсов в Москве. 31 октября 1898 г. министр внутренних дел Горемыкин секретным письмом сообщает министру народного просвещения Боголепову, что существующие в Москве коллективные курсы при Педагогических курсах Московского о-ва воспитательниц и учительниц благодаря некоторым неясностям устава «представляют большие легкость и удобство для проникновения в нее (учащейся молодежи) среду всяких противоправительственных веяний и начинаний, а кроме того таким путем профессиональная организация превращается в общедоступную, являя собой замаскированную попытку к организации так наз. общеобразовательных курсов, стоящих вне правильного правительственного контроля». Горемыкин считает желательной «правильную организацию» и установление «фактического и тщательного контроля» (л. 6). В дальнейшем было установлено, что закрытие коллективных курсов вызовет «недовольство» и «породит другие нежелательные явления» и что лучшим выходом из положения является открытие в Москве высших женских курсов, устав которых был специально приспособлен для целей полицейского контроля. Представляя об этом в Государственный совет, министр народного просвещения формулировал мотивы значительно мягче: «Нельзя признать нормальным, что столь многолюдные собрания молодых девиц, допускаемых к слушанию почти без всяких ограничений, остаются вне надзора учебного ведомства... При таких условиях... нельзя поручиться, что не возмут верх различные неблагоприятные случайности и увлечения молодежи и не принесут слушательницам... более вреда, чем пользы» (л. 43). В журнале Государственного совета по этому вопросу пропадает даже и такая завуалированная мотивировка закона, «В виду того, что число слушательниц на означенных уроках, ежегодно возрастая, достигло в 1898 г. 665, тайный советник Боголепов признает неудобным дальнейшее оставление этого дела вне ближайшего контроля органов правительства, вследствие чего и в стремлении удовлетворить все более проявляющуюся среди женщин... потребность к высшему образованию» — решено открыть курсы. Деп. народн. просв., разряд женских учебных заведений, дело № 28, 1899 г.

Комитета министров, мнение Государственного совета и пр.). Общим моментом во всех вариантах было утверждение закона царем. Кроме того, обилие и запутанность способов обсуждения законопроекта в высшей степени способствовало усилению законодательной волокиты — этой характернейшей особенности бюрократического строя.¹

VI

Указание на необходимость царского утверждения (санкций) для придания закону действенной силы — одно из категоричнейших и бесспорнейших положений официальной юридической догмы. Менее определенно говорилось о формах утверждения. С одной стороны, ряд законоположений — притом важнейших, как генеральный регламент, учреждение министерств и образование Государственного совета, — сведенных затем в 54 статье

¹ Вот характерный пример волокиты из истории закона, казалось бы, непосредственно не ущемлявшего интересы господствующих классов — закона 29 марта 1893 г. об отмене телесных наказаний для ссыльных женщин. Впервые вопрос этот возник в 1863 г., когда было отменено наказание шпицрутенами для войск и когда выяснилось, что военное министерство считает невозможным привлекать воинские части к исполнению этого наказания над ссыльно-каторжными и ссыльно-поселенцами. Тогда в июне 1863 г. министр внутренних дел внес в Комитет министров предположение о замене для ссыльных наказания шпицрутенами наказанием плетью, что 30 августа 1863 г. и было разрешено до законодательного разрешения вопроса. Государственный совет не нашел, однако, возможным решить вопроса, не имея «соображений» главных начальников Западной и Восточной Сибири, и предложил министру внутренних дел «истребовать» эти соображения. В соответствии с этим решением, Министерство внутренних дел потребовало заключений по вопросу и от главных начальников и от министра юстиции и II отделения, после чего 2 декабря 1867 г. вошло с представлением в Государственный совет «об отмене женских телесных наказаний за преступления, совершаемые ссыльными»; здесь, собственно, предлагалось отменить только плети и шпицрутены. 13 января 1868 г. Совет нашел, что предполагаемая отмена невозможна «без вреда для общественного спокойствия», причем, признавая нежелательность телесных наказаний для женщин (в виду «всех свойств и самого существа женской природы») и считая затруднительным освободить их от наказания немедленно, — Совет рекомендовал Министерству внутренних дел разработать закон «об изъятии ссыльных лиц женского пола от телесных наказаний». 25 марта 1868 г. мнение Совета было утверждено. В 1869—1872 гг. происходит междоведомственная переписка по этому вопросу, в результате которой было решено назначить специальную междоведомственную комиссию. Комиссия эта, под председательством сенатора Сабурова, кончила свои занятия в 1874 г., придя к выводу о необходимости замены телесного наказания для женщин заключением в одиночных камерах (из расчета за каждый удар плети — 10 дней и розги — 2 дня заключения). В течение последовавших 9 лет идет внутри и междоведомственная переписка о практической осуществимости такой замены: оказывается, тюрьмы тесны, одиночные камеры строить дорого; тогда решено было отправлять провинившихся женщин на Сахалин, и на этом вопрос замер до 1891 г. В 1891 г., когда выяснилось, что и ссылка на Сахалин не имеет «практического значения», была образована новая комиссия, на этот раз при Министерстве юстиции. Результатом ее работ и последовавшего согласования с «подлежащими» ведомствами и было представление в Государственный совет от 3 декабря 1892 г. «об отмене телесных наказаний для женщин», в 1893 г. утвержденное. Первый деп. Мин. юст., законод. отд., дело № 173 (2923), 1890 г.

основных законов, требовал царской подписи. В то же время, как мы уже упоминали выше, и в XVIII и в XIX вв. ряд законов утверждался словесно (так наз. объявленные высочайшие повеления) или же путем надписи («быть по сему», «согласен» и пр.) Практика подобного утверждения также закреплялась в законодательстве.

Противоречивость официальных указаний приводила в немалое смущение теоретиков государственного права. Иные из них говорили даже об анахронизмах, кодификационных недосмотрах и пр.¹

По существу, однако, никаких неясностей и противоречий не было. Двухвековое выпячивание царской подписи как важнейшего удостоверительного момента законодательного акта совершенно естественно вытекало из стремления абсолютизма держать в своих руках все нити законодательства. Подчеркивая необходимость подписания закона царем, самодержавие имело целью не только и не столько «обеспечить достоверность передачи высочайшей воли» и предупредить злоупотребления чиновников, как думали некоторые юристы,² но, главным образом, гарантировать царский контроль над деятельностью высших государственных учреждений.

Не случайно именно «генеральный регламент» в XVIII в. и именно «образование Государственного совета» сто лет спустя лишали всякой силы не подписанные царем законы: острие этой меры было направлено против возможных олигархических стремлений только что организованных коллегияльных учреждений, наделенных столь значительными правами и так сильных влиянием на социальную верхушку. Указание на подпись царя как необходимый элемент санкции закона было юридической гарантией безграничного законодательного произвола. В то же время, с целью упрощения процедуры утверждения, царь разрешал, в большей или меньшей мере, объявляемые высочайшие повеления.

Итак, утверждение делалось путем подписи, надписи, или же словесно. Во всех случаях оно было не более, чем неизбежным обрядом. Конечно, царь мог не утвердить представленный проект, или же требовать вторичной его переработки — это действительно случалось. Практически, однако, министры согласовывали все основные вопросы до этой формальности. Неутверждение поэтому было обычно признаком перемены курса, результатом влияний со-стороны и возвещало близкое падение неугодного министра.

Утвержденный царем закон направлялся министром в Сенат для обнародования, только после этого и приобретая общеобязательную силу.

¹ Н. И. Лазаревский. Конституционное право, СПб., 1908, стр. 433.

² Н. М. Коркунов. Указ и закон, стр. 310.

Формально, момент обнародования имел существенное значение, так как сенат имел право отказать в распубликовании закона (и тем самым лишить его силы), если только при его выработке не были соблюдены установленные требования. Практически, это право применялось сенатом чрезвычайно редко, и момент обнародования был формальностью, не влиявшей на существо закона.

VII

Такова развернутая схема законодательной машины самодержавного государства, таковы, следовательно, официальные и документально оформленные пути влияния заинтересованных классовых групп и бюрократических сфер на законодательную деятельность правительства.

Однако официальная документация, — если даже она и сохранилась полностью, — не отражала и не могла по своей природе отразить всех обстоятельств борьбы за закон. Обычно, кроме установления законом открытых делопроизводственных способов государственного механизма, — применялись внеофициальные, закулисные меры воздействия. Не имея возможности — в силу ограниченности темы — подробно рассмотреть этот вопрос, приведем лишь некоторые примеры.

Даже и влиятельнейшие бюрократы, обладавшие всей полнотой официального воздействия на правящие сферы, широко практиковали дополнительные меры частного характера. Так, в практике К. П. Победоносцева нередки случаи сопровождения официального доклада по должности оберпрокурора синода еще и длинным разъяснительным письмом царю.¹

Но подобные забеги с заднего крыльца бывали и без формального повода: письма Победоносцева переполнены ими, и иногда они имели решающее значение. Так, получив меньшинство в комитете министров при рассмотрении 29 октября 1886 г. вопроса о дополнительном сахарном акцизе, Победоносцев 2 ноября пишет царю, что «победа большинства произведет тяжкое впечатление». «Всякая ошибка в финансовой политике влечет за собой... губительные последствия» — замечает он. Не ограничиваясь рассуждениями по существу, он еще тут же спешит опорочить своих противников. «Если в комитете министров составилось такое большинство, это надо при-

¹ Примеры этого рода см. в изданиях «К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки», с пред. М. Н. Покровского, М.—П., 1923, и «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», М., 1926.

писать исключительно тому решительному влиянию, которое приобрел Абаза и на министра финансов... и на других членов, не имеющих возможности вникнуть в дело, но уступающих господствующему тону Абазы в речах его... Абаза в самом департаменте экономики, где он председательствует, господствует почти без возражений. Своих противников, возражающих ему, он подавляет так бесцеремонно, что это становится тяжело для многих, и для дел решительно вредно... Такое преобладание Абазы — особенно в важнейших финансовых мерах — отзывается очень вредно. Если теперь он выйдет победителем из этого дела, влияние его несомненно усилится, и в этом не будет ничего хорошего для дел Государственного совета».¹

Внушения бывшего царского учителя не были тщетными. — 4 ноября Александр III написал на журнале комитета министров: «разделяю вполне мнение 5 членов (т. е. — комитетского меньшинства с Победоносцевым во главе). Исполнить».²

Но лидер контрреформ 80-х годов стремится повлиять не только на конечный результат — это уже крайнее средство, — но и пресекает нежелательные направления законодательных работ в самом их начале. Таково цитированное уже письмо о составе комиссии по пересмотру устава реальных училищ; оно кончается словами: «гибельные ее (попытки организовать комиссию с представителями земств и городов) последствия можно было бы отворотить, когда бы вашему величеству благоугодно было бы повелеть министру внутренних дел, в видах охранения общественного спокойствия, отложить впредь до особого разрешения созвание выше означенной комиссии...»³

Охранительные соображения всегда находили отклик в сердце русского царя. Александр III дал хороший нагоняй Николаю — министру народного просвещения. Тот сначала упорствовал. Тогда царь послал к нему Победоносцева — уже для переговоров «об оставлении нынешней

¹ Письма К. П. Победоносцева к Александру III, т. II, стр. 118—119.

² Журнал Комитета министров за октябрь 1886 г., л. 194. Любопытно, в этом примере, следующее обстоятельство. Суждения Комитета о сахарной промышленности 29 октября были повторными — первый раз вопрос разбирался 16 и 23 сентября, и точка зрения большинства тогда также восторжествовала. На журнале 16 и 23 сентября Александр III 29 сентября положил резолюцию: «желаю, чтобы это дело было еще раз рассмотрено в присутствии всех гг. министров, так как не были в заседании: гр. Толстой, гр. Воронцов-Дашков, Посет, Манассин, Шестаков и Победоносцев» (Журнал за сентябрь 1886 г., л. 125). Мы вправе и здесь предполагать внушения Победоносцева. Правда, соответствующего письма не сохранилось, но, повидимому, какие-то переговоры, устные или письменные, были; цитированное нами письмо от 2 ноября начинается словами: «позволяю себе еще беспокоить ваше и. в. с словом о сахарном деле».

³ Письма Победоносцева к Александру III, т. I, стр. 367—368.

должности...» Николай должен был немедленно ликвидировать только-что созданную комиссию и созвать новую уже чисто бюрократического состава... Читая архивное дело о пересмотре устава реальных училищ,¹ историк недоумевает: еще 16 января 1882 г. посланы изысканно любезные пригласительные письма профессору В. И. Герье и редактору «Голоса» А. А. Краевскому («болтунам и писакам» по терминологии Победоносцева) с препровождением всех материалов по законопроекту, — а 18 февраля созывается уже вторая комиссия из небольшого числа министерских чиновников. Правда, эта последняя работает, по выражению документа, «на основании начал», установленных первой, но никаких признаков «начал» и даже малейших следов участия болтуна Герье и писаки Краевского в документах нет. В чем дело — думает историк. Официальный документ молчит. Провалы его сведений заполняет частная переписка: письма Победоносцева — вот ответ, вот дополнения к департаментской переписке.

В свою очередь и представители общества не ограничивались официальными ходатайствами. Н. А. Найденов — вождь московского купечества, председатель Биржевого комитета, председатель отделения Совета торговли и мануфактур и прочая и прочая — не только бомбардировал Министерство финансов рапортами и представлениями об издании нужных и отклонений неприятных законов. Зная могущественную силу тайного искательства, он одновременно вступает в переписку с тем же Победоносцевым, также, как и этот последний, прежде всего пороча своих противников. «У нас в думе, — доносит он, — ...разбираются расчетные книжки рабочих, проектированные генерал-губернаторской комиссией... Гласные Ланин, Муромцев, а за ними мещане, поднимают целый рабочий вопрос — говорят об освобождении рабов; им вторит Алексеев. Заседание принимает характер митинга социалистов».²

«Красная партия», «высочки-мальчишки» — пишет Найденов в другом письме. «Беда с ними. Поощренные раз свыше за их либеральность, они себе не знают цены. Вот хоть бы Алексеев, более других и нахальнее других действующий... это тот самый, который устраивал похороны Рубинштейна и разные пиршества на выставке, а затем, понравившись очень за его современные взгляды Н. А. Ермакову (директору Департамента торговли и мануфактур), был приглашен в марте месяце 1882 г. в заседание Государственного совета по вопросам об обязательном устройстве школ при фабриках, где (возражая мне) он утверждал, что при нынеш-

¹ Дело департамента народного просвещения, разряда средн. уч. зав., № 34, 1880 г.

² К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. I, стр. 298.

нем надзоре за училищами нет никакого опасения, чтобы школы при фабриках, в уездах находящихся, сделались гнездом для пропаганды; — а через неделю в Подольском уезде был арестован учитель одной из школ за распространение прокламаций. Получив вслед за тем за такое просвещенное направление (соответствовавшее предположениям министерства) награду орденом, он сделался недостижимым, думает все перестроить на новый лад, — все старое негодно. Горе нам теперь с этими реформаторами».¹

Так, сопровождая официальные донесения партикулярными доносами, Найденов пытался — и не безуспешно, — опорочить неугодное московскому купечеству «направление» законодательной деятельности министерства финансов.

Учесть все внеофициальные, внеделопроизводственные влияния на выработку закона — первейшая задача историка.²

VIII

Особенностью классовой борьбы, происходившей вокруг издания законов, было то обстоятельство, что она проходила в юридических формах. поэтому, когда не удавалось открыто сорвать или задержать издание нежелательного закона, усилия направлялись к максимальному его обезвре-

¹ К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. I, стр. 295—296.

² Тайная дипломатия воротил царского законодательства не исчерпывалась, конечно, частной перепиской. Многие детали их интриг и происков не имели даже и такого косвенного документального выражения. Например, всем известная продажность русского чиновничества (самого высшего — в особенно злостных формах, о чем см. хотя бы «Воспоминания Витте») была использована русской буржуазией для установления полного делового контакта. «Всякий знает, как легко попадают наши тузы-капиталисты в гостинные гг. министров для приятных бесед друг с другом, как приятельски угощаются они на своих обедах; как любезно подносят продажным чиновникам императорского правительства подачки в десятки и сотни тысяч рублей (делается это и прямо, в виде взяток, и косвенно, в виде предоставления акций «учредителям» обществ или в виде предоставления почетных и доходных мест в этих обществах)» (Ленин. Новый фабричный закон. Сочинения, т. II, стр. 143). Подобные способы воздействия на правительство были веским коррективом к юридической неполноправности русской буржуазии — как это и признавалось совершенно открыто буржуазными публицистами. «Взятки, — читаем в газете „Промышленность и торговля“, — будем называть вещи по имени — стали в России бытовым злом», так как условия торгово-промышленной деятельности превращают «в конце концов промышленника в заискивающего ходатая»; с лихоимством «трудно бороться... при помощи судов... коренное оздоровление отношений казны и промышленности возможно лишь при благожелательном отношении ко всякого рода объединениям». «До сих пор наши торгово-промышленные представительные организации не находят себе должного внимания ни в правительственных ни в законодательных сферах, до сих пор о производственных организациях там и слышать не хотят, забывая, что организации обоих типов являются известной гарантией против нашего бытового зла: первые поднимают самосознание и авторитет торгово-промышленного класса, вторые, устраняя нездоровую конкуренцию, представляют собой естественные союзы, делающие лихоимство излишним» («Промышленность и торговля», 1911 г., № 11 (83), стр. 484—485).

жению. Это делалось, главным образом, путем соответствующего его редактирования. Такого рода случаи требуют особого тщательного историко-ведческого анализа, так как здесь борьба классовых сил вуалировалась литературно-юридической обработкой проекта.

Так, издание закона 2 июня 1897 г. о продолжительности и распределении рабочего времени было вынуждено петербургскими стачками 1896 г. «Рабочие требовали в 1896 г. сокращения рабочего дня, поддерживали свои требования громадными стачками. Правительство *отвечает* теперь на требования изданием закона о сокращении рабочего дня».¹

Однако, желая утишить рабочие волнения, правительство в то же время, под влиянием фабрикантов, решило пойти лишь на минимум уступок. Петербургские промышленники настаивали на 11¹/₂ часовом рабочем дне. Правительственная комиссия колебалась: сначала приняла эту норму, затем, вспомнив, очевидно, о стачках, снизила ее на полчаса. Однако капиталисты остались очень недовольны «самочинными» действиями комиссии и подали министру финансов коллективное ходатайство, где категорически требовали 11¹/₂-часовой нормы.²

Министерство немедленно исправило проект, — пришлось даже возвращать его из Государственного совета! Истинный смысл уступки, данной законом, станет совершенно ясным, если припомнить, что в то время на казенных военных заводах существовал с 1870 г. 10-часовой рабочий день, а многие передовые предприятия перешли даже к 9-часовой норме... Но мало того. «Закон постарался везде оставить лазейки фабрикантам, постарался оставить в неопределенности самые важные вопросы».³

Такой лазейкой явилось, например, отсутствие запрещения сверхурочных работ, нечеткое определение того, что следует понимать под рабочим временем и т. д. «По самым существенным пунктам новый закон не установил никаких общеобязательных, точных и неизменных правил: правительство предпочло предоставить побольше прав администрации (именно

¹ В. И. Ленин. Новый фабричный закон. Сочинения, изд. 3, т. II, стр. 131.

² Примечателен тон записки. Она кончается словами: «на основе изложенного, ниже подписавшиеся петербургские фабриканты и заводчики еще раз позволяют высказать свое мнение, что успешное введение у нас закона о нормировке рабочего дня может состояться только на тех основаниях и при соблюдении тех условий, которые изложены в нашей докладной записке от 3 декабря 1896 г. — одно из главных оснований которой и есть установление максимального рабочего дня не ниже 11¹/₂ часов чистой работы. Всякое сокращение в настоящее время этой нормы не может быть признано правильным и повлечет за собою весьма неблагоприятные последствия в деле развития отечественной промышленности и ляжет тяжелым бременем на потребителей». Деп. торг. и ман. I отд., 1 ст., дело № 19 а, 1896 г., л. 95.

³ Ленин. Там же, стр. 154.

министрам), чтобы они могли вводить всякие постановления и льготы для фабрикантов».¹

Умолчание по одним пунктам, нарочитая неопределенность других — таковы излюбленные приемы обезвреживания вынужденного, но нежелательного закона.² Все усилия редакционной работы направлялись именно в эту сторону. Пробелы и неясности, затем, восполнялись и разрешались административным путем — изданием министерских циркуляров, инструкций и. т. п.

«Почти всякий закон, — сообщал на дворянском съезде один бюрократ, — в его вредном действии, можно, до известной степени, обезвредить путем циркуляров и сенатских разъяснений и дополнительных кратких законодательных новелл. Можно до известной степени ввести противоядие в отношении того или другого законопроекта»...³

В других случаях, напротив, внимание законодателя устремлялось на достижение сугубой категоричности указаний закона. Характер редакции, таким образом, всецело определялся установкой закона.

«Русские законы можно вообще разделить на два разряда: одни законы, которыми предоставлены какие-нибудь права рабочим и простому народу вообще, другие законы, которые запрещают что-либо и позволяют чиновникам запрещать. В первых законах все, самые мелкие права рабочих *перечислены с полной точностью* (даже, например, право рабочих не являться на работу по уважительным причинам) и *ни малейших* отступлений не полагается под страхом самых свирепых кар. В таких законах никогда уже вы не встретите ни одного „и. т. п.“ или „и пр.“. В законах второго рода *всегда* даются только общие запрещения *без всякого точного перечисления*, так что администрация может запретит *все, что ей угодно*; в этих законах всегда есть маленькие, но очень важные добавления: „и. т. п.“, „и др.“. Такие словечки наглядно показывают всевластие русских чиновников, полное бесправие народа перед ними; бессмысленность и дикость

¹ Там же, стр. 141. Цитированная работа Ленина представляет собою непревзойденный образец критики законодательного памятника.

² Любопытный отзыв о такого рода «редакционной» работе читаем у одного из составителей проекта закона 3 июня 1886 г. о надзоре за заведениями фабричной промышленности: «Год с небольшим спустя, когда этот проект появился в свет под именем закона 3 июня 1886 г., я не узнал своей работы, до такой степени проект был переделан, не столько по содержанию, сколько именно по изложению и редактированию: некоторые статьи были переставлены, другие выражены иначе и, вместо точности языка, за которую я главным образом и прежде всего гнался, по некоторым пунктам допущена была большая неопределенность..., которая привела на практике... к значительным недоразумениям и спорам». И. И. Янжул. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. П., 1907, стр. 68.

³ Труды VIII съезда уполномоченных дворянских обществ, стр. 299.

той поганой канцелярищины и волокиты, которая пронизывает насквозь все учреждения императорского русского правительства. Любой закон, от которого может быть хоть крупица пользы, всегда опутывается до такой степени этой канцелярищиной, что применение закона бесконечно затягивается».¹

**B. KOČAKOV. LE DOCUMENT LÉGISLATIF DE LA PÉRIODE DES
XIXe—XXe SIÈCLES**

RÉSUMÉ

Le travail de l'auteur sur le document législatif de la période des XIXe—XXe siècles (1802—1917) en Russie tsariste forme le premier chapitre d'un ensemble de recherches consacrées à l'étude du document officiel russe, émanation matérielle de l'activité des bureaux, envisagé en qualité de source historique. Entendant par lois de cette période des ordonnances portant l'approbation tsariste, l'auteur ne juge pas possible de s'en tenir dans leur examen à une analyse abstraite de formules juridiques. Au contraire, cette loi ne saurait être justement comprise et utilisée au service de l'investigation historique qu'à la lumière d'une mise en valeur de la complexe lutte des forces de classe, à laquelle elle doit son origine.

Dans le présent travail une tentative est faite d'étudier les voies et les moyens de la lutte de classes autour de la loi — pour autant que ces voies et moyens trouvaient leur expression officielle, leur répercussion dans la production écrite des bureaux, dans les documents: l'auteur tente de caractériser le fonctionnement des institutions (organisations corporatives et représentatives de la noblesse et de la bourgeoisie, assemblées des Zemstvos, organes du pouvoir exécutif et législatif) possédant en droit et exerçant en fait le droit d'initiative; un schéma du mouvement du projet de la loi est présenté, figurant les divers stades de préparation, de discussion et de sanctionnement; le rôle et l'influence des différentes institutions bureaucratiques et de représentation corporative dans le processus d'élaboration de la loi sont mis en évidence, en même temps que sont caractérisés les matériaux documentaires se déposant dans les diverses institutions au fur et à mesure de l'avancement du projet de loi et que les variétés de ces documents sont appréciées au point de vue de leur valeur pour l'historien.

¹ Ленин. Там же, стр. 142—143. Курсив Ленина.

ОБЗОР РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ

М. И. АХУН

Библиогрaфия, являясь вспомогательной дисциплиной во всех областях знаний, без посредства которой вообще невозможно представить рационально поставленное научное изучение не только науки в целом, но и отдельных ее проблем и вопросов, занимает особое место в ряду вспомогательных исторических дисциплин. Историк в своей научно-исследовательской работе, приступая к изучению поставленной перед собой научной проблемы, обращается прежде всего к собиранию и учету печатных материалов, относящихся к его теме. Не приходится доказывать значения этой первой стадии работы, в зависимости от которой стоят плодотворность и успешность дальнейших разысканий и научных построений.

Число трудов по библиографии истории России весьма значительно. В последние годы выросла новая область исторической библиографии — библиография истории народов СССР.

Октябрьская революция, которая «разбила цепи национально-колониального гнета и освободила от него все без исключения угнетенные народы обширного государства» (Сталин),¹ пробудила чрезвычайный интерес к изучению прошлого отдельных народов. На ряду с этим была осознана потребность в библиографическом учете всех тех печатных источников, которые могут быть использованы при построении истории тех народов, которые «*впервые* в истории человечества поднялись до положения народов, *действительно* свободных и *действительно* равных» (Сталин).²

Настоящий обзор ни в коей мере не претендует на исчерпывающую полноту.

Отметим в частности, что в данный обзор не включены работы, имеющие в настоящее время значение лишь для истории развития библио-

¹ И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. избранных статей и речей, М., 1935, стр. 189.

² И. Сталин. Там же.

графии в России и поглощенные последующими библиографическими работами. В наш обзор не включается также обозрение трудов по историографии и био-библиографии, которые должны быть предметом специальной работы.

Приступая к обзору библиографических работ по истории России, следует отметить, что историческая библиография, развиваясь вместе с обслуживаемой ею исторической наукой, отражала ту историческую концепцию, которая в данное время являлась господствующей в историографии.

Само собой понятно, что почти все библиографические работы по историческим наукам, вышедшие в свет в царской России (за исключением очень небольшого числа работ) отражают классовые черты буржуазно-помещичьей идеологии. Укажем хотя бы в качестве примера на библиографическую работу В. И. Межова по Средней Азии, предисловие к которой вскрывает с определенной четкостью великодержавные тенденции, присущие буржуазно-дворянской историографии.

1

Первыми крупными работами в области исторической библиографии являются труды бр. П. и Б. Ламбиных¹ и В. И. Межова.² Труды этих библиографов (Ламбины издали в течение 1861—1884 гг. «Русскую

¹ Русская историческая библиография. Состав. Петр и Борис Ламбины. За 1855 г. — СПб., 1861, V, II, 166 и 1 н. стр.; за 1856 г. — СПб., 1861 г., VI и 228 стр.; за 1857 г. — СПб., 1865, IV, 224 и 1 н. стр.; за 1858 г. — СПб., 1867, IV, 2 н. 238 и 1 н. стр.; за 1859 г. — СПб., 1868, VII, 299 и 1 н. стр.; за 1860 г. — СПб., 1869, IV, и 342 стр.; за 1861 г. — СПб., 1870, IV и 348 стр.; за 1862 г. — СПб., 1872, IV и 358 стр.; за 1863 г. — СПб., 1877, IV и 370 стр.; за 1864 г. — СПб., 1884, IV и 470 стр.

² Русская историческая библиография. 1865—1876 гг. включительно. Составил В. И. Межов. Том I. Источники и материалы: исторические акты и документы. История России вообще и по царствованиям в особенности. История областей и губерний. Историческая этнография. История инородцев, СПб., 1882, XII, 436 стр.; том II. Жизнеописание русских деятелей. Материалы для биографического словаря, СПб., 1882, 1 н. и 451 стр.; том III. История христианских вероисповеданий в России вообще и православного в особенности. История народного просвещения и цивилизации в России. История правовеждения, политико-экономических, социальных и камеральных наук в России, СПб., 1883, VII и 414 стр.; том IV. История русской словесности и языка, СПб., 1884, 2 н., V и 408 стр.; Том V. История внутренней и внешней политики России. История дипломатических сношений. История внутренних смут и войн России с внешними врагами. История искусства. Вспомогательные науки по русской истории: генеалогия, геральдика, хронология, археология, палеография, нумизматика и мифология, СПб., 1885, IX и 378 стр.; том VI. История славян. Всеобщая история. Дополнения, СПб., 1886, VIII и 451 стр.; том VII. Азбучно-систематический указатель на русском языке, СПб., 1888, IV и 433 стр.; том VIII. 1) Азбучно-систематический указатель на русском языке. 2) Азбучный указатель книг на иностранных языках, СПб., 1890, 433 и 2 н. стр.

Его же. Русская историческая библиография. Указатель книги старейшей русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам за 1800—1854 гг. включ. Том I. Исторические

историческую библиографию» в 10 тт.; В. И. Межов в течение 1882—1893 гг. «Русскую историческую библиографию» в 10 тт.) взаимно дополняют друг друга; работы бр. Ламбиных охватывают историческую литературу (книги, журнальные, газетные статьи и рецензии), появившиеся в свет на русском языке в 1855—1864 гг. и опубликованные погодно; работа Межова обнимает литературу, вышедшую в свет за 1800—1854 гг. и 1865—1876 гг., опубликованную суммарно по указанным двум периодам.

История в названных трудах понимается в самом широком смысле слова; указатели охватывают вспомогательные исторические дисциплины, историю финансов, торговли и промышленности, историю просвещения, историю литературы, журналистики, печати, театра и др.

Помимо специальных библиографических работ ценными в библиографическом отношении являются монументальный труд по историографии В. С. Иконникова,¹ курс К. Н. Бестужева-Рюмина (СПб., 1872), а также пригодной для некоторых справок может быть книжка В. И. Пичеты.² Эти работы, написанные представителями буржуазной исторической науки, могут быть использованы в своей фактической части.

Первыми работами по исторической библиографии, изданными после Октябрьской революции, были книги С. В. Вознесенского (1923—1932 гг.). Эти работы, несмотря на ряд методологических ошибок и существенных библиографических погрешностей, все же остаются пока единственными библиографическими пособиями по истории России.³ К сожалению, приходится отметить, что последняя, изданная в 1932 г., работа Вознесенского не доведена до конца и охватывает только XVI—XVII вв.

Мы имеем также библиографические работы по отдельным проблемам исторической науки. Большинство таких библиографических указателей печатается в приложениях к историческим исследованиям, к публикациям

и историко-юридические акты. Политическая история России вообще и история составных ее частей, СПб., 1892, XVI и 373 стр.; том II. Биографии и некрологи русских деятелей. Вспомогательные науки по русской истории: генеалогия, геральдика, хронология, палеография, нумизматика, сфрагистика, медальерное искусство, мифология, VII и 377 стр., СПб., 1893; том III География, гидрография, орография, картография, путешествия, статистика, этнография, история церкви, агрология, история народного просвещения и образования в России, история академий, университетов, лицеев, гимназий и др. учебных заведений, СПб., 1893, X и 514 стр.

¹ Опыт русской историографии, т. I, кн. I, Киев, 1891, кн. II, Киев, 1892; т. II, кн. I, Киев, 1908, — кн. II, Киев, 1908.

² Введение в русскую историю (источники и историография), М., 1923.

³ Материалы для библиографии по истории народов XVI и XVII вв. Л., изд. Акад. Наук (Труды Историко-археологического института), 1933 г. Программа по русской истории. Л., «Кубуч», 1923.

документов и т. п. Из числа таких специальных библиографических указателей следует особо отметить новейшую обстоятельную работу М. Сменцовского, посвященную Степану Разину,¹ и ряд библиографических списков, публикуемых Историко-археографическим институтом Академии Наук, в приложениях к сборникам документальных публикаций.² В дореволюционной библиографической литературе имеется ряд работ, посвященных Петру I,³ восстанию Пугачева,⁴ войне 1812 г.⁵

Помимо общих библиографических работ по историческим наукам составлялись ежегодные библиографические обзоры, охватывающие литературу, вышедшую в свет в определенном году. Из числа таких работ отметим издававшиеся Академией Наук (при участии А. А. Шахматова, В. Н. Бенешевича, В. И. Срезневского и др.) «Обозрение трудов по славяноведению» (вып. I—III, П., 1909—1918 гг.), охватывающие литературу по истории и вспомогательным историческим дисциплинам, изданную в 1908—1913 гг. Предшественником этого труда было издание Академии Наук «Славяноведение в 1900—1901 гг.» (СПб., 1901—1903 гг.). В 1916 г. в журнале «Исторические Известия» (Изд. Исторического общества при Московском университете) печатались аннотированные библиографические обзоры современной литературы по русской истории под редакцией Ю. В. Готье и В. И. Пичеты. Списки книг и журнальных статей по истории и вспомогательным историческим дисциплинам печатались в «прибавлениях» («Хроника и библиография») к «Известиям археологической комиссии» (1901—1918 гг.)

Из библиографических пособий по общественным наукам, дающих ценные указания по историческим дисциплинам, должны быть отмечены труды Н. А. Рубакина⁶ и И. С. Книжника.⁷

¹ Степан Разин в науке, литературе и искусстве. «Каторга и ссылка», 1932, № 7 (92) — 8—9 (93—94).

² Крепостная мануфактура в России, Ч. II—III, Л., 1930—1932; Хозяйство крупного феодала XVII в., Л., 1933 и др.

³ Библиографические работы указаны в книге Е. Ф. Шмурло «Петр Великий в исторической литературе. Историко-библиографический обзор, СПб., 1889.

⁴ Н. Ф. Дубровин. Пугачев и его сообщники, тт. I—III, СПб., 1884.

⁵ К. А. Военский. Отечественная война в русской журналистике. Библиографический сборник статей, относящихся к 1812 году, СПб., 1906. И. П. Липранди. Опыт каталога всем отдельным сочинениям по 1872 год об отечественной войне 1812 года, М., 1876. Н. М. Заторницкий. Наполеоновская эпоха. Библиографический указатель, в. I—II, СПб., 1914—1915. С. П. Агламов. Библиографический указатель отдельным сочинениям, вышедшим в России на русском языке ко дню столетнего юбилея отечественной войны 1812 г., Киев, 1914.

⁶ Среди книг, т. II, М., 1913 (История России, стр. 37—108).

⁷ Что читать по общественным наукам? Систематический указатель коммунистической и марксистской литературы, 1917—1923 гг., Л., «Прибой», 1924, 491 стр.

Работа Н. А. Рубакина, привлекавшая в свое время внимание В. И. Ленина, страдает эклектизмом, а в подборе материала и аннотациях сказалась народническая идеология автора.¹ В труде И. С. Книжника принята, как это отмечалось рецензентами, при классификации материала буржуазная схема.

В 1928 г. Комиссия по составлению и изданию индексов научной литературы приступила к выпуску сборников под заглавием «Научная литература СССР», по различным отраслям знания. В 1932 году был выпущен в свет 1-й полутом указателя по общественным наукам, в котором история составляла особый раздел. Каждое библиографическое указание снабжено аннотацией.

2

Помимо библиографических работ, непосредственно относящихся к общей истории России, большую помощь исследователю-историку оказывают пособия по отдельным отраслям исторической науки. Важными библиографическими пособиями для исследователей истории промышленности являются работы С. Каратаева² и П. О. Черневского.³

Ценные библиографические данные по истории народного хозяйства России сообщает, вышедшая в двух томах, работа И. М. Кулишера,⁴ в которой к отдельным главам даны обширные библиографические указания.

По истории фабрик и заводов составлены специальные библиографические указатели, о которых речь будет ниже.

При изучении экономической истории, в частности вотчинного хозяйства, могут оказаться не бесполезными библиографические указания источников литературы о монастырях, которые имеются в труде В. В. Зверинского;⁵ дополнением к этой работе может служить книга Л. И. Денисова.⁶

Ценные библиографические указания по истории войн с конца XVII в. до 1905 г. сообщает обстоятельный систематический каталог библиотеки б. Николаевской военной академии, составленный С. Д. Маслов-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. XVII, стр. 330—332.

² Библиография финансов, промышленности и торговли... с 1714 по 1879 гг. включительно, СПб., 1880 г.

³ П. О. Черневский. Указатель материалов для истории торговли, промышленности и финансов, в пределах Российской империи от древнейших времен до конца XVIII столетия, СПб., 1883, 141 стр.

⁴ История народного хозяйства, тт. I—II, Л., 1925—1926.

⁵ Материалы для историко-топографических исследований о монастырях с библиографическим указателем, в. I—III, СПб., 1890—1897.

⁶ Православные монастыри Российской империи, М., 1908.

ским.¹ Составленное библиотекарем б. генерального штаба А. И. Григоровичем «руководство» для «полковых историков» царской армии заключает в себе ряд библиографических данных, касающихся военной истории и истории царской армии.² Этим же автором был составлен специальный «перечень» историй полков царской армии.³ Это пособие может оказаться не бесполезным для историков декабристов, революции 1905 г. и т. д.

Кстати отметим, что библиографические материалы, заключающиеся в этих книгах, нередко остаются вне поля зрения библиографов и историков.

Для истории империалистической войны, гражданской войны и красной армии важным справочным пособием является работа Н. Толкачева, в которой указаны библиографические работы по отдельным темам истории гражданской войны, красной армии и истории революционного движения в армии и во флоте.⁴ Полезным справочником по этой же теме является каталог библиотеки Центрального дома Красной армии им. М. В. Фрунзе.⁵

Профессорами юристами в 1890 и 1900-х годах Н. П. Загоскиным⁶ и Ф. И. Леонтовичем⁷ были составлены библиографические пособия с общепринятой в буржуазной юриспруденции классификацией материала. Эти пособия, особенно работа Н. П. Загоскина, являются ценными библиографическими указателями по вспомогательным историческим дисциплинам (архивоведение, палеография, дипломатика, сфрагистика и др.) и истории суда.

К этой же группе библиографических пособий следует отнести работы А. Поворинского, из которых наиболее ценными и не лишенными значения для справок историка является «Систематический указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданскому и уголовному», СПб., 1896. В этом пособии дана с максимальной полнотой литература, связанная с историей, структурой, компетенцией судебных учреждений, как гражданских, так и военных и военно-морских царской России.

По вспомогательным историческим дисциплинам (архивоведение, археология, генеалогия, геральдика, дипломатика, историческая география,

¹ Николаевская военная академия. Систематический указатель I. Военная история (1832—1910), СПб., 1912.

² Опыт руководства к составлению полковых историй. Изд. Военно-историч. общества, СПб., 1913.

³ Перечень историй и памятков войсковых частей, ч. I, изд. 2, СПб., 1913.

⁴ Военная библиография (программы и учебные материалы). Военный отдел Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, М., 1935, 57 стр.

⁵ Каталог военной литературы библиотеки Центрального дома Красной Армии им. М. В. Фрунзе. Сост. А. Рогинский, под ред. А. Шлеминга, М., 1931, стр. 152.

⁶ Наука истории русского права, Казань, 1891.

⁷ История русского права, вып. I. Литература истории русского права, Варшава, 1902.

нумизматика, сфрагистика, хронология и некоторые др.) библиографические указания помимо общих работ по исторической библиографии даны в книге Г. П. Саара.¹

Кроме того в нашей литературе, крайне бедной специальными библиографическими работами по вспомогательным историческим дисциплинам, имеются библиографические указатели по генеалогии и геральдике Л. М. Савелова,² по нумизматике — С. Г. Громачевского,³ по археологии, с охватом литературы, вышедшей в десятилетие 1918—1928 гг., — О. А. Магнус и некоторых других,⁴ по эпиграфике — А. С. Орлова,⁵ по исторической географии Л. С. Багрова.⁶

3

Перед историком народов Союза стоит громадная задача изучения истории отдельных народов, входящих в наш Союз. До Октябрьской Революции не было истории народов. Правда, издавались книги, посвященные «истории» отдельных «окраин», в которых пелись хвалебные гимны царской завоевательной политике (излагались главным образом, действия войск и воспевалась мощь царского оружия). К числу таких «трудов» принадлежат книги Н. Ф. Дубровина и В. А. Потто (по Кавказу), М. М. Бородин (по Финляндии), П. Корнилова (по Белоруссии и Польше) и др. Такой же характер

¹ Источники и методы исторического исследования, Баку, 1930.

² Л. М. Савелов. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию русского дворянства, Острогжск, 1898; 1 доп., М., 1904. [В. К. Лукомский]. Каталог библиотеки гербового отделения департамента герольдии правительствующего сената. Русский отдел, СПб., 1916; 1 доп., СПб., 1917.

³ С. Г. Громачевский. Библиографический указатель по русской нумизматике, Житомир, 1904, 110 стр.

⁴ Д. Поленов. Библиографическое обозрение трудов имп. Археологического общества, СПб., 1871, 78 стр.; Список изданий Московского археологического общества, М., 1908, 39 стр.; Подробный каталог изданий имп. Археологической комиссии министерства народного просвещения, вышедших в свет с 1863 по 1912 гг., изд. 2-ое, СПб., 1913, 114 стр.; В. К. Трутовский. Список изданий имп. Московского археологического общества за 50 лет его деятельности с указанием содержания, М., 1915, 55 стр.; О. А. Магнус. Библиографический указатель литературы по археологии, вышедшей в СССР за 1918—1928 гг., Л., 1931, 116 стр.; Каталог изданий государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) и изданий, находящихся на складе ГАИМК, Л., ОГИЗ, Книгоцентр, 1931, 81 стр. (В «Каталоге» описаны издания Русского археологического общ. Моск. археологич. о-ва, труды археологических съездов, издания Уваровых и некоторые др.); С. А. Дубинский. Библиография по археологии Белорусии и смежных краев, Минск, 1933, 216 стр. Указатель работ Государственной Академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра, изданных в 1921—1935 гг., М.—Л., 1936.

⁵ Библиография русских надписей XI—XV вв., М.—Л., 1936.

⁶ История географической карты (Вестник археологии и истории. Изд. Петрогр. археологич. института, в. XXIII. Пгр., 1918. Приведен обширный указатель литературы).

носила и деятельность правительственных археографических комиссий на Кавказе, в Белоруссии и Украине. В губернских городах существовали местные архивные комиссии и церковно-археологические комитеты, которые издавали материалы большею частью по генеалогии дворянства, истории помещичьего землевладения и канонизации святых.

Но однако весь этот материал, несмотря на свою тенденциозность и абсолютную ненаучность, не может оставаться вне поля зрения исследователей, которые все же могут извлечь из него те или иные данные, дающие нить к углубленной научно-исследовательской работе, построенной на основе марксистско-ленинской методологии.

Само собой понятно, что и библиографические пособия, издававшиеся в те же годы, отражали позицию буржуазно-дворянской историографии.

Библиографические работы В. И. Межова,¹ В. Д. Городецкого,² З. И. Пенкиной³ и некоторые другие (по Азии, Туркестану и Сибири), Н. Ф. Дубровина,⁴ Миансарова,⁵ К. Н. Бегичева,⁶ Д. Д. Пагирева⁷ (по Кавказу), М. М. Бородин⁸ (по Финляндии), С. Балтрайтис⁹ (по Литве)—

¹ Библиография Азии. Указатель книг и статей об Азии на русском языке и одних только книг на иностранных языках, касающихся отношений России к азиатским государствам, тт. I—III, СПб., 1891—1894. Систематический и азбучный указатели сочинений и статей на русском и иностранных языках, вошедших в состав 1—150 томов «Туркестанского сборника», составленного по поручению Туркестанского генерал-губернатора В. И. Межовым, в трех частях, СПб., 1878—1888, 484 стр.; Сибирская библиография. Указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания, т. I—III, СПб., 1891—1894.

² Библиография Туркестана, том I, Ташкент, 1913; дополнения к этому указателю служат: А. Панков. Библиографический указатель книг и статей по Туркестановедению с 1 октября 1912 г. по 1 января 1914 г. («Изв. Туркест. отд. Русск. геогр. о-ва» 1914, том X, вып. I, стр. 257—276) и Е. Бетгер и А. Панков. Библиографический указатель по Туркестановедению за 1914—1915 гг. («Изв. Турк. отд. Русск. геогр. общ.», 1917, том XIII, вып. I, стр. 28—34); Н. В. Дмитровский. Библиографический указатель сочинений о Средней Азии, напечатанных на русском языке с 1692 по 1870 гг. («Материалы для статистики Туркестанского края», вып. III, СПб., 1874, стр. 181—250).

³ Закаспийский край, 1865—1885. Систематич. сборник библиографических указаний книг и статей о закаспийском крае и сопредельных стран, СПб., 1888.

⁴ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, том I, кн. 3, СПб. 1871.

⁵ *Bibliographia Caucasica et Transcaucasica*, СПб., 1874—1876.

⁶ Объяснительный каталог библиотеки вел. кн. Георгия Александровича в Абастумане. Кавказ и соседние с ним страны, Тифлис, 1894.

⁷ Указатель книг и статей. «Записки Кавказского отдела Русск. географич. об-ва», том XXX.

⁸ Финляндия в русской печати: Материалы для библиографии, 1901—1913, СПб., 1915.

⁹ Записки имп. Русского географического общ. по отделению этнографии, том XXI, вып. I. Сборник библиографических материалов для географии, этнографии и статистики Литвы. С приложением списка литовских и древне-прусских книг с 1553 по 1891 г., СПб., 1891.

предпринимались в большинстве случаев по заданиям правительственных учреждений царской России, например, Азиатской части главного штаба, комиссии по систематизации финляндских законов и местных административных управлений и даже отдельных администраторов (например, туркестанского генерал-губернатора К. П. фон-Кауфмана) и составители их в той или иной мере, как это явствует из предпосланных к некоторым библиографическим работам предисловий стремились обслуживать задачи, выдвигавшиеся колониальной политикой царизма.

В дореволюционной России был издан также ряд библиографических работ, посвященных отдельным губерниям, областям, городам и т. п.

Перечислять эти работы нет надобности, так как более или менее полный список их приведен в работах Б. М. Городецкого,¹ Н. Б. Игнатьева² и Д. К. Зеленина.³

Ценные библиографические данные по этой же теме сообщают также описания частных библиотек А. Д. Черткова,⁴ Н. Ф. Бокачева,⁵ Н. П. Смирнова⁶ и Д. В. Ульянинского.⁷ Эти каталоги отличаются точностью описаний книг и, при достаточной полноте могут служить надежными справочными пособиями. Разумеется, что каждый из библиографических указателей, обнимающих литературу по истории губернии, области или края может быть использован также при изучении истории народов.

Помимо библиографических работ, охватывающих литературу связанную с изучением определенной территории, входившей в состав бывшей империи, издавались библиографические пособия посвященные литературе, касающейся отдельных народов.

¹ Местная библиография России, Краснодар, 1922.

² Дополнение к работе Городецкого, опубликованное в журнале «Библиотечное обозрение», 1925, кн. 2, стр. 28—45.

³ Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России, 1700—1910, СПб., 1913.

⁴ Всеобщая библиотека России или каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях, собранных А. Д. Чертковым. Издание второе, исправленное и слишком вдвое умноженное. Отделение второе. Землеописание №№ 2201—3103, М., 1864.

⁵ Каталог сочинений, составляющих русскую историческую и археологическую библиотеку Н. Бокачева. История русских земель и городов. Виды городов, монастырей и местностей, памятных в историческом отношении. Описание монастырей, местных святынь и древностей. СПб., 1896.

⁶ Библиографические материалы. Опись книг, брошюр и статей библиотеки сенатора Н. П. Смирнова, СПб., 1898.

⁷ Библиотека Д. В. Ульянинского. Библиографическое описание, т. II, «Библиография», М., 1912, стр. 519—530.

Из числа последних следует отметить библиографические работы о башкирах (Д. П. Никольского¹), о киргизах (А. Е. Алекторов² и А. Н. Харузина³), о мордве (И. Н. Смирнова⁴), о мари (А. А. Петрова⁵), о чувашах (Ант. Иванова⁶), об евреях⁷ (В. И. Межова и коллективный анонимный труд).

Большинство из названных выше указателей преимущественно учитывали этнографическую литературу, но все они могут оказаться не бесполезными для историка народов.

Большую помощь в деле ориентировки в библиографической литературе, касающейся отдельных народов, может оказать работа Д. К. Зеленина.⁸

После Октябрьской революции широко развернулась работа по библиографии народов и так наз. краевой или «местной» библиографии. Был издан ряд пособий и опубликовано значительное количество библиографических материалов. Из этих изданий особенно ценными являются пособия, подводящие итоги всей библиографической работе, связанной с изучением той или иной территории. Наиболее полными из подобного рода изданий (Библиография библиографии) являются труды Ф. Максимиенко по Украине⁹ и Н. П. Здобнова — по Уралу и Башкирии,¹⁰

¹ Д. П. Никольский. Библиографический указатель литературы о башкирах. Этнографическое обозрение, XIII, 1899, № 4, прибавление, стр. 1—26.

² А. Е. Алекторов. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах, Казань, 1900 (Приложение к ИОЛИЭ за 1900 г. 969—14 стр.).

³ А. Н. Харузин. Библиографический указатель книг и статей, касающихся этнографии киргиз и каракиргиз с 1791 по 1891 г. Этнографическое обозрение, 1891, кн. 9, № 2, прибавление, стр. 1—68.

⁴ И. Смирнов. Указатель литературы о мордве. Этнографическое обозрение, 1891, № 4.

⁵ А. А. Петров. Библиографический указатель книг, статей и заметок, касающихся черемис. Известия Оренбургск. отд. Русск. геогр. общ., 1901, XVI, стр. 1—29.

⁶ Иванов, Ант. Указатель книг, брошюр, журнальных и газетных статей и заметок на русском языке о чувашах, в связи с другими инородцами Среднего Поволжья, с 1756 по 1906 г. Известия общ. археологии, истории и этнографии, 1907, т. XXIII, № 2 приложение, стр. 1—32; № 4, приложение, стр. 33—63.

⁷ В. И. Межов. Систематический указатель литературы об евреях на русском языке со времени введения гражданского шрифта — 1708 г. по декабрь 1889 г., СПб., 1892; Систематический указатель литературы об евреях на русском языке со времени введения гражданского шрифта (1708 г.) по декабрь 1889, СПб., 1893.

⁸ Указ. кн., стр. 846.

⁹ Матеріали до краєзнавчої бібліографії України 1847—1929 г. Список бібліографічних праць, що стосуються до окремих місцевостей УСРС, Бесарабії, Дону, Криму, Київ, 1930, 262 стр.

¹⁰ Указатель библиографических пособий по Уралу, со включением Башкирии и Сибирских округов Уральской области, вып. I, М., 1927.

М. К. Азадовского — по Сибири,¹ З. Н. Матвеева — по Дальнему Востоку² и П. К. Казаринова — по Бурято-Монголии.³ Были изданы также отдельные библиографические работы по Украине,⁴ Татарстану,⁵ Азербайджану,⁶ Дагестану,⁷ Средней Азии: Казахстану,⁸ Туркестану,⁹ Таджикистану,¹⁰ Приенисейскому краю,¹¹ Прибайкалью,¹² Приамурью и Охотско-Камчатскому краю.¹³

Помимо названных работ были опубликованы библиографические указатели охватывающие литературу по истории отдельных областей. Из числа последних надлежит отметить наиболее значительные работы:

¹ Обзор библиографий Сибири «Труды О-ва этнографии, истории и археологии при Томском университете», вып. I, Томск, 1920.

² Состояние библиографической литературы Дальне-восточного края, Владивосток, 1926 (Оттиск из «Трудов. Гос. Дальневосточного университета», серия III, № 12).

³ О библиографии бурят-монголов и их края, Иркутск. Изд. Бурят-монгольской секции Вост.-сиб. отд. Русск. географич. о-ва, 1926.

⁴ Бібліографія історії України, Росії та українського права, краєзнавства і етнології за 1917—1927 роки, Харків, 1930 (Матеріали до української історичної бібліографії, в. 1). Бібліографія історичної літератури за 1928 р., Харків, 1930 (Матеріали до української історичної бібліографії в. 2).

⁵ Библиография Татарстана, вып. I, 1917—1927, Казань, Татиздат, 1930; Али Рахим. Материалы для библиографии по татароведению (Очерки по изучению местного края). Под ред. проф. С. П. Сингалевича и Р. Ш. Тагирова. Казань, изд. Дома татарской культуры, 1930, стр. 342—395.

⁶ А. В. Багрий. Материалы для библиографии Азербейджана, вып. 1—2, Баку, изд. Дома работников просвещения, 1924—1925.

⁷ Каргина К. И. и Павлов, Д. М. Библиография Дагестана за послереволюционный период 1917—1928. Перечень литературы. Список рукописей. Махач-кала, Дагест. научно-исслед. инст., 1928; Б. М. Городецкий. Дагестан в советской литературе. Источники для изучения Дагестанской АССР. С предисловием и вступительным очерком Ибр. Алиева, Махач-кала, 1933.

⁸ Н. Я. Виткинд. Библиография Средней Азии (указатель по колониальной политике царизма). Под ред. А. В. Шестакова, М., 1929; Е. А. Вознесенская и А. В. Пиотровский. Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казакстана и Среднеазиатских республик, Л., изд. Акад. Наук СССР, 1927.

⁹ Краткий библиографический указатель литературы по Туркестану. Прилож. к статистич. ежегоднику, Ташкент, 1924.

¹⁰ П. П. Иванов. Библиография Таджикистана. Опыт систематического указателя книг, статей и заметок на русском и западноевропейских языках о Таджикистане. Материалы по изучению Таджикистана. Ташкент, 1926.

¹¹ В. П. Косованов. Библиография Приенисейского края. Систематический указатель книг и статей на русском и иностранных языках с 1612—1923 включительно, том III, Красноярск, Сибирское Краевое издательство, 1930.

¹² В. П. Гирченко, К. М. Вильмин, А. П. Бажин. Указатель литературы по Прибайкалью, Верхнеудинск, 1923.

¹³ В. А. Грачев. Обзор источников по истории Приамурья и Охотско-Камчатского края, вып. I. Владивосток, 1927 (Труды Государственного Дальневосточного университета. Серия III, № 5).

Н. Г. Огурцова (по Ярославскому краю)¹ В. В. Литвинова,² и В. Я. Закса³ (по ЦЧО) и Н. А. Чарушина⁴ (по Вятскому краю).

В последние годы широко развернулась библиографическая работа по истории отдельных народов. Были изданы библиографические указатели о бурятском народе,⁵ удмуртах,⁶ якутах,⁷ мари,⁸ карелах,⁹ цыганах,¹⁰ немцах,¹¹ каракалпаках¹² и нек. др.¹³

В связи с изучением истории партии и революционного движения по отдельным районам на местах возникли сотни истпартотделов, которые также ведут библиографическую работу по описанию литературы по истории революционного движения. Об этих специальных работах по истории революционного движения, построенных по территориальному принципу, речь идет ниже.

При изучении истории отдельных народов СССР большую помощь оказывают также библиографические пособия по библиографии сопредельных стран. Из числа вышедших в последние годы назовем работы по библиографии Востока (Библиография Востока, вып. 1, М., 1928), по Ирану,¹⁴

¹ Опыт местной библиографии. Ярославский край (1718—1924). С предисловием В. Н. Бочкарева, Ярославль, 1924.

² Указатель литературы по изучению Воронежской губернии (1703—1927), Воронеж, 1928.

³ Указатель литературы о природе и хозяйстве Центрально-черноморской области (1800—1925), Воронеж, 1928.

⁴ Указатель статей и заметок о Вятском крае, помещенных в столичных и некоторых провинциальных журналах, имеющихся в Вятской Публичной библиотеке им. Герцена (с 1812 по 1917 г.), Вятка, 1928.

⁵ Н. Н. Козьмин. Библиографический указатель литературы и источников по истории бурятского народа (см. М. Н. Богданов. Очерки по истории бурят-монгольского народа, Верхнеудинск, 1926, стр. 184—191).

⁶ Я. И. Ильин. Рой книг. Собрание книг и статей об удмуртах областных и внеобластных (с 1762 до половины 1928 г.). Под ред. Ф. Стрельцова, Ижевск, 1929.

⁷ П. П. Хороших. Якуты. Опыт указателя историко-этнографической литературы о якутской народности. Под ред. и с предисл. Э. К. Пекарского, Иркутск, 1924 (Оттиски из Изв. Вост.-сиб. отдела Русск. геогр. общ., том XLVIII, вып. 1).

⁸ Я. Ялкаев. Материалы для библиографического указателя по мариведению, 1762—1931, Йошкарела, Маргиз, 1934.

⁹ А. Вершинский. Библиография карел Московской области, М., Моск. обл. музей, 1931.

¹⁰ А. В. Герман. Библиография о цыганах. Указатель книг и статей с 1780 по 1930 г. Вступ. статья проф. М. В. Сергиевского, М., Центриздат, 1930.

¹¹ F. P. Schiller. Literatur zur Geschichte und Volkskunde der deutschen Kolonien in der Sowjet-Union für die Jahre 1764—1926, Pokrowsk, 1927.

¹² А. И. Пономарев. Библиографические материалы на русском языке о каракалпаках (Материалы по истории каракалпаков. Сборник. Труды Института востоковедения, том VII, М.—Л., 1935, стр. 257—278).

¹³ А. И. Андреев. Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народов Севера. Финно-угорский сборник, Л., изд. Академии Наук СССР, 1928, стр. 243—334.

¹⁴ Библиографический указатель по Персии, изд. Коммунистич. универ. трудящихся Востока им. И. В. Сталина, М., 1928.

по Китаю.¹ Этими изданиями было положено начало русской советской библиографии Востока. Институт востоковедения Академии Наук издает специальные сборники, посвященные библиографии текущей литературы по Востоку. Вышедшие сборники («Библиография Востока») содержат богатый библиографический материал по странам Востока (обзор литературы, рукописных собраний и архивов, тематические библиографические указатели, и рецензии книг и журнальных статей).

4

Само собой понятно, что до Октябрьской революции научной историко-революционной библиографии, благодаря цензурным условиям царской России, быть не могло.

Правда, еще в годы первой революции были изданы ценные справочники, преследующие чисто пропагандистские цели отдельных революционных партий. Из числа этих справочников следует поставить на первом месте работу В. Керженцова (Платона Лебедева) «Библиотека социал-демократа» (первое издание 1906 г.),² долгое время остававшуюся лучшим библиографическим пособием по истории революционного движения.

Полицейские органы в целях борьбы с революционным движением неоднократно производили учет революционной литературы, попадавшей в руки жандармов при обысках и так наз. полицейских «ликвидаций» «нелегальных» типографий. Списки революционных изданий публиковались

¹ П. Е. Скачков. Библиография Китая, Л., 1934.

² В 1919 г. эта работа вышла под заглавием «Библиотека коммуниста». Эта работа была уничтожена по отзыву нижегородского цензора. Отзыв не лишенный исторического значения приводим целиком: «Брошюра эта, напечатанная в Нижнем-Новгороде, с дозволения цензуры от 2 февраля 1906 г. представляет из себя систематический указатель социал-демократической литературы, сопровождаемый подробным изложением программ этой политической партии, статьями составителя, разъясняющими требования этих программ, каталогами примерных библиотек, списками книг по трудности их восприятия и целым рядом поверочных вопросов, облегчающих усвоение социал-демократических требований. В предисловии к настоящему изданию автор не скрывает пропагандистского назначения этой брошюры, а наоборот ставит это себе в заслугу, выражая на стр. 4-й надежду, что работа его может быть небесполезной для пропагандистских занятий. Ставя целью своего издания распространение социал-демократических идей, составитель этого указателя несомненно возбуждает читателя к совершению бунтовщического деяния и к ниспровержению существующего в государстве общественного строя. Так, на страницах с 24 по 26, он открыто требует, с одной стороны, учреждения у нас демократической республики и установления диктатуры пролетариата, а с другой, проведения в жизнь социализма и разных свобод». ЛОЦИА. Главное управление по делам печати, II отд., д. № 587 за 1911 г.

в «обзорах важнейших познаний, производившихся в жандармских управлениях империи» (за 1881—1902 гг.) и в специально-издававшихся каталогах, из числа которых наиболее значительным по своему объему является «Систематический каталог библиотеки СПб. губернского жандармского управления» (СПб., 1911, составлен жандармским подполковником Энгбрехтом). Цензурное ведомство царской России (Главное управление по делам печати) также зорко следило за выпуском революционных изданий и публиковало их названия в специально издававшихся официальных списках запрещенных изданий.¹

Создание научной библиографии по истории революционного движения следует отнести к нашей эпохе, когда пролетариат твердо взял власть в свои руки.

Первой общей библиографической работой по истории революционного движения является труд А. А. Шилова.² Эта работа в настоящее время значительно устаревшая как по своей конструкции, так и по фактическому материалу, которым она располагает, до настоящего времени однако остается единственным библиографическим пособием по общей истории революционного движения на территории царской России.

В приложениях к журналу «Каторга и ссылка» печатались погодные систематические указатели литературы по истории революционного движения, вышедшей с 1924 по 1930 г.³

Отдельным темам по истории революционного движения посвящены специальные библиографические работы монографического характера.

Особенно богата библиографическая литература по истории восстания декабристов. Начиная с 1903 г. (опубликована первая работа В. Я. Ада-рюкова в журнале «Антиквар»)⁴ издан ряд библиографических справочных пособий (работы В. И. Селиванова,⁵ С. А. Переселенкова,⁶ С. В. Вознесен-

¹ Алфавитные перечни запрещенным изданиям с 1870 по 1917 гг. Алфавитные указатели книгам и брошюрам, а также номерам повременных изданий, арест на которые утвержден судебными установлениями с 1905 по 1914 г.

² Что читать по истории русского революционного движения, СПб., 1922.

³ Б. П. Козмин и Р. С. Мандельштам. Революционное движение в России XVII—XX вв. за 1924—1930, М., 1927—1934.

⁴ Библиографический указатель книг, брошюр, статей по истории «декабристов», СПб., 1903 (Отд. оттиски из журнала «Антиквар», 1903).

⁵ Декабристы. 1825—1925. Систематический указатель русской литературы», Л., изд. «Колос», 1925.

⁶ Дневники и мемуары декабристов. Библиографический указатель «Былое», 1925, № 5 (30), стр. 240—262.

ского,¹ и Е. В. Сказина).² Последней по времени выхода в свет работой, наиболее полной, поглотившей все предыдущие работы является изданный в 1929 г. обширный указатель, составленный Н. М. Ченцовым, под редакцией Н. К. Пиксанова, которым Центрархив завершил многотомное издание, посвященное декабристам. Указания на литературу снабжены аннотациями преимущественно фактического характера: особенно ценны сообщения об архивном материале, на котором построено то или иное исследование.³

Петрашевцам⁴ и Народной Воле⁵ также посвящены специальные библиографические указатели.

Ряд библиографических работ посвящен первой революции 1905—1907 гг. Наиболее полным является библиографический указатель, изданный коллективом библиографов под ред. Г. К. Дерман в 1930 г.⁶ Указатель охватывает книжную литературу, посвященную эпохе 1900—1907 гг. В указатель не вошли журнальные статьи, что в значительной мере умаляет ценность обширного библиографического труда. Изданный в 1925 г. библиографический указатель О. Э. Вольценбурга⁷ в настоящее время сохраняет свое значение лишь в качестве дополнения к названному труду и главным образом в части, касающейся журнальной литературы. Полезным библиографическим пособием по истории революции 1905 г. является также работа, изданная под ред. М. Н. Покровского, «Советская печать и литература о Советах».⁸

Кроме того был издан ряд небольших библиографических работ на эту тему, главным образом к двадцатилетию первой революции, указания на которые можно найти в названных двух наиболее значительных трудах по библиографии истории первой революции.

¹ Библиографические материалы для словаря декабристов, Л., 1926.

² К библиографии восстания 14 декабря 1825 г. «Вестник Коммунистической Академии», 1925, № 10, стр. 333—354.

³ Восстание декабристов. Библиография, М.—Л., Гос. Изд. (Центрархив), 1929. Ср. ст. М. К. Азадовского: «К методологии декабристской библиографии». «Каторга и ссылка», 1931, № 6 (79), стр. 184—197.

⁴ В. Лейкина. Петрашевцы. Под ред. П. Е. Щеголева. С библиографическим алфавитом петрашевцев, библиографией и портретами. М., изд. «О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев», 1924.

⁵ М. Дрей. Опыт указателя литературы по истории партии «Народной Воли» (прилож. к журн. «Каторга и ссылка» за 1929 г., ранее было опубликовано в журн. «Вестник социалистической академии», 1923, № 5).

⁶ Первая русская революция. Указатель литературы, М., 1930.

⁷ Библиографический путеводитель по революции 1905 г., Л., 1925.

⁸ 1905 год. Материалы и документы. Под общей редакцией М.—Л., 1925.

При некоторых библиографических разысканиях историк может найти необходимый для своей работы материал в обзоре партийных библиографических журналов за 1905—1907 гг., опубликованном Н. Н. Абловым.¹

По библиографии Октябрьской революции наша литература располагает двумя общими работами, а именно С. Л. Данишевского² и М. М. Добраницкого.³ Обе работы, изданные в 1926 г., особенно последняя, в которой включена литература вышедшая в свет в течение 1917—1922 гг., в настоящее время значительно устарели. Литература по истории гражданской войны нашла отражение в литографированном труде, изданным Военно-политической академией им. Н. Г. Толмачева под редакцией Ф. А. Анулова.⁴ В настоящее время подготавливается к печати новый обширный указатель научным кабинетом Секретариата «Истории гражданской войны». Указания на библиографические списки литературы, посвященные отдельным вопросам гражданской войны (врангелевщина, колчаковщина и др.), имеются как в названном труде, изданном Военно-политической академией, так и в упомянутых выше материалах по военной библиографии Н. Толмачева и каталоге библиотеки Центрального Дома Красной армии им. М. В. Фрунзе.

За последние годы был издан ряд библиографических пособий по истории рабочего и профессионального движения. Перечислять эти отдельные работы нет надобности, так как список их можно найти в публикации И. С. Книжника-Ветрова в журнале «Проблемы марксизма».⁵ В этом же списке можно найти и старые работы, вышедшие до революции 1917 г., как, например, Н. М. Лисовского и др.

В последнее время Академией истории материальной культуры приступлено к изданию огромной библиографической работы (рассчитанной на шесть томов), ставящей себе целью «обслужить исследование истории пролетариата». Вышедшие два выпуска первого тома содержат ряд ошибок как методологического, так и библиографического порядка (неудачная систематизация материала, обилие пропусков и т. д.).⁶

¹ Библиографическая журналистика в России и партийные библиографические журналы 1906—1907 гг. «Библиография», 1929, № 1, стр. 44—56.

² Опыт библиографии Октябрьской революции, М., 1926.

³ Систематический указатель литературы по истории Русской революции, М., 1926.

⁴ Тематический указатель литературы по гражданской войне, Л., 1929.

⁵ Библиография главнейших библиографий по истории пролетариата СССР. Проблемы марксизма, 1930, № 2 (4), стр. 203—214.

⁶ Библиография по истории пролетариата в эпоху царизма. Феодально-крепостной период. Под ред. М. В. Нечкиной, т. I, вып. 1. Книжная литература, вып. 2. Журнальная литература, М.—Л., СОЦЭГГИЗ, 1934. Ср. рец. Ф. Зимовского («Книга и пролетарская революция», 1936, № 5).

В связи с изучением истории заводов было уделено внимание также и библиографированию литературы, посвященной отдельным предприятиям. Обстоятельная библиографическая работа составлена библиографической комиссией по истории фабрик и заводов.

В этот указатель¹ включены книги и брошюры на русском языке; весь материал расположен по территориальному принципу: в пределах каждого города или района по отдельным предприятиям. Были опубликованы также библиографические списки литературы, касающиеся отдельных предприятий. Отметим списки литературы по истории «Красного Путиловца»² и завода «Большевик»,³ составленные бригадой ЛОКА.

Ценным библиографическим справочником по истории крестьянского движения является указатель, составленный Е. А. Мороховцем.⁴

По истории революционного движения в армии и во флоте составлены были Е. Д. Никитиной и В. И. Селивановым специальные указатели в сборниках, изданных Обществом политкаторжан.⁵

Печатались также специальные библиографические списки по истории политической каторги и ссылки в изданиях того же общества.⁶

Большое значение при изучении истории революционного движения несомненно имеют так наз. «Местные» библиографические работы, охватывающие литературу, посвященную истории революции и гражданской войны на определенной территории СССР.

Из числа этих работ отметим наиболее значительные: по истории революционного движения в Одессе,⁷ Сталинградском крае,⁸ Саратовском

¹ Библиографический указатель по истории фабрик и заводов, Москва, ОГИЗ, 1932; Я. Н. Елецкий. Библиографический указатель книг и брошюр по истории фабрик и заводов 1932—1934 гг., М., «История заводов», 1935.

² Проблемы марксизма, 1931, № 7, стр. 127—135.

³ История заводов, 1933, № 4—5, стр. 223—230.

⁴ Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России Вестник Коммунистической Академии за 1923—1927 гг. № 3—7, 12, 20; в дореволюционной России был опубликован также ряд библиографических работ по истории крестьянства (В. И. Межова, А. Авальяни и др.). Список этих работ (правда, не полный) приведен И. С. Книжником-Ветровым в приложении к сборнику «Крепостная Россия», изд. ЛОКА, Л., 1930, стр. 243—245.

⁵ «В царской казарме», М., 1928, и «Царский флот под красным стягом», М., 1931.

⁶ Крепость Шлиссельбург, М., 1927; В Якутской неволе, М., 1927; Сибирская ссылка М., 1927 и др.

⁷ Библиография революционного ruchu в Одесі (1820—1920), Одесса, 1933 (Труды Одесской госуд. научной библиотеки. Новая серия, том I); Материалы к библиографии революционного движения в Одессе, Одесса, 1927.

⁸ Н. А. Синееков. Указатель материалов по истории революционного движения Сталинградского края 1905 г. 1922, Сталинград, 1930.

крае,¹ на Севере,² Сибири,³ на Дальнем Востоке,⁴ Средней Азии⁵ и в Бурятии.⁶

Разумеется, что ценные библиографические указания по истории революционного движения можно также найти в общих работах по исторической библиографии того или иного края, о которых речь была выше.

Все эти указатели, при наличии неизбежных в этих работах пробелах и методологических ошибок, несомненно явятся в будущем ценным источником для составления полной историко-революционной библиографии.

5

Важнейшими библиографическими пособиями по истории ВКП(б) являются библиографические работы, служащие ключом к произведениям В. И. Ленина и И. В. Сталина. Число библиографических работ, посвященных В. И. Ленину, чрезвычайно велико. В течение четырех лет (1924—1928) только на русском и украинском языках появилось около 650 работ, в которых дана библиография В. И. Ленина. Помимо указателей к произведениям В. И. Ленина имеются работы, охватывающие не только библиографию сочинений В. И. Ленина, но и громадную литературу о нем. Особенно ценным справочным пособием является издаваемая Институтом Маркса—Энгельса—Ленина «Лениниана». Перечень основных библиографических работ, посвященных В. И. Ленину, дан в работе А. Г. Фомина.⁷ Из библиографических работ, касающихся сочинений И. В. Сталина, совершенно необходимым пособием является предметный указатель, приложенный

¹ С. Д. Соколов и В. А. Сушицкий. Материалы для указателя по революционному движению в Саратовском крае, 1861—1921 гг., Саратов, 1928; В. Сушицкий. Указатель литературы по революц. движению в Саратовском крае, выпущен в 1928. 1861—1921, Саратов, 1930.

² А. Попов. Библиография интервенции и гражданской войны на Севере. С приложением указателя литературы по общественно-политическому движению в Архангельской губ. и Северной Ссылке до 1917 г., Архангельск, 1928.

³ А. Н. Турунов и Т. Н. Попова. 1905 год в Сибири. Материалы к библиографическому обзору книг и журнальных статей, М., Гос. изд., «Советская Азия», 1930.

⁴ Н. Я. Виткинд. Материалы к библиографии истории гражданской войны на Советском Востоке. Научно-исслед. ассоциация по изуч. национ. и колониальн. проблем, М., 1934.

⁵ П. Антропов. Что и как читать по истории революционного движения и партии в Средней Азии?, Самарканд, 1929.

⁶ П. П. Хороших. Литература о революционном общественном движении в Бурятии, Иркутск, 1926, 13 стр. (оттиск из сб. бурят-монгольской секции ВСДРГО, вып. II, 1926).

⁷ Путеводитель по библиографии Маркса—Энгельса—Ленина. Систематический и аннотированный указатель русских книг и журнальных работ по библиографии Маркса, Энгельса, Ленина, напечатанных в 1907—1934 гг., Л., 1934. Ср. реп. А. Эйхенгольца — «Путеводитель по библиографии марксизма-ленинизма еще не создан» («Книга и пролетарская революция», 1935 г., № 5).

к последнему изданию «Вопросов ленинизма».¹ Перечень работ И. В. Сталина, не вошедших в сборники «Вопросы ленинизма», «Об оппозиции», «Марксизм и национально-колониальный вопрос» и «На путях к Октябрю», опубликован в журнале «Пролетарская революция», 1936, № 7, стр. 232—241.

Библиографические указания по истории ВКП(б) помимо общих библиографических работ по истории революционного движения, можно найти в трудах по истории партии.

Громадная, многосторонняя роль листовок в жизни ВКП(б), на протяжении всей ее истории, свидетельствует о крупном научном значении издаваемого Институтом Маркса—Энгельса—Ленина библиографического описания социал-демократических листовок.² К этому же типу примыкает работа, (ред. С. Н. Валка и А. А. Шилова) «Первомайские прокламации».³

Нередко при изучении истории революционного движения является необходимость в наведении библиографических справок, касающихся изданий, выходивших за границей и запрещенных к обращению в царской России. Помимо «официальных» списков, для «совершенно» «секретного» пользования б. Главным управлением по делам печати («Алфавитный каталог изданиям на русском языке, запрещенных к обращению и перепечатанию в России») и списков, печатавшихся в «Обзорах важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи», большую помощь может оказать, изданный Публичной Библиотекой в Ленинграде, каталог под заглавием «Вольная русская печать в Российской Публичной Библиотеке» (П., 1920), который содержит описание сборников, книг, брошюр, выходивших за границей и имеющихся в Публичной Библиотеке.⁴

6

Каждое из библиографических пособий, посвященное историческим наукам, охватывает не только исследовательские работы, но и исторические

¹ Вопросы ленинизма. Изд. 16-ое, М., Партиздат, 1935, Предметный указатель: стр. 614—652 и указатель имен: стр. 653—655.

² Социал-демократические листовки 1894—1917 гг. Библиографический указатель, том I. Листовки центральных учреждений и заграничных организаций, М.—Л., 1931, том II, ч. I, М.—Л., 1934.

³ Библиографическое описание, М.—Л., 1924.

⁴ В последнее время изданы: Русская подпольная и зарубежная печать. Библиографический указатель, 1831—1879. Вып. 1-й, книги, брошюры и листовки. Сост. М. М. Клевенским, Е. Н. Кушевой и О. П. Марковой. Под ред. С. Н. Валка и Б. П. Козьмина, М., 1936; П. Н. Берков, Библиографическое описание изданий Вольной русской типографии в Лондоне, 1853—1865, М.—Л., 1935.

источники в собственном смысле этого слова, как-то летописи, хронографы, записки или мемуары современников, юридические памятники и т. д.¹

Имеются также специальные библиографические пособия к опубликованным в печати документальным материалам как, например — Материалы для указателя источников по истории крепостного хозяйства (Сб. «Крепостная Россия», 1930) и работа С. Р. Минцлова по библиографии мемуарной литературы.²

К этой же группе библиографических материалов следует отнести каталоги изданий научных учреждений, публиковавших и публикующих документы как нашей эпохи — Центрархива,³ Истпартов,⁴ Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев,⁵ так и царской России — Археографической комиссии,⁶ Русского исторического общества,⁷ Общества любителей древней письменности,⁸ Комиссии печатания государственных грамот и до-

¹ Осознанная уже давно историками и библиографами необходимость издания перечня опубликованных документов, несмотря на ряд отдельных попыток, до настоящего времени не получила своего осуществления (см. Н. П. Лихачев. О составлении перечня изданных русских актов, II., 1923). В последние годы издана книга А. И. Андреева «Терминологический словарь частных актов Московского государства» (II., 1922) и приступлено к публикации Каталога частных актов Московского государства (Проблемы источниковедения, том II, М.—Л., 1936, стр. 333—379). Вообще же ценные указания о публикациях документального материала можно найти в монументальном труде В. С. Иконникова (Опыт русской историографии, тт. 1—2, Киев, 1887—1891) в курсе К. Н. Бестужева-Рюмина (СПб., 1872), в работах Н. П. Загоскина (Наука истории русского права, Казань, 1891), Ф. И. Леонтовича (История русского права, вып. 1, Литература истории русского права, Варшава, 1902), а также в небольшой книжке В. И. Пичеты (Введение в русскую историю. Источники и историография, М., 1923).

² Обзор записок, воспоминаний и мемуаров, вып. I—III, Новгород, 1911; дополнены напечатаны в «Русской Старине» за 1917 г.

³ Центрархив РСФСР. Каталог изданий, М.—Л., Гос. изд., 1928.

⁴ И. Б. Хандрос і Е. Я. Ланда. Публікації істпартів, істомолів та іспрофів Україна. Бібліографічний покажчик, Харків—Київ, «Пролетар», 1932; на страницах журналов «Пролетарская революция», «Красная летопись» и «Летопись революции» публиковались и публикуются списки и обзоры изданий истпартов.

⁵ Каталог изданий 1921—1931. Изд. Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М., 1931.

⁶ Каталог изданий Археографической комиссии, вышедших в свет с 1836 по 1870 год, СПб., 1870, 76 стр.; с 1836 по 1893 год, СПб., 1893, 96 стр.; с 1836 по 1918 г., II., 1919.

⁷ Имп. Русское историческое общество 1866—1916, II., 1916, стр. 165—181.

⁸ Опись изданий общества любителей древней письменности, основанного в 1877 г., представленных на Всероссийскую промышленно-художественную выставку в 1882 г. в Москве, СПб., 1882, 10 стр.; Издания Общества любителей древней письменности, СПб., 1888, 38 стр. (Памятники древней письменности, 1888, том XXVI). Перечислены подробно все издания с 1877 по 1888 г.

говоров,¹ Московского Архива министерства юстиции² и Сенатского архива.³

В настоящее время изданы были Ленинградским отделением Центрального исторического архива и Архивом Академии Наук СССР путеводители по своим архивным фондам. Помимо обзоров документов, каждый из этих путеводителей дает указания на основную литературу, ориентирующую исследователя в характере хранимого в том или ином архивном фонде материала.

В деле ориентировки в архивном материале, отложившемся от деятельности бывших правительственных учреждений царской России, большую помощь могут оказать монографии по истории ведомств и учреждений, а также обзоры и ежегодники, отражающие деятельность учреждений за определенный календарный период.

К особой группе печатных материалов, раскрывающих содержание архивных фондов и вместе с тем имеющих самостоятельное значение, следует отнести так наз. официальные издания различных ведомств.

Значение печатных ведомственных документов, занимающих особенно важное место в числе материалов для истории второй половины XIX и начала XX вв., недооценивается современными историками, нередко оставляющими вне поля зрения этот, подчас единственный, источник для исторического исследования.

В состав этих материалов входят официальные записки, доклады, стенограммы, труды различных комиссий, рассылавшиеся в свое время «секретно», «совершенно доверительно», некоторым подведомственным учреждениям и высшим сановникам. Эти издания, нередко печатавшиеся в свое время «на правах рукописи», без цензуры не попадали в большинстве случаев в библиотеки и оставались неизвестными исследователю.

Собирание сведений об этих печатных материалах встречает на своем пути немалые затруднения, объясняющиеся почти полным отсутствием в нашей литературе библиографических пособий, которые учитывали бы «официальные» печатные источники (издания ведомств, земств, городов), располагающие нередко весьма ценными фактическими данными.

¹ Указатель изданиям, принадлежащим Комиссии печатания государственных грамот и договоров, состоящей при Московском Главном архиве министерства иностранных дел, и книгам, изданным управляющим Московского Главного архива кн. Оболенским, М., 1852.

² Памятная книжка Московского архива министерства юстиции, М., 1890 (издание архива; указатель на стр. 200—241).

³ Памятная книжка Сенатского архива, СПб., 1913 (издание архива; указатель на стр. 221—237).

В. И. Ленин был первым исследователем, который в чрезвычайно широких размерах привлек в своей классифической работе «Развитие капитализма в России» официальные ведомственные издания. Можно смело сказать, что приложенный к II и III изданиям сочинений В. И. Ленина «Указатель литературных работ и источников», упомянутых В. И. Лениным в III томе, служит исчерпывающим библиографическим пособием при разыскании «официальных» материалов, связанных с экономической историей второй половины XIX века.

До некоторой степени путеводными нитями, дающими возможность ориентироваться в печатном материале различных ведомств, могут служить каталоги и списки изданий, напечатанные отдельными учреждениями,¹ каталоги библиотек государственных учреждений,² монографии по истории ведомств и учреждений, содержащие библиографические сведения об изданиях данного ведомства или учреждения,³ издания, освещающие деятельность отдельных ведомств и учреждений за определенный календарный период (отчеты, обзоры, ежегодники), содержащие также библиографические указания. Этот печатный материал, который нередко по сути дела не отличается от обычного ведомственного документа, хранится главным обра-

¹ Периодические издания министерства финансов за 1865—1915, СПб., 1915; Список изданий переселенческого управления с рисунками. Составлен по 1 мая 1914 года И. Л. Язвиным, СПб., 1914 (Переселенческое управление главного управления землеустройства и земледелия); Каталог печатных материалов по судебному преобразованию 1864 г. или опись дела о преобразовании судебной части в России, СПб., 1891; В. Межов. Библиографический указатель книг, изданных казенными учреждениями и частными учеными, благотворительными, литературными, сельскохозяйственными, промышленными и другими обществами, СПб., 1886; В. Межов. Труды центрального и губернских статистических комитетов. Библиографический указатель книг и заключающихся в них статей, обнимающий деятельность статистических комитетов с самого начала их учреждения вплоть до 1873 г., СПб., 1873; А. В. Одинцов. Указатель книг и статей о государственном контроле, СПб., 1918; Указатель книг и брошюр о Государственной Думе (1905—1 VII 1912). Опыт библиографии, СПб., 1913 (Библиотека Государственной Думы); Издания земств 34 губерний по общезакономерной и оценочной статистике, вышедшие за время с 1864 г. по 1 января 1911 г. (списки книг и брошюр, а также главнейших докладов и журналов, касающихся оценки недвижимых имуществ по законам 8 июля 1893 г. и 18 января 1899 г.), СПб., 1911 (Изд. оценочного делопроизводства департамента окладных сборов министерства финансов); Материалы по статистике движения землевладельцев в России, вып. VIII. Библиографический указатель литературы по статистике землевладения, СПб., 1904 (Изд. департамента окладных сборов министерства финансов).

² Каталог библиотеки Государственного Совета, том I. Книги на русском языке, СПб., 1914; Каталог библиотеки ученого комитета главного управления землеустройства и земледелия, СПб., 1913; Систематический каталог библиотеки ученого комитета министерства финансов, ч. I, Книги на русском языке, СПб., 1901.

³ Юбилейный сборник центрального статистического комитета министерства внутренних дел, СПб., 1913; Г. К. Гинс и П. А. Шафранов. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837—1912), СПб., 1914; Б. Веселовский. История земства, тт. I и IV, СПб., 1911.

зом в архивах и в книжных собраниях бывших центральных правительственных учреждений царской России.

Крупнейшие библиотеки академического типа располагают также значительными рукописными собраниями. Многие из этих собраний имеют опубликованные в печати описания. Ценные библиографические указания относительно рукописных собраний отдельных библиотек сообщают работы Е. Ф. Карского¹ и И. М. Смирнова.²

7

Многочисленные исследования, статьи и разного рода подчас весьма ценные сообщения и публикации отдельных документов, напечатанные на страницах повременных изданий, нередко обречены на полное забвение, в виду отсутствия библиографических указателей, раскрывающих этот материал. Сознанная уже давно библиографами необходимость учета литературы, напечатанной на страницах периодических изданий, создала весьма обширную отрасль библиографии — библиографию периодики.³

Различные указатели по отдельным специальным темам лишь частично охватывают литературу, напечатанную на страницах того или другого периодического органа, оставляя не учтенным значительный материал, выходящий за пределы определенного круга вопросов, которым посвящено данное библиографическое пособие. И тут на помощь читателю в большинстве случаев приходит издательство, выпускающее указатель к периодическому изданию, который уже полностью отражает весь напечатанный в нем материал. Но эти указатели, напечатанные большей частью отдельными оттисками, не в очередном номере, заключающем определенный хронологический период издания, весьма мало известны читателю и не легко могут быть разысканы. В этом случае на помощь исследователю приходят списки указателей периодической печати. Новейшим такого рода изданием является работа Н. А. Вукотич.⁴

В этой книге помимо указаний на общие библиографические пособия, посвященные библиографированию периодических изданий, как-то: на изве-

¹ Славяно-кирилловская палеография, Л., 1928; на стр. 9—62 указаны описания главнейших библиотек, содержащих рукописные собрания, и дана характеристика последних.

² Указатель описаний славянских и русских рукописей отечественных и заграничных книгохранилищ, 1916; Дополнения к этой работе даны С. И. Масловым в брошюре — Критико-библиографический обзор новейших трудов по славяно-русской палеографии, Киев, 1918.

³ См. работа А. Г. Фомина. Библиография. Программа, Ленинград, 1926, стр. 17, 21, 27, 38, 53.

⁴ Материалы для списка указателей русской периодической печати, Л., библиотека Академии Наук СССР, 1929.

стные труды А. Н. Неустроева, Н. М. Лисовского и др. можно найти данные об указателях к отдельным периодическим изданиям.¹ Так, почти ко всем главнейшим историческим журналам, выходившим до 1917 г., были составлены указатели, правда разнообразные по своей конструкции. К одним журналам были составлены лишь только именные указатели («Былое» за 1906—1907 гг. и нек. др.); к другим систематические и именные указатели («Русский Архив», «Русская Старина», «Чтение в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», «Исторический Вестник» и др.).

Современные исторические журналы также располагают указателями, как, например, «Красный Архив»,² «Пролетарская Революция» (специальный указатель отдельно изданный в 1930 г.; дополнение к нему было напечатано в журнале «Пролетарская Революция» за 1931 г.); «Красная Летопись»,³ «Летопись Революции»,⁴ «Каторга и ссылка».⁵

Ряд марксистских периодических изданий («Просвещение» за 1911 г. и 1917 г. «Вестник жизни» за 1906—1907 гг. и др.) расписан в изданном Коммунистической академией специальным указателе.⁶

Для зарубежной периодической печати ценными библиографическими справочниками являются для 60-х годов сборник В. Я. Богучарского;⁷ для 70-х — 80-х годов книга М. К. Элпидина.⁸

¹ Пропущен ряд библиографических пособий, главным образом, указатели к различным губернским ведомостям, в которых печатались материалы, представляющие интерес для историка (см. ст. Н. Ф. Сумцова. Губернские ведомости, как пособие при изучении русской истории и этнографии, Киевская Старина, 1885, № 2, стр. 391—399). Пропуски указатели Н. А. Вукотич легко установить при сопоставлении с другими библиографическими пособиями, которые, кстати сказать, и не упомянуты в настоящем списке. См. Библиографические материалы, опись книг, брошюр и статей библиотеки сенатора Н. П. Смирнова, СПб., 1898; Библиотека Д. В. Ульянинского. Библиографическое описание, т. II, Библиография, М., 1912; Д. К. Зеленин. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России 1700—1910 гг., СПб., 1913.

² Именной указатель к №№ 1—4 напечатан в № 7; содержание всех номеров журнала печаталось в различных номерах «Красного Архива» и «Архивного дела».

³ Именные указатели к №№ 1—4 в № 7 за 1926 г.; к № 5—8 в приложении к № 1/16 за 1926 г.; к №№ 9—13 в №№ 3 (18)—6 (21) за 1926 г.; к № 14 и 15 в №№ 1(22) и 3(24) за 1927 г.

⁴ Систематический указатель напечатан к №№ 5—6, за 1925 г.; именной указатель в №№ 16—21 за 1925 г., №№ 24—25 за 1926 г.

⁵ Р. М. Кантор. Каторга и ссылка за десять лет 1921—1930. Систематическо-предметный указатель, М., 1931. Р. М. Кантором составлен также именной и систематический указатель за 1921—1925, 1926—1928, М., 1928—1931.

⁶ Легальная социал-демократическая литература в России 1906—1914 гг. Под ред. Г. Бешкина. Библиография, М., 1924.

⁷ Материалы по истории революционного движения 60-х гг., Париж, 1905.

⁸ Библиографический каталог. Профили редакторов и сотрудников, Женева, 1906 (постатейное описание 20 журналов и газет).

Некоторые газеты располагают также специальными указателями.

В настоящее время при переиздании партийных газет, занимающих видное место в ряду источников для изучения истории революционного движения часть справочного аппарата уделяется указателям.¹

Так, указатели, составленные к переизданию газет «Вперед» и «Пролетарий» и газеты «Искра», могут служить образцами указателей к подобного рода изданиям. Наиболее полно даны указатели в переиздании газеты «Искра» (вып. 7), в котором имеются: указатель авторов статей и заметок, тематический указатель, указатель организаций, фабрично-заводских предприятий, учреждений и др.

Аналогичные указатели имеются и в других переизданиях газет, как например, «Новая Жизнь», «Казарма» и др.²

*

Заклячая наш обзор следует отметить, что несмотря на то, что историческая библиография в последние годы сделала крупные успехи, особенно, как отмечалось выше в области библиографирования литературы, касающейся истории народов, все же современное состояние ее оставляет желать многого.

Состояние общей библиографии по истории России таково, что до настоящего времени основными пособиями являются совершенно устаревшие труды Межова и Ламбиных, в которых нашла отражение историческая литература, изданная до 1876 года включительно.

Новейшие библиографические пособия охватывают лишь литературу, связанную с определенными хронологическими периодами или отдельными темами. Одни темы разработаны довольно детально (например, декабристы и 1905 год), другие — остались совершенно забытыми нашей библиографией. Нельзя не отметить, что при наведении некоторых библиографических справок по вспомогательным историческим дисциплинам, истории империалистической войны и т. д. пользуются иностранными библиографическими справочниками, в которых довольно подробно описаны наши издания.

В общем современное состояние исторической библиографии все еще заставляет каждого историка-исследователя производить самостоятельные библиографические разыскания и никогда не дает уверенности в том, что все необходимые для данной работы печатные источники привлечены.

¹ В. Селиванов. Прием и издание нелегальных газет. «Книга о книге», III, Л., 1932, стр. 251—278.

² Литературу об отдельных периодических изданиях, а также сведения об указателях к ним можно найти в работе А. В. Мезьер «Словарный указатель по книговедению», Л., 1924.

M. ACHUN (AKHOUN). APERÇU DE LA BIBLIOGRAPHIE HISTORIQUE RUSSE

RÉSUMÉ

La littérature russe d'avant la Révolution d'Octobre ne disposait que d'un nombre minime de travaux bibliographiques d'ensemble portant sur l'histoire générale de la Russie et de quelques dizaines de listes ou index de bibliographie régionale ou locale affectés séparément à des provinces, départements, villes déterminées.

Les ouvrages de renseignement bibliographique pour l'histoire de Russie reflètent les positions propres à l'historiographie nobiliaire et bourgeoise. Les travaux de bibliographie locale, consacrés de préférence aux provinces périphériques (Finlande, Sibérie, Caucase, Asie Centrale) poursuivaient au premier chef des problèmes à l'ordre du jour de la politique coloniale tsariste, toute d'oppression et de rapacité.

Depuis la Révolution d'Octobre de nouvelles branches de la bibliographie historique sont créées du fait de l'essor de la nouvelle science historique en URSS, à savoir avant tout, la bibliographie de l'histoire des peuples et la bibliographie de l'histoire du mouvement révolutionnaire. Toutefois, malgré les grands progrès réalisés par la bibliographie historique au cours de ces dernières années, notamment sur le terrain de la littérature concernant l'histoire des peuples faisant partie de l'Union et l'histoire du mouvement révolutionnaire, l'état des travaux en question à ce jour laisse beaucoup à désirer. Nous devons reconnaître que dans ces conditions la bibliographie est encore loin de pouvoir subvenir pleinement aux besoins du travailleur de la science se livrant à des investigations historiques et nécessite de sa part des recherches spéciales à entreprendre pour son propre compte.

Dans l'article ci dessus sont passés en revue les travaux bibliographiques portant sur l'histoire de la Russie et des peuples de l'URSS, sur l'histoire du mouvement révolutionnaire et sur branches auxiliaires de la science historique.

IV

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

АРАБСКАЯ НАДПИСЬ 486 г. ХИДЖРЫ ИЗ ПАЛЕСТИНЫ

В Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина хранится с 1870 г. мраморная плита с арабской надписью. Она поступила туда вместе с самаритянскими рукописями и немногими археологическими предметами от известного караимского кодлекционера и ученого А. Фирковича. Надпись эта за протекшие 66 лет основательно забыта, не издана и не упоминалась в специальной литературе. Единственный печатный след ее остался в отчете Публичной библиотеки за 1870 г.,¹ где указан «камень с арабской надписью конца XI столетия, найденный Фирковичем в Аскалоне». Никаких других сведений касательно обстоятельств находки мы не имеем.

Плита вытесана в форме вертикального прямоугольника (см. фиг. 1). Высота 66.2 см; ширина (под 5-й строкой) 45.1 см. Отбит треугольный кусок направо вверх; прочие повреждения незначительны. Надпись содержит 11 строк врезанного куфи (en steux) без пунктуации и знаков чтения. При полном отсутствии побегов, элементы растительных украшений заметны в легком расщеплении некоторых вершин и окончаний букв.

Шрифт аккуратный и красивый. Окончания некоторых букв (*pā*, *mīm*, *nūn*, *vāw*, конечное *ā*, конечный *shīn*) подняты вверх и красиво изогнуты налево. Этот прием² использован не везде, где допускает форма букв; надстрочные или подстрочные окончания выведены преимущественно там, где шрифт тесен (см. *saif*, строка 3; *adāma qudratahu*, строка 8 и *vāw* последней строки). Особо сложных буквенных форм нет. Небольшой, почти квадратный *dāl* сильно отличается от более высокого ломаного *kāf*. Петли *ʿayn* ромбовидные. Лигатура *lām-ālīf* дана в нескольких вариантах: 1) криволинейный тип с треугольным основанием³ (строка 9); 2) криво-

¹ СПб., 1872 г., стр. 22, отзыв Б. А. Дорна и Д. А. Хвольсона.

² О нем см. В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии Академии Наук СССР (Труды Музея палеографии, т. III), Л., 1929, стр. 99 сл.

³ О типах *lām-ālīf*, *ibid.*, стр. 22.

линейный тип с ромбовидным основанием (строка 3); 3) с параллельными стволами и треугольным основанием. Начальное *хā* состоит из двух петель.¹ В немногих местах есть междулинейные украшения.²

Вследствие утраты указанного угла пять первых строк частично исчезли. Наиболее пострадала первая строка, от которой сохранились полтора слова; лакуна в пятой строке касается только первой ее буквы.

Исчезновение первой строки не имеет никакого значения для установления текста: остаток слова, поврежденного изломом, не что иное, как конец начальной мусульманской формулы «Басмаля». Не существенны также лакуны строк 3—5 и выбоины 11-й, но громадную потерю, как мы увидим, представляет пропуск 2-й строки. В настоящем виде текст читается так:³

[بسم الله الرحمن الرحيم امر² ... 2—3 слова ...] [السعيد السيد³ |
[الأجل امي⁴ ر الجيوش سيف الاسلام⁴ | [ناصر⁴ | الامام كافل قضاة المسلمين⁴ |⁵ [وهادي⁵
دعاة المؤمنين ابو النجم⁶ | بدر المستنصرى عضد الله⁷ | به الدين وامتع بطول بقائه⁷
| امير المؤمنين وادام قدرته⁹ | وأعلاء⁵ كلمته في المحرم من¹⁰ | سنة ست وثمانين¹⁰
واربعائة¹¹ | صلى الله على نبيه¹¹ محمد وآله وسلّم].

«Басмаля Приказал [. . . . 2—3 слова] счастливый господин [великий, эми]р войск, меч ислама, [защитник] имама, поручитель судей мусульман [и] руководитель проповедников правоверных Абū-н-Наджм (отец звезды) Бадр (луна) ал-Мустансири, да поддержит Аллах им религию, да продлит его дни на благо эмиру правоверных, да продлит его могущество и возвысит его слово. В мухәрреме года четыреста восемьдесят шесть. Да благословит Аллах пророка своего Мухаммада и семейство его и да приветствует».

Мухаррем 486 г. хиджры начался во вторник 1 февраля, окончился 2 марта 1093 г. н. э.

Как видно из текста, перед нами очень характерная строительная надпись, начало которой «*amara*» = «приказал . . .» сохранилось в конце первой строки. Полная титулатура, имя инициатора и дата вполне определяют надпись хронологически. Названный в ней Абū-н-Наджм Бадр ал-Мустансири

¹ Ср. op. cit., стр. 107, первый образец.

² О шрифте V в. х., ibid., стр. 93 сл.

³ Лакуны вместе с восстановленным чтением обозначены квадратными скобками.

⁴ Вм. المسلمين.

⁵ Чит. اعلى.

играл не один десяток лет выдающуюся роль в правление фатимидского халифа Абū Тамīm Ма'адд Мустансира (427—487 г.) и довольно хорошо известен. Армянин по национальности, раб сирийского эмира Джемаль-адаула¹ ибн 'Аммāра, он отличался большим умом, силой воли, тщеславием и жестокостью.²

Бадр сравнительно быстро возвышался в должностях и обладал громадным состоянием.³

В 455 г. Бадр был назначен губернатором Сирии с резиденцией в Дамаске. Это было трудное время напора сельджуков. Но и внутри страны положение было не легче: губернаторство Бадра дважды сопровождалось возмущением войск, после чего он был перемещен в Акку в 460 г. В этом году один из сыновей Бадра был убит в Аскалоне.

В самом Египте положение было еще хуже. Семилетний голод и борьба между турецкими и негрскими войсками создали анархию. Разграбление халифского дворца и библиотеки побудили халифа Мустансира, совершенно потерявшего всякий престиж, тайно призвать Бадра в 466 г., который опирался на армянскую стражу и часть сирийских войск. Крутыми мерами

¹ Отсюда его нисба ал-Джемālī.

² Данные для его биографии см. С. Becker. *Badr al-Djamālī*, E. I., I, 582.—E. de Zambaur. *Manuel de Généalogie et de Chronologie pour l'histoire de l'Islam*. Hanovre, 1927, 96.—F. Wüstenfeld. *Geschichte der Fatimiden-Chalifen*, 263—271.—M. v. Berchem. *Matériaux pour un Corpus Inscriptionum Arabicarum*. I Partie, t. I, Égypte (Mém. publiés par les membres de la Mission Archéologique française au Caire, t. XIX), 31, 2 и index s. v. Badr (цитируется сокращенно CIA I).—Н. А. Медников. *Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам*. Пер., СПб., 1897; *Указатель исторических имен*, 1532, под сл. Бедр ал-Джемālī; *Исследование*, СПб., 1903, указат. ист. имен, 890 (цитируются в дальнейшем сокращенно Н. А. Медников. *Перевод и исследование*).—E. Graefe. *Fatimiden*, E. I., II, 95—96. Наиболее полную биографию Бадра, со сводкой литературы и широким привлечением источников, дал G. Wiet. *Matériaux pour un Corpus Inscriptionum Arabicarum*, I. Partie, t. II (Mém. publ. par les membres de la Mission Archéologique française au Caire, t. LII), 132—158 (цитируется сокращенно CIA II). Новейшие материалы для биографии Бадра, выяснения его роли в Египте, влияния на шиитскую пропаганду и отношения к нему халифа Мустансира находятся в рукописи с копиями писем халифа, содержание которых изложено у Ḥusain al-Hamdānī, *the Letters of al-Mustansir bi'llah*, *Bulletin of the School of Oriental Studies*, London Institution, 1934, vol. VII, Part 2, 307—324 (цитируется сокращенно Hamdānī, *Letters*).

³ Ср. текст мимбара, находящегося в Хевроне, изд. G. Wiet. *Notes d'épigraphie syro-musulmane*. Syria, V, 1924, pp. 220—221, 224:

وانفق على جميع ذلك من فضل ما آتاه الله من حل ماله وخلص ما ملكه

«Он потратил на все это состояние, которое Аллах даровал ему в изобилии и чем он мог законно располагать». О его роскошных украшениях см. К. А. Иностранцев. *Торжественный выезд фатимидских халифов*, ЗВО XVII, 1906, стр. 79.

⁴ Некоторые подробности об этом сообщает J. Sauvaget. *Une inscription de Badr-al-Jamali*, Syria X, 1929, стр. 140, который цитирует историка Ibn Qalānisi по изд. Amédroz. Ср. также CIA II, 135,1.

в Каире был восстановлен порядок. С этого года Бадр получил звание эмира ал-джубш, был назначен везиром и оставался в этих должностях до самой смерти в 487 г., совмещая военную и административную власть. Ему были подчинены қаді (судьи) и распространители шиитского учения (ср. его титулы в надписи).¹ В самом конце его жизни один из его сыновей, ал-Афдаль Шāхан-шāх, был назначен его заместителем.²

Правление халифа Мустансира до назначения Бадра везиром было неудачно и беспцветно; после его выдвижения в ближайшие годы последовало успокоение верхнего и нижнего Египта. Бадр не остановился даже перед казнью восставшего против него сына в Александрии в 477 г.³ Благополучие страны быстро восстановилось,⁴ чему очень способствовало сложение земельной подати на три года.

К этому периоду процветания относятся все постройки в Египте времени Мустансира, часть которых дошла до нас. Неизменно в их строительных надписях упоминается эмир ал-джубш (= эмир войск = генералиссимус) Бадр-ал-Джемāли. М. v. Berchem делит их на две серии.⁵ Первая состоит из четырех надписей периода реставрации власти халифа от 470 до 478 г., где в тексте отразились текущие события.⁶ Из второй серии, от 478 г. до 487 г.,⁷ он в двух первых надписях еще отмечает намеки на врагов династии, при полном исчезновении их в последующих текстах.⁸

Эти надписи дают прекрасный сравнительный материал для анализа нашей надписи. Большая часть их принадлежит к памятникам Каира: текст

¹ G. Wiet. CIA II, 150, на основании текста Ибн Муассара получение титулов Kāfil quḍāt ... и ḥādī du'āt ... относится к 470 г. И в письмах Мустансира только с 470 г. говорится о совмещении административной власти с руководством миссионерства. См. Hamdānī, 318 (34), 323 (59).

² См. CIA I, № 12: *halifa fatā mawlāna*; стр. 33 и 34, и №№ 32 и 38; CIA II, 152—153.

³ CIA I, № 518, стр. 702. Однако в 472 г. Мустансир хвалит сыновей Бадра Абū-л-Ḥусайна 'Али и Абū-л-Қасима Шāхан-шāха. См. Hamdānī, Letters, 323 (59).

⁴ В целом ряде писем Мустансир превозносит Бадра [см. Hamdānī, op. cit. 314 (15) 479 г., 317—318 (34) 470 г., 319 (37) 480 г., 315 (22) 481 г.] и открыто приписывает ему водворение порядка и благополучия [ibid., 322 (56) 467 г., 317 (32) 467 г., 323 (58) 468 г., 316 (27—28) 478 г., 314—315 (16) и 321 (53) 480 г.]

⁵ CIA I, стр. 706, прим. 1. G. Wiet, CIA II, 151 сохраняет ту же группировку.

⁶ См. Hamdānī, op. cit. 323 (57) 468 г., кампания и победа Бадра.

⁷ CIA I, стр. 706, прим. 2.

⁸ 12-го зу'л — хиджжа 478 г. Мустансир сообщает своему йеменскому корреспонденту о полной победе благодаря Бадру [см. Hamdānī, op. cit., 324 (66)]. Сестра Мустансира двумя днями позже пишет о возвращении утраченной ранее территории [ibid., 316 (28) 14-го зу'л-хиджжа 478 г.]. Враги пропаганды бежали в Йемен, и Мустансир просит регентшу Йемена их арестовать [ibid., 315 (20) 472 г.]. Однако восемью годами позже Мустансир жалуется на некоего 'Abdullāh ar-Rikābī (Rakābī?) и просит его схватить или убить [ibid., 314—315 (16) Джумādā I 480 г. и 321 (53) Джумādā II 480 г.].

реставрации мечети Ибн-Тулун 470 г., строительная надпись мечети Джубайш 478 г., где может быть погребен сам Бадр,¹ городской стены с тремя воротами 480—484 гг., мечети у Нилометра 485 г. и мавзолея Ситти Нафиса 482 г., текст которого сохранил Макрийси. Вне Каира известны надписи из мечетей в Сиуте около 470 г., Эсне 470 г. и в Александрии 477 г.

Немногочисленные надписи времени Мустансира в Сирии и Палестине требуют особенного внимания, так как традиция прикрепляет нашу надпись к Аскалону. Наибольший интерес вызывают те из них, которые хронологически захватывают годы губернаторства и везирата Бадра. Оставляя в стороне надпись 444 г. в ущелье р. Барады около сел. Рабве, недалеко от Дамаска,² надо рассмотреть сильно фрагментированный текст из маленького сел. Сарфенд ал-Хираб на дороге от Яффы к Рамле.³ В нем интересно упоминание Аскалона.⁴ Поврежденную дату М. v. Berchem определил временем между 440—449 гг. К сожалению, он не указал, почему он предпочел восстановить цифру десятков [اربعين]. При переиздании этого текста непосредственно с оригинала Johs. Pedersen,⁵ повидимому, не учел ни первоначального чтения М. v. Berchem'a, ни его позднейшей поправки.⁶ Он допустил возможность двойного чтения: сорок и девяносто (т. е. *arba'in* или *tis'in*). Между тем возможно и третье чтение *sab'in* — семьдесят; тогда надпись от имени губернатора Аскалона, падая на период очень активной деятельности Бадра в Египте, была бы для нас чрезвычайно интересна. Однако палеографические соображения дают больше шансов за чтение М. v. Berchem'a. Вершины и окончания букв этой надписи имеют очень характерную форму «птичьей лапки» из трех острых нарубок. У первого слова 6-й строки в названии месяца *rabī'* почти исчезла первая буква *pā*, но от нее видна как раз вершина и подстрочное окончание у излома. Остатки таких нарубок под последней строкой могут принадлежать только *pā* в *arba'in*. Реставрационная надпись моста неподалеку от Дамаска⁷ 456 г. и длинная надпись

¹ См. М. v. Berchem. Notes d'archéologie arabe. J. A. VIII sér., t. 17, 1891, стр. 482,₂ (цитируется в дальнейшем сокращенно Notes I). Ср. CIA I, 329 и CIA II, 153 сл. В честь Бадра был назван полк Джубайший. См. К. А. Иностранцев, op. cit., 18. Ср. CIA II, 149.

² Издал М. v. Berchem. Notes I, 488—493 и I suite, 396—397.

³ Op. cit., 493—495; издана по эстампажу Euting'a из собрания б. Устинова в Яффе. — Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe. Le Caire, 1936, t. VII, 122—123, № 2590.

⁴ Ср. строку 5 ثغر عسقلان... с аналогичной формой в Александрии, CIA I, № 518, строка 4 ثغر الاسكندرية...

⁵ Inscriptiones semiticae collectionis Ustinovae. Osloae, 1928, стр. 66—68, фиг. 17.

⁶ Ср. чтение М. v. Berchem'a متولى с Johs. Pedersen متقدم.

⁷ Издах J. Sauvaget. Une inscription de Badr al-Djamali. Syria, X, 1929, 137—143. Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe, t. VII, Le Caire, 1936, 157, № 2651.

мимбара 484 г., находящегося в Хевроне,¹ почти исчерпывают известный в настоящее время материал.²

Прежде чем перейти к эпиграфическому анализу нашего текста, необходимо коснуться топографии Аскалона и известий о его постройках, чтобы выяснить, не может ли наша надпись принадлежать одной из них.

Аскалон, один из древнейших городов Палестины,³ был завоеван Му'авией в 23 г. х.⁴ В первые века ислама он входил в число городов Палестинского округа провинции Сирии, центром которого была Рамла. Судьба Аскалона была очень переменчива. Важный стратегический пункт на побережье Средиземного моря, он подвергался многократным осадам и разрушениям, после чего восстанавливался. К XIV в. он был превращен в руины.⁵ О мощности его укреплений в эпоху, предшествовавшую правлению халифа Мустансира и Бадра ал-Джемали, свидетельствует продолжительная осада Алп-Тегина 366 г., тянувшаяся более года.⁶ Кроме крепости, красоту и прочность которой особенно отметил 'Али ал-Херави,⁷ и отличных казарм,⁸ в Аскалоне, подобно другим пограничным пунктам, был рибат; его упоминают Мукаддаси (писал в 374—375/985 г.) и ал-Херави (писал в 588—589/1192—1193 гг.).⁹

Как и в годы губернаторства Бадра, борьба египтян за Сирию в течение его везирата не прекращалась. После взятия Дамаска сельджуками в 468 г. попытки вернуть его возобновлялись несколько раз, а именно в 471, 478 и 482 гг. У Ибн ал-Асйра в перечне городов, взятых при походе 482 г. (Сур, Сайда, 'Акка, Джубейль),¹⁰ Аскалон не упомянут; отсюда Н. А. Медников заключил, что он принадлежал тогда египтянам.¹¹

¹ См. G. Wiet. Notes d'épigraphie syro-musulmane. I. Syria, V, 1924, 216—228.

² К сожалению, в Ленинграде недоступна фатимидская надпись из раскопок в Библосе, опубликованная M. Dupand в Syria, IX, 1928, которую упоминает J. Sauvaget, op. cit.

³ R. Hartmann, E. I. I, s. v., 506 сл. — K. Baedeker. Palästina und Syrien. 7°, 1910, 114.

⁴ Н. А. Медников. Перевод, 106, ал-Якуби; 453, Ибн ал-Асир.

⁵ См. Н. А. Медников. Перевод, 1160, Ибн-Батута. — Notes, I, 495. — K. Baedeker, op. cit., I. c. — G. Wiet, op. cit., 227—228.

⁶ См. Н. А. Медников. Перевод, 352, Яхья; Исследование, 832 сл.

⁷ Н. А. Медников. Перевод, 965 сл.

⁸ Ibid., 808, Мукаддаси.

⁹ Пограничное укрепление, часто имевшее военно-религиозный характер и несшее сигнальную службу. См. Н. А. Медников, ibid. 813—814, 966. О возникновении и роли рубут'ов на Средиземном море, особенно в Магрибе и Испании, см. подробное исследование Jaime Oliver Asín. Origen Árabe de Rebato, Argobda y sus homónimos (на испанском яз.). Мадрид, 1928, 80, 109 стр. Сложное название рубут охарактеризовал John Pedersen. Masdjid. E. I. Lief. 43, 1931, 417 сл.

¹⁰ Н. А. Медников. Перевод, 523—524.

¹¹ Op. cit., Исследование, 865.

То же можно сказать относительно 484 г., на основании надписи и даты мимбара. Префект Сұра, назначенный Бадром после похода 482 г., Мунйр ад-даула ал-Джубейши, восстал против него в 486 г. Это вызвало новый поход египтян. В связи с географическим положением Сұра на севере побережья, Аскалона — на юге, на пути египетского войска, надо полагать, что и в 486 г. Аскалон продолжал быть в руках египтян. Взятие Сұра последовало на несколько месяцев позже, чем датирована наша надпись, а именно во II джумадā 486/VI—VII 1093 г.¹ Такие ответственные военные операции не могли пройти бесследно для Аскалона. Дошло известие о постройке Бадром укрепленной «Башни крови» (*Burg ad-dam*), содержащиеся надписи которой изложены у Макризи, к сожалению, без точной даты.² Остатки укреплений Аскалона в настоящее время далеко не ничтожны, как показывает описание города у К. Baedeker.³

Кроме военных сооружений, арабские источники говорят также о культовых и гражданских постройках Аскалона. Уже в 155 г. халиф Махдī, третий правитель аббасидской династии, выстроил мечеть с минаретом; ее строительная надпись была найдена Рауф пашой на развалинах Аскалона в 1883 г. и издана Ch. Clermont Ganneau.⁴ Однако не эта мечеть пользовалась широкой известностью, а так наз. «Мешхед ар-рās» («Усыпальница головы») Хусейна сына 'Али, чрезвычайно почитавшегося шиитами; Ибн Халликāн в XII в. определенно писал, что мешхед был выстроен Бадром ал-Джемālī.⁵ Муджйр ад-дйн сообщил дату 484 г., когда Бадр велел сделать для мешхеда резной мимбар (кафедру).⁶ Несмотря на это, ряд европейских ученых принял 491 г. за дату постройки. Эта ошибка была основана прежде всего на неопределенности выражения Муджйр ад-дйна о постройке мешхеда каким-то фатимидским халифом. Сбивчивость показаний Ибн Муяссара вызвала колебания у Макризи. Последний сперва приписал начало постройки Бадру, а окончание ее — его сыну Афдалю. Рядом же он рассказал об открытии головы Хусейна Афдалем в 491 г. и постройке мечети для нее.⁷ Надпись мимбара была труднодоступна для

¹ Н. А. Медников. Исследование, 866; перевод, 525—526.

² См. G. Wiet, op. cit., 227, прим. 1. Ср. CIA II, 134,1. — *Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe*, t. VII, Le Caire 1936, 258, № 2788.

³ Op. cit., 144.

⁴ Notes d'épigraphie et d'histoire arabes. J. A. VIII série, t. IX, 487 сл. Переиздана в *Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe*, t. I, Le Caire, 1931, 32—33, № 42.

⁵ См. Н. А. Медников. Перевод, 588,2; Исследование, 865. Ср. G. Wiet, op. cit., 225,9.

⁶ Н. А. Медников. Перевод, 1229. — Ch. Clermont Ganneau, op. cit., 488—489.

⁷ Н. А. Медников. Перевод, 688—689.

европейцев и до 1923 г. известна в небольшой части.¹ Ее эстампировал и фотографировал полностью Р. Jaussen.² Лишь в 1924 г. G. Wiet удалось совершенно реабилитировать Ибн Халликāна благодаря подробному анализу всей надписи мимбара, перенесенного из Аскалона в Хеврон в 587/1211 г. при Саладине.³ Для нас очень существенно вполне логичное заключение G. Wiet'a о постройке мешхеда ранее 484 г., которым датирован мимбар.

Описанию мешхеда уделил несколько строк Ибн Баттута. В Аскалоне, говорит он, «есть знаменитый мешхед, в котором находилась голова Хусейна-ибн-'Алия, прежде чем была перенесена в Каир.⁴ Это большая, высокая мечеть, в которой есть колодезь для воды, построенный одним из 'Убейдитов; это написано при входе».⁵ К югу от первой Ибн Баттута упоминает вторую большую мечеть, известную «под названием мечети 'Омара; от нея остались только стены...» и «на юг от этой мечети... колодезь, известный под названием колодца Авраама». Про степень сохранности мечети-мешхеда он умолчал, а в то же время, отметив развалины крепости Аскалона, добавил, что следы ее исчезают и сглаживаются. Поэтому надо думать, что мешхед в его время был в хорошем состоянии.

Переводчики Ибн Баттуты расходятся в понимании его текста. Наша цитата заимствована у Н. А. Медникова; он в обоих случаях употребил слово «колодезь», но в тексте Ибн Баттуты⁶ стоят два различных термина. Колодезь в мешхеде назван *ḡubbūn lilmā'i* — «джубб для воды»; устройство его не описано. Колодезь Авраама *bī'r* описан как подземное помещение (туда спускались по лестнице) с четырьмя источниками *'ain* и другими подробностями. Различие терминов показывает, что эти водяные сооружения были не одинаковы. Перевод первого термина у Defrémery *citerne* — «цистерна» несомненно удачнее.⁷ Надпись на воротах Н. А. Медников отнес к колодцу-

¹ Издана частично М. v. Berchem. La Chaire de la mosquée d'Hébron. Festschrift Sachau, 298 сл. Ср. G. Wiet, op. cit., 216,4. — Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe t. VII, 1936, 259—263, №№ 2790—2791; под № 2789 опубликован не издававшийся ранее фрагмент строит. надписи с именами Хусейна и Мустафисира, по материалам М. v. Bershem и эстампажу Clermont-Ganneau.

² См. Revue biblique, 1923, 80—96, 575—597.

³ Н. А. Медников. Перевод, 1228—1229; ср. G. Wiet, op. cit., 218 со ссылкой на перевод Sauvage, 16,214.

⁴ Ср. С. Baedeker. Aegypten, 1928, 52: Moschee Sejjidna'l — Husên. Историю возникновения Gāmi' Nasanên изложил М. v. Berchem. Notes d'archéologie arabe, J. A., VIII sér., t. 18, 1891, 60—61,1. О культе Хусейна см. G. Wiet, op. cit., 224—225. — J. Sauvaget. Deux sanctuaires chiïtes d'Alep. Syria, IX, 1928, 226,2.

⁵ Н. А. Медников. Перевод, 1161,2.

⁶ Издан. Defrémery. Voyages d'Ibn Batoutah, t. I, 126.

⁷ Происхождение, значение слова *ḡubb* и различие от *bī'r* в древней Аравии см. у E. Bräunlich. The Well in Ancient Arabia. Lpz., 1925 (о. о. из Islamica, I. 69—71=[327—329]).

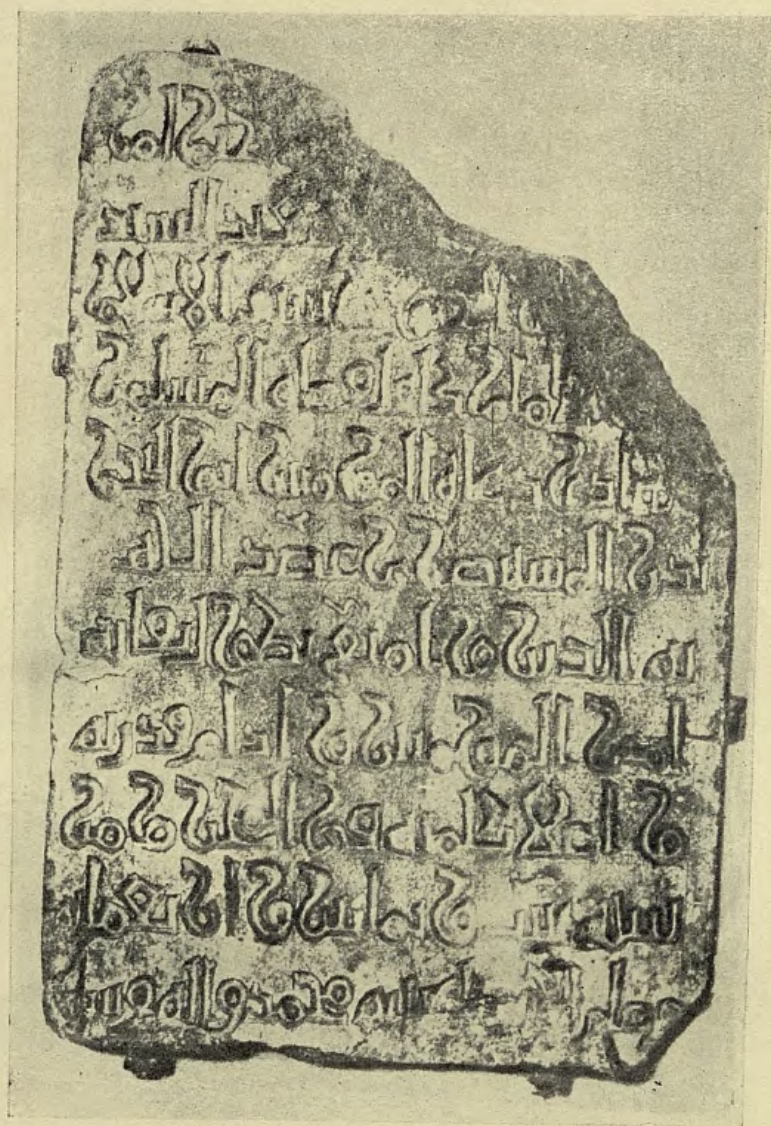

Рис. 1. Плита с арабской надписью из Аскалона
(Ленинград, Гсс. Публичная Библиотека им. Салтыкова-Щедрина).

цистерне, тогда как G. Wiet истолковал фразу иначе и отнес надпись к мешхеду.¹

Таким образом, исходя от надписи халифа Махдī и описаний Аскалона у арабских историков и географов, мы видим серию памятников мусульманского периода с половины II по VIII в. х. Из них пока только мечеть Махдī и мимбар датированы совершенно точно; для мешхеда есть *terminus ante quem* и приблизительная датировка «Башни крови». Несомненно, что Бадр мог ее построить только в период везирата 467—487 (1075—1094 гг.). Хотя Палестинский округ и был ему подчинен в пору его губернаторства в Дамаске и 'Акке, что вытекает из слов Ибн Қаланйīs,² обстоятельства не были благоприятны так, как впоследствии. Это подтверждает и титул Бадр в надписи башни, переданный Мақрйзй.

Топография Аскалона почти не изучена. В настоящее время мы не можем судить, какая из двух мечетей, виденных Ибн Баттутой, была той джāми'ей в центре Аскалона на возвышенном месте ад-Димās, которую видел Яқут (ум. в 1229 г.),³ хотя M. v. Berchem сближал предположительно мечеть 'Омара с мечетью Махдī.⁴ Несколько шатко и отождествление джāми'и на рынке торговцев тканями, вымощенной мрамором, с мечетью халифа Махдī, принятое Ch. Clermont-Ganneau со слов Муқаддасй.⁵ Сомнения возникают из-за термина *al-masjīd* в надписи 155/771 г., тогда как Яқут и Ибн Баттута говорят о *ǧāmi'*. Оба термина обозначают места культовых, отчасти общественных собраний мусульман. Никакими специальными конструктивными или культовыми особенностями они не различаются, кроме расширения дворовой площади, увеличения числа нефов и т. п. в джāми'и, чтобы вместить большее число посетителей пятничной молитвы.⁶ Таким образом, можно вообще считать «масджид» — малой и «джāми'» — большой мечетью. Однако такая дифференциация выработалась не сразу, а постепенно. В Египте, как указал M. v. Berchem, даже пятничные большие мечети, как, напр., мечеть Ибн Тулун, первоначально назывались «масджид» и лишь со времени постройки Бадром большой мечети Нилометра 485 г. был введен термин «джāми'». Нельзя не оговорить и обратные примеры. Так, Мақрйзй писал, что маленькая мечеть ал-Ақмар в Каире (оконч. в 519 г.) «называется джāми', хотя в ней не бывает пятничной пропо-

¹ Op. cit., 227.

² J. Sauvaget. Une inscription de Badr al-Jamali, 140. Cp. CIA II, 135.

³ Н. А. Медников. Перевод, 1036.

⁴ CIA I, 173₂.

⁵ Op. cit., 487. Cp. Н. А. Медников. Перевод, 808.

⁶ Cp. Johs. Pedersen. Op. cit., 410, 417.

веди».¹ Изыскания у историков и географов привели М. v. Berchem'a к выводу, что до середины IV в. термин «джāми» чрезвычайно редок, а позже чаще встречается у географов.² Но даже если допустить, что масджид ал-Махдī могли называть впоследствии джāми, нет точных данных, подтверждающих ее существование в X в. и позже, особенно учитывая частоту землетрясений в Палестине. Во всяком случае, память об этой мечети у арабских писателей исчезла. Кроме того, число мечетей в Аскалоне, одном из лучших городов Сирии, конечно, не исчерпывалось одной-двумя.

Из вышеупомянутых дат для нас особенно интересны три: 478, 482 и 486 гг. Известно, что поход 478 г. против Тутуша Бадр совершил лично, несмотря на преклонный возраст.³ Рассказ Ибн ал-Асīра позволяет думать, что в походе 482 г. Бадр, может быть, тоже участвовал.⁴ Его выражение «отправил войска» можно понимать, как распоряжение Бадра двинуть отряды, которые сам он не сопровождал.⁵ Но дальнейшие слова, начиная с «... овладел...» совершенно совпадают с действиями Бадра при личном взятии Александрии в 477 г.⁶ Может быть, в 482 г., ближайшем к дате мимбара, и была начата постройка мешхеда. Что касается «цистерны 'убейдитов», то в надписи на мимбаре 484 г. ни о каком колодце нет речи.⁷ Был ли Бадр лично в Сирии в 486 г., судить по рассказу Ибн ал-Асīра трудно.

Указание на происхождение нашей надписи из Акалона вряд ли вымыслено. Не было смысла везти плиту из другого места, тем более что 60 лет назад значение такой надписи для истории Аскалона не могло быть учтено в той мере, как это позволяет современное развитие эпиграфики. Нет никаких сомнений в подлинности нашего памятника. Превосходный шрифт и безупречная редакция текста говорят за себя. Полная титулатура эмира ал-джубш точно повторяет порядок, принятый на мимбаре и в надписях Бадра в Египте,⁸ кроме двух ранних, где отсутствуют два последних титула.⁹

¹ См. Notes I (suite), 47.

² CIA I, 173₂.

³ F. Wüstenfeld, *op. cit.* 269.

⁴ См. Н. А. Медников. Перевод, 525: «Эмир ал-джубш Бедр, везирь ал-Мустансира, отправил войска в город Сūr и другие прибрежные сирийские города... овладел ими, привел их дела в порядок и поместил в них предводителей».

⁵ F. Wüstenfeld, *l. cit.*, без всяких колебаний говорит об отправке Бадром армии под началом нескольких предводителей. G. Wiet, CIA II, 144, считает александрийский поход последним его военным выступлением.

⁶ См. CIA I, 702₂₋₃.

⁷ Ср. G. Wiet, *op. cit.*, 220—221, строки текста 8—10.

⁸ CIA I, №№ 32, 38, 38, 518.

⁹ *Op. cit.*, №№ 11 и 516.

Заметим попутно, что везиры поздних фатимидов сохранили ее.¹ Однако не только в надписях Бадра в период везирата, но и в остальных доступных нам монументальных надписях фатимидского периода нет самого титула *vazīr*, хотя он употреблялся в дипломатике.² Судя по титулатуре на печати Абү-л-Касима 'Али Ибн Ахмеда ал-Джарджар'и, везира халифов Зәхира и Мустансира,³ он уступил место нашему первому титулу *as-sa'jid*, но сохранился первый эпитет *al-ağall*.⁴ Пространное пожелание совпадает с надписями Бадра во втором периоде⁵ и отличается от сокращенной версии первого периода⁶ (в двух ранних надписях оно совершенно отсутствует).⁷ Полное имя Бадра, как мы его видим в нашем тексте, встречается не везде.⁸ Косвенное упоминание имени халифа только в нисбе ал-Мусансири тоже не единичный случай.⁹ Таслия (строка 11) не в типичной для фатимидских надписей шиитской редакции, а скорее в суннитской.¹⁰

Орфографические отступления нашего текста очень типичны. Отсутствие долготы в отмеченном выше слове *al-muslimin* может быть сопоставлено с аналогичными явлениями в ранних куфических коранах и lapидарных текстах, где часто выпадает долгое *ā*.¹¹ Неправильная форма *ā'la* встречается также в тексте джәми' ал-Джүюш'.¹²

Наш текст тесно связан с надписями Бадра в Египте и в одинаковой мере с ними далек от надписи моста Nahg Tōrā 456 г. В этой самой ранней

¹ Op. cit., 639, 4. Cp. Notes I (suite), 56—57; CIA II, 153, 5; титулатура везиров до Бадра *ibid*, 144 сл.

² См. примеры по арабским источникам CIA II, 144—145.

³ Ее текст и литература о ней приведены в статье А. А. Быкова. Печать фатимидского, халифа Зәхира. ЗКВ, V, 204, 2—4. — Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe, t. VII, Le Caire 1936, 36, № 2462. Даты правления везира см. E. Zambaur. Op. cit., I. c. Грамота на звание везира см. CIA II, 144 сл.

⁴ См. F. Wüstenfeld, op. cit., 292 о титуле el-Mamūn, полученном везиром Abū 'Abdallah Muḥammad al-Baḡaihi в 515 г. «... sonst hies er auch el-wezīr el-Gall...» Cp. его протокол в мечети ал-Ақмар, Notes I (suite), 56, без титула везир. См. также CIA II, 153.

⁵ Cp. CIA I, №№ 32, 33, 38, 39.

⁶ *Ibid.*, №№ 11, 516.

⁷ *Ibid.*, №№ 514, 518; то же G. Wiet, op. cit., мимбар.

⁸ Есть в надписях: CIA I, №№ 11, 39, 516, 518; G. Wiet, op. cit.

⁹ CIA I, № 518, стр. 702. Параллель в тексте Афдаля amirī см. CIA II, 153.

¹⁰ Cp. напр. суннитскую таслию надписи мечети Ибн Түлүн 265 г. CIA I, № 10 с надписями той же мечети времени Мустансира № 11—12. Варианты фатимидской таслии *ibid*. Index s. v. *ṣalāt*; Notes I, 490, 491, 494; G. Wiet, op. cit., 220—221; CIA II. Index général, 274. Аналогии нашей формуле см. В. А. Крачковская, op. cit., 117, 9—10.

¹¹ В. А. Крачковская, op. cit., 118. То же отмечено при издании документа 100 г. х. См. В. А. и И. Ю. Крачковские. Древнейший арабский документ из Средней Азии. Согдийский сборник. Изд. Акад. Наук СССР, Л., 1934, стр. 55, текст 7, II, 17; стр. 57—58.

¹² См. CIA I, № 32; cp. Notes I (suite), 56.

надписи Бадра, тогда еще губернатор Дамаска, носит более скромный титул *miḡaddam al-ḡuyūš* и назван рабом Мустансира *tamlūk*.¹

Остается рассмотреть, что могло заключаться в существенной, к сожалению, сильно пострадавшей фразе 1—2 строки. За глаголом *amara* «приказал», вероятно, стояло, как обычно в эпиграфике, дополнение, где был поименован тот род работы, который надлежало выполнить по приказанию Бадра. Если речь шла о новой постройке, чаще всего в такой формуле употреблялись термины *anšā*, *banā* или *ʿamil* с предлогом. Для возобновления сооружения употреблялась форма от глаголов *ʿamara*, *ḡadda*, *ḡayya* и т. д. Затем шло название типа сооружения; ему могло предшествовать указательное местоимение и следовать определение-эпитет. Возьмем для примера короткие формулы раставрационной надписи моста Nahr Tōḡā 456 г. *amara bi'imārati-l-ḡisr* и михраба мечети ибн Тулун 487 г. *amara biinšā' hadā-l-mihrāb*.² Тип сооружения мог быть скрыт под общим названием «место» *makān*: *amara biinšā' hadā-l-makān al-mubārak*.³ (Формула с обозначением сооружения посредством местоименного суффикса *amara bi'amalihi* здесь исключается как раз благодаря существованию эпитета). Все эти части фразы в нашей надписи исчезли, кроме упомянутого глагола *amara* в конце 1 строки и последнего определения муж. рода на 2 строке *sa'īd* = «счастливый». Отсюда следует, что ему предшествовало существительное муж. рода. Конец второй строки написан не реже, чем строки 3—4. В ней могло быть первоначально около 25 букв, а на лицо их девять. Следовательно, утраченная часть фразы могла состоять примерно из трех недлинных слов, в последнем из которых было названо какое-то сооружение с эпитетом «счастливый». В эпиграфике айубидов он известен на архитраве двери кайсарии (товарный склад) г. Дасук в Н. Египте 594 г.⁴ При мамлюках он попадаетея гораздо чаще. В редких случаях он служит единственным определением имени существительного;⁵ чаще он стоит вторым *al-mubārak as-sa'īd*.⁶ Насколько это случайно, можно судить по двум надписям джāми'и эмира Качмаса 885 г.,⁷ где они в разном порядке. Наконец, в одном случае эпитет *as-sa'īd* является третьим определением

¹ См. анализ надписи J. Sauvaget, op. cit., 141—142. Ср. CIA II, 77; CIA II, 135 сл., 237.

² CIAI, № 12; Notes I, 487.

³ Ibid., 450, 2.

⁴ См. CIA I, № 459. — G. Wiet. Notes d'épigraphie syro — musulmane III. Syria, VII, 1926, 64.

⁵ См. CIA I, №№ 23, 459, 495.

⁶ Ibid. №№ 52, 111, 112, 139, 256, 305, 322—323.

⁷ Ibid. №№ 334—335.

существительного.¹ Казалось бы, что само значение эпитета «благополучный, счастливый» особенно подходит к наименованиям сооружений некультового характера. Действительно, среди только что перечисленных примеров он применен к башне цитадели *al-burġ*,² фонтану *as-sabīl*,³ воротам *al-bāb*,⁴ *al-fath*,⁵ нескольким дворцам *al-makān*, *al-maḥʿad*,⁶ даже к пушке.⁷ Вероятно, этот список можно и еще пополнить, но и перечисленные названия настолько разнообразны, что выбор затруднителен. Между тем параллельно такой эпитет применялся как определение сооружений культового характера, например михраб⁸ и джами.⁹ Хотя до нас дошли пять надписей мечетей времени Бадра, ни в одной этого эпитета нет, также как и в прочих текстах фатимидов. Отметим еще в нашей надписи отсутствие коранической цитаты, которая есть в большинстве его надписей.

Эти соображения, непритязательность текста и датировка двумя годами позже мимбара показывают, что наша надпись не может быть строительной надписью мешхеда, тем более, что последний в тексте мимбара назван *al-mašhad aš-šarīf* = «усыпальница славная». Для «Башни крови» наша надпись также не подходит; она совершенно расходится с текстом Мақрīзī, где назван исполнитель работы и другой месяц. Предположение, что надпись относится к цистерне ʿубейдитов, имеет как будто больше оснований. Теперь известно, что мешхед выстроен самим Бадром ранее 484 г. Фатимидская цистерна при мешхеде могла быть построена самим Бадром или после его смерти, но не ранее его. Ни историки, ни географы не говорят о строительной деятельности поздних фатимидов в Аскалоне, который был взят у них крестоносцами в 548 г. Неправильность сообщения Мақрīзī о постройке мечети Афдалем теперь доказана.¹⁰

Таким образом, постройка цистерны мешхеда ни в коем случае не может выходить за пределы 548 г. Факт сооружения великоленного

¹ Ibid № 342—343.

² Ibid. № 52.

³ Ibid. № 322—323.

⁴ Ibid. № 256.

⁵ Ibid. № 459.

⁶ Ibid. №№. 305, 342—344. Ср. M. Briggs. *Muhammadian Architecture in Egypt and Palestine*. New-York — London, 1924, 146.

⁷ G. Wiet. *Notes d'épigraphie syro-musulmane* III. Syria, VII, 1926, 64.

⁸ CIA I, № 23.

⁹ Ibid. №№ 111—112, 139, 334—335. Такое же отсутствие разграничения констатировал M. v. Berchem для эпитета *mubārak*; см. его *L'Épigraphie musulmane en Algérie*, отг. из *Revue Africaine*, № 257 (2-me trimestre 1905), 178.

¹⁰ О постройках Афдала в Каире и окрестностях см. CIA II, 158 сл.; список надписей с его именем *op. cit.*, 134,2 и дополнения, 236 сл.

мимбара показывает, что заботы Бадра о мешхеде продолжались. Ничто не могло ему препятствовать даже заочно приказать соорудить двумя годами позже цистерну. Для этого личное присутствие не было обязательно. По размерам и характеру наша надпись подходит для такой цели и наоборот слишком скромна для более крупного сооружения, особенно если ее сравнивать с египетскими надписями Бадра: вытянутым шрифтом мечети Ибн Тулун, манерным в Александрии, цветущим в Эсне и Джәми¹ Джүюшй.¹

Однако дальше предположений мы идти не можем. Нельзя решить, шла ли речь в тексте о новой постройке или о реставрации, хотя первое вероятнее. Затем выбор сравнительно коротких строительных терминов достаточно велик, напр., *bāb*, *sūr*, *sūk*, *hān* и т. д. Едва ли не самым коротким окажется сохраненное Ибн Баттутой название цистерны *ḡubb*; в арабском начертании оно состоит всего из двух букв, притом обе из них в куфическом шрифте нашей плиты занимают очень мало места. Название же колодца *bī'r* представляет некоторые неудобства: текст Ибн Баттуты VIII—XIV вв. дает его в женском роде,² в строительной надписи медресе 821/1418 г. в Газе оно употреблено с эпитетом муж. рода.³

Несмотря на такую неопределенность назначения, наша надпись очень интересна. Она самая поздняя в довольно обширной серии надписей Бадра, ближайшая к его кончине. Будучи единственным монументальным памятником Фатимидской эпохи в Ленинграде,⁴ надпись Публичной библиотеки дает чрезвычайно ценный материал для мусульманской палеографии и для археологии Палестины.

¹ См. их воспроизведения CIAI, pl. II, 1; XVII, 2; XLII, 1; XLIII, 1.

² Defrémery, l. c.

³ См. текст у L. Mayer. Arabic Inscriptions of Gaza, V, J.P.O.S., 14, 150 сл. البئر المعمر.

⁴ Каирское происхождение мраморной колонны Института книги, документа, письма Академии Наук (б. Музея палеографии, ныне — в составе Института истории) окончательно не установлено; памятники разных отделов прикладного искусства, как нумизматика, сфрагистика и пр., в расчет не приняты.

ПАЛЬМИРСКИЕ ТЕССЕРЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

А. Я. БОРИСОВ

В собраниях Сектора вспомогательных исторических дисциплин Института истории Академии Наук СССР хранятся шесть экземпляров так называемых пальмирских тессер — маленьких терракотовых таблечек, массами находимых в развалинах Пальмиры и несомненно связанных с погребальным ритуалом местного арамейского населения.¹ Хотя подобных миниатюрных памятников пальмирского искусства, интересных своими надписями и изображениями, в различных музеях хранится значительное количество, однако издана из них часть сравнительно небольшая, что и дает мне смелость выступить с настоящей заметкой. Из шести экземпляров, описываемых мною здесь, три, к сожалению, отличаются явно неудовлетворительной сохранностью.

1) Is 36. Тессера в форме правильного восьмиугольника — 3.4 см в поперечнике.

а) В круглом лавровом венке — две сидящие мужские фигуры, одетые в туники, *rallium*'ы и высокие конические головные уборы пальмирцев — обычно называемые *modius*'ами; выше — весьма распространенные на пальмирских тессерах астрологические символы: серп луны, солнце — в виде многолучевой звезды, дважды повторенная комбинация из семи маленьких дисков — повидимому, созвездие Плеяд. Внизу, под фигурами — остатки однострочной легенды, от которой сохранились два последних (т. е. левых) знака: 𐤁𐤋 «Бел» — пальмирское (вавилонского происхождения) божество планеты Юпитер; мы имеем здесь, вероятно, окончание какого-нибудь теофорного мужского имени.

¹ М. Ростовцев. Римские свинцовые тессеры (1903), стр. 295; J. B. Chabot. Choix d'inscriptions de Palmyre (1922), стр. 133.

² В СССР, кроме Института истории, пальмирские тессеры имеются в Эрмитаже (описаны в моей еще не напечатанной статье: «Из пальмирских древностей Эрмитажа») и в Московском историческом музее.

б) Мужская фигура в *modius*'е, возлежащая на ложе в позе участника античного пиршества: левая рука опирается локтем о ложе, правая покоится на полусогнутом колене, голова обращена *en face*. Слуга в тунике, стоящий у ног возлежащего, передает ему чашу. Подобные изображения встречаются на пальмирских тессерах довольно часто;¹ а так как они весьма близки к изображениям загробной трапезы на античных стелах (см. напр. стелы из Керчи, хранящиеся в Эрмитаже), то отсюда можно заключить, что таким образом помечались экземпляры тессер, дававшие право на участие в погребальных пиршествах. Выше, у головы возлежащей фигуры, в жемчужном обрамлении оттиск овального резного камня с изображением безбородого мужского профиля вправо. Отпечатки резных камней, служившие, повидимому, как бы контромарками, вполне обычны на пальмирских тессерах; их изображения, по большей части, имеют чисто греческий характер и лишены каких бы то ни было местных особенностей.² Внизу, под ложем, едва различимые следы легенды.

2) Is 37. Прямоугольная тессера — 1.6×2.4 см.

а) Погрудное изображение безбородого мужчины *en face* с лучами вокруг головы — пальмирский бог солнца Малакбел (מלכבל — *Malachbelos*)³ или Ярхибел (ירחבול — *Irbelolos*), называемый также ш-м-ш (שמש — об огласовке см. ниже), в виде греческого Гелиоса (подобное же изображение с надписью: שמש см. Chabot, *op. cit.*, стр. 132, фиг. 7). Слева от изображения на уровне его груди — тонкий серп луны, под ним — маленький диск. Ниже изображения таблетка повреждена; однако, сравнивая ее с аналогичным экземпляром, изданным Mordtmann'ом (*Neue Beiträge zur Kunde Palmyras*, стр. 60, № 69 и табл.), мы видим, что здесь также находилось погрудное мужское изображение, во всем тождественное с описанным и лишь обращенное головою в противоположную сторону.

б) Трехстрочная легенда:

אנן בל ו	«Защити, Бел и
שמש ונבו	Ш-м-ш и Небү,
זכרובל	Забдибөла».

В комбинации букв: ונבו (2-я строка) бесспорен лишь первый ו ; дальнейшие буквы повреждены и восстанавливаются мною предположительно.

¹ См. напр. M. Lidzbarski, *Ephemeris* III, табл. V, фиг. 1а, табл. XII, фиг. 8а и 9а.

² М. Ростовцев, *op. cit.*, стр. 292.

³ Об этом солярном божестве пальмирцев — см. статью Preisendanz'a, «*Malachbelos*» у Pauly-Wissowa, а также F. Cumont, *Syria*, IX, 1928, стр. 101 сл.

а

б

Тесцера Is 36.

а

б

Тесцера Is 37.

а

б

Тесцера Is 39.

Повидимому, это место неясно также и на экземпляре Mordtmann'a, так как этот последний читает приведенную легенду следующим образом: $\text{ננן שמש זיבל זברבול}$ = «Beschütze, o unser Herr Sonne, den Zeibel Sohn des Zabdibul»; однако чтение זיבל ни в коей мере не подтверждается нашим экземпляром, где первый ז не внушает сомнений. Lidzbarski (Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, I, стр. 490) предлагает читать означенную комбинацию букв, как נני («сыновья»; см. Chabot, op. cit., стр. 136), однако в этом случае первый ז остается непрочтенным. J. Euting (Notulae epigraphicae, Florilegium ou recueil de travaux... dédiés à M. de Vogüé, стр. 239, читает: = נכבי «и богиня Наная». Ошибочное чтение Mordtmann'a: ננן Lidzbarski'm исправлено.

ננן понимается, обычно, как imperat. 'Aphel от $\sqrt{\text{ננן}}$. Слово שמש может быть огласовано двояко: 1) как Шамаш — если это заимствованное из Вавилона собственное имя солнечного божества, и 2) как Ш'меш — если это местное арамейское слово. Небū (огласовано согласно Lidzbarski, Ephemeris, II, стр. 313) — заимствованное из Вавилона божество планеты Меркурий.¹ Забдибл — «Дар, подарок Бела» — распространенное пальмирское мужское имя; греческая транскрипция Ζαβδιβωλος .

3) Is 38. Тессера в форме равностороннего треугольника (длина стороны 1.9 см).

а) Погрудное изображение человеческой фигуры. По краю — точечный ободок.

б) Посередине — круглый цветочный венчик (солнце?); по углам — три маленьких диска. По краю — точечный ободок.

4) Is 39. Прямоугольная тессера — 1.5×1.4 см.

а) Изображение двух женских фигур в длинных одеждах, совершающих курение на стоящей между ними курильнице; ср. Mordtmann, op. cit., стр. 52, № 40 и табл.

б) Изображение двух женских фигур, возлежащих на ложе.

¹ Следует отметить, что три названные планетарные божества не являются обычной пальмирской триадой, состоящей, как это было выяснено в самое недавнее время Fr. Simonet'ом на основании материалов из раскопок в Дуре-Европе, из верховного божества Бела, солнечного бога Ярхиббла и лунного бога 'Аглиббла (זיבליגל — Αγλιβωλος); божество Малакбел, также, несомненно, солярное, тождественно, повидимому, с Ярхибблом. На нашей тессере мы встречаем лишь имя главного божества — Бела, из остальных двух божеств триады здесь фигурирует лишь божество солнца, однако, не под именем пальмирского Ярхиббла, но вавилонского Шамаша. О пальмирской триаде — см. H. Seyrig, Antiquités syriennes (Paris, 1934), стр. 27 сл.

5) Is 40. Тессера в форме неправильной трапеции — 1.2×1.4 см.

а) Примитивно выполненное изображение двух, возлежащих на ложе, мужских фигур в modius'ах.

б) То же.

6) Is 41. Фрагмент тессеры из темносерой глины — 1×1.1 см.

а) Примитивно выполненная мужская фигура в modius'e, возлежащая на ложе.

б) Две мужские головы в modius'ах.

ФИЛИГРАНИ СИРИЙСКИХ РУКОПИСЕЙ

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

При работе над рукописями нельзя не останавливать своего внимания на материале, который служил для письма. Даже самое краткое описание рукописей требует указания на характер писчего материала.

Из всех его видов — папируса, пергамена, кожи, бумаги — последняя в наибольшей степени располагает отличительными свойствами, которые могут способствовать датировке рукописи. С конца XIX в. бумага стала предметом систематического изучения, хотя и до этого исследователи уделяли ей внимание. Говорить сейчас о палеографическом значении филиграней уже не приходится — вопрос решен классическими трудами в этой области. Можно только ставить задачу — вовлечь в сферу изучения новые группы рукописных источников, распространяя на них этот способ датирования, определения и последующих разысканий, связанных с бумагой, как памятником материальной культуры.

Изучение водяных знаков славянских и русских рукописей и печатных книг, трудами Тромонина и Лихачева, ввело их в общее русло исследований. Географические границы могут быть раздвинуты дальше и захватить страны Ближнего Востока.¹ Нет сомнения, что анализ бумаги восточных рукописей — арабских, персидских, турецких — может дать исключительно интересные и совершенно неожиданные результаты, как показали уже первые попытки на этом пути.²

Сирийские бумажные рукописи, с точки зрения анализа материала на котором они написаны, до настоящего времени никем не были рассмотрены. Крупнейшие исследователи, как Райт, Зотенберг, Захау, давшие

¹ Впервые о филигранях сирийских рукописей автор доложил в заседании Общества древней письменности 27 марта 1927 г.

² Рецензия в *Byzantinische Zeitschrift*, 1932, Bd. 32, p. 160, считает результаты исследования Бабингера, на которое делаю ссылки в дальнейшем, «неожиданными» — «überraschend».

описания европейских коллекций сирийских рукописей,¹ оставили без внимания изучение самого материала манускриптов и тем закрыли для себя возможность датировать целый ряд документов.

Исследование сирийской бумаги может быть интересно не только востоковеду. Оно дает новые материалы для специалиста, изучающего бумагу, дает возможность расширить исследование филиграней, получить новые образцы, включить новые государства и области в порядок общего изучения. Для историка появление той или иной бумаги на Ливане, или за Урмийским озером может свидетельствовать о торговых сношениях и путях, по которым шли товары. Наличие материала, происхождение которого можно точно определить, указывает на взаимодействие ориентального и европейского производства, на границы распространения той или иной продукции. Бумага является таким же памятником материальной культуры, как и всякий другой. Она имеет еще то преимущество, что водяной знак точно устанавливает связь, если не всегда с определенной фирмой, то во всяком случае с городом и страной, в которых данный ее сорт вырабатывался. Это делает выводы точными, бесспорными относительно торговых сношений, путей и пределов распространения этого товара, отмеченного маркой производства.

Возможность с помощью водяных знаков устанавливать дату рукописей для сирийских документов имеет исключительное значение. Характер почерков, их условная каллиграфичность, самый вид знаков застывает в неподвижности. На протяжении веков происходит стабилизация почерка, что создает слабые основания для датировки. Говорить о разработанной сирийской палеографии еще не приходится, тем больше внимания должно быть уделено тому способу датирования, который дается исследованием материала рукописи — анализом бумаги.

Производство бумаги в Средней Азии, как известно, связано с тем, что в 751 г., в Самарканде, среди китайских пленных находились мастера, знакомые с производством бумаги, за изготовление которой они здесь принялись. Хоразанская бумага стала вытеснять пергамен и папирус, торговля которыми замирает к X в. Исследованием Карабачека² установлено суще-

¹ Wright. Catalogue of the Syriac Manuscripts in the British Museum. Parts I, II, III, Oxford, 1870—1872; Wright. Catalogue of the Syriac Manuscripts preserved in the library of the University of Cambridge. Cambridge, 1901; Zotenberg. Catalogue des Manuscrits syriaques et sabéens de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1874; Sachau. Verzeichniss der syrischen Handschriften der K. Bibliothek zu Berlin. Bd. I—II, Berlin, 1899.

² Karabacek. Das arabische Papier. Mitteilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer, Bd. II—III, pp. 18—178.

ствование бумажных мельниц в раннем средневековье, как в самой Сирии — в Дамаске, так и в ближайшем соседстве с ней — в Багдаде, Тивериаде. Центрами производства бумаги оставались также Самарканд и арабский Триполис. Мабильон¹ доказал, что египетская бумага в IX и X вв. была распространена в Италии и во Франции.

Однако бумага восточного производства, проникая в Европу, не только уступает затем свои западные рынки итальянской и французской бумаге, но и у себя на Востоке слабо конкурирует с европейскими товарами. Западное производство подавляет и изгоняет местное, восточное. Это явление на основании изучения сирийских рукописей намечается и осуществляется в течение XVI в., чтобы длиться в последующие века до XIX включительно. Мусульманские страны Ближнего Востока начинают писать на бумаге с водяными знаками, изготовляемой в Италии и во Франции. Сирийцы не составили исключения, они употребляли также европейскую бумагу и не только монофизиты, жившие в областях, близких Средиземному морю, но и несториане — за Ефратом, у Урмийского озера. Бумаге, употреблявшейся в Турции в конце XVII в., было уделено внимание Бабингером, в связи с его работой над архивом боснийца Османа-паши.² Он указал на то, что предметом левантинской торговли в конце XVII в. была бумага, которую преимущественно вывозила Венеция в восточные гавани Средиземного моря.³ Константинополь не имел своих бумажных мельниц. Близ Сладких Вод находилась мастерская, в которой не выделялась, а лишь разглаживалась под прессом европейская бумага, чтобы сделать ее более годной для восточного письма.⁴

Исследование сирийских рукописей устанавливает появление европейской бумаги на Ближнем Востоке на два века раньше. В XVI в. там широко распространена не только итальянская бумага, но и товар, производившийся в южных провинциях Франции.

Немногочисленный, но ценный материал, который находится в Ленинграде, несмотря на отсутствие каких бы то ни было сведений о бумаге рукописей других сирийских собраний, дает возможность сделать некоторые

¹ Mabillon. *De re diplomatica*. Paris, 1681, t. I.

² Babinger. *Das Archiv des Bosniaken Osman Pascha*. Berlin, 1931.

³ Babinger. *Zur Geschichte der Papiererzeugung im Osmanischen Reiche*. Berlin, 1931, 9 S., — незначительно дополненная глава из его книги «*Das Archiv des Bosniaken Osman Pascha*». Любезно указанная мне Н. П. Лихачевым статья Babinger «*Papierhandel und Papierbereitung in der Levante*», *Wochenblatt für Papierfabrication*, 1931, № 52, pp. 1215—1217, представляет собою лишь сокращение предшествующей работы.

⁴ Babinger. *Zur Geschichte der Papiererzeugung im Osmanischen Reiche*. 1931, Berlin, p. 7.

выводы, в качестве всех для дальнейшего исследования. Последовательная проработка крупнейших сирийских собраний, таких, как собрания Британского музея, Национальной библиотеки, Берлинской государственной библиотеки, могла бы дать исчерпывающие результаты.

*

Вопрос об архаичных видах бумаги, в связи с материалом, на котором написаны сирийские рукописи, требует некоторого пересмотра. Термин бомбицина происходит от употребительного в средневековье выражения *charta bombycina*, которое должно обозначать бумагу, изготовленную из хлопка, в отличие от *pergamena charta* — пергамена. Несмотря на отчетливый, несомненный смысл выражения *charta bombycina*, оно широко применялось к простой тряпичной бумаге, благодаря чему самое существование бумаги из хлопка подвергалось сомнению.

В Болонье имеется надпись, сделанная на каменной плите. На ней указаны размеры различных сортов бумаги, вырабатывавшихся на фабрике, которой принадлежала эта плита. Текст написан на итальянском языке и не имеет даты. Этот памятник относят к XIII в., Брике считает его принадлежащим концу XIV в. В этой надписи бумаге вообще, не какому-либо особому ее сорту, дано название «*charte de babaxe*», то есть «*charte de bombaxe*». Брике удивляется, что в эпоху, когда всем было известно, что бумага не производится из хлопка (*coton*), а исключительно из льняной тряпки (*chiffon de toile*), сохранился этот термин. Он считает, что здесь под бумагой бомбициной подразумевается обыкновенная бумага.¹ Вывод этот правильный, термин «*charte de babaxe*» в эпиграфическом памятнике XIII—XIV вв. является анахронизмом; он отвечает итальянскому производству, но он указывает на связь с не столь отдаленным прошлым, когда действительно изготовлялась бумага из хлопка, бомбицина в собственном смысле слова. Сомневаться в существовании такой бумаги нельзя; некоторые образцы, найденные в Китае, доказывают, что она вырабатывалась из отбросов и частей хлопчато-бумажной пряжи.²

В Институте востоковедения Академии Наук СССР имеется несторианский лексикон, датированный по селевкидской эре 1554 годом, что соответствует 1243 году нашей эры (Инст. вост., основн. фонд, № 2).

¹ «Le papier bombycin est donc du papier ordinaire». Briquet. Les filigranes, t. I, pp. 3—4.

² Historische Zeitschrift, 1930, Bd. 142, H. 1, p. 95, рецензия на статью Lehmann-Haupt, в Festschrift zu Ehren Oswald Redlichs «Veröffentlichungen des Museum Ferdinandeum», 1928, H. 8.

Рукопись написана на толстой волокнистой бумаге, грубой, архаичной выделки. Она сильно расщепляется по краям, делаясь похожей на вату. Бумажная масса расположена в ней неравномерными слоями, хлопьями, которые дают на свет неровные светлые и темные пятна. Как вержеры, так и понтюзо отсутствуют. Более детальное исследование обнаружило, что материалом для ее изготовления послужили волокна хлопка.¹ В такой примитивной обработке этот материал имеет склонность расщепляться, распадаться, он оказывает слабое сопротивление изнашиванию и времени. Этим может объясняться то, что рукописи, написанные на бомбицине, так исключительно редки.

Рукопись — несторианская и следовательно происходит из областей, занятых сирийцами, на восток от Ефрата. Бумага, несомненно, восточного производства и, может быть, принадлежит к видам хоразанской бумаги. Области Средней Азии были богаты хлопковыми насаждениями, а выработка бумаги была известна Самарканду с VIII в., как было отмечено выше. Таким образом *charta bombycina*, которая вызвала столько споров и самое существование которой подвергалось сомнению, была употребительна у восточных сирийцев в XIII в.

От широкого применения термина бомбицины в настоящее время следует отказаться и не прилагать его ко всякой бумаге грубого и примитивного производства. От бумаги из хлопка следует отличать архаичные образцы тряпичной бумаги. Сиро-арабская псалтирь 1424 г. из селения Хардин на Ливане (Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Восточн. № 618) написана на неровной волокнистой бумаге желтоватого цвета. Она несколько глянцевиата, где глянец сошел, она шероховата. Немногие листы этой рукописи имеют быстро исчезающие вержеры, понтюзо совершенно отсутствуют. Такая бумага нередко встречается в восточных рукописях, особенно арабских.

Среди сирийских рукописей встречается также бумага, которая Брикке не была известна, и о которой впервые сообщил Н. П. Лихачев. Она представляет собою продукцию с плохо заметными вержерами и с понтюзо по два или по три в ряд.² На такого рода материале написано евангелие на арабском и сирийском языках в два параллельных столбца, датированное 22 января 1467 г. (Публ. библ., сирийская новая серия, № 26, f^o). Бумага

¹ Микроскопическое исследование отщепившихся волокон бомбицины было произведено консультантом Всесоюзного института растениеводства Т. В. Щепкиной, которой автор выражает свою признательность.

² Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. 1899, т. I, стр. XVIII.

толстая, глянцевитая, лоснящаяся от проклейки и тщательного сатинирования зубом.¹ Там, где нет глянца, она шероховата, в ней заметна неровность слоев массы, волокнистость, края имеют наклонность несколько расщепляться. В некоторых листах на свет видны разводы, неровные линии того вида, который отмечен у Брике на итальянской бумаге без филиграни.²

С напряжением могут быть отмечены нити, напоминающие вержеры. Понтюзо более отчетливы, они идут по два или по три рядом, вдоль листа.

Этот же тип бумаги послужил для рукописи 1490 г., содержащей комментарий Ишодада Мервского (Публ. библиот., вост., № 622, f^o). Материал несколько тоньше, чем в рукописи 1467 г. Вержеры намечаются в ней с трудом и пропадают на недалеком расстоянии. Понтюзо отчетливы, они идут по два рядом вдоль листа; на лист приходится три таких ряда, следовательно шесть понтюзо на один лист и двенадцать на разогнутый лист. Размер целого листа 27 × 36 см. Некоторые листы имеют по три понтюзо рядом. Бумага несколько глянцевита (рис. 1).³

Образцы этого типа встречались Лихачеву в греческих рукописях до 1416 г. Отсутствие образцов такой бумаги на Западе, о чем свидетельствует то обстоятельство, что Брике ее не встречал, заставило Н. П. Лихачева предположить, что эта бумага «византийского происхождения».⁴ В Сирии этот вид продукции встречается до конца XV в., последняя дата 1490 г., следовательно, ее отделяют три четверти столетия от последней греческой рукописи, написанной на такого рода материале. Даже если считать, что распространение этой архаичной бумаги простиралось до середины XV в., и то дата 1490 г. поздняя.

Не свидетельствует ли она о том, что центр производства такой бумаги следует искать где-то на сиро-арабском Востоке, где этот тип бумаги был в употреблении и откуда был позже всего вытеснен образцами европейской продукции.

Широкое распространение итальянской бумаги, которую вывозили и на Восток, в средиземноморские гавани — общеизвестно. Ряд сирийских рукописей написан на бумаге с водяными знаками, итальянское происхождение которых не вызывает сомнения.

¹ Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. 1899, I, стр. XV.

² Briquet. Les filigranes. 1923, t. I, pl. A, № 3.

³ По техническим соображениям изображения филигрanei уменьшены в два раза против натуральной величины, за исключением фиг. 7.

⁴ Лихачев. Палеографическое значение водяных знаков. 1899, I, стр. XIV, XIX.

Все типы филигрании *якоря с кольцом*, заключенного в круг (англ. dans un cercle), итальянского происхождения. Одна из ее разновидностей является венецианской филигранью, в ней лапы якоря сделаны одной чертой, а над кругом находится угловатый трилистник. Этот водяной знак встречается в итальянских документах 1591—1593 гг. и в 1595 г., у Брике его сопровождает монограмма с трилистником.¹ Филигрань с соответствующей монограммой находится на бумаге рукописи несторианского Евангелия, написанного в селении Кусраба, области Салмаст у Урмийского озера, в 1600 г. (Инст. вост., основн. фонд, № 1). Якорь в круге с трилистником находится в середине листов рукописи 1596 г., написанной в селении Мавана области Таргевар, близ Урмийского озера (Публ. библ., новая серия, № 25). Контрамарки в виде монограммы с трилистником обнаружить в ней не удалось. В рукописи малого формата, в 8-ю долю листа, без начала и конца и, следовательно, без даты, содержащей духовные стихотворения Камиса бар Кардахи (Публ. библ., БШ № 5), находится разновидность того же знака. Одной чертой сделан якорь с кольцом в круге, над которым в одном случае шестиконечная звезда, в другом — крестообразная фигура. Лихачев отметил знаки этого вида в греческой рукописи 1578 г. (№ 624), на листе, относимом к XVI в. (№ 808), в славянской печатной книге 1561 г. (№ 3426). Брике считает их венецианскими филигранями, которые встречаются от 1563—1583 гг., а некоторые варианты (№ 565), повторяются в 1601 г. и даже в 1611 г. Таким образом с помощью водяного знака, принадлежащего фирмам Венеции, можно датировать нашу сирийскую рукопись со стихами Камиса бар Кардахи концом XVI в., что вполне отвечает ее палеографическим свойствам.

Одна из рукописей Института востоковедения (Диттрих, № 1) написана на бумаге нескольких сортов и имеет три разных филигрании. Дата в ней отсутствует, написана она каллиграфически и имеет ряд рисунков, вклеенных в нее. В числе филиграний этой рукописи имеется якорь, вписанный в круг, представленный двумя разновидностями: с трилистником над кругом и с шестиконечной звездой, как в двух предыдущих рукописях.

Рис. 1. Понтюзо и вержеры, ff. 90, 89 рукописи 1490 г.

¹ Briquet. Les filigranes. 1923, I, №№ 568, 569, 570.

Корона — знак, распространенный в различных вариантах во всех европейских фирмах; некоторые ее виды итальянского происхождения. Для короны со звездой Брике дает период от 1526—1576 гг., причем наиболее часто эта филигрань встречается в 50-х и 60-х годах XVI в.¹ Лихачев знает этот знак с шестиконечной звездой над короной по итальянскому документу 1577 г., где над короной находится звезда на длинной черте.² Сирийские рукописи имеют разновидность этого знака в виде короны со звездой, над верхним лучом которой находится полумесяц. Знак известен по румынскому документу 1596 г., описанному румынским ученым Хашдеу (Haşdeu), и воспроизведен у Лихачева.³

Рис. 2. Филигрань и монограмма антиохийского документа 1649 г.

Подобный знак имеется и в ряде документов, принадлежащих архиву Османа-паши, конца XVII в.⁴ Филигрань сирийской рукописи (Инст. вост., Диттрих, № 1) повторяет рисунок короны (с трилистной центральной частью, звездой и полумесяцем), который имеется в румынской рукописи. Один из листов сирийского фолианта содержит не только этот знак, но и монограмму в виде черты с трилистником, которая разделяет латинские буквы А и В. В датированной сирийской рукописи, предшествующей румынской, находится вариант этого же знака короны. Она написана в селении Кусраба, области Салмаст, около Урмийского озера, в 1588 г. (Публ. библ., Б. II, № 56). Рукопись в 4^о, переплетена и неудобно разрезана, так что целиком перевести филигрань трудно.

Две сирийские рукописи XVII в. повторяют этот же знак короны, только рисунок ее более сложный, причудливый, чем тот, который представлен веком раньше в румынском документе. Одна из этих рукописей написана в упомянутой Кусрабе, около Урмийского озера, в 1672—1677 гг. В рукописи дата повторена дважды и расходится в единицах (Публ. библ., Б. III, № 3, 8^о). Другая датирована 1678 годом и происходит из селения Мавана области Таргевар (Публ. библ., Б. I, № 14). Филигранные этих

¹ Briquet. Les filigranes. t. II, №№ 4832—4836, 4854; последний относится к 1564 г.

² Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, т. II, стр. 226; т. III, знак № 3639.

³ Лихачев. Бумага и древние бумажные мельницы. № 752.

⁴ Babinger. Zur Geschichte der Papierzeugung im Osmanischen Reiche. Berlin, 1931, p. 6. = Das Archiv des Bosniaken Osman Pascha, p. 30.

рукописей тождественны с отмеченными Бабингером в документах XVII в.¹

Этот же водяной знак имеется в антиохийском документе 1649 г., написанном на итальянском языке, но с сирийским автографом маронитского патриарха (Институт книги, документа и письма Академии Наук СССР). Он соответствует форме короны, отмеченной Бабингером в документе № LXX,² но наша рукопись имеет еще контрамарку фабриканта в углу листа (рис. 2). Знак короны со звездой и полумесяцем следует считать разновидностью венецианских филигранных, причем полумесяц, как специфически мусульманский символ, предназначался для бумаги, которую вывозили на Ближний Восток.

Рис. 3. Кувшинчик, f. 156 рукописи к. XVI в.

Третья филигрань той же рукописи Института Востоковедения (Диттрих, № 1) французского происхождения. Это — *кувшинчик* с широкой крышкой и двумя ручками (рис. 3), одна из разновидностей всякого рода кувшинчиков, которые были широко распространенной филигранью. Кувшинчик сирийской рукописи ближе всего к форме, данной у Брике за № 12869, но там он заключен между частями имени фабриканта, чего здесь нет. Это, конечно, большое различие. Другие кувшинчики, которые не имеют побочных знаков, не соответствуют форме, которая имеется в нашей рукописи. Образец, приводимый Брике, относится к филиграммам юга Франции; взят из документа, писанного в Провансе, в 1596 г. (№ 12869).

Приведенные филигранные могут помочь в датировке упомянутой сирийской рукописи (Инст. вост., Диттрих, № 1), в которой встречаются филигранные трех видов.

1) Наибольшее число листов имеет якорь, вписанный в круг, с трилистником или звездой над кругом; этот знак, как сказано, встречается в 1563—1601 гг. и отмечен в сирийской рукописи 1596 г.

2) Корона с шестиконечной звездой и полумесяцем типа румынской рукописи 1596 г.

3) Кувшинчик с широкой крышкой — форма наиболее близкая образцам юга Франции, встречается в документе, писанном в Провансе в 1596 г.

Поражает это указание на 1596 г. Во всяком случае, эта рукопись может быть с уверенностью датирована концом, вернее всего 90-ми годами XVI в. По палеографическим соображениям эта дата не вызывает сомнения.

¹ Там же, страницы те же.

² Babinger. Papiererzeugung, p. 6, № LXX. Das Archiv, p. 30, № LXX.

Таким образом можно на опыте убедиться, что метод датирования с помощью водяных знаков вполне применим и к восточным рукописям.

Продолжая наш перечень филигранных, отметим, что письмо антиохийского патриарха маронитов от 1561 г. написано на бумаге с изображением *геральдической лилии в двойном круге* (Институт истории Акад. Наук). Этот знак имеется у Лихачева на бумаге письма Пия IV от 8 сентября 1562 г. (№ 3055), его повторил Брике (№ 7109). Происхождение знака итальянское.

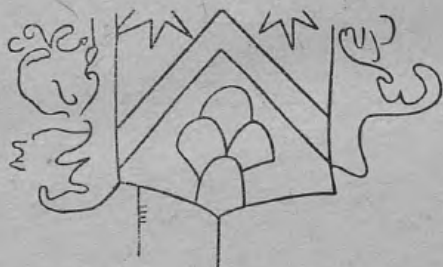

Рис. 4. Герб Bausset, f. 90 рукописи 1588 г. из Кусрабы.

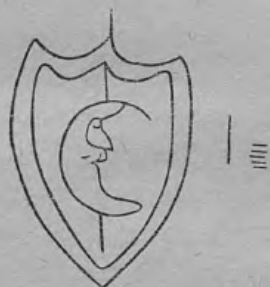

Рис. 5. Фигурный полумесяц на щите, рукопись XVI в.

Необходимо обратить внимание на то, что в Малую Азию и за Ефрат попадала не только итальянская, главным образом венецианская, но и французская бумага. Об этом свидетельствует не только филигрань с кувшинчиком, но и другие данные. В уже упомянутой рукописи 1588 г., переписанной в Кусрабе (Публ. Библ., Б. II, № 56), кроме короны имеется другая филигрань. Для густого, толстого письма сирийцев требуется плотная бумага, поэтому многие листы этой рукописи представляют собою кустарным образом склеенную вдвойне бумагу. Филигранные и понтюзо находят друг на друга и мешают их разглядеть. По счастливой случайности один из листов оказался расклеенным и это позволило перевести его филигрань. Она представляет собою *герб*, составные части которого по французской терминологии называются *rochers*, *chevron*, *deux étoiles*. Герб принадлежит французским фамилиям Bausset (Provence), Fontanieu (Île de France) и Monteruc.¹ Изображение его находится у Rietstap под фамилией Bausset.² Итак французский герб в виде филигранны встречается в сирийской рукописи, писанной в 1588 г. за Урмийским озером. В изданном материале подобной филигранны найти не удалось, это новый водяной знак (рис. 4).

¹ Renesse. Dictionnaire des figures héraldiques. 1902, t. VI, p. 608.

² Rietstap. Armorial général. Paris, 1903, t. I, pl. CXLVI.

Водяной знак сирийской рукописи, лишенной даты (Институт востоковедения, Диттриха), представляет собою *фигурный полумесяц на щите*. Полумесяц с человеческим профилем—филигрань не редкая: Брике дал целый ряд образцов (№№ 5327—5338), но ни один не имеет щита, как знак нашей рукописи (рис. 5). Филигрانی у Брике относятся к XVI в. Они появляются на севере Франции, а затем становятся марками западных французских фабрик.

В сирийских рукописях неоднократно повторяется знак в виде *трех полумесяцев*, следующих друг за другом. Вид знака варьирует даже в пределах одной и той же рукописи. То эти полумесяцы широкие, большие, то совсем тонкие; иногда они одинакового размера, чаще последовательно уменьшаются. Этот знак был широко распространен. Брике сообщает относительно него следующее:

Рис. 6. Три полумесяца.

«В течение всего XVII и XVIII вв. имеется большое количество бумаги с филигранью трех полумесяцев, расположенных друг за другом горизонтально, последовательно уменьшаясь. Большинство из них сопровождают венецианские контрамарки. Эта бумага была известна под названием *Trelune* и специально изготовлялась для Леванта.¹ Знак в виде одного *полумесяца со звездой* и подобные широко распространены (Брике, №№ 5209—5210 и др.). Три полумесяца были отмечены и Тромониным в рукописи, относящейся к 1780 г.² Они имеются в румынской рукописи 1604 г., описанной Хашдеу, и зафиксированы у Лихачева.³ В архиве Османа-аши филигрань *tre mondi* встречается в рукописи 1678 г. и в документе без даты, принадлежащем к числу тех, которые связаны, как и предшествующий, с временем, когда Осман-паша жил в Сирии. Третья рукопись этого же архива, датированная 1678 г.,⁴ имеет знак трех полумесяцев и контрамарку.⁵

Ряд сирийских рукописей имеет филигрань в виде трех полумесяцев — рукопись 1801 г. из селения Каргелава Урмийской области (Публ. библ., Б. II, № 54,4⁰), рукопись монастыря Зафран 1805 г. (Публ. библ., Б. I, № 9,4⁰), рукопись 1894 г. из селения Телль-Кепе (Инст. Вост., Диттрих, № 7). Маленькая, в 16-ю долю листа рукопись, написанная в селении Геса

¹ Briquet. Les filigranes. 1923, t. II, p. 315.

² Тромонин. Знаки писчей бумаги. Москва, 1844, № 556 и стр. 15.

³ Лихачев. Бумага и древние бумажные мельницы, № 759.

⁴ Babinger. Das Archiv des Bosniaken Osman Pascha. № LIX, p. 53.

⁵ Там же, p. 53, № LIX, p. 30, или Papiererzeugung, № LIX, p. 6.

Урмийской области в 1794 г., имеет тот же знак. Бумага мелко разрезана и уловить знак можно только по частям. Таким образом филигрань *tre lune* встречается в период времени от начала XVII в. (румынская рукопись) и до конца XIX в. (сирийская рукопись Телль-Кепе). Простота рисунка давала возможность разнообразить его без труда, поэтому полумесяцы не имеют установившейся формы, они изменяются. Так, в написанной в селении Геса ру-

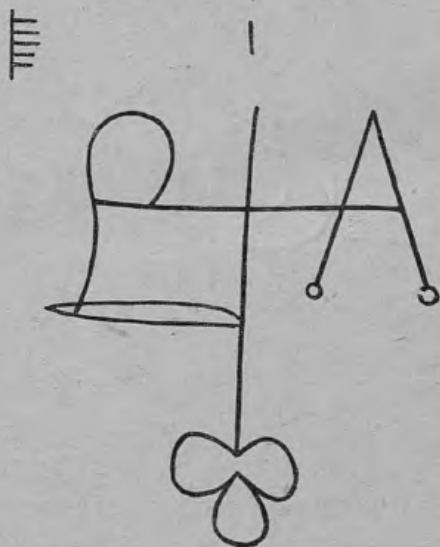

Рис. 7. Контрамарка филигранный трех полумесяцев в рукописи без даты.

кописи (Инст. вост., Диттрих, № 2), в которой злостно вырезана дата писания, находятся несколько различных форм филигранный трех полумесяцев. Существенным обстоятельством является то, что в ряде случаев имеются контрамарки, монограммы, которые дополняют ее. Так в рукописи Института востоковедения (основн. фонд, № 3), которая не имеет ни начала, ни конца, один из листов сохранил как филигрань, так и контрамарку. Последняя представляет собою черту с трилистником, разделяющую буквы латинского алфавита Р и А, грубо сделанные (рис. 7). Такой тип монограммы встречался в рукописи конца XVI в., с буквами А В (Инст. вост., Диттрих,

№ 1). Буквы с трилистником были отмечены Хашдеу в румынской рукописи 1631 г., но он небольшой, невыразительный.¹ В сирийской, датированной 1818 г., рукописи, переписанной в Дербенте (Урмия), этот же знак четче, крупнее (Публ. библиот., Б. II, № 55). Концы буквы А получают кружки как и черта трилистника, где кружок иногда заменяет стрелочка (рис. 8). Подобная монограмма находится в сирийской рукописи Института востоковедения (Диттрих, № 4), где черта с трилистником разделяет А и З (рис. 9). В незаконченном рисунке она известна в румынском документе 1596 г. по Хашдеу.² Упомянутая сирийская рукопись сохранила только часть своей даты, так как ее последний лист приклеен к доске переплета. То, что удастся прочесть, соответствует 2000, следовательно, счисление, как обычно, соответствует селевкидской эре; далее следует начало слова *tlat*, что значит

¹ У Лихачева «Бумага и древние бумажные мельницы», № 756, этот знак неправильно зарисован, но это несомненно та же монограмма.

² Лихачев. Там же, № 758.

три. В зависимости от окончания слова, которое заклеено, оно может быть и 3, и 30, и 300. Предположить 300 невозможно, так как получился бы 2000 год н. э., следовательно, это или 30-е годы или 3-й год, что дает конец XVII или начало XVIII в. нашей эры.

Таким образом, монограмма с трилистником, встречающаяся в конце XVI в. в румынском документе, сопровождается три полумесяца и в сирийских рукописях XVII и начала XVIII вв. В несколько видоизмененном виде она отмечена на бумаге документа из архива Османа-паши последней четверти XVII в.¹

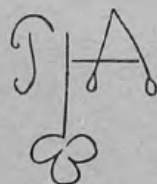

Рис. 8. Монограмма рукописи 1818 г. из Дербента.

Необходимо отметить, что в рукописи 1801 г. из селения Каргелава Урмийской области находятся две группы монограмм, сделанных крупными буквами, двойной линией. Имеются латинские буквы BA и GFA (Публ. библ., Б. II, № 54). Последняя монограмма была отмечена еще Тромониным на печатном астампе 1780, где она является контрамаркой филиграня крылатого дракона.²

Рукопись без даты из селения Геса Урмийской области имеет буквы F C (Инст. вост., Диттрих, № 2). Обе сирийские рукописи, как было указано выше, имеют также филигрань из трех полумесяцев. Очевидно, бумагу *tre lune* выпускало несколько фирм, которые сопровождали этот знак собственной контрамаркой. Монограммы менялись в зависимости от владельца фирмы, а основной знак наиболее ходкого и хорошо известного на Востоке товара оставляли без изменения, чтобы этим путем обеспечить себе его сбыт.

Рис. 9. Монограмма рукописи конца XVII—начала XVIII в.

Грубый характер выделки бумаги с тремя полумесяцами в рукописи из Телль-Кефе 1894 г. (Инст. вост., № 3, f^o) следует отнести за счет местного восточного подражания западным образцам. Хотя продажа европейской бумаги велась широко, но с XVIII в. в Турции были сделаны попытки начать свое производство бумаги.² Такая местная, изготовленная на Востоке, бумага послужила материалом и для сирийской рукописи из Телль-Кефе.

*

Для того чтобы облегчить пользование результатами настоящего исследования, прилагаю перечень упоминавшихся выше датированных

¹ Babinger. Das Archiv № LIX, pp. 30, 53, или Papiererzeugung, № LIX, p. 6.

² Тромонин. Знаки писчей бумаги. М., 1844, № 720.

сирийских рукописей с указанием филиграней бумаги, на которой они написаны.

1. Лекционарий 1243 г. (Инст. вост., Основн. фонд, № 2) — бомбицина, бумага из хлопка.

2. Псалтирь 1424 г. из с. Хардин на Ливане (Публ. библ., восточн., № 618) — сплошная бумажная масса, некоторые листы с едва заметными вержерами.

3. Евангелие 1467 г. (Публ. библ., новая серия, № 26) — бумага с вержерами и понтюзо по два или три в ряд.

4. Комментарий Ишодада Мервского 1490 г. (Публ. библ. восточн., № 622) — тот же вид бумаги.

5. Евангелие 1596 г. из с. Мавана, области Таргевар, близ Урмийского озера (Публ. библ., новая серия, № 25) — филигрань якорь с кольцом в круге.

6. Евангелиарий 1600 г. из с. Кусраба области Салмаст у Урмийского озера (Инст. вост., основн. фонд, № 1) — филигрань якорь с кольцом в круге и контрамаркой в виде монограммы с трилистником.

7. Чин несторианского погребения 1588 г. из того же селения Кусраба (Публ. библ., Б. II, № 56) — филигрانی 1) корона со звездой и полумесяцами и 2) герб французской фамилии Bausset.

8. Чин венчания 1672—1677 гг. из с. Кусраба (Публ. библ., Б. III, № 3) — филигрань корона со звездой и полумесяцем.

9. Евангелиарий 1678 г. из с. Мавана, области Таргевар (Публ. библ., Б. I, № 14) — филигрань корона со звездой и полумесяцами и контрамаркой в виде монограммы с трилистником.

10. Документ 1649 г. из Антиохии (Институт книги, документа и письма) — тот же знак с другой контрамаркой.

11. Документ 1561 г. из Антиохии (Институт книги, документа и письма) — филигрань геральдическая лилия в двойном круге.

12. Песнопения 1794 г. из с. Геса Урмийской области (Публ. библ., Б. III, № 1) — филигрань три полумесяца.

13. Иерейская книга 1801 г. из с. Каргелава Урмийской области (Публ. библ., Б. II, № 54) — три полумесяца и монограммы ВА и GFA.

14. Сборник анафор 1805 г. монастырь Зафран близ города Мардин, области Тур Абдин (Публ. библ., Б. I, № 9) — три полумесяца.

15. Песнопения 1818 г. из г. Дербента Урмийской области (Публ. библ., Б. II, № 55) — контрамарка трилистник с монограммой.

16. Происхождение праздников, рукопись 1894 г. из селения Телль-Кепе (Инст. вост., Диттрих, № 7) — филигрань три полумесяца.

Список недатированных рукописей

1. Евангелиарий (Инст. Вост., Диттрих, № 1) — филигрань 1) кувшинчик, 2) якорь в круге, 3) корона со звездой и полумесяцем.
2. Стихи Камиса бар Кардахи (Публ. библ., Б. III, № 5) — якорь в круге с шестиконечной звездой или крестообразной фигурой.
3. Астрономическое яковитское сочинение (Инст. вост., Диттриха) — фигурный полумесяц на щите.
4. Песнопения Варды (Инст. вост., основн. ф., № 3) — три полумесяца и контрамарка.
5. Богослужебная книга XVII—XVIII вв. (Инст. вост., Диттрих, № 4) — монограмма с трилистником и буквами А З.
6. Литургия мелкитская из Синайского монастыря (ИКДП) — бумага без знаков, восточного производства.

*

В результате работы над бумагой приведенных выше сирийских рукописей могут быть намечены некоторые выводы.

В XIII в. встречаются сирийские рукописи, написанные на бумаге из хлопка — бомбицине.

В XV в. в употреблении у сирийцев может быть отмечена тряпичная бумага, которая в своем первоначальном виде не имеет ни вержер, ни понтюзо; при дальнейшей выработке в ней могут быть слабо намечены вержеры, а понтюзо идут по два или по три рядом. Происхождение этой бумаги до настоящего времени точно не установлено. Отсутствие ее на Западе, наличие в греческих рукописях и позднее, длительное распространение в сирийских манускриптах дает повод предполагать центр ее производства на сиро-арабском Востоке. Она встречается в Сирии больше чем на столетие позднее, чем у греков, и представлена несколькими образцами даже в немногочисленных сирийских коллекциях Ленинграда. Предположение может быть подтверждено существованием центров арабского производства бумаги — в Мекке, Багдаде, Басре, Куфе, Сидоне, Бейруте, Дамаске, Смирне, Александрии.¹ Из них Багдад, Басра, Дамаск находятся в самой близкой связи с сирийской культурой.

В XVI в. у сирийцев становится широко употребительной европейская бумага — итальянская и южно-французская. Ведущая роль в торговле

¹ Rudel. Die Schriftmittel und Schreiber des Orients alter und neuer Zeit. Österreichische Monatsschrift für den Orient, 1880, №№ 5, 6.

с Левантом принадлежала Венеции, бумага была одним из предметов ее торговли. Фабрики Италии изготовляли товар, специально пригодный для восточного письма, толстую бумагу, которая, впрочем, иногда подвергалась еще добавочному разглаживанию под прессом.¹ Водяные знаки этих сортов имели специально мусульманскую символику (три полумесяца, фигурный полумесяц, корону со звездой и полумесяцем), которая обеспечивала предпринчивым европейским купцам сбыт их продукции «верным». Проникает на Ближний Восток и европейская бумага с обычными водяными знаками, как якорь, геральдическая лилия, кувшинчик. Товар идет не только из Италии. Филигрань Французского происхождения (в частности, из южных провинций — Прованс), которые имеются в сирийских рукописях, говорят о деятельном участии Франции в торговле с Левантом. Товарообмен происходил в приморских гаванях Средиземноморья, проникая оттуда вглубь Оттоманских провинций. Европейскую бумагу употребляют также народности, находившиеся в государственной и экономической зависимости от Турции, как сирийцы и румыны. Широкое потребление ее на Ближнем Востоке несомненно в период от XVI до XIX вв. Академиком И. Ю. Крачковским было указано, что приведенные мною для сирийских рукописей водяные знаки, встречались ему в арабских рукописях.

Отчасти, однако, Восток сохранил собственное производство бумаги. Она вырабатывалась без водяных знаков, достаточной плотности и прекрасного качества. Этот материал встречается в сирийских рукописях, например, в написанной на свитке мелкитским почерком литургии, привезенной «из подвалов Синайского монастыря» (Институт книги, документа и письма). Она постоянно является материалом арабских рукописей и центр ее производства можно предполагать в Египте. У сирийцев за Ефратом, у Урмийского озера была более употребительна европейская бумага, производству которой в конце XIX в. начали подражать на Востоке.

Эти выводы, как и вообще изучение истории восточной бумаги, нуждаются, без сомнения, в дальнейшем обосновании, в накоплении конкретных наблюдений и новых фактов. Настоящая работа только посильный вклад в дело изучения сирийской палеографии.

Ленинград
9 I 1935 г.

¹ Babinger. Papiererzeugung, p. 5.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	III
I	
А. И. Рифтин. К происхождению вавилонского частно-правового акта (с резюме на англ. яз.)	3
А. И. Рифтин. Процесс о свадебном подарке времени Samsuiluna из Sippar'a (с 2 рис. и резюме на англ. яз.)	11
В. В. Струве. Хронология Манефона и периоды Сотиса (с резюме на немецк. яз.)	19
С. Я. Лурье. Древнейшие аттические надписи (с 1 рис. и резюме на немецк. яз.)	67
Н. П. Тихонов. Реставрация вавилонских клинописных таблечек (с 6 табл. и резюме на англ. яз.)	95
II	
О. А. Добиаш-Рождественская. Ранний фриульский минускул и одна из проблем жизни и творчества лангобардского историка VIII в. (с 4 табл. и резюме на франц. яз.)	109
С. А. Аннинский. Диплом Оттона I в коллекции Академии Наук СССР (с 1 табл. и изложением на лат. яз.)	141
С. А. Аннинский. Императорский диплом IX века в собрании Академии Наук СССР (с 1 табл. и резюме на итальянск. яз.)	161
А. Ф. Вишнякова. Из истории греческой письменности (с 2 рис. и резюме на франц. яз.)	171
III	
Н. П. Бауер. Денежный счет Русской Правды (с резюме на немецк. яз.)	183
А. С. Орлов. Материалы для библиографии русских печатей (XI—XV вв., до 1425 г.)	245
С. Н. Валк. Начальная история древнерусского частного акта (с резюме на франц. яз.)	285
Б. М. Кочаков. Русский законодательный документ XIX—нач. XX веков (с резюме на франц. яз.)	319
М. И. Ахун. Обзор русской исторической библиографии (с резюме на франц. яз.)	373
IV	
В. А. Крачковская. Арабская надпись 486 г. хиджры из Палестины (с 1 табл.)	401
А. Я. Борисов. Пальмирские тессеры Института истории Академии Наук СССР (с 1 табл.)	415
Н. В. Пигулевская. Филигранные сирийские рукописи.	419